

ОЛЕГ СИДЕЛЬНИКОВ

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

ОЛЕГ СИДЕЛЬНИКОВ

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

Роман-памфлет

*(В четырех повестях, отчасти
сатирический и детективный,
с авторскими комментариями
и неоконченным эпилогом).*

Ташкент
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1989

P2
С34

Сидельников, Олег.

Ограбление Века: Роман-памфлет: (В четырех повестях, отчасти сатирический и детективный, с авт. коммент. и неоконченным эпилогом). — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1989. — 592 с.

«Роман, отчасти сатирический и детективный, из четырех повестей, с авторскими раздумьями и неоконченным эпилогом», — так несколько необычно обозначает Олег Сидельников жанр своей новой книги «Ограбление Века». В этом многоплановом остро сюжетном произведении, представляющем собою сплав жанров, подвергаются сатирическому разоблачению оголтелые стяжатели, пробравшиеся на высокие посты и долгое время творившие произвол и беззаконие.

Позорный конец этих перерожденцев неизбежен, здоровые силы нашего общества выметают их на свалку истории. Революционное обновление жизни продолжается.

P2

С $\frac{4702010201-100}{M352(04)-89}$ 49—89

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1989 г.

ISBN 5—635—00266—8

«...ПРАВДУ, ОДНУ ЛИШЬ ПРАВДУ,
НИЧЕГО, КРОМЕ ПРАВДЫ».

(Формула клятвы)

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

Жизнь и смерть Григория Фомича

ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА УЛИЦЕ КАНТА

По правде сказать, в списках улиц, площадей, проспектов, переулков, проездов и тупиков областного города Байрамкента улица Канта и по сей день не значится. Исстари она, улица эта, носила название — Канд кучасы, то есть Сахарная улица. По преданию в ней некогда проживали мастера по изготовлению канда, — местного сахара, о коем знатоки-гурманы говорили: «Половина — сахар, половина — мед!»

Лет эдак тридцать с лихвой тому назад управление благоустройства Горисполкома, под предлогом претворения в жизнь знаменитого Декрета «О монументальной пропаганде», получило немалую сумму на украшение города пешими и конными памятниками разным великим и не очень великим людям. Однако до возведения монументов дело не дошло, поскольку даже немалая сумма, полученная благоустроителями, могла вдохновить на высокое творчество всего лишь двух-трех скульпторов. Да и бронза в те времена (как, впрочем, и ныне) была отчаянным дефицитом.

Благоустроители приуныли. Но тут вдруг обнаружился веселый дяденька неопределенного возраста, прибывший то ли из Нижнего Тагила, то ли из мест заключения, и, прельстительно улыбаясь, представился художником-организатором. И он пояснил, что немалая сумма, отпущенная на монументальную пропаганду, его вдохновила. Он, однако, убежден, что не такое сейчас (тридцать с гаком лет тому назад!) время, чтобы разбрасывать деньги по пустыкам. Не монументы нужны городу, а единообразные таблички с названиями улиц, площадей и так далее. У него, художника-организатора, имеются творческие контакты с одним сибирским заводом, изготовляющим эмалированную посуду. Ежели благоустроителям угодно, он обязуется обеспечить город высокохудожественными эмалированными таблич-

ками, отчего улицы сразу же приобретут нарядный праздничный вид.

Предложение пришлось по сердцу тогдашним отцам города. Предприимчивый гастролер сноровисто основал художатель «Красный Фидий», и в каких-то три месяца уличные таблички были изготовлены. Вот тогда-то и была допущена ошибка: второпях художник-организатор, давая задание одному из своих наймитов, написал на бумажке вместо «Канд кучасы» — «Кант кучасы», поскольку о существовании местного названия сахара и слыхом не слыхал, а про Канта кое-что ведал, а именно: жил в старину в городе Кёнигсберге (ныне — Калининград) философ Кант, сочинял мудреные книги и отличался изумительной педантичностью, — так что, когда он выходил из дому на прогулку, жители города «проверяли часы по Канту».

Так появилась в Байрамкенте «незаконная» улица Канта. Жители ее не выражали протестов, поскольку понимали, что, во-первых, ошибка произошла не по злему умыслу, а во-вторых, как они слышали (а кое-кто и читал!), — хотя философ Кант и был идеалистом, все же он человек знаменитый и заслуженный.

И на этой улице Канта (Кант кучасы) проживал на покое пожилой уже человек, Григорий Фомич Гроднич.

«Проживал на покое» — дань литературному штампу. В действительности же никакого покоя у Григория Фомича не было, даже после его ухода на пенсию. «Покой нам только снится!» — сказал поэт. Однако пенсионеру Гродничу не было покоя и во сне. Днем он, как принято нынче писать и говорить, «прокручивал» в памяти свою жизнь с отроческих лет, пытался утешить себя сознанием того, что жизнь прожита честно, в многолетних трудах, отмеченных тремя орденами «Знак Почета» и многочисленными Почетными и просто грамотами, а также начальственными «раздраконами» — устными и в приказах.

Ночью же Григория Фомича мучили кошмары. Почти еженощно являлся ему человек, занявший его, Гроднича, место, и говорил гнусные, пакостные слова.

— Ну? — вопрошал мучитель, оскалив в издевательской улыбке великолепные зубы. (Только клыки несколько выдавались из ряда образцовых, ровнехоньких зубов, и потому улыбка напоминала волчий оскал). — Ну, что скажете хорошенького, идеалист с партбилетом

в кармане?.. Хорошо быть честным и неподкупным? Григорий Фомич хочет ответить, но язык его словно одеревенел, вместо слов изо рта вырывается какое-то мычание.

А ночной гость, гримасничая и подмигивая, продолжает.

— Бедненький! Язык уже не слушается. А все — честности! Вас даже пристойно похоронить никак не возможно. Хоронить полагается во всем новом: черный костюм строгого английского покроя, черные полуботинки... А вы, извините, — голодранец.

— Бу-бу-бу... — тяжело ворочает фанерным языком Гроднич.

— Не утруждайте себя, бывший патрон. Я знаю, что вы хотите сказать. Мол, беден, но честен. Не воровал, не занимался очковтирательством — и потому сплю спокойно. Ха-ха... Где же спокойно? Я... Я вам ни днем ни ночью покоя не даю. Это уж точно, хе-хек-с!

— Бу-бу...

— Наладил свое бу-бу-бу! Уже и неинтересно, знаете ли. Что у вас за жилище? Две комнатки, давно вопиющие о капитальном ремонте, который вы уже никогда не сделаете по причине денежной несостоятельности. А мебель?.. Это же черт знает что за мебель!.. Прадедушкин буфет, изъеденный временем и червоточинной, допотопные венские стулья, стол самодельный... Да! Еще кровать с никелированными шишечками на спинках и с «варшавской» сеткой. Кровать, что и говорить, — загляденье, мечта обывателя времен царя Николая Кровавого!.. А на жену вашу больно смотреть. До чего довели! Ей, если не ошибаюсь, недавно исполнилось шестьдесят пять лет, а выглядит на все семьдесят, прямо-таки ваша ровесница.

— Бу-бу...

— Нет-нет, — продолжал глумиться ночной визитер, — о вас лично я ничего не скажу. Я имею в виду внешний вид. Вам ведь через месяц семьдесят грянет, а смотрите вы еще ого-го как престижно!.. Просто удивительно, как это вы так сохранились, перенеся столько передряг, что другому и не снилось! А поди ж ты, вид, как у английского лорда, владеющего целым графством. Ни намек на лысину, глаза не утратили юношеского блеска, нос породистый, с горбинкой... Эх, приодеть бы вас! И тогда хоть сейчас же под венец, ха-ха-ха...

Григорий Фомич понимал, что это всего лишь сон, что надобно сделать над собой усилие и проснуться — и тогда исчезнет ненавистный мучитель. Но не просыпался. Словно спеленутый по рукам и ногам младенец лежал он неподвижно, не в силах вымолвить ни слова, и слушал гнусные разглагольствования Льва Львовича Века.

Да-да, Лев Львович Век, сменивший Гроднича на посту ответственного хлопкозаготовителя Якшичульской области, мучил по ночам своего бывшего начальника, перед которым еще совсем недавно раболепствовал и извивался, как дождевой червяк.

Об этом субъекте разговор будет особый и долгий. Сейчас же скажу, что Лев Львович очень гордился своей фамилией, уверял, будто она записана в Пятую Бархатную Книгу старинных родов столбовых дворян и очень далекие предки его чуть ли не рюриковичи!

В доказательство правдивости своих измышлений Лев Львович ссылался на роман Ф. Достоевского «Бесы», в котором есть упоминание о семействе Веков. А именно:

Век и Век и Лев Камбек,
Лев Камбек и Век и Век...

Поскольку Лев Львович вращался в образованном обществе, где как-то не престижно сознаваться в слабом знании творений «жестокоталанта», трепотня его принималась за чистую монету. Хотя в действительности «Век» — в романе Федора Михайловича это никакая не фамилия, а название журнальчика, просуществовавшего после отмены крепостного права всего год с небольшим, оскандалившегося опубликованием ханжеской статьи Петра Вейнберга (Камень Виногородов), — и вскоре канувшего в Лету.

На самом же деле Лев Львович был достойным потомком ярыжек, крапивного семени, приказных крючков, то есть, — чиновников, без конца уличаемых во взятках, лихоимстве и казнокрадстве.

Дабы карьеристее возвышаться по службе, предок Льва Львовича, некто Евграфъ Вьковъ подал на высочайшее имя слезницу, коей покорнейше испрашивал монаршего волеизъявления на усекновение в фамилии «Вьковъ» четвертой и пятой литеры и «произведение в первобытное состояние немецкой фамилии «Вькъ». К

слезнице было приложено фальшивое «Фамильное древо» Вьковъ, происходящих якобы из прибалтийских дворян.

Хитрый повытчик Евграфъ Вьковъ ведал о благоволении императора Александра Благословенного к иноземцам, а особливо — к германцам. По всей России перелетала из уст в уста ядовитая острота генерала Ермолова. Царь как-то спросил героя Отечественной войны: «Чем я могу вознаградить вас, генерал?» На что злоязычный Алексей Петрович Ермолов, не задумываясь, отвечивал: «Произведите меня в немцы, государь!»

Вот и повытчик, то бишь, столоначальник Евграф Веков решил произвестись в немцы.

Помазанник божий слезницу высочайше одобрил и собственноручно начертать изволил остроумную резолюцию: «Быть по сему. Имя же «Евграфъ» оставить в первобытном состоянии, передних двух литер отнюдь не усекая, дабы проситель не обрел графского достоинства».

Остальных предков моего антигероя, Л. Л. Века, я опускаю ввиду незначительности их биографий. Замечу лишь, что один из оных, как повествует семейное предание, только тем и был отличен, что верноподданнически помер на поминках по царю-батюшке Николаю Первому, обьевшись семгою; другой, уже пребывая под судом за мздоимство и расхищение целого города Храпидолова, очень своевременно подавился до смерти рыбьей костью, вследствие чего мудрый Сенат представил проступки усопшего «на суд божий». Так что фамильная честь «курляндских дворян» Веков была спасена.

Остается, значит, рассказать об отце моего антигероя.

После Октябрьской революции отпала от фамилии еще одна буква — твердый знак. Родитель Льва Львовича стал уже советским повытчиком: чиновничал в каком-то хитром тресте, в отделе «Координации согласований». Несмотря на расплывчатость наименования, местечко оказалось теплым, доходным, а главное — безответственным. Кого-то с треском выгоняли с работы, иных сажали на скамью подсудимых... А Лев Аристархович Век был неприступен, как Гибралтар. Он ведь нигде не расписывался, не давал никому никаких письменных распоряжений и приказов. Лев Аристархович всего лишь координировал согласования.

Разумеется, в те тревожные времена он и помыслить не смел выдавать себя за прибалтийского дворянина или рюриковича. Какой там! Напротив, — со слезой во взоре живописал о тяжком, невыносимом дореволюционном прошлом, о том, как в девятьсот пятом году участвовал в сожжении барской усадьбы в Ардатовском уезде, а после Октябрьской революции, в качестве ответственного представителя ардатовского народа вселял в барские и купеческие дома бедняцкие семьи, реквизируя при этом ценности, нажитые путем бесчеловечной эксплуатации человека человеком.

Все это, разумеется, было сплошной игрой воображения, за исключением факта реквизиции ценностей. Было такое дело, было. С группой единомышленников Лев Аристархович действительно забирал у буржуев золото, бриллианты, деньги, предъявляя фальшивый ордер. Революция, к сожалению, породила не только благородный энтузиазм масс, — она, с неизбежностью, на время развязала руки и подонкам, пытавшимся погреть лапы на революционном пожаре. Век-старший, забыв о том, что он потомственный чиновник, что его призвание — взятки, тайное хищение казенного добра и вымогательство, — занялся не своим делом, чтобы, как в сказке, несметно разбогатеть, — и попал в безжалостные руки чекистов.

Однако судьба зачем-то смилостивилась над негодяем. Из чего можно заключить, что и мудрая судьба иногда делает глупости. Льва Аристарховича ожидал чекистский подвал и девятиграммовая «пломба» в затылок. До конца жизненного пути оставалось всего ничего, каких-то полтора-два шага, как вдруг раздалась беспорядочная стрельба — на чекистов напала банда «контриков». В суматохе боя Веку-старшему удалось улизнуть, и он со страху ушел в такое глубокое подполье, что, наверно, и сам толком не помнил, где пребывал вплоть до тысяча девятьсот двадцать первого года, до того благословенного дня, когда была объявлена Новая Экономическая Политика, то бишь НЭП.

Надобно заметить, что к революции долго не могли приспособиться многие инженеры, врачи, представители так называемых «свободных профессий». В особенности мучились пожилые интеллигенты. Это и понятно. Еще Герцен говорил, что старые мозги двигать труднее, чем города и народы.

А молодое государство остро нуждалось в специалистах, в энергичных творческих личностях. Прошло немало времени, прежде чем интеллигенты осознали всю абсурдность и нелепость обструкций и саботажа. В конце концов интеллигенты поняли свою ошибку, встали, в своем большинстве, на сторону народа. И это прекрасно.

Но в одном, как мне кажется, просчиталась молодая и неопытная Советская власть, — она возвала также и к совести чиновников, — этого дьявольского порождения великой эпохи петровских преобразований. «Царь-плотник» всем был хорош: посулами и уговорами, кнутом и знаменитой своей дубинкой, перед которой все были «равны», — и князь, и холоп! — он пробудил бояр от вековой спячки, создал великолепную армию и флот, покрыл Россию немеркнущей славой блистательных побед, сотворил Российскую империю, могущественную державу...

Допустил же он всего одну непоправимую ошибку — породил чуму чиновничьего сословия. И сам же первый от чумы и страдал. Уж он и кнутобойничал, и грозил «черевья на кнутья намотать», и лично охаживал дубинкой провинившихся — тщетно! — чиновничество, бюрократия оплели всю бескрайнюю державу как чертополох. Зловещий джин был выпущен из бутылки!

После революции чиновничество не долго саботировало новые порядки. Государство яростно боролось против бюрократизма, но ему позарез нужны были люди, умеющие вести переписку, составлять отношения и приказы, — то есть нужны были чиновники, бюрократы.

И они «отозвались» на честные призывы, стали совслужащими, получающими теперь не жалованье, а заработную плату по тарифной сетке. Стали членами разных профсоюзов. Многие из них наловчились произносить зажигательные речи о светлом будущем. Однако эти многие все же остались заскорузлыми чиновниками — нечистыми на руку, лихоимцами, чинодралами, взяточниками, мелкими тиранами, преступно наслаждающимися своей, подчас ничтожной, властью.

С той поры прошло две трети века. Но почему же мы и до сих пор все еще боремся с бюрократизмом и проклинаяем его?

Да потому, что чиновничество, бюрократизм — это страшная и заразная болезнь. Поместите в табун лошадей, больную сапом — вскоре весь табун будет по-

ражен страшной болезнью. Положите в корзину со свежими яблоками одно гнилое — и загниют остальные яблочки. Так и с чиновниками. Старый государственный аппарат был сломан. И это прекрасно. Однако новые, советские, учреждения заполонили старорежимные головотяпы, взяточники и хапуги. Пусть с годами их становилось все меньше и меньше — чиновнический вирус они занесли.

А человек так уж устроен (не гневайтесь, пожалуйста, дорогие материалисты романтического толка!), что все положительное, что дарует ему жизнь, он воспринимает сознательно, хотя и не всегда прочно, а вот дурное, — сам того порой не замечая, — до конца дней своих хранит в подсознании.

И очень прошу не навешивать на меня «ярлык» фрейдиста. Все гораздо проще. Очень вредит многим людям так называемый житейский «здоровый смысл». Решусь привести пример из собственного опыта (поскольку другого опыта у меня нет). Еще до войны жил на нашей лестничной площадке дядя Саша. Занимал он тогда головокружительную должность в Совнарком республики. Зампред СНК!

Отец мой частенько заходил к дяде Саше советоваться по разным житейским делам. Ну и я с отцом. И всякий раз поражался скромной, прямо-таки убогой обстановке квартиры зампреда. Простые стулья, кровати, стол, сработанный нашим дворником и кочегаром котельной, стариком Найденовым, молчуном и работагой, который, однако, когда «тринькал» сорокаградусной, становился красноречив и говорил на каком-то странном языке, несколько похожим на немецкий. Во дворе этому не удивлялись, поскольку было известно, что старик Найденов в Первую мировую войну был в австрийском плену.

Однажды нашему небольшому семейству крупно повезло, отец выиграл по лотерейному билету «Осоавиахима» пианино «Красный Октябрь»! Сейчас отца моего назвали бы «закидоном», «умником» с тараканом в голове», — потому что он, когда утихло, наконец, ликование, сказал:

— Пойду-ка я посоветуюсь с соседом.

Нынче такой странный поступок может показаться невероятным. В своем ли он уме — этот счастливчик?! Подумаешь, пианино выиграл! Да люди плевать теперь хотели на пианино. Вон их сколько в гумах и цумах!

ГАЗ-31 по досаафовским билетам выигрывают, и то не мучаются сомнениями, без советчиков обходятся.

А вот отец отправился к дяде Саше. И я с ним.

На всю жизнь запал мне в память этот разговор.

— Пианино, говоришь, выиграл? Что ж, поздравляю. Похвастать заявился или еще зачем?

— Посоветоваться.

— О чем?

— Да насчет пианино. Брать... или, может, деньгами лучше, а?

— С деньгой худо?

— С деньгой как обычно. Зарплата. Пригодились бы и деньги.

— Тогда бери деньгами.

— Сына хотел учить играть.

— Отдай в музыкальную школу, если у него способности.

— Пианино дома хорошо бы иметь. Пацан будет упражняться. Все меньше времени для хулиганства. В прошлом месяце футбольным мячом вам стекло разбил...

— Это, брат, не хулиганство, — рассмеялся дядя Саша. — Это нормальное дело.

— Вообще... дома пианино... Для уюта.

— Э-э-э, брат, да ты, кажется, того... От тебя мешанским духом пахнуло! Эй ты, — повернулся ко мне дядя Саша, — будущий Юрий Брюшков (знаменитый тогда пианист), хочешь учиться играть на фортепиано?

Я по-лошадиному замотал головой и выпалили

— Неа!.. Лучше — бокс.

— А чтобы дома пианино имелось?

— Хочу.

Зампред СНК укоризненно покачал седой своей головой.

— И ты, пострел, тоже... — Он вздохнул и обратился уже к отцу, серьезно, погасив улыбку:

— Ты ведь пришел за советом, сосед? Вот и мой совет... Побывай сперва в бараках на Призаводской. Посмотри как там люди живут. Обходятся пока без пианино. Иные и без кроватей обходятся. На нарах спят. Так-то вот. Не для того мы революцию делали, чтобы превратиться в новое дворянство. Грех великий отрываться от народа. Недостатки и недохватки сообща надобно терпеть. Придет время, и пианино для людей станет не проблемой. Вот тогда и ты... А пока...

Купи-ка ты лучше жене и наследнику своему зимние пальто. Сам небось в старорежимной шубе, подбитой хорьками, шеголяешь!

Дома отец долго сидел за столом, подперев голову ладонями. Наконец произнес тихо:

— Святой человек. Большевик. Настоящий.

Три года спустя рано утром я торопился в школу. Вышел на лестничную площадку — и остолбенел: дверь напротив была заклеена возле замка белой бумажкой, поверх которой висела на двух веревочках сургучная печать.

Что же это такое?! Ну исчез Найденов. Это понятно. По-немецки лопотал по пьяному делу. Я книжку прочел о коварных методах иностранных шпионов. Вот и Найденова забросили к нам собирать секретные сведения.

Но дядя Саша!.. Не укладывалось это в моей голове.

Рассказываю я об этом потому, чтобы напомнить старому поколению и поведать молодому о том, что в предвоенные годы мы потеряли немало замечательных большевиков, чьи жизни были вдохновляющим примером для подражания. А примеров дурных, увы, хватало. И тут еще «житейский смысл»: «Вот тебе и бессребреники!.. Уж лучше жить, пока живешь, и никуда не соваться. Что бы там не говорили и не писали, а все же своя рубашка ближе к телу!»

А сколько прекрасных жизней унесла кровавая война с фашизмом! К тому же, совершенно по непонятным причинам, незадолго до Победы стал вдруг искусственно формироваться корпус мундирного чиновничества. Что ни ведомство, то свой, особый, мундир. Даже банковские служащие, одно время, обрядились в мундиры.

Вицмундирный мирок как бы отгородился от остальных, «простых» людей, от народа. И именно тогда неизвестный циник кинул изречение и по сей день, к сожалению, имеющее своих почитателей: «Хочешь жить — умей крутиться!» И поныне можно услышать исполненные спеси слова: «Ничего не знаю, идите жаловаться! А я — чиновник». Или — с претензией на юмор: «Пора идти на службу царскую!»

Я, как и все нормальные граждане, ненавижу чиновников. При этом особо оговариваюсь: ненавижу не советских служащих, честно выполняющих свои обязанности, но именно чиновников — чиновников по состоянию души.

Однако вернемся в скромную квартирку Григория Фомича Гроднича.

В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое января тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года Лев Львович Век в который раз явился Гродничу. В безукоризненном сером костюме, при галстукe мягкого вишневого тона. Несколько поредевшие рыжеватые волосы аккуратно прилизаны, волосок к волоску. Серые водянистые глаза смотрят ласково. Только вот в улыбке волчий оскал.

А в общем даже, пожалуй, симпатичный мужчина лет сорока пяти от роду. Мужчина, как говорится, в самом соку.

— Как себя чувствуем, больной? — вкрадчиво произнес незваный посетитель. — Сердчишко не пошаливает?

И после этих слов Григорий Фомич вдруг почувствовал что-то неладное. Сдавило дыхание, невидимая когтистая лапа сграбастала сердце и стала сжимать, сжимать... Гроднич вскрикнул и проснулся. Отер со лба холодный пот. Сердце все еще трепетало, не проходило удушье, боль потекла в подбрюшье, в левую руку, и Гроднича охватило жуткое чувство — страх смерти. По-видимому, он вскрикнул, пробуждаясь. Потому что проснулась и жена. Включила ночник.

— Что с тобой, Гриша? Опять Век!.. Дался тебе этот выродок.

— Он... — еле вымолвил Григорий Фомич. — Я предчувствую... Он пришел меня убить.

— Боже, какой вздор ты несешь!.. На вот, прими нитроглицеринчику.

Гроднич покорно положил под язык крохотный шарик. Вроде чуточку полегчало. Надежда Ивановна дала мужу воды. Потушила ночник.

— Ну вот видишь, все прошло.

— Убьет он меня этой ночью.

— Чушь какая! Как убьет?

— У него в кармане пистолет.

— Ты видел?.. А если бы и видел? Это же сон. Понимаешь?.. Кошмар. Спи.

Успокоенный женой, Григорий Фомич, чтобы заснуть, стал считать. Один, два... десять...

И снова объявился Век. Теперь он не улыбался и в мутных, как у снулой рыбы, глазах его остро поблескивали огонечки мстительного торжества.

— Догадливый! — молвил мучитель. — Я действительно пришел убить тебя. Ты даже такой... лишенный всего... мне опасен. И моим благодетелям тоже мешаешь.

На душе Гродничка стало вдруг легко-легко, он вроде воспарил. И наконец-то обрел дар речи. Отвечал:

— На «ты» заговорил, червяк? Давай на «ты». Убить, говоришь, хочешь? Что ж, действуй, на то ты и убийца.

— Я еще никого не убивал! — взвизгнул вдруг Век и до того побледнел, что сам стал похож на покойника.

— Душегуб! Да, ты действительно не вешал, не рубил головы топором, не подсыпал в стакан яду... А сколько душ ты погубил, посчитать? Ты хуже матерого убийцы. Души людские растлеваешь. Может быть, напомнить тебе заведующего заготхлопкопунктом Иргаша Иногамова?!

— Он сам... Сам повесился! — возопил Век. Физиономия его стала синеть, приобрела вурдалачье выражение. — Сам... Сам!

— Петлю на шею он себе действительно накиннул сам. Но кто заставил его сделать это?.. Ты. Ты, негодяй! Ты заставил его принимать хлопок с влажностью в три, в четыре раза превышающую допустимую норму! Ты успокоил его, убеждал, что все обойдется, что ты его не дашь в обиду. Запугал увольнением. Заморочил честному человеку голову. Сказал: дело чести... План — закон!.. Все будет хорошо... А простодушный Иргаш поверил. Когда же у него обнаружилась огромная недостача... Осталась вдова и детишки... Семеро по лавкам!

— Иногамов сам виноват! — теперь Век походил на буйнопомешанного: брызгал слюной, дико размахивал руками и то и дело порывался броситься на Григория Фомича. — Подумаешь, заявили к нему районные обхэсэсовцы! Дал бы мне знать, я бы позвонил, куда надо — все было бы в порядке. Струсил Иногамов, вот и...

— А директора Артыкского хлопкозавода Холматова помнишь?.. Его ты тоже обвел вокруг пальца и загубил. А начальника райотдела милиции майора Кузнецова?..

— Майор оказался в тюрьме за совершенные им преступления! — парировал Лев Львович. Он неизвестно почему вдруг успокоился и обрел вновь respectable вид. — Насильник!.. Злоупотреблял служебным положением. К тому же при обыске обнару-

жен нетабельный пистолет системы «Парабеллум»...

— Кузнецова оклеветали. Пистолет подложили при обыске.

— Ха-ха-ха!.. — раскатисто расхохотался Век. — У тебя, мой бывший начальник, мозги совсем набекрень. Ты что же, органы следствия и советский суд осмеливаешься обвинять!.. Смотри у меня!

— Нечего меня пугать, душегуб! Мне в феврале стукнет семьдесят лет.

— Не стукнет тебе семьдесят лет, — зловеще произнес Лев Львович и не торопясь вынул из внутреннего кармана пиджака «Парабеллум». — Узнаешь?.. Тот самый, из-за которого угодил за решетку майор Кузнецов... Ха-ха... Ты прав, пистолет подсунули майору. И вообще все обвинения были подтасованы. Я говорю тебе сейчас об этом потому, что мертвые, как известно, не только сраму не имеют, но и надежно помалкивают.

Век вскинул «Парабеллум», навел на Гроднича, — и Григорий Фомич с криком проснулся.

Пробудилась и жена. Снова захлопотала возле супруга. Накапала валерьянки. Григорий Фомич стал сбивчиво рассказывать привидевшийся кошмар.

— Господи, — вздыхала Надежда Ивановна. — И чего только не приснится!..

Она не договорила. По остановившемуся, полному ярости и страха взгляду мужа, — взгляду, устремленному в угол комнаты, — она поняла: Григорий Фомич сейчас не во сне, а наяву увидел своего врага!.. Увидел тот страшный «Парабеллум»... Супруг ее вдруг рывком приподнялся на постели, вскинув сжатые кулаки, произнес хрипло:

— Стреляй... Стреляй, гадина!..

И упал навзничь.

— Сердце... Сердце... Прямо в сердце!.. — прохрипел Гроднич. И затих. Навсегда.

Через два дня состоялись похороны. О них и по сию пору вспоминают ветераны-хлопковики. Весть о кончине Григория Фомича мгновенно облетела все заготпункты, хлопкозаводы, колхозы и совхозы. Не было никаких указаний и распоряжений, директивных звонков. А народу на похороны съехалось столько, что траурная процессия растянулась на добрый километр. Венков было несчетно. А ведь ушел из жизни не министр, не знаменитый поэт или киноартист. Умер скромный человек,

посвятивший жизнь свою незаметному, нервному и адски хлопотному хлопкозаготовительскому делу.

На траурном митинге выступил и Лев Львович Век. Со слезами на глазах он превозносил заслуги своего «наставника», замечательного специалиста, воспитавшего целую плеяду своих «учеников»... «Дорогой Григорий Фомич будет вечно жить в делах и свершениях продолжателей его замыслов...»

Правда, каким-то непостижимым образом слух о предсмертных ночных видениях просочился из скромной квартирки. Прилетевшие из сибирского города дочь и зять покойного, пораженные странным рассказом Надежды Ивановны о последних минутах жизни Григория Фомича, пожелали ознакомиться с заключением патологоанатома.

В нем было сказано ясно: причина смерти — инфаркт миокарда.

Патологоанатом, окостеневший душой, и, за отсутствием живых собеседников, привыкший разговаривать сам с собою, проводил дочь и зятя покойного и, оборотившись к очередному своему «пациенту», молвил:

— Ох уж эти родственники! Вечно им мерещатся врачебные ошибки и преступления. Почил в бозе по всем правилам врачебного искусства. Нормальный «жмурик». И смерть дай боже каждому. Легкая...

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

В местной газете были опубликованы некролог и фотография Г. Ф. Гроднича, — в день его похорон, в воскресенье, двадцать первого января. Я мог бы ограничиться перепечаткой этого документа. Но зачем?

Даже самый проникновенный и искренний некролог все же выражает казенную и, следовательно, холодную скорбь. «Родился... Учился... на любом посту не жалел сил и энергии...»

Мне же хочется написать не некролог, а мартиролог, то есть рассказать о жизни Григория Фомича; поведать не только о его заслугах, но и о страданиях, о преследованиях, которые ему пришлось претерпеть последние годы жизни.

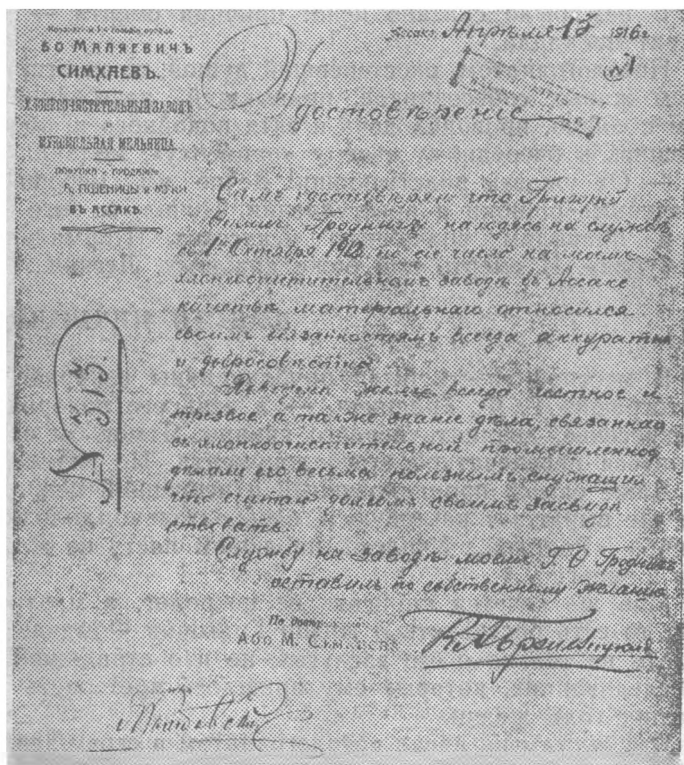
Что бы там ни писал патологоанатом в своем заключении, я все же убежден в том, что факт преступления налично. Убили Григория Фомича, это точно, хотя он и прожил столько, сколько ему отпустила бесстрастная

статистика*. И даже, пожалуй, чуточку больше «среднего мужчины» прожил, «урвав» тем самым кусочек жизни у кого-то другого. Однако винить его в этом, надо думать, грешно.

С чего же начать?

Уходя навсегда, каждый порядочный человек хоть что-нибудь да оставляет потомкам. Один — комфортабельную дачу и «Жигули», другой «Правила честной жизни», третий — труды свои, воплощенные в плотины, фабрики, симфонии, книги, в просто добрые дела...

Добрые дела оставил нам и Григорий Фомич. И еще — семь толстых папок с документами. В папках этих запечатлена вся жизнь Гроднича. Вот документ № 1, выполненный удивительным каллиграфом, коих ныне и днем с огнем не сыщешь.

* Ныне, по совершенно необъяснимым причинам, средняя продолжительность жизни мужчины в нашей стране сократилась до 64 лет.

Я был довольно близко знаком с Григорием Фомичем. Иной раз целыми вечерами слушал его рассказы о «делах давно минувших дней». И всякий раз, внимая ветерану-хлопковому, не мог не поражаться его удивительной целеустремленности, преданности, казалось бы, весьма прозаическому делу, его почти детской радости, какую этот пожилой уже человек испытывал, повествуя о своей хлопковой «Одиссее».

Попытаюсь передать, хотя бы коротко, одну из таких бесед — за двенадцать дней до его странной кончины.

— Вот вы расспрашиваете меня, — говорил мне Григорий Фомич, — интересуетесь прошлым. А меня, признаться, больше будущее хлопководства интересует.

— Меня будущее тоже интересует. Но ведь нельзя забывать и о делах минувших. К примеру, почему вы выбрали целью своей жизни хлопковое дело? Наследственная профессия?

— Отец мой был солдатом. Отслужил царю-батюшке пять лет в пехоте. Куда теперь податься? Родственников нету. Сирота. Вырос в гродненском воспитательном доме. Потому и фамилию ему дали такую, несколько не русскую, — Гроднич. А имя он получил, Фома, по той причине, что нашли младенца в пасхальные дни, на Фоминой неделе. Отчество же для всех подкидышей известное, — Иванович.

Выйдя из приюта, выучился отец на типографского наборщика. Пришел его год — забрили — и под «красную шапку». Вышел на волю, решил искать счастья в Туркестане. Вот и занесло Фому Ивановича в город Скобелев.

— Скобелев?

— Ну да, нынче город Фергана. Наборщиком он был хорошим. Взяли его в местную типографию. Женился. А затем и ваш покорный слуга появился на белый свет, чтобы посвятить себя хлопковому делу. Мать умерла через два года после моего рождения. Отец погоревал, погоревал, да и женился. Шумное это было дело. На еврейке женился! Родственники невесты, по своему обычаю, оплакали ее как покойницу. А отца моего особенно ревностные хранители учения христианского крепко избили. Хозяин же типографии заявил: «Женился на иудейке — пошел к черту из моего православного заведения!»

Григорий Фомич улыбнулся и помолчал. В молодос-

ти он был, как видно, очень красив. Рослый, статный, даже в почтенном возрасте. Точенные черты лица. Особенно хороша была шевелюра. Волнистые седые волосы легкой синевой отливают. Сейчас модницы специально так красятся «под седину» какими-то суперимпортными лондатопами.

— Что же вы умолкли, Григорий Фомич? — нарушил я молчание.

— С мыслями собираюсь. Как бы покороче... Пришлось отцу оставить типографию. Научился шить шапки. А я, когда подрос, окончил высшее начальное городское училище. И тут пошли у меня нелады с мачехой. Она не злая женщина была, но, как говорится, бог ее наказал, отняв разум. Появился у родителей общий сын, Георгий. А мачеха, хотя и приняла перед венчанием христианство, а все по своему сыночка называла — Герцем. И всячески его обихоживала, лелеяла, холила. А я в забросе. Мне обидно. Решил я тогда отделиться от семьи. Сдал экстерном за шесть классов в Скобелевской гимназии. Хотел и аттестат зрелости получить, но обстоятельства не позволили.

Гроднич вдруг спохватился, спросил, несколько смутившись:

— Скучно, небось, слушать всякие пустяки?

— Что вы!..

— И отправился тогда я, совсем еще мальчишка, на поклон к купцу Первой гильдии господину Симхаеву. Умен был этот купчина аки бес. Бросит взгляд на человека, и сразу безошибочный вывод делает. На меня только искоса глянул и вслух произнес: «В нашем тонком деле ничего не смыслишь, но это не беда. Главное — в тебе воровских задатков нету. Иди в контору, скажи, что я приказал принять тебя мальчиком на мой хлопковый завод в Ассаке... Чего глаза вытарачил? Ты еще мальчик, вот и будешь пока на побегушках. Покажешь себя — другую службу тебе дам».

— А что это за Ассаке?

— Теперь город Ленинск, в Андижанской области. Должность «мальчика» известна: то принеси, это, сбегай туда, позови того-то. Однако умный купец уделял, как сейчас бы сказали, серьезное внимание кадровым вопросам. Приставил он ко мне оценщика хлопка. По нынешнему — товароведа, Максуда-тога. Это был цветущий мужчина лет сорока с хвостиком. Тога означает дядя. Он и стал мне вроде родного дяди. Научил от-

личать американские сорта хлопка от египетских, от местных. Особенно хитрая штука определять на ощупь влажность хлопка. Наука эта большой практики требует. Как я определяю процент влажности, сам не могу сказать. По наитию, что ли?

— А кроме вас есть еще такие специалисты?

— Есть, наверное, но мало. Очень уж часто хлопковые бунты самовозгораются. Если хлопок переувлажнен, не просушен, сдан на «авось», он, как и уголь, загорается изнутри. Большие убытки от этого бывают.

Григорий Фомич погладил себя по гладко выбритому подбородку и вдруг хохотнул. Я с недоумением взглянул на Гроднича.

— Смешную историю вспомнил. Году, кажется, в пятьдесят втором или в пятьдесят третьем приехал сюда, в Байрамкент, заместитель председателя Совета Министров Союза Алексей Николаевич Косыгин. Он тогда легкой промышленностью ведал, понятное дело, и хлопком тоже. Ученые как раз изобрели прибор для определения влажности хлопка. Показывают прибор в действии. А я в это время мимо проходил. Косыгин знал меня, кричит: «Эй, Гроднич, шагай сюда!» И сует мне в руку горстку хлопка. «Ну-ка, какой процент влажности?» Я помял в пальцах, отвечаю: «Двенадцать и семь десятых процента». Алексей Николаевич как расхохочется. Все вокруг от неожиданности аж вздрогнули. С чего бы это высокому начальству расхохотаться, уж не опозорился ли ненароком Гроднич? И я, признаться, растерялся.

А Алексей Николаевич... Он любил иной раз соленое словцо... он и объясняет: «На хрена, извините, нам дорогостоящие приборы, когда Гроднич на ощупь точно все определил?» Окружающие повеселели, стали объяснять, мол, таких специалистов мало, а надобно обеспечить множество хлопкопунктов и заводов... «Знаю я, знаю, — все еще посмеивается Алексей Николаевич. — Нужны приборы. Пятьсот приборов куда легче сделать, нежели столько же Гродничей!»

Тут уж все прямо-таки покатились от хохота. А мне вдруг, ни с того, ни с сего, приказом министра — премия в размере месячного оклада! Вот уж действительно, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь! Ведь совсем недавно тот же самый Алексей Николаевич лично объявил мне строгий выговор за то, что, якобы по моей халатности, было разбазарено несколько тысяч метров

мешкотары!.. Это выкормыш мой, Лев Львович, удружил. И хотя я объездил все заводы, представил нужные документы, опровергающие недостачу, выговор так и повис на моей шее. В Байрамкенте решили не тревожить по пустякам московское начальство. Тогдашний министр позвонил по телефону, успокоил: «Не кипятись, Гроднич. Выговором от самого Алексея Николаевича гордиться следует. Не каждому сподобится!.. Да и то сказать!.. Одним выговором больше, одним меньше. Работа такая. Сегодня выговор, а завтра — орден. Мы тебя ко второму «Знаку Почета» представили»... — Григорий Фомич вдруг спохватился: — Однако я, кажется, отвлекся. Продолжать?

— Конечно, Григорий Фомич.

— Я уже тогда смекнул, почему меня Симхаев приказал хлопковому делу обучить. Мой наставник, усто Максуд-тога, был человеком честным. Точнее, он не зарывался. Однако немножечко и в свою пользу старался. Привезет дехканин хлопок, а Максуд-тога полпроцентика влажности и накинёт, пудик-другой хлопка в свою пользу обратит. Большого убытка Симхаеву нет. А Максуду все прибавка к жалованью. Жить-то надо! У него, как у правоверного мусульманина, четыре жены было, дом с садом, куча детишек. Прокорми-ка их на одно жалованье. Вот Або Маляевич и решил: этот юнец и вовсе ничего прикарманивать не станет. Разве когда совсем знатоком дела себя возомнит. А тогда я к нему другого мальчишка приставлю.

Немного погода хозяин сделал меня материальным. Стал я вроде завхоза. Материально ответственным работником. На первых порах ночей не спал, все опасался за сохранность хозяйского имущества. В те времена ведь тоже приписки и очковтирательские делишки были. Только все наоборот. Купил, скажем, Максуд-тога пятьсот пудов хлопка, а неграмотный дехканин ставит отпечаток своего пальца на документе, в котором сказано: «495 пудов».

— И Симхаев знал об этом?

— Говорю: бес, а не человек. На два аршина под землей что делается — видел. Но он так рассуждал: «Людам надо жить. Пускай чуточку подворовывают. Повышать жалование?.. Не выгодно. Все равно станут подворовывать». И вот пришло время, когда симхаевский приказик объявил мне, что хозяин желает осчастливить меня — сделать приемщиком хлопка. Их сте-

пенство изволили недавно приехать из Парижа, и вот сразу же распорядились.

— А что же с Максудом-тога? — невольно вырвалось у меня.

— Вот-вот, — покивал головой Гроднич. — Об этом и я спросил приказчика. Тот же отвечал, что это не моя забота. Велик был соблазн. Материальный мешочного склада получал двенадцать целковых в месяц. А тут сразу — тридцать!.. Но я все же не смог отплатить черной неблагодарностью своему наставнику и отказался от тепленького места. Приказчиком у Або Маляевича был тоже ловкий человек, некто Турабек. Он рассмеялся и сказал: «Я так и знал, что откажешься. Вообще-то, йигит, совесть штука драгоценнейшая, но из нее халата не сошьешь. Тяжко придется тебе на этом свете. Заметь, это не мои, а хозяина мудрые слова. Чересчур совестливых, — сказал он, — мне без надобности, ибо они либо бунтовщиками становятся, либо такими уж бессовестными ворами, что для них и сахалинской каторги мало!.. Бери расчет».

— М-да, положеньице, — посочувствовал я Гродничу. — Даже по нынешним временам ссориться с начальством дорогое удовольствие.

— А вот и ошибаетесь, — Григорий Фомич улыбнулся. — Рекомендательное письмо мне выдали превосходнейшее. Я его и по сию пору наизусть помню. Первая в жизни характеристика!.. Например, были там такие слова: «Поведение же его всегда честное и трезвое, а также знание дела, связанного с хлопкоочистительной промышленностью, делали его весьма полезным служащим, что считаю долгом своим засвидетельствовать».

— Великодушный эксплуататор?

— Обыкновенный расчет. Мне позже передавали слова Симхаева: «Молодой конек, норовистый. Пообъездится — ух и хорош в езде будет. Вот тогда-то я его к своим рукам и приберу».

— И прибрал?

— Не вышло. Перешел я на хлопкозавод Вадьяевского Торгово-Промышленного Товарищества, там же в Ассаке. Был приемщиком хлопкового волокна и семян. В семнадцатом грянула революция. А двадцать третьего февраля восемнадцатого года вышел Декрет за подписью Председателя Совнаркома Туркестанского Края Федора Колесова. Сильный, доложу я вам, доку-

мент... — Гроднич подошел к книжной этажерке, безошибочно взял с полки папку и тут же нашел нужный лист (Это был не человек, а само правило — в хорошем, разумеется, смысле. Позднее мне так пригодились все его документы, тщательно подколотые и пронумерованные)... — Ежели угодно, я прочту?

— Конечно, конечно, Григорий Фомич!

«— **ДЕКРЕТ**, — начал Гроднич торжественно. — *Весь хлопок, находящийся в Туркестанском крае, в каком бы виде не был, и где бы не находился, в настоящий момент конфискуется и объявляется собственностью рабоче-крестьянского Правительства Туркестанского Края.*

Все Советы и революционные железнодорожные Комитеты края выделяют сейчас же своих уполномоченных на предмет немедленного проведения настоящего Декрета в жизнь, организации подвоза хлопка к станции и немедленного его продвижения на ст. Ташкент. Ответственность за исполнение возлагается на председателей указанных организаций.

В случае противодействия владельцев — применять меры вплоть до расстрела на месте».

Гроднич закончил чтение, многозначительно посмотрел на меня и, положив папку на этажерку, сказал, сдерживая волнение: — Было... Все было. Эх, молодость!.. Однако обойдемся без лирики. Что дальше?.. Ассакинские рабочие хлопкозаводов избрали меня в районную комиссию по взятию на учет хлопкоочистительных заводов и имущества предпринимателей. Вот и сбылись «вещие» предсказания купца первой гильдии Симхаева, стал я, тихоня, настоящим бунтовщиком.

— Национализация спокойно прошла? — спросил я Гроднича. — Без эксцессов?

— Да как сказать? Расстреливать на месте никого не пришлось. Однако угроз расправиться с нами хватало. И даже однажды стреляли в меня неизвестные. Я тоже пальнул в них из браунинга, но они вскочили на коней и ускакали. Ночью это произошло. Они в меня не попали, да и я, надо полагать, с испугу промазал. Как говорится, — боевая ничья. А вот осенью пришлось даже немножко повоевать. Ферганский госбанк прислал в Ассакке крупную сумму денег для раздачи на хлопкоочистительные заводы, — зарплату рабочим и плата дехканам за хлопок. Как вдруг стало известно, что в районе появилась банда во главе с белогвардейским

капитаном Мальцевым. Она уже совершила нападение на кишлак Куля, захватила деньги, расправилась с активистами и ограбила население.

Немедленно был создан боевой отряд из семнадцати конных. Оружие у нас — с бору по сосенке. У кого карабин, у кого винтовка или наган. Хотя и конные, а сабель и вовсе не было. Но все же отправились в погоню за Мальцевым. В пути пришлось разделиться, часть отряда направилась в кишлак Араван, для защиты завода и населения, шесть кавалеристов поскакали в кишлак Куля. И я в том числе.

— Не страшно было? Всего шесть человек, а банда...

— Банда небольшая, как сообщили дехкане, — сабель сорок, правда, с пулеметом. А насчет «страшно»... Куда ж деваться?.. Назвался груздем — полезай в кузов. Я тогда заявление в партию подал, надо было не словами, а делом доказать. Так, значит, прискакали в Куля-кишлак, а мальцевской банды и след простыл. До Араван-кишлака верст двадцать. Помчались туда, к полуночи соединились в один отряд.

А затем все вышло как-то по-глупому. Один узбек-арбакеш прокрался на завод и сообщил, что на противоположном конце кишлака банда Мальцева расположилась в чайхане на ночлег. Нам бы потихоньку подобраться к чайхане да и накрыть грабителей, застав их врасплох. Но командир наш, имевший строгий приказ во что бы то ни стало спасти деньги, посланные на араванский хлопкозавод, приказал взять кассира вместе с денежным мешком и доставить в Ассаке.

Видимо, и Мальцеву кто-то сообщил о нашем прибытии, потому что слышим: погоня — посвист, выстрелы, крики «алла» и «ура»... Пришлось на скаку отстреливаться. Кассир с испугу мешок с деньгами из рук выронил. Однако бандиты, видимо, в темноте не разобрали, что нас всего восемнадцать человек, включая кассира. Не очень наседали. Денежный мешок мы подобрали, а преследователи постепенно стали отставать. На том и кончилось. Одного человека у нас ранили, а моему другу, Алеше Румянцеву, бухгалтеру, с головы пулей фуражку смахнуло.

— Больше не пришлось вам воевать, Григорий Фомич?

— Какой там!.. Басмачи сильно донимали. Вскоре Краевой Совет Народного Производства назначил меня заведующим госзавода номер шесть в Ассаке. Одновре-

менно состоял бойцом рабочего партизанского отряда самообороны. Отражали налеты басмачей. Я к тому времени женился... — Гроднич кликнул жену, хлопотавшую на кухоньке: — Надежда Ивановна... Надюша, иди сюда!

Худенькая, пожилая женщина в косынке, повязанной по комсомольской моде времен Гражданской войны, в кухонном переднике, неохотно вошла в столовую. В руке у нее дымилась сигарета.

— Опять ты ворошишь старое, Григорий, — недовольно молвила Надежда Ивановна. — Не самые ведь лучшие воспоминания.

Голос у Надежды Ивановны был со строгими нотками, приказными даже, пожалуй. И к мужу она обращалась несколько суховато: не Гришенька, не Гриша, а — Григорий.

— Ну-ну, Надюшенька, — укоризненно покачал головой Гроднич. — Гость может бог знает что подумать. — И, обернувшись ко мне, пояснил: — Тяжело ей вспоминать страшный день, когда мы первенца нашего потеряли. Девочку. Тогда вот и курить начала. И никак отучить не могу.

— Кому все это интересно знать, — Надежда Ивановна вздохнула. — Все было, да быльем поросло.

— Нет, почему же? — возразил я. — Это — история! Расскажите, пожалуйста, Надежда Ивановна, прошу вас!

— Все — просто. Григорий мой уехал в командировку. И отряд самообороны завода куда-то ушел... Я тогда ребеночка ждала. Но еще работала. Машинисткой на «Ундервуде». Вернулась домой, на завод, поздно... Мы при заводе жили... Уже смеркалось. Ранней весной это было. Слышу — тихий стук в окно. Может, Григорий воротился?.. Подхожу, вижу пожилого незнакомого узбека. Они тогда почти все стариками казались: мне только-только девятнадцать исполнилось, а они много старше и с бородами. — Надежда Ивановна еле заметно улыбнулась и продолжала: — «Что надо?» — спрашиваю, а у самой ледышка под ложечкой от страха. «Не бойся, мамаша, — отвечает незнакомец. — Я твой хозяин зинаю. Якши одам. Бедны люди, дехканин уважает, обида не дает. Курбаши Рахманкул завод идет. Многа джигит! Гириша-ака, тибя резить будут. Кончать. Завод сжигай савсем. Убегай скоро-скоро... Тезрок!» — И исчез.

Надежда Ивановна, несколько стесняясь, провела по глазам носовым платком и продолжала:

— Что делать?.. Вдруг — провокация?! Выйду из дома, а меня тут же и сцапают! Наслышалась я о зверствах басмачей. Потом сообразила: если бы меня подкарауливали, — выломали бы дверь, и дело с концом. Значит, правду сказал неизвестный дехканин. Надо спасаться. Куда бежать?.. Да к сестре, к Дусе, на соседний завод! Ее муж, кассир заводской, и они тоже при заводе жили. Выскочила, в чем была, и три версты в крошечной темноте и пробежала. Только оказавшись в безопасности и расплакалась. Рассказываю про басмачей — никто не верит. А через час — всполохи огненные осветили темное небо, багровое зарево!.. Охрана сестриного завода помчалась к месту происшествия. Была стрельба, были убитые и раненые с обеих сторон. Басмачи отступили. Но от завода и жилья нашего остались одни головешки!.. Тут-то со мною и сделалось дурно... Мертвенная девочка!..

Голос Надежды Ивановны вдруг пресекся, она всхлипнула и, тяжело поднявшись со стула, сгорбившись под грузом воспоминаний, удалилась на кухню.

В столовой повисло молчание.

— Зря мы ее растревожили, — произнес тихо Григорий Фомич. — Может, и закончим на этом?

— Я понимаю, но все же... — Замялся я.

Из кухоньки выглянула Надежда Петровна.

— Я на базар, Григорий.

Надежда Ивановна ушла, и я вновь пристал к Гродничу.

— Ну, пожалуйста, хотя бы до предвоенного времени расскажите!

— Разве что в общих чертах?.. Насчет басмачества. Много неприятностей и, честно говоря, страху пришлось претерпеть. Я ведь занимался не только тем, что принимал хлопок и перерабатывал его на волокно. Приходилось мотаться по кишлакам, оформлять договора с дехканами, авансировать их и отоваривать.

— Это когда еще басмачи свирепствовали?

— Мы всегда старались дехкан обеспечивать, по возможности, разумеется. В двадцатом вышел как раз Декрет, по которому дехканам, в счет оплаты за сдаваемые с каждой десятины пятидесяти пудов хлопка мы продавали по среднерыночным ценам зерно и вот какие дефицитные товары: два кетменя, двенадцать фун-

тов железа, девяносто аршин мануфактуры, керосина сорок фунтов, спичек восемьдесят коробков, шестьдесят фунтов соли, ниток шесть катушек... Даже шесть фунтов колесной мази не забыли... И вот езжу я из кишлака в кишлак. При мне браунинг. А у басмачей английские винтовки, пулеметы. Да и один я, как перст. Как тогда меня не прихлопнули — просто самому удивительно!

Я представил мысленно себя на месте Гроднича, и на душе стало неуютно. Войсковому разведчику и то полегче. Он хотя и в тылу противника, но ведет наблюдение скрытно, в случае чего — товарищи его огнем прикроют. А Гроднич!..

— Однажды все-таки попал в ловушку, — Григорий Фомич, как бы самого себя укоряя, покачал головой.— В двадцатом же году призвали меня в Красную Армию. Стал я помощником коменданта крепости и города Коканда. Коли в армии, то, казалось бы, воевать надо. А у меня вроде отпуска. Жена стала постепенно приходить в себя после пережитого. Как вдруг весной двадцать первого года — срочная депеша. Вот... — Гроднич вынул из папки верхний документ и протянул мне.

— Ознакомьтесь, коли интересуетесь.

На меня так и пахнуло от пожелтевшего листка историей.

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
КОМИССИЯ**

по отсрочкам от призыва
в Красную Армию
при

**РЕВВОЕНСОВЕТЕ
ТУРКФРОНТА**

21 марта 1921 г.
№ 915

Копия

г. Фергана, коменданту
Копия — Скобелев, уездвоенкому
Журнальным постановлением Центр-
комиссии от 16/III с. г., утверж-
денным РВС, состоящий у Вас на
службе пом. коменданта тов. Грод-
нич — освобождается от военной
службы и передается в распоряже-
ние Турктекстиля.

Секретарь Геллер

— Республике остро понадобились хлопковики. Вот и вспомнили обо мне. Стал я заведовать скупочным пунктом хлопка в кишлаке Уйчи. Работы невпроворот! Надо было ездить по кишлакам, заключать с дехканами договоры, авансировать их денежно и зерном, необходимыми товарами. И конечно — вести агитацию. Вот тут-то меня однажды и схватили. Осенью это произош-

до, в двадцать четвертом году. Я, правда, читал книгу одного ученого историка, который утверждал, что гражданская война в Туркестане кончилась в двадцать третьем году...

Григорий Фомич пожал плечами.

— Ученому, конечно, виднее, но я вот осенью двадцать четвертого года угодил в лапы басмачей. Вышло так. Ездил я по округе, занимался своим делом. К вечеру остановился в маленьком кишлаке. Заночевал, как обычно, в чайхане. Среди ночи вдруг будит меня чайханщик: «Вставайте, ака, Катта Баш со своими джигитами приехал. Убивать вас будет, уважаемый!.. Прятаться надо!»

Гроднич посмотрел на меня весело и озорно.

— Представляете мое положение?.. Куда деваться?

Чайханщик бормочет, заикаясь, вон, мол, тахта большая, под нее заберитесь, пересидите, может быть.

А я не решаюсь. Это же мышеловка!.. Хотел было к коню своему броситься, чтобы попытаться ускакать, а тут шум, конский топот, возгласы, и во двор чайханы въезжает Катта Баш со своими головорезами! Пришлось — ничего не поделаешь! — юркнуть под тахту. Сердце колотится так, аж ребрам больно. А тут еще Катта Баш ввалился в чайхану и всей своей тушей взобрался на тахту, под которой я лежу! Узбекским языком я с детства владею, как родным. Что говорят басмачи, все до единого словечка понимаю. И потому обливаюсь ледяным потом. Ибо говорили они о том, что где-то неподалеку шныряет туртынчи Григорий... Туртынчи, доложу я вам, — пояснил Гроднич, — это старое прозвище большевиков, которые избирались в царскую Государственную думу по четвертому списку. Туртынчи — четвертый... Так вот, слушаю дальше. Катта Баш, накурившись анаши, вошел в пьяный азарт, грозит: «Я этому туртынчи легко подыхать не позволю. Я кожу с него, с живого, ремнями стану спускать. Повешу вверх ногами...

Слушаю, а по хребтине ледяные колючие мурашки бегают. Неужто в страшных муках придется смерть принять?.. Нет, если что — застрелюсь. Браунинг при мне. А дальше вот что произошло — хотите верьте, хотите смейтесь! — от тяжелых переживаний... Заснул я! Мертвым сном. Просто непостижимо, как я смог заснуть! Да так, знаете, крепко, что проснулся лишь тогда, когда меня за ноги из-под тахты выволокли.

Гроднич помолчал, видимо, заново переживая те далекие жуткие минуты. Улыбнулся.

— Первые седые волосы у меня появились, когда сгорел хлопкозавод и лишились мы с женой несчастной девочки. А после встречи с Катта Башем за каких-то три — четыре года поседел как старик.

— У вас очень красивая седина, Григорий Фомич.

— К тридцати годам стал сед, как древний старец.

— А как вас обнаружили басмачи? — спросил я.

— Один из телохранителей курбаши обронил тыквочку с насваем*, она и закатилась под тахту. Связали. Поискали на чем бы меня подвесить за ноги, как обещал курбаши. Облюбовали перекладину на воротах. Тут старик чайханщик, тот, кто спрятал меня под тахтой, бросился Катта Башу в ноги, стал умолять, мол, пожалей человека, он никакого зла дехканам не делает. Убьешь его, замучаешь — люди не похвалят за это, а ты, могущественный, сам ведь говоришь, что за народ воюешь!..

Вдруг слышу: выстрел, другой, бешёное цоканье копыт. На всем скаку к чайхане подлетели двое всадников — дозорные, — кричат: «Тревога!.. Тревога!.. Красные окружают!..»

А меня уже за ноги подвесили. Кровь к голове прилила, мало чего соображаю. Только и слышу выстрелы, а в глазах туман. Потом вроде кто-то сильно ударил в бок и кипятком ошпарил... И все!..

Очнулся — свои! Интернациональный эскадрон. Давно он гонялся за Катта Башем, — и вот, наконец, настиг. Так что не удалось курбаши содрать с меня шкуру. Разве что немного попортил. Но ранение оказалось не очень тяжелое. Через полтора месяца я снова приступил к работе. А вот чайханщика, молившего за меня, Катта Баш уложил наповал. Сын чайханщика, Махмуд, после окончания сельхозинститута вместе со мною работал в хлопковой системе. Славный был парень.

— Был?

— Да, был. Погиб в сорок втором под Харьковом. Мы помолчали. Наконец Гроднич произнес:

— Пожалуй, можно и закончить на этом, а?

— Но ведь интересно, Григорий Фомич!

— Разве обо всем расскажешь! Тут и земельно-водная реформа, и «Худжум» — движение узбекских жен-

* Н а с в а й — род жевательного табака.

шин за свое раскрепощение, и коллективизация сельского хозяйства... Девятьсот тысяч мелких и микроскопических дехканских хозяйств только в одном Узбекистане! А в каких только учреждениях не приходилось работать!.. В двадцать первом году был образован Туркхлопок, на следующий год в Москве организовали так называемый ГХК — Главный Хлопковый Комитет. В двадцать четвертом году, в связи с национальным размежеванием в Средней Азии, появилось совсем любопытное учреждение — Ликвидационный Комитет по делам Туркхлопка, Буххлопка и Хорхлопка. Пять лет спустя появился Средазхлопкотрест. На следующий год его реорганизовали в Союзхлопкотрест. В тридцать первом году ГХК был ликвидирован, а вместо него образовано САХО — Среднеазиатское Хлопковое Объединение. Одновременно был упразднен Союзхлопкотрест и образован Средазхлопкотрест. А на следующий год не стало САХО. Вместо него при Наркомземах среднеазиатских республик появились хлопковые объединения. В том же году хлопкотресты перешли в ведение республиканских Комитетов заготовок. И так далее... Нас и в наркоматы легкой промышленности передавали, и текстильной промышленности. И было даже образовано Союзно-Республиканское министерство хлопководства..

Григорий Фомич перевел дух и, весело блестя карими своими глазами, спросил:

— Неправда ли, очень похоже на библейское перечисление предков рода человеческого?.. Адам родил Сифа, Сиф родил Еноса... И так далее.

— Как это вы все помните, Григорий Фомич? — искренне удивился я. — Просто удивительно.

— Это же работа моя, жизнь моя. — Он замаялся и добавил глухо: — Была жизнь. И много было нужных реорганизаций. Но еще больше — административного восторга, путаницы. А чтобы вы не морочили себе голову, одно усвойте: был Гроднич Григорий Фомич просто хлопковиком. Был, да весь, как говорится, вышел. И еще знайте, что я люто ненавижу преемника своего, субъекта по фамилии Век... Лев Львович Век. Знаете его, верно?.. Яростно ненавижу Века, его покровителей и прихлебателей.

Я недоуменно посмотрел на побледневшего от гнева старца.

— Подлец он — Век, негодяй! — резко вымолвил Гроднич, словно угадав мои мысли. — И не он один.

Ежели хотите знать, в хлопковом деле нынче мафия орудует. Особого рода мафия.

Прошли времена, когда я восторгался Львом Львовичем Веком. Доходили до меня о нем и не очень лестные отзывы. Ну да кто не ошибается? Однако в голосе Гроднича прозвучали слишком уж яростные нотки. Мне показалось, что старый хлопковик все же сгущает краски. Мафия!.. Нашел тоже сравнение! Ловкач Век, умеет «товар лицом показать» — это, пожалуй, верно. Но мафия!.. Поистине гнев — плохой советчик.

— Ну это вы уж слишком! — воскликнул я и почему-то оглянулся.

Григорий Фомич улыбнулся горько.

— Кого вы опасаетесь, милостивый государь? Вспомнили старинную поговорку: «И стены имеют уши»?.. Зря осторожничаете. Лев Львович не подслушивает. Зачем ему это? Если понадобится, он, как нынче принято говорить, такую телегу на вас покатит, что только ахнете.

Гроднич умолк и нахмурился. Он во мне явно разочаровался. Потому что окончил рассказ наскоро, абы отделаться.

— Что еще?.. Весной сорок первого года назначили меня в новой области управляющим хлопкотрестом. Жить пришлось на две семьи.

— Как так?

— Долго у нас детей не было. В двадцать пятом родилась Лидочка. Жили мы уже в Байрамкенте. Лидочка в девятом классе. Куда всей семьей в пограничный город!.. А вскоре грянула страшная война.

И вновь замолчал Григорий Фомич, явно давая понять, что больше рассказывать не намерен.

Простился он со мною довольно холодно.

За окном мерк зимний солнечный день, седьмое января тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.

Жить Григорию Фомичу оставалось всего двенадцать дней.

ОБРАЗЕЦ БЛАГОРАЗУМИЯ

Станным, самым причудливым образом переkreщаются порой людские судьбы. Левочка Век появился на свет весной тысяча девятьсот двадцать третьего года в городе Минске и более двадцати лет вовсе и не подозревал о существовании хлопковика Григория Фо-

миха Гроднича. Рос себе Левочка в тепле и довольстве, поскольку папа его, Лев Аристархович, очень неплохо «заколачивал живую копейку» в своем отделе «Координации согласований». И Век-старший учил подрастающее дитя житейской мудрости.

— Запомни, сын мой, — поучал пятиклассника Леву многоопытный родитель: — Все люди разделены на начальников и подчиненных. Есть большие начальники, очень даже большие, и, вместе с тем, существует множество маленьких и мельчайших начальников. Когда ты вырастешь большой, ты тоже станешь начальником. Но в то же время будешь и подчиненным. И тут главное — соответствие соблюсти. Твой подчиненные должны тебе угождать, ты же — своему начальнику. И начальникам своего начальника. Уразумел?

— А в школе как себя вести? — любопытствовал Лева. — В школе тоже есть начальники?

— Конечно! — с каким-то непонятным азартом воскликнул родитель. — Много начальников! Директор, классный руководитель, все учителя, пионервожатый, староста класса...

— Это Витька-то Климович мой начальник! — расхохотался Лева.

Отец грозно сдвинул густые чиновничьи брови.

— Не паясничай, а слушай, что тебе говорят. Витька — начальник. Сторожиха, уборщица — тоже! Всех слушайся, всем угождай, и будешь всем по сердцу. Скажут: «Какой воспитанный мальчик, просто прелесть!» Прикажут: «Сбегай в учительскую за мелом», — тут же лети опретью. Но при этом учти, что не все начальники любят, когда им угождают.

— Почему? — удивился Лева.

— Кто их знает? Надо полагать, книжной дури в них много накопилось. Мол, человек человеку самый большой друг и родной брат, уважать надобно друг дружку. Но это все чепуха и игра воображения. А может статья, притворяются, хотят пыль в глаза пустить, дескать, вот мы какие! Особенные.

— Значит, таким начальникам не надо угождать?

— Тупица! — вспылал родитель. — Таким с особым усердием угождать следует. Но хитро. Вот опять же пример с мелом. Ты не жди, когда тебя попросят за ним сбежать. Видишь: нету мела, ну и сам, по своей воле сходи в учительскую. Но не по-глупому клади мел перед учителем, а выжди, — пускай он сперва хватится

мела. Учитель недовольно поморщится, скажет: «Опять мела нет?.. Ну, кто храбрый, кто сбегает в учительскую?» А ты тут как тут: «Вот, пожалуйста, Сидор Иваныч, я как знал, что нет мела». Учитель тебя и приметит, подумает: «Славный мальчик. И ведь его не просил!»

Пятиклассник, запустив пальцы в рыжеватые свои вихры, громко расхохотался. Отцовские поучения пришлись ему по вкусу, и малец уже предвкушал, как своим умением незаметно угождать пробьется в старосты класса, сбросив, наконец, иго ненавистного Витьки Климковича.

Между тем Лев Аристархович продолжал поучения.

— И еще запомни: никогда не возражай начальнику и тем более — упаси тебя господь! — в спор вступать! Думай что хочешь, однако всем своим видом и поведением убеждай своего патрона в том, что он человек великого ума и что ты восхищен его высказываниями и деяниями.

— А если начальник дурак? — наивно спросил Век-младший.

— Что ты, что ты!.. — испуганно вскричал Лев Аристархович. — Не бывает дураков среди начальников. Заруби себе это на носу! Еще в стародавние времена сказал один мудрец: «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак!»

— А если из меня не получится дурака?

— Прикинься дураком — перед своим начальством. Но не совсем уж остолопом. Это чересчур.

— А я вот слышал, папа, — стоял на своем юный Лева, — про твоего начальника, Семена Егорыча, в школе говорили, что он большой дурак.

— Повторяю, сын мой, и запомни: нет дураков начальников, есть дураки, — помощники начальников.

В таком вот духе шло воспитание пятиклассника Лёвы. И оно дало свои плоды. Век-младший никогда не перечил учителям, вовремя приносил из учительской в класс циркули и другие учебные пособия. На классных собраниях выступал всегда так, как этого хотели его наставники, пионервожатые, большинство учеников. Лева ни разу не подрался, не пришел из школы с расквашенным носом, деятельно собирал металлолом и бумажную макулатуру, без звука записался членом «Осоавиахима», всеми правдами и неправдами сдал норму на значок «БГТО», первым принес червонец в

фонд помощи детям республиканской Испании, где вспыхнул фашистский мятеж...

Словом, Век-младший уже к восьмому классу сделал прекрасную, для школяра, разумеется, карьеру. Леву учителя ставили в пример, о его разного рода инициативах (сбор металлолома, вечера самодеятельности и проч.) проскакивали информашки в местной газете. Витька Климкович еще в шестом классе был уличен (стараниями Левы) в курении сигарет «Красин» в школьной уборной, вытасен на лобное место и с позором изгнан из старост.

Старостой избрали Леву Века. Причем — единогласно!

Факт этот необъясним. Ведь в классе у Левы были и недруги, заглазно говорившие о Веке, как о подхалиме, ловчиле и приспособленце. Развенчанный Витька Климкович называл нового старосту даже двурушником. Вскоре, однако, Витьке пришлось заткнуться. В разгар сенсационных, потрясающих воображение разоблачений тщательно замаскировавшихся двурушников в газете был опубликован очень важный документ, цитировавший другой весьма важный документ, в коих была сурово осуждена практика огульного охаивания честных людей. Приводились примеры неправедных расправ. В городе Змиеве, например, уволили из школы учительницу Журко только за то, что в газете появилась статья о ее брате, учительствовавшем в городе Изюме, как о националисте. «При проверке же выяснилось, что записка о брате Журко оказалась клеветнической»...

Витька окончательно слинял, пытаясь прилепить своему обидчику кличку «надворный советник». Дело в том, что Век-старший до революции служил в акцизе именно в этом чине, что соответствовало воинскому чину подполковника.

Но и на этот раз Климкович был посрамлен.

Сам директор школы, посоветовавшись где надо, сделал в классе разъяснение. О людях надобно судить не по прошлым заслугам или ошибкам, но исключительно по их сегодняшним, сиюминутным делам. К тому же среди надворных советников было немало и прогрессивно мыслящих людей, например, чин надворного советника имел Александр Иванович Герцен, непримиримый враг самодержавия. А великий русский сатирик, гневный обличитель царизма Николай Евграфович Салтыков-Щедрин, и вовсе был в чине статского генерала.

Оппозиция была разгромлена, а Лева, возликовав душою, подал заявление в комсомол. В десятом классе он уже верховодил комсомольской организацией школы. При всем желании к нему невозможно было предъявить никаких претензий. Круглый отличник. Вдохновенный общественник. Пример в личном поведении. Лева не курил, не брал в рот даже пива, гневно осуждал фок-строт, румбу и другие «гримасы тлетворного Запада», предпочитая на школьных вечерах и в коллективе самодеятельности танцевать вальс, польку-бабочку и «Лявониху».

И никто даже и помыслить не мог о том, что под личиной отличника и общественника скрывается злоеший эмбрион свирепого карьериста, стяжателя, для достижения своих корыстных целей готового шагать по костям своих ближних, по трупам карабкаться все вверх, вверх!..

Леве Веку еще и везло. Родитель сказывал, будто сын его в рубашке родился. И в самом деле!.. Крепко могла подпортить карьеру своему чаду мать Левы. Она происходила из богатого купеческого рода Кокоревых, в годы нэпа занимавшихся оптовой рыбороторгвлей и валютными махинациями. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В двадцать седьмом году, отдыхавшая на курорте, в Ялте, Анна Михайловна Век погибла во время знаменитого ялтинского землетрясения.

Лев Аристархович по-своему любил жену. С помощью ее родителей (оказавшихся вскоре в местах весьма отдаленных) он обзавелся собственным домиком на берегу живописной Свислочи и вообще стал на ноги, потратив часть приданого на угощение людей, от которых зависело быть Веку или не быть на теплом местечке в отделе «Координации согласований».

Горе овдовевшего Века смягчалось сознанием того, что вместе с тяжелой потерей утрачивались и связи с подозрительными родственниками, явно мешавшими делать карьеру.

Весной сорок первого года Лев Аристархович, долгое время протиравший брюки на стуле столоначальника, стал наконец главой отдела. У него уже были налажены контакты и связи, работа закипела, и новый шеф «Координации согласований» почувствовал себя человеком. Доходы резко возросли. Однако приходилось скрывать свое богатство. В те аскетические времена не-

возможно было публично развернуться, показать себя во всем великолепии. Над головой дамокловым мечом висел пугающий Закон от седьмого августа тысяча девятьсот тридцать второго года. За хищение социалистической собственности в крупных размерах Закон этот карал расстрелом. И лишь при особенных, каких-то чрезвычайных смягчающих обстоятельствах преступник мог рассчитывать на десять лет лесоповала. А какие могут быть смягчающие обстоятельства у чиновника, злоумышленно, с заранее продуманным намерением и систематически запускающего лапу в карман государства?!

И по сей день распространено мнение, будто все крупные расхитители народного добра являются потенциальными врагами социалистического строя.

Думается, это не совсем верно. Иные расхитители, напротив, чувствуют себя весьма уютно в нашем обществе. Попади они в условия капитализма с его свирепым законом «Человек человеку — волк!», — они сами стали бы жертвами конкурентной борьбы, биржевых махинаций и просто дерзких ограблений.

Наших расхитителей (по крайней мере многих из них), оказавшихся на Западе, можно сравнить с глубоководными рыбами, вынесенными какими-то таинственными силами на поверхность океана: приспособившихся к громадному водяному давлению, их распирает изнутри, и они подымают. Совершенно иные условия существования!

Вот почему умные расхитители, взяточники и прочие махинаторы не спешат подавать в ОВИР заявления с просьбой выехать на постоянное жительство за границу. Ведь до недавнего времени им было и на родной земле привольно и вольготно. Они занимали порой ответственные посты, пользовались почетом и уважением. Об них даже писали хвалебные очерки, оды, романы, призывавшие всех остальных граждан брать пример с «вдохновенных строителей коммунизма». Как-то стало непрестижно жить скромно. В ювелирных магазинах появились разные кольца и солитеры стоимостью в двадцать и тридцать тысяч рублей, дамские каракулевые манто из золотистого, бешено дорогого «сура», ошеломляющие красотой и ценой столовые гарнитуры, «стенки», кухни-сказки для миллионеров, дорогостоящие автомобили, за которыми и по сей день очереди, как в войну — за хлебом!..

Лев Аристархович не дожидаясь до того удивительного

и странного времени вседозволенности. Зато дожило его чадо, Лев Львович.

Веку-младшему опять крупно повезло.

21 июня 1941 года он получил аттестат об окончании средней школы. А на рассвете «юнкеры» бомбили город. Папаша же его был из тех расхитителей, которые томились духом при социалистических порядках и видели золотые сны с участием Родзянок, Терещенок и прочих кумиров Века-старшего. Лев Аристархович пересидел с сыном в подвале тревожное время. Вскоре в город вступили немецкие войска.

И тогда Лев Аристархович сказал своему чаду:

— Все! Игра в комсомол окончена. Теперь ты должен зарегистрироваться в комендатуре как фольксдойче и раскаяться. У меня сохранились документы, составленные еще при императоре Александре Благоденном, и неопровержимо доказывающие немецкое происхождение Веков. Имей в виду, сын мой, что мы, немцы Веки, подвергались насильственному обрусительству. Тебе надобно поступить на работу. Я тоже пойду с предложением своих услуг. Немцам нужны толковые чиновники.

Века-младшего выслушали благосклонно и определили в городскую управу переводчиком, поскольку он действительно учился в школе на «отлично» и довольно сносно говорил по-немецки. А вот старшему Веку не повезло. Он напоролся на улице на пьяного фельдфебеля, который принял рыжеватого и горбоносого Льва Аристарховича за «юде». Простучала короткая автоматная очередь, и великая Германия лишилась толкового чиновника.

Трагическое происшествие сослужило Лева хорошую службу. Какой-то важный ээсовец выразил сироте сожаление по поводу несчастного инцидента и пообещал строго наказать виновного. Переводчику назначили паек. Когда некто Каминский в Витебской области стал формировать «Бригаду народной милиции», юному Веку предложили вступить в нее волонтером. И тут надобно отдать должное уму моего антигероя. Несмотря на блистательные победы немецкого оружия, на стремительное продвижение гитлеровских полчищ в глубь страны, — Лева проявил дьявольскую осторожность. Решил: надо выждать!

И он отказался от предложения, сославшись на нервное расстройство, вызванное трагической гибелью отца.

Его оставили в покое, и Лева продолжал возиться с бумагами, переводя их на немецкий язык. Гибель германской армии под Сталинградом заставила Века-младшего взглянуть еще внимательнее на ход исторических событий. В душе его возникло и не утихало щемящее чувство не то чтобы вины, но возможной ответственности в будущем за усердные упражнения в немецком языке. Необходимо было как-то подстраховать себя на случай непредвиденный, невероятный, но все же допустимый хотя бы в теории.

И тогда Лева стал искать контакты со своими бывшими одноклассниками, оставшимися в городе.

И он отправился к Витьке Климковичу.

Долговязый парень со светлым вихром на макушке посмотрел на незваного гостя как на выходца с «того света».

Придя немного в себя, произнес не без яду:

— Гутен абенд, герр Век. Какая нелегкая принесла?

— Брось, Вить, — Лева стеснительно улыбнулся. — Я к тебе за советом.

— Каким еще советом?

— Как дальше жить, а?

— А как живешь, так и живи! — окрылся Климкович. — Ты же хорошо устроился, перед фашистами выслуживаешься!

— А ты?.. И ты на них работаешь. Я ведь видел, как ты по утрам на автобазу бежишь.

Витька побагровел. Долго молчал. Потом буркнул:

— Мне мать с сестренкой кормить надобно. Отец на фронте.

— А моего отца фашисты расстреляли!

— Знаю. А ты им служишь!

— А ты не служишь, что ли?.. Есть-пить надо.

— Я на автобазе, а ты в управе.

— А это без разницы. Что в лоб, что по лбу.

— Есть разница.

Разница действительно была, потому что автобаза, на которой Витька прислуживал оккупантам, месяца через два сгорела дотла. Зная характер своего школьного недруга, Лева догадывался о том, что Витька не очень-то усердный слуга оккупантам. В городе действовало подполье. Неизвестными совершались акты возмездия, происходили взрывы, возникали пожары, на стенах домов появлялись листовки...

Потому-то Лева и заявился к Витьке. Чего-чего, а

парень этот ни в жизнь не покривит душой. Если вдруг все же вернется Красная Армия, Климович подтвердит, где надо, тот факт, что его одноклассник Век тогда-то приходил и просил совета, как жить дальше. Это точно.

Однако в тот вечер разговора по душам не получилось. Витька держался настороженно. А после пожара на автобазе и вовсе исчез из дому вместе с матерью и сестренкой.

Судьба продолжала благосклонно помогать юному Леве. Весной тысяча девятьсот сорок четвертого года он стал бойцом партизанского отряда «Мститель», действовавшего неподалеку от Минска. Вышло так, что фольксдойче Век был приставлен переводчиком к важному продовольственному гебитскомиссару, решившему совершить инспекторскую поездку по вверенному ему крайсландвирту.

И вот возле одного из искусственных озер, которых было так много до войны в Белоруссии, кортеж гебитскомиссара напоролся на партизанскую засаду. «Опель-капитан» гитлеровского чиновника подорвался на mine. Охрана, следовавшая за «опелем» на бронетранспортере, была перебита. Леву взрывом выкинуло из машины. Очнувшись, он понял, что жив и даже не ранен, только довольно сильно ушибся. И хотя в его голове гудели колокола и кровь заливала лицо, юнец смекнул: «Это и есть последний шанс!»...

Гитлеровец тоже стал приходить в себя, однако пока ничего не соображал, лежал на спине и по-паучьи шевелил руками и ногами, видимо, желая убедиться в том, что жив. В это время переводчик подполз к шефу, вытащил из его кобуры массивный «Вальтер» и приставил к животу обомлевшего гебитскомиссара.

Когда подбежали партизаны, они увидели, что юный Век поднимает за шиворот важного гитлеровского чиновника, вдавив ствол «Вальтера» в его округлый бок, и хрипит: «Вег... Вег, гитлеровская скотина!.. Вег, тебе говорят! Шнель... Шнеллер!..»

В народе говорят: «Если уж повезет, то и автомобиль выиграешь по трамвайному билету!» И это святая истина. Леве везло просто поразительно. В народе еще говорят: «Нечистый помогает!» Но это уже, по-моему, чересчур. А впрочем, и на нечистого, пожалуй, могу согласиться. Ведь надо же!.. В отряде «Мститель» оказался Витька Климович, бежавший к партизанам пос-

ле совершения диверсии. Он рассказал о Веке все, что знал. Лева же, со своей стороны, со слезами на глазах поведал, как мечтал он связаться с партизанами, ходил для этого даже к Виктору. А то, что он действительно ходил к Климковичу, было истинной, святой правдой. Витька все подтвердил. Никаких особых грехов у Века, кроме переводческой деятельности, не было. Грохотал сорок четвертый год. Гитлеровцев громили на всех фронтах. Настроение было великолепное. К тому же еще в сорок третьем в партизаны принимали даже раскаявшихся полицаяев. А тут простой переводчик, мальчишка, на губах мамкино молоко не обсохло. Чего с него взять!

Для начала приставили к кухне. Через месяц дали немецкую винтовку 98-К, тяжелую и неудобную в обращении. Зачислили в комендантский взвод. Лева нес охрану штаба отряда. В боях не довелось ему отличиться, да он и не стремился подставлять лоб под пули. И времени для проявления геройства уже не оставалось. Третьего июля сорок четвертого года части Советской Армии и партизанские отряды и бригады вошли в город Минск. Среди ликующих победителей Лев Век выделялся щегольским мундиром, снятым с немецкого офицера и украшенным огромным алым бантом, и бешеными воплями радости по случаю освобождения от ненавистных оккупантов столицы Белоруссии.

Вскоре его призвали в армию. С учетом роста (180 сантиметров) и его партизанского прошлого Льва Века определили в гвардейскую дивизию. И вновь нечистый помог моему антигерою. Генерал Энский, командир гвардейской дивизии, отыскал где-то под Минском жену с дочкой, Светочкой, года на два моложе Левы. Семью надо было генералу отправить к родственникам в Ташкент. Тут и подвернулся на генеральские глаза бывший партизан и симпатичный солдат Век. Комдива, правда, смутила фамилия — Век. Уж не немец ли?! Но нет, Лева уже был чистокровным русаком. В партизанском отряде он выправил себе соответственные документы. Пытался он из Века в Векова оборотиться. Даже согласен был Булкиным стать (Weck — булка). Но тут уж партизанский особист восстал. Так и остался мой антигерой Веком. Впрочем, каких только странных фамилий не бывает на белом свете!

— Поедешь сопровождающим, — сказал генерал солдату.

И бравый вояка Век ответил, лихо откозыряв:
— Есть!

В дивизию солдат Век так и не вернулся. И тут уж я никак не могу объяснить, почему так вышло. Знаю только, что генеральша и ее дочь Светочка пристроили Льва Века в какой-то части Ташкентского гарнизона. Генерал же, поглощенный войной с фашистами, и думать, видимо, забыл о каком-то там солдате. Полагаю только, что из Ташкента пришла в дивизию соответствующая бумага, — чтобы не считали рядового Века Л. Л. дезертиром, попала она в руки начальника штаба, который уважал комдива и его жену, — на том и делу конец.

Всякие чудеса случаются в жизни. К примеру, приехал я как-то в Крым, на отдых. Решил побывать в знаменитом Воронцовском дворце. Побывал. Подивился роскоши, удивительному искусству крепостных мастеров. Но еще больше поразился тому, что на спуске к морю, в райских кушах, взвод солдат прорывал канавки, окучивал араукарии и прочие чудеса ботаники!

А еще говорят: армия — не курорт! Служат у самого синего Черного моря. Солдатики, обнаженные по поясу, принимают солнечные ванны. Непонятно только, по какому виду работ провели их труды: рытье окопов полного профиля и маскировка местности от воздушного удара противника? А может быть, все было ближе к истине. Что-нибудь вроде: «Шефская помощь во внеслужебное время герою Отечественной войны генерал-фельдмаршалу Воронцову М. С. в обустройстве садово-ягодного участка».

Так что все может быть на этом свете. И потому не стоит удивляться изворотливости Львы Века. Генерал Энский, правда, все же удивился и даже возмутился, когда некоторое время спустя узнал из жениного письма о том, что его дочка Светочка вышла замуж. «Левочка, — писала мужу генеральша, — просто прелесть! Заботливый, внимательный, дышит — не надышится на Светочку. И я просто себе не представляю, что бы мы делали без него, как бы жили?!»

Уразумев, наконец, из другого письма, что Левочка, его неожиданный-негаданный зять, — тот самый бывший партизан, уехавший сопровождающим с женой и дочерью, генерал пришел в неистовство. Он возгорелся праведным гневом и совсем было решил немедленно вызвать уклоненца в дивизию и направить в штраф-

ную роту. Но опять-таки помешала война. И не столько даже война, — хотя надо было брать штурмом Берлин, — как тот факт, что война вскоре окончилась Великой Победой.

А затем и еще одно письмо явилось из далекого Ташкента. Жена, дочь и новоявленный зять поздравляли его с радостным событием — Светочка готовилась стать матерью. При этом известии растаяло даже суровое генеральское сердце. «Черт его знает! — подумал заслуженный воин. — Может, и в самом деле Светка обрела свое счастье. Да и куда теперь деваться? Рубикон, как говорится, перейден. Солдат устроил генералу Канны. Навоевался, хватит с меня. Теперь не стыдно и капитулировать».

И опять повезло моему антигерою. Генерал Энский получил назначение в штаб Туркестанского Военного Округа. Наставления премудрого Льва Аристарховича не прошли даром для его отпрыска. Лева понимал, что тесть его относится именно к тем начальникам, которые питают отвращение к демонстративному подхалимажу. Поэтому зять держался весьма достойно. Он сдержанно покаялся в неизбывной любви к Светочке, вызвавшей, как оказалось, неизбежные последствия еще до свадьбы. С чувством, но и не унижаясь, попросил запоздалого благословения. Генерал благословил. А что еще ему оставалось делать? К его приезду в Ташкент в красивой люльке, поступившей в Военторг по репарационным платежам, пускало пузыри очаровательное существо, названное в честь дедушки Максимом.

Весной сорок шестого года Льва Века демобилизовали. Генерал страшно удивился. Но, оказывается, у зятя имелась справка о контузии. Имелась у него и справка об участии в партизанском движении. В отличие от легкомысленного своего одноклассника Витьки Климовича, закончившего войну в Чехословакии, и не озаботившегося запастись справками, Лева умело задокументировал себя и тем самым обеспечил себе будущее. Он, например, добился получения медали «Партизану Отечественной войны». А Витька ее не удостоился. В штабе отряда как-то пропустили в списках фамилию Витьки, а он напомнить посчитал для себя постыдным делом. А затем партизанский отряд расформировали. Боевые друзья разлетелись по воинским частям, по белу свету. Что ж теперь бегать по военкоматам, писать прошения, кланчить?.. Видно, такая судьба.

О контузии и ранении в руку, полученные в бою под Братиславой, тоже ведь справки не имеется. Через двое суток Витька стал и видеть, и слышать. Вроде, прошла контузия (она через много лет сыграла роковую роль!). Ранение не тяжелое. Осколок распорол большой палец правой руки, да блиндажным перекрытием, — бревном, точнее, — кисть придавило. Военфельдшер Шурочка тремя стежками стянула мякоть пальца, чтобы, значит, кость не торчала, а кисть руки уложила в гипсовую лангетку. Вот и вся недолга. Воюй дальше, солдат, коли не желаешь в медсанбате понежиться.

Одним словом, Витька Климович сам во всем виноват. Не заглядывал он в далекое будущее: А Лева Век заглядывал, его светлые водянистые глаза по-соколиному видели перспективу.

Несколько огорчало генеральского зятя то, что тесть не то чтобы его ненавидел, нет, но вроде как бы терпел, — ради тетки Максима и дочери своей Светки. Но и суровый воин, наконец, помягчал душой. Зять не пил, не курил, вел праведный образ жизни, говорил ласковые слова Светке, нянчился с Максимкой... А осенью сорок шестого года поступил в сельскохозяйственный институт. В институте героя-партизана приняли в партию. Чтобы не быть в генеральской семье нахлебником, устроился Лева ночным сторожем в том же институте. Ему даже каморку предоставили, и Лева объявил, что решил переехать с семьей туда на жительство. Но тут генерал Энский сказал свое басовитое слово.

— Этого еще не хватало! Крохотного Максимку в какую-то мурью!.. Да и Светке незачем. За самостоятельность характера, я тебе, Лев, объявляю благодарность. Но все же... хм... Усердие твое не по разуму. Что у нас, тесно, что ли? Четыре комнаты, свой двор...

Смекалистый Лева вовсе не собирался перевозить семью в мурью. Он в институте выпросил ее якобы для семейства, чтобы ему было где грызть гранит науки со скрежетом зубным. И все получилось, как нельзя лучше. Лева по-прежнему жил и питался в генеральском особнячке, а «мурья» у него была для ночного отдыха и ученых занятий.

Надо отдать должное Веку, учился он превосходно, первый и второй курсы умудрился одолеть за один учебный год!.. Круглый отличник, получал повышенную стипендию плюс четыреста целковых за ночные бдения (правда, если по-честному, по ночам Лева либо зуб-

рил, либо сладко почивал на усталом перинной ящике с пожарными принадлежностями). Так что не был он — в буквальном смысле этого слова — нахлебником. Он свой посильный вклад в семейный бюджет вносил.

Тестю было приятно, что зятек не пользуется генеральским именем, не просит протекций, не фанфаронит перед студентами своими партизанскими подвигами.

Лева Век и в самом деле держался скромником. Однако он очень умело (через других лиц) распространял лестные для себя сведения среди преподавателей, профессоров, студентов. А то, что он зять славного генерала, об этом — как-то так вышло, — все прекрасно знали.

Генерал!.. Слово это содержит в себе нечто магическое. Сразу же перед мысленным взором возникают красные лампасы и сверкающие золотые погоны... Клубы дыма и даже чудится удушливый запах взрывчатки и пороховой гари. Беззвучно звучит в голове молодецкое тысячеголосое «Уррра!..» и (у меня лично) почему-то роятся картины великих битв... Мюрат в желтых мушкетерских сапогах и сверкающей золотом епанче... Ермолов, швыряющий георгиевские кресты то ли на Шевардинский редут, то ли на Семеновские флешы... «Гвардия умирает, но не сдается!»... Неистовый Багратион, сраженный вражеским ядром, генерал Воронцов, ведущий своих гренадер в штыковую!.. Умирающий, с оторванным пушечным ядром ногами, маршал Ланн произносит обессмертивший его афоризм: «Если гусар в тридцать лет еще жив, то это не гусар, а дерьмо!»...

Перед генералом отчаянно хочется выглядеть эдаким молодцом, чудо-богатырем, умным, как Гарри Каспаров, мудрым, как хоккейный вратарь Третьяк... Хочется что-то приятное сделать генералу, услужить... И это вовсе не подхалимаж. Это нечто иное — нежное и благородное.

В доказательство приведу яркий пример. Как-то ехал я в трамвае. Рядом со мною уселся первоклашка. Вскоре в вагон, побряхтывая и вздыхая, взобралась старушка. Так этот первоклашка и ухом не повел. Более того, когда я принялся его укорять, нахальный сопляк стал огрызаться. Я до того увлекся перевоспитанием юного наглеца, что и сам забыл уступить старушке мес-

то. Спыхватился — но поздно: старушку уже кто-то усадил.

И что же вы думаете? На следующей остановке входит в трамвайный салон генерал. Я так и ахнул. Не потому, что я впервые в жизни увидел генерала. Но я никогда даже и не предполагал увидеть генерала в трамвае! Теперь-то я догадываюсь, что это, наверно, был отставной генерал. Как бы там ни было, а я сам не заметил, как оказался на ногах и, заикаясь и запинаясь от волнения, стал предлагать генералу свое место. И не только я, — почти все сидящие повскакивали со своих мест. И даже гнусный первоклашка принялся канючить: «Дяденька генерал, садитесь на мое место, ну пожаласта-а-...».

Генерал от смущения побагровел, стал упрямыться, отказываться, и так и не сел. На следующей остановке он выскочил из вагона, как ошпаренный. Видимо, потому-то генералы и не ездят в трамваях.

Не правда ли, удивительная загадка — в вагон вошел обычный человек, только в генеральской форме, — и все вдруг с ума сошли! Ну я... Это понятно. В сорок втором, на Северном Кавказе, когда мы отступали по вселенской грязи, в которой то и дело тонули сапоги, я неудачно сострил насчет замедленных темпов отступления. И глупая моя острота дошла до одного значительного генерала, находившегося как раз поблизости. Он приказал: «Расстрелять паникера!» (Тогда действовал суровый Приказ по борьбе с паникерами). Но тут же добавил: «Приведите сукиного сына, хочу взглянуть». Привели. Он смотрит и я на него смотрю. Вижу, как в тумане: небритый человек с красными от бессонницы глазами, в заляпанной грязью шинели. На защитного цвета петлицах такие же звезды. Что-то много я их увидал. Наверное, в глазах у меня двойлось или тройлось.

Откуда-то издали слышу голос:

— Нашли злоумышленника!..

И тут же я увидел перед моим носом волосатый кулак, очевидно, генеральский. Кулак больно ткнул меня по носу снизу вверх и произнес:

— Отстегать бы тебя ремнем, пацана языкастого, да времени нету!.. Вали отсюда, трепло.

С той минуты я и проникся неизбывной любовью к генералам.

Однако я несколько отвлекся. А надобно досказать

о Льве Веке. Учился, повторяю, он прекрасно. Круглый отличник. Однако, если по-честному, то не всегда Лева отвечал на твердую «пятерку». Но ведь доцент или даже профессор — тоже человек и, следовательно, ничто человеческое ему не чуждо. Отвечает не кто-нибудь, а генеральский зять, способный молодой человек, ветеран войны. Ну и что с того, что совсем чуток не дотянул до «пятерки»? Из-за этого портить парню зачетную книжку? Негуманно.

В те далекие времена не существовало красных дипломов. Однако отличники получали обычные темно-синие «корочки» с припечаткой красными буквами: «С отличием». Именно такой престижный документ и был вручен Льву Львовичу Веку, агроному-хлопковнику. Генеральскому зятю и отличнику предложили подать документы в аспирантуру, однако Лев Львович отказался. Тесть, вышедший к этому времени в отставку из-за ранений, похвалил зятя за принципиальность.

— Молодец, Лев. Благодарность тебе перед семейным строем! Рад, что ты не карьерист. Все хочешь пощупать собственными руками, изучить хлопок досконально.

Однако принципиальностью тут и не пахло. С детских лет обученный отцом-чиновником «житейской мудрости», Лев Львович понял, что делать карьеру надобно не в научных лабораториях. Чего в них можно добиться? Ну, станешь доктором наук, профессором, каких навалом!.. Зарплата генеральская. Но если взглянуть шире, масштабнее, то все это мышьяная возня. Вот ежели бы удалось вывести такой сорт хлопчатника, чтобы коробочки были величиной с мирзачульскую дыню!.. Однако где гарантия, что добьешься столь ошеломляющего, сказочного успеха?.. А зарплата... Слезы! Что такое пореформенные пятьсот рублей? Приличная каракулевая шуба стоит тысячи многие. Даже автомашину «Победа» купить затруднительно. А еще есть пить надо, штаны Максимке, коньячку (Век не пил до поры до времени) для услаждения собственных потребностей, икорки!..

На тестя-отставника упор делать — дохлый номер. Он свое сделал. Нужны деньги. А их не в городе отыщешь. Надобно идти в народ, в отстающий колхоз.

И Лев Век попросил направить его в отстающее хозяйство. Выполнить его просьбу особых затруднений не составляло, Отстающих колхозов хватало. И очутил-

ся Л. Л. Век в колхозе «Рассвет», Хопмайлинского района, Якшичуйской области — в той самой, где областной хлопкозаготовительной организацией ведал Григорий Фомич Гроднич.

Вот таким причудливым образом перекрестились пути ветерана-хлопковика и молодого карьериста, ловчили, ставшего в конце-концов ненасытным обиралой и преступником.

* * *

От повествователя

Я приношу свои извинения тем читателям, которые с нетерпением ждут, когда же, наконец, произойдет ограбление Века. Понимаю я и их разочарование, — ведь они, надо полагать, ждали какого-нибудь небывалого, сенсационного ограбления, преступления, совершаемого раз в столетие!..

Спешу успокоить нетерпеливых читателей. Все будет. Все будет. Но в свое время. Да и самим названием повествования я как бы честно предупредил: такого рода злодеяния совершаются не чаще, чем один раз в сто лет. А может быть, и того реже. Всего же вернее, ничего подобного — о чем речь впереди — и вовсе никогда больше не повторится.

А сейчас позволю себе продолжить свой сказ.

«СВЕТЛАЯ ГОЛОВА!»

Досконально продумал свое будущее Лев Львович Век. В институте он усердно штудировал узбекский язык, так называемые «гаплар намунаси», со студентами узбеками, постоянно практиковался в разговорной речи. И потому с председателем колхоза «Рассвет» Век, представляясь, заговорил по-узбекски.

Век заранее приготовил краткую, но цветистую речь, в старинных традициях восточного ораторского искусства.

И сразу же возникла непринужденная атмосфера. Они говорили и по-русски, и по-узбекски. Я не стану передавать всех языковых тонкостей. Задача у меня совсем иная — по мере слабых сил моих рассказать о том, как быстро нашли общий деловой язык два страдающих от переизбытка энергии и сил проходимца.

Усто-раис означает председатель-мастер. Усто обыч-

но называют художников, артистов, кудесников гончарного искусства и так далее. Усто-раисом Одилбая Парпиева прозвал, из подхалимских соображений, некто Сабирджан, колхозный бухгалтер. Хотя, если разобраться, факт этот не поддается логической оценке. Подхалимы стелятся ковриками перед сильными личностями, прославленными деятелями и т. д. А Одилбай же был председателем колхоза-развалюхи. На районных партийных пленумах, на активах Одилбая постоянно мылили шею, грозили лишить председательского кресла. И было за что. Урожайность хлопка всего семь центнеров с гектара, животноводство в полнейшем запустении, — надой молока от каждой коровы... четыреста литров! Колхозники получали на трудодень смехотворные копейки и какие-то граммы натуральной оплатой.

В годы войны Одилбай еще как-то оправдывался тем, что в сельхозартели острая нехватка рабочих рук — почти все трудоспособные мужчины ушли на фронт. Но война кончилась, а положение дел не менялось. Парпиев, что называется, висел на волосочке. И поэтому гордое прозвище — Усто-раис в общем-то звучало как насмешка. К счастью для бухгалтера Сабирджана, Одилбай не страдал обостренным чувством юмора. К тому же он был туп, однако тупость его, как это нередко бывает, удивительным образом сочеталась с хитростью. Характер же его, властный и жестокий, требовал выхода на широкий простор.

Высокий, худой, как жердь, с пронзительным взглядом черных глаз, он держал «своих людей» в страхе и повиновении.

И люди; как ни странно, терпели. Дело в том, что Одилбай закрывал глаза на то, что колхозники, чтобы не помереть с голоду, торговали на байрамкентском базаре овощами и фруктами со своих приусадебных участков. К тому же, все ждали, что не сегодня-завтра Одилбая с треском выкинут из председателей.

Появились, правда, и строптивцы, из числа демобилизованных, например, тяжело раненный бывший артиллерист Хусан Самандаров. Но его вскоре догнала война, и он умер. Другой строптивец Турабек Юлдашев, отправившийся в обком партии с жалобой на райса, бесследно исчез. И его таинственное исчезновение повергло в трепет пять кишлаков, из коих и состоял колхоз «Рассвет».

Из кишлака в кишлак ездил на ишачке седобородый

старичок, мулла Ходжа, тайный советчик раиса, и вел странные разговоры о послушании, покорности, о великом грехе безверия и непочтения к начальству.

В сущности это был не колхоз, а феодальный лен, ханство, вконец разоренное своим владыкой.

Смекалистый Лев Львович быстро сориентировался в обстановке. Прежде всего следовало принять меры к тому, чтобы Усто-раиса оставили в председательском кресле. Такой человек ему, Веку, был очень нужен, необходим. Еще в памятный день знакомства с Одилбаем Лев Львович сказал:

— Можете на меня положиться, Одилбай-ака, как на каменную стену. Все будет в наипрекраснейшем виде. Лучшего заместителя вам не сыскать.

— На все воля аллаха, — угрюмо ответил раис. — Вижу, ты человек хваткий. Мне бы как-то отчитаться... Чтобы меня оставили в покое. Что можешь придумать, а?

— Нет безвыходных положений, ака, — улыбнулся Век. — Прежде чем прибыть к вам, к месту назначения, я навел некоторые справки. У вас, я так полагаю, есть личные средства. И не малые.

— Ты что болтаешь, ахмак! — вскинулся раис, серая кожа его худого лица пошла красными пятнами. — Что еще за средства?!

Лев Львович укоризненно покачал головой.

— А вот это вы оставьте, уважаемый раис. Я далеко не ахмак... Не дурак, значит. И давайте сразу договоримся: будем взаимно вежливы. Вы старше меня и поэтому можете говорить мне «ты». Я же стану обращаться к вам на «вы», называть старшим братом и выражать разные знаки внимания и почтительности. Но все это на людях. А в доверительной обстановке будем на равных. Ты мне «ты», и я тебе. Хочешь стать Героем — станешь им.

Раис от удивления онемел. Между тем Век продолжал:

— Я... Я вытащу колхоз в передовые, в миллионеры. Я создам тебе популярность, прославлю на всю страну. Только слушай меня... Что касается твоих личных средств, то ты, во-первых, мог бы поддержать на первых порах молодого специалиста. Тысяч пять мне пока...

— Беш минг!! — вскричал Одилбай, вскакивая, словно его пружиной подбросило.

— Слушай, Одилбай, хватит, а? У тебя на горных

пастбищах три сотни овец. Это раз. В войну ты очень неплохо зарабатывал на рисе. И сейчас гребешь деньги.

Раис смотрел в светлые глаза своего нового зама, глаза снулой рыбы, в которой вдруг заиграли веселые огонечки, и лишь вымолвил:

— Денежную реформу забыл, а? Все прахом...

— Не все, друг мой, далеко не все. Ты сообразительный, изворотливый человек, прекрасно знаешь, что золото, камушки, которые взвешивают на караты, не подвержены никаким финансовым крахам. Изменяется масштаб их стоимости, всего лишь... Но-но, не хватайся за пычак, это пошло! Председатель колхоза убивает своего заместителя ножом. Ха!.. Остынь, уважаемый, я тебе еще пригожусь. Поверь мне. Повремени малость. И учти, что я не покушаюсь на твои сокровища. О тебе же забочусь, милый мой. Ты ведь горишь желанием остаться владыкой «Рассвета», не правда ли?.. Ну и прекрасно. А теперь слушай...

Доверительная беседа длилась до поздней ночи. Продолжалась она и в доме Одилбая, за пловом. Прощаясь со своим новым зампредом, Усто-раис, слегка заплетаясь языком, вымолвил:

— Светлая у тебя голова, Леваджан!.. Это аллах мне тебя послал.

Лев Львович поселился в небольшой комнатке при правлении колхоза. Жену с сыном он оставил у родителей. Режим себе установил спартанский. Вставал до рассвета, завтрак — лепешка с пиалой, другой чая. И сразу же садился на коренастый мотоцикл «цундап», подаренный ему тестем по случаю окончания института. Мотоцикл этот был законным военным трофеем, с мощным мотором и очень надежный. Он носил энергичного зампреда из кишлака в кишлак, с одной полевой карты на другую. Наладил контакты Век и с районными властями. Он тщательно изучал людей, их сильные стороны и их слабости. Трудности преодолеть ему предстояло немалые. Развернулась хлопкоуборочная кампания. Лев Львович направил в вышестоящие инстанции обстоятельные письма. В них он честно и беспристрастно обрисовал положение дел. Урожайность хлопчатника, к сожалению, в этом году будет все той же, семь центнеров с гектара, с животноводством тоже плохо. Оставляют желать лучшего и дела с другими сельхозкультурами. Но это — в последний раз. Далее в письмах зам-

пред перечислил все намеченные мероприятия, которые позволят резко повысить хозяйственные результаты: четкая организация труда, контроль за вспашкой и другими работами МТС, использование местных и минеральных удобрений, семенной фонд и т. д. и т. п.

В конце писем (точнее — это было вроде как циркулярное письмо, с разными адресами) Л. Л. Век просил, в интересах дела, повременить с присылкой авторитетной комиссии по проверке деятельности председателя колхоза Одилбая Парпиева. Человек просто растерялся. Слишком тяжело ему пришлось в годы войны, когда на полях работали старики да детишки. Но со счетов Парпиева списывать рано, он себя еще покажет. Пусть проведет весенний сев.

Далее в письме были такие строки: «Неисчислимы беды принесли колхозу и разоблаченные в 1948 году на сессии ВАСХНИЛ реакционные измышления вейсманистов-морганистов, всячески извращавших материалистическую теорию наследственности и восхвалявших вредную антинаучную теорию Менделя — австрийского монаха и мракобеса».

Циркулярное письмо заканчивалось заверениями в том, что, руководствуясь истинно научным учением академика тов. Т. Д. Лысенко, дружный коллектив сельхозартеля «Рассвет» уже в ближайшем будущем добьется коренных сдвигов в борьбе за Большой хлопок.

Письмо Века возымело действие. Особенно произвела впечатление ссылка на происки вейсманистов-морганистов. В те времена это был веский довод. Газеты печатали сенсационные разоблачения лжебиологов, некоторые из которых, особенно упорные, получили даже суровое, но справедливое воздаяние по заслугам.

В газетах пестрели статьи и заметки о все новых и новых подвигах советского человека в борьбе с природой, всюду красовались красочные плакаты «И засуху победим!» и «Утро нашей родины». На последней был изображен Сталин с макинтошем, перекинутым через руку: вождь вышел на прогулку и спокойно любуется преобразенной и покоренной человеком природой. Плакат вселял уверенность в своих силах и звал к новым свершениям.

Обком партии решил отложить проверку колхоза «Рассвет». Тем временем Лев Львович развернул поистине титаническую деятельность, принимая против уклоняющихся от общественного труда колхозников суро-

вые, пожалуй, даже драконовские меры. Установил в кишлаках самостоятельные контрольно-пропускные пункты, на которых всех едущих на базар в Байрамкент отлавливали. Никакие объяснения не принимались во внимание. Люди упрашивали, со слезами на глазах говорили о жалком своем положении, о том, что продажа фруктов и овощей со своих участков — единственное подспорье, поскольку колхоз не кормит, а только требует и требует!..

— Вздор! — шипел Одилбай Парпиев и сверкал своими гипнотическими глазами. — Колхоз потому и не кормит, что никто не желает работать!

Наученный своим новым замом, Парпиев действовал решительно. Образованный Век объяснил ему суть политики «кнута и пряника». Насчет кнута Усто-раис понял слишком даже прямолинейно и потому нередко пускал в ход камчу — тяжелую, больно стегашую плеть. Иные пробовали жаловаться на рукоприкладство раиса в партийное бюро. Однако секретарь партбюро колхоза Семен Кетов давно уже, по меткому выражению Века, «сидел в кармане у раиса».

Нашелся даже «теоретик», оправдывающий «политику кнута», — сторож из кишлака Учтепа — Раим-ака, бывший «экономический контрреволюционер». Сторож-теоретик рассуждал так: он, жалобщик, отведавший камчи, и в самом деле дангаса, лентяй, спекулянт. Так что пусть скажет «рахмат», спасибо раису за то, что он решил дело по-семейному, по-отцовски. Одилбай, Усто-раис, всем нам отец, а мы его дети. Разве лучше будет, ежели раис прибегнет к закону?.. Есть ведь страшный Указ от четвертого июня тысяча девятьсот сорок седьмого года «Об уголовной ответственности за хищение государственной и общественной собственности». Слышали, небось, как в городе Указ этот людей карает?!. Унес с работы катушку ниток — получай семь лет!.. А наш раис, хоть и горяч, но справедлив. О нас же заботится!

И тут, полагаю, уместно объяснить недоумевающим читателям, что же это за титул — «экономический контрреволюционер».

В тысяча девятьсот тридцать четвертом году Раим Мирходжаев был не сторожем, а председателем Мингарьского райисполкома. Хлопкозаготовки шли тогда очень трудно. Понаехала великая орда уполномоченных и особоуполномоченных. Они вмешивались в дела, уг-

рожали, сигнализировали в высокие инстанции. Раим Мирходжаев, тогда молодой тридцатипятилетний человек, совсем потерял голову. А тут еще еженедельно надо отчитываться перед самыми высокими инстанциями — пришла циркулярная телеграмма во все райкомы и райисполкомы за подписью — страшно подумать — кого! В ней было четко сказано: за невыполнение недельного плана хлопкозаготовок виновные будут привлекаться к уголовной ответственности как саботажники и экономические контрреволюционеры.

Однажды в район нагрянул такой грозный особополномоченный, что, глянув на него, председатель райисполкома едва не потерял сознание. Повергший в трепет Мирходжаева человек выглядел вовсе не страшно. Черное кожаное пальто, огромная шапка волос (он не носил ни кепки, ни фуражки), сократовский лоб и пронзительные светлые глаза. И голос у особополномоченного не был грозным. Однако в целом приезжий производил сильное впечатление. Быть может, этому способствовал маузер, видневшийся из-под расстегнутой кожанки.

Пожав руку омертвевшему от страха председателю и не назвав себя, он коротко сказал:

— Поехали.

Притормозили у ближайшего хлопкового поля. Стоял прохладный, солнечный ноябрьский день. Словно из-под земли появился раис колхоза. Взглянув на особополномоченного, раис вдруг удивительным образом мгновенно постарел лет на тридцать и теперь, как две капли воды, походил на своего дряхлого отца, словно был его братом-близнецом.

В светлом небе гулял ветерок и щебетали птички. А по хлопковому полю бродили колхозные коровы и грызли стебли хлопчатника, гузапаю. Хлопок на этой карте был давно собран и потому она выглядела мрачно. Лишь то там, то сям белели хлопковые дольки — ощипки.

Человек в кожанке помолчал. Затем произнес тихо и зловеще:

— И это называется борьба за хлопок до последней коробочки... — Опять помолчал и добавил буднично, несколько даже досадливо: — Взять саботажника.

И кивнул в сторону раиса.

Тут лишь Мирходжаев заметил, что особополномоченного сопровождают двое в штатском, удивительно

похожие друг на друга бесстрастным выражением лиц.

Раис, как возник, будто из-под земли, так и таинственно исчез, словно провалился в преисподнюю.

Раим Мирходжаев очнулся лишь у себя дома. Привезли ли его на «бьюике» или сам он доплелся, — он не помнил.

Через два дня и его арестовали. Саботажников, подобных Раиму, набралось изрядно. Их выстроили буквой «П» и трое в форме зачитали что-то по бумаге. Никаких усилителей и микрофонов не было, и поэтому Мирходжаев толком ничего и не услышал. Люди в форме ушли, и по рядам зашелестело: «Десять лет!.. Десять...»

Жилось ему после приговора неплохо. Раима назначили руководителем хлопководческой бригады в спецсовхозе. Ровно через десять лет, в ноябре 1944 года он вернулся в родные края. И вот тогда-то и начались его страдания. Жена Раима умерла. Дочь, Гульнару, определили в детский дом. А теперь Гульнара колхозница, у нее трое детишек, и от отца-«контры» она официально отказалась.

В Байрамкенте никто и знать не хотел «врага народа». Вот и очутился Раим Мирходжаев в колхозе «Рассвет». Сторожит коровник, бахчи.

Забегая вперед, сообщу: еще десять лет спустя Раим Мирходжаев был реабилитирован, ему вернули партбилет, установили пенсию республиканского значения и в год пятидесятилетия Октября наградили орденом Ленина.

Так что, как видите, Правда восторжествовала.

Но все это произошло позднее. А пока, как мы видим, Раим-ака, дрогнув душой, изверившись, трепетал перед председателем колхоза «Рассвет». Да он и благодарен ему был за то, что приютил, дал возможность хоть как-то существовать.

Этим я вовсе не желаю оправдать много пережившего человека. Но и очень уж строго судить его не следует. Пусть лучше каждый из нас вспомнит, всегда ли он поступал по справедливости, так, как подсказывала ему совесть.

А теперь — о «политике пряника».

Колхоз «Рассвет» не относился к гигантам. В пяти небольших кишлаках жило около пятисот семей. Перед началом хлопкоуборочной Одилбай-ака выступил с заявлением, которое произвело сенсацию. Он сказал:

— Люди мои, я решил положить конец вашим мытарствам. Хоп... Была война, плохо жили. Понятно. Теперь войны нет. Живете вы все равно худо. Так вот, я добился в области кредита. Я со своим новым заместителем Леваджан прикинул и решил выдать каждой семье аванс в размере сто рублей...

На площади перед управлением, где проходила сходка, пронеслось ликующее «Яшанг!»... «Ура!», восторженные возгласы. Люди давно и в глаза не видавали таких бешеных деньжищ!

Когда наконец ликование немного утихло, раис продолжал:

— Это нам дают в долг, который со временем придется вернуть государству. Но мы вернем, дело пойдет. Слово раиса!.. Но смотрите, будете работать, как шайтаны. Весь хлопок соберете, до последней коробочки! Вычистите все поля — получите еще по сто рублей!..

Новый взрыв ликования.

— Но смотрите! — грозно закончил раис и потряс своей тяжелой камчой. — Знаете меня: я вам как отец родной. А отец нерадивых детей строго наказывает!.. Все. Идите!

Хлопкоуборочная в колхозе прошла прекрасно. Людей не надо было подгонять. Колхозники соскучились по осмысленному труду, дающему хоть небольшой, но все же реальный заработок. «Рассвет» отказался от помощи горожан и первым в районе выполнил план хлопкозаготовок, благо и план-то был мизерный — восемь центнеров с гектара. Поднатужившись, собрали и чуток сверх плана. Всего получилось восемь с половиной центнеров.

Люди воспрянули духом. Выданные им в долг двести рублей на семейство пока не взыскивали. Лева-ака объяснил, что перерасчет будет произведен в следующем году, когда колхоз даст по десять-двенадцать центнеров. Тогда и заработки будут получше, тогда и вернем долг государству.

И невдомек было колхозникам, что «ссуда» эта — личные деньги раиса, вырученные Парпиевым путем разных спекулятивных махинаций. Век долго, очень долго уговаривал скупердяя Одилбая пойти на этот финансовый фортель, обещая взамен славу, звезду Героя и прочие радости. И все же уговорил. Были составлены фиктивные ведомости. Подхалим бухгалтер Сабирджан

помалкивал. Он понимал, что молчание — золото, и всякий раз, когда раис предупреждал его, говоря, что надо держать язык за зубами, отвечал, лъстиво улыбаясь и прижимая руки к сердцу:

— Как можно, мой господин (В узком кругу бухгалтер называл Парпиева господином)!.. Да я... Вы ведь знаете, что Сабирджан — нем как рыба. Недаром же меня прозвали «Могилой секретов».

Справедливости ради следует сказать, что «Могилой секретов» Сабирджан сам себя прозвал. Но фактически дело обстояло именно так. Смышленный бухгалтер прекрасно понимал, что сболтни он лишнее, и ему недобровать — в два счета вылетит с тепленького места. Да это еще куда бы ни шло! С Парпиевым шутки плохи. Как бы «Могила секретов» вообще не оказаться в могиле. Пропал же ведь без вести Турабек Юлдашев. Отправился в Байрамкент жаловаться. На халат два ордена «Славы» нацепил!.. Где теперь он сам со своими орденами, а?!

Вскоре к колхозу «Рассвет», к отстающему хозяйству пришла... слава!

Невероятно, но факт. Славой сельхозартель была обязана опять же Льву Львовичу Веку. В ходе хлопкоуборочной областная газета «Якшичульская правда» еженедельно печатала сводки о заготовках хлопка-сырца по колхозам. «Рассвет» все время шел на первом месте, первым же и отрапортовал о трудовой победе.

И Века вдруг осенило: «Да мы же лучшие в области!.. Первыми закончили уборку! В сводках ведь не указывается, какова у нас плановая урожайность! Главное, мы перевыполнили и раньше всех перевыполнили. А колхоз «Озод мехнат» боролся за двадцать четыре центнера с гектара, а дал двадцать два. Он завалил дело. А мы молодцы!..»

На другой же день Лев Львович отправился на своем «цундапе» в Байрамкент. Зашел к редактору газеты «Якшичульская правда» и, представившись, поведал о достигнутых сдвигах. Нет, зампреда колхоза не просил опубликовать очерк о «Рассвете», об этом говорить еще рано. Очерк надо заслужить. Но почему бы газете не дать короткую информацию о выполнении коллективом колхоза «Рассвет» плана хлопкозаготовок?

Редактор счел доводы энергичного хлопковика резонными и вызвал старого опытного репортера Еремея

Кугеля, подписывавшего свои корреспонденции и зарисовки псевдонимами Ер. Матин (В честь жены своей, Матрены) и (для критических статей, в которых фигурировали фамилии узбекские)—Ер Буриев. Последний псевдоним имел как бы глубокий смысл. Ер в переводе означает — земля. Бури — волк. При свободном полете воображения нетрудно уразуметь, что носитель восточного псевдонима — человек от земли-матушки и неприимим к бюрократизму, выгрызает его по-маяковски, по-волчьи.

Еремей Кугель был человеком удивительным. Достаточно сказать, что в редакции, даже кадровики, не помнили его отчества. Просто — Еремей, Еремка, Еремчик или совсем уж коротко — Ер! Между тем Еру перевалило за пятьдесят. В журналистику он пришел еще во времена нэпа и беспардонной газетной вольницы. Человек безалаберный, веселый и легкомысленный, периодически страдающий «недугом талантливых людей», то есть запоем, Кугель, вместе с тем, отдавал газете всего себя. Он любил газету, как Ромео — Джульетту, и придавал ей даже некие мистические свойства. Например, доказывал, что газетное выступление может чудесным образом удесятерять силы человеческие. В доказательство приводил такой случай.

Работая в одной сибирской редакции, Еремей опубликовал зарисовку о завершении строительства фабрички по утилизации древесных опилок, из которых делались двери и другие нужные предметы. Сведения легкомысленный Ер взял у подвыпившего инженера, строителя этой фабрики. Материал опубликовали, а спустя неделю пришло анонимное письмо и в нем сообщалось: «Описанной Ер. Матиным фабрики не существует в природе. Проект фабрики даже не утвержден».

Тогда еще не была отчеканена начальственная формула — «вызвать на ковер». Однако существовало кое-что посильнее: с Кугелем побеседовал серьезный товарищ, вкрадчиво поинтересовавшийся, чье именно задание выполнял репортер, компрометируя в печати действительные героические успехи?

Еремчик откровенно сказал, что ездил на стройку по заданию редактора. Присутствующий при этом собеседовании редактор стал сесть прямо на глазах. Ерема и серьезный товарищ страшно удивились этому феномену, и тогда честный Кугель внес в свои показания поправку: он не получал задания от редактора оклеве-

тать и опозорить строителей фабрички, — просто он, репортер, был уверен, что дружный коллектив, взяв на себя повышенные обязательства, закончит строительство к моменту публикации его зарисовки.

И — о чудо! — редактор (буквально на глазах серьезного товарища и Кугеля) опять стал жгучим брюнетом, и как уверял бедовый репортер, прямые, гладко прилизанные волосы редактора стали даже несколько кучерявиться.

Кугель рассказывал об этом удивительном явлении природы, а редакционная братия оглушительно хохотала. И зря. Кугель доставал из сейфика две фотографии того самого многострадального редактора: одну — до, другую — после знаменательной беседы. На первой фотографии редактор выглядел прилизанным сердцеedom-аферистом из кинофильма «Процесс о трех миллионах», на второй же красовался «парень кудрявый, статный и бравый». На обороте ее имелась дарственная надпись, выполненная красными редакторскими чернилами:

«Трижды любимому и трижды проклятому Еремею Кугелю — с благодарностью за косметические заботы! В радостный день расставания С. Творилло. Зима. 1938».

Братия продолжала хохотать во все горло, полагая фотографии подделкой. И зря. Ер чертыхался, доставал пожелтевшую вырезку из газеты с фотографией цеха готовой продукции фабрички и статьей «Наш ответ анонимщику!»

И опять же ему не верили. И опять же зря. Все было буднично и просто. Кугель позвонил тому самому хвастуну-строителю и обрисовал положение дел. Инженер-трепло ахнул и тут же, заикаясь и всхлипывая, заверил собутыльника: через две недели фабричка даст первую продукцию.

...Авторитетная комиссия попала аккурат на митинг по случаю досрочного пуска фабрички. В качестве вещественных доказательств она увезла с собой образцы продукции — дверь из прессованной опилочной массы и тяжеленную створку платяного шкафа. Еремей получил выговор в приказе за «самовольное опережение событий», инженер — премию «за досрочное введение в строй важного объекта», и все окончилось ко всеобщему благополучию. Фантазер Кугель утверждал, что после этого происшествия его даже специально посылали

на стройки — с целью «взбодрить» отстающие коллективы.

И опять же Кугелю не верили. Но в данном случае были правы.

Остается мне описать внешность этого газетного мистификатора.

Росточка небольшого, сто пятьдесят шесть сантиметров. Худенький как тринадцатилетний подросток. Глаза шустрые, не голубые, а именно голубенькие. Такие глазки бывают у фарфоровых пастушков. В шапке или фуражке он смахивал на мальчика с тяжелым детством. Лишь без головного убора Еремей выглядел пожилым человеком, поскольку голова его, с острой макушкой, была голее колена. Ядовитый Октавиан Антисемишников, литраб отдела культуры, клялся, будто собственными глазами видел, как Ерчика контролерша не пускала в кино на вечерний сеанс и выговаривала жене Кугеля: «Мамаша, вам же русским языком говорят: дети до шестнадцати лет на вечерние сеансы... Что?.. Он ваш муж?! И вам не стыдно?..» Пришлось Еремею снять кепку, и только тогда его пропустили. Контролерша, ошеломленная удивительным превращением мальчишки в пожилого человека, даже забыла извиниться.

Кугель сильно прихрамывал на правую ногу. В годы войны он служил военным корреспондентом в «дивизионке», был ранен. Удивительное было у него отношение к собственной жизни. Он ее рассматривал как непрерывную цепь разных веселых происшествий и относился к ней крайне легкомысленно. Нет, его сердце не пылало львиной отвагой. Какое-то другое чувство им управляло.

Еремей Кугель был твердо убежден в том, что не газета существует для того, чтобы отображать на своих страницах действительность, но, наоборот, окружающая действительность создана исключительно ради газеты. Что, по мнению Кугеля, главное в жизни?.. Сен-са-ци-я. А что такое сенсация?

На этот счет Еремей имел свою, особую точку зрения. Именно он, а не какой-то американец (как ошибочно утверждают учебные пособия по журналистике) дал образную формулу сенсации. «Сенсация, — утверждал Кугель, — это когда не собака искушает человека, а когда человек искушает собаку!»

Вот такого газетного подвижника, мученика и вер-

хогляда, и привез на своем «цундапе» Лев Львович в колхоз «Рассвет».

Неподкупность Еремея Кугеля вошла в поговорку, и потому он, не колеблясь, принял приглашение Века остановиться в его комнатухе, «на диванчике, по-хостячки». Грубо сколоченный стол Лев Львович застелил газетой, выставил нехитрую снедь и бутылку водки. А надобно заметить, что к этому времени на газетчика как раз накатывал очередной приступ «недуга талантливых людей». Однако Еремчик, находясь во власти «недуга», не безобразничал, не сшибал щелчками зеленых чертиков с рукавов... До этого еще не доходило. Просто он становился страшно говорлив и все окружающее видел в розовом цвете.

Век быстро уловил ситуацию. Поутру, слегка «приняв для поправки», прогулялись по главной улице центральной усадьбы колхоза, наиболее благоустроенной. Зампред колхоза показал места, где вскоре начнется строительство нового коровника, универсама, школы-десятилетки, другие общественные объекты. А после прогулки, опять-таки выпив и закусив, молодой специалист поведал дорогому гостю о трудностях, которые приходится преодолевать, о первых успехах и лучезарных перспективах.

Особенно вникать в колхозные дела Кугелю не было нужды. Редактор ведь просил привезти пятидесятистрочную информашку: колхоз «Рассвет» наконец-то выполнил план хлопкозаготовок, отличились такие-то; в будущем году, подсчитав свои возможности, члены сельхозартели решили значительно увеличить производство «белого золота» и других сельскохозяйственных культур...

Смекалистый Век решил на всякий случай не показывать журналисту председателя. Уж очень устрашающий и неприветливый вид был у Одилбая. И тоев-праздников не устраивал, — колхоз же еще бедный! Так, на газете и потчевал три дня Еремея Кугеля. И последний был в восторге. Какая простота нравов! Какое радушие! Какой замечательный человек — этот Лева!.. Партизан, зять генерала... Оставил семью в Ташкенте, а сам, живя Иовом, отдает все силы борьбе за восстановление и развитие разрушенного войной колхозного хозяйства!..

Расстались друзьями.

— Ну, прощай Левчик! Всех тебе благ и новых успехов.

— Спасибо, Еремчик. Постараемся. Оправдаем доверие!

Через два дня в «Якшичульской правде» появилась не информашка, а небольшая зарисовочка, озаглавленная броско и интригующе:

«НОВЫЙ ВЕК В «РАССВЕТЕ».

В ней Ер. Матин лаконично рассказал о трудностях колхоза «Рассвет» Хопмайлинского района, вызванных суровыми послевоенными временами, и о том, как деятельно взялся за хозяйственные дела молодой специалист Л. Л. Век, который, «используя полученные в институте знания и богатый опыт председателя колхоза Одилбая Парпиева, сумел мобилизовать коллектив на борьбу с трудностями, в результате чего колхоз первым в области выполнил и перевыполнил план заготовок хлопка. В будущем году коллектив сельхозартели, подсчитав свои возможности и используя внутренние резервы, взял на себя повышенные обязательства значительно увеличить урожайность «белого золота»...»

Заканчивалась зарисовка задумчиво и символично.

«Я покидал колхоз на заре. Из-за заснеженных гор уже выглядывало солнце, освещая золотистыми своими косыми лучами сельскохозяйственные угодья и возвещая миру о рождении нового дня.

— Рассвет над «Рассветом», — тихо произнес Лев Век.

И молодой специалист Лев Век был прав. Новый век начинался в колхозе «Рассвет».

Прочитав зарисовку, Одилбай Парпиев уставил свои гипнотические глазщи на зама и прохрипел удовлетворенно:

— Светлая у тебя башка, Леваджан! Сработаемся.

Капризная дамочка по имени Слава еще не сказала своего последнего слова. Республиканская газета под рубрикой «По республике» в подборке разнообразных информации напечатала (на материале зарисовки) сообщение об успехе колхоза «Рассвет». А вскоре в «Обзоре печати» одной из центральных газет также был упомянут колхоз «Рассвет», сумевший преодолеть отставание и готовящийся к новым славным делам. Весной 1952 года состоялось республиканское совещание хлопкоробов. На этом торжественном форуме слово было предоставлено и председателю колхоза «Рассвет» Одилбаю Парпиеву. Выступление ему написал добряк Кугель, друг-приятель Льва Львовича Века.

Колхоз «Рассвет» стал пожинать плоды славы.

И даже многоопытный хлонковик Григорий Фомич Гроднич не удержался от похвалы в адрес Века.

— Цепкий парнишка. Судя по всему, — светлая голова.

* * *

От повествователя

Вновь я должен несколько отойти от прямого расследования преступления, совершенного на улице Канта. Понимаю, иным читателям это не понравится. Ведь надобно, по всем правилам классического детектива, немедленно начать следствие, представить дознавателей, прокурора, следователей прокуратуры, возможно даже и познакомить с собакой-ищейкой, с помощью которой было раскрыто множество преступлений... Неплохо было бы подключить к следствию прославленных телевизионщиками «Знатоков», — тогда бы и вовсе не возникло бы никаких проблем.

Все это мне понятно. Однако расследование, которое я осмелился затеять своими слабыми силами, требует несколько иного подхода. Никакой эксперт-универсал не смог бы обнаружить в квартире, где произошло преступление, ни малейших следов подошв преступника (или преступников), ни стреляных гильз, ни даже отпечатков пальцев. И если бы была взята проба воздуха, чтобы попытаться идентифицировать дыхание субъекта, убившего Гроднича, то и эта экспертиза была бы обречена на провал.

Вот почему я не спешу, стараюсь ввести читателей в курс дела, чтобы они смогли (может и так статься!) сами отыскать убийцу (или убийц) и грозно воскликнуть:

— Вот он, негодяй! Да свершится правосудие!

Или:

— Преступление совершено группой злоумышленников!

Или (совсем уж не в традиции детективного «хелли энд»):

— Вот ведь как получилось?! Преступление налицо, а виноватых?.. Судить-то вроде и некого!.. Ну и дела.

Так что потерпите еще, дорогие мои любители остросюжетных детективов. Давайте повнимательнее во всем разберемся.

Именно так, в минуты хорошего настроения, называл «Якшичульскую правду» ее редактор Емельян Емельянович Кныш. Это был седовласый и многоопытный газетный волчище, изображающий из себя тугодума. «Семь раз примерь — один раз отрежь», — постоянно поучал он своих шумливых, плохоуправляемых сотрудников. Ем-Ем, как его называли заглазно, терпеть не мог скоропалительных решений, остерегался сенсаций, хлестких фельетонов и, следовательно, как это может на первый взгляд показаться, — занимался не своим делом.

Но нет, Кныш законно сидел в редакторском кресле. И делал свое дело основательно. Что касается сенсаций и прочего, то седовласый, дородный Кныш навиделся всего этого газетного добра, и даже неоднократно из-за него страдал. Газеты в те далекие времена вовсе не походили на нынешние. Тогда они выглядели солидно, важно, и читать их приходилось, делая над собой некоторое усилие, — как при штудировании, скажем, Устава гарнизонной и караульной службы.

Было принято считать, что в нашей огромной стране происходили одни лишь грандиозные свершения. Ни землетрясений, ни наводнений, ни каких-либо других стихийных бедствий не случалось. Хапуги и взяточники вроде бы существовали, однако были нетипичны, и потому о них газеты писали лишь по указанию, — писали гневно и в то же время как о таком, что навеки ушло в небытие, — вроде вымерших мамонтов, которых изредка обнаруживают в вечной мерзлоте. Больших просчетов в планировании и иных грандиозных делах и в помине не было. Лишь где-то на задворках четырехполосной газеты меленькой нонпарелью печатались «острые сигналы», в которых резко критиковались за допущенные промахи дворники, управдомы, водители такси и проводники железнодорожных вагонов. Но даже самая наиострейшая критическая замечка, — было такое времечко — обязательно начиналась бравурно и жизнеутверждающе.

Вот одно из критических выступлений, намертво запечатленное в моей памяти.

БЕСХОЗНЫЙ ОБЪЕКТ

С каждым годом хорошеет и становится зажиточной жизнь советских людей, страна в лесах новостроек, все зримее светлое будущее с его сияющими вершинами. Однако, к сожалению, отдельные, нетипичные руководители тормозят наше поступательное движение. Так, например, в коммунальном дворе по улице Оптимистической, дом 5, имеется общественная туалетная, которая находится в аварийном состоянии, посетителям ее грозит тяжкое увечье или даже гибель в пучине!

Жильцы неоднократно обращались к управдому т. Порционному Х. Б. с просьбой привести в порядок помещение общественного пользования, однако последний все время ссылается на отсутствие лимитов для ремонта, а в горисполкоме утверждают, будто лимиты уже все исчерпаны.

Мы просим редакцию напомнить т. Порционному великие слова: «Человек — это звучит гордо!» И мы верим, что требуемый нами ремонт будет проведен в сжатые сроки и при высоком качестве. Понимаем: факт, о котором писалось выше, нетипичен. Нетипично и поведение управдома. Однако и нетипичным фактам не место в нашей прекрасной действительности.

По поручению жильцов дома № 5

С. Исчадьев,
житель.

Справедливости ради надобно все же сказать, что в газетах, в том числе и в «Якшичужской правде», появлялись иногда и разгромные критические статьи. Они, разумеется, будоражили умы. Люди обменивались впечатлениями:

— Читал?

— Читал.

— Могут писать, когда захотят.

— И когда прикажут.

— Было указание?

— Я слышал товарищ (имярек) распорядился...

Из глубины веков пришла к нам мудрость: «Глас народа — глас божий». И в самом деле, «долбежные» статьи и зубодробительные фельетоны писались, как

правило, «по указанию свыше». И потому самые блестящие выступления журналистов, безукоризненные в профессиональном отношении, воспринимались все же как-то не так, без внутреннего энтузиазма. Такие газетные опусы позволю себе сравнить с хоккейным матчем, который вы смотрите по телевизору в записи, зная уже из «Последних новостей», с каким счетом кончилась игра.

Вы восторгаетесь филигранной техникой нападающих, силовыми приемами защитников, в пределах правил выбрасывающих противников за бортик, вы подпрыгиваете из кресла с криком «Го-о-ол!»..

И все же вас не оставляет при этом чувство некоторой искусственности происходящего на ледовой площадке. Ведь все уже заранее предопределено.

Много лет жизни отдал я *тогдашней* газете, и ничуть об этом не жалею. Более того, вспоминаю о том времени с благодарностью. Довелось мне поработать и в «Якшичульской правде». Редакция этой газеты действительно была «Инкубаторием гениев». Но очень, очень прошу вас, дорогие читатели, не подозревать меня в желании причислить и себя к этой славной плеяде. Нет! Я говорю о действительно замечательных сотрудниках «Якшичульки». Один написал прогремевшие на всю страну стихи, ставшие чуть ли не гимном, другой прославился своими прекрасными пьесами, третий — романами и рассказами...

Люди приходили в редакцию, уходили, становились знаменитостями. А редакция оставалась и пестовала новые кадры гнистетических знаменитостей. Чем не «инкубатор»?

Сейчас, когда журналистике дан полный простор, «Якшичулька» стала, наконец, той газетой, какой она давно должна была бы быть: ее читают с первой полосы, а не с последней, где печатаются траурные объявления о кончине возможных знакомых и сообщения о погоде. Ее ждут читатели и даже несколько удивляются, если в очередном номере не находят «гвоздевого» материала.

Но это сейчас. Возвратимся же в далекое прошлое.

Заглянем на «летучку», то есть на собрание творческого коллектива редакции, обсуждающее номера газеты за истекшую неделю. На этот раз обозреватель — зав. отделом партийной жизни, мужчина лет сорока с тяжелым взглядом бывшего районного вождя. Фамилия

его Хамченко, имя-отчество — затейливое: Януарий Варахсиевич.

Какая нелегкая занесла этого мастодонтообразного субъекта в редакцию, никому не ведомо. На этот счет ходили разные непроверенные слухи. Будто бы Хамченко пытался бросить свою жену с тремя детьми и бежал с прелестницей из хора имени Пятницкого. Это была почетная версия, и в нее никто не верил. Муссировались и другие варианты. Однако всего ближе к истине — слух, будто Януарий пострадал из-за какой-то очень романтической истории. Будучи секретарем райкома по пропаганде, он получил письмо от брошенной жены. Ее супруг ушел к другой женщине. Спустя три года судьба покарала разлучницу, — она умерла. Но через несколько месяцев помер и беглый муж. Перед кончиной он распорядился похоронить его рядом с «разлучницей». В ходе же расследования жалобы было установлено, что беглый муж не оформил развода с первой женой, а со второй незаконно сожительствовал. Брошенная жена решительно настаивала изъять прах неверного своего супруга и перехоронить как можно дальше от соблазнительницы, дабы неповадно было другим мужьям убежать от родных жен и не создавать губительного прецедента.

Януарий Варахсиевич, блюститель пуританских нравов, гордящийся своей партийной нестигаемостью, возмутился аморальным поведением покойника и приказал:

— Откопать и закопать, подальше и поглубже!

И вдруг это в общем-то незначительное дело приняло совершенно неожиданный поворот. В одной из центральных газет появился фельетон, предающий осмеянию человеколюбивые деяния Януария Хамченко. Злоязычный газетчик, однако, не решился назвать должность борца за здоровый быт, ограничившись намеками, мол, сидит головотяп в изрядном кресле и творит надругательства над усопшими.

В обкоме прочитали фельетон, расценили его как команду: «Снять!». Ретивому деятелю объявили «строгача» с занесением и выкинули из кресла секретаря. Естественно, возник вопрос: «А куда же теперь девать проштрафившегося Януария?» Никому не хотелось иметь сотрудником Хамченко, человека без специальности и к тому же вкусившего плодов, пусть от районного, но все же от древа власти. Но, с другой стороны, герой фельетона — номенклатурный работник. А ведь

номенклатура это вроде как дворянское достоинство. Лишить же дворянства можно только за очень тяжкие преступления. А Хамченко очень уж тяжких преступлений не совершал.

Тут как раз освободилось место завпартотделом в «Якшичульской правде». Кто-то и предложил: «А что ежели Хамченко? Надо же его трудоустроить». И, как ни упирался Ем-Ем Кныш, как ни доказывал, что партотдел в редакции — ведущий, ответственный и прочая, — как не взывал к благоразумию, Януария ему все же навязали. Решающую роль сыграли испытанные на практике доводы: «Ничего, ежели что — поможем!» и: «Газетного дела не знает?.. Ерунда. Не боги горшки обжигают».

Оно и в самом деле, не боги обжигают горшки, — их обжигают искусные горшечники, гончары. Но это же частности.

Казалось бы, где-где, а в газете легче легкого проверить профессиональные качества нового сотрудника. Для газетчика мало иметь характеристику с железными формулировками вроде: «Морально устойчив... Принципиален... Решительно проводит линию...» Надобно просто поручить новичку написать заметку, статью, репортаж — и все станет ясно и понятно.

И тем не менее, даже нынешние газеты походят на дореволюционные деревни, где, как известно, в-каждой, даже самой крохотной деревеньке, был свой дурачок. В редакциях годами, десятилетиями обретаются такие свои «дурачки», не умеющие связать на бумаге грамотно нескольких слов. Их вышучивают, порой весьма зло, над ними посмеиваются, их иногда даже проклинаят... Но они продолжают работать. Иногда с ними происходят удивительные превращения. «Что?.. Не тянет сотрудником, не умеет писать?.. Не беда. Товарищ понятливый, дисциплинированный, умеет проводить линию. Быть ему редактором. Глава газеты — он вроде как пастух. А пастуху, коли он пасет коров, вовсе не обязательно самому молоко давать... Ха-ха-ха!»

Увы, невдомек иным нашим руководящим товарищам, что редактор газеты должен, обязан быть в своем коллективе Журналистом Номер Один.

Однако вернемся все же на летучку.

...Варахсий усыпительно бубнил на своем тарабарском языке набившие оскомину очевидности.

—... В общем и целом, тэксказэть, коллектив пора-

ботал за истекшую неделю не, тэксказэть, уж плохо, одначе и не так, тэксказэть, чтоб хорошо. Лучшее надо. Так, чтобы в штанах брюки трещали. Чтоб рвались, значица! Как у великого поэта нашей пролетарской эпохи Маяковского.

— У Маяковского совсем не так сказано, — подал реплику вредный Октавиан Антисемишников.

— Это не играет значения, — угрюмо оборвал юнца Януарий. — Не дело в этом. В сути дело, в партийном узгляде. Вы бы лучшее, вьюнош, за своими писаниями наблюдали.

— Я обращаю ваше внимание, Януарий Варахсиевич, на то, — взвился заводящийся с полуоборота Октавиан, — что вы допустили нонсенс, безграмотный оборот. Нельзя сказать: «Не играет значения». Надобно говорить и писать: «Не имеет значения», но — «не играет роли»...

— Не играет?! — каким-то утробным голосом промычал Хамченко. — Вы мне эти нездоровые разговорчики бросьте!.. Все играет, тэксказэть, когда перед нашим народом стоят, понимаешь, сияющие вершины! А ежели вы на каком-то там западном университете учились, то не думайте, что вам все позволено. Не дело в этом. Запад нам не указ. Работать надо, вьюнош, трудиться, гражданин Индустрий Мошевич!

Это был ужасающий удар ниже пояса и, пожалуй, даже гораздо ниже. Дело в том, что литературный сотрудник отдела культуры по какой-то необъяснимой причине избегал называться именем, данным ему родителем, «рреволюционно» настроенным страховым агентом. На призыв сокрушить старый мир «до основанья, а затем» Патрикий Антисемишников откликнулся с энтузиазмом. Однако усердие его в переустройстве действительности выразилось лишь в том, что он отказался от собственного имени — Патрикий, — поскольку оно означало «аристократ», а сыну дал очень звучное и ультрасовременное имя — Индустрий. Себя же Антисемишников-старший переименовал и вовсе нелепо, стал — Мошем. Некая добрая душа подсказала новатору: мол, есть незамусоленное коми-пермяцкое слово Мош, что означает — пчела, а пчела — это образец трудолюбия.

Вот и стал Антисемишников-младший Индустрием Мошевичем. И родовая фамилия, что и говорить! — подкачала. Все попытки бедняги литсотрудника «Якши-

чульки» избавиться от возмутительных ФИО оказались неудачными. Власть предержажшие не находили в его ФИО ничего предосудительного.

— Вот ежели бы вы были, к примеру, Иудой... То бишь... Львом Троцким или однофамильцем провокатора Азефа, — тогда бы мы вас сперва проверили, и, ежели вы не ихний родственник, — переименовали и перефамилили бы с дорогой душой. А Индустрий — это даже красиво звучит!

— А Мошевич?.. — чуть не плача вопиял юнец.

— А что — Мошевич?.. Есть и Мойшевичи. И ничего, живут люди. Женятся. Детей плодят. Счастливы. Я сам, к примеру, имею фамилию Матюк. Ну и чо?.. Три звезды на погонах с двумя просветами. В доме любовь, мир и согласие...

Повезло Индустрию в университете. В него влюбилась экзальтированная первокурсница, вообразившая, что ее избранник удивительно похож на римского императора Октавиана-Августа, если на него надеть очки. Сходство было сомнительное, но ведь любовь способна творить чудеса. Прозвище «Октавиан» намертво пристыло к Индустрию, и он был счастлив. В благодарности за это он ответил взаимностью девице, вследствие чего вышло сильное недоразумение, ставшее предметом обсуждения на комитете комсомола университета. Индустрию-Октавиану вlepили «строгача», пострадавшая перевелась на заочное отделение, а затем и вовсе вышла замуж за какого-то ученого математика, не очень-то разбиравшегося в тонкостях семейной жизни.

Помпезное прозвище «Октавиан» как-то перекочевало и в редакцию. Индустрий до того привык к нему, что и свои газетные творения стал подписывать «И. Октавиан». Это никого не удивляло. Журналисты и поныне привержены к псевдонимам. Иные имеют по два, по три псевдонима. И это считается хорошим тоном, признаком высокого профессионального мастерства.

...Заслышав в свой адрес грубый, бестактный выпад Хамченко, Октавиан вскочил, синевато-бледный, как снятое молоко, полные, в виде лука амура, губы его нервно трепетали.

— Вы!.. Вы... — парень не находил слов, задыхался от негодования. — Вам только с бобрами и общаться!

Летучка расхохоталась. И это тоже был удар ниже пояса. На прошлой летучке критиковали статью Варах-

сия. Зав протомделом Яков Лапшин, степенный и чрезвычайно вежливый брюнет, деликатнейшим образом растолковывал, что фраза в статье Января: «Эта рационализация позволила высвободить восемь человек рабочих» несколько не точна. К чему тавтология? Надо было написать: «восемь рабочих». И без того известно, что рабочие — люди, передовые производственники, так сказать, класс-гегемон.

Перепапка грозила перерасти в крупный скандал, и потому мудрый Ем-Ем, хлопнув по столу ладонью, положил конец шуму.

— Все! — провозгласил Кныш тоном, не допускающим дальнейших пререканий. — Обменялись глупыми колкостями, и баста! А теперь подведем итоги. Обозреватель, прямо скажу, не блеснул. Не нарисовал общей картины.

Мстительный Октавиан многозначительно зыркнул на своего лютого врага, очки Антисемишниковы сверкнули, как оптический прицел снайперской винтовки.

— Много осталось, так сказать, за кадром, — продолжал Ем-Ем. — К примеру, очерк Октавиана о развитии животноводства в передовом нашем колхозе «Рассвет». Материал своевременный, нужный. Этот колхоз — гордость не только района, но и области. В кратчайший исторический срок стал поистине «маяком» для многих других хозяйств. Однако автор ничего не сказал насчет недостатков доильных аппаратов. Между тем в обкоме есть мнение... Доильные аппараты плохо работают. Дояркам приходится вручную додаивать каждую из закрепленных к ним пятнадцати — двадцати коров.

— Я написал! — вскинулся визгливо Октавиан. — Но ответсек сократил материал.

— Ты бы еще на две полосы размахнулся, — миролюбиво отозвался на критику ответственный секретарь, начавший свое восхождение на газетную Голгофу еще в пионерской редакции. Он был живой историей «Якшичульки», ее сердцем, душой, а также тираном и деспотом. Его идеалом была заметка в восемьдесят строчек. Всякое превышение этой лакеломонянской нормы ответственный секретарь воспринимал как личное оскорбление.

— Сокращать надо, — согласился Ем-Ем, — однако не доильные аппараты. В обкоме требуют!.. Надо было пройтись красным карандашом по «первым лучам восходящего солнца»... и прочему. Вот ведь что проско-

чило на страницы... Цитирую: «Едва первые робкие лучики восходящего из-за горного хребта солнца возвестили о пробуждении жизни, юная доярка Малика-ханум, шестнадцатилетняя мастерица высоких надоев молока — этого ценнейшего и питательного продукта сельского хозяйства, — уже была на ферме. Закрепленные за Маликой-ханум пятнадцать коров, при виде своей кормилицы и доилицы, радостно замычали.

— Хоп майли, — сверкнула в улыбке Малика белоснежными зубами...

В колхозе говорили: у Малики такие белейшие зубы, потому что она по вечерам жует хвост...»

Летучка вновь охотно и радостно расхохоталась.

— Не хвост, а воск!! — возопил Октавиан. — Корректорская ошибка. Я не виноват!

— Автор обязан прочитать свой материал в полосе, — наставительно произнес редактор. — Вы же знали, что идет ваш очерк...

— Я не знал! — попытался было выкрутиться хитрый Индустрий.

— Знал, дружок, знал, — укоризненно покачал головой ответсек. — Опять, небось, альпиниста из себя изображал, ась? Сознawайся лучше.

— Хво-о-ост! — вдруг дошло до Януария. — Хвост жевала!.. Ха-ха-ха, хо-хо-хо!!.. Вот дает, западник! Прямаки Оренбург.

— Эренбург, — поправил кто-то.

— Тихо! — совсем уж строго произнес редактор. — Далее. Что это за Малика-ханум, а?.. Я вас спрашиваю, Октавиан! Ханум — это уважительное обращение к замужней женщине. А Малика совсем еще юная. Что за язык, Октавиан!.. Доилица!

— Это юмор, — чуть не плача выдавил из себя Индустрий.

— Юмор?.. А не заметно. Рядом с робкими лучиками — «питательный продукт сельского хозяйства». Да и сколько можно писать про восходы и заходы с этими самыми лучиками? Зубы белые. И кому ваша героиня говорит «Хоп майли»?.. Коровам?

— «Питательный продукт» мне ответсек вставил! И вообще... Я хотел показать душу доярки... Она с ними беседует как с родными... На равных...

— Если на равных, тогда и коровы пусть отвечают Малике «Хоп майли»!

— Хоп майли! — заорал во всю глотку Януарий. — Вот оно — западное-то образование! Про лучики пописывает, а сам... Сам — книжный ворюга!! У меня Неверова слямзил, «Ташкент — город хлебный».

Это был второй удар невероятной силы и точнейшего попадания. Октавиан действительно прославился как книжный вор. Он крал любые книги: попадетя поваренная, — «уведет», заметит плохо охраняемую хозяином «Историю государства Российского» (Двенадцать томов!) — и ее изловчится сложить в рюкзак, с которым Индустрий никогда не расставался. В низменных целях — и об этом в редакции было хорошо известно — литраб Октавиан стал восходителем на «двухтысячники», туристом, так сказать, с горным уклоном. Пронюхав о том, что у такой-то девицы имеется дореволюционное собрание сочинений князя Вяземского, друга Пушкина, хитрец немедленно устремлялся обхаживать свою жертву, намекая ей на восторги семейной жизни. Жертва, разумеется, начинала предаваться радужным мечтам (время было в марьяжном отношении трудное, женихов весьма не хватало), и тут же ловилась на блесну октавиановой удочки. Злодей уводил несчастную владелицу сочинений Вяземского в горы. Там, в эмпиреях, он произносил прекрасные слова, клялся в неземных чувствах и, в зависимости от обстоятельств, поступал так, как ему подсказывала совесть. А совесть у этого тощего, угловатого парня любила частенько вздремнуть.

Спустившись же с гор на грешную землю, Индустрий и сам становился грешником. Под предлогом подготовки к экзаменам завладевал пятитомником князя-долгожителя, а затем начинал уклоняться от встреч с обманутой жертвой. Девицы с самолюбием отставали быстро. Лишенные же девичьей гордости долго преследовали обольстителя. Но и они, наконец, прекращали борьбу, утратив всякие надежды на семейное счастье и возвращение уникальных книг.

Возглас Януария «Книжный ворюга!» взбудоражил летучку, ибо среди ее участников не было ни одного, у кого бы Октавиан не «увел» книгу-другую. Летучка явно пошла по нехорошему руслу. Раздался гортанный возглас заведомо пропаганды, кавказского человека с огненным взглядом выпученных глаз и густой сизой щетиной, покрывающей лицо до самых бровей, отчего физиономия этого приземистого здоровяка выглядела

зловеще и даже походила на сказочного Карабаса-Барабаса.

— Вах!.. — возгласил «Карабас» (по паспорту — Шамиль Мирзоев). — Клянусь хлэбом! Януарий святыя слова сказал. Этот малчишка, Октавиашка, лично у меня Коран украл!! В Истамбуле издан Коран. Уникальная вещь! Матерью клянусь!

— Не брал я никаких коранов!! — истерично взвизнул Октавиан, по-волчьи озираясь по сторонам. — Зачем клеветать на молодого специалиста?!

Тут раздался торжествующий рев Варахсия.

— Это ты специалист, хо-хо!.. Ты западник, понимаешь, — так и иди на запад. Туда тебе и дорога!

— Сыном родным клянусь! — гортанно вопил Шамиль. — Чтoб он не жил на белом свете!

Страшная клятва не произвела на окружающих особого впечатления, так как все знали, что темпераментный Шамиль Мирзоев, несмотря на сорокалетний возраст, все еще не был женат и, следовательно, детей (по крайней мере законных) иметь не мог. Кроме того, Шамиль говорил сущую правду. Коран у него был (правда, не из Стамбула) и его действительно «увел» хитроумный Индустрий. На летучке вообще была тьма пострадавших. Сам Емельян Емельянович Кныш, после посещения его скромной квартиры Октавианом, обнаружил исчезновение из библиотечки редкого дореволюционного издания Фридриха Ницше «Так говорил Заратуштра». Разумеется, Ем-Ем никому о пропаже не сообщил. Неизвестно ведь, как отнеслись бы к редактору областной газеты, хранившему в своей библиотеке рядом с «Капиталом» и «Сущностью Христианства» — философа-мракобеса, воспевавшего «белокурую бестию» с ее дозволенностью пребывать «по ту сторону добра и зла» и вседозволенностью поступков!

Летучка была безнадежно скомкана. Шум и гвалт сотрясали редакторский кабинет. Однако мудрый Кныш безмолвствовал. Он иногда давал возможность своим питомцам пошуметь, так сказать, «выпустить пар». Заодно Ем-Ем узнавал разные подробности взаимоотношений между подопечными, свойства их характеров и темперамента. Возможность пошуметь, даже схватиться с самим редактором свидетельствовали также о демократическом духе, царившем в редакции.

И вот он сейчас сидел за огромным своим письменным столом, украшенным чернильным прибором, похо-

жим на макет средневекового замка, и, привалившись к спинке редакторского трона, внимательно слушал шум и пререкания.

Ем-Ем любил своих шумливых и беспардонных «малышей».

Да и как их не любить?.. Вот, к примеру, как не любить Пашу Ястребова, заведующего корреспондентской сетью и секретаря партбюро редакции. Бывший танкист. В страшном бою под Прохоровкой его «тридцатьчетверка» сожгла двух «тигров». Но и сама получила в борт болванкой, которая и оторвала Паше обе ноги.

Тяжелый инвалид. Сколько их, таких героев, обезображенных, обрубленных войной, не нашли себя в послевоенной жизни, спились, слонялись по вертепам, иные и вовсе угодили в гнусный уголовный мирок.

А Паша приковылял к Кнышу на костылях и сказал:

— Бери на работу. Ежели по-честному, — ни хрена я в газетном деле не петрю. Но научусь. Слово танкиста!

И Кныш поверил пареньку. И не ошибся. Паша Ястребов не только держал в узде корреспондентов по группам районов, но и сам стал давать, как он «выразился, «газетную продукцию». На своей инвалидной трехколесной коляске он гонял по городу и разыскивал интересную информацию.

Или вот Яша Лапшин, заведующий промышленным отделом. Тихий, деликатный брюнет с ранней сединой на висках. Бывший комсорг батальона...

Однако, уважаемые читатели, я опять отвлекся, по своему обыкновению. И впредь — предупреждаю! — буду отклоняться от темы. Такая уж у меня манера, — люблю побеседовать с вами.

Сейчас же несколько слов о том, чем закончилась летучка.

Редактор поднялся из кресла, обвел шумящих сотрудников взглядом из-под насупленных седых бровей и громко возгласил:

— Все, граждане! Сделаем перерыв для работы. Летучка окончена. Прошу разойтись. Октавиану и Ястребову остаться.

Мгновенно в огромном кабинете воцарилась тишина.

Остались втроем, и редактор спросил Октавиана грозно:

— Зачем опять задирает Хамченко?.. И когда ты, наконец, прекратишь красть книги?!. Немедленно все вернуть, и чтобы я никогда больше об этом не слышал!

— И не услышите, Емельян Емельянович, — улыбнулся большегубым ртом Паша, показав ровные, крепкие зубы. — То есть никогда не услышите о том, что Октя (сокращенное от Октавиана) вернул хоть одну книгу! Его, Октя, пожалуй, надобно, Емельян Емельянович, он ведь больной. Вот есть такая болезнь, клептоманией называется. Даже среди миллионеров такие были. У него деньжищ куры не клюют, а он в гостях чайную ложечку похищает!.. Ничего с собой поделывать не может.

— Павел! — строго прикрикнул редактор, но все же не сдержался и улыбнулся. — Все-то у тебя шуточки-прибауточки.

— Я не крад книг! — свистящим громким шепотом выдохнул Октавиан. После жаркой перепалки с пострадавшими он все еще тяжело дышал, лицо покрылось багровыми пятнами, и без того лохматая шевелюра вздыбилась, отчего книгокрад стал похож на нынешнюю эстрадную звезду — Валерия Леонтьева, запыхавшегося после головокружительных телодвижений с подпеванием. — Клевета!.. Ничего ни у кого не брал!

— А кто у меня слямзил Ницше, а?.. «Как говорил Заратуштра?»

— Ей-богу не я, Ем-Ем... Пардон... Емельяныч!.. Спросите домработницу.

— Нет у меня домработницы. Ну да ладно. Другим краденое отдай. А с Заратуштрой... Черт с ним, владей, хапуга!

— Ей-ей не брал, Емельяныч!..

— Бесполезно, — подал голос Паша Ястребов. — Я так думаю, Емельян Емельяныч, что ежели мы его сейчас пытаться станем, гвоздями к стене прибьем и начнем поджаривать на медленном огне, он, Октя этот, все равно будет свое твердить: «Не брал книг — и делу конец!» Болезнь у него неизлечимая.

— Так вот, — продолжал редактор. — Поручаю тебе, товарищ секретарь партбюро, персонально наблюдать за Октавианом и вести с ним воспитательную работу. Если поступит хоть еще один сигнал, Паша, дай знать: выброшу книжного фетишиста с волчьим билетом! Истошилось мое терпение. — И, сверкнув глазами на Октя, в волнении жевавшего губы, добавил: — Сты-

дितесь, молодой еще человек! Что вы себе думаете?!

— Я ему, Емельян Емельяныч, и так говорил и эдак. Прямо предупреждал: «Ох, Октя, плохо кончишь. Либо в тюрьму угодишь, либо профессором станешь!»

Сообразив, что гроза, кажется, проходит стороной, Октя тоже сострил, и довольно удачно:

— От сумы, Емельяныч, от тюрьмы и от професорства никто не застрахован.

Отходчив был славный редактор «Якшичульки».

А как умело вел он свой утлый редакционный челн по бушующему океану событий! Сколько ему подобных терпели крушения, необдуманно опубликованиями губили свою карьеру!.. А Кныш Емельян Емельянович твердо держал курс. И при этом даже по тем суровым временам газета его была все-таки не из худших. Он вынужден был громить и «вейсманистов-морганистов», и «безродных космополитов», преклоненцев перед «растленным Западом», «врачей-убийц», и многое другое на его грешной душе. Однако делал он все это с болью в сердце, постоянно сдерживал бурные эмоции своих «мальчиков», стараясь смягчить тяжкие удары.

А по ночам совестливый Кныш спал плохо.

В 1960 году его сняли. Без объяснения причин. Просто на областной партконференции редактором «Якшичульской правды» был утвержден новый редактор.

В «Якшичульской правде» началась новая эра.

А Емельян Емельянович Кныш вскоре умер. Незачем ему теперь было жить на белом свете.

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ

Якшичуль в переводе — Хорошая степь. И действительно, весной, в марте-апреле, она очень, поразительно хороша. По нежно-зеленому разнотравью привольно стелятся огромные ковры из алых маков. Ровными рядками уходят к самому горизонту молоденькие всходы хлопчатника. Тихо напевают песню арыки. Остриженные тутовые деревья, похожие на гигантские кактусы, словно стражи, окаймляют хлопковые карты. Вдоль гудронированных дорог поблескивают на легком ветерке листвой гвардейцы-тополя. А в чистом, бездонном поднебесье резвятся ласточки.

Мир и покой царит в Хорошей степи.

На востоке, на глаз кажется: рукой податы! — гроздятся изломы гор. Некоторые вершины еще в снеж-

ных тибетеечках. Однако горы эти не так уж близко, километрах в семидесяти от главной усадьбы колхоза «Рассвет». С гор через кишлак (теперь это великолепный поселок городского типа) бежит бурный горный Кизил-сай. Красный ручей или речка. Красная, потому что вода в сае красноватого оттенка. От кишлака Айкыстан, который несколько лет назад увидел репортер Еремей Кугель, осталось только название. На центральной улице стоят новенькие дома колхозников, утопающие в яблоневых садах, окутанных белой пеной цветения, из-за бетонных дувалов свешиваются на улицу пахучие гроздья пушистой сирени. Кишлак полностью электрифицирован, в каждом доме газ, почти в каждом доме мотоцикл или «Москвич», а то и «Волга».

А еще говорят, будто чудес на свете не бывает!

Всего каких-то восемь лет минуло, а колхоз «Рассвет» преобразился, словно в сказке. Еремей Кугель (он же Ер. Матин, он же — Ер. Буриев) часто навещался к Льву Львовичу Веку. Привозил в редакцию разные жизнерадостные информации. Репортер чувствовал себя газетным Колумбом, первооткрывателем. Кроме того, принимали Еремея здесь как какого-нибудь чрезвычайного и полномочного посла. В поселке имелась двухэтажная гостиница, обставленная рижской мебелью. При гостинице чайхана, устланная коврами и паласами, и ресторан в европейском стиле — с полированными столиками, баром с хромированной стойкой и радиоконбайном.

В известной мере все это великолепие родилось из небольшой зарисовки «Новый век в «Рассвете». Она как бы дала импульс, вдохновила руководство колхоза на замечательные свершения. И поэтому неудивительно, что Кугеля, «крестного отца» этой славной сельхозартели, о прекрасных делах которой теперь появлялись статьи и в республиканской печати и даже в московских газетах и журналах, — неудивительно, что Кугеля принимали как родного.

Сам председатель, раис Одилбай Парпиев, получив по радию сообщение о прибытии дорогого гостя на «сороковой километр», немедленно сажился в «Волгу» и ехал встречать Еремея.

Тут надобно объяснить, что это такое — «Сороковой километр».

От областного города Байрамкента было проложено бетонное шоссе, ведущее в глубь области. На сороковом километре к шоссе подходила асфальтовая доро-

га и, если по ней проехать еще двенадцать километров, то очутишься прямо в современном эдеме, то бишь на центральной усадьбе «Рассвета». Вид ее сразу же потрясает воображение. Я уже упоминал о новеньких домах колхозников, утопающих в яблоне-вых и сиреневых кущах. А тут еще грандиозное здание правления колхоза, похожее на небольшой Большой театр в Москве. Только на портике вместо квадриги Аполлона, — огромная коробочка хлопчатника. А напротив правления — трехэтажный универмаг! А рядом — ресторан «Саёхат» («Путешественник»). А еще поодаль светлое здание больницы, а еще — школа... И т. д. и т. п.

На так называемом «Сороковом километре» постоянно дежурил «человек» на «газике», оборудованном рацией. И как только к пересечению шоссе и асфальтовой дороги приближалась машина со знакомым номером, «человек» немедленно выезжал на шоссе и полосатым милицейским жезлом сигнализировал остановку. Начинались бесконечные приветствия, пожелания чистого неба над головой и прочие затейливые любезности. А затем «человек», выяснив, что едет корреспондент или телевизионщик со съемочной группой, приглашал («по пути, тут всего две минуты езды») заглянуть в «Рассвет».

— И никаких разговоров, уважаемый (уважаемые) слышать не смею! — пламенно убеждал «человек». — Хозяин страшно огорчится. Хозяин рассердится!!! Зачем обижать уважаемого человека? Его вся республика знает. Его в Москве любят. О нем с больших трибун хорошие слова говорят!.. Вот, сами посмотрите!.. Московский журнал поместил на обложке красочный портрет нашего отца, любимого нашего Одиббая-ака, да продлятся годы его!.. Звезда Героя сняет на его груди!.. Как я, ничтожный, ему на глаза покажусь, если вы побрезгуете его знаменитым гостеприимством?!

Обычно захваченные врасплох деятели «средств массовой информации» не заставляли себя долго ждать. Много ли аскетов и стойков среди пишущей братии (да и не только «братии»), которые нашли бы в себе силы отвергнуть радушное и бескорыстное предложение «хорошо посидеть»?

Так что не станем слишком строго судить тех, кто, после некоторого колебания, принимал приглашение. Со временем же вошло в традицию «кейфануть на сороковом километре». И ничего зазорного в этом нету. При-

глашают ведь! И не только журналистов, киношников и телевизионщиков. Из обкома в «Рассвет» запросто ездят. И даже из Ташкента высокие гости не такая уж редкость!..

Прославленный колхоз! О чем речь? Работают, как надо, и встречают соответственно, как положено. В десяти километрах от центральной усадьбы, на живописном берегу Кизил-сая, раис специально выстроил для почетных гостей загородную резиденцию: шикарные комнаты отдыха в коврах, бильярдная, финская баня («сауна») с бассейном...

Ничего не поделаешь! Положение обязывает. И еще — освященные веками традиции восточного гостеприимства!..

Лев Львович Век ценил прессу и поэтому всячески ублажал газетчиков, кинематографистов и мастеров телевидения. Ему было что показать дорогим гостям, чем порадовать. Великолепная животноводческая ферма с автоматическими поилками для животных. Бескрайние поля, засеянные хлопчатником, сады, бахчи... Очень эффектно, на фоне гор на дальнем плане, выглядели четыре огромные силосные башни, сверкающие светло-синей эмалью, привезенные в «Рассвет» из Чехословакии.

И никому в голову не приходило (из тех, кому это обязано было приходиться в голову), что земной рай под названием «Рассвет» — мыльный пузырь, дутая знаменитость, незаконнорожденное дитя Льва Львовича Века. Не вдаваясь в подробности махинаций авантюриста, скажу лишь, что сведения о невиданных успехах колхоза, направляемые в различные инстанции в виде сводок и докладных, были отчаянной «липой». В «Рассвете», судя по сводкам, за несколько лет добились тридцатицентнеровой урожайности хлопка с каждого гектара. В действительности же, фактически, урожайность не превышала 12—13 центнеров.

— Ты, Леваджан, — сипел звероподобный Одилбай, — мудрее змея, увертливее лиса. Скрытые посевы — это замечательно! Наградил тебя умом аллах!.. Озолочу тебя... Только... Только...

Раис вдруг как бы трезвел и спрашивал, сверля Века страшными своими глазами:

— А как быть, когда нагрянут проверяющие?..

— Надо создать резиденцию для культурного отдыха проверяющих, Одилбай-ака. Нужно жить с размахом. Год, другой, третий сумели поводить любопытству-

щих за нос. А сейчас мы гремим в республиканском и всесоюзном масштабе, ныне, брат Одилбай, нам никакие проверяющие не страшны.

— А вдруг... А все-таки?... В области хлопкозаготовками ведаёт Гроднич-начальник. Его за нос не проведешь! А он обещал побывать в «Рассвете».

— Это верно, — отвечал Век с легким вздохом. — Гроднич человек опасный, вредный для нашего дела. Однако он тоже верит, что наши первые успехи достигнуты с помощью инструкций. Теперь мы встали на ноги. За выполнение и перевыполнение плана хлопкозаготовок нас завалили дополнительной оплатой, премиями. Ты, как я и обещал, стал Героем. И мне орден перепал. Великой славы мне не нужно. Я предпочитаю деньги, золотишко, камушки. Ничего не поделаешь, сказывается аристократическое происхождение.

Надобно заметить, что Лев Век о своем аристократическом происхождении распространялся не только в интимном кругу. Он и в райкоме, и в обкоме бросал ненароком, будто происходит из рода рюриковичей. Разумеется, в листке по учету кадров не писал об этом. Но в беседах позволял себе щегольство. Странные времена тогда наступили. Люди, тщательно скрывавшие то, что их дедушка был насильно мобилизован в колчаковскую армию, где служил денщиком, — вдруг стали гордиться действительным или воображаемым аристократическим происхождением. Один вдруг объявил, будто его прадед был визирем у эмира бухарского, другой кичился родством с генералом Черняевым, взявшим штурмом Ташкент, третий, поводя широко рукой, указывал на дачный пригород Байрамкента и утверждал, что все это некогда принадлежало его знаменитой фамилии! Объявился один работник Госстраха, который заявил, что хотя он по паспорту и русский, но на самом деле англичанин!.. И не просто англичанин, а лорд!

Дело психологов и социологов объяснить этот странный феномен. Я же могу лишь указать на факт и вместе с читателями подивиться тому, что многие люди стали почему-то стесняться своего честного пролетарского или крестьянского корня. И это ведь не какая-то там невинная «ноздревщина». В лексиконе появилось пахивающее нафталином выражение «неравный брак». Даже французское слово получило хождение — «мезальянс». За ним скрывалось изрядно гадостей. Многим нестерпимо возжелалось превратиться в новых, так ска-

зять, советских «аристократов». А ведь аристократам требуется соответствующая обстановка, среда обитания. Ну тут и началось!

Читатели моего поколения, я убежден, хорошо помнят, как в первые два-три года после окончания войны запросто, безо всякой очереди продавались дешевые «Москвичи» и «Победы»?

А многие ли их брали?

Да нет же.

В войну все мы, — обливающиеся кровью фронтовики и труженики тыла, изнемогающие от двенадцатичасовой работы и недоедания, — мечтали о мирной жизни. Она представлялась нам в образе куска белого хлеба с маслом, покрытым сочным пластом любительской колбасы, и стакана чая с сахаром!

Дальше наша фантазия не шла. Это было пределом мечтаний.

Но война кончилась. Бутерброда очень скоро оказалось до смешного мало. И у людей начали возникать мечты аристократические. Простая кровать с пружинной сеткой стала вызывать усмешки. Неполированный стол — неприязненную гримасу. В магазинах появилась импортная и рижская (тогда еще хорошая) мебель. Зародилось соревнование «аристократов». Кто-то купил спальню «Птичий глаз». А такой-то приобрел столовую из драгоценного мореного дуба... Людей обуяла лихорадка «машиномании». Этому, кстати сказать, способствовали в известной мере и наши отечественные кинофильмы. Показывают кусочек жизни рядового следователя районной прокуратуры, а у него квартира-хоромы в двух уровнях, шикарная дача, собственный «жигуль», мебель не мебель!..

Бодряческие, еще довоенные, слова: «Жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи!» получили свое необузданное развитие в романах и кинофильмах, в телепостановках, репортажах и безответственных речах ответственных товарищей...

Вдруг с высокой трибуны раздалась «истина в последней инстанции»: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!»

Что ж, многие и стали жить как при коммунизме, полностью обеспечивая свои постоянно растущие потребности. С одной лишь разницей: потребность свою в роскоши эти субъекты обеспечивали за счет народа, за счет государства, то есть стали красть, брать взятки,

заниматься хитроумными махинациями. Эта страшная проказа души оказалась болезнью заразной, получила немалое распространение. А поскольку хорошая, «красивая» жизнь всячески рекламировалась, то воры, хапуги перестали таиться.

Ворюги существовали всегда. Еще Маркс мудро заметил, что всякое право подразумевает бесправие. Если существует уголовный кодекс, значит, существуют и субъекты, могущие покуситься на права других, честных членов общества. Однако довоенные воры, хапуги все же таились, не выставляли напоказ своих богатств, прикидывались скромными совслужащими, и лишь тайно пожирали деликатесы и наслаждались дорогими винами.

Новая популяция хапуг живет широко и привольно, ареал их обитания обширен. Хапуги строят дачи-дворцы, разъезжают в собственных «Волгах» и «Тоётах», одевают своих жен и наложниц в драгоценные шубы и палантины, позволяют себе запросто слетать в Москву — пообедать в «Арагви» или «Праге», чувствуют себя «своими людьми» в магазинах, открытых для воинов, проливающих кровь в Афганистане!..

Более того, эти упыри, хапуги, негодяи откровенно смеются над людьми честными, безгарнитурными и безмашинными: «Дураки! Жить не умеют!»

Великое счастье, что ныне стали выжигать вертепы, хватать за руку и сажать на скамью подсудимых выродков, оскорбляющих наше общество. Идет благородная очистительная работа. И это прекрасно!

Я опять вторгся со своими комментариями. Но мы, кажется, договорились, что мне будет позволено. Я ведь не только рассказчик, но, в известной мере, и очевидец событий. Со многими персонажами знаком лично, от некоторых пришлось даже претерпеть немало неприятностей, — так что моя жизнь как бы вплетается в дела и события, о которых повествую.

Читателям теперь, надо полагать, стало ясно, что я не только «современный Нестор», регистратор фактов, но и как бы одно из заинтересованных лиц. Следовательно, имею право на комментарии, пояснения и уточнения. И вот я прервал разговор Века с Одилбаем Парпиевым, чтобы, не растекаясь мыслями по диалогам и описаниям красот природы, рассказать лично о деятельности Льва Львовича за мигмом промелькнувшие годы.

Прежде всего, прямо скажу: Л. Л. Век субъект незаурядный. Природа наградила его организаторскими талантами. Ему легко давались науки. Он был обходителен, умел найти общий язык и с простым хлопкоробом, с которым говорил на родном языке, и с академиком, нанесшим визит в «Рассвет», дабы нерушимо соединить науку с жизнью, с практикой. Ко всему мой антигерой умел понравиться начальству. И внешне выглядел прекрасно: рослый, поджарый, длинноногий, рыжеватый блондин с легкой «золотинкой», черты лица мягкие, несколько мелковатые, но правильные. Портит его лишь улыбка, обнажавшая волчий оскал, и «рыбы» глаза в красной окантовочке, как при конъюнктивите. Однако и глаза, когда Лев Львович беседовал с нужными людьми, становились осмысленными, с бесовскими огонечками. Улыбался же он, зная свой недостаток, лишь слегка показывая зубы, отчего в уголках губ его появлялись пресловутые «интеллигентские складки», — что очень ему шло.

Я поступил бы очень непорядочно, если бы заявил, что с первого взгляда распознал в Л. Л. Веке негодяя. Долгие годы я тоже был без ума от заместителя председателя колхоза «Рассвет». Я восхищался им, когда Век стал директором хлопкозавода. Более того, я от души поздравил Григория Фомича Гроднича, узнав о том, что Век вскоре должен стать его заместителем. По этому поводу у меня с Григорием Фомичем состоялся такой разговор.

— Значит, хотите прикарманить Льва Львовича, а, Григорий Фомич?

— Что значит — прикарманить? Я Века не покупал на рабовладельческом рынке. Какие теперь мои годы? Надо готовить достойную смену.

— За это тоже великое спасибо. Мне по роду своей службы приходится встречаться с разными людьми. И я заметил: уходит начальник на повышение или, скажем, на пенсию, и рекомендует, как правило, на свое место человека, который по деловым и иным качествам гораздо ниже его, уходящего. Почему? А чтобы была заметна потеря. И руководство и подчиненные невольно вспоминают прежнего начальника, сравнивают и говорят между собой: «М-да, это не Иван Петрович (или Саид Умарович)!.. При нем дела вроде сами собой делались!»... А вы, Григорий Фомич, толковую замену готовите.

— Дело того требует. А забудут меня — не велика беда. Главное, чтобы работа спорилась. Хлопкозаготовительное дело — это же адский труд. Бесконечные командировки. То тебя хвалят неумеренно, то стружку с тебя спускают неизвестно за что, — абы досада с сердца отлегла. В бога не веришь, а по утрам, во времена хлопкоуборочной, тайно молишься: «Господи! Не насылай дождя!.. Не насылай дождя...» Закончена посевная — опять молитвы: «Избави, господи, от заморозков!.. От селей и градобития!..» И гоняешь, гоняешь, по колхозам да по совхозам. Если в сутки поспишь часов пять, так это райская жизнь!.. Нет, уважаемый фельетонист (я тогда фельетонистом работал), не на тепленькое местечко готовлю я Века. Это не синекура, — трудиться до седьмого пота надобно!

Разговор этот происходил, было такое. Сам того не желая, я несколько забежал вперед. А нужно рассказать о том, что же произошло за истекшие годы.

Итак — краткие сведения о передвижении Л. Л. Века по служебной лестнице.

Долгое время Лев Львович был заместителем председателя колхоза «Рассвет». Его стараниями хозяйство превратилось в образцовое, прославленное на всю республику, на всю страну. В «Рассвет» вереницей ехали делегации из других сельхозартелей перенимать передовой опыт. В «Рассвет» привозили иностранных туристов и они выражали свое восхищение на всяк существующем языке:

— О!.. Бьютифл!..

— Сэгадмирабль!..

— О мама миа! Колькозе иллюстре!

— Який гарный колгосп!..

И так далее.

Одилбай Парпиев, натасканный Веком, отвечал на вопросы просто: «Первое, — колхозники трудятся от души, второе, — руководство колхоза свято выполняет все инструкции и рекомендации вышестоящих партийных и хозяйственных начальников. Третье...»

Слава председателя «Рассвета» росла и ширилась. Он стал непререкаемым авторитетом не только в области, но и в республике. А в своем колхозе Парпиев превратился в некое высшее существо, перед которым все трепетали. Долговязый, тощий, со сверкающими темным огнем глазами и с неизменной тяжелой камчой, висящей на запястье правой руки, он одним своим ви-

дом наводил на окружающих благоговейный трепет. Одевался Парпиев строго по тогдашней председательской моде: галифе из серого габардина и китель, хромовые (летом брезентовые) сапоги. Летом тоже китель, но из чесучи кремового цвета.

Теперь Одилбай иной раз покрикивал и на Льва Львовича. И тот помалкивал, понимая, что сам выпустил джинна из бутылки. Однако Век не очень этому огорчался. В конце концов он ведь не власти добивался, а другого: наживы, крупной наживы, колоссальной наживы! Конечно, власти тоже очень хотелось. Но что поделаешь? В данной ситуации надо выбирать одно из двух. А власть?.. Власть впереди! Главное — терпение, терпение и еще раз терпение. Да и нынче... Быть фактически вторым, после Одилбая, лицом в области — не так уж плохо!

Как же все-таки Век добился процветания колхоза-развалюхи?

В годы войны учета посевных площадей в «Рассвете» не было. Планировали посевы исходя из наличия рабочих рук, а их было очень мало. Образовались значительные пустоши. О них как-то забыли в районе и в области. Этим и воспользовался Лев Львович. Именно благодаря скрытым, неучтенным посевам и возросла урожайность хлопчатника. Всем на диво она достигла 25 центнеров хлопка с гектара! Еще через два года — 30 центнеров. На деле же она составляла всего 13—14 центнеров!

За три сезона «Рассвет» окончательно встал на ноги. Раис взыскал с колхозников розданные им в виде «аванса» деньги, а там пошло, пошло... К прогрессирующему хозяйству присоединили еще два захудалых колхоза, затем — еще два. И всюду имелись неучтенные земли. Одилбай Парпиев стал хозяином территории, на которой могла бы свободно разместиться республика Сан-Марино. По числу же населения «Рассвет» почти догнал Сан-Марино*, насчитывая теперь свыше десяти тысяч человек. Только вот «государственный» строй в колхозе был вовсе не республиканский. Правда, всюду красовались лозунги и другие образцы наглядной агитации, восхваляющие свободный труд, демократию, светлое будущее, однако порядки в «Рассвете» царили су-

* В то время население Сан-Марино (по данным на 1951 г.) составляло чуть более 13 тыс. человек,

ровые, а если уж совсем честно, то, пожалуй, даже средневековые.

Камча недаром висела на запястье Одила Парпиева. И я однажды был невольным свидетелем дикой сцены, разыгравшейся в Первой Лахтинской МТС. Приехал по журналистским делам. Редактор поручил написать очерк о директоре МТС Расуле Хакимове, инженере, кандидате технических наук, который после сентябрьского Пленума ЦК партии, в числе десятков тысяч коммунистов, оставил уютное место на кафедре одного из ташкентских вузов и возглавил машинно-тракторную станцию.

Если начистоту, то Расул Хакимов был лишь формально добровольцем. «Было такое мнение», чтобы он им стал. В Ташкенте же оставалась его семья. В сельском хозяйстве технарь Хакимов смыслил мало и вообще настроение у него было, как говорится, чемоданное. Его тянуло домой, в семью, он скучал по любимой работе. Однако обязанности директора МТС исполнял честно, добросовестно.

МТС обслуживала восемь колхозов — семь средних и небольших и «Рассвет» — хозяйство обширное. Дело происходило весной, работали на полях пропашные трактора ДТ-54, их в МТС насчитывалось 25 штук. Двенадцать из них вырвал, что называется, с мясом Одилбай Парпиев. Хакимов сперва сопротивлялся, взывал к чувству справедливости. Тщетно!.. Свирепый раис стеганул по хлипкому письменному столу директора камчой и прохрипел:

— Не дашь — хуже тебе будет!

И стремительно вышел из кабинетика, яростно хлопнув дверью.

Вскоре последовал звонок. Первый секретарь райкома был тоже немногословен.

— Ты что там... это самое... морочишь Одилбая-ака? Головой рискуешь. Да что головой!.. Партбилет на плаху положишь!..

В тот вечер мы с Расулом, поужинав по-холостяцки, задержались в конторе МТС. Директор сидел за письменным столом, щелкал счетами и подводил итоги, кажется, недельной работы. Как вдруг за окном слышался шум автомашины, и вскоре в кабинетик вихрем влетел Парпиев. Меня он не заметил, поскольку я сидел в закутке за печкой и приводил в порядок свои записи.

Высунув голову из-за печки, увидел нечто невероят-

ное: знаменитый раис размахивал камчой над головой съжившегося от страха директора и хрипел (особенно известные слова я, разумеется, для краткости изложения, опускаю):

— ...Еще восемь тракторов давай!.. Запорю!!.

Директор пролепетал что-то, чем вызвал новый взрыв бешенства прославленного председателя. Парпиев зарычал, камча свистнула над головой Хакимова, а я, сам удивляясь своей отваге, стремительно выскочил из-за закутка и в последний миг успел ухватиться за конец плетки.

Парпиев круто обернулся, и я увидел его искаженное яростью изжелта-серое лицо, его свирепо свисающие книзу усы и пылающие каким-то адским пламенем глазищи!..

Мне было тогда тридцать три года. Я не утратил навыков самбиста, парашютиста-десантника, довелось пройти горнило сорок первого года, всякого пришлось повидать. И все же честно скажу: столкнувшись взглядом с этим дьяволом в человеческом облике, я оробел, почувствовал себя беззащитным ребенком и (признаваться, так до конца!) уже проклинал свой человеколюбивый поступок.

Так мы с минуту, наверное, смотрели друг другу в глаза, и я не выдержал, выпустил из рук камчу, отвел взгляд в сторону. Единственное, о чем в те бесконечно долгие минуты мечтал, так это о том, чтобы раис не хлестнул меня плетью, — потому что, с ужасом и гневом на самого себя, сознавал: коли он меня «окрестит» плеткой, я... стерплю!

Это были ужасные, унижительные минуты.

Передо мною высилась Власть, не признающая Закона, всесильное существо, ужасный фантом, излучающий таинственное силовое поле, не позволяющее даже прикоснуться к нему.

Наверно, вид у меня был жалкий, приниженный, ибо Одилбай вдруг криво улыбнулся и, все еще тяжело дыша, отходя от приступа ярости, почти миролюбиво произнес:

— А-а-а!.. Еще один писака... Писака с норовом. Хош. Наше гостеприимство, наш дастархан тебя не устраивают?.. Мне уже доложили, дескать, гордый писака приехал. Не пожелал с раисом переломить лепешку. Боятся, что подкупим, ха-ха-ха!.. Отсюда вывод делаю: приехал под меня копать?!

Мало найдется в мире честных, порядочных людей, которые бы в душе не стыдились некоторых своих поступков. Есть и у меня на сердце такое, что иной раз словно раскаленными угольями жжет совесть. И что особенно больно — ничего уже исправить невозможно, все — в прошлом. Разве что в будущем стараться не совершать ничего подобного? Надежда на будущее — великое нравственное утешение, даже если оно в конце концов оборачивается самообманом.

Сейчас я со стыдом вспоминаю, как, вместо того, чтобы выдать озверевшему раису всю, так сказать, «правду-матку», стал каким-то тоненьким и противным голоском, в котором вибрировала льстивая нотка, объясняя: мол, приехал не копать, а написать очерк о директоре МТС. Об этом прекрасном человеке имеется положительное мнение в обкоме. Руководимая им МТС обслуживает и ваш прославленный колхоз «Рассвет»...

Господи, чего я только не плел! А раис прямо на моих глазах обретал радушный вид. И усы его басмаческие уже не казались мне устрашающими, и в глазницах черных обнаружили ласковые блики... Ох, до чего же мне хотелось выложить все, что я теперь действительно думаю о Парпиеве! Но, увы, я уже понимал, что при сложившихся обстоятельствах резать в глаза ту самую «правду-матку» — самоубийство.

Я говорил, говорил... Наконец Одилбай перебил:

— Зачем в мою резиденцию для гостей отказался, а?

— Слово себе дал. Работа есть работа.

— Недавно, небось, гонораришком промыляешь?

— Третий год.

— Что так долго учился?

— Война, фронт... Сразу учиться не смог...

— Коли так, пусть тебе будет хуже. Однако знай: умные твои коллеги не брезгают моим дастарханом. А насчет копать запомни раз и навсегда. Говорю, тебя жалеючи: мои дела — как колодец: чем глубже копаешь, тем чище вода в колодце. А об этом... — он указал камчой на все еще бледного как полотно Хакимова. — Пиши. Разрешаю. Вот он мне обещал еще восемь тракторов подбросить. Молодец! Дело знает. И о нас, скромных тружениках, не забывай.

— Конечно... Конечно! — я был противен самому себе.

— Вот и договорились. Хайр булмаса.

Хакимов жил при конторе, в крохотной комнатухе. Так и «не поделив» узенькую сиротскую кровать (борьба гостеприимства и щепетильности окончилась боевой ничьей), улеглись на полу, постелив матрац и ватные одеяла. Ни Хакимову, ни мне не удалось сомкнуть глаз до самого рассвета.

Интеллигент-директор вздыхал, курил папиросу за папиросой. И я переживал свое унижение. Не выдержав игры в молчанку, решил заговорить.

— Не принимайте близко к сердцу, Расулджан.

— А вы?

— А!.. Ничего, всякое бывает в этом лучшем из миров, — соврал я.

— Я вам безмерно благодарен!

— ?!

— Вы удержали камчу. А если бы... Если бы он меня ударил, я... Я бы застрелился.

От неожиданности я вздрогнул. В темноте воцарилось тяжелое молчание. Мне ведь тоже приходило на ум, что бы было, если бы... Просто удивительно, что разъяренный Одилбай не огрел меня своей плеткой. И мне страшно было подумать, что бы тогда произошло. Ведь наверняка стерпел бы!.. А тогда какая уж жизнь?! Пожалуй, и свихнуться можно в два счета... На дуэль вызвать?.. Одилбай просто прикажет своим холоум-телохранителям проучить дурачка, и я же окажусь на скамье подсудимых по обвинению в попытке совершить теракт против знатного хлопкороба, Героя, депутата, «Маяка» и прочая и прочая!

Написать жалобу в обком?.. Засмеют. И в обкоме, и в редакции. Во-первых, не поверят. А если и поверят, то не дадут хода жалобе. Во-вторых, на всю оставшуюся жизнь останется клеймо. До самоубийства рукой подать! Прав Расул Хакимов, — пулю себе в лоб, иного выхода нет. Однако, чтобы застрелиться, надобно хотя бы ружье. Чтобы купить ружье, нужно стать членом Общества охотников, и только через год дадут тебе разрешение...

Очевидно, тяжкие мысли одолевали и Расула. Он нарушил молчание.

— У меня имеется прекрасное охотничье ружье. Двустволка. Дедовское еще. Зауэр, «Три кольца».

— Благодарю вас, не надо. И вам не советую.

— Это верно, — согласился Расул и тяжело вздохнул. — Глупости лезут в голову.

И вдруг, без всякого перехода, с каким-то внутренним надрывом, воскликнул, не громко, но очень четко, решительно:

— Хотите, поведаю вам, что на самом деле представляют из себя Одилбай Парпиев и его заместитель Леваджан Век?.. Хотите?!

— Конечно!

— Хотите, не хотите — все равно все расскажу. Вам же далеко не все о них известно. Нашло на меня. Слишком долго храню в душе, даже ночью, когда изредка приезжаю в Ташкент повидать семью, — даже во сне боюсь проговориться!.. А вам скажу... Но вы-то никому ни гу-гу!.. Договорились?

— Этого обещать не могу.

— А-а-а!.. Черт с ним!.. Знаете, человек, владеющий тайной, подобен беременной женщине. Рано или поздно он разрешится от бремени. И сейчас у меня на нервной почве начались роды... Ох, страшно!.. Только меня не впутывайте. Впрочем, и вам не рекомендую донкихотствовать. Не вы первый... А где они теперь, эти смельчаки, а?

— Где?

— Не перебивайте, а то передумаю. Слушайте... Я, знаете ли, тут всякого наслушался и навидался. Начну с того, что рассказал мне старый большевик, отсидевший десять лет за «экономическую контрреволюцию», а попросту говоря, — за то, что, будучи председателем райисполкома, не обеспечил в тридцать четвертом году выполнения районном плана хлопкозаготовок. До недавнего времени был на положении прокаженного. Одилбай смилостивился, взял его колхозным сторожем...

Я напряженно слушал директора МТС, боясь пропустить хотя бы словечко. Очень хотелось вскочить, отыскать блокнот и все записать. Но опасался, что Расул Хакимов при виде бумаги утратит энтузиазм рассказчика, сомлеет. Многих, очень многих бумага, всякие записи, протоколы смущают. Поэтому решил довериться памяти, а потом, под свежими впечатлениями, все подробно записать.

Рассказ Расула Хакимова я предлагаю в следующей главе.

— Говорят, что старые большевики — люди несгибаемой воли. Не спорю. Но все же, наверно, есть исключения из общего правила. Раим-ака Мирходжаев, например, явно согнулся. А точнее, махнул на все рукой. После реабилитации Раима-ака Одилбай назначил его директором колхозного Дома культуры. Дал ему почетную должность, синекуру. Культурными же делами фактически заправлял шустрый человек со средним музыкальным образованием и связями в облкинопрокате. Мирходжаев царствовал, но не управлял.

Ему было пятьдесят восемь лет, а выглядел на все семьдесят: маленький сухонький человечек с морщинистым личиком. В жизни не подумаешь, что этот измученный болезнями старикашка осенью двадцатого года в составе Интернационального полка штурмовал последний оплот эмира бухарского — крепость-дворец Арк.

Теперь это был больной, уставший от жизни старичок. Он даже не очень обрадовался, узнав, что портрет его, по представлению райса «Рассвета», украшает Доску почета в Байрамкенте, поверх которой сняют золотом странные слова: «Лучшие люди Якшичульской области».

— Почему эти слова вам кажутся странными? — спросил у Хакимова.

— А вам?.. На первый взгляд, все правильно. И в колхозах такие доски имеются, и в районах, и в областных центрах. И все же странно как-то. Вы, к примеру, никогда не были лучшим человеком, скажем, в своей редакции?

— У нас есть просто Доска почета.

— Это другое дело. Люди отличились, и их за это чествуют. Все понятно. А что это за лучшие люди колхоза, района, города, области?.. Вы проходите мимо портретов «лучших людей» — Иванова, Ташматова, Бешенцева... Разве вам не грустно? Значит, вы вроде как второго сорта. Залежалый человечешко!

— Хм... Пожалуй, вы в чем-то правы. Как-то не задумывался.

— У нас вообще не любят задумываться. Сказано было: «И засуху победим!» — и все хором: «Будьсьде!»... «Мы не можем ждать милости от природы!» — ну пошли покорять природу, как ошалелые! А природу не надобно покорять. Чуть это собачья. Необходимо изу-

чать законы природы — вот чем должны заниматься люди. Об этом еще английский философ Фрэнсис Бэкон писал. Триста с лишним лет тому назад. Изучив законы природы, человек может их учитывать с пользой для дела. А у нас все — по команде!

Директор МТС умолк, долго свертывал «козью ножку», чиркал зажигалкой, громадной, сработанной из гильзы двадцатимиллиметрового снаряда. Она дала, наконец, мощное пламя, осветившее убогое жилище Хакимова.

— Чего это мы в темноте, словно совы? — удивленно произнес он и зажег керосиновую лампу. — Так на чем мы с вами остановились?

— Не любим задумываться.

— Я, пожалуй, выразился не точно. Отучены задумываться. Ох, уж этот культ личности!.. Вспомните доклад о культе личности Сталина и преодолении его тяжелых последствий!.. Ведь вроде все знали, но как-то не верилось.

При тусклом свете керосиновой лампы лицо Хакимова походило на скульптуру, вместо глаз — темные провалы. На высоком его лбу четко вырисовывались морщины.

— Сколько тебе лет, Расул? — ни с того ни с сего спросил я и смутился, сообразив, что сказал ему «ты».

— Это хорошо, что мы перешли на «ты», — улыбнулся Хакимов. — Ты мне симпатичен хотя бы уж потому, что отказался от резиденции и председательской обжираловки. А лет мне сорок с хвостиком.

— Может, хватит валяться, а? Все равно теперь не заснуть. Да и рассказать ты мне обещал кое-что. Или раздумал?

— Если по-честному... Надо было бы раздумать. Но сил уже никаких нет. Так и быть! Где наша не пропадала... Сейчас чаек соображу. Сядем рядком, поговорим ладком.

Минут через десять на мангалке закипел чайник. Мы уселись у большого дощатого ящика, заменявшего Хакимову обеденный стол, и директор МТС начал свой рассказ.

— То, о чем я тебе поведаю, как говорят философы, истина в последней инстанции. Ни капельки вранья или игры воображения. Буду говорить правду, одну только правду, ничего, кроме правды! То, что происходило до меня в «Рассвете», узнал у старожилов исподволь, ни-

чего не расспрашивая. Остальное наблюдал собственными глазами...

Начну с Одилбая. Лет ему за пятьдесят. Не так давно на всю страну юбилей его прогремел. В газетах и журналах о нем хвалебные статьи, фотографии юбиляра. Из твоей газеты тоже приезжал корреспондент. Молодой, долговязый, лохматый, в очках...

— Октавиан.

— Он. Из тех, знаешь, кто не газету любит, а себя в газете. С гонором парнишка. Расписал Одилбая по всем правилам журналистского искусства. Побывал и в нашей МТС. Подивился убогости помещений, где хранится техника, моему неблистательному житью-бытью. И, вместо помощи, выговор сделал, мол, учитесь у прославленного Одилбая Парпиева. Учитесь хозяйствовать!

Но это так, к слову пришлось. Теперь об Одилбае. Председателем он стал в августе сорок первого года. Привезли его из Ферганской долины. Кто рекомендовал — темна вода. О нем одно сказали: волевой руководитель! А в те времена волевые на вес золота ценились. Раис и в самом деле недостатком волевых качеств не страдал. А если точнее — оказался узурпатором. Всех в кулаке зажал. Да и кто ему противиться мог?.. Старики, подростки, солдатские вдовы?

Человек он не умный, но хитрый. Парадоксально, однако в жизни такое странное сочетание довольно часто встречается. Первым делом Одилбай позаботился о своей овечьей отаре. Специальные люди пасли ее на горных пастбищах. И собственное рисовое поле заимел. Бешеные деньги, через своих людей, на базарах зарабатывал. У эвакуированных скупал золотишко, драгоценности. А вот хлопок вовсе запустил. Семь центнеров — что за урожай?! За это Одилбаю мылили голову, грозили снять с поста. Да все как-то одними угрозами и ограничивалось.

— А что колхозники смотрели?

— Кому смотреть?.. Чуть ли не ежедневно похоронки, возвращались тяжело раненные, без рук, без ног!.. И еще эта наша проклятая покорность судьбе. Веками воспитанное послушание, почтение к сильным мира сего. Да ведь Одилбай не только в страхе всех держал. Он и потворствовал, когда ему надо было. Отправилась в город колхозница продать на рынке кое-что со своего тамарка, с приусадебного участка, — он на это глаза закрывает. Понимал: людям кушать нужно, иначе по-

мрут. Так вот и жили. А много ли человеку во время войны надо?.. Кусок лепешки, пиала чая, а главное — чтобы отец, брат, муж с войны вернулся. Пусть хоть раненые, покалеченные, но живые. Живые!

— Это понятно. Но райком, обком!..

— На этот вопрос точно ответить не сумею. Могу лишь предполагать. Нехватка людей. Чья-то поддержка... А может, как говорится, не теряли надежды, что райс сделает выводы, наладит работу. И еще учитывали, что техники в МТС в годы войны кот наплакал, и поизносилась, а новой нет. Помогло Одилбаю и то, что в райком и обком приходили новые руководители. Пока осваивались с делами, то да се... Уходили. Опять новые... Вот и держался этот деспот. Его все же сняли бы в конце концов. Но появился этот негодяй Век! Лев Львович Век. И, как видишь, стараниями этого авантюриста...

— Авантюриста?! — изумился я (ведь тогда я еще не знал, что в действительности представляет собой этот тип). — Он столько сделал для «Рассвета»! Он...

— Авантюрист — это еще Веку комплимент. Если желаснь знать, Лев Век хуже Парпиева. Парпиев до знакомства с Веком был обычным уголовником. Рано или поздно попался бы со своим рисом и отарой, другими махинациями. Век же сделал Парпиева неуязвимым! Он славу ему создал! Попробуй, тронь такого!.. И это не все.

— Но не станешь же ты отрицать, что Лев Львович знающий хлопковик, талантливый организатор.

— Гитлер... — огорошил меня Расул. — Гитлер тоже был талантливым организатором.

— Ну уж!.. — у меня даже дыхание перехватило.

— Прошу тебя, не перебивай, а то желание пропадает рассказывать. Да, история знает немало великих злодеев, обладавших замечательными талантами. Но таланты, гений свой они употребляли во зло, творили беззакония, проливали море крови и слез человеческих. Знай же: Век, этот Шербек...

— Шербек?

— Так райс переназначил имя своего зама. Шер означает — лев. А бек — общеизвестно, что это за слово. Почтил, так сказать, грозным именем.

— Из кипплинговского «Маугли» позаимствовал? — предположил я... — Только у Кипплинга, кажется, Ширхан.

— О Кипплинге — это ты напрасно. Одилбай человек

невежественный. Просто есть у нас такое имя — Шербек. Надо сказать, новоиспеченный Шербек оправдал его. Повторяю, Парпиев на волоске висел, не сегодня — завтра должны были его скинуть. А там бы обязательно всплыли его махинации. Но... — Хакимов развел руками и горько улыбнулся. — Нельзя не отдать должное Шербеку.

— Господи, не томи душу, Расулджан! Как же?.. Как же Век все устроил?

— Очень просто. Скрытые посевы! Огромные площади. К настоящему времени скрытых посевов в «Рассвете» больше половины! Урожайность, разумеется, тоже несколько повысилась. Было семь центнеров хлопка с гектара, теперь двенадцать — тринадцать. Трактористов моих частным образом нанимает для обработки земли, достает где-то горючее. Как Шербек на первых порах выкручивался, не знаю. Ловкач. Я в МТС значительно позже прибыл. К моему приезду у Века уже все было отлажено. Колхоз лучший в области. И народ к нему пошел, даже некоторые эвакуированные остались, — те, чьи деревни были сожжены дотла, а родственники погибли. Куда им бедолагам деваться? Молодежь подросла. Рабочих рук теперь хватало. Да и отчего бы не работать, когда заработки высокие?.. Люди действительно зажили хорошо. И в газетах о «Рассвете» пишут. Слава!.. Приятно. За успешное выполнение и перевыполнение планов заготовок хлопка платят огромные деньги, премии, премии-надбавки... Вот в чем секрет преуспевания колхоза «Рассвет»!

— Неужели в районе ничего не знают? — вырвалось у меня. — Неужто в самом колхозе не найдется честного человека, который бы осмелился громко заявить?.. Да ты, наконец, почему помалкиваешь?..

...Прав был Октавиан-Индустрий — из-за излома гор действительно появились первые робкие лучики восходящего солнца. Во дворе МТС уже раздавались металлические удары кувалды, слышались рыканье моторов, людские голоса.

Расул Хакимов вышел на несколько минут, чтобы отдать распоряжения, вернулся, и мы перебрались в его кабинетик, поближе к телефону — допотопному, огромному ящику, прикрепленному к стене, и ручкой, которую надо было крутить при вызове абонента и отбое.

Сели.

— Честных людей в районе и в колхозе хватает,—

Хакимов продолжал рассказ, будто и не было перерыва. — Честные есть, а смелых... Смелых, может быть, тоже достаточно. Но... Расскажу тебе одну фронтовую историю. В сорок третьем году был я командиром стрелковой роты. Стояли мы в обороне. Мне, без пяти минут инженеру, по здравому смыслу, следовало бы в технических войсках служить. Но приказ есть приказ. Воюю. В обороне обжились, как водится. Немцы изредка постреливают, мы постреливаем. Почти мирная жизнь. И был у нас некто капитан Курочкин, адъютант старший, которого громко «титоловали» начальником штаба батальона. Отчаянный парень, храбрец, честняга. Вот Курочкин и докладывает по начальству о том, что есть в обороне батальона танкоопасные места, надо бы занять в подкрепление хотя бы одну батарею противотанковых орудий.

Директор МТС помолчал, погладил себя пальцами по залысинам, как бы припоминая подробности, и продолжал:

— Командир полка говорит Курочкину, мол, на противотанковые орудия пусть не рассчитывает. Нету их пока. Зато получено в изобилии бутылок с горючкой. Правда, в бутылках не КС, не самовоспламеняющаяся жидкость, а бензин, надобно спичками зажигать. Прислали откуда-то запас еще образца сорок первого года, но и такое устаревшее средство против танков сгодится в руках отважных воинов.

Что делать? И то хлеб. Подобрали в батальоне добровольцев, истребителей танков. А бутылок все нет и нет. И надо же такое!.. Немцы неожиданно крепко ударили, прорвали танками и пехотой оборону батальона, полка, погнали нас аж до второй линии обороны. Вся дивизия в тяжелый бой втянулась. Комдив приказывает: «Любой ценой вернуть утраченные позиции!» Командир полка приказывает: «Вернуть!!!» Все приказывают. И началась мясорубка. Вернули позиции. А позади них километрах в трех закопали в братской могиле без малого триста героев этого боя. Тогда и меня ранило. После госпиталя меня уже в танковые войска направили.

Рассказчик умолк. Я недоуменно посмотрел на него. История, конечно, печальная. Но какая связь с предыдущим его рассказом?

— В прошлом году ко мне в МТС поступил на работу новый тракторист. «Не узнаете?» — спрашивает. «Лицо

вроде знакомое...» — «Капитан Курочкин... Бывший адъютант старший».

Ну, как водится, обнялись, расцеловались. А вечером он мне за рюмкой водки и рассказал такую страшную, неправдоподобную историю, что хоть верь, хоть — нет... Чудом уцелел в том страшном бою капитан. Понятное дело, приехал военный следователь, стал выяснять, почему все произошло. Установил, что батальон, полк сражались героически. Но не было противотанковых средств. С тем и уехал. Никаких особо неприятных для полка и батальона последствий. Кому-то из тыловиков намылили головы, и вскоре подбросили противотанковой артиллерии.

Вроде все забылось. Однако не таков был Курочкин, чтобы простить виновных в гибели трехсот солдат-героев. И выяснил он вот что... В глубине нашей обороны, километрах в двадцати, находился спиртоводочный заводик. На заводике том тоже, значит, ковали победу, гнали спирт для фронтовых ста граммов. Об этом и пронохал пройдоха-старшина, отиравшийся при штабе полка. И придумал он такую махинацию. Заводику не хватало тары, поллитровок обыкновенных. Старшина и предложил директору обмен: он дает заводу поллитровки, а завод, за каждые десять бутылок, — бутылку спирта. Поторговались. Договорились на двадцати бутылках за поллитра спирта.

Хитер был старшина. Об этой договоренности он вроде ненароком и командира полка информировал, и начальника штаба полка. Оба они любили иногда «крепко вздрогнуть с устатку». Те и подумали: велики ущерб, ежели три-четыре ящика с горючкой заводу презентуют? А мы будем запасец иметь. В обороне ведь сидим, откуда лишнему спирту взяться?

Ни командир полка, ни начштаба, конечное же дело, разрешения старшине на обмен не давали. Просто сделали вид, что пропустили мимо ушей его сообщение. Тот и развернул «коммерцию», да с таким размахом!.. А когда понадобились бутылки с горючкой, танковые атаки отражать, — их и нету!

Узнав случайно обо всем этом, капитан Курочкин пришел в дикую ярость. Заманил к себе в землянку негодяя старшину, вроде бы для дружеской пирушки. А как только душегуб сел, капитан положил перед ним два листка блокнотской бумаги, трофейную авторучку, приставил к затылку негодяя пистолет ТТ и приказал:

«Пиши, сволочь!.. Все, как на духу опиши! Иначе пристрелю, гнида!»

Старшина туда было, сюда, реветь белугой стал, прощения просить. Но разве мог капитан Курочкин простить гибель трехсот воинов?! Заставил. Все написал старшина. Ушел на подгибающихся ногах. А капитан ему вслед: «Теперь будет тебе трибунал и наверняка без отправки в штрафроту!»

Как в воду смотрел капитан Курочкин. Был трибунал. Обошлось, однако, без штрафроты. Получил обвиняемый, как говорится, «Семь плюс пять»! Семь лет лесоповала плюс пять лет ссылки после отбытия наказания.

— И такого подлеца, душегуба пожалели! — воскликнул я. — Невероятно! Расстрелять его надо было к чертовой матери!

— Не торопись, дорогой, — Расул поморщился, как от зубной боли. — Семь плюс пять получил капитан Курочкин!

— Что?!

— Да, капитан Курочкин.

— Невероятно! Выдумал ты все, Расул.

— Такое разве выдумаешь?

— Не верю!

— Твое дело. Не любо, не слушай, а правду говорить не мешай. Вот как дело повернулось. Простодушен был Курочкин. Ему бы рапорт свой с письменными показаниями негодя старшины в корпус отправить. А еще того лучше — в армию. Но ведь рапорта подаются по команде. Вручил материалы комбату. Тот в ужас пришел. Стал уговаривать, дескать, позор-то какой! На всю армию, на весь Северо-Западный фронт! Все равно погибших не оживишь, а сколько будет неприятностей!..

Капитан Курочкин ни в какую. Покарать мерзавца. По всей строгости военного времени!

Передал омертвелый он страха комбат материалы командиру полка. Тот прочитал — и обмер. Вызвал преступника, а тот отвечает: «Я же вам, товарищ подполковник, об этом докладывал. Вы согласие дали. Я так и следователю доложу, ежели что!»

Словом, завертелась карусель. Комдиву тоже все это не подарок. Такое чепе в его соединении! По головке не поглядят. А тут еще гадина старшина хитрый номерок выкинул. Написал, что свои показания он выдумал, ибо к затылку его приставлен пистолет ТТ и что капитан

Курочкин, находясь в жутко пьяном состоянии, наверняка застрелил бы его, старшину, посмей он только ослушаться. И все это придумал капитан Курочкин для того, чтобы отомстить командиру полка, который за тот бой обещал представить его, капитана Курочкина, к ордену, а потом не представил. «Вот капитан и решил свести с командиром полка личные счеты. Все выдумал. А он, старшина, ни о каких обменах со спиртозаводом знать не знает».

Расул Хакимов вздохнул, помолчал, а затем продолжал:

— Не стану сейчас распространяться. Короче, дело так повернули, что под суд военного трибунала угодил капитан Курочкин и получил эти злополучные «семь плюс пять»!.. Теперь, надеюсь, тебе ясно, как иногда судьба играет человеком?

— Дикая история, — пробормотал я. — Просто в голове не укладывается.

— А в твоей голове укладывается то, что дикий феодал и деспот купается в лучах славы, что проходимец Лев-Шербек творит беззакония, издевается над нашими идеалами, над людьми, — и тоже в чести и почете?! Стараниями негодяя Века-Шербека раис Одилбай создал из колхоза прямо-таки платоново государство в миниатюре.

— Платоново государство? — не понял я.

— Я хотя и технарь, как с недавнего времени стали называть нашего брата, инженера, а все же и гуманитарными науками не брезгую. Не так давно прочитал брошюру о трактате древнегреческого философа Платона о государстве. И вот что этот мудрец пишет. При первобытнообщинном строе была тимократия — власть сильных. Эти первобытные лидеры еще не познали соблазна обогащения. Их просто власть тешила. Затем наступила эра олигархии — власти богатеев. Олигархия была свергнута, как несправедливая. И вот восторжествовала демократия — власть народа, большинства. Однако, по мнению Платона, демократия со временем превращается в свою противоположность. Дело в том, что люди, обладающие равными правами, существа несовершенные и разные: один умен, другой глуп, третий образован, четвертый невежественен... Поэтому они не могут сообща решать государственные проблемы. Возникает необходимость в вожде, в лидере. И тогда к власти приходит сильная, волевая личность, и этот вождь

с неизбежностью превращается в «богоподобное» существо, в тирана, диктатора!

— Ну уж и загнул твой Платон! — воскликнул я и инстинктивно оглянулся на дверь.

Расул уставил на меня черные свои смеющиеся глаза.

— Э-э-э!.. Ты, как я вижу, демократ с оглядкой?.. Слушай дальше. Платон считал «идеальным государством» аристократическую республику. Три сословия должны существовать в государстве Платона: философы-правители; стражи; самое низшее сословие — земледельцы и ремесленники. Правители управляют, стражи охраняют, земледельцы и ремесленники обеспечивают жизненные блага.

— Так ты хочешь сказать, что в «Рассвете» стоят у власти философы? — расхохотался я. — Одилбай — философ! Забавно.

— Ничего забавного! — рассердился Расул. — Платоновское государство в «Рассвете» создал Век-Шербек. В колхозе лишь видимость демократии, а на деле — власть «аристократов», доморощенных, разумеется. Во главе стоит Одилбай Парпиев. Его голова и правая рука — Шербек. Вокруг них кучка приспешников. Есть и «стражи», их, правда, немного, но есть. Готовы за «хозяина» в огонь и в воду. Псы одилбаевского самодержавия. А все остальные — покорный народ.

— Но ведь есть же в «Рассвете» парторганизация, секретарь партбюро...

— Парторганизация небольшая, и задавлена Одилбаем. Секретарь партбюро у него в кармане. Специально такого и подобрал, «карманного». Семен Кетов. Бессменный секретарь. Голубятник!

— А люди?.. Простые колхозники?!

— Многим нравятся такие порядки.купаются в лучах славы. Прекрасные заработки, живут в довольстве. И еще учти, что годами, десятилетиями люди только одно и слышали: «Надо!.. Надо!!.. Надо!!!» Они отвыкли думать, проявлять инициативу, протестовать, наконец!.. Критика и самокритика — движущая сила общества. Об этом в учебниках философии, с трибун разных... А на практике?.. Находились и в «Рассвете» смельчаки... Где они теперь? Одилбай выше критики. В особенности после того, как о его показушном участке кукурузы были одобрительные слова сказаны, мол, это же джунгли, здесь, наверное, тигры водятся!

Расул Хакимов умолк, сидел, покусывая тонкие губы.

Я нарушил молчание, сказал решительно:

— И все же не могу поверить, чтобы смелых не нашлось. А журналисты, которые от Одилбая не зависят, а центральная пресса? Да вот хотя бы Гроднич! Он ведь тоже бывал в «Рассвете».

— А Григория Фомича дальше правления никуда не возили.

— Не похоже это на Гроднича.

— Не похоже. Шербек проклятый Одилбая настрополил, тот — в истерику: дескать, что такое?.. Меня проверять?!.. Недоверие. Ваше дело хлопок заготавливать, а не совать свой нос, куда не надо! Да я в обком, да я в ЦК позвоню!.. И, представь себе, прямо на глазах Гроднича — звонит в обком. Оттуда Гродничу команда: «Не мешайте прославленному председателю работать!» И делу конец.

— Неужели Григорий Фомич, как говорится, собаку съевший на хлопке, так ничего и не заметил?

— Как не заметить? Приметил. По всходам хлопчатника точно определил урожайность, двенадцать центнеров. Видел ведь карты некоторые, пока до правления добирался. А Одилбай хрипит: «На эти поля не обращай внимания, Григорий. Здесь пересев был. Другие зато хороши. А контролировать меня не позволю».

— Я слышал, Гроднич что-то докладывал в обкоме, просил официальную комиссию направить в «Рассвет».

— Да, просил. Довод у него вроде разительный. Вот ваша газета в хлопковую кампанию печатает сводки по колхозам о ходе хлопкозаготовок. Чуть ли не полтора ста колхозов в области — и о каждом в отдельности. Так?

— Так.

— А ты заметил, что почти всю хлопкоуборочную «Рассвет» плетется где-то в хвосте сводки?

— Заметил. И очень всегда удивляюсь: вдруг к концу уборочной «Рассвет» выскакивает на одно из первых мест. Только что был внизу — и на тебе: выполнил план, выполнил и перевыполнил обязательства!

— И что? Вывод?

— Мобилизовал Одилбай внутренние ресурсы, люди поднажали. Энтузиазм масс...

Хакимов как-то по-мефистофельски расхохотался.

— Святая наивность!.. Ну, ладно, ты ничего в хлопке не смыслишь. А другие?.. В райкоме, в обкоме, в Совнархозе?! Нет, брат, Многие все понимают, да помал-

кивают. Себе дороже обойдется. А насчет комиссии Гродничу сказали: «Не лезь не в свои дела, не мешай знатному хлопкоробу прославлять область и республику!»

А Григорий Фомич — человек, привыкший к команде. Он о себе и таких, как он, говорит вполне серьезно: «Мы — винтики», невинно же пострадавших утешает: «Что поделаешь? Лес рубят — щепки летят!» ...Вся его жизнь по команде.

— Но почему?.. Почему? Почему такие странные команды?

— Причин, как говорится, навалом. Уж больно ловок этот Шербек. Поглядеть на него снаружи — яблочко румяное, а внутри яблоко это червивое, гнилое. И гниль свою незаметно другим передает. Рассказывал ведь я про капитана Курочкина. Здорово повернулось дело, а? Теперь поставь себя на место секретаря райкома. Ну как вскрыется зловонный нарыв?!.. Прости-прощай, партийная работа! И в обкоме точно так рассуждают. Экий скандал!.. Лучше делать вид, что ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю! Да и обком, наверно, командами не обделяют.

— Ну это мы еще посмотрим! — по-гусарски воскликнул я. — Вот вернусь в редакцию...

И опять Хакимов хохотнул по-мефистофельски.

— И не заикайся лучше! Это я тебе как фронтовик фронтовику говорю. На войне, брат, все проще. Вот он — враг. Убей врага! А нынче произошло перемешивание «своих» с «чужими». Ты думаешь, Ефим Самецкий по глупости целыми страницами в своей сельхозгазете прославляет Одилбая?.. Дудки!

Самецкий, собственный корреспондент центральной газеты, большое внимание уделяющей хлопку, прибыл в нашу республику не так давно, года четыре назад. Но уже успел получить два ордена. Он ловко попадал в списки героев хлопковых кампаний. И он действительно неистово прославлял Одила Парпиева. Недавний его огромный очерк о председателе «Рассвета» назывался броско — «Отец Героев». Ефим, немолодой уже, посевший в журналистике газетный волчище, рассказывал о знатном механизаторе Шарофат Умаровой, собравшей хлопкоуборочной машиной за сезон более пятисот тонн «белого золота», о Кумри Сабировой, которая, собирая хлопок вручную, в семь раз перевыполняла дневную норму,

— Дневная норма семьдесят пять килограммов. Помножь на семь. Поболее полутонны получается! Такие дела. Об этих удивительных рекордах и твоя газета благовестит. И знаешь, друг, я не очень осуждаю за это сельхозотдел и редактора газеты. Любите вы сенсации. Да и есть с чего и с кого пример брать. Сколько в газетах разных сообщений о невиданных трудовых рекордах!.. А мы, якшичульцы, чем хуже? Мы теперь даже лучше многих других.

У меня голова шла кругом. Между тем директор МТС продолжал исповедь.

— Почему «Рассвет» вдруг из хвоста сводки прыгает на одно из первых мест, выполняет и перевыполняет? Да очень просто. Действительно, колхозники нажимают. Но это капля в море. Привозят горожан. Причем Одилбай демонстративно от них отказывается. «Сами управимся». Его уговаривают. Тогда он вроде бы очень неохотно соглашается и говорит: «Коли они так хотят — ладно. Но чтобы это было в последний раз». Вот горожане, студенты и вкалывают. А затем происходит градобитие...

— Градобитие?

— А как же! Всенепременно градобитие или воображаемый сель какой-нибудь сползает на посевы. Составляются соответственные бумаги. Фиктивно погибшие гектары изымаются из общей площади посевов. Колхозу Госстрах выплачивает страховку. Опять прибыль.

— Это... Это невероятно! — вырвалось у меня.

— Вообще-то невероятно, но... факт! Все районные организации, ведающие сельским хозяйством, причастные к нему, — в руках Одилбая. Выпустили джинна из бутылки, — вот он и куролесит!

— Но люди... Есть же в районе, в области честные люди?!

— Опять за свое. Говорю тебе: честных людей сколько угодно. Самоубийц мало. Пробовали некоторые. Жаловались.

— Значит, плохо жаловались.

— Жаловались хорошо, а плохо им потом стало. Теперь как шелковые! Хочешь, познакомлю с бывшим секретарем комсомольского бюро «Рассвета», Хабибулло?.. Он тоже разлетелся со своим комсомольским огоньком. Как же, мокрый хлопок сдают государству! Позор!.. И вот результат: Хабибулло уже не секретарь, попорсился на хлопкоуборочную машину — не позволи-

ли. Работает арбакешем, и при этом еще благодарит аллаха, что все кончилось так легко. Поговори теперь с Хабибулло — он тебе осанну в честь Одилбая исполнит. Пытаться станешь — все равно будет знаменитого риса прославлять. Так-то вот, друг.

С Хабибуллою я разговаривать не стал. Попрошался с Расулом и отбыл в город. До обеденного перерыва написал редактору докладную о действительном положении дел в колхозе «Рассвет», не называя, разумеется, источника информации. В заключение предложил создать в редакции комплексную бригаду по проверке изложенных в докладной фактов.

Кныш на перерыв не уходил. Это был представитель старой гвардии деятелей, работавших по двадцать часов в сутки. Даже когда вышел закон, запрещающий ночные бдения, Емельяныч торчал в редакции подчас до рассвета. И самолично подписывал номер газеты «в свет». А ведь были и дежурный член редколлегии, и дежурный по номеру, и даже «свежий глаз»! Многих журналистов такое недоверие обижало. Однако Кныш лишь посмеивался и посвистывал. И говорил: «Чаво обижаться (Слово «чего» он произносил именно так — «чаво»)? Доверяй, но проверяй! А Маркс, а-сь? А он учил: «Все подвергай сомнению!» Чаво обижаться? Вам же спокойнее. А то вот дежурил горный орел Октавиан и прозевал запятушку в передовой. Исчезла запятушка. А с нею и испарился хороший смысл. А получился смысл поганый: «Народы мира полны решимости пресечь чело-веконенавистнические замыслы империалистов сохранить мир»!! Это чо, а?! После слова «империалистов» нет запятой. Бордель получилась. Хорошо я прочитал.

Вот к этому железному человеку я и влетел с докладной в руках. Кныш приветствовал меня любимым своим посвистыванием. Указал глазами на кресло. Долго молчал. Он любил помолчать. И в такие минуты Емельяныча ни в коем случае нельзя было тревожить. Полагалось ждать. Наконец он спросил:

— Очерк привез?

— Да что там очерк! — воскликнул я, катапультируясь из кресла. — Я вот что привез!.. Сенсация..

— Дай.

Отдал я ему свою докладную, снова плюхнулся в кресло. Сидел как на иголках, следя за выражением лица шефа.

Редактор читал, и хоть бы мускул дрогнул на его

помятом жизнью и трудами лице. Второй раз прочитал.

Воцарилось тяжкое молчание, нарушаемое тихим пошвыстыванием Емельяныча.

— Никому не показывал свое произведение? — вдруг, словно выстрелил, спросил Кныш.

— Прямоком к вам.

— Добре. Три экземпляра — это все, больше нет?

— Все. Еще только в записной книжке...

— Покажи.

Я вытащил из внутреннего кармана истрепанную книжицу.

— Дай.

— У меня там записи о Лахтинской МТС, наброски очерка о директоре Расуле Хакимове.

— Дай!!

Отдал я записную книжку.

— А как же очерк?

— Хрен с ним, с очерком. Можешь не писать. В отделе писем возьми материал для фельетона. Клавдия Ивановна знает. Напомни только: с моей резолюцией.

Но я не уходил. Не мог уйти. Ноги словно приросли к полу.

— А-а-а... А моя докладная?

— Надо посоветоваться. А ежели ты хоть словечко из своей докладной вякнешь!.. Язык вырву. Иди!

В смятении вышел я из кабинета редактора. Лохматый и очкастый брачный аферист Индустрий обольщал в приемной новенькую секретаршу, вымогая у нее «Записки революционера» П. Кропоткина (издательство «АСАДЕМІА»). Ворковал журчащим ручейком его голос: «Мы с вами, Тасюша, возьмем альпенштоки и пойдем по траверсу...»

Ах, как я тогда проклинал перестраховщика Кныша! Как я ненавидел тогда честного коммуниста Кныша!..

Да, он был честен, коммунист и редактор газеты Кныш Емельян Емельянович. Он все понимал. И он знал наизуток работу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», и ее главу «О компромиссах». Много позже я понял, что Кныш, даже если бы и захотел, не смог бы создать в редакции комплексной проверочной бригады. Звонок — и все полетело бы в тартарары. Однако Емельяныч (об этом я узнал после его кончины) имел мужество представить мою докладную первому секретарю обкома. Теперь-то я даже думаю, что три года спустя из-за моей докладной и убрали его из редакто-

ров в шестидесятом году. К чему лишний свидетель?

А тогда я затаил обиду. Работа валилась из рук. Вскоре меня отправили в Москву на семинар фельетонистов при редакции «Правды». Семинар вели корифеи: Давид Заславский, Семен Нариньяни, Леонид Ленч... В шумной и веселой семье остроумцев я помягчал душой и, возвратившись в Байрамкент, с новой энергией стал писать. Заглянул ко мне в редакцию Расул Хакимов. Он ехал в Ташкент. МТС были преобразованы, а точнее — упразднены. Техника машинно-тракторных станций приобреталась колхозами. По случаю возвращения к родным пенатам Расул был весел и снисходителен. Он даже не намекнул на то, что я не написал очерка.

Мы зашли в кафе и за рюмкой коньяку он сказал:

— Ну, кто был прав, а?

— Ты, — пробурчал я, потупясь.

— Не огорчайся, друг. Не ты первый, не ты последний. Хорошо хоть, что для тебя все благополучно кончилось.

Расул уехал. Вскоре он пошел в гору. Он был рожден для науки. А я, как видно, показалось кому-то, был рожден для партийной работы. Проще же говоря, я убежден, меня решили отлучить от журналистики. Ибо однажды ранним воскресным утром ко мне в квартиру бурей ворвался некто из Центрального райкома и мгновенно впихнул меня, неумытого, небритого, в «Иванвиллис».

Через несколько минут я уже стоял в кабинете директора городского театра, шурясь от яркого света и ослепительного множества районного, городского, областного и республиканского руководства.

— Вот он! — торжественно провозгласил тот, кто меня привез.

Все еще ничего не понимая, огляделся, и вдруг увидел первого секретаря ЦК республики!

— Есть мнение, — произнес он неспешно, — есть мнение рекомендовать вас на должность заведующего отделом пропаганды и агитации Центрального райкома партни.

Если бы мне сообщили, что решено назначить меня директором обсерватории, я бы меньше удивился.

— Да я... Да я никогда...

— Не боги горшки обжигают! — перебил меня Первый. — В случае чего — поможем.

— Поможем... Поможем... Поможем!.. — разнеслось эхом в кабинете.

— Емельяняныч, хоть бы вы защитили... — взмолился я.

— Ему некогда тебя защищать, — сострил Первый. — Он чай пьет.

Это руководящее «ты» как бы решило мою судьбу.

Через полчаса я был избран членом райкома, а еще через несколько минут пленум утвердил завотделом. Одним из первых поздравил меня с почетной и хлопотной должностью Лев Львович Век. Он был в Байрамкенте по своим делам.

— От всей души! — воскликнул Шербек, интеллигентно улыбаясь. — В вашем райкоме и обком на партучете состоит, и облисполком. Возможности роста у вас безграничны. Не за горами то время, когда вы приедете в «Рассвет» в качестве, скажем, секретаря обкома по пропаганде, ха-ха-ха!..

Я не знал, что отвечать на этот наглый треп. Оборвать, обрезать вроде не за что.

— Вот что значит побывали в счастливом «Рассвете», уважаемый товарищ.

Это уже был намек, и я чуть было не сорвался.

— При чем тут ваш «Рассвет»?!. На что вы намекаете?

— Помилуйте! — Шербек вскинул руки вверх, как бы сдаваясь. — Просто так сказал. И потом... Я-то уже не в «Рассвете».

У меня чуть не сорвалось с языка: «Что, выгнали?»

Ловкач все понял. Улыбнулся, не показывая волчьих своих зубов, укоризненно покачал головой.

— Ай-яй-яй!.. Нехорошо так думать о человеке, который относится к вам с симпатией. — Решили, что выкинули меня, да?.. Ошибаетесь. Перевели на самостоятельную работу. Я теперь директор Байрамкентского хлопкоочистительного завода.

— И Одилбай отпустил?

— Со слезой во взоре, но отпустил. А что? Хозяйство отрегулировано как морской хронометр. А если возникнут какие проблемы, я под боком. Засиделся в колхозе. Теперь займусь хлопкоочисткой. Надо навести порядок на заводе, на хлопкопунктах. Выход волокна совершенно недопустимый — семнадцать-девятнадцать процентов!..

Он ушел, ласково помахав на прощание ручкой. А

я задумался: зачем Шербек появился? Поздравить? Нет, конечно. Он пришел пригрозить. Не случайно напомнил о моем приезде в «Рассвет». Его слова надо понимать так: будешь и здесь рыпаться, полетишь и из райкома!

Не стану рассказывать в подробностях о моей работе в райкоме. Хлопотная, очень хлопотная и нервная работенка, если к ней относиться с душой, преданно. Два года я честно трудился на доверенном мне посту. Со временем я полюбил партработу. С какими только нуждами не приходили люди!.. Демобилизованный подполковник. В армию ушел в сорок четвертом году, после девятого класса. Молодой, здоровый. Всю жизнь командовал взводом, ротой, батальоном. А теперь куда? Никакой гражданской специальности. А надобно его трудоустроить, и не вахтером, не сторожем. Человек заслуженный!.. Жена, брошенная мужем, требует в партийном порядке вернуть беглеца. Формула требования известная: «Мой муж — подлец... Прошу вернуть мне моего мужа!»

А однажды прихожу и вижу в своем кабинете целый детский сад, даже ясли. Шум, гам!.. Мелюзги всюду навалом. Вместе с мамашами, работницами небольшого заводика. И один шельмец уже успел написать на мой шикарный письменный стол, обтянутый зеленым сукном!

Что такое? Оказывается, пожарная инспекция закрыла детские ясли. Вот работницы и ввалились в кабинет вместе с детишками.

Помоги, товарищ дорогой!

И я старался, помогал. Иногда даже успешно. И это радовало. Но было немало и огорчительного. Авральные совещания выматывали душу. Вдруг первый секретарь приказывает: «Сегодня, к шестнадцати собрать всех секретарей парторганизаций. А организаций около трехсот! И вот весь аппарат райкома «садится на телефоны», обзванивает. А на совещании выясняется: нужны «местные факты» положительного характера для включения их в типовой доклад о Дне Конституции!

Будто «местные факты» нельзя было добыть в рабочем порядке.

Удивительно несогласованно работали секретари райкома. Идеологический секретарь направляет меня во главе комиссии проверить работу такого-то завода. Приходим. Директору, секретарю партбюро объявляем цель нашего появления. И вдруг, в разгар предваритель-

ной беседы, дверь кабинета директора завода распаивается и на пороге появляется фигура заведующего оргинструкторским отделом во главе со своей комиссией!

Далее, разумеется, следует заключительная немая сцена из гоголевского «Ревизора».

Особенно мучительно было сидеть на бюро, разбирающем персональные дела. По мнению ее членов, «персональщик» обязан был покорно выслушивать все упреки и даже хамские выпады. Если же он пытался возражать — с ним обходились весьма круто.

Одно заседание особенно врезалось в память. Молодой красивый инженер побил жену за измену и ушел от нее. Жена пожаловалась в парторганизацию. Измену она не отрицала, но требовала наказать инженера за рукоприкладство и непременно вернуть в семью.

На бюро особенно неистовствовал некто Бочечкин, маленький, кругленький, прекрасно оправдывающий свою фамилию. Его и звали заглазно — Бочонком. Должность у него была засекреченная. Но все знали: он секретарь парткома в «почтовом ящике».

— Вернись в семью! — кричал Бочечкин. — Вернешься — отделаешься строгачом! А иначе — выгоним.

Инженер вернуться в лоно семьи отказался. И тогда его выгнали из партии.

Следом же зашли два милиционера. Бюро хохотало до слез, слушая покаяние блюстителей порядка, обладавших, кстати сказать, незаурядными актерскими способностями. Суть совершенного ими ЧП состояла в следующем:

Оба провинившихся, конные, несли ночью патрульную службу возле кирпичного завода. Повстречались патрульным две ночные «феи». Разговорились, то да се. Феи раздобыли где-то три бутылки водки. Начался пир при свете луны. Оба патрульных опьянели, залегли в арыке и заснули мертвецким сном.

Феи же, то ли из благодарности к своим новым дружкам, то ли из озорства, решили послужить отечеству вместо пьяных патрульных... Когда прибыла смена, то ей открылась дивная картина: две шлюхи, полупьяные, матерящиеся, разъезжают на милицейских конях и орут:

— Мы тепереча милиция!.. Мы — власть!..

И что же в итоге? Уж до того комично «персональщики» рассказывали о своем деле, до того каялись и унижались, что члены бюро, все еще похохатывая и

утирая слезы, объявили негодьям по выговору без занесения!

Этот факт окончательно испортил мои отношения с руководством райкома. К тому же, меня, без моего согласия, объявили «писарем», то есть человеком, на обязанности которого было сочинять доклады для секретарей. Я, понятное дело, отказался, и даже написал (в соавторстве с одной отчаянной журналисткой) статью в «Партийную жизнь». О содержании статьи говорил заголовок: «Вы напишите, а я подпишу...»

И еще я, все еще не забыв о «Рассвете», обратился с письмом в обком. В нем, повторив уже известные читателям факты, обращал внимание на то, что в Якичкульском и других районах области начинают перенимать «ценный опыт» колхоза «Рассвет» и что это грозит непредсказуемыми последствиями.

А вскоре меня вновь посетил Шербек.

— Как работается, как пропагандируется и агитируется? — поинтересовался негодяй, вежливо улыбаясь.

— Стараемся. А вы?

— Тоже стараемся. Для многих странным показался мой уход из «Рассвета». Вроде как понижение. Но я за высокими должностями не гонюсь. Главное — самостоятельная работа. Заводик не из маленьких, двухбатарейный, восемь джин*. Двенадцать хлопкопунктов под моим началом.

— Семью в Байрамкент уже перевезли?

— Да нет, зачем из столицы срывать? В Ташкенте генеральский особняк. Тесть в отставке. Пусть занимается воспитанием своего тезки Максима. Правда, старик последнее время прибалывать стал. Но ничего, мы, фронтовики, народ крепкий.

— И жена не возражает против долгой разлуки?

— Так ведь я наезжаю частенько. Скучаю, разумеется, но ничего не попишешь, дело прежде всего. Меня уже, знаете ли, заметили. Предлагают перейти на работу заместителем самого Гроднича.

— Не может быть! — вырвалось у меня. Я ведь уже знал, что Гроднич (я с ним беседовал) переменял мнение о Веке. Григорий Фомич даже обращался в различные инстанции с просьбой тщательно проанализиро-

* Джин — машина для отделения волокна от семян хлопчатника.

вать положение дел в «Рассвете». Но на него цыкнули, и умудренный опытом хлопкозаготовитель вынужден был умолкнуть. Ему перевалило за шестьдесят и, если уж свой характер проявлять, можно свободно загреметь на пенсию. А Гроднич не представлял себе жизни без хлопка, без хлопот вокруг хлопка, без командировок, без мандатов с броскими штампами: «ПОСЕВНАЯ», «ХЛОПКОУБОРОЧНАЯ».

— Почему же не может быть? — искренне удивился Шербек. — Григорий Фомич сам об этом просил (Век беспардонно врал!). — Он вскинул к потолку свои рыбы глаза, произнес раздумчиво: — Эх, и бросает же нас судьба-злодейка!.. Ну, а вам... Не надоело еще в райкоме, а?

— Нет.

— Вы правы. Энергии у вас хватает. Слышал, даже в обком что-то писали. Верный слушок?

— Да.

— Что ж, исполать вам, всяческих успехов.

Он раскланялся и, как и в первое посещение, в дверях сделал мне ручкой.

Через две недели решением бюро обкома меня перевели в Ташкент, «в связи с необходимостью укрепления столичной областной газеты журналистскими кадрами, имеющими опыт партийной работы». И я стал в столичной областной газете членом редколлегии и заведующим отделом литературы и искусства.

Это уже было похоже на карьеру.

Но я-то понимал, что без Века-Шербека здесь не обошлось.

РЕКВИЕМ

С весны 1959 года расцвет нашей республики принял невиданный размах. Неуклонно увеличивалось производство хлопка, как грибы выростали новые промышленные предприятия. Неудержимо множились ряды героев труда, новаторов, рационализаторов. Газеты невозможно было читать без восторга в душе...

Все это связывалось с новым Первым секретарем ЦК Компартии республики — рослым красавцем, умело сочетающим тяжкий труд ответственной партийной работы с литературным творчеством. Его государственные деяния воспевал сонм поэтов, его романы приводили в восторженно-судорожный экстаз литератур-

ных критиков не только наших, доморожденных, но и московских знатоков художественного слова.

Имя нового Первого в переводе звучало символично — Слава! Фамилия рождала перед мысленным взором картины из прелестных арабских сказок, в которых мудрый халиф Гарун ар-Рашид, переодевшись в простые одежды, ходит по базарам, другим общественным местам и узнает из первых уст мнение о нем народа.

И хотя уже был окончательно и бесповоротно осужден культ личности, и уже была разоблачена и понесла возмездие пресловутая антипартийная группа с «и примкнувшим к ней Шепиловым», и вообще наступило вроде бы всеобщее прозрение, — несмотря на все это, культ Первого в республике как-то исподволь, незаметно расцветал, обрастая разными красивыми легендами.

Говоря о Первом, старались не произносить фамилии. Ежели кто удостаивался личной беседы, счастливец с придыханием и трепетом должен был обращаться к Нему по Имени и Отчеству, ибо все знали: Он это любит, Он — существо высшего порядка, однако склонен к демократическому общению. Но и злоупотреблять Именем-Отчеством не рекомендовалось. Следует внимать речениям Первого, всем своим существом превратившись в слух и послушание. Лишь изредка надобно произносить шепотом, но четко: «Слушаюсь!», «Будьсде!», «Баджарамыз!» («Выполним!»), «Так точно!». «Виноват-с!» и т. д.

Как-то незаметно, творческими усилиями тонких мастеров был извлечен для Него из архивов истории особый титул, — когда возникала необходимость назвать Его, не оскверняя своими грубыми устами Имени и Фамилии. Титул этот — Узлары. Буквальный перевод — Сам. Но это слишком буквально и не передает всех тонкостей. Узлары — не просто Сам, но еще и Сам во множественном числе!

В эру правления Узлары в республике было свершено много замечательных дел: сооружены гигантские водохранилища, электростанции, заводы и фабрики, развернулось значительное жилищное строительство... Расцвела культура.

Впрочем, культура, в особенности литература и искусство, носила помпезный характер, — как при Людовике XIV. Поэты исходили соловьиными трелями, высвистывая в бесчисленных вариациях: «Узбекистан — солнцем осиян!», «Тебе, Узбекистан, пою я свой дастан!»

и проч.; прозаики невиданными темпами сочиняли грандиозные романы, воспевающие передовиков производства и хлопковых полей, освоителей степей, превращающих их в благоухающие цветущие сады и белоснежные хлопковые моря!

Все эти великие деяния, масштабы которых делают подвиги Геракла мизерными и смешными, — все они неизменно связывались с именем того, кого почитательно, с почти религиозным чувством величали — Узлары.

Никому как-то и в голову не приходило, что труд миллионов простых людей мог бы быть гораздо более эффективным, не возглавляя тогда республику Узлары, что все успехи достигнуты не благодаря мудрому руководству Первого, но, нередко, именно вопреки его указаниям и предназначениям. И этот вовсе не ядовитый выпад против честных людей. Дело в том, что каждый из нас, рядовых смертных, видел лишь свой узенький сектор жизни. Ах, в моем тресте творятся безобразия!.. Но это только в моем тресте. Ах, литераторы охрипли от комплиментов и славословий в устном и письменном виде! Зато какие грандиозные дела разворачиваются в хлопководстве!.. Ах!..

В скором времени власть Узлары стала поистине неограниченной, выйдя за пределы республики. И когда требовали интересы дела, он решительно употреблял свою власть. Люди шепотом передавали друг другу: «Слышали?.. Взят под стражу такой-то министр! Ведется следствие!.. Наводит Узлары порядок!» — «В милиции кое-кого взяли!.. Правильно. Паршивая овца все стадо может испортить!»

Грешным делом и я принимал участие в славословии. Ко мне приходили почтенные доктора филологии, профессора и клали на стол восторженные рецензии на романы Узлары. Романы эти я пытался читать, однако они действовали на меня усыпительнее самого сильного снотворного. По этой, видимо, причине мне неудобно (да и страшновато) было оспаривать научно обоснованные восторги специалистов, — кто его знает, что там, после двадцати страниц, написано? А вдруг и в самом деле шедевр?! И московские знатоки исходят превосходными степенями. И вообще... Просто удивительно, как Узлары успевает писать романы? Совещания, заседания, вручения переходящих Знамен, командировки, заграничные визиты, приемы иностранных делегаций...

Запертый в золоченую клетку литературы и искус-

ства, я практически был отрезан от живой жизни, и — каюсь, грешен! — стал забывать и о Гродниче, и об Одилбае, и о Веке-Шербекe.

А затем меня пригласил к сотрудничеству известный московский журнал, уделяющий некоторое внимание сатире и юмору. Я покинул газету и стал корреспондентом журнала по Средней Азии.

Вскоре мне довелось побывать в Байрамкенте. Разумеется, я тотчас вспомнил о Григории Фомиче и в воскресенье заглянул к нему домой.

Гроднич встретил приветливо, однако я все же заметил, что он чем-то озабочен.

— Ничего особенного, — пояснил Григорий Фомич и невесело улыбнулся. — Нелепая история. Поступила анонимка, будто я скрываю свою национальность, аноним утверждает: мать моя была еврейка, а поскольку национальность в нашей стране определяется по материнской линии, то и я вроде как еврей.

— Ну и что с того? Еврей... русский...

— Отец мой, — пишет анонимщик, — тоже еврей.

— Фома — еврей? Забавно.

— Не очень, — вздохнул Гроднич. — Дело в том, что отец, чтобы умиловить родителей и родственников мачехи моей, решил было принять иудейскую веру. И даже, получая вид на жительство в Ферганском Областном Правлении, в городе Скобелеве, попросил (не безвозмездно, разумеется) временно исполняющего дела помощника губернатора указать в документе: «Вероисповедания иудейскаго»...

— Что за чепуха! Зачем это понадобилось отцу?

— Это сейчас легко так говорить. А в те времена... Короче говоря, объявил себя иудеем. И все равно ничего хорошего из этого не вышло. Родственники мачехи моей потребовали соблюдения всех формальностей. А отец, как узнал, что еще следует сделать и обрезание, так и взбунтовался. «Не желаю, — сказал, — чтобы меня обкарнали!»

— Странная история.

— Отец мой был вообще оригинал. Он ни в бога не верил, ни в черта. В церковь не ходил демонстративно. А вот мусульманский пост, уразу, соблюдал, говорил, что полезно для здоровья. И православный Великий пост держал строго. А масленицу не признавал, обжорство! Словом, был он вроде предтечи современных постников, приверженцев лечебного голодания.

— Вы-то при чем?

— Слушайте дальше. С родственниками моей мачехи он так и не наладил отношений. Прокляли они свою Эсфирь. После революции отец получил паспорт, где в графе «Национальность» было написано: «Русский».

— Ну, так, стало быть, и вопрос исчерпан.

— Не совсем. Мачеха хотя меня и не любила, а когда оформляла документы при поступлении на работу, — это тоже после революции было, — в листке по учету кадров написала: «Имею двух сыновей — Герца и Григория». Откуда все это стало известно анонимщику — ума не приложу!

— Дикая чепуха! — я рассмеялся. — Еврей... Русский — какая разница?

— Разумеется, никакой разницы. Но анонимка попала в партбюро. Поступил «сигнал» — надо разобраться! Можете представить, сколько мне пережить пришлось! Унизительно ведь в наше время что-то доказывать, отречься от еврейства, клясться, что чистокровный русак. Да и откуда мне знать — кто я в действительности? Отец-то мой родителей своих не ведал, приютский!

Григорий Фомич вынул из папки несколько машинописных листков. Протянул мне.

— Можете ознакомиться.

Вот уж поистине права пословица: «Заставь дурака богу молиться — он и лоб себе расшибет». Гроднич вручил мне копию протокола заседания партийного бюро. О! Это был документ удивительный. На четырех страницах старательно зафиксирована «теоретическая» дискуссия. Один мудрец, выступая, утверждал, что коли национальность детей у нас определяется по национальности матери, то и Григорий Фомич должен значиться евреем. Тот факт, что Эсфирь, — мачеха Гроднича, а не родная мать, — значения не имеет. Раз он был записан в ее паспорте...

Реплика Гроднича: Я ушел из дому подростком. Жил самостоятельно. И вообще, я не пойму: зачем мне называть себя евреем?.. У меня много друзей-евреев, товарищей по работе. Это прекрасные люди. Мой сводный брат, Георгий-Герц, был замечательным человеком и патриотом. Погиб на фронте. Но почему я еврей?

Острота одного из членов бюро. А вы немного похожи на еврея, Григорий Фомич.

Гроднич. Тогда так и надо писать в графе «национальность»: «Немного еврей»!

Идиотскую, злобную анонимку, судя по протоколу, обсуждали часа два. Один остряк предложил даже провести медицинское освидетельствование почтенного хлопковика. Но это, конечно, была глупая шутка. Однако партбюро так и не пришло к определенному выводу и вынесло решение: «Передать материалы в райком партии».

Предложение это, к моему великому удивлению, внес Лев Львович Век. Я недоуменно посмотрел на Гроднича. И он понял.

— Лев Львович теперь мой заместитель.

— Он же вроде директор хлопкозавода.

— Пошел на повышение.

— Ну и как? Помнится, вы называли Века светлой головой?

Григорий Фомич помрачнел.

— Не напоминайте мне об этом! Надо же! Так опростоволоситься на старости лет. Однако об этом Веке-Шербекe чуть позже. А с анонимкой дело обстояло так. В райкоме тоже не смогли решить «мудреной» проблемы. Передали материалы в горком. Оттуда — в обком. И еще неизвестно, чем бы все это кончилось. Но на мое счастье приехал инспектор ЦК КПСС по каким-то другим делам. Я — к нему. Инспектор не верит, мол, что за чушь?! Да хоть индейцем называйся, кому какое дело. У нас все нации равны. Лишь благодаря вмешательству инспектора ЦК и покончили с анонимкой. А то бы я и по сей день горе мыкал.

— Все хорошо, что хорошо кончается.

— Верно. Только вот после всей этой дикой истории сердчишко у меня стало пошаливать. Микроинфаркт перенес.

— Как себя сейчас чувствуете?

— Не очень. Уставать стал. Шербек все уговаривает меня уйти на заслуженный отдых, обещает пенсию Республиканского значения выхлопотать.

— Да кто он такой, все сильный ваш Шербек?! — воскликнул я. — Первый раз слышу, чтобы подчиненный своему начальнику что-то обещал по службе. Обычно наоборот бывает.

— О! Вы не знаете Шербека! Авантюрист, каких свет не видывал!

— «Светлая голова»?!

— Ах, я старый глупец! Где у меня только глаза были? Ведь видел, что творится в «Рассвете». Но почему-то во всем Одилбая винил. Сигнализировал, как и положено, по инстанции. Но все мои сигналы — словно горох о стенку. Когда же Шербек этот, Век поганный, стал директором завода, я стал догадываться, что за штука — хваленый Лев Львович... Да поздно уже было.

— Почему?

— Обстановочка в области поразительным образом изменилась. Сам, Узлары, к нам в область приезжал. Пришел в восторг, побывав в «Рассвете». После этого газетчики, писатели словно с цепи сорвались. Статьи, фотографии в газетах, очерки в журналах... «Рассвет»... «Рассвет»! Великий Одилбай Парпиев! Отец Героев!.. Фактически Одилбай стал хозяином области. Любое его слово — закон. А уж он-то своего Шербека лелеет и холит. В обиду не даст. Кто же зарежет курицу, несущую золотые яйца?

— Но ведь теперь Лев-Шербек не в колхозе, он ваш зам. Чего ради Одилбаю опекать Шербека?

— У них своеобразный симбиоз, как, например, у рака-отшельника с актинией. Актиния живет на его панцире, рак актинию защищает... Или актиния его, теперь уже не упомяну. А рак, передвигаясь, помогает актинии находить корм. Словом, взаимовыручка.

— Одилбай и так могущественный человек в области.

— Что в области!.. В республике! Узлары к нему запросто приезжает отдохнуть от трудов государственных. И все равно Шербек ему нужен. Очень уж Лев Львович горазд на всякие подлые выдумки. Знаете, какой он фортель выкинул, будучи директором хлопководства?

— Читал в газетах — добился резкого повышения выхода хлопкового волокна...

— Вот именно. На всю страну раструбили. Замечательное достижение технической мысли! Яшасун!.. Ура! Я в то время в больнице лежал с аппендицитом. После операции. Прочитал и ахнул. Что-то здесь не то. Пришлось, как мальчишке, тайком бежать из больницы. Стал разбираться — глазам своим не верю!.. Подбил Век главного инженера переделать джины, так сказать, усовершенствовать,

— Всюду же призывы совершенствовать производство.

— Верно. Правильные призывы. Вот и приехали на завод ученые, принялись переделывать джины. Джин — как вы знаете, отделяет волокно от семян хлопчатника. Работу эту выполняют восемьдесят колосников и пил специальных. Ученые решили сконструировать Джин-100, то есть увеличить число пил и колосников до ста единиц. Сказано — сделано. Пустили в работу — не тут-то было. Длина волокна стандартная тридцать два — тридцать три миллиметра. А новая машина хотя и увеличила значительно выход волокна, как выяснилось, вместе с волокном и линт стала драть.

— Линт?

— Именно. Линт, хлопковый пух, и длина его всего пять, десять, пятнадцать миллиметров. На текстильных фабриках линт все равно вычесывают. Не годится он для ткацкого дела. Однако вал по волокну резко повысился. Ученые люди повздыхали и говорят: «Опыт вроде не удался, не всегда, оказывается, количество переходит в хорошее качество. Но вы, дорогие заводчане, не беспокойтесь. Мы возвратим ваши джины в первобытное состояние». А Лев-Шербек в ответ: «Да вы не беспокойтесь, уважаемые товарищи. Езжайте в Ташкент, маракуйте новые машины. А мы тут сами все исправим. У меня главный инженер лихой технарь. Любит возиться с железками».

Гроднич прервал рассказ. Достал какую-то таблетку, запил глотком «Ташкентской» и продолжал:

— Главный инженер хлопкозавода был действительно человеком талантливым. Кладезь технических идей. Сколько бы он мог хорошего сделать, если бы не повесился!..

— Что?! — воскликнул я.

— Совестьливый был человек. Совестьливый и бесхарактерный. Да простится мне, грешному, что я не только хорошее о покойном говорю. Молодой был Эркин Саматов. Слово Шербек для него закон! А этот ловкач все комплименты ему говорил, мол, пускай джины пока работают. Ты же, Эркин, — голова, ты придумаешь! Ведь как славно было бы нос утереть целому научно-исследовательскому институту! Прославишься, к ордену тебя представим. В гору пойдешь!.. А джины эти, сотки, пусть пока поработают. Район блеснет невиданными показателями!.. Вот посмотришь, дадут тебе отцы

города двухкомнатную квартиру, хотя ты еще и не женат. У нас ведь как?.. По заслугам каждый награжден!.. А ты помаракуй, помаракуй!..

Вызвал Век по телефону Одилбая Парпиева. И этот зверюга на Эркина насел. Когда же с текстильных фабрик посыпались рекламации, Лев-Шербек ото всего отрекся, дескать, я не я и лошадь не моя. Я Эркину Саматову действительно говорил, упрашивал даже, чтобы подумал об усовершенствовании джинов. Но чтобы «сотки» работали — об этом у меня и в мыслях не было.

И получил Эркин, бедняга, квартиру. Только однокомнатную. В три аршина. С земляными полом, стенами и потолком... М-да-а-а...

Мы помолчали. Затем я спросил:

— И бедняга Эркин не оставил записки, письма?

— Большое письмо, как я слышал, написал. Однако оно таинственным образом исчезло то ли в милиции, то ли в прокуратуре. Ну, ладно, письмо покойного пропало. Но ведь я тоже написал в обком. Все в подробностях изложил.

— Ну и?..

Григорий Фомич горько усмехнулся.

— А вот полюбуйтесь!.. — он протянул мне типографски отпечатанный документ, и мне бросилось в глаза набранное крупным шрифтом: «ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ...» Затем прочел отчеркнутое красным карандашом: «...на хлопкозаводах республики были допущены хищения и перерасход против норм тароупаковочной ткани... Только на хлопкозаводах Якшичуйской области, в результате самовольно установленных завышенных норм перерасход на упаковку волокна составил 210 тыс. метров»...

И еще: «...За сверхнормативный расход, разбазаривание и недостачу тароупаковочных материалов на хлопкозаводах Якшичуйской области начальнику управления заготовок хлопка т. Гродничу объявить строгий выговор».

Я взглянул на Гродничу. У него нервно дергался уголок губы. В глазах его было нечто детское, беспомощное.

— Не извольте беспокоиться, — с горькой иронией произнес Григорий Фомич. — Не стал я на старости лет расхищенцем. Все подстроил Лев-Шербек. Да так ловко, что никаких концов после себя не оставил. Кто-то, видите ли, напутал, представил неверные сведения.

Кто-то, — тысяча извинений! — на арифмометре считая, допустил ошибку и так далее. Пришлось мне все заводы хлопковые объездить. Всюду справки взял. Представил оправдательные документы. Но канцелярская машина заработала. Мне уже и из Москвы пришел нагоняй. Когда же разобрались, — поздно давать отбой. Столько шуму — и вдруг впустую! Непрестижно. Пришлось промолчать.

...Возвратилась с базара Надежда Ивановна, стала хлопотать с обедом. В разговор она не вмешивалась. Лишь однажды выглянула из кухни, произнесла со вздохом:

— Шел бы ты на пенсию, Григорий. Плетью обуха не перешибешь, каменную стену лбом не проломишь! Мало тебе микроинфаркта. Вот и Лидочка пишет: пусть папа отдохнет, нечего ему донкихотствовать.

Гроднич нервно дернул щекой.

— Ладно, ладно, Надюша, уйду. Всему свое время, — и — оборотившись ко мне: — Так на чем я остановился?.. Выговор остался. Но поскольку мне, месяцем раньше, третий «Знак Почета» вручили, можно считать, вышла боевая ничья. И еще я понял, что и в самом деле не пробить мне лбом каменной стены. Удивительные вещи вокруг стали твориться!.. Один большой человек, оказывается, — родственник Самого, Узлары!.. Десятый... Сотый... Откуда у него столько? Грешным делом стал подозревать, что многие чиновные деятели самостийно распускают слух о своем родстве с Первым! Чтобы легче жилось, спокойнее, чтобы, значит, их остерегались лихие, вроде меня, беспокойные люди.

— Вполне возможно и это, — согласился я. — Целые толпы родственников! Невозможное дело.

— Не знаю, не знаю! — нервно отвечал Григорий Фомич. — Родственники не родственники, а земляков Узлары на ответственных постах сильно прибавилось, это уж точно. И ушел бы я на пенсию, да не дает мне покоя Лев-Шербек. Доказательств у меня веских не имеется, но посудите сами... Дом себе в Байрамкенте построил — заглядение. Кровельного железа раздобыл! Пять комнат, веранда, кирпичный гараж, а в гараже «Волга»... Гарнитур не гарнитур. И все это за какой-то год! Я однажды нахально к нему «заглянул на огонек». Одна хрустальная люстра тысячи на три тянет. Ковры не какие-нибудь, машинного производства, а руч-

ной работы. Видел даже один уникальный «хорасан». Цены ему нет. Не выдержал, поинтересовался, откуда такие недостатки? А Шербек рассмеялся и в ответ песенку запел: «Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом, лучше работы, лучше работы я не найду!..»

— Тесть Века, генерал, недавно скончался. Свалила его все-таки проклятая война! — заметил я.

— Верно. А Век-Шербек и говорит мне, поясняя: дескать, получил генеральское наследство. Все по закону. Все, как он выразился, о'кэй!.. А я теперь почти точно знаю: хапуга Лев-Шербек, грабитель, вражина. Догадываюсь: он заведующих хлопкопунктами данью обложил. А в области около сорока заготхлоппунктов!

От удивления я присвистнул. Теперь мне понятно, почему Век из «Рассвета» ушел. Если с каждого заготпункта по тысяче сорвать, то это же сорок тысяч! Да неужели?.. Нет, не верится!..

— Мне тоже долгое время не верилось, — Гроднич вздохнул. — Но факты!.. Правда, косвенные, но все же... Директорствовал на заводе Шербек всего ничего, а успел дел натворить! Хлопок принимал с завышенной влажностью, «химичил» с сортностью, закрывал глаза на засоренность. И сколько под видом хлопкового волокна линта подсунул текстильщикам! И это все за красивые глаза?.. Нет уж, не поверю. И еще случай был... Приезжаю на Тюрятепинский хлопкопункт. Стал проверять бунты. Вижу, один бунт-доходяга. Горит внутри хлопок. А зав заготпунктом знай твердит: «Не тревожьтесь, аксакал, нас уже проверял Шербек-ака. Чего вам беспокоиться?»

Подвел зава к бунту. Приказываю: «Сунь руку». Нечего делать, сунул зав руку в хлопок. А там горячо, долго не вытерпишь. Зав, однако, терпит. Когда же стало ему нелегко и он попытался руку выдернуть, я схватил ее и придержал. Не вытерпел зав, как заорет: «Ой бо!.. Пустите, Григорий-ака, больно!..» Разумеется, я отпустил. Бедняга машет суматошно ошпаренной конечностью, постанывает, а я говорю: «А ну, пойдём-ка, дружок, в контору!»

Пришли. Я заявляю. «Сейчас будем писать акт». Зав смотрит на меня как на марсианина, ничего не понимает. Я повторяю: «Акт будем составлять. Ты что, родной язык забыл, не понимаешь?» — «Не понимаю, — отвечает. — Григорий-ака, вам разве Шербек-ака ничего

не передавал?» Долго толковать не стану, одно скажу: насел я на зава, и тот признался, что дал Шербеку десять тысяч рублей!.. Вы представляете?! И ведь какой сукин сын! Сказал, что не себе берет, а Гродничу и для других больших людей!

— Не может быть! — вырвалось у меня.

— Факт!.. — Гроднич поднялся из кресла и нервно зашагал по столовой. — И ничего не докажешь. Зав заготпунктом категорически отказался изложить свое признание в письменном виде. Сказал: «Мне еще жить не надоело, у меня жена, шесть дети кормить надо. И не я один такой. Шербек всех заготпункты подмял. Кругом кричат: «План давай!» Если план не даешь — плохо будет. Я вам, Гиргорий-ака, ничего не говорил, а вы ничего не слышали! Это вы меня пугали!.. Проболтался. Думал, вы тоже... Кечарасыз... Извините... заодно с Шербеком. Теперь ничего не скажу. Пускай хоть ножиком режут. Молчать буду. Зачем мне на зиндон... На турма ходить?!»

— А может, все выдумал зав? — предположил я.— Бросить тень на руководство... Все не так строго взыщут за прелый хлопок.

— Исключено. Акт о горящем хлопке я ведь тогда составил. Придется заву отвечать. Однако в тюрьму его за это вряд ли посадят. Накажут условно, сделают начет. А взятка в крупных размерах!.. Да он лучше язык проглотит! И кто докажет? Все это произошло, как говорится, с глазу на глаз. Даже если зав признается в даче взятки, доказать невозможно. Нет свидетелей. Шербек просто плюнет заву в лицо. «Да как ты смеешь, негодяй! Меня, партизана Великой Отечественной войны!.. Коммуниста!.. Ты загубил огромный хлопковый бунт, а теперь лазейки ищешь, чтобы ответственности избежать?! Да я тебя за клевету!..»

Григорий Фомич перестал метаться по столовой. Остановился в задумчивости. С каким-то обреченным видом посмотрел на меня и тихо спросил:

— Что делается? Скажите мне ради бога?.. Что происходит?

Ошеломленный, я не отвечал. Да и что сказать в утешение? Мол, единичный случай, не стоит принимать близко к сердцу...

— Молчите?.. То-то. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны!

Отвечать мне было нечего. Дело серьезное, тут на-

добно разбираться и разбираться. Одному, пожалуй, и не управиться. К тому же у меня другое задание редакции журнала: переслали кипу жалоб жителей Байрамкента на безобразное состояние городского транспорта. В случае, если факты подтвердятся, редакция просила написать фельетон.

— Да вы не дуйтесь и не смущайтесь, — успокоил меня Гроднич. — Я все понимаю. Действительно, плечью обуха не перешибешь. Я уже пробовал. Собрал еще кое-какой материал. Отправил в Москву.

— И что же?

— Письмо переслали в наш обком! Вызвал меня даже не секретарь, а зав сельхозотделом. Я и ему поведал о своих наблюдениях. Зав выслушал внимательно. Чаем с лимоном угостил. А затем говорит: «Что же это вы, Григорий Фомич, сор из избы выносите? Нехорошо. Надо ли вам объяснять, что права республиканских органов расширены, им предоставлена большая самостоятельность. Могли бы сами на месте разобраться. А вы сразу — в Москву!»

Я отвечаю: «По Уставу партии имею право и в Москву сигнализировать». «Золотые ваши слова, — улыбается зав сельхозотделом. — Только спрашивается: зачем? В Якшичульской области что — все из-за кордона заброшены? Все ведь советские люди. Ну, бывают у людей ошибки. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. А вы сразу — в барабаны! У вас прекрасная репутация. Зачем же ее портить?»

Гроднич вновь заметался по столовой.

— Видите, как дело повернул? Вроде Гроднич склочник. И еще намекнул, что я питаю неприязненные чувства к Веку, видя в нем своего преемника!.. Да я же сам, дурак этакий, — сам поначалу хотел ему передать свой пост, думал: «Толковый парень, продолжит дело моей жизни!».. А затем обкомовец справился о моем здоровье, порадовался за меня, мол, как только изъявлю желание уйти на пенсию, мне, как ветерану партии и труда, обязательно дадут персональную!.. Каков, а?.. Но добавил: «Правда, о пенсии еще рано говорить. Вы у нас молодчина, троих молодых за пояс заткнете...» На прямой вопрос: «Каковы результаты проверки моего письма?» ответил, дружески улыбаясь: «Извините, Григорий Фомич, но вы, как бы это поаккуратней выразиться... Продукт той мрачной эпохи, когда всюду искали врагов и вредителей. Нет-нет, я не укоряю!.. Пони-

маю, время было суровое. Страна была окружена врагами. И контрреволюция показывала зубы. Но все это, к счастью, в прошлом. Последний агент империализма и уголовный преступник, Берия, разоблачен и расстрелян. Антипартийная группа разгромлена. Теперь надо засучить рукава и, как говорится, — за работу, товарищи!»

Григорий Фомич, обессиленный волнением, опустился в кресло. Долго молчал. Я тоже помалкивал. Мне и обидно было за старого хлопковика, и совесть меня мучила, и еще испытывал я очень сложное чувство — такая странная смесь стыда и неприязни к Гродничу, желание не поверить Гродничу. Мало ли чего может выдумать старый человек, достигший пенсионного возраста и не желающий стучать в домино! Неправдоподобно как-то все.

— И знаете, что еще сказал мне обкомовец? — нарушил молчание Гроднич. — Извольте... «Вы, Григорий Фомич, — сказал он, — единичный и, кстати сказать, недоказанный факт возводите бог знает в какую степень! По-вашему получается, что Лев Львович обложил все заготпункты ясаком, с каждого получает по десять тысяч, следовательно, Лев Львович миллионер!.. Ха-ха-ха!.. Советский миллионер. Подпольный миллионер. Вы, Григорий Фомич, прямо-таки советский схимник, пуританин. Смешиваете понятия. Жизнь и в самом деле хорошеет, как в сказке! Вот, поставлена задача догнать и перегнать Соединенные Штаты по производству молока, масла и мяса на душу населения. А у нас так: сказано — сделано!» — Обкомовец заглянул в шпартгалку и продолжал тоном лектора: — «К концу второго десятилетия, то есть, к тысяча девятьсот восьмидесятому году, реальные доходы на душу населения возрастут более чем в три и пять десятых раза... Каждая семья будет иметь благоустроенную квартиру...» ...Так-то вот, уважаемый Григорий Фомич!.. А вы — люстра!.. Лев Львович — подпольный миллионер!..» — «Он теперь даже и не подпольный! — вскричал я. — Загляните к нему домой! Это же князь...» — «Да подумайте сами, Григорий Фомич, — перебил меня обкомовец, улыбаясь. — Откуда у заведующих заготхлоппунктами такие бешеные деньги?» — «Я проверил! — воскликнул я, тоже его перебив. — Заготовители же имеют калым: не безвозмездно принимают переувлажненный хлопок, засоренный хлопок.., Страшная картина вырисовывается!..» — «Опом-

нитесь, товарищ Гроднич! — уже несколько официальным тоном произнес обкомовец. — Всему есть предел. Вы пишете об эпизоде на Тюрятепинском загохлапункте. Не спорю, сгубил зав бунт хлопка, хотя кое-что все же удалось и спасти. За это он понес наказание. Ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Ему по суду дали три года условно и наложили на него обязанность частичного возмещения ущерба. Но умопомрачительная взятка!.. Это уже из области фантазий. Перепуганный зав мог вам и не такого еще нагородить. А вот вы, кстати говоря, в этом деле выглядите не лучшим образом. Не хотел вас расстраивать, но... Тот зав хлопунктом, Мирзаев, кажется, не так ли? Он жалобу на вас подал. Пытали вы его, руку ему горящим хлопком ошпарили!.. После таких мук чего хочешь не хочешь наговоришь на себя!.. Вы, надо полагать, вообразили, что тишайший Мирзаев нечто вроде Муция Сцеволы, который на страх врагам Рима сжег свою собственную руку!.. Ха-ха!.. За этот трюк вас следовало бы привлечь к партийной ответственности. Но мы погасили дело. Мирзаев, правда, не забрал своего заявления, но и не настаивает на разбирательстве. Только, пожалуйста, оставьте его, наконец, в покое. Человек и так пережил сверх всякой меры! Не расстреливать же его, в самом деле! Не его, так хоть семью его пожалейте, — детишек у него мал-мала меньше, и все кушать просят, всех одеть-обуть надобно».

Вновь умолк Гроднич. И я вдруг ляпнул:

— А может, и в самом деле не стоит трепать себе нервы, а?

Григорий Фомич не то хохотнул, не то всхлипнул, — я даже вздрогнул от этого странного звука.

— Кгхмг-хм-хэ!.. Ну вот теперь я наконец слышу речь не мальчика, но мужа. Что и требовалось доказать. Пожалуй, вы и правы, мой друг, профессиональный гонитель пороков... Однако я несколько притомился. Все еще сердчишко пошаливает. Вы уж извините старика.

* * *

Со времени этого разговора с Гродничем, — разговора, кончившегося некоторым взаимным охлаждением, минуло несколько лет. Изредка до меня доходили сведения о Григории Фомиче. Сведения не очень веселые.

Старик закусил удила, посвятив остаток жизни разоблачению ненавистного ему Льва-Шербера. Гроднич писал всюду, размениваясь уже и по мелочам. И даже из редакции моего журнала переслали мне письмо его о том, что в колхозе «Рассвет» с населением десять тысяч человек, включая стариков и младенцев, Одилбай Парпиев построил стадион на пятнадцать тысяч зрителей! По наущению Л. Л. Века председатель колхоза распорядился всем поголовно работающим колхозникам выдать сезонные абонементы на посещение стадиона, удержав в приказном порядке стоимость абонементов из заработков членов сельхозартели. В письме Григорий Фомич называл одного из «пострадавших», некоего Рустама Эгамбердыева, старика семидесяти пяти лет. Ему также вручили абонемент, хотя Рустам-бобо никогда спортом не увлекался, футбол считал занятием праздным, и вообще от его кишлака, где Эгамбердыев проживает, до стадиона добрых пятнадцать километров!

Это письмо я отложил «на потом». Были дела и поважнее. И уж ежели начистоту, то неподходящее было время для публикации мелких фельетонов из республики, которая тогда, как говорится, гремела и прославлялась во всех газетах, журналах, по радио и в телевизионных передачах.

Какие уж тут фельетончики, про какого-то там пострадавшего Рустама-бобо, колхозного сторожа. Не обеднеет он, потеряв несколько десятков рублей. А в это время в таджикском горном селении Оби-Гарм феодально-байски тиранят женщину. Кому прежде надо помочь? Конечно, жертве религиозного фанатизма!

Затем еще куда-то летал... Словом, дел хватало с избытком. К тому же еще в шестьдесят четвертом году Гроднича проводили на пенсию. А пенсионеры, как известно, делятся на три категории: одни устраиваются на какую-нибудь менее трудную работу и продолжают трудиться, другие стучают в домино или превращаются в дворовых горлопанов, третьих же вдруг охватывает вдохновение, и они предаются увлекательнейшему занятию — начинают рассылать множество писем в разные инстанции с критикой разного рода непорядков и неустройств жизни, подчас, как говорится, делая из мухи слона.

Видимо, и Григорий Фомич, решил я, относится к этой, «писучей» категории старцев на заслуженном отдыхе. О том, что он на пенсии, я узнал из письма самого

Гродничка. Письмо это, написанное не без ехидства, я сохранил и привожу полностью. Вот оно.

Настоящим, сообщая, уважаемый сатирик, о том, что меня выкинули-таки на пенсию. Теперь на моем месте разбойник Век-Шербек. С его увертливостью он скоро и в республиканские начальники выскочит, и тогда всему конец. Бедное хлопководство!.. Республиканскую пенсию я не заслужил, хотя имею три ордена и отдал хлопку пятьдесят лет жизни. Дали пенсию местного значения. И еще упрекнули: «Скажите спасибо, что вообще не отказали в персоналке. С а м о г о за это благодарите, Узлары. Он приказал «не обижать заслуженного, хотя и сильно провинившегося работника» Прилагаю копию документа, из коего узнаете, в чей моя «вина». Это мне тоже подстроил треклятый Век-Шербек.

Вот и все. Желаю Вам новых творческих свершений. Да не оскудеет Ваше сатирическое перо эпитетами и метафорами, да не притупится Ваше сатирическое жало!

Г. ГРОДНИЧ.

К письму была приложена выписка из грозного приказа.

«За необеспечение контроля за своевременными расчетами с колхозами по выдаче авансов, а также неудовлетворительное руководство хлопкозаготовительной системой по проверке выдачи денежных и натуральных авансов колхозникам начальника управления заготовок... тов. Гродничка Г. Ф. с работы снять».

Жаль мне стало старого хлопковика. Очень жаль. Поинтересовался в соответствующих инстанциях. Там подтвердили: действительно, прошляпил Гроднич. Вина его доказана. Лев Львович неоднократно указывал своему начальнику, даже сигнализировал, куда надо. Устарел Гроднич. Что делать? Силы уже не те, утратил инициативу. Только вот пришлось повозиться с формулировкой увольнения. Что записать в Трудовую книжку? Ведь это С а м распорядился уволить Гродничка. Формулировка приказа такова, что надо бы записать пункт «Г» статьи 47 КЗоТа — «за систематическое невыполнение возложенных по службе обязанностей»! Но, с другой стороны, — при такой формулировке ни о какой персональной пенсии и разговора не может быть. Это раз.

А во-вторых, человек полвека трудился как вол. Безотказный был. Но, как говорится, изъездился Савраска. Не тянет. Подумали, решили: запишем ему пункт «В» той же статьи. Это значит, человек старается, сил не жалеет, но не на своем месте.

— Как же так? — попытался я возразить. — Столько лет Гроднич прекрасно работал, наград на всю грудь, поощрениями Трудовая книжка испещрена, и вдруг!..

— Время другое, — ответил один очень ответственный товарищ со значительным выражением лица, — требования возросли. Нынче надобно вперед глядеть, а не оглядываться назад. А Гроднич знай себе твердит: «Если к первому октября по республике соберем тридцать процентов хлопка, то и план выполним, а ежели нет, то и плана не будет!» И другой есть у него «пунктик». Все твердит, что расширять посевные площади под хлопчатник — преступление! Мол, надо сперва прикинуть, где воду для орошения сыскать! Шумит: «Износили землю, варвары!» Это как называется?.. Ретроградство. И не только в этом проявлялись у него устарелые взгляды. Страдал он и антимеханизаторскими настроениями. Не признавал хлопкоуборочных машин!

— Это вы зря! — я-то знал, в чем тут дело. — Гроднич боролся не против машин, а против очковтирателей. Соберет механизатор сто—сто пятьдесят тонн хлопка, а ему еще сто пятьдесят тонн приписывают. Он сам рассказывал мне...

— Это он вам рассказывал, а мы знаем, что о нем рассказывали заслуживающие доверия люди, — товарищ нахмурил густейшие, входящие в моду брови. — Да и о чем теперь толковать? Кончился Гроднич, иссяк. Вот только не унимается старикан, все пишет, пишет!.. В детство, что ли, стал впадать? На хлопковом фронте успехи блистательные. И вообще... Вы со мною разговариваете как корреспондент или приватно?

Я поспешил заверить, что разговор исключительно приватный.

Вечером написал бодряческое письмо Григорию Фомичу, в лживопафосных тонах поздравил с заслуженным отдыхом. А что до пенсии местного значения, то особой разницы с республиканской нет. Так, кое-какие дополнительные льготы, по мелочам. Признаюсь, писал, испытывая внутреннюю неловкость. Но писать надо бы-

ло. К чему растравлять старику душевные раны? Ведь и глупцу понятно, что отказ в республиканской пенсии заслуженному человеку по сути дела — пощечина.

Гроднич на мое письмо не ответил. Немного погодя узнал я, что Григория Фомича настиг обширный инфаркт. Но все же он оклемался и продолжает писать письма, в которых рисует самыми мрачными красками положение дел в Якшичульской области, в республике, обвиняет уважаемых, известных и даже знаменитых людей во всех смертных грехах. Одно время ставился даже вопрос об освидетельствовании кляузника психиатрами. Решили, однако, не травмировать больного старика. Пусть себе пишет.

Корреспондентские дела полностью поглотили меня. А затем мне уже было не до Гроднича. Учитывая расцвет и блеск республики, я старался не очень омрачать настроение сильных мира сего критическими материалами. К этому времени С а м, У з л а р ы обладал уже почти неограниченной властью даже далеко за пределами республики. И пишущей братии было хорошо известно, что С а м не любит, когда «выносят сор из избы». Одного особенно неугомонного корреспондента большой центральной газеты С а м приказал не пускать на совещания, на которых решаются особо важные дела!

И все-таки не удержался я на стезе благочиния. Редакция прислала кучу писем жителей Ташкента с жалобами на разгул хулиганства в городе. Проверив факты, написал фельетон. В журнале он пошел «гвоздевым» материалом. На обложке во всю страницу — злющая карикатура Кукрыниксов на хулиганов. Внизу же редакция сделала припечатку: «Материал о хулиганстве читайте на такой-то странице».

Выступление журнала вызвало немалый резонанс. Знакомые читатели поздравляли с успехом, коллеги завидовали, поздравляли и сочувствовали. Я мнил себя героем дня, правда, чуточку посасывало под ложечкой. Однако все вроде бы обошлось. Факты подтвердились, в городе наводится порядок, виновные наказаны.

Вдохновленный, я занялся другим безобразным делом. Честного, заслуженного человека, ветерана войны интриганы едва не довели до самоубийства. Дипломированного врача они о ф и ц и а л ь н о объявили знахарем и шаманом, выгнали из партии и с работы, добились отобрания у него кандидатских «корочек». В деле были

замешаны крупные фигуры, в том числе и заместитель министра, о котором говорили, что он племянник Узлары!..

Все это было шито белыми нитками: клеветники пустили в ход лжесвидетелей, фальшивые документы, подлог. Опровергнуть фельетон в защиту невинного человека не было ни малейшей возможности. Все еще чувствуя себя неуязвимым журналистом, я с великим рвением приступил к работе. Как вдруг раздался телефонный звонок.

— Вас приглашают на шестой этаж.

— Что-нибудь случилось? — пролепетал я, чувствуя, как мое суетливое сердчишко медленно опускается куда-то вниз, к желудку.

— Ничего особенного. Просто Сам хочет с вами повидаться.

В точно назначенный час я входил в приемную, заполненную бесчисленным множеством чиновного люда. На стульях смиренно сидели секретари обкомов и горкомов, министры и заместители министров, милицейский генерал, ставший генералом после моего громкого выступления в журнале, несколько народных артистов и артисток и полдюжины писателей, добивающихся стать народными писателями...

Это изобилие чинов и званий меня изрядно смутило, но еще больше я растерялся, когда услышал свою фамилию и приглашение:

— Зайдите.

Как тут было не раздуться индюком?.. Какой почет! Такие люди терпеливо ждут, а меня — безо всякой очереди!..

Мне уже приходилось бывать в кабинете у Самого. И вот что удивительно: я так и не запомнил обстановки кабинета. В памяти засел лишь большой письменный стол и длинный стол для заседаний, к которому приставлен маленький полированный столик — для доверительных бесед.

— А, шумливый корреспондент! — приветствовал меня Сам, поднимаясь из-за письменного стола. — Заходи. Рад видеть. Можете идти, — вдруг произнес Сам сухо и в полном противоречии с последними словами указал мне на стул возле «доверительного» столика. Видимо, на физиономии моей было написано нечто забавное, потому что Сам рассмеялся коротко и указал глазами, мол, оглянись. Только тогда я заметил, что

в кабинете находился некто, который сейчас уже хлопывал за собою массивную дверь.

— Садись.

Сам говорил мне «ты», и это, как утверждали лукавые царедворцы, было признаком благорасположения. Я воспрянул духом. Но все равно испытывал какое-то странное оцепенение души. Нет, никакого страха. Но все видел я не в фокусе, расплывчато.

— Ну, рассказывай о своих подвигах.

— Да я...

— Слушай, — вдруг огорошил меня Сам. — Тебе не надоело копаться в грязном белье?

Кто из журналистов не знал, что Сам не любит, когда «выносят из избы сор» и «копаются в грязном белье»?.. Что ответить? Видимо, я выглядел несколько дураковато, потому что Сам улыбнулся. Я же сидел и молчал, как истукан, глядя неотрывно в его неизвестно какого цвета глаза в легких припухлостях, на его холерное, породистое лицо, слегка тронутое нездоровой бледностью. Аристократическое, породистое лицо. Такие лица тогда стали довольно часто появляться. Иное и некрасивое вовсе, с толстым носом или большой брюзгливой губой. Ан все равно видно: порода. А Сам был еще и красив, и очень породист, хотя родился в бедняцкой семье, — об этом я многократно читал в статьях литературоведов о его жизни и творчестве.

— Чего молчишь?.. Я же тебе добра желаю. Две книги ты уже написал, член писательского союза. Займись делом. Напиши, к примеру, роман о войне, ты ведь, насколько мне известно, страшный сорок первый год прошел. Да?

— Было дело, — язык мой стал деревянным, непослушным. И прошу не очень меня за это осуждать, дорогие читатели. Ведь это Огромная власть приказывала мне оставить журналистику! — Если тебе самому неудобно, — продолжал задушевно Сам, — я могу твоему редактору позвонить. Тебе уже за сорок, пора по-настоящему заняться литературой. Сколько замечательных дел вокруг!.. Эх!.. — Сам встал со своего стула и, сделав знак, чтобы я продолжал сидеть, подошел, по-отечески встряхнул меня за плечи. — Вот так-то вот, дорогой друг. А теперь иди и все обдумай... Да, кстати... Кто это тебе сведения о количестве проявлений хулиганства дал, а?.. Ну-ну, понимаю. Журналистская этика. Мы и без тебя разберемся.

В тот же вечер я позвонил в Москву своему шефу.

— В обиду не дадим, — успокоил шеф. — Работай, пиши, у тебя получается.

Гипнотическое состояние, испытанное мною в кабинете Самого, вроде прошло, и я написал фельетон в защиту затравленного честного врача. Месяца полтора фельетон отлеживался в редакции. Наконец терпение мое лопнуло, и я прорвался к шефу.

— Мы журнал всесоюзный, — ответил шеф, и на этот раз в голосе его я почувствовал раздражение. — Дался тебе доктор. У тебя четыре республики. И учти: ты у нас не один. Тоже мне премьер!..

Еще месяц спустя:

— Дался тебе этот доктор! Ты же помог ему вроде. Чего еще ему надо?

— Теперь мне самому приходится писать объяснения в горком.

— И напиши. А наш журнал по мелочам не станет выступать. Ведь не повесился же твой подопечный! Обещать каждый может. Я вот тоже, наверно, могу повеситься, ежели ты меня донимать станешь! — пошутил в заключение шеф.

И тогда, после тягостных раздумий, я понял: если что, — не защитит меня и прославленный журнал. Надо подавать в отставку.

Как я и ожидал, отставка была принята без особых возражений. Повод признали уважительным: желание целиком посвятить себя литературной работе.

Изредка вспоминал о Григории Фомиче, послал ему два-три письма, однако ответа на них не получил, — старик, совершенно очевидно, сильно обиделся. А может, просто стало ему интересно жить без хлопков, без командировок, яростных схваток с низовыми заготовителями, без начальственных поощрений и разносов?..

Сразу же после Нового, 1968 года, выбрал время и поехал в Байрамкент. Меня не оставляло чувство вины перед старым хлопковиком, хотя я и пытался как-то помочь ему. Да и что, на моем месте, можно было сделать? И даже не на моем месте. Но чем больше я себя оправдывал, тем томительнее, гнетущее становилось чувство вины... Что за чепуха? В чем я виноват? Выше головы не прыгнешь. И ко всему прочему, я ощущал на себе тяжкий и невидимый, постоянно следящий взор

Недрёманного Ока. Написал о грудной солдатской доле на войне, а мне в ответ — официальное письмо издательства: «Вы оклеветали подвиг Советского воина!.. Вы смыкаетесь с западной пропагандой, клеветущей на нашу социалистическую демократию!»

Я же не виню Гроднича за то, что он не защищает меня от гнусных нападок!

Однако гнетущее чувство не оставляло, и я в великом смущении переступил порог маленькой квартиры старого хлопковика.

Вопреки моим опасениям, Григорий Фомич встретил приветливо. Видимо, притупилось чувство обиды. Да и характер у него был отходчив. Гроднич не очень постарел и по-прежнему выглядел импозантно. Волнистые его серебряные волосы все также были хороши, глаза, темные, глубокие, светились умом. И лишь пергаментная, какая-то неживая, кожа тщательно выбритого лица свидетельствовала о тяжком недуге.

О содержании нашей беседы я уже рассказал в начале этого повествования. Мне остается добавить, что, возвратившись в Ташкент, я получил от Гроднича письмо. Оно меня обрадовало и огорчило.

Григорий Фомич уведомлял о том, что завещает мне все свои документы, собранные в семи папках, и дневник, поскольку все же надеется, что избранный им душеприказчиком субъект не вовсе потерянный для общества человек. Быть может, собранный им, Гродничем, скромный архив когда-нибудь и пригодится.

Письмо написано без плана, разбросанно. Вспомнил ни с того ни с сего Льва Века. «Глупец! Екклесиаста не читал. А ведь ясно сказал мудрец: «Все суета и томление духа». И еще: «Как вышел человек нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет с собой».

Вам же, дорогой мой душеприказчик, завещаю такие слова:

«Глубоко ошибся мудрец, изрече: «Всему свое время... Время любить и время ненавидеть». Неправда! Ныне время такое, когда надобно и любить, и ненавидеть», — любить добро и идеалы наши, слегка, увы, померкшие (стараниями Шербеков и им подобных!), — и ненавидеть зло, в какие бы оно прекрасные одежды не наряжалось!»

И это, конечно, — камешек в мой огород.

А еще через несколько дней я прочитал в газетах

некролог «Г. Ф. Гроднич». На похороны, конечно, опоздал. Побывал на могиле, засыпанной искусственными цветами и венками (январь стоял на дворе). Выразил соболезнование вдове, Надежде Ивановне. Она стойко переносила утрату. У нее даже хватило сил утешать навзрыд плачущую дочь Лидию, прилетевшую с мужем на похороны из далекого сибирского города. Мне же сказала:

— Не мнитесь, не люблю. Я все знаю, Григорий завещал вам свой дневник и документы. Можете их взять.

Возвратившись домой, я занялся изучением пожелтевших от времени бумаг. Перед моим мысленным взором как бы открылась жизнь прекрасного человека, честного труженика. И еще мне представлялась другая картина: Григорий Фомич накануне кончины своей перебирает пожелтевшие страницы своей жизни...

Вот удивительный документ, выданный Полицейским Управлением — г. Скобелев декабря 29-го дня 1907 года, коим мещанину Гродничу Фоме Ивановичу разрешается оставаться на жительство в Туркестанском крае «лишь в том случае, если оный не будет заниматься своим портняжным ремеслом. Полицмейстер подполковник Рейфельдъ».

Почему было поставлено такое странное условие — теперь уже, разумеется, никто не сможет объяснить. Можно лишь предполагать, что документ сей относится к тому времени, когда отец Григория Фомича был изгнан из типографии и решил стать портным. Ему в этом скромном желании было отказано, и тогда он стал шапошником.

А это уже о самом Григории Фомиче — удостоверение, заверенное скобелевским нотариусом Порфирием Акимовичем Спасибуховым, коим подтверждается, что мещанину Гродничу Г. Ф. как уроженцу Туркестанского края предоставлена льгота и он, на основании (таких-то и таких-то узаконений) освобождается от воинской повинности по достижении призывного возраста.

...Послереволюционные бумаги... Мандат члена комиссии по проведению в жизнь Декрета о национализации хлопкового дела... Документ о призыве в Красную Армию... Благодарность за активное участие в борьбе с басмачеством...

Вот очень трогательная бумага. Хочется привести ее полностью.

ВЫПИСКА

из протокола общего собрания рабочих и служащих
скуппункта № 321 в Джида-Капа при Госхлопзаводе
№ 32 от 8 декабря 1925 года за № 5.

Слушали: Об уходе завскуппунктом т. Гроднича Г. Ф. на другое место службы, каковой работал с нами не как администратор, а как товарищ.

Постановили: Общее собрание выносит тов. Гродничу Г. Ф. благодарность за товарищеское отношение к работникам пункта, которое больше всего способствовало его успеху работы и выдвижению на первое место среди пунктов области.
Предзавкома (Алексеев),

Документы, документы, документы... Копия аттестата об окончании Скобелевского 4-классного городского училища... Свидетельство об окончании экстерном шести классов скобелевской гимназии...

Письмо с фронта сводного брата Герца-Георгия. Он был веселым парнем. По профессии парикмахер. Стриг и брил и был счастлив. Грянула война — ушел добровольцем. В документах это единственное его письмо. Герц писал дочери Григория Фомича:

Здравствуй, дорогая Лидочка!

Первым делом шлю фронтовой привет из далекой Белоруссии. Лидонька, я пока жив и здоров, чего и тебе желаю. Твое письмо от 15/1-44 получил. Кончилась разведка боем, и мне тут же его передали. Дорогая Лидуня, вы все можете быть уверены, что я не подведу. Воюю нормально. Уже имею награды «За боевые заслуги», «За отвагу» и орден «Красная Звезда».

Дорогая моя племянница! Написал бы больше, но... Поторапливают. Зима здесь суровая. Успехи Красной Армии тебе известны. Напиши, как твоя учеба, как дела у брата моего и вообще — пиши! Привет всем знакомым. Крепко целую. Обними отца с матерью.

Герц-Георгий, 17 I-44

Внизу письма, наспех написанного карандашом, приписка:

«БЕРЕГИТЕ ЭТО ПИСЬМО — ОНО ПОСЛЕДНЕЕ. Сметанин Василий Петрович, 27/II-44 г. полевая почта 49765-щ.»

Еще письмо.

Лидя! Я получил от вас письмо. Сообщаю печальные подробности. Вражеский снаряд оборвал жизнь моего боевого друга Герца. Он погиб смертью храбрых, смертью героя. Я потерял брата! Герц был отважен и отчаянный воин. Мы с ним четыре раза были награждены. Орден «Славы» он так и не успел получить. Похоронили его с воинскими почестями и салютом. До свидания. С фронтовым приветом Сметанин Василий Петрович. Полевая почта 49765-щ.»

Как хорошо, что старая Эсфирь, мать Герца-Георгия и мачеха Григория Фомича, не дожидая до того страшного дня!

...В годы войны Григорий Фомич находился далеко, очень далеко от фронта. Потому что надо было кому-то ковать победу и в глубоком тылу. И он сражался, сражался за хлопок. Почти круглосуточная работа на износ. Жизнь в отрыве от семьи — он тогда был управляющим Урта-Дарьинским заготхлопкотрестом. И каких только удивительных казусов не случалось!.. Вот секретарь обкома потребовал, чтобы Гроднич передал в распоряжение обкома дом, в котором проживали работники треста. Гроднич отдать дом отказался. И каждый по-своему был прав. Обкому дом понадобился не для танцевального зала. «Клади партбилет на стол!» — «Все равно дом не отдам!»..

Возникает персональное дело. И вдруг в газете «Правда Востока» появляется статья Народного комиссара текстильной промышленности республики — «Образцово подготовиться к заготовкам хлопка-сырца». И в ней абзац:

«Управляющий Урта-Дарьинским заготхлопкотрестом тов. Гроднич, заботясь о своевременной доставке хлопка-сырца на заготовительные пункты, проявил ценную инициативу — организовал массовое производство сетчатых мешков из камышакуги для перевозки сырца. Вес такого мешка не превышает 6 килограммов. Вмещается в него до 110—120 кг хлопка. До начала заготовок хлопка

здесь предполагают изготовить до 50 тысяч штук таких мешков. Управляющие трестами и директора заводов должны использовать этот опыт. Необходимое сырье имеется повсеместно».

И вот вместо партвысказания — благодарность наркома, премия и... мир с секретарем обкома. Что касается спорного дома, то его поделили по-братски: тебе половина и мне половина.

Бумаги... Бумаги... Бумаги...

И последняя. Разящая, как выстрел в упор: «Тов. Гроднича Г. Ф. — с работы снять»!

Правы древние, утверждавшие на золотой латыни: «Сик транзит глёрна мунди» — Так проходит земная слава.

ПОВЕСТЬ ВТОРАЯ

„В некотором царстве...“

До сих пор я ничего не рассказывал вам, читатели, о внуке покойного Григория Фомича Гроднича. И это объяснимо. Сперва, к началу моего знакомства с Гродничем, внука просто не существовало в природе. Когда же не стало Григория Фомича, Алешке было всего три с небольшим годика. И жил он с родителями в далеком сибирском городе.

Появился же Алешка в Байрамкенте спустя год после кончины деда. Тому было две причины. Первая состояла в том, что вдова покойного, Надежда Ивановна, страшно тосковала, тяжело переносила одиночество. Дочь и зять, инженер Василий Петрович Руднев, звали ее к себе, в Сибирь. Но куда там! Разве она может оставить без присмотра родную могилу?! Покинуть родные края! Даже и подумать об этом грешно!

И тогда супруги Рудневы решили: если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе. Подвернулся подходящий обмен, и они переехали в Байрамкент. Все остальное было уже делом житейской техники. Полученную в результате обмена двухкомнатную квартиру на улице Канта обменяли на четырехкомнатную в новом доме, правда, на окраине города, и зажили одной семьей.

Вторая же причина, заставившая Рудневых сорваться с насиженного сибирского гнезда, состояла в том, что Алешка был «поздним ребенком», можно даже сказать, — очень поздним ребеночком. Лидия Григорьевна родила его довольно поздно, тридцати девяти лет от роду. Впрочем, в наш атомно-электронный век ничему не следует удивляться. Мы ведь перестали дивиться детской акселерации?

Понятия «родители» и «дети» ныне утрачивают свою вековую стабильность: бородатый «ребенок», а рядом с ним молодящийся папа в джинсовой «фирме» и мама, глядя на которую, сразу и не поймешь — то ли это де-

вица потрепанная, то ли ее мамаша, тщательно «следящая» за своей внешностью.

Нарушена и веками отлаженная система деторождения. Иные «семьи» вовсе обходятся без потомства, полагая, что детей иметь хлопотно и «не по карману»; или, напротив, — вдруг объявляется сорокалетняя «молодая мама».

Однако я позволил себе, кажется, немножко поворчать. Что поделаешь? Возраст все-таки сказывается.

Впрочем, людям вообще свойственно критиковать порядки своего времени и идеализировать минувшие века и эпохи. Всегда так было. Даже сам Пушкин сетовал на «наш век железный». Еще в древней Греции и Риме старики ругали молодежь, называя ее непочтительной и дерзкой, ленивой, погрязшей в праздности и безрассудствах. И вдоволь насокрушавшись по поводу падения нравов, мечтательно добавляли: «А вот в наше время!.. Помню как сейчас...»

А ведь и в «их время» было по-всякому. Девяностолетние старцы женились на молоденьких, пятидесятилетние матроны римские запросто рожали детишек, становившихся затем мужами достойными и знаменитыми. Да что там Греция и Рим! Моя бабка со стороны отца родила одиннадцать сыновей и трех дочерей! И ведь не ежегодно разрешалась — с интервалами. Так что детопроизводство заняло у нее никак не меньше тридцати пяти лет. Другое достойно удивления: всех, всех до единого, сыновей и дочек, она вырастила и на ноги поставила!

Правда, почти всех сыновей поубивало в Империалистическую и Гражданскую войну. Так что, выходит, зря старалась бедная моя бабка Прасковья Ивановна.

Но это я так, к слову пришлось.

Другая причина, повторяю, толкнувшая Рудневых на перемену места жительства — subtilность Алешеньки. У него обнаружилась английская болезнь, то есть он был рахитиком; Лешенька еще и покашливал, а это могло быть признаком страшным — а вдруг туберкулез!..

Лидия Григорьевна, ошеломленная своим материнским удивительным подвигом, голову потеряла от счастья и от страха за своего Алешеньку, о котором так мечтал покойный Григорий Фомич! Она замучила детских врачей, сама замучилась. Наконец очень ученый профессор взялся за Алешу — долго выслушивал, вы-

стукивал, рассматривал розовый ребячий язык и результаты анализов, проводил полоски на грудке мальчугана рукоятью медицинского молоточка и, резюмируя, изрек:

— Ребенок ослабленный.

Лидия Григорьевна утратила дар речи. Ей сделалось нехорошо, и профессору пришлось оказывать первую медицинскую помощь «молодой» мамаше. Однако не следует думать, будто Руднева была слаонервной дамой. Дело в том, что двенадцать лет назад она уже пережила страшное горе — в трехлетнем возрасте не стало дочки, Машеньки. Она тоже была ослабленным ребенком, заболела обычным, казалось бы, гриппом, и умерла от тяжелых осложнений.

Рудневы и надежду потеряли на рождение еще одного ребенка. С годами даже искорки надежды угасли. И вдруг... Сын! Алешенька!!. Этакое счастье!.

Ученый профессор тоже был чрезвычайно чадолюбив. У него у самого росли ослабленные дети. И он посоветовал Лидии Григорьевне не подвергать ослабленного Алешеньку испытаниям суровыми сибирскими морозами. Такому нежному существу необходим климат теплый, нет ли у Рудневых родственников в Крыму или где-нибудь на юге?

— Мама у меня в Байрамкенте, — все еще захлебываясь слезами, молвила Руднева.

— А что? — обрадовался профессор. — Прекрасный сухой климат. Солнца вдоволь, фруктов. Зима, правда, мозглая, но зато коротенькая, как воробьиный клювик.

Это профессорское суждение и решило почти гамлетовский вопрос: жить или не жить Рудневым в Средней Азии. На семейном совете постановили: надо переезжать в Байрамкент, к маме.

* * *

Мне остается теперь рассказать о жизни драгоценнейшего существа, Алешеньки, поведать об этом «трудном ребенке».

«Трудным» он стал потому, что с момента своего рождения был «ослабленным». Родители лелеяли и холили позднее дитя, пушинки с него сдували, оберегали от «грубостей жизни», потакали всем его желаниям и капризам.

Перечитал написанное и закручинился. Мысленно вижу недовольную мину читателей, которые наверняка подумали: «Ну, сел автор на заезженного конька—сейчас начнет пространно и нудно распространяться о детях-балбесах в благополучных семьях. Ох, как надоело!»

Все это я понимаю, но куда же мне деваться, ежели Алешка Руднев и в самом деле, по мнению многих солидных граждан, был незаурядным балбесом, можно сказать, даже «хиппи» был, и к тому же прославился на весь свой ореал обитания как гитарист-исполнитель полублатных песенок и, ко всем этим прелестям, — зачинщик уличных драк.

О себе Алешка, правда, говорил, что он не хулиган, а просто нормальный парень с собственным мнением, не исполнитель полублатных песен, но уличный бард двадцатого века. Что касается драк, то Алешка вовсе не отрицал фактов мордобоя, однако утверждал, что надобно обо всем судить по справедливости. Между тем никто не желает принимать во внимание мотивов его поведения... Что?.. Покалечил челюсть некоему инженеру-экономисту Выродкову?.. И правильно сделал. Он же на улице, при всем честном народе ударил родную мать по лицу за то, что она не дала ему, алкашу паршивому, трешку на полбанки!... Что же, в милицию за это вести?.. Матери его и будет хуже, — она ведь с двумя маленькими детишками осталась бы. Жена Выродкова бросила, сбежала с каким-то чревоушателем. Тоже порядочная стерва... А так — получил по морде, отгулял с шиной в пасти две недели, и делу конец. И теперь уж Выродков даже подумать боится на мать замахнуться! Так что, продолжал Алешка, никаких драк я не затеваю. Не драчун. А уж если очень вам хочется как-то меня назвать — зовите файтером. Это по-английски. Тоже означает драчун, но в спортивном, благородном смысле. Файтер — он не только сам наносит удары, но и удары держит. Знаменитый боксер был, Валерий Попенченко. Его файтером называли. Умел на ринге держать удары. Впрочем, какой он файтер? Кубок Баркера получил, за лучшую боксерскую технику. Ну а я — файтер.

И как это так вышло — супруги Рудневы сами изумлялись поразительной метаморфозе! — рос мальчик хлипенький, болезненный, теплым молочком воспоенный. Был мальчиком-паинькой. И вдруг — вымахал в

здоровенного парнишку! Высокий (метр восемьдесят два!), широченные плечи, поджарый, длинноногий. И лицом хорош. (Лицом он в деда удался). Такие же волнистые волосы, только иссиня-черные, изящный, будто скульптором изваянный нос, четко очерченные губы и большие темные глаза, в которых, попеременно, то лукавство поблескивало, то ирония, а то и гневные блики полыхали. Брови, словно нарисованные, со «скептическим» изломом. Когда же Алешка смеялся, то показывал два ряда ослепительно белых, безукоризненно ровных зубов, а на румяных щеках его появлялись девичьи впадинки.

Словом, к семнадцати годам бывший «ослабленный» ребенок превратился в образцовый экземпляр юного мужчины, которого не грех было бы и на выставке показывать, если бы, конечно, такие выставки в нашей стране устраивались. Однако он и без выставок кружил головы девчонкам. Собственно говоря, не то, чтобы кружил. На этот счет Алешка был вне подозрений. Он на слабый пол внимания и не обращал. Сами девчонки кружили себе головы, и даже был зарегистрирован один случай почти с трагическим исходом: десятиклассница, невыносимо страдая от неразделенной любви, попыталась отравиться головками спичек производства спичечной фабрики «Белка» (г. Слободской). К счастью, попытка пресечь жизнь в самом расцвете окончилась благополучно. Десятиклассница, начитавшись дореволюционных романов, упустила из виду, что старинные спички были фосфорные, ядовитые, а нынешние практически безопасны и даже не всегда зажигаются.

Алешка находился в том счастливом возрасте, когда юнцы резко подразделяются на две полярно противоположные категории: первая — угрюмые и прыщавые «девчатники», теряющие рассудок при виде любой юбочки или джинсиков, натянутых на девичьи задки, вторая же категория — парни, влюбленные в спорт, в бит — и рок-группы, и превыше всего ценящие не омраченную житейскими расчетами мужскую дружбу. Именно к этой категории и относился Алешка Руднев. А дружил он со своим одноклассником, тоже не пареньком, а картинкой, — с Тимуром Бахрами, по прозвищу «Тат».

Полное же прозвище «Татарин». Происхождение его таково. Когда Тимура принимали в пионеры, ему был задан дурацкий вопрос: «У тебя, Тим, мама русская,

а отец узбек. Кем ты себя считаешь?» На что мальчишка ответил: «Не знаю, наверное, татарин».

Тат тоже был девичьим наваждением. В нем удивительно счастливо сочетались черты отца и матери. Блондин с темными бровями, голубоглазый и бронзоволицый. Ростом чуть пониже Алешки, но еще шире в плечах. Как и закадычный друг его, Тат отличался независимым, подчас, вызывающим поведением в школе и на улице. Одни учителя в Алешке и Тате души не чаяли, другие же люто ненавидели, дни считали, когда же, наконец, «эти хиппи, хулиганы и бузотеры» получат «Аттестаты зрелости» и покинут школу, столько лет терпящую «безобразные выходки распущенных мальчишек!»

Насчет выходок — это правда. Выходки имели место, и даже с печальными последствиями для некоторых учителей. Еще когда Алеша учился в шестом классе, произошло шумное столкновение с учителем пения, желчным субъектом, пожелтевшим и исхудавшим от зависти к Рихтеру, Гилельсу и другим музыкальным знаменитостям. Несостоявшийся концертант вымещал обиду на своих учениках. Он позволял хватать провинившегося мальчугана за ухо, стучать по лбу увесистым камертоном, отпускать подзатыльники.

Однажды, когда весь класс, следя за взмахами камертона маэстро, всюду распевал жизнерадостную песню: «Нам нет преград на суше и на море!..», учитель заметил, что закадычные дружки Руднев и Тимур, вместо того, чтобы воспевать прекрасную действительность, азартно режутся в «Морской бой». Учитель, кипя негодованием и продолжая дирижировать камертоном, бесшумной стопой подкрался к увлекшимся игрой дружкам. Подкрался он со стороны Тимура Бахрами, и потому благородный гнев учителя обрушился на Тата. Сеятель музыкальной культуры отвесил мальчишке увесистый подзатыльник, да такой, что Тат ткнулся лицом в парту и расквасил нос.

Класс ахнул. Но через секунду ахнул еще раз... И еще.

Тат вскочил на скамью и засветил учителю кулаком в глаз. Тут же из-за спины друга вымахнул Алешка и врезал ментору по другому глазу. Несостоявшийся концертант, нелепо взмахнув длинными своими руками, опустился на пол, в проходе между парт. Нюра Кошечкина, староста класса, пронзительно завизжала, в классе поднялся страшный переполох. Учителя пения бро-

сились поднимать с пола, причем кое-кто из благодарных учеников в толчее тоже наподдал ненавистному педагогу. Затем галдящая толпа повела, а точнее, — поволокла его из класса по коридору, в учительскую.

Последствия этого ЧП были поначалу ужасны. В областной газете «Якшичуйская правда» появился очерк на морально-этические проблемы — «Не в бровь, а в глаз!» Автор очерка, Октавиан Антисемишников, очень ловко обыгрывая крылатое выражение «Не в бровь, а в глаз», почти художественно доказывал: удары, обрушенные распоясавшимися шестиклассниками на учителя, нанесены, в сущности, не педагогу, а родителям хулиганов-учеников, утратившим чувство ответственности за воспитание своих отпрысков.

«Да! — гневно восклицал бедовый Октавиан. — Удары эти болезненны, ощутимы. Можно только пожалеть родителей и сурово осудить их за то, что их «безграничная» любовь к чадам своим позволила им (кому — им? Тут автор явно переборщил в плетении словес) вольготно расти в обстановке вседозволенности, вседоступности, давая полную свободу своему сумеречному подсознанию...»

Далее Октавиан, не называя, разумеется, фамилии ученого, не очень к месту углубился в теорию психоанализа австрийского врача и психолога Зигмунда Фрейда, — учения, объясняющего жизнь человеческую биологическими инстинктами и дремлющими в подсознании «даже у подростков, — сексуальными мотивами («Мотивами»?.. Гм!), проявление коих может носить подчас самые причудливые формы, например, в виде кулачной расправы».

Умный, но безнравственный Октавиан, тут же, на всякий случай, заметил, что нам, советским людям, конечно же ближе практические результаты, нежели теории, какими бы наукообразными они ни были. А наша практика показывает, что избивание учителя — факт возмутительный, и виновные должны быть строго наказаны. «Что ж, — бодро заканчивал очерк легкий на оргвыводы Октавиан-Индустрий, — в колонии для юных правонарушителей тоже можно учиться, так сказать, в школе закрытого типа. И общественность Байрамкента верит в то, что подростки Тимур и Алексей выйдут из нее совсем другими людьми. Что поделаешь? Как говорили древние, «Суров закон, но — Закон!»

Столь обвинительный очерк Октавиан написал, имея

на то причины. Еще в прошлом году он несправедливо очернил в газете директора школы Еремеева, обвинив его в том, что директор якобы тайно перепечатал экзаменационные билеты и распространил их среди десятиклассников — с целью выйти на первое место в области по успеваемости. По своему обыкновению, Октавиан получил факты из третьих рук, сам ничего не проверил и, разумеется, в очередной раз сел в лужу.

Другая же причина носила чисто личный характер. Журналист обольщал учительницу языка и литературы, смазливенькую блондинку, жаждущую выйти замуж и снята с работы своего врага, директора школы Еремеева. Октавиан ухаживал, как и обычно, с корыстной целью — заполучить двухтомник В. Вересаева «Пушкин в жизни» — уникальное издание, вышедшее в свет в канун 100-летия со дня гибели великого поэта. Брачному аферисту, как видим, приходилось решать неразрешимое, квадратуру круга. И все-таки он рискнул попробовать. Самый факт появления в газете острокритического очерка бросал тень на директора школы. Директор же просто обязан был оценить благородство очеркиста, воздержавшегося от обвинений в его адрес.

Двухтомник Октя изловчился все же заполучить. Схлопотал он также строгий выговор в приказе с удержанием полученного за очерк гонорара. Директор остался директором. Коварный жених так и не женился на интриганке-учительнице, поскольку он терпеть не мог интриганок. Ко всему прочему он, как-то исподволь, незаметно, превратился в закоренелого старого холостяка. Да и уехала интриганка-учительница в другой город. Какая уж тут женитьба!

Очерком же «Не в бровь, а в глаз!» он как бы искупал свою вину перед Еремеевым, рисуя директора школы деятелем энергичным, терпеливо переносящим тяготы своей нелегкой профессии.

Не стану описывать, что за каша заварилась вокруг «немыслимого инцидента». Скажу лишь, что понадобилось вмешательство Союзного министерства просвещения. И решение было принято поистине «Соломоново»: учителя пеня перевели в другой город, а учеников — в соседнюю школу, — потому как ведь не запретишь же им получить обязательное среднее образование. Надо их дотянуть до восьмого класса, а там — в ПТУ их, голубчиков.

На том и делу конец. Удачно кончились и неприят-

ности у Октавиана. Ему предложили подать заявление об уходе по собственному желанию. Редактором газеты теперь был Януарий Хамченко. Какой-то «доброжелатель» рассказал ему много ужасных вещей про Фрейда, и этого было вполне достаточно. Хамченко, уставив тяжелый взгляд на молодящегося старого холостяка, произнес мрачно:

— Давай заявление... По собственному.

— Какое заявление? — Октавиан обидчиво сложил губки пухлым сердечком.

— Абнаковенное, — Януарий с сожалением сверлил въедливыми глазками легкомысленного сотрудника. — Нам такие, как ты, теперча не надобны. Фрейды всякие... Сумерки души!.. Наломал дров — отвечай! А не подашь — хуже будет. Это я тебе обещаю.

Октавиан подумал-подумал, и подал заявление. И не прогадал. Через полгода он написал, а вскоре и защитил диссертацию, в которой неопровержимо доказал, что Михаил Юрьевич Лермонтов был поэтом замечательным, безвременно павшим от руки клеветов царского самодержавия. В пединституте, куда он перешел на работу, жилось ему приятно, как в мусульманском раю. Его окружало бесчисленное множество юных гурий, родители которых имели домашние библиотечки, — и уникальные книги потекли в холостяцкую квартиру Октавиана, что называется, бурным потоком. За долгие годы своего амурно-книжного собирательства экстрасекс несомненно весьма обогатился духовно, но телесно придержался. Последнее Антисемишникова заметно расстроило. Октя ведь был убежден, что откладывая марьяжные дела, он как бы консервирует свои нежные чувства, вроде кладет их в сберегательную кассу, в которой, как известно, хранить вклады надежно, выгодно и удобно. И даже нарастает небольшой процент.

К пятидесяти годам, однако, оказалось, что тонкие эмоции, некогда будившие воображение, исчезли неизвестно куда! В этом ученый муж убедился, атакуя третькурсницу с пышным бюстом. Они сидели на диване у нее дома. В комнате висел полумрак: запах духов «Белая сирень» создавал тонкий интим. Девушка млела, то и дело весьма прозрачно намекая на то, что родители «в загранке». Октавиан смотрел на нее через очки всепожирающим взглядом. И тут он вдруг забеспокоился, сообразив, что хотя близорукие очи его и излучают любовные флюиды, но функционируют они вроде как

автономно. Сам же он при этом думает почему-то о другом. А именно: «Как бы умыкнуть у этой красотки подарочное двухтомное издание «Пятьдесят лет в строю» генерала Игнатьева?»

Однако недалекая дева все еще не теряла надежды. С этой целью она украсила журнальный столик вазой с фруктами и бутылкой коньяка «Камю». Октя был по-своему человеком совестливым и поэтому, не в силах отказаться от выпивки, опустошал пузатую бутылку, чувствуя себя последним негодяем. Но, как говорится, нет худа без добра. Коньяк вселил в его сердце львиную отвагу. Он вдруг поднялся, подошел, слегка покачиваясь, к книжному стеллажу и решительно сграбастал сочинение генерала Игнатьева.

— Беру на прочтение и в залог нашей дружбы, — пояснил матерый книгокрад. Потоптавшись, добавил довольно нелепо: — Ну, так я пошел. Прекрасно провели вечерок. Оревуар, дарлинг.

Перейдя в институт, экс-экстрасекс в материальном отношении даже выиграл пару червонцев. А вскоре Лев Шербек открыл ему целое Эльдorado. Он как-то пригласил к себе в гости отставного журналиста. Октавиан был потрясен роскошной обстановкой, поистине лукулловым угощением и сервировкой стола, украшенного старинными серебряными тарелками с графскими и княжескими вензелями и, особенно, — хрустальным кубком с завитушечками-инициалами «НР» и римской цифрой I, из коего, по преданию, вкушал вино сам Николай Палкин.

Лев Львович Век, сама любезность, без малейшего шантажа со стороны Октавиана, от полноты чувств подарил дорогому гостю тридцать два тома энциклопедического словаря братьев Гранат (Остальных томов, к сожалению, не доставало), велел личному шоферу отвезти книжную груду на квартиру гостя, а затем перешел к делу.

Антисемишников находился на вершине блаженства. Коньяк «Наполеон» способствовал этому. Разумеется, чуткий отставной журналист догадывался о том, что так вот просто, за непонюх табаку, его не стали бы роскошно угощать. Что-то, видимо, требуется от него все-ильному Веку. Но — что?

Тут следует подчеркнуть, что Лев Львович Век, он же Шербек, и в самом деле был всеильным. В области он теперь был вторым человеком. После Одилбая

Парпиева. Мне могут возразить, указав на то, что ведь есть еще, кроме Одилбая, и секретари обкомов и обл-исполкомовцы, облеченные огромными полномочиями. Все это так. И все же Одилбай спустя двадцать с лишним лет стал именно первым (хотя и негласно) лицом в Якшичульском крае. Он неизменно пользовался поддержкой Узлары, его имя не сходило со страниц газет и журналов. Слово Одилбая было законом. Мановением руки этот раис производил перестановки в обкоме и облисполкоме, выдвигал на важные, ключевые посты угодных ему людей. И в конце концов вышло так, что в Байрамкенте и во всей Якшичульской области почти всюду стояли люди Одилбая Парпиева — родственники, земляки и не земляки, но угодники.

Были, правда, отдельные попытки «бунта на корабле». Однако они пресекались решительно и жестоко, о чем будет рассказано чуть позже. Сейчас же я просто информирую читателей о факте, весьма печальном факте.

Так вот, Октавиан, попивая йеменский кофе с уникальным ликером «Бенедиктин», находился в блаженном состоянии и ожидал объяснения причин княжеского приема, который ему оказал «второй человек» в области. И тот не заставил себя долго ждать.

— Как у вас с финансами, Октик? — вдруг спросил Бек.

Надо сказать, что Лев Львович считал себя покровителем книгокрада. Он подкармливал его уже много лет, позволяя прославлять на страницах «Якшичульской правды» знаменитый колхоз «Рассвет», его раиса Одилбая Парпиева, а также нужных Веку других председателей колхозов, директоров хлопкозаводов и завоёв заготхлоппунктами. Журналист воспевал трудовые подвиги нужных Веку людей в художественной форме. Запомнились мне, например, строки из очерка о сборщице хлопка Кумри Сабировой. Ее мастерство просто ошеломляло. 500, 600, 750 килограммов «белого золота» собирала она ежедневно вручную! Даже сам Януарий Хамченко, прочитав очерк перед сдачей в набор, почесал в затылке и вымолвил раздумчиво:

— Дела-а-а... Во дает!.. Может, малость скостим, а, Октя?

— Ни в коем случае! — разъярился Антисемишников. — Сам Одилбай-ака цифры мне дал. Если что... Не сносить нам головы.

Януарий тяжело вздохнул и подписал очерк в набор. Хамченко тоже был выдвинутцем Парпиева. И он страшно боялся потерять редакторское кресло и, тем более, голову.

Так вот, запомнились мне такие строки из очерка:

«Световой день угасал. Хрупкая фигурка Кумри то нагибалась, то разгибалась, собирая серебристые комочки хлопка и складывая их в фартук, который так украшал ее стройный стан. Я подошел к знатной хлопкоборщице.

— Хорманг! — сказал я воительнице хлопковых полей, современной амазонке.

— Рамхат, — отвечала Кумри и добавила, изумив меня чистейшим парижским произношением: — Коман са ва аллей ву, камерад?

— О! — воскликнул я восторженно. — Вы владеете французским языком?

— Уи, мсье. Ком си ком са. Мал-мала же парль франсе. Надо же, наконец, стирать грань между городом и деревней.

— Сколько собрали сегодня «белого золота»?

— Три четверти тонны.

— Ого!.. И не устали?

— Когда труд в радость, какая может быть усталость?

Луноликая Кумри кокетливо смахнула концом платка бриллиантики пота, выступившие на ее прекрасном белоснежном, как хлопок, лбу. На ее высокой груди, озаренной нежными лучами заходящего светового дня, лежал, сияя, орден «Знак Почета».

Что я мог сказать в ответ?.. Низко поклонился прелестной труженице и поцеловал ее лилейную ручку».

— Так как же у вас с финансами, Октик? — повторил вопрос Лев Львович Век.

— Хм... гм-гм... — промычал экс-журналист, все еще сясь уразуметь, какая ловушка кроется за этим странным вопросом.

— Все ясно! — Шербек улыбнулся, теперь уже вставными, но все равно волчьими зубами. — Не желаете ли поправить свои денежные дела?

— Странный вопрос? Кто же этого не желает?!

— Тогда все в порядке. Десять тысяч вам на первый случай хватит, а?.. Ха-ха... — Век коротко хохотнул, а Октавиан поперхнулся ликером.

— Шшш... Шутите!

— Нисколько. Я, знаете ли, Октя, шуток не люблю. Потому как известно: в каждой шутке всего доля шутки, остальное — правда. Все очень просто. Наш шеф и замечательный человек, Одилбай-ака, да продлятся дни его!.. Он решил позаботиться о вас. Одилбай-ака любит вас, жалеет, что пришлось вам покинуть редакцию газеты. Он, конечно, мог бы сделать и так, чтобы вы, Октя... Кстати, ведь именно Одилбай-ака прозвал вас Октей... Он мог бы оставить вас в редакции. Но я сказал шефу: «Чего Окте киснуть в газете? Пусть станет ученым. Мне рассказывали, что кто-то ему однажды предрек: либо в тюрьму попадет, либо профессором станет!.. Зачем хорошему человеку в тюрьму? Пусть лучше станет профессором». Вы даже и не знаете, что мы, именно мы обеспечили вам место в институте, создали условия для работы над диссертацией. Два словечка ректору — и вы на особом положении! Вам хорошо в институте?.. Никто не тиранит?

— О да! — с чувством воскликнул Октавиан. Его теперь не шокировало и панибратское обращение — Октя. — Я не знал... Но теперь... Я неоплатный должник!

— Пустяки. Свои люди — сочтемся. Одилбай-ака желает и впредь заботиться о вашей карьере. Хотите стать членом Союза писателей?

У Октавиана перехватило дыхание. Ему показалось, что он ослышался.

— Да-да, — членом писательского союза. Вам нужно лишь написать роман. Страниц на четыреста — пятьсот. Фундаментальный романище. Заботы о его опубликовании я беру на себя. Вы же получаете сейчас десять тысяч. Это аванс. И это без отдачи. Только пишите. Издательский гонорар весь ваш. Мы не мелочные.

— Д-д-да... — еле вымолвил Октавиан. — Но о чем писать?

— Как о чем? — удивился Век. — Роман надо написать об Одилбае Парпиеве. Чутьочку измените имя и фамилию. Скажем, вместо Одилбай сделайте героя Одилджоном, а фамилию ему дайте... Гм... Ну хотя бы такую — Парпиходжаев. Такова воля шефа. В предисловии обязательно сообщите читателям, что прообразом вашего произведения является прославленный мастер хлопководства, известный председатель колхоза-супермиллионера. Название колхоза и фамилию райса не надо. И так все понятно. А у вас открывается полный

простор творческому воображению. Ну, как, согласны или вас грызет благородный червь сомнения?

Бедный Октик суматошно замахал руками.

— Что вы!.. Разумеется, я согласен... Но все это так неожиданно... Как в сказке!

— Это вы, Октя, правильно заметили. Но ведь известно, что «мы рождены, чтоб сказку сделать былью»!.. Ха-ха... Что касается обещанного аванса...

Лев-Шербек поднялся из кресла, подошел к старинному секретеру эбенового дерева, художественно инкрустированного перламутром, нажал на потайную кнопку, и секретер, проиграв отрывочек из старинного гавота, откинул крышку-столик, обнажив пять рядов изящных ящичков. Век выдвинул один из них и вынул аппетитную плиточку сотенных, перехваченных накрест бумажными полосками, шлепнул на журнальный столик.

— Вот она, ваша десяточка, милейший Октя. Да берите... Берите, вам говорят!

Плиточка была новенькая, увесистая. Она уютно легла в боковой карман пиджака филолога и мигом согрела его трепещущее сердце.

— Еще по рюмочке бенедиктинчика?.. За успех.

Выпили за успех.

В этот, самый что ни на есть счастливый для Октавиана момент, за окном вдруг раздались звуки гитары, и юношеские голоса заревели по-дурному полублатную, однако не лишнюю юморка песню:

Сгорели мы по недоразумению:

Он за растрату сел, а я за Ксению, —

У нас любовь была, но мы расстались!

Она кричала все, сопротивляясь!..

Надо заметить, что особняк Льва Львовича с садом и службами находился на городской тихой окраине, где лет пятнадцать тому назад начали строить новый жилой микрорайон, в стороне от шумных автомагистралей. И хотя напротив особняка теперь выселись многоэтажные здания, микрорайон этот был по-сельски тихим, не особенно людным. И поэтому всякий маломальский уличный шум воспринимался Львом-Шербеком как оскорбительное покушение на его личное спокойствие, — будь то строжайше запрещенный сигнал автомашины или крик старьевщика: «Старый вещичок паем!»

А тут — диковатая песня! Лев-Шербек встрепенулся было, словно его током ударило, но тут же опустился в кресло. Криво улыбнулся. И пояснил:

— Это два соседских балбеса веселятся. В четырехэтажке, что напротив, живут.

— Может, пойти унять? — Октавиан, все еще ощущал на сердце теплоту плотной плиточки. — Я мигом.

— Оставьте их, — Век снисходительно улыбнулся. — Молодо-зелено. Перебесятся, и станут ревностными служаками. Это внук покойного моего наставника, Григория Фомича Гроднича, с дружкой, Тимуром. Буйные головушки.

Услышав имена юнцов, причинивших столько неприятностей бывшему журналисту, Октя передернулся, и это не ускользнуло от внимания Льва Львовича. Второй человек в области успокоил:

— Все, что ни делается, все к лучшему, дорогой Октя. Вам на них сердиться не резон, — благодарить надо. С их невольной помощью станете вы и писателем, и профессором. Выпьем-ка лучше еще бенедиктинчику. Не напиток, а амброзия, питье богов! Есть в Нормандии крохотный городок Фекан. Вот тамошние монахи и придумали сей напиток и назвали его в честь святого Бенедикта. Еще лет восемьсот назад. Секрет приготовления и по сей день хранится в тайне. Вам, Октя, не случалось бывать в Нормандии?

— Никак нет! — отвечал Октавиан несколько по-солдатски.

— Побываете. Теперь вам дороги всюду открыты... Или вы на аванс предпочитаете купить «Жигуля»?

Антисемишников смутился, поправил полуседую, теперь, увы, но все еще лохматую шевелюру и кивнул. У него действительно, при виде заветной плиточки, возникла мысль о «Жигулях». Солидный человек за рулем — это не то, что человек без руля и без ветрил. Можно возить девиц в горы на собственной машине. Правда, тут же кольнула другая, жальная, мысль: а зачем теперь их возить в горы?.. Старый холостяк закручинился. И все же решил: буду возить, — в нем выиграла привычка. Так в старину бедняжка-лошадь, всю жизнь проведенная в шахте (где она в темноте ходила по кругу, крутя ворот насоса, откачивающего воду), и, достигнув немощной старости, вытащенная, наконец, на волю, — ослепшая, обессиленная, — продол-

жает и на поверхности ковылять по кругу, хотя уже никакого толка от этого нет.

— Ну что ж, купите «Жигуля», — Лев Львович поощрительно похлопал будущего романиста по плечу. — Теперь в любое время года, дня и ночи, вы дорогой гость нашего шефа, Одилбая-ака. Резиденция в вашем распоряжении. Ректора я предупрежу, чтобы он вас не очень загружал лекциями. Пожалуй, лучше всего, чтобы вам предоставили академический отпуск, или как это там еще называется... Будете тачать докторскую и ковать роман. Но тут уж выложите на все сто... на триста процентов! Если хотите знать, создание романа в известном смысле — государственное дело. Одилбаю светит золотыми лучиками вторая звездочка!.. Так-то вот, дорогуша.

За окном Алешка с Тимуром грянули новую песню, — тоже не очень классическую. Они под бряцание гитар исполняли нечто вроде баллады. Герой песни влюбился в недостойную особу. Она ему изменила. Чтобы как-то заглушить горечь обиды, он решил заняться велосипедным спортом. Однако и здесь его поджидало несчастье.

Далее следовали такие печальные слова:

Я весь город исходил, лисапед себе купил,
Чтоб страданьям облегчения была —
Налетел на самосвал, к Склифософскому попал —
Ах, навестить меня ты даже не пришла!..
А там хирург, седой старик, он, как отец,
ко мне приник,
Он шесть суток мои раны зашивал!
А как кончился наркоз, стало грустно мне
до слез:

Для кого ж своей я жизнью рисковал?!

— Вот шалопаи! — пожалуй, даже одобрительно произнес Лев Львович. — Это они нарочно, меня полить. А мне интересно. Забавные песенки, не правда ли?

— Почему они именно вас хотят разозлить?

— А не любят. Меня вообще мало кто любит. Меня боятся и, следовательно, уважают. И запомните, Октя... Нет, Октик... Да-да, лучше Октик, благозвучнее. Запомните: если человека не боятся, его не уважают. А вы меня уважаете, Октик?

— Теперь я вас даже люблю! — воскликнул Октавиан.

— Верю. И еще сильнее станете любить. Есть за что меня любить, мой милый будущий Флобер. Кто любит деньги, тот и меня любит. И это не в укор вам сказано. Любить деньги — привычка. А что сказал Шатобриан и подтвердил наш великий поэт?.. «Привычка свыше нам дана: залогом счастья она». Закон природы. Законы же природы обмануть или обойти невозможно... Ну, кажется, концерт окончен.

— А вдруг я передумаю писать роман? — ни с того ни с сего произнес Октавиан. Вздорная это была натура. В Антисемишникове переплетались непостижимым образом элементы порядочности с наглостью и беспардонной вольницей. Его вечно уязвленное самолюбие требовало выхода, действия. Но действовать было опасно. От этого и умножались душевные муки бывшего журналиста. И вот сейчас, почувствовав себя вроде как на пьедестале, он и решился показать свою «самостоятельность».

Шербек не сразу понял. Чуть погода улыбнулся поволчьи.

— Что?.. Пятидесятилетний мальчик топнул ножкой? Ха-ха-ха! Не станете писать?.. Ну не пишите. Выньте из кармана «жигуленка» и шагайте домой. Но учтите: завтра же вас с треском выгонят из института. Это раз. Но это не все. Нам хорошо известны ваши амурные дела. Нынче, ходят слухи, вы вроде остепенились... Ха-ха... По велению матушки природы! И все же ваше игривое прошлое, сопряженное с безнравственным хищением книг, как ценных, так и ширпотреба... Ваши бесчисленные обещания жениться, обещания с корыстными целями!.. Вы же, мой милый Октик... Нет, Октя. В данном случае, так лучше звучит. . Вы, Октя,— брачный аферист! Ваше блудливое прошлое легко обернется тяжким лесоповальным будущим. А теперь — кладите деньги.

— Да я... — замямлил Октавиан. — Вы неправильно меня поняли. Это так, с языка сорвалось...

— Значит, раздумали. Отрадно слышать. И все же, на всякий случай, сообщу вам еще немаловажную деталь. Мой дом, как вы видите, дом благоустроенный. Но в нем не только секретер времен Людовика Четырнадцатого, спальня, вывезенная из апартаментов фрейлины супруги самого Александра Благословенного. Дом и технически неплохо оснащен. Например, имеется скрытая камера. Наш дружеский обед записан на видеомаг-

нитофон. И разговор, само собою, тоже. Так что нет вам никакого смысла бить копытами.

Лев-Шербек уставил свои водянистые, в красных ободках, глаза на съезжившегося Октавиана, и бедняге филологу показалось, что его гипнотизирует своими ледяными немигающими глазами огромный удав, готовящийся броситься на свою жертву и задушить!

Так и не дождавшись ответа, Век встал, походил по ворсистому ковру-текинцу бесшумными волчьими шагами. Затем подошел к Окте, похлопал по плечу.

— Так-то вот, бледнолицый брат мой. В таком-то духе. А теперь шагайте на свежий воздух. Сразу полегчает.

Выйдя, слегка пошатываясь, на улицу, Октавиан в сквере, отдающем порядок частных владений от четырехэтажных многоквартирных домов, увидел на скамейке Лешку и Тимура. Оба длинноволосые, в потертых джинсах и выдавших виды кроссовках, они выглядели, на взгляд филолога, отпетыми хулиганами. Часы на правом запястье и какие-то цепи-браслеты — на левом, на крепких шеях дамские цепочки, у обоих во рту дымится по сигарете. Здоровенные буйволы, хотя им всего по семнадцати! От таких чего хочешь ожидать можно!.. А в кармане у него, Октавиана, заветная плотенькая и увесистая плиточка!.. Чего доброго грабанут. Как это у них называется?.. А!.. Шмон сделают!

Деваться, однако, было некуда, надо пройти мимо хипповников. Октавиан напрягся, сделал на физиономии деловую мину и, чрезмерно высоко задрав патлатую голову, миновал опасную скамейку. Вслед ему доносилось:

— Щелкоперу пламенный виват! — это Лешка нагло выкрикнул.

— Раствитель детских душ! — завопил Тимур и расхохотался, довольный собственным остроумием.

Несчастный холостяк оглянулся было и даже погрозил пальцем, однако юные нахалы не только не приосмирили, но, напротив, окончательно обнаглели. Вскинув гитары как автоматы, оба юнца изо всех сил рванули струны и принялись имитировать стрельбу по живой мишени.

— Та-та-та-та-та-та-та!..

— Хулиганы! — визгливо вскрикнул Октавиан и прибавил шагу.

Юнцы в несколько прыжков догнали жертву, схватили за руки.

— Но-но! — юношеским ломающимся баском промолвил Лешка. — Легче на поворотах! Это ты нас ославил в газете хулиганами. За тридцатку опозорил. Эх, ты!.. Твое счастье, что у нас есть дичь покрупнее. Иди пока и радуйся. Хлюпик!..

Кандидат филологических наук был воинствующим безбожником, атеистом высочайшей пробы. Но сейчас он молил в душе всевышнего (которого всячески унижал и поносил на лекциях по линии общества «Знание»): «Господи, пронеси!.. Не дай свершиться святотатству, мордобоем в миру именуемому!.. О, господи!..»

К счастью, никакого криминала не последовало. Лешка сказал на прощание:

— В своих гнусных писаниях ты назвал меня поздним ребенком. Да, я поздний. А вот ты — по натуре своей — книжный вор. Брачный аферист! Лучше бы ты вообще на свет не родился!

— Да как вы смеете?.. — очень тихо произнес Октавиан, он попытался вырваться, но тщетно, и тогда заорал во все горло: — Мама-а-а-а-а!!!

Хоть бы кто откликнулся на этот вопль! Ни души в сквере.

— Гляди-ка, Леш, — удивился Тимур. — Маму вспомнил. Ладно уж, хилый отсюда, хилый к маме, маменькин сыночек. Чао!

Октавиан не помнил, как добрался до своей квартиры. В изнеможении повалился на тахту...

Разбудил его телефонный звонок.

— Октавиан Мошевич? — раздалось в трубке. — Извините за поздний звонок... Да-да, уже первый час ночи. Но дело срочное... Кто говорит?.. Это я, начальник ГАИ. Милости просим зайти к нам завтра поутру... Нет, теперь уже сегодня, да. Получите водительские права.

— Что?.. Как?.. — все еще ничего не понимая, пробормотал Окта.

— Лев Львович звонил, сообщил, что вы завтра покупаете «Жигуленка». Поздравляю от всей души.

— Да я же...

— Пустяки! — бодро перебил Октавиана гаишник. — Свои люди — сочтемся. Лев Львович все согласовал с Одилбаем-ака. А водить машину мигом научитесь. В цирке медведи даже на мотоциклах ездят, ха-ха-ха!..

Только повесил трубку — опять звонок.

— Это директор автомагазина Рахимбаев. Подошла ваша очередь на «жигуленка», ха-ха!.. Не стояли в очереди?.. Верно. Сам Одилбай-ака распорядился вас обеспечить! Заботливый человек. А вы человек заслуженный. Вам в очередях стоять недосуг. Так что часам к десяти ждем. Как говорится, мы всегда рады вас обслужить!

Вот уж действительно, жизнь полна неожиданностей.

«АНАБАСИС» АНТИГЕРОЯ

Лев Львович Век не имел причин сетовать на прожитые три десятка лет, хотя они и пролетели, как одно мгновение. Он добился того, что было целью и смыслом его жизни: стал богат, очень богат. Дом Льва Львовича представлял собой фешенебельный антикварный магазин. Цветочная клумба в саду ласкала взгляд: весной тюльпанами, фиалками и гиацинтами, осенью — астрами и хризантемами. Однако несравненно больше нежило глаза и сердце хозяина то, что хранилось в недрах веселенькой клумбы — три дюралевых фляги для молока с широкими горловинами и герметическими крышками. Две фляги были заполнены аккуратными плиточками сторублевок и пятидесятирублевок, каждая плиточка — тщательно завернута в пергаментную бумагу и, для гарантии, еще и в целлофан. Третья хранила в себе золотые и платиновые кольца, броши, кулоны, золотой песочек и самородки, бриллианты в два, три и более карат и камешки подешевле — рубины, сапфиры, изумруды...

Сорок заготхлопкопунктов, подчиненных Льву Львовичу, регулярно доставляли ему «ясак» по установленной таксе — десять тысяч рублей в год. За эти дружеские подношения глава хлопкозаготовительной конторы Якшичульской области закрывал глаза на повышенную влажность хлопка, на засоренность, пересортицу и другие «пустяки», неизбежные во всяком большом деле.

Директора хлопкозаводов также «оказывали уважение» Льву Львовичу, поскольку он не замечал, что на ткацкие фабрики вместе с хлопковым волокном отправлялся и линт. А как уж там, на фабриках, выходили из положения, — это Льва Львовича Века не касалось. Можно было лишь догадываться. Будь хоть семь пядей

во лбу у директоров ткацких фабрик, а все равно из воздуха ни ситчика, ни сатина не изловишь. Выход один — нарушение госстандарта. Получается ткань пожиже, не такая прочная, а на вид и не разберешь! Да еще есть ткани технические, для которых и линт идет в дело, — можно прибавить сверхнормативного линта вместо хлопкового волокна...

Сказать по правде, Лев Львович не ожидал, что его честолюбивое начинание вызовет столь разительные результаты. Поначалу потомок взяточников и казнокрадов полагал, что способы обогащения будут носить локальный характер. Ну, фиктивно расцветет «липовый» передовой и образцовый колхоз «Рассвет». Ну, затем станет он, Век, директором хлопкозавода. Еще пробежит годок-другой, — выпихнет он старика Гроднича из кресла областного начальника, ведающего хлопкозаготовками. Все это Лев Львович мыслил как мероприятия кейные, с участием лишь избранных людей, элиты.

Теперь же Лев Львович и сам был несколько обеспокоен тем, что вышло на деле. Соседние колхозы не замедлили перенять «передовой опыт» «Рассвета» — на их землях также стали вдруг приключаться разные стихийные бедствия: градобития, наводнения и даже оползни! Заведующим заготхлоппунктов приходилось изыскивать средства, чтобы уплатить «ясак», и они начали «химичить». Аппетит, как известно, приходит во время еды. Кое-кто даже стал зарываться. А не так давно удалось, например, потушить дело зава заготпунктом Бештепинского хлопкоочистительного завода, некоего Муллаева. Наглец до того вошел во вкус, что приписал колхозу «Илгорчи» тысячу тонн якобы сданного хлопка!.. Получил за это взятку двести пятьдесят тысяч рублей! Вот аппетит!

Раису «Илгорчи» и его приближенным выгодно давать такие бешеные взятки! На стоимости хлопка якобы сданного, на премиальных они вдвое, втрое с государства сорвут. И еще слава, почет!.. Награды.

За последние двадцать лет Якшичульская область не сходит со страниц газет и экранов телевизоров. Она прочно удерживает первое место по урожайности. Цифры «липовые», разумеется. Однако особенно тревожиться нет оснований. Система подстраховки отлажена надежно. Одилбай, фактический хозяин, расставил всюду своих людей. Сам первый секретарь обкома Назимов ему в рот смотрит. В судах, в прокуратуре, контролирую-

ющих органах тоже свои кадры. Начальник областного управления милиции Хамдамов прямо-таки молится на Одилбая. Еще бы! По совету его, Льва Львовича, раис «Рассвета» выделил из своего «загашника» землю под тайные посеы. Надежные люди выращивают опиумный мак. Есть и свои продавцы опиума. И оптовых покупателей хватает. Половина доходов с этого бизнеса — в карман Хамдамова. Другую половину Одилбай загребаёт. Но Хамдамов ухитряется два «урожая» снимать. Постоянных оптовиков он не трогает. А вот случайных дельцов искусно «доит».

Приедет такой охотник, прослышав о поживе, выложит тысячи три — четыре за товар, садится в свою машину и до дому, до хаты. Ликует дурулом, в уме прикидывает жирный «навар»... А тут, откуда ни возьмись, гаишник с жезлом. Останавливает машину. Обыск!.. Ага, отраву везешь! Опиум для народа!.. А ну, в милицию!

Хамдамов до разговора с такими лопухами не снисходит. На то особые люди имеются. Разговор в милиции складывается так:

— Пойман с поличным?.. Пойман! Получай на всю железку!..

Кустарь-бизнесмен, понятное дело, в ножки падает, умоляет отпустить, оставшиеся свои тысячи выкладывает, мол, возьмите, все возьмите. Только отпустите душу на покаяние!

А дальше все по сценарию. Сперва следователь (верный человек Хамдамова) изображает на лице своем возмущение. Затем представляется таким святым Антонием, искушаемым сатаной. И наконец, помягчав сердцем, говорит:

— Ладно, так и быть. Не тебя — детишек твоих, жену жалею. И деньги мне твои не нужны. Пиши заявление, что добровольно сдаешь несправедные тысячи на строительство детского дома в городе Байрамкенте.

Ему, Льву Львовичу, и с этой «операции» доля от Хамдамова. Ведь это он, Шербек, придумал «систему круговращения товара». Вспомнил рассказ отца своего, покойного Льва Аристарховича. Обучая сына-подростка умению жить на белом свете, родитель описал и такой удивительный психологический этюд. Незадолго до империалистической войны побывал надворный советник на знаменитой Нижегородской ярмарке. Насмотрелся там всяких чудес: аршинных стерлядей и полутораса-

женных осетров, действующий искровой телеграф видел, знаменитых клоунов «Бим-Бом»... Забрел в ряды балаганов. И вот, видит, раусный, то есть зазывала одного балаганчика, орет громовым басом: «Спешите видеть Тайну Тайн!.. Почтенные господа публика, всего гривенник! Всякий, кто увидит нечто таинственное, никогда не откроет тайны даже супруге, другу закадычному!.. Спешите видеть, всего гривенник!..»

Соблазнился Лев Аристархович, купил билет. Встал в длинную очередь таких же, как он, любопытных. Наконец вошел в балаган и очутился в мрачной комнатухе. В полутьме — громадный мужик с бородищей до пояса. Мужик ухмыльнулся и сграбастал надворного советника за грудки, притянул к себе и, обдавая одуряющим сивушным перегаром, тихо пророкотал: «Ну, что, зас... ц, хороша наша тайна, а-сь? — и, отвесив посетителю увесистый подзатыльник, схватил за нос и выволок в другую комнатку-клетушку. — Теперча валяй отседова. А жалиться будешь, так никому не докажешь. Свидетелев нету. Да и стыд тебе будет один. Так что иди и другим рассказывай, как тут антиресно!»

И что же? Вышел Лев Аристархович из балагана взъерошенный, свирепый. Тут же любопытные его окружили: «Ну что?.. Как там?.. Что видели?..» Помолчал-помолчал надворный советник, а затем молвил: «Да, действительно, великая тайна. Идите и сами посмотрите!»

И хоть бы кто решился разоблачить мошенников! Сам полицмейстер посетил таинственный балаган и тоже не выдал тайны. Однако с полицмейстером, надо полагать, аферисты договорились полюбовно, за солидную мзду. Слух распространился, будто сам нижегородский губернатор вознамерился побывать в необыкновенном балагане. Но не успел. Мошенники ночью смотали удочки и укатили неизвестно куда.

Этот психологический опыт и вспомнил Лев Львович, а Хамдамов ухватился за него, приняв в долю Века. Как и посетители Нижегородской ярмарки, кустари-бизнесмены, охотники до легкой поживы, тоже были немые, как рыбы. Ход рассуждений их прост: «Ах, мы фраернулись, обчистили нас до нитки!.. Так пусть и другие фраерятся!»

И поэтому «система круговращения товара» действовала бесперебойно.

И все же Лев Львович, богач, миллионер, второй

человек в области, не был счастлив. Более того, ему плохо спалось, а когда он оставался в одиночестве, его посещали нехорошие мысли. И с чего бы?.. Одилбай и он, Век, держали в руках, в страхе божьем весь яшчичульский оазис. Однако настораживало Льва Львовича то, что Одилбай, почувствовав надежную поддержку Самого Узлары, окончательно распоясался. Год назад занял специально для него созданный важный пост, — стал генеральным директором Хопмайлинского аграрно-промышленного объединения (РАПО), и теперь носил негласный, разумеется, грозный титул — Рапохан. Его даже и в глаза так величали, и Одилбай не сверкал грозными своими очами, — даже гордился.

Особенно смутил Льва Львовича прошлогодний случай. Новый второй секретарь обкома оказался человеком с характером старика Гроднича. Стал ездить по колхозам, заводам, хлопкопунктам, расспрашивать, выведывать. И затем явился к Анвару Назимову, первому секретарю. Так, мол, и так, обнаружил очковтирательство, страшные приписки, скрытые посеы, многочисленные случаи взяточничества и так далее и тому подобное!..

Глупец! Кому он все это говорил!!!

Первый, конечно же, поблагодарил, и тут же кинулся к Рапохану. Перепугался, естественно, спрашивает: «Что делать будем?» — «Как что? — удивляется Рапохан. — Новый человек, подключить следует. Не обеднеем». — «Этот не возьмет, — отвечает первый, отирая платком вспотевшую шею. — Ненормальный какой-то. Давал ему особняк, — не берет. Мне, отвечает, и трех комнат в новом жилом доме за глаза и за уши. Дочка в Ташкенте, у бабушки. Через два года ей в институт поступать. Незачем ее со школы срывать. А нам с женой зачем домйно?» — «Молодой еще, — усмехается Рапохан, — Обгешем, пойдет по борозде. Не таких обламывали». — «Нет, этот неуправляемый. С заскоком. В район приезжает — в столовке обедает, в общем зале. Если кто от всей души, от всего сердца поужинать предлагает, так ужас как свирепеет, чуть ли не кулаком тычет под нос. Ну прямо-таки вылитый Гроднич. — Назимов утер платком покрывшееся крупными каплями лицо. — Я во времена Гроднича хлопкопунктом заведовал. Так, бывало, приедет Григорий Фомич, нашумит за беспорядки, а за дастархан чтобы сесть, так это ни-ни!.. Однажды я ему прямо домой ящик гранатов послал и

дюжину дынь. Что было!.. Так наорал на моего экспедитора, что тот с испуга заикаться было начал. Потом, правда, отошел...»

«Гроднича давно нет, чего о нем вспоминать? — буркнул Рапо-хан. — Гродничн, как мамонты, вымерли. А этот твой... Новый... Как его?..» — «Алимджан Алимов». — «Не может быть, чтобы не брал. Нет такого нормального человека на свете. Если ему кило два предложить, а?» — «Два кило? — не понял Назимов. — Чего — два кило?»

Одилбай расхохотался. Смех его был похож на хриплый лай.

— «Два кило сторублевок — чего еще!»

«Два кило! — ахнул Назимов. — Это же ого-го!.. А где взять?»

«Где взять — твоя забота. Под твоим началом вон сколько бездельников пасется. Сам тоже можешь в долю войти, не обеднеешь».

Тут в разговор вмешался молчавший Лев-Шербек. Он понимал, что приглашение «войти в долю» — это и ему приказ. Что касается Одилбая Рапо-хана, то скаредный и в прошлом, он чем больше богател, тем ярче разгорался в нем всепожирающий пламень стяжательства. Теперь это был гоголевский Плюшкин, возведенный в несколько степеней. Праздники-то он, как правило, устраивал за счет своих бесчисленных прихлебателей даже самых высоких рангов. Век тоже нес эту неприятную повинность. Что делать? Положение обязывало. Но в данном случае Рапо-хан бухнул лишнего на счет «двух кило». С ним такое случается. Вообразил себя чуть ли не господом богом, заместником аллаха на земле. И поэтому Лев-Шербек сказал, почтительно поклонившись Одилбаю:

«Не будем торопиться, уважаемый Рапо-хан. Ибо сказано: «Торопливость сродни безрассудству, безрассудство — родная сестра сумасшествию». Я тоже зондировал почву. Этот, как его... Алимов... Он настоящий джинны... Юродивый, блаженненький. Москва нам его рекомендовала. Разумеется, мы уважаем мнение Москвы. Мы же должны и доказать Москве, что произошла ошибка, что Алимов не оправдал доверия».

«Что болтаешь, а? — прохрипел Одилбай и сверкнул своими гипнотическими глазищами. — Два кило кто не возьмет?!»

«Алимов не возьмет, — твердо отвечал Век. — Я его щупал. Однако есть у него все же слабинка...»

«Какая?!» — разом воскликнули Хамдамов и Рапохан.

«Страстный охотник. Я предлагал ему одно из своих лучших ружей. Пятизарядный винчестер. Мечта-ружьецо. Сказал, что могу продать по дешевке. Самому ружью, мол, досталось почти даром. Потому даже и подарить хорошему человеку не жалко».

«И что?» — опять в унисон выдохнули оба слушателя.

«Отказался. Я, говорит, больших денег, чтобы драгоценные ружья покупать, не имею. А приобретать вещь заведомо по дешевке не в моих правилах. У него, видите ли, правила! А посему предлагаю его обмазать в дерьме и в таком виде представить, кому следует».

Оба слушателя Века поняли его предложение буквально.

«Это еще зачем пачкаться?»

«Детская забава!»

Лев-Шербек заливисто расхохотался.

«Милые вы мои!.. Я тоже не хочу пачкаться. Его надобно запачкать взяткой. Пригласим на охоту. От этого он ни в жизнь не откажется. А там, на приволье, сыграем со строптивцем одну штучку...»

Лев Львович интригуяще помолчал, испытывая терпение секретаря и Рапохана, а затем не спеша изложил свой план. Назимов и Одилбай пришли в восторг.

«Ну и голова у тебя, Шербекджан! — восхитился Парпиев. — Сам аллах подарил тебя нам».

Толстяк Назимов, все еще утираясь платком, тоже возликовал.

«Теперь мы приструним умника!.. Только вот этот самый... Насрулло... Не откажется в последний момент?»

«Не посмеет, — усмехнулся Лев-Шербек, на миг показав свои, теперь искусственные, но крепкие волчьи клыки. — Этот зав хлопкопунктом мой человек, пес мой. Я все его дела знаю. В случае чего — минимум десять лет ему обломится. А то можно и без суда. Одилбай-ака, найдется у вас свободное местечко в Кора-тепа?»

«В Кора-тепа места много. А то можно и вообще убрать», — угрюмо пробурчал Рапохан.

...Обо всем этом и вспоминал воскресным днем Лев

Львович Век. Теплый день угасал, багровое солнце, огромное и величавое, клонилось к закату. Шербек лежал на широкой тахте, в своем саду, любовался великолепной клумбой и, попивая чаек с коньяком, предавался размышлениям.

Да, ловко тогда вышло со вторым секретарем. Он, Лев Львович, Рапо-хан, Назимов, начальник милиции Хамдамов и их жертва, Алимджан Алимов, отправились к озеру Ширин-куль. Поохотились на славу. Алимов, правда, все время пытался завести разговор на служебные темы, но Рапо-хан оборвал.

— Все работа, работа!.. Еще успеем поругаться.

— Точно, — азартно произнес Алимов. — С вами, Одилбай, в первую очередь буду ругаться. Дошло до меня...

— Дошло до меня, о великий царь! — шутливо перебил Алимова Лев Львович. — Прямо как в «Тысяче и одной ночи». Сказано ведь: ругаться будем в рабочее время. А сейчас отдых... Дам олыш куны. Ясно?

— Все это верно, — не унимался Алимов, — но... Может быть, Одилбай-ака не знает, что в его РАПО...

— Хватит! — тихо и жестко перебил Парпиев и так тяжело глянул на второго секретаря, что тот умолк.

На обратном пути все прошло по сценарию Шербека. В полукилометре от Ширинкульского загохлопункта «сломалась» машина первого секретаря. Решили переночевать у заведующего пунктом Насрулло. Откуда ни возьмись появился и сам Насрулло, тридцатилетний малый с ласковыми масляными глазами. Он тут же захлопотал вокруг высоких гостей. Устроил на отдых, запахло пловом, шашлыком... И тут уж Алимову деваться было некуда. Не станешь же фрондировать, отказываться от угощения, когда остальные товарищи, в том числе и первый секретарь, приняли приглашение. Пришлось даже выпить пару рюмок коньяку.

Пужинав, легли спать.

На заре Алимова разбудил незнакомец, который представился сотрудником ОБХСС капитаном Бойко. Тут же, рядом с капитаном, переминались двое понятых — сторож хлоппункта и его жена. Позади них виднелись Одилбай, Век и Назимов.

— Гражданин Алимов Алимджан Алимович? — спросил капитан.

— А?.. Что?..

— Вы Алимов?

— Да.

— Прошу подойти ближе, — капитан подозвал понятых. Те приблизились.

— Что у вас в ягдташе, гражданин Алимов?

— Ни-ни... чего!

Алимов сказал правду. Пару уток, которых он подстрелил, изжарили на охоте.

— Значит, ничего? — в голосе капитана звучало торжество.

— Да что вы, в самом деле! — вспыхнул Алимов.

— Спокойно, гражданин.

У Алимова екнуло сердце. «Гражданин!» Это такое знакомое, прекрасное и некогда святое слово почему-то стало символом жутковатым и грозным. Теперь никто не скажет: «Гражданин, как пройти на вокзал?» или: «Простите, я толкнул вас нечаянно, гражданка!» Нынче и «товарищ» не в большом ходу. Все больше проявляемся странными обращениями-кличками: «Мужик», «Женщина», и «Эй, ты!», «чувак» и так далее. А «гражданин» — это когда тебе грозят неприятности. «Гражданин, с вас штраф!», «Гражданин, пройдемте!»

Вот почему и екнуло сердце Алимова, в предчувствии беды.

И оно не ошиблось.

Капитан Бойко расстегнул ягдташ Алимова и вынул из него бумажный сверток. Развернул бумагу и... У Алимова потемнело в глазах. Он увидел толстую пачку денег!

— Вы, гражданин Алимов, — торжественно произнес капитан Бойко, — обвиняетесь в вымогательстве и получении взятки в размере десять тысяч рублей. Понятых прошу пересчитать деньги.

— Это... Это... — задыхаясь, еле вымолвил Алимов. — Провокация.

— Деньги, гражданин Алимов, хотя и не пахнут, однако номера всех купюр переписаны, о чем и составлен надлежащий акт. Вы вымогали взятку у заведующего заготхлопкопунктом Насрулло Гулямова, обещая за это свое покровительство и защиту от обвинений в приемке хлопка-сырца недопустимой влажности.

— Негодяй!.. — вырвалось у Алимова. Голова у него шла кругом.

— Рекомендую воздержаться от оскорблений. Насрулло Гулямов честно признался в своих служебных злоупотреблениях. Но он также честно помог уличить

во взяточничестве преступника... Уведите арестованного!

Тут же появились два милиционера. Щелкнули наручники.

Когда Алимова сажали в милицейскую машину, Рапо-хан бросил ему вслед:

— Позор!.. Стыд! А еще хотел ругаться со мною. Мальчишка!

Все дальше прошло по сценарию Века без сучка и задоринки. В качестве доказательств были представлены: написанное задним числом заявление Насрулло Гулямова о вымогательстве у него взятки в размере десяти тысяч рублей Алимджаном Алимовым; фиктивный акт, подписанный сержантом милиции Ершовым и младшим сержантом Акиловым о том, что они лично присутствовали при переписи номеров денежных купюр, предназначавшихся для взятки, лично видели, как Насрулло Гулямов вошел в комнату к гражданину Алимову, — в отверстие в стене наблюдали факт вручения взятки Алимову... и т. д. В чем собственноручно и подписываются.

Поскольку дело заведено на человека, занимающего большой пост, в Байрамкент примчался следователь по особо важным делам прокуратуры республики Талипбаев. Энергичный прокурорский работник с рвением взялся за разоблачение взяточника, бросившего тень... и прочая. И долго, очень долго, никому не ведомо было, что грозный и неприступный на вид следователь Талипбаев был также орудием в руках Рапо-хана, игрушкой, марионеткой.

Зато в Байрамкенте муссировались слухи о том, будто Узлары, узнав о позорном преступлении Алимджана Алимова, сказал:

— Пусть даже это был бы мой родной брат, мой отец, — он все равно понес бы суровое наказание. Взяточников надо карать беспощадно!

...Лев Львович мысленно даже пожалел Алимова. Но что поделаешь? Если его не обезвредить, то кто знает, каких бы дров не наломал этот юродивый! И так хлопот за глаза и за уши. Две фляги с сотенными и пятидесятирублевками даже по ночам снятся. Бумага — она и есть бумага, пусть даже с водяными знаками. Вдруг опять — денежная реформа?!. Надо бумажки обратить в ценности. А где их достать? И так уже из сил выбился, заполняя третью флягу золотом и «камешками». Раздобыл пять кило золотого песочка с Магаданского

Эльдорадо. Есть там городишко Сусуман, куда стекается «левое» золото с золотых приисков и старательских участков. Как-то приехал оттуда некто Баблоевым себя назвавший. А впрочем, черт его знает, может, он и не Баблоев вовсе! Морда уголовная. И шкуродер. Продал ему, Веку, пять кило песку и самородков по немислимой цене — девять тысяч рубликов за килограмм!.. Грабитель. А ничего не поделаешь, пришлось уплатить. Золото есть золото, оно всегда в цене. Это там, на Западе, цены на золото то падают, то повышаются. А здесь цена твердо держится. Одного гнусного старца чуть ли не на коленях умолять пришлось, чтобы уступил, подлюга, две дюжины золотых царских десятков по триста пятьдесят рублей за штуку!

А этот... Баблоевым себя называвший, исчез куда-то!.. Может, зацапали?!

От этой мысли Шербека бросило в жар. Он поднялся с тахты и стал прогуливаться по саду. Это был довольно большой участок, ухоженный по всем правилам восточного ботанического искусства. Все тут произрастало прекрасно, приятное не только для глаза, но и для желудка. Весной сад заполнялся одуряющим ароматом сирени и липы, наряжался в бело-розовый наряд цветущих урючин, персиков, яблонь, на небольшом участке земли виднелись громадные кроваво-красные капли клубники... Летом, до поздней осени, парк благоухал розами. Осенью, на центральной клумбе, хранящей сокровища своего хозяина, цвели, источая печальный запах, астры, хризантемы, георгины... Несколько развесистых орешин придавали саду монументальность. И наконец украшение этого рукотворного эдема — старая чинара, растущая здесь с незапамятных времен. Возле нее облицованный розовым мрамором хауз-бассейн и большая квадратная супа, устланная ковром, на которой так удобно и привольно принимать нужных гостей. Сад по легкому уклону сбегал к широкому и глубокому каналу, несущему желтоватую воду, — так что у Льва Львовича имелся и собственный пляжик.

Погуляв немного, Лев Львович успокоился... Этот... Баблоев который... Если даже и попался, все равно не выдаст. Смысла нет лишнего на себя брать. Это раз. И он предупрежден. Если хоть пикнет, — он, Баблоев, и в Магадане не укроется. Найдут! Для убедительности Век показал «золотоноше» своих соседей. Слева и справа от особняка Века стояли дома двух братьев,

Хасана и Хусана Назарматовых, здоровенных верзил. Их Веку, как-то в порыве великодушия, подарил Одилбай Парпиев вместе с женами и детишками. До того как стать собственностью Льва Львовича, братья-близнецы работали кетменщиками в колхозе «Рассвет», выполняли разные поручения. Но после того, как в Байрамкенте участились случаи квартирных ограблений, Одилбай решил позаботиться о личной безопасности своего «начальника штаба». Особенное впечатление произвело на подпольных миллионеров зверское ограбление директора коопторга Рахимова. Он заправлял почти сотней мясных торговых точек. С каждой ежедневно взимал по два червонца и жил себе тихо и мирно, никого не обижая. Но приехали какие-то грабители — «гастролеры», вломились ночью в дом Рахимова, связали его и жену и стали требовать спрятанные накопления. Рахимов принялся было плакаться, мол, он скромный труженик, зарплата его сто пятьдесят... Тогда изверги включили электроутюг и подвергли страдальца пытке раскаленным утюгом. Мясоторговец оказался молодчиной, не выдал тайны, однако его жена не вынесла мучений...

С тяжелыми ожогами Рахимов и его слабовольная жена были доставлены в больницу. А преступники скрылись. Были они в масках из женских капроновых чулок, в перчатках, залили следы свои какой-то вонючей дрянью, и как в воду канули.

После этого нашумевшего случая Одилбай и сказал Шербеку:

— Охрану тебе надо. Бери Хасана и Хусана. Дарю.

За счет колхоза «Рассвет» близнецам возвели два небольших домика. Обоих устроили во вневедомственную охрану. Но они там только числились. Охраняли они Шербек. Добросовестно охраняли. И еще выполняли обязанности садовников. Между особняком Века и их домиками действовала сигнализация и поддерживалась радиосвязь с помощью крохотных раций-портативок фирмы «Филипс». Так что личная безопасность «начальника штаба» теперь была надежно гарантирована. Однако не было все же личного спокойствия, душевного равновесия.

Как все, оказывается, в мире взаимосвязанно. Кажалось бы, какое кому дело до того, что Лев Львович Век устраивает свое личное благополучие?.. Ан нет! Есть, оказывается, дело. Как-то все стихийно вышло.

Постепенно, незаметно для глаз занялись устройством своего личного преуспевания и многие другие люди, никакого вроде бы отношения к заготовкам хлопка не имеющие. К примеру, директор «Автосервиса» Виталий Глебович Пеньков. Приехал откуда-то из Рязани, — где в свое время лихо «перегнали» Соединенные Штаты по мясу и молоку. Может, он уже там научился «химичить»?.. Ведь как развернулся! А директор треста столовых и ресторанов Наполеон Гамлетович Бурьян!.. Феномен какой-то. Нахально, не стесняясь руководящих товарищей, в Москву завтракать с нужными людьми летает. В известной гостинице, где и интуристам не всегда просто обеспечить номер, у него постоянные апартаменты!.. Надо бы таких зарвавшихся типов приструнить. Говорил Одилбаю, а он вроде не слышит. Совсем возомнил о себе. Нынче ему море по колено. Ничего не боится. Живет за Узлары, как за каменной стеной. Щит, конечно, непробиваемый, кто спорит. Но все же нехорошо очень уж зарываться.

А Одилбай словно с цепи сорвался. Завел себе нечто вроде княжеской дружины. Шпионы у него свои. Даже вон зиндон построил, тюрьму в Кора-тепа. Ишь, как гордо отвечал, когда я ему просто так, в шутку, о Кора-тепа напомнил. Он, видите ли, не только может упечь в зиндон Насрулло, ежели тот откажется оговорить Алимова. Ему ничего не стоит и вовсе ликвидировать упряма. И это не пустые слова. Были уже случаи, исчезали бесследно люди. А в милицейской газете «На посту» печатались фотографии исчезнувших и краткие сведения о них под стандартным заголовком «Ушел и не вернулся». Еще когда я замом был у Одилбая, сколько шептались по поводу исчезновения Турабека Юлдашева. Фронтвик, израненный солдат, все грозился на людях, в чайхане, что пойдет в область и расскажет о бесчинствах раиса, чтобы его, Одилбая, примерно наказали. И однажды нацепил на халат два ордена «Славы», отправился.

До сих пор идет!..

Так и сгинул.

И все же надо как-то умерить властолюбие Одилбая. Вскорости семьдесят пять Рапо-хану стукнет. Пора и остепениться. Просто поразительно, какого стального закала старик. Никакая хворь его не берет. Верхом ездит. До сих пор даже прекрасными «пери» интересуется. Женьшеневую настойку пьет уже лет тридцать.

Видимо, и в самом деле чудодейственный корень. Глазищи у Одилбая до сих пор, как у молодого, пылают зловещим огнем. Тощий, жилистый, сам на женьшень похожий.

А я!.. Лев Львович вздохнул и направился в дом. Подошел к огромному трельяжу из карельской березы. Поглядел на себя в зеркалА. В профиль, анфас... М-да... Побила тебя жизнь, Лева. Физиономия бледная, с прозеленью. Морщины какие-то толстые, некрасивые. Есть морщины, украшающие лицо мужчины — резкие, глубокие, свидетельствующие об уме, боевом прошлом... А эти словно кто нарисовал фломастером. Нос, и без того птичий, совсем на клюв стал похож. Глаза, честно говоря, всегда мне самому не нравились. Слишком уж светлые, в белесых ресничках, на веках красноватая окантовочка. Но все-таки это были ничего себе глаза. А сейчас яркость утратили, с мутнинкой какой-то. Лысины, к счастью, еще нету. Но рыжеватая шевелюра стала довольно странной, словно прополз ее кто-то... Время и проползло. Реденькая растительность, такую и шевелюрой теперь не назовешь.

И куда девалась былая поджарость?.. Живот выпирает, даже в халате видно живот. Появилась сутулость. Ногами шаркать стал. А ты на что рассчитывал? Двести лет прихватить?.. Через три года шестьдесят годочков шархнет. К пенсии дело близится!

Ох, к пенсии! — вздохнул Лев Львович. И тут же — другая, острая как бритва, мысль полоснула: — Скорей бы пенсия! Пора, давно пора удалиться от дел. Уехать куда-нибудь в Прибалтику, купить хороший особнячок на берегу Рижского залива и зажить персональным пенсионером республиканского значения!.. Сколько можно разгуливать по лезвию бритвы?.. Хотя, вроде бы особого риска нет. Рапо-хан, Узлары — они глыбищи, никакой комиссии их не своротить. Прикатил в позапрошлом году важный расследователь из Москвы. Копытами бьет, из ноздрей дым! У него, видите ли, сигналы, он наведет порядок!.. А чем кончилось?

Налетел на «Волгу» расследователя громадный самосвал с пьяным водителем за рулем. То, что шофер крепко наподдатый был, следствие установило. Нашлись люди, рассказывавшие, с кем пил преступник, сколько и чего вылакал перед ездкой. А сам преступник исчез. И кто он — так и не удалось установить. Практически невозможно выяснить личность того преступ-

ника. Да, пили с ним. Но пили, не знакомясь. Трижды на троих. Какой из себя? А аллах его ведаёт! Не молодой и не старый. Небритьё. На левой щеке родимое пятно темно-коричневого цвета величиной с пятак. Некогда знакомиться и выяснять, кто есть кто, когда пьют на троих. А что, нельзя пить?

Косвенно виноватого все же нашли — сторожа автотранспорта, откуда был угнан самосвал. Влепили ротозею два года. За примерное поведение скостили сторожу год. Сейчас живет в свое удовольствие. Новый дом себе построил, «Москвича» купил. И опять работает на старом месте. Уважаемый человек, за чужие грехи пострадал.

Планируя операцию «Самосвал», Лев Львович ловко придумал насчет родимого пятна. «Бичу», согласившемуся за «десятку» прокатиться на самосвале, специально наклеили родимое пятно величиной с пятак. Чтобы приметен был. И по сей день уголовный розыск хватает людей с похожими родимыми пятнами. Усердный народ! Начальник ОУВД Хамдамов дело свое знает.

Лев Львович перешел в столовую, отделанную в средневековом стиле, с дубовыми панелями, оленьими рогами и кабаньими клыкастыми мордами. Опустился в старинное, похожее на готический собор, кресло, которое охраняло чучело громадного медведя с палицей в передних лапах. В просторном особняке царилась могильная тишина. Лишь изредка доносились какие-то невнятные звуки, похожие на детские стоны. Лев Львович поморщился. Это его Голгофа, наказание господне — жена, Светлана Максимовна. Вот уже восьмой год стонет. Болезнь страшная — рассеянный склероз. Никаких надежд на выздоровление. Только себя и других мучает!

А ведь когда Лева женился на Светочке, была генеральская дочка просто куколкой. Голубые, небесно голубые глазки, губки — вишенки, на щечках розы цвели. Фигурка заглядение. Правда, и тогда она особым умом не отличалась, в покойную мамашу уродилась. Впрочем, ум женщинам без надобности. От большого ума одни лишь хлопоты и несчастья. Сказано же Екклесиастом: «Во многотрудности много печали: и кто умножает познания, умножает скорбь». К примеру, сын Максим...

При имени этом Лев Львович помрачнел. Подошел к громадному, почти во всю стену, буфету, украшенно-

му барельефами с изображениями химер, других мифических страшилищ, вынул бутылку водки, налил в большую стопку и выпил залпом, не закусывая. Вновь опустился в кресло.

Максим!.. Ну, жена больна — ладно. На то воля всевышнего. И в общем можно терпеть. Для тела и души у него, Льва Львовича, есть пассия. Сорокалетняя незамужняя хохотушка. Залезалась в девках, и потому, видимо, наверстывает упущенное. Тоже блондиночка, не читавшая, видимо, известного стихотворения Пушкина «Нет, я не дорожу...» Ибо ведет себя в известных обстоятельствах как самая заправская жгучая брюнетка — экстрасекс. Иной раз жутковато становится. Не по возрасту уже такие бешеные игры. Приходится даже закрывать глаза на сторонние шалости современной Мессалины. Ходит к ней «друг детства», отставной баскетболист, дылда ростом с железнодорожный семафор. Жрет икру и семгу, лакает редкостные коньяки, доставляемые им, Львом Львовичем, бешеной блондинке. Да что там... Содержать приходится и ее, и дылду.

Лев Львович проникся к себе острой жалостью. Как все-таки жизнь устроена! Ну все, буквально все у него есть. А счастья нету. И нету душевного покоя. Все время в напряжении. Последнее время старик Гроднич повалился являться во сне. Ничего не говорит. Стоит — высокий, серебряная волнистая шевелюра, глаза печальные. Постоит так, постоит, вздохнет, как бы его, Льва Львовича, жалея, и исчезает.

Этого еще не хватало! Давно уже угасли слухи, гулявшие довольно долго по Байрамкенту, будто бы Лев Век довел своего шефа до инфаркта, умертвил его. Чуть какая!.. Гроднич среднестатистическую норму преодолел, значит, чужой жизни даже прихватил. Каких-то двух — трех недель не дотянул до семидесяти! Мне бы столько протянуть...

Но тут кольнула ошеломительная мысль. В самое сердце кольнула. Мне пятьдесят семь. До семидесяти осталось тринадцать лет. Всего тринадцать!.. О господи! Как мало. Это в детстве я ждал — не мог дождаться, когда мне исполнится тринадцать лет. В детстве время движется воловьим шагом, иной раз казалось, что и не движется вовсе. А потом — все быстрее, быстрее... Сейчас оно мчится, как оторвавшийся от железнодорожного состава вагон — под уклон... Частоколом мелькают телеграфные столбы..., пролетают железнодорожные стан-

ции — домики, вокзал, домики, кладбище... Домики, вокзал, домики, кладбище!.. Конспекты человеческих жизней. Вот уже виден впереди тупик!.. Сейчас удар — кончится бешеный бег неизвестно куда и зачем!.. Бег превратится в Ничто!

Лев Львович быстро подошел к храму-буфету, выпил еще водки и, добравшись до своей спальни, бросился на гигантскую кровать, в которой некогда, по преданиям, предавался неге с фрейлиной сам Александр Благословенный.

Почему?.. Ну почему я такой несчастный?! Я не изведаль любви, о которой написаны эвересты книг в стихах и прозе. А остается всего тринадцать лет!.. А может, и меньше? Этот, как его?.. Сципион Авария, продавший мне перстень с бриллиантом в семь карат, великолепный камень голубой воды!.. Сципион, обмытая покупку мою, произнес тост: «Так выпьем же, дорогой Лев Львович, за главную и бесценную драгоценность — доброе здоровье ваше. А все остальное мы можем купить за деньги... Ха-ха-ха!»

Льва-Шербека тогда восхитил тост. Но сейчас он вдруг понял, что тост лжив. Многие чего нельзя купить за деньги. Подлинную дружбу, например, чистую совесть, самоуважение... И невозможно купить за деньги любовь. Правда, меня полюбила Светлана. Искренне, бескорыстно. Я тогда был беден, нищ даже, пожалуй. Но ведь я-то ее никогда не любил. Женился по расчету, и в этом смысле не прогадал. Но того, о чем читал в книгах, никогда не испытывал. Пока был жив тесть-генерал, приходилось выполнять супружеские обязанности... Фу, какое гнусное выражение — супружеские обязанности. Принудилочка! Отправление физиологических функций!.. В дрожь даже бросает.

А как помер тесть, так и со Светланой стало происходить непонятное. Вдруг открылся у нее рассеянный склероз, болезнь тяжкая и, как говорят врачи, неизлечимая. За что только такое наказание, господи! Всю жизнь жила, забот не ведая. Разве что, когда скрывалась с матерью в белорусской деревушке от немцев. Ну мать померла. Дело житейское. И на тебе! Целыми днями лежит и стонет по-щенячьи! И лысина у нее образовалась на макушке, как у мужчины. Величиной в розетку для варенья. Правда, она скрывает лысину под волосистой накладкой, но ведь все равно неприятно, коли знаешь, что под накладкой лысина, плешь... черт

знает как эта пакость называется!.. Желтоватая, как у покойника, с темными пигментными пятнами. Брр!

Где она — любовь? Где?! Блондинка со жгуче-брюнетистым темпераментом?.. Шлюха она, вот кто. Повадилась меня папочкой называть в самые неподходящие минуты. Папочка!.. Семнадцать лет всего-то и разницы... Семнадцать!.. А осталось тринадцать... А может быть, и еще меньше?

Долго лежал Лев Львович, уткнувшись лицом в подушки. Все ждал, когда наступит успокоение. Но оно не приходило. Тогда Век поднялся с постели, накапал себе валерьянки. Вновь сел на кровать. С пола на него скалил клыки и слепо смотрел белый медведь, распластавшись по полу вместо ковра. Восемь тысяч такой «коврик» обошелся!.. Старинный бронзовый светильник, искусно переделанный на электрический... Тоже влетел в копеечку! Куда ни глянь — всюду уникальные вещи, редкости, уникамы... А счастья нету!.. Шлюха папочкой называет. А родной сын от родного отца отказался. Не признает, подлец!

В деда своего пошел, в генерала. Тринадцати лет приехал в Байрамкент на каникулы, а через неделю задал вопрос: «А какая у тебя зарплата, папа, сколько платят тебе?» Не подозревая подвоха, ответил: «Двести рублей». Стоит, сопит, смотрит исподлобья. Затем сорвался с места и убежал. А через два месяца из управления учебных заведений Министерства Обороны прибыла бумага: ученик шестого класса такой-то школы Максим Век ходатайствует о зачислении его, как внука ветерана Великой Отечественной войны, в одно из Суворовских училищ, так как желает продолжить традиции семейства деда-воина и стать профессиональным военным. Чтобы положительно решить ходатайство несовершеннолетнего Века М. Л., необходимо письменное согласие его родителей.

И что же? Пришлось дать согласие. Светлана, конечно, в рев ударилась. А делать нечего. Максим смотрел на родителя сине-стальными дедовскими глазами недобро, угрюмо молчал. А под конец душевительной проповеди Льва Львовича сказал, как молотом по голове огрел: «Не отпустите — мне жизнь испортите. Но и я тогда вам крепко жизнь подпорчу. И сейчас бы надо... Маму жалко».

Пришлось отпустить. После Суворовского окончил военное училище в Рязани, стал офицером, командиром

парашютно-десантного взвода. Ныне уже майор. Батальоном командует. Раз в году приезжает на неделю в Байрамкент, мать навестить. А с ним, Львом Львовичем, с отцом родным, и не разговаривает даже! Здравствуете, до свидания — и все. Живет в гостинице, стакана чаю в родном доме не выпил. От Светки приходится о сыне подробности узнавать. Вроде женат, двое сыновей. Хотя и мирное время, а за что-то получил боевой орден — «Красную Звезду». Последняя новость, сообщенная всхлипывающей Светланой, ошеломила Льва Львовича: сын умудрился сменить фамилию, дедову взял, стал Энским. За что он так меня ненавидит?! Ведь и от отчества пытался избавиться. Но не вышло. Для кого же старался, копил, ловчил, тяжкие дела творил?! Куда теперь дом-дворец, фляги, закопанные в клумбе, уникальные вещи, другие ценности?..

Лев Львович накапал себе еще валерьянки. Сидел, тупо уставившись в невидящие стеклянные глаза белого медведя. Всю жизнь бежал бесконечный марафон, и вот уже выбежал на финишную прямую..

Все вздор!.. Взять путевку, уехать за границу туристом и не вернуться?.. Если хорошенько все продумать, можно будет вывезти дюжины две самых ценных бриллиантов, купить на берегу Лазурного побережья или во Флориде виллу и дожить безбедно до конца дней своих. Максиму мой побег вряд ли повредит. Он ведь от фамилии моей отказался, правда, под каким-то благовидным предлогом.

Но ведь этот дурулом Максим, узнав о моем побеге, тут же помчится к начальству со своими покаяниями. Начнут раскручивать клубок!..

Надо будет выяснить, чем занимается Интерпол. Впрочем, вряд ли Интерпол выдаст меня. Его интересуют международные воры. А то, чем я здесь занимаюсь, у них там даже уголовными кодексами не предусмотрено. Какой фермер или еще кто станет выдавать первосортное волокно за третьесортное и наоборот, кому там надобны скрытые посевы и прочие мелкие хитрости?.. А ежели что... Попрошу политического убежища. Крыша надежная... Бежать! И оставить дом, сокровища в цветочной клумбе, позволить, чтобы кто-то другой, недостойный, сел на мое место и зажил бы «вторым человеком» в области?.. Нет. Подобно Прометею, прикованному к скале, я прикован к своим сокровищам: к золотому песку и самородкам, к бумажным миллионам...

Прометей! Он страдал за то, что сделал людям добро. А я?.. Я тоже делал добро людям. Не всем — некоторым. Да что там некоторым — многим! И они живут в свое удовольствие. Им такая жизнь и при коммунизме не приснится! Жизнь так устроена, что счастья на всех не хватает. Зря чуть ли не матерными словами ругали мудрого старика Мальтуса. Он еще полтора года лет назад пророчествовал: людей на земле становится все больше, а жратвы все меньше и меньше. Следовательно: надо сокращать деторождаемость!

Ух, как честили этого английского попа! Мизантроп! Человеконенавидец!.. Да мы, да человеческий гений!.. Человек — хозяин природы! Преобразователь! Мы не можем ждать милостей!..

Допреобразовывались! За задрипанным хеком и то очереди.

Следовательно, он, Лев Век, ни в чем не виноват. Хочешь жить — умей крутиться. А кто не умеет или не желает крутиться-изворачиваться, что же... Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу!

Никуда не поеду! От добра добра не ищут. И добро не бросают. Ух, как много у меня добра!

И разве я один такой?

И до меня в этих краях были люди, умевшие устраивать жизнь. Вон их, рассказывают, сколько в войну понаехало! Кто на дурацких молочных коктейлях миллионы наживал, кто на мыловарении, о пиве уж и не говорю!.. Но чем же я, Лев Львович, виноват, что мои устремления столь идеально совпали с чаяниями других людей? Просто сложилась удачная ситуация.

Я и такие, как я, народ обираем?

Смешно! Народ для того и существует, чтобы его обирать! Раз он позволяет, терпит, — почему бы и не попользоваться? Так было, так есть и так будет. Уж, казалось бы, крохотная крыса канцелярская, бумаги подкалывает, украсть ей нечего. А загляни к ней в нору, и увидишь казенные скоросшиватели, скрепки, карандашки. Все в дом!.. Закон природы.

От этих саморассуждений Лев Львович помягчал душой. Выпил еще стопку водки, закусил бутербродом с красной икоркой и нырнул в свою необъятную фрейлинову кровать.

Григорий Фомич Гроднич на этот раз ночью его не тревожил.

К лету 1980 года областной город Байрамкент чем-то напоминал так прекрасно описанный Джеком Лондоном золотоискательский Доусон. Хотя внешне — ни малейшего сходства. Байрамкент город большой, старинный и южный. Что касается приполярного Доусона, то он во времена «Золотой лихорадки» представлял собой жалкий поселок.

Однако по стилю жизни, внутреннему напряжению и разгульной вольнице тогдашний Доусон и нынешний Байрамкент были не просто братьями, но братьями-близнецами. Как и в салунах городка золотоискателей, в областном центре старателей, добывающих «белое золото», жизнь бурлила и фонтанировала гейзерами приключений. Вдруг разносился по городу слух о том, что прокурор области Ширинходжаев купил, оказывается, сыну-студенту «Волгу» в импортном варианте, замужней дочери — четырехкомнатную кооперативную квартиру, жене своей — перстень с огромным бриллиантом, а на имя престарелой тещи приобрел дачу тысяч этак на полтора ста.

И это мало кого удивляло. Завистников было не так уж много, потому что байрамкентский «бомонд» такими пустяками не удивишь. Все-таки прокурор области. Человек с положением! Почему бы ему и не купить? Вот ведь скромный начальник разделочного цеха мясокомбината Жабьев отхватил роскошную виллу на Рижском взморье, в Юрмале. А разве можно равнять какого-то мясника с прокурором области?! Смешно даже подумать!

Грандиозные свадьбы в ресторанах «Шарк» и «Интурист» стоимостью в тридцать, сорок и пятьдесят тысяч рублей стали обычным, высокоморальным фактом. Во-первых, это прекрасно характеризует родителей молодых (ничего для своих детишек не жалеют!), а во-вторых, — наглядное проявление традиционного восточного гостеприимства, хлебосольства, широты души.

Некто Альберт Шакалис, мастер из «Автосервиса», ездит на собственной «Тоёте»? Ну и что? Как в рекламе «Гострудсберкасс» сказано, а?.. «Накопил — и машину купил!» Вот Шакалис этот накопил — и «Тоёту» купил. В соответствии с рекламой... Вы что, сомневаетесь? Вы против того, чтобы советские люди жили хорошо?..

Эта угроза была адресована мне, автору этого повествования, поскольку я слышал, будто в Москве «Тоёту», конечно, можно купить, однако стоит она тысяч тридцать. Об этом я и поведал начальнику областной милиции Хамдамову.

И я, честно признаюсь, сразу же утратил агрессивность, поскольку вспомнил, что недавно был осужден на семь лет отсидки шестидесятилетний инженер, написавший в Москву о якобы чудовищных злоупотреблениях, творимых руководством молокозавода. На суде инженер утверждал, будто молоко разбавляют водой, «женят» сметану и прочая. Однако все его обвинения были доказательно опровергнуты. Прокурор города, исполненный благородного негодования, особо подчеркнул в своей обвинительной речи, что клеветник, сидящий на скамье подсудимых, не просто клеветник-одиночка, но рупор, орудие в грязных лапах целой группы очернителей, с преступной целью рассылающих в разные инстанции, вплоть до Москвы, свои возмутительные, подлые анонимки.

— Но кто эти выродки в людском облики?— с пафосом продолжал прокурор. — Вот один из них сидит на жесткой скамье подсудимых. Это гнусный растлитель, моральный урод! Не за горами то время, когда и остальные члены преступного сообщества предстанут перед лицом правосудия, и их покарают сурово, но справедливо. Каков же истинный моральный облик разоблаченного преступника?..

А моральный облик шестидесятилетнего инженера был, судя по материалам судебного разбирательства, поистине безобразный. Инженер ведь обвинялся не только в клевете. Его поймали с поличным, когда он пытался изнасиловать несовершеннолетнюю секретаршу директора молокозавода!

Даже известный адвокат, защищавший насильника-инженера, не смог отвести тяжких обвинений. Он просто просил о снисхождении и определении подсудимому наказания ниже низшего предела, учитывая его преклонный возраст и плохое состояние здоровья. Я как раз присутствовал на суде и должен сказать, что в ходе судебных прений между адвокатом и его подопечным часто возникали весьма острые конфликты, а с прокурором адвокат деликатно дискутировал лишь о степени строгости наказания. Инженер же кричал в отчаянии своему защитнику: «Вы что такое плетете?

Какой я насильник!.. Я же вручил вам официальную справку о том, что у меня сенильная импотенция. Старческое бессилие!..»

Адвокат, спохватившись, принялся лихорадочно рыться в бумагах, с трудом нашел справку, которую и передал суду для ознакомления. Суд, обозрев документ, передал его прокурору. Но последний, даже не удосужившись пробежать его глазами, тут же выхватил из портфеля медицинское заключение по поводу представленной справки за подписями видных невропатолога, терапевта и психиатра. Ученые мужи, в частности, утверждали: факт импотенции еще не может полностью отрицать факт попытки изнасилования, так как, во-первых, — попытка не состоялась, поскольку была пресечена извне, а во-вторых, как установила наука, у импотентов в климактерической фазе бывают так называемые эротические всплески. В-третьих, нельзя исключить возможность симуляции изнасилования в целях удовлетворения полового извращения, которое никак не связано с эрекцией... И так далее.

Были еще какие-то ученые пункты, но я их не запомнил.

Короче говоря, инженер получил семь лет. Приговор этот сильно сократил количество писем и анонимок, адресованных в Ташкент и в Москву. Так что у почтмейстера города поубавилось работы.

Разумеется, было бы большой ошибкой утверждать, что славный некогда город Байрамкент превратился в библейские Содом или Гоморру, жителей которых, погрязших в пороках и разврате, господь покарал жестоко, однако — по-тогдашнему — справедливо.

Большинство байрамкентцев по-прежнему оставались людьми трудолюбивыми, честными, умудряющимися сводить концы с концами от зарплаты до зарплаты. Но ведь давно известно, что, здравому смыслу вопреки, хорошие люди как-то сливаются в одну серую массу, в городской, так сказать, кордебалет. Ну, какой, скажите на милость, можно распустить слух о бухгалтере конторы «Облтара» Хамиде Умидове, ежели он своевременно составляет квартальные и годовые финансовые отчеты, не берет взяток и седьмой год никак не может накопить денег на задрипанного «Запорожца?».. Или, к примеру, журналист Кугель. Старик уже древний, на пенсии. А на сберкнижке «приманочных» всего три рубчика! Иногда печатает свои информашки, зарии-

совочки. Течет на сберкнижку чахлый гонорарный ручеек в виде десяточек и пятерок, но течет редко, надолго пересыхает. А ведь на всю область когда-то гремел человек! Кому, как не Кугелю, колхоз «Рассвет» обязан своими блистательными успехами? Ведь главное — вовремя поддержать, вдохновить. Еремей Кугель и вдохновил Одилбая, ныне Рапо-хана. На всю страну прославился!.. А сам Кугель?.. Живет хуже покойного Гроднича, который тоже был не от мира сего, блаженненький какой-то.

К Кугелю, ныне пенсионеру, отношение в городе было двойственное. Могущественный слой элиты Байрамкента о репортере редко теперь вспоминал. Отработанный пар. Сделал когда-то свое дело зачинатель славного почина, впервые возвестив в печати о возрождении колхоза «Рассвет», — теперь может и отдохнуть.

А до ухода на пенсию Кугеля величали «Хопмайлинским первопроходцем». Однако, как мудро заметили древние, меняются времена, и мы меняемся вместе с ними. Еремей тоже не был исключением из этого правила. Он очень изменился, причем, как утверждал Лев-Шербек, — изменился в худшую сторону. Старик, похоронив жену, вдруг стал нелюдим, а подвыпив (несмотря на почтенный возраст!), публично нес всяческую пьяную чепуху. Поносил Рапо-хана и Льва-Шербeka, грозился «до Москвы дойти», опубликовать сенсационные разоблачения!..

Безобразное его поведение не осталось незамеченным. Новый редактор «Якшичульки» (Хамченко также прогнали без объяснения причин, как и Кыша!) попытался было урезонить разбушевавшегося репортера, однако из этого ничего не вышло. Кугель, размазывая по морщинистому лицу пьяные слезы, каялся, бил себя в грудь кулачками и... требовал газетной площади для своего «разоблачительного» материала, дабы пригвоздить к позорному столбу Одилбая по кличке Рапо-хан, проходимца Века-Шербeka и кучу других бессовестных негодяев!

— Что вы такое говорите?! — удивлялся новый редактор, Альфред Леопольдович Мундиров. — Вы же сами, вы первый открыли дорогу этим замечательным гениям хлопководства! Вы их, так сказать, крестный отец.

— Да, я Теллер! — угрюмо кивал Кугель. — Я действительно «отец водородной бомбы»!..

— Вот что, — строго сказал Мундиров. — Пойдите и проспитесь. Ежели вы действительно вообразили себя Теллером, то вам надобно показаться врачу, психиатру.

— Я Теллер в фигуральном смысле. Теллер породил чудовищную бомбу, грозящую уничтожить человечество. А я... Я породил таких чудовищ, как Рапо-хан и Лев-Шербек!.. Они — страшная зараза!.. Чума!.. Проказа... всю жизнь я жил, словно на голубом облачке, люди казались мне симпатичными, славными... И так хотелось писать о хорошем!.. Ах, как замечательно жилось мне во время войны!.. Лучшие годы моей жизни!..

Альфред Мундиров строго постучал костяшками пальцев по полированному столу. Молвил, побледнев:

— Попрошу говорить, но не заговариваться! Лучшие годы жизни — война!.. Это кощунство. Попахивает пропагандой войны! А у нас есть закон, суровый закон, карающий!..

— Ах, ничего-то вы не понимаете, Альфред Леопольдович! — всхлипнул небритый старик. — Война — страшное зло. Но я опять-таки фигурально. На войне я не встречал подлецов, очковтирателей, воров, их не прославляли в газетах!.. А эти!.. Я кругом виноват. Я так поздно прозрел!.. Но дайте же возможность искупить ужасную вину!

— В чем, в чем ваша вина? — досадливо поморщился Мундиров.

— Хочу стать Тарасом Бульбой!.. Я породил Рапо-хана и Льва-Шербека, я хочу их и убить!.. Господи, как ужасно! Я ведь репортер, всю жизнь охотился за сенсациями, жил как птичка божия, забот не зная. Получал информацию, и верил, верил!.. Поверил и Шербеку...

— Ну, с меня хватит, — объявил Мундиров и поднялся из своего кресла, давая понять, что не намерен больше слушать полупьяный бред отставного репортера. — Всему есть предел, терпение мое лопается. Если вы еще хоть раз появитесь с сивушным запахом, я прикажу не пускать вас в редакцию. Договориться до диких обвинений!.. Одилбай Парпиев и Лев Львович Век — преступники!.. Ха-ха-ха!.. Да знаете ли вы о том, что с воскресного номера мы начинаем печатать роман нашего коллеги, ныне научного работника и писателя, Октавиана Антисемишникова. Будем публиковать роман с продолжением. Из номера в номер.

— Что за роман? — вытаращился Кугель.

— Роман называется «Покоритель пустыни». Автор — хорошо известный вам Октавиан. Правда, он избрал себе литературный псевдоним. Антисемишников — слишком длинно и звучит как-то не очень. А псевдоним взял красивый. Октик утверждает, что это девичья фамилия его бабушки со стороны матери, — псевдоним его — Гордиев. Звучит!

— Роман — так роман, Гордиев, — безучастно промямлил Еремей, — старый репортер, так и не обретший отчества. И тут же встрепенулся: — Роман?!.. О чем роман!..

— О! — горделиво протянул Мундиров. — «Покоритель пустыни» — это как раз и есть Одилбай Парпиев. Да-с!.. В Хопмайлинском районе часть территории прихвачена полупустыней. Сейчас там развернулись грандиозные мелиоративные и оросительные работы. Руководит ими Одилбай-ака, почтенный старец с молодой душой. Об этом и роман. Фамилия героя, правда, несколько изменена, однако похож, похож!.. Ну вылитый Одилбай-ака!.. И Лев Львович, как живой!.. Сам Первый... — Мундиров вознес указательный палец к потолку и плавными кругообразными движениями как бы ввинтил его в воображаемые небеса. — Сам Узлары прочитал роман и одобрил. Сам! Приказал печатать! — последние слова Мундиров произнес почти шепотом.

Однако сообщение о готовящейся публикации романа Октавиана Гордиева вызвало со стороны старика Кугеля совершенно неожиданную реакцию. Сухонький хромоногий старикашка с неожиданным для своих лет проворством сграбастал с письменного стола дорогой микрокалькулятор и с воплем: «Конец света!.. Конец света!..» яростно трахнул его о паркет. От неожиданности Мундиров шарахнулся было от пьянчуги, однако тут же опомнился. Подскочил к беснующемуся пенсионеру и завернул ему руки за спину. Мундиров был молод (ему слегка перевалило за сорок), по утрам занимался гимнастикой, не курил и, как бы в предвидении известного постановления, не брал в рот спиртного. И потому он мгновенно укротил шуплого Кугеля. На шум вбежала секретарша, кликнула сотрудников. А через четверть часа «скорая» уже мчала отставного репортера, прозревшего столь трагически поздно и несвоевременно, в психиатрическую лечебницу.

В палате он продолжал бушевать, даже спеленутый смирительной рубашкой, грозил «всех вывести на чистую воду». Затем притих. А немного погодя и на самом деле свихнулся. Через месяц Кугеля выпустили с диагнозом «шизофрения». Вскоре в его квартире произошел пожар. Отставного репортера вновь подлечили. А еще немного спустя легкомысленный «охотник за сенсациями» был найден мертвым в собственной старомодной кровати с варшавской сеткой. На тумбочке, возле кровати, стояла почти полностью опорожненная бутылка «Столичной», в которой, как установила экспертиза, был метиловый спирт. На тумбочке же нашли и толстую затрепанную тетрадь в сером дерматиновом переплете. На первой ее странице лиловела надпись, выполненная толстым фломастером:

ЖИЗНЬ И БЕЗОБРАЗИЯ ЕРЕМЕЯ КУГЕЛЯ

или

Исповедь легкомысленного человека

Следствие установило, что покойный приобрел бутылку «Столичной» у находящегося уже под следствием некоего Садык-заде Бюль-Бюль-оглы, похитившего со склада завода «Химтех» двухсотлитровую бочку метилового спирта. Преступник полагал, что добыл этиловый спирт и в целях наживы продавал его, соответственно разбавив, под видом «Столичной». На вопрос: «Почему же он сам, Садык-заде, не попробовал похищенного спирта?» обвиняемый ответил: «Как можно? Я ведь член Общества трезвости! Коран тоже пить не позволяет». Обвиняемый выразил искренние сожаления, узнав, что от его «Столичной» ослепли двое и скончался славный старик Кугель, которого так все любили в городе. Садык-заде всхлипнул и произнес, задыхаясь от рыданий: «О если бы я знал!.. Метил-этил!.. Вах!.. Одна буква, а сколько горя!.. Я бы сам выпил эту проклятую бочку!»

Скверно, очень скверно кончил жизнь Еремей Кугель.

А общая тетрадь с его воспоминаниями бесследно исчезла. Да и была ли эта тетрадь? Может, тетради этой вовсе и не было? Во всяком случае, я не то что не видел ее, но также не встречал и людей, которые бы ее

видели. Разнесся по городу слух, всего лишь, о таинственной тетради. Начальник областного управления милиции Хамдамов даже подтрунивать надо мною стал, когда я поинтересовался судьбой кугелевской тетради. Сказал, играя густыми бровями:

— Ох, уж эти мне писатели! До чего же вы падки на выдумки молвы. Купил старикан по дешевке выпивку, оказавшуюся отравой и, как говорится, улыды. Помер. Никаких тетрадей-митрадей и в помине не было! Прокурор города этим делом занимался, городская милиция. Обыкновенное вульгарное отравление. Но кому-то, видимо, хочется окружить лысую голову покойника ореолом мученичества. А вы уж и рады стараться, уцепились!.. Ха-ха-ха!.. Мало ли в городе досужих бездельников! Вот, слухи блуждают, будто в милиции и прокуратуре взятки берут, обируют задержанных спекулянтов и пьянчуг, как липку!.. Ха-ха... Вы и в это поверите, а?

Такие слухи до меня тоже доходили. Но я предпочел не распространяться на деликатную тему. Слухи — они слухи и есть. А где доказательства? Мало ли что говорят. Ходят слухи, будто в Байрамкенте существуют даже подпольные «дома свиданий», куда допускается исключительно избранная публика. Тот же самый Кугель, древний старикашка, за неделю до своей бесславной кончины, клятвенно уверял меня (правда, в нетрезвом виде), что ему доподлинно известен один из таких вертепов. Он, Еремей Кугель, — старый добытчик информации — пользуется достовернейшими источниками. И он давно бы разоблачил в печати подпольный дом терпимости мадам Незамужник. Эта еще нестарая «пышечка» не только содержательница борделя, но и выполняет обязанности, так сказать, «играющего тренера». Однако вся беда в том, что у мадам Незамужник в качестве почетных гостей бывают сам Рапо-хан и начальник областного управления внутренних дел Ахмаджан Хамдамов! Последний не так давно в совершенно пьяном виде, лежа голышом на рояле фирмы «Бехштейн», изображал из себя легендарного Геракла, притомившегося после свершения им известного секс-подвига, а вокруг, в разных антично-неприличных позах, возлежали двенадцать юных, почти невинных дев в чем мама родила и под забористую ритмику рок-н-ролла громко восхваляли деловые качества новоявленного «Геркулеса».

Дабы подчеркнуть точность информации, старик Кугель добавил, что магнитофон, крутивший рок, был двухкассетный «Шарп» с четырьмя колонками-усилителями.

Я, разумеется, этому диковатому рассказу полупьяного старика не поверил. Особенно вызвали сомнения невинные девицы. Двенадцать штук! Откуда столько?!

Еремей пояснил: у мадам Незамужник нет кадровых проблем. Девицы все вполне легальны, в свободное от основных занятий время трудятся в канцеляриях, на поприще искусства, и есть несколько занятых в сфере обслуживания и даже материального производства. У мадам бывают и авантюристически настроенные замужние матроны. Их не столько заработки интересуют, — хотя гонорары в доме мадам Незамужник королевские, — сколько острые ощущения, телесные радости.

Как известно, занятие, которому предавались кадры мадам Незамужник, относится к самым древним профессиям. Но был более чем полувековой перерыв, секреты ремесла были утеряны, и отважной содержательнице тайного «дома свиданий» пришлось начинать все с начала. Памятуя о том, что новое — это хорошо позабытое старое, мадам не пренебрегала традициями, и в то же время стремилась идти в ногу со временем, — то есть искала новые формы деятельности и обслуживания.

Свой, прямо сказать, бордель Незамужник называла «Клубом интересных встреч», устраивала тематические вечера: «До 16-ти и старше», «Это вы можете», «Сделай сам» и другие содержательные мероприятия.

И все же отсутствие связи времен иной раз порождало досадные сбои в работе. В тот вечер, например, с участием «Геракла» Хамдамова, произошло милое приключение. Директор «Автосервиса» Виталий Глебович Пеньков, желая провести время не с примитивной девицей, а с подлинной искусницей, — неожиданно встретился в постели со своей законной супругой, известной в Байрамкенте ревнительницей нравов. Именно Ларисе Парфеньевне Пеньковой принадлежала статья «Моральный уровень — на высоту современных задач!», опубликованная в «Якшичульке», в которой эта строгая дама с осуждением писала о падении нравов среди молодежи: юные парочки ходят по улицам в обнимку, не стесняются целоваться в присутствии посторонних, в занесенных с тлетворного Запада, так называемых, танцах исполняют возмутительные, оскорбляю-

шие целомудрие телодвижения нижней частью тела — этого совершенного творения природы!.. И так далее.

Видимо, эти телодвижения и смутили дух Ларисы Парфеньевны. Однако оскорбленный в лучших чувствах супруг ее ни о каких оправданиях и слышать не желал. Он категорически отверг даже такую правдивую версию, согласно которой целомудренная Лариса Парфеньевна зашла в дом мадам Незамужник с целью приобрести чудодейственный крем, придающий коже лица неповторимую свежесть и аромат. Виталий Глебович резонно заметил, что для приобретения у косметички мадам Незамужник мази для лица вовсе нет нужды плюхаться в постель в одной ночной рубашке от Кардена!

Оскорбленный супруг совсем потерял голову, забыл, что сам-то он находится не в монастыре кармелиток, начал было разоблачительные речи и буянство. Но тут вмешался сам «Геракл» Хамдамов. Двое дюжих телохранителей Хамдамова подхватили буйствующего Виталия Глебовича и подвели к роялю.

— Заткнись, червяк, — тихо, пожалуй, даже ласково молвил владыка. — В порошок сотру. Марш к своей Лариске. Не видишь, что ли? Изнывает человек! Иди.

В будуаре мадам Незамужник и состоялось примирение супругов.

От повествователя

Написал вот чуть раньше, будто не поверил рассказу Кугеля. Но, если по-честному, то это не совсем так. Я не то, чтобы не поверил вовсе. Поверил так, как нынче иные люди верят в домового, в нечистую силу или в то, что рядовой инженер с семьей из трех человек в состоянии купить «Жигули» или «Волгу». Теоретически, конечно же, он купить может. Ежели, скажем, его зарплату, сто пятьдесят рублей (чистые деньги, после всех удержаний), не тратить полностью, а ежемесячно откладывать на сберкнижку рублей тридцать, то за год вполне возможно накопить триста шестьдесят рублей, за десять лет — три тысячи шестьсот, за двадцать — семь тысяч двести. Соответственно через сорок с небольшим лет можно позволить себе приобрести даже «Волгу» или какую-нибудь другую автомашину такого же класса, которую пустят в продажу в третьем тысячелетии.

Но ведь, с другой стороны, я знаю множество про-

стых инженеров и даже сторублевых граждан разных несложных специальностей, которые разъезжают в собственных «Жигулях», «Москвичах» и даже «Волгах». Как тут не вспомнить слова мудреца, изрекшего: «Если бы математические аксиомы задевали интересы людей, то они наверняка опровергались бы!»

Так что ваш покорный слуга, человек самый обыкновенный, выросший в эпоху, когда искренне верилось даже в то, что абсурдно («Кредо абсурдум эст!»), — я в общем верил в то, во что мне, как и другим, рекомендовалось верить, и не верил в то, во что верить не было велено.

Вспомните хотя бы газеты не такого уж давнего времени. Читаем, к примеру: «Лже-наука кибернетика — служанка империализма и мракобесия». Читаем — и соглашаемся: да, еще какая служанка! «Коллектив кондитерской фабрики «Красный вкус», став на трудовую вахту, умножает свои усилия в борьбе за выполнение и перевыполнение принятых на себя высоких обязательств». И как-то в голову не приходило вдуматься в слово «умножает». Это ведь не просто увеличивает. У м н о ж а е т. Если делали, скажем, три конфетки, то после умножения их уже надо изготовить минимум девять. А коллектив этот из года в год все умножает и умножает. Куда только девают умножаемые конфеты? Впрочем, может, не количество конфет — усилия умножают? А количество конфет остается прежнее? — Как бы ни было, а коли написано у м н о ж а ю т, — то так тому и быть.

«Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!» Какой разговор? Сказано — сделано! И почему-то лишь много времени спустя, благодаря тем же газетам, обнаружилась мысль: «А собственно, что это такое — нынешнее поколение? Поколение восьмидесятилетних старцев, сорокалетних граждан или только что народившихся младенцев?»

Привычка верить стала второй натурой. А поскольку ни в газетах, ни по радио и телевидению никаких сообщений о существовании «дома свиданий» мадам Незамужник не обнаружилось, то я и не верил рассказам пьяненького старика Кугеля. Однако при этом и не особенно не верил.

К этому своеобразному раздвоению личности с годами привыкаешь, и даже испытываешь душевный комфорт. Раздумья не мучают, совесть ведет себя тишайше.

В огромной стране не происходит даже стихийных бедствий? И прекрасно. На нет и суда нет. «С каждым днем растет благосостояние народа?..» Замечательно! А ежели напишут: «С каждым часом, с каждой минутой растет» — так это еще великолепно.

Почему же тогда приобретение штанов отдельным гражданином превращается иной раз в целую проблему?.. Так ведь это частный случай, нетипичный!.. Из ЖЭКа принесли грозное уведомление с требованием погасить задолженность по квартплате за четыре месяца?.. Так это все жена, транжира, не умеет вести плановое хозяйство! А вообще-то в нашей стране квартплата — самая мизерная в мире. И это святая истина. Положенные на жилдушу десять квадратных метров обходятся ежемесячно сушистые пустяки.

Еще с большей убедительностью доказывают многие истины литературные произведения и кинофильмы. Читайте, скажем, увлекательную повесть о врачах. Герой получает сто тридцать. И ему, молодому и жизнелюбивому, вроде хватает. На курорты ездит, приобретает дорогое снаряжение для туристических странствий. «Тачка» у молодого врача — всенепременный предмет ширпотреба. Как-то укладывается в свои сто тридцать без удержаний. Молодец!

А я вот так экономить не умею. Да разве я один такой? Тысячи. Миллионы. И это нехорошо. Может быть, курсы следовало бы организовать? Пригласить умельцев, пусть бы поделились опытом. Умельцев немало.

Недавно захожу в сберкассу, там у меня хранились тридцать пять рублей с копейками. Тридцатку понадобилось взять. А передо мною заявился некто с бараньим выражением лица и отвисшей нижней губой. На вид то ли академик, то ли мясник. Он пришел сдавать деньги. Так я ровно пятьдесят пять минут ждал, покуда пятеро сотрудниц сберкассы пересчитают деньги этого типа с отвисшей губой! Почти час считали. А трешек было всего ничего. В основном сторублевки, пятидесятирублевки и четвертные. Тысяч триста, если не все четыреста сдавал скромный труженик на хранение сберкассе! Откуда же столько денег даже у самого академика? Если бы и в газетах об этом необыкновенном факте написали, я бы и газетам не очень поверил! Но ведь собственными глазами видел! Был при этом трезв как стеклышко, в здравом уме и твердой памяти. Температура 36,6 по Цельсию. Меня подмывало задать ти-

пу с губой ядовитый вопрос. Но вовремя вспомнил о том, что гострудсберкассы гарантируют тайну вкладов.

Как видите, был я (и многие другие вкладчики) свидетелем неопровержимого факта. А факты, как известно, упрямая вещь. Практика — основа познания.

По зрелому размышлению я все же утешился мыслью о том, что академик (или мясник) с губой все же не остался в стороне от перестройки: раньше деньги свои держал в кубышке, а нынче — на сберкнижке.

* * *

По своему обыкновению, я снова отклонился от начатой темы. Совсем чуточку отклонился. Я ведь рассказывал о бурной, клондайковской жизни в Байрамкенте конца семидесятых — начала восьмидесятых годов. Золотой телец здесь был в большом почете. И учуяв золото, Эльдорадо, слетались в Байрамкент, как стервятники на падаль, стаи любителей легкой наживы, работающих в самых различных жанрах Уголовного кодекса.

Прибыли в Байрамкент (и некоторые даже прописались): «домушники», брачные аферисты, карточные шулера, девицы нелегкого будуарного труда, гадалки, экстрасенсы, проповедники буддизма, зороастризма и уж совершенно таинственного учения — «Космического банка» — о влиянии космических сил на человеческую судьбу, а также самые изощренные шантажисты.

Последние особенно преуспели — три брата-богатыря, заявившиеся откуда-то с предгорий кавказских, с берегов своенравной речки Ардон. Они привезли с собою пери неопишуемой красоты. Верхний и нижний бюсты пери разили пресыщенных знатоков наповал. Братья-богатыри объявили себя ленинградскими художниками, прибывшими вдохновиться «азиатским пленэром», приобрели неподалеку от Века-Шербека дом и, быстро перезнакомившись с нужными людьми, открыли у себя «салон», где обсуждались проблемы художественного творчества, пути развития абстракционизма, поп-музыки и только что набиравшего силу «метал-рока».

Главной же приманкой была несравненная пери, которую братья-богатыри выдавали за свою родную сестру.

Первым угодил в сети поправившийся от уютных

ожогов коопторг Рахимов. Стал почти ежедневно бывать в салоне ардонской богемы. И вот однажды, явившись с очередным визитом, он узнал от пери, что братья ее срочно вылетели в Ленинград готовить вернисаж своих творений. Как позже объяснял Рахимов, у него и в мыслях не было впасть в моральное разложение. Он, коопторг, искренне желал сочетаться с коварной пери законным браком. Что?.. А куда девать жену?.. Это, конечно, проблема, но не из неразрешимых. После известного зверского ограбления, в ходе которого преступники-садисты истязали его и Розию раскаленным утюгом, между ним, Рахимовым, и его слабой духом супругой возникли серьезные разногласия, непонимание, назревали разрыв и законный развод, — Розия фактически соучаствовала в ограблении его, Рахимова. Она выдала тайник, в котором хранились сбережения от его трудовых доходов. (При этом коопторг умолчал о том, что у него имелось еще два тайника, о которых жена не ведала).

Так что Рахимов мечтал о вполне законных уладах и зарегистрированных загсом райских наслаждениях.

События развивались ускоренными темпами. Пери пригласила гостя к столу, угостила коньяком, малосольным белужьим боком и стала проявлять к пожилому, почти разведенному кооператору известный интерес. Тогда Рахимов, подогретый божественным напитком «Белый аист», и решил: кажется, пери горит желанием познать основы «науки страсти нежной» А!.. Была не была! А там посмотрим. Жениться никогда не поздно...

Где-то в подсознании прошмыгнула было мысль: «А чего, собственно, она во мне нашла? И в молодости не был красавцем. А теперь, когда шестой десяток домаываю... Какие-то бородавки на веках выросли... На макушке плешь грязно-коричневого цвета и еще в морщинах!.. А на впалой груди и на лопатках, напротив, шерсти как у гориллы! Седина в самых неожиданных местах. Мускулы, все эти бицепсы и трицепсы, как кисель. И главное — живот, словно целиком дыню проглотил! Ножки тоненькие, кривые...

Пери развеяла сомнения коопторга. Она скрылась в спальне, и минуту спустя появилась в прозрачнейшем японском халатике из искусственного японского шелка. Гость зарычал от восторга при виде прекраснейшего существа. Он возликовал: Победа! Оставалось схватить пери в охапку и унести в спальню. Стыдливо хихикая,

пери позволила себя облапить... Однако при всей своей внешней воздушности обольстительница оказалась тяжелой, как трактор-универсал, — так, по крайней мере, показалось Рахимову.

Он застонал от огорчения, вспомнив, что страдает пупочной грыжей, и потому оставил намерение внести на руках предмет своей страсти в любовное гнездышко. И тогда, совсем потеряв голову, он стал бормотать, задыхаясь, совсем уже странные для влюбленного слова:

— Иди!.. Сама ходи... У-у-у... Какой мощный баба!..

При этом коопторг подталкивал пери потными ладонями в спину, ниже спины, как упрямого ишака. И даже несколько раз издал возглас погонщика:

— Кхы!.. Кхы!.. Хик!..

Но пери не упрячилась. Похихикивая, она вошла в спальню и повалилась навзничь в благоухающую духами постель. Тут только Рахимов сообразил, что сам-то он все еще в бельгийском костюме и при галстукке. Поскуливая от нетерпения, стал суматошно срывать с себя сплошной импорт и, наконец, обнаженный как Аполлон, но не столь прекрасный, бросился на добычу. Он трепетал от желания и страха не оправдать оказанного ему доверия.

Пери, пышногрудая и крутобедрая, все еще похихикивая, оказала небольшое сопротивление. Но и этого незначительного женского кокетства оказалось достаточно, — все бешеные эмоции, обуревавшие главу коопторга, вдруг заглушил сильнейший приступ радикулита. Ледяной пот прошиб любовника. Он горестно застонал, попытался встать на четвереньки, и в этот миг произошло нечто, потрясшее Рахимова до смертного озноба, до икоты!

В спальне, освещенной лишь ночником в виде хрустального амура, вспыхнул яркий свет, и из-за портьеры выскочили три брата-богатыря с фотоаппаратами в лапах. Профессионально, быстро, с дублями, они сфотографировали в позорной позе моего антигероя. Причем коварная пери обхватила его руками вокруг живота и шептала: «Куда ты, милый? Не уходи! Это братики мои. Они сейчас уйдут!..»

— Да, уйдем, — гортанно молвил старший «брат». — Вот смотри: мой фотоаппарат фирмы «Ролли-флекс». Без осечек. Сделал три дубля.

— У меня «Кодак». Тоже три дубля, — подхватил брат средний.

— А у меня отечественный — старинный, но надежный «ФЭД», — откликнулся младший.

— Что?.. А?.. — пролепетал коопторг, пытаясь прикрыть руками голову и причинное место, поскольку вообразил, что братья сейчас начнут его бить. — Я ничего такого... не сделал. Отпустите м-м-меня!..

— Помолчи, — досадливо поморщился старший. — Ты, нэгодяй, хотел лишить чести нашу прекрасную Зудейху. За это надо платить. Долг чести!

— Конечно, конечно! — обрадовался незадачливый любовник. — Э-э-э... Сколько я должен? Я сейчас... Только позвольте мне одеться.

— Нет! — отрезал старший. — Переговоры надо вести в натуральном виде. Зачем хватаешься за брюки?.. Деньги давай! Иначе фотографии получат все твои знакомые, начальники. И жена полюбуется своим дорогим супругом! Да.

— С-с-сколько? — похолодел Рахимов, начиная соображать, что тышченкой, другой здесь не отделаешься. — Сколько?..

— Сто кусков! — безапелляционно изрек старший. Средний и старший согласно кивнули. — И это тебе еще со скидкой, как не проявившему себя мужчиной.

Шантажисты оглушительно расхохотались.

Негодяи работали наверняка. Коопторг, как миленький, выложил «сто кусков» и помалкивал. Следующей жертвой братьев-богатырей стал Наполеон Гамлетович Бурьян, директор треста столовых и ресторанов, почти легальный миллионер. Сколько с него сорвали братья-разбойники, так и не удалось установить. Но наверняка плата за молчание была еще выше. Лихие любители «азиатского пленэра» не брезговали, однако, и гонорарами помельче. Спекулянт бриллиантами Шпион Авария, вновь прикативший в Байрамкент, выкупил свою честь за десять тысяч. А один посетитель «салона» и вовсе отделался лишь сильным испугом. Им оказался писатель Октавиан Антисемишников.

Несмотря на то, что Одилбай и Шербек периодически финансировали творческое вдохновение Окти, денег приличных у него никогда в заводе не было. Отчаявшиеся шантажисты потребовали хоть один-единственный «кусочек». Индустрий лишь развел руками.

— Нету! Хоть убейте, а нет у меня «куска». Вот... Семнадцать рублей... И тридцать восемь копеек. А ежели ославите меня фотографиями, так и этого не полу-

чите. И мне, представьте, не страшно. Одилбай-ака и Шербек меня в обиду не дадут. К тому же я человек творческий, мне все познать надобно. Куприн вот тоже посещал публичные дома, чтобы написать знаменитую «Яму».

Матюкаясь на родном языке, братья-разбойники отобрали жалкие семнадцать рублей и, будучи мстительными и гордыми сыновьями гор, — выкинули Октя из «салона» на улицу голышом. Дело, к счастью происходило ночью, и Октя благополучно добрался до своей квартиры, перепугав до полусмерти своим видом лишь какого-то командированного, не сумевшего получить койку в гостинице и поэтому коротавшего ночь в сквере.

Это — единственное фиаско, которое потерпели «художники». В целом они шли от победы к победе.

Но недаром древняя мудрость гласит: «Иногда победа берет верх и над победителями».

Шантажисты зарвались. Они обнаглели до того, что покусились на самого Хамдамова! Ахмаджана Хамдамова, начальника областного управления милиции! От неожиданности он тоже ужасно перепугался. Однако тут же вспомнил, что хотя и голый, даже голее Адама, носившего, как известно, «опоясание из смоковых листьев», — он все же начальник милиции огромной области. И его милиция его бережет. Продолжая изображать страх, ужас, Ахмаджан согласился на чудовищные условия. Когда же зарвавшиеся шантажисты, в предвкушении получения «дипломата» с ассигнациями, ждали в условленном месте, с четырех сторон подкатили желто-голубые «Волги» с мигалками на крышах и выскочившие из них сотрудники угрозыска, после короткой схватки, скрутили «братьев» и украсили их волосатые запястья паручниками.

И тут уж Хамдамов отыгрался, отомстил за свое унижение. Он поручил доверенным своим людям вести допросы. Особенным специалистом в этом считался уже знакомый нам сержант Ершов, двухметровый детина с необъятными плечами, бульдожьей челюстью и скошенным, как у гориллы, лбишком. Его подручный, младший сержант Акилов, был под стать шефу. Кроме того, он обладал феноменальным «грифом», то есть пальцы рук его хватали жертву как тисками; пальцами Акилов запросто выдергивал из досок плотницкие гвозди. Этаким средневековой самурай!

Тайные допросы кончились быстро. Гордые «братья»,

убедившись на горьком опыте, что и гордости есть пределы, «раскололись» и, ревмя-ревя, рассказали все-все о своих делишках в Байрамкенте. И где накопленные «гонорары» прятали, открыли. И фотоаппараты с пленками позволили реквизировать. После чего, собственно, ручно отхлестав шантажистов по небритым мордасам, Хамдамов, наконец, сменил гнев на милость.

— Шмаровозы! — брезгливо молвил Ахмаджан. — Нашли на кого покуситься!.. Но я добрый. Вот вам три билета на самолет, и чтобы духу вашего здесь не было. А иначе... При попытке к бегству... Уловили?

Братья по-лошадиному замотали небритыми мордами. Они еще как согласны! Младший, правда, спросил, заикаясь, а почему нет билета Зулейхе? Хамдамов усмехнулся.

— Она пожелала порвать с преступным прошлым. Мы ее приобщим к общественно полезной трудовой деятельности. Еще есть вопросы?

Вопросов не было. Шантажисты, склонив по-рабы выи, осмеянные, униженные, пятились к выходу.

Ахмаджан Хамдамов и тут оказался в выигрыше. Он был своеобразным баловнем судьбы. Начав службу с постового милиционера, он постепенно поднимался по служебной лестнице. Ловко «подводил под монастырь» своих конкурентов, начальников. И наконец стал капитаном, начальником районного отделения. Когда же его дружок и собутыльник, а также сообщник по разного рода темным делам, вдруг взлетел на небеса власти и стал вершителем внутренних дел республики, карьера Ахмаджана также набрала стремительные темпы. И вот он — один из властителей огромной области. Полковник, не сегодня-завтра — генерал!

Братья-шантажисты прибавили в тайники Хамдамова еще тысяч четыреста. Кроме того, счастливчик стал обладателем довольно обширной коллекции скабрезных фотографий. И Ахмаджан Хамдамович любил иной раз перепугать иного своего знакомого, показав за дружеской беседой, под хмельком, фотоизображение дружка. Несчастный, конечно же, каялся, просил отдать фотографию. Хамдамов милостиво дарил «фото на вечную память». Но у него сохранялись копии. Так, на всякий случай. Провинившиеся деятели районного и областного рангов становились удивительно послушными и покладистыми.

«ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА»

(Окончание)

Рассказываю обо всем этом вовсе не для того, чтобы развлечь читателей пикантными историями. Хочется нарисовать картину не очень-то скрытой жизни довольно многочисленной части населения Байрамкента семидесятых — начала восьмидесятых годов, проиллюстрировать тлетворное влияние «бешеных денег», губительные свойства золотого тельца, про которого оперный Мефистофель рычит баритональным басом:

— Люди ги-и-и-ибнут за метаа-а-алллл!!!

Не все, конечно, люди гибнут. Но и немало гибнущих. И на какие только ухищрения не пускаются с целью заполучить презренное золото!

Вот еще образец людской изворотливости, направленной, к сожалению, не на благо общества.

Приехал на жительство в Байрамкент некто Иона Силыч Шайтан, одинокий инвалид труда, получивший якобы на производстве травму. Тоже приобрел домик на окраине. Инвалидом он был, так сказать, номинальным. Ражий дядька, на широченных плечах коего трещала рубашка-ковбойка. Шея борца-тяжеловеса. Физиономия багровая — от переизбытка сил и умеренного, но длительного употребления сорокаградусной.

На работу здоровяк решил не устраиваться. Предпочитал гулять по улицам, скверам, послушать разговоры соседей по скамеечке. Однажды, вот так случайно, познакомился Иона Шайтан с пассией Льва Львовича, сорокалетней хохотушкой, по имени, кажется, Юнона Потаповна. От нее к тому времени сбежал «Дылда», и прелестница тосковала. Они быстро поладили, и Юнона Потаповна вновь обрела душевное спокойствие. В порыве женской благодарности к могучему инвалиду она и рассказала о своем платоническом знакомстве с Львом Львовичем, о его поразительном богатстве.

— Подумать только! — щебетала Юнона, нежно поглаживая наманикюренными пальчиками кабанью щетину на брюхе угрюмого Ионы. — Я сама, своими собственными глазами видела в его доме старинный секретер со множеством ящиков, в которых Лев Львович хранит, как он остроумно выразился, «двести тысяч на мелкие расходы»!.. Это надо же?

— Угу, — хмуро буркнул Иона. Он был не в ду-

хе, так как, несмотря на свою могучность, все же силен, но притомился, — возраст, увь, сказывался.

Он вообще не был красноречив, этот Иона Силанд. Его зоологическая натура не терпела слюнявых нежностей и «вумных» речений. В молодости он получил кличку «Танцы-манцы», по той причине, что любил в ответственных обстоятельствах говорить хриплым своим простуженным басом: «Танцы-манцы мы не знаем, бабеч будет — мы покажем!»

Присказка эта верно служила ему не только при оценке амурных ситуаций, — она вообще подходила на все случаи жизни. Например, при обсуждении с коллегами деталей ограбления сейфа в богатом научно-исследовательском институте. В конце-концов Шайтан попался с поличным, получил свои десять лет. Лишь очутившись за Байкалом и став драгоманом (не переводчиком, а механиком на драге), тридцатипятилетний Иона по достоинству оценил отеческое внушение мудрого своего родителя, обучившего чадо тончайшему искусству «Сезам, отворись!»: то есть, умение открывать (не взламывать!) самые хитрые замки и сверхпатентованные сейфы — с часовыми механизмами, сигнализацией, кодами цифровыми, буквенными и прочими коварными хитростями.

И он внушал своему отпрыску:

— Помни, Иона, жадность — причина всех несчастий. Главное не зарываться. И никаких сплоченных коллективов! Я всю жизнь работал персонально. Начал трудовую деятельность во время столыпинской реакции. Ух и тяжелое было время! Самого мирного «медвежатника», ежели он попадался, тут же объявляли революционером, боевиком, экспроприатором экспроприаторов, — и, применяя самые зверские меры воздействия, требовали, чтобы он открыл всю подпольную организацию! А откуда ему, бедолаге, знать? Он даже эсеров от октябристов отличить не мог, путал знаменитую террористку Брешко-Брешковскую с тенором Кипаренко-Даманским!

А я почему не попадался? Я, сын мой, меру знал. Помню как сейчас, пощупал я сейф в Нижнем Новгороде. Богатый сейфище. На глаз прикинул, — тыщ триста в нем. Сейф этот принадлежал купцу первой гильдии миллионщику Бугрову. Этот скес, больше гривенника лакеям в ресторанах на чай не дававший, люто ненавидел нашего брата. Однажды в газете заявил: я,

мол, ежели меня ограбят хучь бы на тыщу, и миллионна не пожалею, но при условии, что разыщут и изловят грабителей!

Так я, значит, как Бугрова пощупал?.. Взял из сейфа двадцать тысяч, и был таков. Сейф закрыл аккуратненько. Шум, конечно дело, поутру большой поднялся. Но никому и в голову не пришло, что кто-то со стороны грабанул. Подумали: свои поработали! Бедняга кассир, дабы невинность свою доказать, фосфорными спичками отравился. Еле-еле откачали. А я знай себе посмеиваюсь. И таким манером все социальные эпохи работал. Доходный дом купил в Кривоколенном переулке. На воды ездил. Барином жил. Особенное раздолье было во времена Сашки Керенского. А вот в эпоху военного коммунизма пришлось лечь на дно. Чека очень уж свирепствовала. Чуть что — к стенке! Иной раз и своих кокали, ежели кто их законы нарушал. В НЭП опять раздолье. Но работать приходилось по мелочам и трагить много времени на проверку состоятельности объектов. Уж очень густо развелось фиктивных артелей. Как-то взял сейф Торгового товарищества «Коленкин и Злопыхательский», а в сейфе одни несостоятельные ведомости...

Отбыв в местах весьма отдаленных пять лет, Шайтан-младший (он вышел досрочно на свободу ввиду примерного поведения) решил покончить с неразумным прошлым. Главное — не зарываться!

У Ионы документы были в порядке. И он работал часовщиком. После отсидки Шайтан-младший решил не вредить государству и даже (на свой манер) помогать ему по силе возможности. В свободное от починки время он бродил по улицам большого российского города и выведывал адреса граждан, живущих не по средствам. Адреса эти он узнавал исподволь, не задавая ни единого вопроса. Просто внимал: в очередях, на скамейках бульваров, прислушиваясь к уличным разговорам...

Мысленно уже вижу недоверчивые лица читателей. Эх, мол, расфантазировался автор! Что можно знать в очередях?..

И очень даже многое можно! Допустим, вы слышите: «А Собакины опять грандиозный ремонт затеяли. Югославский унитаз в цветочках. Биде «Мэйд ин Франс», стенку потрясую взяли за восемь тысяч!.. И откуда только деньги?.. Японский видеоманитофон купили. Один круиз вокруг Европы в какую копеечку

влетел!.. Да, те самые, Собакины. Вон их окна, напротив. Розовые жалюзи...»

Вот и готов объект. Ионе оставалось лишь выяснить, когда Собакины уходят на работу, когда возвращаются. И если у них есть неработающая бабушка или хрыч дедушка, то ведь и они когда-то выходят подышать свежим воздухом, постучать в домино.

Определив час «Ч», Шайтан с ловкостью необыкновенной, не оставляя следов, открывал входную дверь. Открывал он замки импортными отмычками, а также отечественными, самодельными, превосходящими лучшие зарубежные образцы. Затем производил ревизию материальных ценностей неправедно разбогатевших хозяев квартиры. Деньги обычно лежали в шифоньере, между глаженными простынями и кальсонами. Особо хитрые прятали деньги в книгах. Но и в домашней библиотеке деньги отыскать не составляло трудностей. Иона и пальцем не прикасался к «Трем мушкетерам» или творениям Юлиана Семенова, справедливо рассуждая так: «Книги на вид не новенькие. Значит, их читают. Кому придет в голову прятать деньги в книги, которые могут украсть родственники или знакомые? Денежку обычно прячут в такие книги, читать которые никому в голову не придет. Тэ-э-эк-с... Вот, кажется, подходящая...»

И безошибочно снимал с полки книгу-тайник, что-нибудь вроде «Ученых записок Скотопрогоньевского Государственного университета» или увесистой монографии «История развития и совершенствования налога за бездетность в свете современных задач».

К тому же у Ионы было поразительное чутье на золотишко и денежные знаки. Браслеты, перстни и прочую «бижутерию» Шайтан запросто обнаруживал в фамильных шкатулках, в коробочках из-под леденцов и в горшках с цветами. Находки последних он остроумно называл «микрокладами». Из найденного он брал примерно десять процентов. Обнаружит пачку в пять тысяч рубчиков — приберет в свою пользу пятьсот. Остальное же аккуратно положит на место. Из горстки колец, брелоков и прочего присвоит, скажем, одну золотую цепочку и колечко с бриллиантом.

Удивительной выдержки был человек.

Бесовская выдумка Шайтана-отца сыграла злую шутку со многими байрамкентцами. Виталий Глебович Пеньков (временно) развелся с шаловливой супругой

Ларисой Парфеньевной. Директор «Автосервиса», после описанного случая у мадам Незамужник, вообще затаил в душе обиду. Но терпел. Когда же он трижды обнаружил: то пропажу восьмисот рублей, то золотых карманных часов «Лонжин» с монограммой купца первой гильдии Або Симхаева, и, наконец — исчезновение запонок с бриллиантами, — терпение его лопнуло! Гуляющая жена — это еще куда ни шло. Но жена воровка!.. Это ужасно! Ко всему прочему, драгоценные запонки эти (которые можно было принять и за позолоченные, со стекляшками) «Автосервис» обнаружил на манжетах начальника ОУВД Ахмаджана Хамдамова. И это окончательно расстроило Виталия Глебовича. Он решил, что страдающая шлюхоманкой Лариса Парфеньевна подарила их главному милиционеру в знак нежных чувств!

Не знал, не ведал бедолага, что его дом трижды посетил искусник Иона Шайтан и что запонки он сбыл скупщику бриллиантов Сципиону Авария, который и перепродал их с выгодой доверенному человеку Хамдамова, скупавшему золотишко и камушки для своего шефа.

Из-за сатанинских происков Шайтана областной прокурор Ширинходжаев выгнал из дома своего зятя, обвинив его в воровстве, поскольку из муляжа книги А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств», где хранились на мелкие расходы десять тысяч, пропала тысяча.

Я сказал: «муляж книги» не случайно. Прокурор собственноручно вырезал по размеру сотенных бумажек страницы в книге, оставив лишь титульный лист, который, для верности, приклеил гуммиарабиком.

Многие неприятности и семейные драмы возникали после посещения Ионой домов байрамкентских нуворишей. Однако, к чести пострадавших, до разводов ни у кого не доходило. Имели место, правда, мордобои. Но умеренные.

Иона Силыч Шайтан процветал. Поистине он нашел золотую жилу. И никому, даже самому изощренному в житейских махинациях жулику, не приходило в голову, что он был просто умно, можно даже сказать, — талантливо ограблен!

И так, надо полагать, жил бы себе да поживал здоровяк-инвалид до конца дней своих, если бы и в нем не разыграл бес стяжательства и златолюбия. Уж такая

была в Байрамкенте заразная атмосфера. Толчком к грандиозным операциям Ионы послужило посещение им дома директора Байрамкентского горпромторга Кудрата Шодыева.

...С «вахты» своей Иона вернулся багровый: от волнения и тяжести влекомого им на спине мешка из-под муки с клеймом «Мейд ин Джермени». Опустив ношу на пол, звероватого вида пенсионер отер платком пот с бугристого лица и впал в тяжелую задумчивость.

Визит к Кудрату Шодыеву потряс экс-медвежатника, переквалифицировавшегося в умеренного и неуловимого домушника. Он и на этот раз взял примерно десять процентов из обнаруженных им денег и ценностей. Однако стоимость принесенного Ионой в мешке в родное гнездо составляла никак не меньше сорокапяти — пятидесяти тысяч!.. Да какой там!.. Один многорукий индийский бог величиной с большую кошку — литого серебра, пуда полтора весом, — сколько потянет!.. Вещь старинная, может, ей и цены-то нету!

Впервые за долгие годы Шайтан нарушил железное правило не уносить ценностей, бросающихся в глаза. Одно дело взять из кучи запонки парочку, другое — многорукий бог! Впрочем, пожалуй, и не бог, а богиня, поскольку, кроме множества рук, у божества имелись еще и обольстительные женские груди в несколько рядов.

Не устоял Иона Силыч перед силой древнего искусства. И это явилось первопричиной его падения. Тугодумные мозги его трудно, страдальчески, со скрипом, перемалывали потрясающие впечатления. Держать в доме денег, золотых и серебряных вещей на полмиллиона!.. Сколько же у этого ворюги всего добра?! Вот тебе и скромный директор горпромторга! Едрит его кочерыжку!

Иона стал даже испытывать никогда им ранее не изведенное чувство злобной ненависти к богатым. Кровопивец, — внутренне ярился Шайтан. — Кого же он так жутко храбит, ась?.. А магазинщиков храбит. А они народ храбят, и меня, сталбыть, храбят. Потому как я, Иона, тоже народ и даже за народ. Я рази какой замок совслужа когда потрогал? Да ни в жисть! Я работягу уважаю. Ему рупь трудом даден, потом, мозговыми мозолями. А эти!.. У-у-у!.. Эх, надо было все подмести, на сто процентов!.. Мазыла. Оп, Кудратка этот, и не пикнул бы. Кому жалиться, ась?.. Хамдамову,

главному менту?.. Да он сам кого хошь грабанет. Вот яго бы подергать за вымя, тоже, небось, о-го-го, сколь добра у мента для шмона!.. Жаль какая, возле домища его круглосуточный милицейский пост. У всех больших начальников милицейская или вохровская охрана. А у штатских наемные сторожа с трехстволками.

Иона, покряхтывая, выволоч сисястого бога во двор (благо была темная ночь) и закопал возле летнего нужника. Сверху прикрыл битым кирпичом, досками. Вернулся в дом, поворошил в мешке пятидесятирублевки, сотенные. Вздохнул. Выгреб пару горстей старинных империалов, кучку золотых вещей. Спустился в погреб, обдавший могильным холодом. Уложил золотой «навар» в двадцатилитровую медицинскую банку с широким горлом и стеклянной же притертой герметически пробкой. Опять вздохнул: банка была полна на треть, не больше. Еще работать и работать!.. Однако тяжелая, милашка!..

Деньгами Шайтан взял у Кудратки «всего» семнадцать «косых». Хотя мозги у домушника и работали с трудом, как старые жернова, он все же в житейских делах смекал получше иного профессора-экономиста. Что деньги?.. Бумага. Сегодня это, скажем, четвертак, а завтрава — два с полтиной или еще того меньше. Профессор — он основной экономический закон прославляет, сертуки разные, товар — деньги — товар. А вот нагрянет денежная реформа — и наше вам с кисточкой!.. Золотишко, «брули» — они вернее, не подведут. А семнадцать тысяч на полгода вроде хватит. Смотрюсь с Нонкой в эту самую... В Пицунду. Побурием маленько, и опять за труды...

И вновь вздохнул Иона Силыч. Вылез из погреба. Захлопнул лаз. Улегся на скромный диван, произведенный в городке-спутнике Багыли. Обстановка у Шайтана вообще была скромная. Не любил он тревожить завистью чужие взоры. Эх!.. Не выйдет с Пицундой. У Льва Львовича, хахаля Нонкиного, жена, наконец-то тапки откинула. Сын приезжал на похороны. Здоровенный такой детина. Майор. Наградных планок полтора ряда. Гвардеец, и значок инструктора-парашютиста. Силен мужик. А с родным отцом и разговаривать не стал.

Он, Иона, очень удачно подслушал поздно вечером в сквере короткий разговор отца с сыном.

— Значит, все же уезжаешь, Максим?

— Уезжаю.

— И отцу нечего сказать?

— Сказал бы, да слово матери дал. Себя за это ненавижу.

— Зря ты так, сынок.

— Не называйте меня сыном. Я — Энский.

— От счастливой жизни отказываешься. Вышел бы в отставку по ранению. Тоже мне фамилию себе взял — Энский! Даже смешно. Вроде засекречена у тебя подлинная фамилия. Оно так и выходит: Энский, а на самом деле — Век. Максим Век. Может, одумаешься?

— Еще раз повторяю: слово умирающей матери дал, о чем теперь жалею. В сущности, я тоже преступник. Покрываю такого!..

Майор (бывший Век) не договорил и зашагал по дорожке сквера. Шайтан затаился на скамейке, сокрытой живой изгородью. Лев-Шербек потоптался на месте, хмыкнул и отправился домой.

Зашагал вперевалку к себе домой и Шайтан. Он испытывал состояние поэта, в душе которого бьется, рвется наружу гениальное стихотворение... Тру-ту-ту... Тра-та-та... Ра-ри-ра... Однако никак не слагается в строфы. Мучительное состояние. В душе восторг и отчаяние. Казалось бы, присядь к столу, запиши — и ты обессмертишь свое имя! Ан нет, не записывается. Только в душе гудит. И рвется наружу!..

После ночного визита к Кудратке гениальная идея Ионы стала вдруг принимать реальные очертания. Надо выдать Нонку замуж за Шербека!.. Будя арканить мелочовку. Оно, конечно, спокойнее. Прав почивший в бозе родитель, грешно зарываться. Дык ведь куда ни глянь, повсюду экий размах!.. В одноразье сработать гладенько, и на всю жисть нормальный человек. Схлопочу документ на инвалида второй группы. Лекаря нынче в Байрамкенте тоже вкус к денежке почувствовали. Третья группа мне в два куса выскочила. А ежели вторую, не меньше дикана*.

Нонче могу нраву своему польстить. Хучь сей момент дикан выложу. Завелась монета. Второгруппному больше уважения, почета. А лекарям ни на грамм риску. Я ведь тогда, когда срок схлопотал, — почему в лапы к ментам угодил?.. А сейф на меня банковский, сволота эдакая фирмы «Стиннесверке», свалился. Другого бы

* Дикан — десять (жарг.), в данном случае — десять тысяч.

как лягушку расплющило. Однако Шайтана так, за здорово живешь, не раздавишь. Правда, переломов штук восемь, ежели не десять пришлось принять. Вот шельмы эти, немчура проклятая! Придумали сейф, самопрокидывающийся — при попытке его открыть, не зная секретета! Ради денег живого человека готовы превратить в лепешку!.. Правду про капиталистов пишут: волчьи законы. Ну да ладно, дело прошлое. Теперча переломы даже на пользу. Рентген их запросто показывает. Эскулапу только приписать: «Травмы получены при исполнении служебных обязанностей». И клады на карман дикан.

Долго еще предавался сладким мечтам Иона Шайтан. Не без самолюбования вспомнил, как ловко обдурил двух охранников, стороживших дом Кудратки, укатившего с женою (со своей женой, хо!) в Карловы Вары. Молодой еще, сорок лет едва хлопнуло, а уже с женой на курорт!.. Ну да хрен с ним, пускай ему хуже будет. А обезвредил охрану он, Иона, ловко. Напол городского дурачка Гришку-прыгунка и подослал к охранникам с двумя поллитрами. Те, конечно, поллитры мигом и отобрали у несчастенького. К ночи дело шло. Хряпнули стражи по полбанки и окосели. Тогда он, Иона Шайтан, и прошел мимо них запросто. Сделал дело и арриведерчи, Рома!..

Зря только рукосиського бога забрал. Приметный больно. Ну да куда ни шло. Кудратка еще не скоро из Вар энтих возвернется. Похлещет целебной водички или что там есть, — и в командировку укатит, в Париж или в Лондон. Вроде как товары повышенного спроса присмотреть. Но это вывеска. Крыша. А ежели по правде, то в облсовпрофе ему не за красивые глаза загранку устроили, или даже — в Министерстве загранторговли. Точно не удалось выведать. Но это один хрен. Главное — Нонку настрополить. Лев-Шербек ее жить к себе зовет. Без прописки и регистрации в загсе. Вроде как экономкой. Нонка же обижается. Одно дело, когда жена у него имелась, а теперь... Унижение достоинства.

Но я ведь не лыком шит. Для разжигания бешеных страстей прикинулся ревнивцем, мол, что это такое? С Левкой хочешь жить и со мной жить! Сказано ведь апостолам: не любостраствуй! Нонка отвечает: «Ах, Иончик! Ты ничего не понимаешь. Он меня к себе зовет жить, а не сожителемствовать... Ну, может быть, из-

редка. Ты же Голиаф, могучий Зевс-громовержец!..» И каких только слов хитрых стерва не знает! Образованной бабёц.

Изыясняясь языком литераторов, ценящих образность и живописность литературного стиля, скажу: над жизненным горизонтом Льва Львовича Века появилось первое грозное облачко.

Заканчивая же главу, хочется еще немного пообщедать с читателями.

Я мог бы поведать о многих, очень многих самых фантастических преступлениях, порожденных «золотой лихорадкой», охватившей Байрамкент. Но я оставляю без внимания брачных аферистов, заклинателей космических духов и мелкое жулье, посылавшее нуворишам записки с требованием положить там-то пять тысяч рублей, в противном случае «ваш дом постигнет пожар», «вашу единственную дочь похитят» и т. д. Этих пескарей городская и областная милиция запросто отлавливала в великом множестве, как, впрочем, и мелких расхитителей казенного добра, так называемых «несунов», — чем существенно поправляла свои дела в смысле показателей борьбы с преступностью. Показатели свидетельствовали неопровержимо: милиция не дремлет!

Остановлюсь на особом виде негодяев. Я имею в виду бескорыстных и микрорыстных прислужников, добровольно холуйствующих перед миллионерами, ныне поседающих, вместо анчоусов и семги, лагерную баланду или вообще прекративших существование в силу применения исключительной меры наказания.

Добровольный холуй — явление практически не исследованное психологами. Поэтому я не имею научно обоснованных ориентиров и вынужден блуждать в потемках. И все же позволю высказать некоторые соображения.

Помните, я выше рассказывал, как академик (или мясник) сдавал в сберкасу тысяч триста — четыреста?..

Казалось бы, типа этого надобно презирать. Ведь ворюга же перед вами! Ан нет, вдруг появилась сотрудница сберкасы (которая и денег-то его не считала, а только с замороженным видом наблюдала за счетом) и стала подобострастно успокаивать вислогубого богатея, когда он, получив вместо горы деньжищ тощенькую

сберкнижку, стал вдруг требовать, чтобы в сберкнижке на сумме вклада обязательно поставили круглую гербовую печать!

— Не беспокойтесь, уважаемый гражданин! — лебезила пожилая женщина. — Вот, видите?.. Это штампик нашей сберкассы. Больше ничего не требуется. Все в полном порядке. Не тревожьтесь, ради бога!..

Вислогубый с тупым видом выслушал холюйствующую особу и, даже не поблагодарив, величественно удалился в сопровождении не то жены, не то дочери, а может, и «человека со стороны».

А как униженно обслуживают официантки какого-нибудь заворовавшегося завскладом или завбазой!.. Только что, пять минут назад, официантка обхамила инженера, выразившего сомнение в съедобности шницеля. Но заявился богачей зав — и она же разительно преобразилась. Сама обходительность, грация, обворожительная улыбка!..

И не думайте, что все эти денежные мешки дают купеческие чаевые. Крупные «на чай» как раз выкладывают посетители, живущие на зарплату и случайно попавшие в ресторан. Они пугливы, как косули, и сидят за столиком, всего страшась и опасаясь. На официанта они смотрят, как кролик на удава. Работники общепита, из обнаглевших, мгновенно распознают эту категорию едоков, подают им небрежно, вроде делаю одолжение, и нередко такие блюда, которые уже однажды были наверняка съедены.

Денежный «туз» чувствует себя в ресторане (да где угодно!) настоящим хозяином. Он может и вовсе не дать на чай. А его с земными поклонами будут провожать и официанты, и завзалом, и шеф-повар с поварами...

И так — всюду.

Воистину психологическая загадка.

Несколько понятнее — микрохолюйство. Человек, который, как известно, звучит гордо, раболепствует перед богачем в расчете урвать малую толику из уворованного крупнокалиберным хапугой. Ладно уж, — самооправдывается микрохолуй, — все равно мой патрон миллионер, — стану я ему услужать или гордо откажусь! А неприятностей не оберешься. «Туз» может позвонить Ивануванчу или Тахиру Саматовичу, и тогда мне не видать продвижения по службе. И даже вообще могут выгнать!.. А послужу, челобитный поклон отвешу, глядишь -- и приглянусь «тузу», Он все может — вознести

высоко и бросить наземь.. Что — поклон?.. Гимнастический элемент. Вон как по телеку во время занятий аэробикой изгибаются! И все за какую-нибудь десятку. А может, вовсе задаром... Чтобы по-быстрому замуж выскочить.

Но и в этом случае, когда природный холуй никак не зависит от финансового «воротилы», он с радостью морально проституирует. Потереть мочалкой в сауне мохнатую спину подпольного миллионера — сущий бальзам на душонку врожденного холуя, поднять оброненный «тузом» носовой платок — небесное наслаждение!..

Среди микрохолуев, обитавших в Байрамкенте, я выделил бы, пожалуй, Октавиана Антисемишникова. Дело в том, что это был холуй-универсал. Рапо-хану и Льву-Шербеку он драил спины в финской бане при «резиденции» еще в те времена, когда никаких выгод от этого занятия не имел. Когда же бывшему Индустрию доверили сотворение романа, швырнули с барского стола жирные «чаевые» и почесали за ухом, — бывший журналист проникся к обоим своим благодетелям собачьей преданностью, хотя, сойдясь с ними близко, не мог не сознавать, что его «идолы» закоренелые ворюги, спекулянты, очковтиратели и колоссального масштаба мошенники.

Октя недолго терзался угрызениями совести, утешив себя житейскими мудрословиями: «Чему быть, того не миновать» и «Плетью обуха не перешибешь!» Роман «Покоритель пустыни» он написал за три месяца, — благо требовалось всего-навсего свести как-то концы с концами. Не затруднил себя писатель Гордиев и поисками свежего сюжета. Начал с того, что в давние времена Кора-дала (Черное поле) была цветущим оазисом. Затем пришли все сокрушающие на своем пути фаланги Александра (Искандера) Македонского (Зулькарнайна — что означает — Двурогий, сиречь сын Звса — Амон) и разрушили древнюю цивилизацию.

Совершив экскурс в древнюю историю, Октавиан Гордиев перескочил через два тысячелетия и обрисовал уже неприглядную деятельность басмачей, пытавшихся повернуть колесо истории вспять, «встать на горло вековой мечте дехкан о превращении Кора-дала в цветущий, благоухающий сад, в бескрайний океан «белого золота», столь ценного сырья для развивающейся бурными темпами социалистической промышленности».

«Но на пути происков жестоких басмачей встал простой узбекский дехканин, сменивший мирный кетмень на боевую винтовку образца 1891 года. Этим героем был совсем юный, шестнадцатилетний Одилджон Парпиходжаев...»

Далее автор живописал ряд кровопролитных сражений, в которых батыр Одилджон, бесчисленное число раз раненный, проявил нечеловеческую отвагу и героизм. Не забыл также Гордиев заклеить позором звериный оскал британского империализма в лице его агента и подстрекателя капитана Чарльза Уидиотта, и дикие зверства главаря басмачей курбаши по прозвищу Секимбашка. Особенно впечатляюще описал Октя сцену насилия озверевшего курбаши над комсомолкой Айшой.

Писатель не пожалел красок, рисуя варварский акт, но при этом не утратил чувства меры, — в самый последний миг в кишлак, где творилось чудовищное преступление, врывается, сверкая шашками, конный отряд Буденного: банда разгромлена наголову, добровольно сдавшихся темных и безграмотных басмачей простили и вернули к мирному созидательному труду, а зверюга Секимбашка, пустившийся в позорное бегство, настигнут женихом Айши — краскомом Одилджоном Парпиходжаевым и разрублен «молодецким ударом шашки от плеча до пояса».

Все продумавший автор не рисует жизнь Одилджона в розовом свете. Его постигает горе. Во время «Худжума», — движения узбекских женщин за свое освобождение и равноправие с мужчинами, — невеста Одилджона — прекрасная Айша, падает жертвой дикого фанатизма мулл, улемов и озверевших дервишей, забивших отважную комсомолку камнями до смерти.

Но жизнь есть жизнь, она берет свое. Одилджон, погоревав, женился на другой Айше, — как бы тем самым сохраняя верность первой любви, и активно занялся созданием колхозов.

Едва возглавляемый Парпиходжаевым колхоз стал «миллионером», — грянула Великая Отечественная война. И тогда колхозный раис заявил:

— Я первым записываюсь добровольцем, буду беспощадно громить немецких душманов!

И, отзываясь на клич своего колхозного вождя, все мужчины тоже добровольно уходят на фронт.

Рассказывая о подвигах своего героя в боях против

гитлеровских полчищ, Октавиан, надо заметить, несколько переборщил, так сказать, проявил усердие не по разуму. По его воле Одилджон непостижимым путем стал защитником Брестской крепости, а затем, пробившись из окружения, несколько месяцев воевал одновременно на разных фронтах, так как автор перепутал Великое Луки с Великим Бурлуком. По этой же причине его герой отважно штурмовал Белгород-Днестровский, называвшийся тогда, к моменту освобождения, Аккерманом.

Однако эти и другие мелочи заметили жалкие завистники, слишком уж пристально штудировавшие роман. И не беда, что прототип героя, Рапо-хан, на фронте борьбы против фашистских захватчиков не был, а в годы сражений против басмачей (как шептались старики, а затем подтвердилось позднее)... сам находился в басмаческой банде. Ведь это же роман. А как указал Пушкин?.. «Под романом разумеем вымышленное произведение...» и т. д.

И все же слава героя веяла над головой Рапо-хана.

В заключительной же части романа Октавиан Антисемишников-Гордиев расписал грандиозные успехи «Рассвета» за послевоенный период. Здесь он лизнул также Льву-Шербеку, представив его талантливым агрономом, «начальником штаба» колхоза, бескорыстным новатором, блистательным исполнителем мудрых предначертаний великого раиса.

Самородка Одилджана и талантливого специалиста хлопководства Арсланова (так Века закодировал Окта) заметили, выдвинули на руководящую работу. Парпиходжаев стал главой аграрно-промышленного комплекса и ныне успешно покоряет пустыню, расширяя площади посевов хлопчатника. Арсланов — осуществляет руководство хлопкозаготовками во всей Чиройлидалинской области. Недаром в известной песни поется: «По заслугам каждый награжден!»

«Начальника штаба», как видите, писатель зашифровал тоже довольно прозрачно. Арслан в переводе означает — тигр; чиройли дала — красивое поле.

Как ни был самовлюблен Октавиан Антисемишников, он все же и предположить не мог, какой резонанс вызовет его увесистое творение. Роман и наполовину не был написан, а к Октавиану, проживавшему в резиденции колхоза «Рассвет», прибыл сам редактор «Якшичульки», Альфред Леопольдович Мундиров.

За шашлыком из молодого барашка гость объяснил цель визита: редакция жаждет печатать роман «Покоритель пустыни» из номера в номер.

— Но ведь роман еще не завершен, — кокетливо отвечал Октя.

— Знаю. Но всем известны также ваши таланты, трудолюбие!

— Вы не читали рукопись. Вдруг вам не понравится, — продолжал кокетничать Октя.

— Не читал, так прочту, и убежден, — понравится. Я в вас верю, Октавиан... — Мундиров замаялся. Он хотел произнести «Мошевич», но подумал, что прозаик может обидеться. — Октавиан... Знаете что? Давайте запросто, а? Брудершафт вроде пили?

— Идет, — отвечал Октя, проникаясь к самому себе глубочайшим уважением. Сам редактор газеты перед ним заискивает!

— А коли так, то давай, Октавиан, рукопись. Завтра же спустим в набор. А ты пиши, пиши. Америка, конечно, нам не пример для подражания, но в данном случае... Ха-ха!.. Не грех использовать и опыт наших недругов — оперативность.

Счастливо улыбаясь, Мундиров уехал, увозя с собою драгоценные главы.

Едва «Якшичулька» начала печатать роман, прибыл в резиденцию новый ходатай — представитель литературного журнала. Этот тоже не стал дожидаться окончания работы автора над «Покорителем пустыни», и увез третий, почти слепой, машинописный экземпляр.

Первый экземпляр прозаик предназначал для издательства. И его представитель не замедлил прибыть в «Рассвет». Узнав, что роман еще не завершен, представитель расстроился, однако, получив приглашение погостить в резиденции неограниченное время, повеселел. Именно он, ежедневно надоедая, заставил Октавиана быстро закончить труд и даже дал очень ценный совет: в конце романа ввести образ Самого Узлары, произносящего речь, в которой отмечается роль бывшего председателя колхоза и бывшего его заместителя в деле достижения невиданных успехов «Рассвета», и особо подчеркивается благотворное влияние дружбы народов на всеобщее процветание Отечества.

— О дружбе советую обязательно написать, — доверительным шепотом прошелестел представитель. —

Сам... Он, знаете ли, больше ни на какие темы не выступает и не пишет.

Еще не убыл из резиденции издатель, как примчался на «Волге» цвета «Белая ночь» особо доверенный литературный гранд Союза писателей республики.

— Октавиан Гордиев, — произнес особо доверенный торжественно: — Вам пора вступать в члены Союза писателей!

От неожиданности Октя плюхнулся на гарнитурный диван «Микадо». Ослышался, что ли?!

Гранд повторил.

И тогда Октя пролепетал:

— Я, конечно... Но, знаете ли... У меня книги нет... Нет рекомендаций...

— Как это нет книги? — доверенный округлил глаза детской голубизны и поправил на лысой голове чувскую тубетейку. — А это что? — он с некоторым усилием приподнял со стола толстую папку с романом «Покоритель пустыни».

— Это пока не книга.

— Чепуха. Скажу вам по секрету, мы сейчас принимаем в писательский союз весьма либерально. Поставлена задача — догнать и перегнать братскую Украину по количеству писателей на душу населения. И даже значительно перегнать. Иной раз принимаем просто по желанию, без книг. Были бы члены, книги напишутся!.. Ха-ха-ха!.. Но вы персона особая. Ваш роман замечен... — он показал большим пальцем правой руки себе за спину и значительно выше. — Высокое одобрение!.. Успех...

Октавиан пристально посмотрел в глаза представителя. Глаза были прозрачные, наивные и лживые.

А!.. — подумал Антисемишников. — Черт с ним. Главы романа читал лишь Век-Шербек. Вслух читал я Рапо-хану. Видимо, они и доложили Самому, и Сам дал команду. Что ж, надо ковать железо... А этот, «выдающийся мастер батальной прозы», как о нем пишут литературные критики... Пусть он хоть тысячу раз интриган, но сейчас он говорит правду. Иначе зачем же ему было мчаться сюда, в резиденцию?

— Я готов написать заявление о приеме меня... — Октя замялся. — У меня нет рекомендаций.

— Как это нет рекомендаций?! — Ясно-и лживоглазый вынул из портфеля несколько листочков. — Вот рекомендации.

Что за чудеса?.. Три рекомендации за подписями известных и не очень известных членов Союза писателей СССР!

По такому неординарному случаю Рапо-хан, прибывший в «Рассвет» вместе с Львом-Шербеком, закатил роскошный той.

Не обошлось, правда, и без мелких обид, то ли случайно, то ли умышленно нанесенных Окте Рапо-ханом и Львом-Шербеком.

Под впечатлением успеха своего романа и приезда литературного гранда Антисемишников, на законном основании ставший Гордиевым, попытался было поставить себя на один уровень с Рапо-ханом и Шербеком. Он до того осмелел, что в состоянии подпития, как бы невзначай, положил руку на плечо всесильного Одилбая и произнес небольшую речь во славу печатного слова.

Одилбай сделал глазищами знак Шербеку, и тот, вскочив с бархатной курпачи, подошел и резко сбросил руку Окти с плеча Рапо-хана.

— Не забывайте, Октя. На это плечо... — Лев-Шербек почтительно склонился перед Одилбаем. — На его плечо кладет руку Сам... Узлары!

— Узлары мой друг, он имеет право, — прохрипел Рапо-хан.

Октавиан, побагровев, готов был провалиться в тартарары от стыда и страха перед содеянным.

Выручил литературный гранд. За бутылкой коньяка это был другой человек. Он ловко пользовался заемными островами, иногда и сам пытался скаламбурить, умело улаживал возникающие во время застолья конфликты и вообще (если бы существовала такая профессия) ему следовало бы стать тамадой.

— Куйсанчи!.. Куйсанчи, дустымлар! — Гранд весьма умело пользовался знанием двух-трех десятков узбекских слов. — У Окти (ядовитый гранд почувствовал обстановку)... У нашего уважаемого сочинителя небольшое головокружение от успехов. Его надо понять. А понять — значит простить. Инцидент исперчен.

— Золотые слова! — воскликнул Лев Львович. — Именно исперчен. Какой изящный каламбур.

Вроде бы страсти улеглись. Однако за шампанским Рапо-хан, у которого, видимо, все еще горело плечо от нанесенной обиды, вдруг заговорил хрипло, тихо и жутковато:

— Щенок... — Он налил Окте полный фужер и приказал: — Пей. До дна пей! Приказываю.

И без того уже переполненный питием писатель послушно выпил.

Старик, тощий и костлявый, напоминающий саксаул, хмыкнул и произнес:

— Аллах тебя спас, щенок. Если бы отказался, — сидел бы ты у меня в Кора-тепа.

Хмель мигом вылетел из головы Антисемишникова. До него давно уже доходили слухи о страшной тюрьме, о подземных каменных мешках, в которых Рапо-хан держит провинившихся людей. Иные сидят там месяц — два. Другие по году и более. А есть — страшно подумать! — и вовсе пропавшие. Бывшие узники Кора-тепа помалкивают. Никакая сила не заставит их слова сказать. На вопрос: «Где скитался?» один ответ: «Родня ездил», Или: «На Сибирь арбуз-дыня возил».

Одилбай, скривив в улыбке фиолетовые старческие губы, налил Окте еще фужер.

— Пей!

От страха несчастный одолел и второй фужер.

— Ты кто? — продолжал Рапо-хан. — Ты ответишь: «Ёзучи... Писатель». Нет! Ты мой малай... Слуга. Холуй. Шербек говорит: «Мы Окте десять тысяч дали. Он машина покупал. Опять денга нет. Еще давать надо». Я говорю: «Нет. Октя такой. Горы уйдет, девочки играть. Как охотник собака держит? На охоту идет — не кормит. Собака голодная работает. Сыта — не хочет работать».

Рапо-хан долго молчал, сверля глазами свою жертву. И наконец прохрипел:

— Я не деньги жалел. Порядок такой. Теперь получай.

Он хлопнул трижды в ладоши, как сказочный султан, и тут же появился некто с «дипломатом», уже раскрытым, полным денежных знаков. Сухими корявыми пальцами грозный старик покопался в денежном навале, выгреб одну кучу радужных, вторую, третью, дальнорезкими глазами оглядел, прикинул, сколько, примерно, будет, и с брезгливым видом отодвинул ворох сторублевок в сторону Октавиана.

— Работа кончил — получай. Спасибо скажи. Дело сделал — уходи. Я тебя увольняю.

На бедного прозаика, оплеванного, униженного, было больно смотреть (об этом вспоминал потом в очень

узком кругу литературный гранд). Антисемишников вообразил, что впал в опалу. Он и оправдаться хотел, но язык не повиновался; и даже сделал попытку встать на колени, однако ноги словно приросли к ковру.

Рапо-хан все понял. Довольно осклабился, блеснув золотыми зубами.

— Пугался, да? Это хорошо. Я тебя не совсем увольняю. Написал роман — булды. Все! Больше не пиши. Другие тоже хотят. Ты за плечо меня, щенок, тронул. Но ты глупый. Прощаю. А кому расскажешь — все, будешь Кора-тепа. Смотри... Видишь, какой красивый!..

Вдали зеленел довольно высокий холм. Видимая пологая его сторона была покрыта виноградником.

— Да я... — наконец обрел дар речи Антисемишников.

— Молчи. Одилбай прощает. Институт больше не ходи.

— Как? — ахнул прозаик.

— Я так сказал. Там девочки много. Вредно. Тебе другое место есть. Я Узлары говорил, Сам согласие дал. Будешь начальником над всеми писателями нашей области. Билет получишь — и давай.

— Уважаемый Одилбай-ота имеет в виду писательское отделение в Байрамкенте, — пояснил литгранд. — В отделении двадцать восемь членов писательского союза. Скоро еще десяток оформим.

У Антисемишникова отлегло от сердца.

— Да я!.. Отец родной! — прозаик не выдержал, пустил слезу.

— Иди, иди. И не шали. Рапо-хан тебе не девочка, чтобы рука на плечо класть. Издательство хорошо заплатит. Газета заплатит. Денга тебе дал. Живи, разрешаю.

Пяясь к выходу, с террасы, на которой расположились пирующие, истово кланяясь, Октавиан Антисемишников споткнулся, едва не пересчитал ступеньки и наконец юркнул в кусты колючей малины.

Через несколько минут «жигуленок» уже уносил прозаика в Байрамкент.

РАЗДУМЬЯ НАД НАПИСАННЫМ

Перечитал «Золотую лихорадку», и самого сомнение взяло. Да неужто все это было на самом деле?

А ведь было. Еще и не такое! Все было. К сожалению.

И уже предвижу законный вопрос читателей:

— Ладно, поверим на слово. Но ведь Байрамкент и Якичкульская область населены не одними лишь проходимцами, преступниками и негодяями. А народ?.. Народ не может быть плохим.

Вопрос законный. И насчет народа сказано прекрасно.

Но вы, конечно, помните гениальную ремарку Пушкина в «Борисе Годунове»:

«Народ безмолвствует».

Народ не всегда виновен в том, что молчит. На этот счет я даже осмеливаюсь возразить любимому моему Дмитрию Ивановичу Писареву. Замечательный критик, революционный демократ в одной из своих статей рассуждал примерно так:

Римский император Калигула был психически ненормальным человеком, творил дикие жестокости и беззакония. Дошел до того, что своего коня возвел в сенаторы. И сенаторы терпели. И римский народ — терпел. Калигулу надо было лечить, а ему отдавали чуть ли не божественные почести. Следовательно, некогда свободолюбивые римские граждане, — землепашцы и воины, аристократы и плебс, — деградировали, прониклись рабьей психологией. Раб же, радующийся рабьему ошейнику, заслуживает своей участи.

Логически вроде все правильно. Но, думается, великий критик оставляет без внимания многие важные факторы, слишком радикален в своих суждениях. Например, он умалчивает о том, что ведь существовало ближайшее окружение Калигулы, обладавшее, кстати сказать, огромной властью и многими привилегиями. И этому окружению было выгодно, чтобы Римской империей «правил» безумный маньяк. Преторианские войска, то и дело устраивавшие «калейдоскоп императоров», четыре с лишним года истово охраняли безумца и держали в страхе вольноотпущенников и сенаторов, всадников и патрициев. Вякни только — и мигом очутишься в каком-нибудь Мамертинском подземелье, откуда нет возврата; или найдут тебя задушенным на окраине Остии, или выловят раздутое тело твое из мутноватых вод Тибра!..

Но едва лишь изменилась обстановка, и маньяк уже стал испытывать терпение власть предержащих, те же самые преторианцы и покончили с Калигулой.

Формула «Народ заслуживает правителя, какого

он заслуживает» верна лишь в том случае, если народ имеет возможность решать судьбу лидера, но, из-за инертности своей, равнодушно взирает на творимые деспотом чудовищные злодеяния.

Однако история, пожалуй, не знает такого нелепого, апатичного народа. Полагаю, что обо всем этом прекрасно знал и Дмитрий Иванович Писарев. Просто он умышленно вызывал читателей на размышления, приглашал их обнаружить его «ошибку» и задуматься над тем, каким образом расшевелить умы, перейти к действиям и столкнуться в могилу смердящий труп самодержавия.

Народ безмолвствует, когда он вынужден безмолвствовать.

Но и в тягостные времена народной немоты всегда находились мученики справедливости, фанаты свободы, исполненные наивной отваги. Участь их была ужасна. Иван Грозный, например, — которого историки восторженно восхваляют за то, что он боролся за создание централизованного русского государства, — царь этот имел ум государственный, и во имя государственных интересов творил непостижимые жестокости: рубал «инакомыслящих» как свиные туши, сажал на кол, варил в кипятке, жарил живьем на огромных сковородах...

И все во имя государственных интересов.

Как тут не вспомнить рассуждения Достоевского о возможности созидания Мировой гармонии, в основание которой положена единственная слезинка замученного ребенка!

А ведь до сих пор почитаем душегуба Ивана IV за великого государя. И даже двухсерийный фильм снят, в коем бедного царя, объединителя земель русских, советуют пожалеть, — до того его, несчастного, бояре извели своей кондовой косностью!

Великий — и все тут! Не беда, что кончил Иван царствовать худо, бездарно прошляпил ливонскую войну, и после его кончины воцарились на Руси страшное Смутное время и лютый голод, заставлявший людосуществовать и даже пожирать собственных детей!

* * *

Я сознаю, что этой главой грубо нарушаю эстетические законы и указания, введя в литературное произведение главу публицистическую. Но что поделаешь?

В исключительных случаях, думается, можно и не потратить строгим эстетикам, литературоведам.

Разумеется, находились и в Якшичулье, и в республике люди самоотверженной отваги, и они не безмолвствовали. Они пытались протестовать против чудовищных злоупотреблений и беззакония. Они заявляли об этом на собраниях, в письмах, сигнализировали в газеты, в самые высокие инстанции.

Однако тот, кто в моем сочинении представлен как Узлары, обладал практически неограниченной властью, — даже за пределами республики.

Безумцев и отчаянных смельчаков быстро усмиряли. Методы усмирения были многообразны. О некоторых из них рассказано выше.

Но народ в целом безмолвствовал. Он, во-первых, — был вынужден безмолвствовать. Горький опыт целого поколения научил держать язык за зубами. И вообще — научил многому: говорить одно, а думать другое, спасительной мудрости — «Как бы чего не вышло!», умению ликовать именно тогда, когда надобно вопиять: «Ратуйте, люди добрые!», в трудных случаях жизни утешать себя изречением — «После нас хоть потоп!», тонкому искусству общественной мимикрии, хамелеонизации души, а главное — р а в н о д у ш и ю.

Сколько раз люди убеждались в истинности изречений: «Плетью обуха не перешибешь», «Не прошибешь лбом каменную стену».

Ну, а во-вторых, — подчеркиваю, именно н а р о д! — верил Узлары. Под его мудрым руководством так много сделано! Свыше шести миллионов тонн хлопка-сырца в год!.. А начинали с полутора, с двух миллионов. Сколько новых фабрик, заводов, совхозов! Стремительными темпами ширится жилищное строительство. И жить стало вроде лучше... Что? Куда подевались деликатесы?.. Эка загнул! В войну люди мечтали о куске хлеба насущного! Зато появились импортные продукты. А до войны их и в помине не было...

Народ — это много отдельных людей. А эти «отдельные» видели лишь «своих» непосредственных нарушителей законности, демократии, персонифицированных хапуг, взяточников, моральных разложивцев, — но не представляли себе мрачной картины в целом.

Как и встарь, сработала наивная вера народа в «царя-батюшку», окруженного злыднями-царедворцами, творящими беззакония. А С а м — он, бедняжка, не ве-

дает ни с чем. Позволю себе не очень точную, но все же историческую аналогию.

Люди изумительной отваги и святого самопожертвования — народовольцы — после шести, кажется, неудачных попыток, совершили, наконец, акт возмездия, взорвали бомбами царя Александра II. Народовольцы были убеждены: как только совершится казнь царя, ставшего тираном, — по всей Руси подымется крестьянство и сметет ненавистный самодержавный строй.

А что вышло в действительности?

Крестьяне помнили одно: Александр II отменил крепостное право. Приближалось двадцатипятилетие воцарения царя-освободителя, и ходили слухи, что по случаю сего торжества грядет новая государева милость: высочайше повелено будет скостить все недоимки!

А Александра Освободителя убили! Ясное дело: это лукавые царедворцы, — генералы разные и статские советники, губернаторы и их приспешники, — учинили царубийство!

И народ не поддержал народников, своих защитников. Более того, в некоторых уездах и губерниях народ гонялся с дрекольем за уездными начальниками и становыми приставами, видя в них тех, кто соучаствовал в убийстве Александра II.

А что рядовой труженик (да и не только рядовой!) знал о человеке, который именуется в моем сочинении «Узлары»?

Многое знал. Узлары из бедняцкой семьи, на войне был. Тяжело ранен. Редактировал областную газету, возглавлял писательский союз... А затем пошел, пошел в гору. И все благодаря своим выдающимся способностям. Обо всем об этом в газетах писали. Даже в центральных газетах. Множеством высоких орденов удостоен, двух Звезд золотых. Значит, ценят Узлары на самом высоком уровне.

Вот мне, например, по роду своих занятий нередко доводилось бывать у Узлары, беседовать, выслушивать его суждения. В чем я мог его заподозрить?.. В одном только: когда же он книги свои успевает писать?.. Заседания, совещания, вручение переходящих Знамен победителям соревнования, поездки по республике, зарубежные поездки и прочая и тому подобное. Да будь ты хоть семи пядей во лбу, — разве есть время написать роман?

Причастность моя к литературному миру также да-

вала пищу для размышлений. Переводчики творений Узлары держали свои «секреты» производства в величайшей тайне, и все же не трудно было сопоставить факты, обстоятельства. И вырисовывалась картина не в пользу знаменитого писателя. Но и тут я выискивал оправдания. Он, Узлары, так занят!.. Минуты свободной нет. Сам себе не принадлежит. А ведь он писатель, в свое время писательским союзом в республике руководил. А писательство — это призвание. Он хочет писать, не может не писать, но у него нет времени... Ну, помогают ему доверенные люди — и что тут такого?.. Он набрасывает план романа, прорабатывает в общих чертах сюжет, характеры главных героев, сюжетную канву... А доверенные ему помогают. Дюма-отец тоже ведь имел помощников, и не одного, не двух, а поболее. Знаменитый Сименон наговаривает на магнитофонную ленту свои детективные романы даже за рулем автомобиля!

Да и вообще, нынче принято помогать начальству литературно. Так уж повелось. Не Сам, не Узлары, — рядовой секретарь райкома выступает с трибуны, а поздравляют с успешным докладом не только секретаря, но, прежде всего, — его помощника: «Молодец! Очень удачно получилось. Впечатляет доклад!» И референтов министров поздравляют, помов разных — других больших, средних, мелких и микроскопических начальников, — у последних и штатных помощников нету, но имеются «содокладчики», так сказать, вдохновенные доброхоты, коим и почти официальное название дано — «писаря».

Короче говоря, я (и разве только я?) находил объяснения, уважительные причины. Гашека вспомнил. Ведь не закончил замечательный сатирик своего «Швейка»; дописал конец друг Гашека — Ванек. Ничего в этом предосудительного нету.

Несколько смущало другое — бесчисленные издания и переиздания творений Узлары массовыми и сверхмассовыми тиражами. Но и в этом случае объяснение имелось. Сочинения Узлары не обходятся читателям. Ясно написано в газете: «...Известный писатель и публицист. Его перу принадлежит ряд романов, повестей, теоретических работ по актуальным проблемам литературы, интернационального воспитания и дружбы народов». Ну, иной раз подхалимы перебарщивают, слишком уж усердствуют с переизданиями. Однако подозре-

вать Самого в корысти — кощунство! Говорят же люди, приближенные к Самому, что свои гонорары Узлары передает на строительство и благоустройство детских домов. Благородная душа. Да и зачем Самому деньги, ежели он и так при коммунизме живет: что ему надо — все у него есть!

Ищу сейчас об этом не из желания оправдаться. Зачем? Разве я один заблуждался?

Да кому могла прийти в голову дикая мысль заподозрить Самого в тяжких преступлениях?!

Тут я, конечно, несколько увлекся. Были, были люди, знавшие, что в действительности представляет собою Узлары, — прежде всего это те, кто под его эгидой творил беззакония и грабили народ, государство. Однако клеветы Самого помалкивали. Приближенным Узлары, как некогда клеветам Калигулы, было выгодно помалкивать.

Знали об истинном лице Узлары и некоторые честные люди, в особенности те, кто подвергался гонениям за строптивость, непослушание. Однако таких хорошо осведомленных людей была горсточка, и их сигналы в самые авторитетные инстанции, к сожалению, оставались гласом вопиющего в пустыне. Слишком велика и авторитетна была фигура Узлары. Перечитайте некролог, посвященный кончине Узлары, и вам станет ясно, что я ни чуточки не преувеличиваю.

Чтобы иметь хотя бы элементарное представление о масштабах могущества человека, властвовавшего абсолютным монархом, как и Александр II, почти четверть века, приведу один факт поистине поразительный.

Лет пятнадцать тому назад бросилось мне в глаза нечто небывалое: столичная область (и в особенности близлежащие к столице республики районы) по темпам заготовок хлопка и урожайности вдруг вышли на первое место. Или по крайней мере на одно из первых мест. Южные Сурхандарью и Кашкадарью превзошли по всем показателям.

Что за чудеса? Может, случайность?

На следующий год — то же самое... И еще через год! И вот что я выяснил.

В те времена первым секретарем столичного обкома партии был очень симпатичный мне Малик Абдуразаков, человек еще далеко не пожилой, энергичный и — по тогдашним представлениям — «чрезмерный демократ». Как-то, помнится, я сидел в его приемной в

компанни других ожидающих. Секретарша пояснила, что Малик Абдуразакович должен скоро приехать.

И он приехал. Веселый, с благожелательной улыбкой.

Разумеется, в приемной раздался казарменный грохот, который происходит от солдатских сапог, когда воины вскакивают и вытягиваются в струнку перед внезапно появившимся перед ними генералом.

Я же продолжал сидеть, рассудив, что воинские артикулы в данной ситуации вроде бы и ни к чему. Ну был бы первый секретарь обкома женщиной — это меняло бы дело. Так вот я размышлял и вдруг смутился. Черт побери!.. Ведь я же сижу в единственном числе. Сижу вызывающе, нахально, наглядно демонстрируя тем самым панибратское отношение к Малику и как бы издеваясь над теми, кто замер по стойке «Смирно!»

И так захотелось тоже вскочить, выпучив от усердия глаза!

Но было поздно, потому что Абдуразаков, поприветствовав всех гамузом, подошел ко мне, дружески пожал руку и сказал:

— Здорово, обличитель (он меня прозвал так за мое пристрастие к фельетонному жанру)! Заходи. Но больше пяти минут уделить не могу. Дела.

Малик этим жестом подчеркнул свою неприязнь к оголтелому чиновничеству. Он вообще был чрезвычайно прост в обращении.

Симпатичен, однако, Абдуразаков был мне не только как «чрезмерный демократ». Он был думающим партийным работником, творческой личностью.

Не ведаю, сам ли он придумал «Колышковый метод» или идея этого метода пришла к нему в кабинет из районной низовки. Это не суть важно. Главное в том, что метод Малик Абдуразаков решил испытать в порядке эксперимента в районах столичной области.

Опишу (очень примитивно) суть «Колышкового метода» (системы).

Допустим, в колхозе имеется 1000 гектаров земли под посев хлопчатника и 100 семей. За семьей закрепляется по 10 гектаров, они отбиваются колышками, чтобы не было путаницы, и каждая семья полностью отвечает за урожай на «своем» участке. Семья контролирует пахоту, сев, междурядную обработку, сама заботится о прополке, поливе и т. д. Никакой круговой поруки! Если семья Ташматовых вырастила и продала государству, допустим, по 60 центнеров хлопка-сырца

с гектара, — она получает щедрое вознаграждение: за проданный плановый хлопок, сверхплановый и суперсверхплановый. Соседняя же семья Ишматовых лодырничала, за хлопчатником не ухаживала и вышло у нее всего по семнадцати центнеров с га. Вот и получай за семнадцать.

Вон еще когда жизнь подсказала формы сельскохозяйственной деятельности, очень схожие с теми, которые ныне носят название «Семейного подряда!»

Недолго, однако, колхозники радовались. Малик Абдуразаков чем-то не угодил С а м о м у, и вот я открываю республиканский журнал «Партийная жизнь» и вижу... Постановление Секретариата ЦК Компартии республики, резко осуждающее колышковую систему! «Разжигание частнособственнических инстинктов», «развитие кулацкой психологии». Отменить. Запретить! Указать. Наказать!

А вскоре не стало и самого Малика Абдуразакова. Он утонул.

Утонуть, разумеется, может всякий, от беды никто не гарантирован. И все же гибель бывшего первого секретаря обкома произвела ошеломляющее впечатление. И даже если бы он жив остался, — все равно, после такого разгромного Постановления, Малик был бы лишь своей тенью, призраком, фантомом, завидев которого «благоразумные» люди бежали бы от него как от чумного.

Я мог бы сослаться на горький опыт другого замечательного коммуниста, Расула Гуламова, также бывшего в свое время первым секретарем столичного обкома партии. Расул Гуламович позволил себе указать на ошибки С а м о г о (тогда поступки его расценивались как ошибки), высказал сомнение в целесообразности пребывания У з л а р ы на высоком посту. И вот Расул Гуламович уже не первый секретарь обкома. Человек кипучей энергии, блестящий организатор был вынужден долгие годы заниматься повседневными делами, далекими от его интересов и устремлений. А ведь это по сути дела мало чем отличается от каторжного труда.

Короче говоря, самодержавное деспотическое правление Узлары было безграничным, и он, подобно оперному Кончаку, мог бы пропеть: «Все боятся меня, все трепещут вокруг!..» Но именно всемогущество его власти порождало нередко явления уродливые и смехотворные. Как выяснилось много позже, У з л а р ы действительно

расставил на разные посты своих многочисленных родителей, людей своего клана и угодливых земляков. Однако нашлось немало ловкачей, осмелившихся нахально выдавать себя за родственников С а м о г о! И это мнимое «родство» ох как облегчало их жизнь, открывало широкие возможности для корыстных злоупотреблений! Один такой «родственник» (ныне исключенный из партии) сумел пролезть даже в члены-корреспонденты Академии медицинских наук!

Пребывание в фаворитах давало любимчику небывалую власть над людьми. Вспоминается один «московский писатель». Маленький, коренастый, похожий на отставного боцмана захудалого буксира, он приехал с командировочным удостоверением одной большой московской газеты «с целью создания очерка о трудовых подвигах хлопкоробов». Тут же позвонил в приемную, представился и был немедленно принят С а м и м. Принят и обласкан. В конце аудиенции У з л а р ы произнес три слова:

— Создать все условия.

И тут началось! «Московский писатель», оказываясь, привез с собою пудовую рукопись о происках американцев на Луне и как русские удалцы их там опередили. Волей случая рукопись на рецензию передали мне. Я подивился дикому произведению, о чем и написал заключение. Против нелепой рукописи восстал также известный прозаик Владимир Карпов — ныне первый секретарь правления Союза писателей СССР.

И тем не менее с «московским писателем» н е л и т е р а т у р н о е издательство заключило немедленно договор, выплатило огромный аванс. В Госкомиздат республики «боцман» входил с грозным видом; ввалившись в кабинет, возмущался тем, что люди, находящиеся в нем, не приветствуют его первыми, и тут же, не спросив разрешения, хватался за «вертушку».

— Алло, это я, — говорил он действительно или воображаемому С а м о м у. — Да, я в Госкомиздате. Чтобы все сделали так, как вы сказали?.. Хорошо, я передам...

Вскоре выяснилось, что к «боцману» приезжает дочь, чтобы поступить на исторический факультет университета. Грозные звонки стали одолевать декана. Однако декан оказался крепким орешком. Знатная абитуриентка получила «тройку» и вообще изрядно не дотянула до проходного балла. Что делать? Ведь есть указание «со-

здать все условия!» И тогда на истфак прибавили еще двадцать мест. Но безумной храбрости декан и на этот раз проявил строптивость — зачислил абитуриентов из отдаленных кишлаков, желавших после окончания университета вернуться в родные края преподавателями истории.

Вновь грозные звонки, приказы «Зачислить!», а чтобы приказ был все же выполнен, истфаку выделили еще семь мест. Дочка фаворита стала студенткой.

А далее выяснилось, что знатному «московскому писателю» надоело жить в гостинице для почетных гостей. Ему захотелось иметь свою квартиру.

Тут же горисполком предложил фавориту трехкомнатную квартиру. «Боцман» возмутился.

— Это мне-то, писателю (имярек) вы осмеливаетесь предлагать какую-то трехкомнатку?! Меньше чем на коттедж я не соглашусь. Возмутительно!.. Где у вас тут вертушка?..

И тут «московский писатель», надо прямо сказать, перегнул палку. Вышло как в сказке про голого короля. Какой-то горисполкомовец, сам удивляясь своей отваге, сказал, мямля и заикаясь:

— Вас ведь всего двое. Чтобы получить коттедж, надобно представить справку о том, что вам полагается дополнительная жилплощадь. Впрочем, не надобно справки. Это бюрократизм. Покажите просто писательский билет.

Разгневанный столичный прозаик побагровел от возмущения, пробормотал неразборчиво себе под нос — что-то насчет угрозы пожаловаться С а м о м у — и как-то вдруг незаметно стушевался, исчез. Это показалось странным. Заглянули в писательский справочник — нет там никакого писателя имярек!!!

Прямо-таки с'конаппель л'истуар! Ну чем не материал для злой комедии вроде «Ревизора»? Одна беда — Гоголя не хватает. Повывелись Гоголи за последние полсотни лет.

Описал грустные и смехотворные истории, а в ушах моих уже звучит ядовитый вопрос читателей:

— С обличениями задним числом у вас вроде все нормально. Но вот о себе, о себе что можете рассказать? Ведь столько лет периодически общались с У з л а р ы. Тоже, небось, помалкивали и раболепствовали, а-сь?

Постараюсь честно ответить. Как почти всякий че-

ловек, не лишен я недостатков и даже пороков. Но раболепие — это не по моей части. Иной раз вдруг даже подмывает подольститься, лизнуть, так сказать, но... не получается. Как говорится, годен, но не обучен. И помалкивать, — это отрицательное достоинство, мне не по карману. Товарищи по перу давно знают, что язык мой — враг мой.

Как-то высказал я Узлары все то (или почти все), что наболело на душе. Написал огромную докладную записку, а во время аудиенции еще битый час говорил о наших литературных бедах. Показывал книгуродцы, изданные из демагогических или корыстных видов.

Говорил о том, что у нас в республике есть писатели-богачи и писатели, талантливые писатели, влачащие жалкое существование. Называл фамилии людей, занимавших тогда ключевые административные позиции в литературе и использующих служебное положение в корыстных целях. Упоминал книги, которые переиздаются несчетное число раз, мертвым грузом лежат в книжных магазинах, затем отправляются на «книжное кладбище», оттуда на бумкомбинат, где из них делают чистую бумагу, на которой снова печатают эти же книги!..

Я говорил, говорил... Сам слушал меня внимательно, не перебивал. Он удалил даже человека в штатском, который обычно без особой нужды перебирал бумаги на дальнем конце длинного стола.

Мы были с глазу на глаз, и я изливал душу.

А Сам смотрел на меня с видом сфинкса. Когда же я, наконец, кончил, спросил:

— Тебе сколько лет?

— Сорок шесть, — отвечал я, несколько озадаченный странным вопросом. (Аудиенция происходила в семидесятом году).

— А как молодо выглядишь. Прямо-таки мальчишка.

Он замолчал. Я тоже помалкивал. Затем Узлары произнес, вставая и тем самым давая понять о конце аудиенции:

— Ты сказал, я — выслушал. Этого достаточно. Спасибо за откровенность. Иди и работай.

А через неделю на мою рукопись, находившуюся в издательстве и стоявшую в выпускном плане, пришла разгромная рецензия-анонимка. Издание книги растянулось еще на два года. Рукопись лежала без движения. Я совершил пятимесячную экскурсию по больницам. И

лишь после этого У з л а р ы вдруг вызвал издательское начальство и грозно молвил:

— Прекратить волокиту. Чтобы через два дня рукопись была сдана в набор!

Спустя несколько лет история эта повторилась (с другой моей рукописью) почти буквально.

Только обошлось без больниц. Лечился амбулаторно. И в третий раз, когда я мытарился с сатирическим романом «Записки Инкогнитова», могла бы после двухлетних стрессов прозвучать очередная высочайшая команда:

— Прекратить волокиту. Чтобы через два дня рукопись была в наборе!

Но на этот раз не прозвучала команда — У з л а р ы не стало.

И вот сейчас, перебирая в памяти минувшее, я так и не могу точно сформулировать своего отношения к этому странному, непонятному мне человеку. Не надо было обладать сверхпроницательным умом, чтобы сообразить, что разгромные рецензии-анонимки являлись не случайно. Стоило мне вновь обратить внимание С а м о г о на очередную серию литературных безобразий, как через неделю-другую появлялась рецензия-анонимка!

Однако, — размышлял я, — еще древние правоведы справедливо говорили: «Пост хок нон эст проптер хок» — после этого не обязательно вследствие этого». Мало ли у тебя литературных недругов! Язык твой — враг твой. И разве перевелись на свете литературные чиновники, которые не стоят, а лежат на позициях марксизма? Иные из них искренно считают сатиру жанром вредным, опасным, расшатывающим социалистические устои. Вот ведь один, в пылу усердия, даже на «Философские тетради» замахнулся. В них есть цитата из Фейербаховой «Сущности христианства». Автор «Философских тетрадей» цитирует: «Остроумная манера писать предполагает также ум и у читателя...» И на полях комментирует: «Метко!»

Ты тоже процитировал Фейербаха. А рецензент-анонимщик взял да и ударил в колокола, не заглянув в святцы, разразился гневной филиппикой: «Автор рукописи откровенно глумится над нашим советским читателем — самым образованным в мире, нагло клеветает на него!..»

А чем дело кончилось?.. Не кто-то, а С а м приказал: «Через два дня — в набор!» Правда, тебе два года этого указания пришлось ждать. Но все равно, скажи спа-

сибо. Если бы не С а м, ждал бы ты и пять лет, и десять, до конца дней своих!

В те времена я, конечно же, и думать не мог, что нахлынет новая революционная волна, Волна Обновления и Очищения. Поэтому мысль, что ждать я мог бы и до гробовой доски, была не такой уж дикой.

И выходило, что У з л а р ы выступал даже в качестве моего защитника! Это надо же!.. У С а м о г о тьма дел государственной важности, а он не забывает даже о таких пустяках, как твоя надоевшая всем рукопись! А как он заботился о писателях! Девятиэтажный дом подарил — чтобы создать условия для творческого труда. Тебя, между прочим, улыбчивый недруг в последний момент вычеркнул из списка счастливцев. Это накануне Нового года было. Товарищи твои, радостные, счастливые, вселяются в новехонькие квартиры. А ты скрипишь в бессильной злобе зубами и дурью маешься!..

И что же?.. Вдруг звонок! «Вас приглашает С а м!.. С Новым годом хочет поздравить».

Господи, да что же это такое?! С чего вдруг? Такая честь!

...И в самом деле, позвал, чтобы поздравить. А затем — вопрос:

— Что такой не очень веселый? Обижает кто? Говори, не стесняйся.

Зайкаясь и мекая, рассказал о своей обиде.

С а м выслушал с непроницаемым видом. Снял телефонную трубку.

— Чтобы завтра решили вопрос. Доложите.

И недруг, вычеркнувший меня из списков, утром, расплывшись в сердечной улыбке, пожелал мне счастливого новоселья.

Вот и разберись тут что к чему!.. Правда, являлась и беспокойная мысль: «Он играет с тобою как сытая кошка с мышкой: то выпустит когти, то погладит бархатной лапой... Позволит чуточку пробежаться — и тут же — прихлопнет. Слегка...»

Но какой смысл в этой игре? Ты действительно мышка, и прихлопнуть тебя для него сущий пустяк! Даже повод был расправиться на совершенно законном основании. Помнишь?.. Доведенный до слепой ярости рецензиями-анонимками, ты совершил не самый лучший в своей жизни поступок. За такое тебя могли посадить на жесткую скамью. С тобой даже важный следователь беседовал, рисовал нелучезарные перспективы!.. И

вдруг — исчез следователь... Тишина!.. И рукопись твоя в наборе.

В голове мешанина. Черт знает что!.. Ничего не могу понять.

То что я сейчас пишу, — исповедь: сам в самом начале я дал слово писать правду, одну лишь правду, ничего, кроме правды!

Да, я не мог не замечать, что С а м не жалуется Абдулле Каххара, писателя замечательного, ядовитейшего сатирика, драматурга, можно сказать, классика узбекской литературы. Были между ними какие-то трения. И поэтому писателю-аксакалу приходилось иной раз дороговато расплачиваться за свои аския (остроты), непочтительные отзывы о книгах, признанных выдающимися официальной критикой.

Но являлась и другая мысль. Каххару приходилось терпеть!.. Мне бы его неприятности. Абдулле-ака построили прекрасный коттедж. У него великолепная загородная дача. Книги издаются и переиздаются. Лауреат Государственной премии!.. Ну, что-то не выходит с более высокой премией, не благоволят к нему С а м... Разве это беды?

Червячок сомнения все же не давал покоя. А твоя докладная? Почему С а м на нее не реагирует?.. Он так внимательно слушал...

И самому же себе я и объяснял причину. Очевидно, время еще не пришло. Свершаются грандиозные дела. Борьба за Большой хлопок. Освоение Каршинской степи. Гигантское строительство... А ты лезешь с какими-то мелкими литературными пустяками! Тоже еще максималист нашелся, все тебе жаждется, чтобы как по щучьему велению.

Словом, я, человек с жизненным опытом, с высшим образованием, окончивший философскую аспирантуру, верил в Узлары, как когда-то верили в царя-освободителя мои, далекие неграмотные предки. Велика сила авторитета власти. Еще могущественнее — власть авторитета. А С а м обладал и безграничной властью и гипнотической властью авторитета. Когда его уже не стало, в одном из докладов, опубликованных в газетах, были такие слова, объясняющие непотребство С а м о м у, даже ближайших его сотрудников: видные руководители республики, составлявшие ближайшее окружение Узлары, «находились, можно сказать, под гипнозом

его личности, не могли противостоять его воле».

Фраза насчет гипноза попала на зубок записным острякам.

А ведь это, я убежден, чистосердечное признание. Да, не могли противостоять его воле.

Надо бы еще добавить: и страшились противостоять.

Человечество знает немало поразительнейших случаев гипнотического ослепления. Например, женщина, вошедшая в анналы истории как «Папиха Анна», умудрилась занять... папский престол! И лишь когда у святейшего «папы» вдруг обнаружился живот и стало ясно, что «папа» беременный, обман был раскрыт.

Обман Узлары тоже был раскрыт, но, к сожалению, уже после его исчезновения. А пока он был жив, в него, в массу своей, люди верили. И не только рядовые. Пятью орденами отмечены заслуги нашей прекрасной республики!

Да что говорить обо мне, так сказать, рядовом литературного фронта. Вот что писал один из известных московских писателей, которого можно назвать генералом от литературы, когда он узнал о кончине Узлары.

«Я знал его давно, еще с того времени, когда... (он) возглавлял писательскую организацию республики. А. Фадеев отзывался о нем, как об очень талантливом художнике, надежде советской литературы. И он действительно создал прекрасные произведения... В цельности своей многогранной личности... (он) являл собой образец современного партийного руководителя... Как горько, что его не стало».

Но ведь иной раз что-то меня задевало, смущало, настораживало в деяниях Узлары!

Да. Но я считал, что все образуется. Как в детстве, когда мне купили пирожное «трубочку» с тухлым кремом. Я откусил, хотел выплюнуть, но было жалко. Надо еще откусить, дальше крем будет хороший, вкусный. И вновь — пакость... Кончилось тем, что я съел всю «трубочку».

Так и с Узлары. Четверть века я откусывал от «трубочки» Узлары. Частенько меня мучило от тухлятины, но я все еще надеялся. Потому что иногда попадались и вкусные кусочки.

А с вами, читатели, никогда не случалось ничего подобного?

Люди среднего поколения, перелистайте книгу сво-

ей жизни, загляните в свое бытие тридцатилетней давности, вспомните, как на любом, самом крохотном, собрании вы единогласно избирали Почетный президиум во главе с неистовым борцом против культа личности и его последствий. Может быть, некоторым из вас приходилось бороться за высокие урожаи кукурузы где-нибудь на Псковщине или Архангельщине. Не задевало ли вас, не смущало разделение партии на промышленную и сельскую?..

Ветераны старшего поколения, не вы ли шли на фашистские пулеметы с возгласами: «За Родину!.. За Сталина!», искренне, с восторгом в душе пели на довоенных праздничных манифестациях: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»

Что там говорить, всем нам пришлось отведать пирожного с тухлым кремом. И все же мы надеялись: «Дальше все будет хорошо».

К счастью, предчувствие нас не обмануло.

Теперь бы только жить да жить, работать, с упорством и с яростной силой бульдозера выворачивать, как пни, замшелых бюрократов, заскоружлых врагов перестройки, гласности, демократии!..

Какое прекрасное время наступило!..

И как горестно сознавать, что поколению моему, так много испытавшему и сделавшему для Отчизны, пора — увы! — на финишную прямую!

Печально, но что поделаешь? Даже в те времена, когда торжественно провозглашали победы над законами природы, — даже тогда законы эти действовали с неумолимой точностью.

И все же есть еще немного времени. И есть еще порох в пороховницах. Потрудимся напоследок, и передадим эстафету молодым...

«Здравствуй, племя младое, незнакомое!..»

ЭПИДЕМИЯ ПОЖАРОВ

Поздней осенью прекрасной в Байрамкенте начались таинственные пожары.

Вдруг глубокой ночью сгорело дотла кафе «Снежинка», расположенное неподалеку от проходной Домостроительного комбината.

Заведующий кафе, Мамикон Мкртычян, здоровенный мужик с серой булыжной мордой, завидев вместо легкого, ажурного павильона дымящиеся руины и

оплавившийся в огне кассовый аппарат, потерял вдруг все свое мужское самообладание, взвыл по-бабьи, как по покойнику, и рухнул в обморок.

Ужасного зрелища не вынесли нервы у самого Мамикона, прозванного за непреклонность характера «Железным ледом» и «Несгибаемым Мкртычем». И его можно понять. Ведь «Снежинка» была единственным его достоянием. Она кормила и поила, обувала и одевала, отправляла на знаменитые курорты и в заграничные круизы не только «Железного ледя», но и всех его многочисленных чад и домочадцев. «Снежинка» приобрела Мкртычу диплом об окончании института торговли, а жене — консерватории. Сыновья и дочери его — также заботами «Снежинки» — обзавелись дипломами. Даже для младшенького, двенадцатилетнего Сирунчика был добыт по случаю (про запас!) диплом об окончании Военно-медицинской академии.

Щедрость «Снежинки» объяснялась тем, что она лишь называлась «кафе». Однако кофе в кафе не подавали, поскольку Мамикон, чтобы не утруждать себя мелкой коммерцией, капитально сломал итальянскую кофеварку «Экспрессо». Его широкая натура требовала размаха, чего-то нестандартного.

Фронтон кафе Мкртыч украсил картиной кисти местного художника-примитивиста. На ней довольно верно был изображен улыбающийся Мамикон в натуральную величину; у ног его возлежала в позе одалиски официантка Офелия в прозрачных шальварах. Она тоже улыбалась и прикрывала соблазнительные груди веревкой шампуров с дымящимся шашлыком. Рядом с замечательной картиной сиял золотыми буквами художественно выполненный стихотворный призыв.

Джаным прохожий, я очень рад,
Что не пошел ты в Ретроград!
Зайди ж ко мне, мой друг, мой брат, отец, —
В «Снежинке» не едок ты, нет! Ты — жрец!
У нас все по-семейному, все тихо, мило —
Клянется в том «Железный Ледь» — поило и кормило!

Тут надобно пояснить, что местный «Широсмани», пробавающийся также и стихами, под «Ретроградом» подразумевал не замшелого гонителя прогресса, а просто Старый город, то есть ту часть старинного Байрамкента, где действовали подпольно многочисленные

домашние шашлычные, лагманные и другие заведения — не очень дорогие, но и не из дешевых. Обслуживали в них, конечно же, лучше, чем в первоклассных ресторанах. Однако обстановочка была убогая — подпольное положение требовало маскировки. Но некоторый дискомфорт вызывал нередко нарекания привередливых клиентов.

«Снежинка» же радовала глаз столиками с гигиеническим покрытием и копиями картин знаменитых художников: «Иван Грозный убивает своего сына», «Реймский собор», «Прачки», «Последний день Помпеи», «Охотники» и, разумеется, «Мишки на лесоповале». Кроме реалистов, передвижников и импрессионистов, в кафе были представлены также художники авангардистского толка. Имелся даже Пикассо, кажется, «голубого периода».

Посетителям лестно было сидеть у дюралевых столиков с гигиеническим покрытием не на стульях, а на маленьких винных бочках. Но еще большее удовольствие им, как ни странно, доставлял вид навек испорченного кофейного автомата «Экспрессо». Вследствие чего им подавали не растворимый кофе, а напитки более натуральные, привычные, рождающие энтузиазм и другие приятные ощущения.

Ощущения эти, в дополнение к напиткам, вызывала также официантка Офелия. На ней не было, правда, прозрачных шальвар, как на рекламном художественном полотне. На ней вообще мало что было. И знатоки с удовлетворением говорили: «Офелия такая деваха, что чем на ней одежды меньше, тем лучше, потому как все при ней».

Несмотря на грубую внешность, Мамикон имел душу, склонную к поэтизации прозы жизни. Потому-то кружало, кабак его, и назывался кафе, а официантка Офелия значилась в штатной ведомости несколько необычно — «гарсонка», так было записано и в ее трудовой книжке. И посетители, с легкой руки Мкртыча, обращались к ней запросто:

— Офеличка, гарсоночка наша задастенькая, еще пару бутылочек коленвала.

Под «коленвалом» подразумевался особый сорт сорокаградусной, расположение букв на этикетке которой напоминало коленчатый вал.

В «Снежинке» к услугам посетителей имелись разнообразные коктейли типа «ерш», в том числе прослав-

ленная адская смесь под названием «Звезды над Кентукки». Рецепт ее, как гласила легенда, Мкртыч получил в наследство от своего усопшего дядюшки, проживавшего в американском городе Луисвилле и с помощью изобретенного им сногшибательного напитка ставшего миллионером.

Особенность «Звезд над Кентукки» состояла в том, что клиент, отведав редкостного напитка, начинал видеть на небосводе звезды — как в ночное время, так и среди бела дня. А особо зорким удавалось рассмотреть даже мелкие астероиды. Нашлись (как им не найти?) современные «иваны — не-помнящие-родства», одержимые страстью к разного рода переименованиям. Они требовали дать знаменитому коктейлю отечественное название — «Звезды над Байрамкентом». Однако Мамикон свято хранил предания старины, бережно относился к овечным веками традициям и потому наотрез отказался, как он выразился, «глумиться над самым дорогим на свете».

И он был прав. При относительной своей дешевизне, коктейль «Звезды над Кентукки» вызывал сильнейшую жажду, вследствие чего клиент не мог добиться ее утоления до тех пор, пока в глазах его не угасала последняя звездочка, а из кармана не улетучивался заветный рубль, благоразумно оставленный на опохмелку.

И в самом деле, любителям «кайфа» посещение кружала Мамикона влетало в копеечку, и кабатчик процветал. Трудно теперь установить, сколько миллионов долларов заработал на своем коктейле покойный предок Мамикона. Да существовал ли он вообще на белом свете. На этот счет имеются немалые сомнения, хотя бы уж по той причине, что в состав «Звезд над Кентукки» одним из компонентов входил ультрасовременный инсектицидный препарат «Дихлофос», предназначенный для истребления мух, комаров и других мелких летающих тварей.

Ну да бог с ним, с американским предком. Но то, что его потомок, Мамикон, «Несгибаемый Мкртыч», лишь чуть беднее легендарного лидийского царя Креза, — это было известно многим байрамкентцам. Первый (формально) человек в Якшичульском оазисе сам Анвар Назимов не считал ниже своего достоинства раз в году посетить «Снежинку», чтобы лично убедиться в образцовом порядке, царившем в лучшей общепитовской точке. Да что Назимов!.. Действитель-

но первый человек — Рапо-хан сюда заглядывал! О директоре треста столовых и ресторанов Наполеоне Бурьяне и не говорю. Этот являлся аккуратнo каждое двадцатое число. Прокурор области и прокурор города по-сещали «Снежинку» ежеквартально.

И все они оставались довольны.

Много было проверяющих. А все равно Мкртыч не оставался в накладе. Во дворе его собственного дома, обставленного с аляповатой роскошью, имелся (как и у Льва-Шербека) цветник. И в недрах его, естественно, тоже дремали дюралевые фляги для молока. А в обширном гараже из жженого кирпича тускло поблескивала спортивная штанга со съемными «блинами», — Мамикон заботливо относился к своему здоровью. По утрам и вечерам он отжимал, толкал тяжелый снаряд, подолгу держал на груди и опять толкал. Несмотря на возраст, спортивный был дяденька. Он очень любил возиться со штангой. Тяжелая атлетика была хобби Мкртыча. Это позднее выяснилось, что «блины» штанги отлиты разносторонним умельцем Мамиконом из чистого золота, точнее — из золотого песка, привезенного с Колымы уже известным читателям спекулянтом Баблoевым. Золотые «блины» Мкртыч густо выкрасил черной несмываемой краской, и они долгое время не привлекали к себе внимания.

Собственно говоря, со штанги все и началось.

Но об этом расскажу в свое время. А сейчас попытаюсь описать смятение души «Железного ледя», кое-как оклемавшегося после позорного дамского обморока.

Выпив кружку воды и отвергнув успокаивающие лекарства, кабатчик долго, словно ему не хватало воздуха, широко разевал пасть. Глаза его выпуклые, бараньи, обрели волчий блеск, налились кровью. Погорелец жаждал мести. Ему хотелось броситься домой, сорвать со стены пятизарядный охотничий винчестер и растерзать медвежьими жаканами своих лютых врагов!.. «Но кто они?.. А-а-а!! Конкуренты из «Ретрограда», шашлычники, пловники и лагманщики-самсишники!..»

Он лихорадочно перебрал в памяти пофамильно конкурентов, и тяжко вздохнул. Слепая ярость хотя и застила глаза, он все же не мог не отбросить мысли о происках «Ретроградов». Это были тихие, законо- и богобоязненные люди. Участковый уполномоченный (позднее — инспектор) наводил на них тихую панику, и

несчастные подпольные коммерсанты торговали иногда и себе в убыток.

«Нет, ретрограды не могли поджечь! — по справедливости решил погорелец. — Тогда кто?.. Кто этот ммэрррзавэц?! А!.. Попался!.. Падлэц Елдыбайка!.. Резить его нада!.. Нэт, зачэм рэзить?.. — Мамикон от душивших его зверских эмоций даже мысленно стал говорить с акцентом. — Его зарэжишь — он, падлец, ничего знать не будет!.. Мэсть будет страшной, ужасной!..»

Елдыбаев заведовал другой питейной точкой под названием «Радость». Лишенный шеи толстяк, с головой-дыней, посаженной плашмя прямо на круглые плечи и щелочками вместо глаз, откровенно завидовал Мамикону. Еще бы! «Радость» располагалась под носом у ГАИ и, следовательно, не все граждане, сидящие за рулем, рисковали «причаститься» в забегаловке. В основном заведение Елдыбаева посещали гаишники, от которых какой доход? Правда, «навар» все-таки имелся, но разве его можно сравнить с золотым потоком, льющимся в закрома проклятого Мкртыча! Чтобы не отстать от других, Елдыбаеву пришлось по совместительству заняться «отхожим промыслом», — транспортировкой свежих овощей и фруктов в сибирские просторы. А это дело хлопотное и расходов требует.

Однажды Елдыбаев, находясь в подпитии, не удержался и ляпнул:

— Везунчик ты, Мамикон. На жирном месте стоит твоя «Снежинка». Народ валом валит на домостроительный комбинат. Кто кончил смену, заглядывает к тебе взбодриться, сбросить усталость, кто на работу, — заботится опохмелиться, набраться сил перед новыми трудовыми подвигами... А моя «Радость» хиреет. С гаишника разве сорвешь?.. Такой народ!.. Возгордился ты, «Железный ледь», нос кверху задрал. Вот я зашел к тебе в гости, а ты ко мне, как к какому-нибудь инженеру... «Салам» даже не сказал. Нехорошо, дустым. Все мы под христом-аллахом ходим. Сегодня ты процветаешь, а завтра.. Пожар, к примеру, может произойти...

...В душе Мкртыча с новой силой забушевал огнедышащий вулкан. Погорелец жутко заскрипел зубными протезами.

— Та-а-а-к!.. — он задышался как кадровый астматик, не находя подходящих слов. — Значит, та-а-к, да?!..

...«Радость» сгорела дотла. Через три дня. Глубокой ночью.

Однако на этот раз тот, кто совершил злодеяние, сплеховал. Недалеко от места преступления розыскники обнаружили канистру с остатками высокооктанового бензина и обломок верхней челюсти с тремя золотыми зубами. Поджигатель (предположительно), убегая, споткнулся в темноте, упал, потерял канистру и выронил изо рта сломавшийся протез. Часть его злоумышленнику удалось подобрать, а обломок отлетел в сторону. Обшаривать землю было поздно, так как на возникший пожар уже сбегались люди. Подобрать же канистру поджигатель не решился, опасаясь быть пойманным с орудием преступления в руках.

Странные пожары переполошили город. Ввиду чрезвычайных обстоятельств расследованием занялся лично начальник ОУВД Хамдамов.

Не стану в деталях рассказывать, как с помощью прославленного Шерлоком Холмсом дедуктивного метода и удивительной интуиции главный милиционер Якшичулья «вычислил» Мамикона Мкртычяна. Факт тот, что уже на другой день Мамикон был доставлен в областное управление милиции.

Что-что, а дело свое Хамдамов знал отменно. Еще с милицейской школы он усвоил ту истину, что с получением диплома учеба лишь начинается. И он продолжал учиться. Огромную помощь в повышении квалификации оказали Ахмаджану бесчисленные литературные произведения на уголовные темы, так называемая «детективная литература», которую — дабы подчеркнуть ее значимость — литературоведы справедливо противопоставляют обычной литературе, просто художественной. Еще больше Хамдамов подчеркнул сведений, наслаждаясь кинодетektивами. Особенно восхищали якшичульского Мегрэ герои бесконечного телесериала, за просто раскрывающие самые хитроумные правонарушения. Он даже перенял некоторые черты этих постоянно возвышающихся в чинах героев. Прическа у Хамдамова была такая же парикмахерски-приглаженная, как и у главы знаменитого триумvirата, и он то и дело приводил ее в порядок с помощью расчесочки. У шустрого розыскника Ахмаджан перенял взгляд — лукавый, верткий, с мошенническими огонечками. Постояв перед зеркалом, начальник милиции с удовлетворением убедился в том, что его взор передает больше жизненной

правды, поскольку актер создавал взгляд с помощью системы Станиславского, а он, Ахмаджан, имеет взгляд природный, нутряной, естественный.

Даже от эксперта-универсала начальник милиции умудрился кое-что прибрать к рукам. Казалось бы, нечего и взять-то! То ли девица в годах, то ли разводка сообщает результаты экспертизы — всего и делов! Но нет. И у бесцветной дамочки удалось разжиться черточкой. Ахмаджан усвоил торжественные нотки в голосе, когда экспертше вдруг удается сообщить такой результат, о котором не подозревали ни аккуратно причесанный глава триумvirата, ни хитроглазый розыскник, умеющий (для пользы дела!) так ловко прикидываться уголовником, что начинаешь даже подозревать, что он и есть настоящий «урка», проникший по заданию «паханов» в уголовный розыск.

Ахмаджан Хамдамов был не только крупномасштабным мошенником. Он обладал также и актерскими способностями. Однако, рассудив, что лучше быть крупным негодяем, нежели мелким провинциальным служителем Талии и Мельпомены, целиком посвятил свою жизнь развитию и совершенствованию главного своего таланта. Но и об актерстве не забывал. Это дарование он использовал, допрашивая обвиняемых.

Вот и сейчас Хамдамов решил потрясти своим даром Мамикона, задавить его психологически, принудить «расколоться».

...Мамикон Мкртычян под охраной двух конвоиров сидел в темном коридоре, пропахшем сапожной ваксой и столовским борщом, и маялся.

Тем временем в своем огромном, похожем на ангар, кабинете восседал в мягком вертящемся кресле начальник ОУВД и с наслаждением читал очередной детектив, в коем прогрессивный разведчик натягивает нос матерому шпиону, «агенту 007 с правом на убийство»! Ахмаджану очень нравилась такая, например, сцена:

«— Ваша карта бита, мистер Джеймс Бонд! — воскликнул Пахов. — Карты на стол!

— Но как вы узнали, что я — это я? — Бонд в изумлении уставился на невзрачного, но мускулистого Пахова.

— Здесь вопросы задаю я! — громовым голосом отвечал Пахов.

— О боже! — взмолился разоблаченный матерый шпион. — Товарищ Пахов...

— Гусь свинье не товарищ, — парировал разведчик.

— Да я... — злостный диверсант вконец потерялся.— Мы же с вами товарищи по профессии...

— Ничего общего! — гордо отвечал Пахов, и голубые глаза его торжественно сверкнули. — Вы — наймит, шпион, а я — разведчик. Это две большие разницы!

Джеймс Бонд поник головой. После затянувшегося молчания шпион спросил с надеждой в голосе:

— Что со мною будет?

— Это зависит от вас. В сущности, мы все знаем, но ежели вы чистосердечно расскажете обо всем, обещаю снисхождение. Вы пытались подорвать изнутри общество «Знание». В известной мере это вам удалось. И все же мы схватили вас за руку. Немедленно говорите: явки, пароли, тайники...»

В этот самый захватывающий момент в кабинет впорхнул секретарь Хамдамова, юный лейтенант, поразительно похожий на девушку, правда, без грудей.

— Кхм... — дал о себе знать лейтенант.

— Что тебе? — недовольно поморщился шеф.

— Конвой докладывает: «Задержанный Мкртычян седьмой раз просится в туалет».

— С чего это его так разобрало?

— А он, товарищ полковник, только просится. Седьмой раз... — Лейтенант замялся и добавил нежным девичьим голоском: — Может, уже и не надо ему?.. Зря вас беспокоили?

— Удовлетворить законное требование задержанного, — Хамдамов нахмурился. — Если поздно — пусть хоть приведет себя в порядок. Не к теще на блины привели. Выполняйте.

Лейтенант испарился, и шеф вновь принялся за увлекательный детектив. Но вновь помешали.

— Задержанный опять в туалет просится.

— Что за черт! — взорвался шеф. — Он что, за этим только сюда и пришел?!

— Задержанный с перепугу забыл, зачем его в туалет водили. Ему сказали, чтобы привел себя в порядок, — он умылся и вернулся в коридор.

— Вот так вот, лейтенант Рябошапка, — Хамдамов горестно вздохнул и, как провинциальный актер, горестно заломил руки. — Вот так и проходит жизнь!.. А

годы бегут и все лучшие годы!.. Отвести и привести! Живо!

Через несколько минут конвойные ввели в кабинет Хамдамова подозреваемого в поджоге. Здоровяк-трактирщик еле шел на одеревеневших ногах. Небритая его физиономия выражала крайнее смятение.

Однако шеф милиции не спешил. Взял телефонную трубку, позвонил первому секретарю Назимову. Доложил о том, что преступник, спаливший две образцовые пищеточки, задержан, и сегодня же материалы следствия будут переданы в суд.

Услышав такое, Мамикон, как и книжный Джеймс Бонд, поник головой. Крупное тело его мелко вздрагивало. Долгие годы где-то, в тайниках души своей, он очень неохотно, но все же допускал возможность знакомства со скамьей подсудимых. Ничего не попишешь, такая уж работа. Имеется фактор риска. Но чтобы угодить под следствие за поджог!.. Нет, это страшная ирония судьбы!.. Чудовищно!.. Что делать?.. Прежде всего надо уплатить этому вымогателю ясак, «подходящий налог» за год вперед!.. В квартал он берет десять тысяч. Дать ему сразу сорок «кусков», и пусть гасит дело...

Эта счастливая мысль взбудрила Мамикона, и он перестал вздрагивать.

Между тем грозный начальник продолжал телефонный разговор. Собеседники перешли теперь к светским темам — чудной погоде, здоровье, блестящих видах на урожай хлопчатника и других ценных сельскохозяйственных культур...

— А как насчет охоты?— спросил, переменив тему, формально первый человек в области. — Надо бы отдохнуть от трудов праведных. А то все дела, дела...

Разговор велся по громогласной «вертушке», и что говорил хозяин обкома, было хорошо слышно в кабинете. Мкртычян поежился. Озноб пробежал по волосатому телу. Он вдруг сообразил, что сорока «кусками» не отделаться. «Первый человек» ежегодно получает полсотни «кусков». И он, разумеется, не замедлит включиться в следствие. Будет осуществлять вроде как контроль. А еще есть облпрокурор Ширинходжаев, горпрокурор, начальник ОБХСС, начальник непосредственный — директор треста столовых и ресторанов Напсленон Бурьян!..

Это же настоящая волчья стая! У волков какой за-

кон?.. А самый простой. Охотятся стаей, загоняют со-обща жертву и рвут на части. Однако стоит какому-нибудь волку зазеваться, подвернуться под копыто со-хатого, клыки кабана или под ружейную картечь, — все «товарищи» немедленно пожирают неудачника! А он, Мамикон, оказался неудачником. Его и начнут рвать.

Прикинув в уме предстоящие расходы, подозреваем-ый похолодел. Форменный грабёж! «Кусков» пятьсот обойдется!.. Сколько трудов — прахом!

Ему вновь дико захотелось в туалетную, но решил терпеть. Мамикон опасался разозлить хозяина кабинета, увлекшегося воспоминаниями о какой-то успешной охоте. (Негодяи вспоминали «охоту» на второго секретаря обкома Алимджана Алимова, оклеветанного и осужденного!). Собеседники перешли затем к критике футбольной команды «Пахтакор». И лишь после этого начался разговор по существу.

— Это какой Мкртычян? — поинтересовался «пер-вый». — Который «Железный лёд»?

— Он самый. Только теперь он не железный. Он сейчас в моем кабинете сидит. Допрашивать собираюсь.

— Ты его как следует пощупай, Хамдамов. Может, он не просто поджигатель. Может, нам его из-за кор-дона забросили? Цеэру не дремлет!

Мамикон от сильного испуга громко екнул селезен-кой.

— Будет сделано! — лихо отвечал Хамдамов и весе-ло подмигнул Мамикону. — А ежели артачиться нач-нет, я его познакомлю с сержантом Ершовым и млад-шим сержантом Акиловым. Они из него в два счета всю правду вытрясут.

— Хош... — Назимов помолчал и в заключение ска-зал: — Дело серьезное. Беру его на контроль. Имей это в виду. Будет время, лично с ним поговорю. Очень хо-чется взглянуть в его бесстыжие глаза. Ну пока все. Бывай. Хайр!

Свет померк в глазах бывшего «несгибаемого» Мкрты-ча. Он понял: это конец! Даже ежели империалистиче-ского наймита не станут из него выбивать, так и то!.. Забегаловки-то «Снежинка» и «Радость» государствен-ные. «Вышка» маячит!.. Или «срокá» от десяти до пят-надцати!.. И полное разорение. Все, все до ниточки от-берут! О Ершове и Акилове слухи жуткие ходят. Ни-чего невозможно утаить.

На Мамикона напала икота. В страхе взглянул он

на Хамдамова — и оторопел. Главный милиционер области ласково улыбался. Затем встал из-за стола, налил из графина воды в стакан и протянул Мамикону.

— Чего это ты, брат? — спросил доверительно.

— Ик... Ик-килова ик-ик... не надо... Ик-нк...

— Не надо так не надо, — милицейский полковник похлопал по плечу подозреваемого. — Ты главное не волнуйся, соберись с мыслями и расскажи все по порядку. Мы же свои люди. С кем не бывает. С какой целью, а?

— Зачем мне поджигать? — искренне возопил Мамикон. — Я что, дурак, да? Я лучше себе руку топором отрублю, чем...

Хамдамов прикрыл ему рот ладонью.

— Подумай, дустым. Зачем спешишь? Чистосердечное признание облегчает участь преступника.

— Не поджигал я...

-- Ну и прекрасно. Сам не поджигал. Возможно. Тогда — кто, а?!

Искушенный в следственных уловках, Хамдамов построил допрос на принципе контрастности: сперва беседовать с поджигателем вроде как дружески, доверительно, с элементами искреннего сочувствия человеку, попавшему в беду, а когда допрашиваемый окончательно успокоится и начнет чуточку соображать и нагло уходить от прямых ответов, — вдруг резко изменить обращение, превратиться в следователя-пугало, хама и грубияна.

И Мамикон попался на эту ловушку. Он и в самом деле стал несколько успокаиваться. И потому решил воззвать к здравому смыслу.

— Ну зачем... Скажите мне, товарищ следователь, зачем мне было сжигать свою собственную «Снежинку»?

И тут актерские таланты Хамдамова получили полное свое выражение. Он вдруг побагровел, хлопнул изо всех сил кулаком по столу и заорал во все горло хриплым басом:

— Что?!.. Как смеешь?!.. Какой я тебе товарищ?.. Тамбовский волк тебе товарищ!!!

-- Я хотел только спросить...

— Здесь вопросы задаю я!! — еще оглушительнее заорал Ахмаджан Хамдамов. — Видали мы таких. Ты сжег «Снежинку», чтобы скрыть недостачу. С этой же целью ты поджег и истребил «Радость»! Сознаться, сколько денег получил с Елдыбаева за поджог?

— Да я... Ик-ик...

— Молчать! Отвечай!

— Ик-ик!..

— Молчать, тебе приказываю!.. Отвечай!

Это тоже был весьма эффективный приемчик требовать немедленного ответа и тут же затыкать рот. Допрашиваемый переставал что-либо понимать, окончательно падал духом и тогда из него уже можно было веревки вить, получить любое признание.

Поорав зверски на полумертвого от страха Мамикона с четверть часа, грозный начальник перевел дух, вынул из холодильника запотевшую бутылочку «Боржоми», — и вдруг взгляд его упал на изрядную лужицу, образовавшуюся под стулом некогда «Железного леда».

— Что это?! — грозно спросил Хамдамов. Но тут же лицо его утратило свирепое выражение. Он сочувственно посмотрел на Мамикона. Жалостливо произнес: — Бедняга!.. Вот к чему приводит чрезмерная деликатность. Попросился бы — всего и делов. Свои люди. Приведи себя в порядок. Тебя проводят. Разве мы звери?.. Что? Встать, джаным, не можешь?.. Эк тебя. Давай помогу...

Возвратившись в кабинет Хамдамова, бледный до голубизны, как магазинное молоко, униженный и до шока запуганный Мамикон вдруг пошатнулся. На огромном письменном столе начальника ОУВД он увидел край дюралевой канистры, умышленно плохо прикрытой газетой «Якшичульская правда».

— Мамик, друг мой, — всполошился актерствующий милиционер. — Тебе нехорошо?.. Выпей боржомчику... Вот так, умница. А чего бояться, канистры? Это ведь твоя вещь. Вот, смотри... — Хамдамов великосветским жестом знаменитого иллюзиониста Кио-старшего сдернул газету. — Твоя ведь, верно?.. И отпечатки пальчиков на ней твои. Экспертиза показала. Плохо, брат, не читаешь детективной литературы. В перчатках работать надобно:

На бывшего «железного» было больно смотреть: жалкий, трепещущий как осиновый лист, он тихо, но часто икал и обливался потом.

— Но это не все, родимый, — продолжал Хамдамов елеиным голоском. — Гляди... — Менее шикарным, но тоже впечатляющим жестом инженера-иллюзиониста Кио-младшего он выбросил из ящика стола на зеленое

сукно столешницы обломок верхнего зубного протеза.— И эта вещичка тоже твоя. Разумеется, ты вправе отказаться, заявить, что никогда не видывал этих трех золотых зубов. Однако должен тебя огорчить, напомнив, что нынче криминалистика — наука такая — просто чудеса делает. Сам знаешь, век научно-технической революции, НТР. Показывай сколько угодно свою новую челюсть, которая сейчас у тебя в ротике — все равно никто не поверит. Мы вызовем лучшего подпольного врача, балующегося золотишком, Соломона Яковлевича Пёсьева, и он нам скажет... Знаешь, что он нам скажет, дорогуша?! Он скажет: «Не делайте мне смешно, товарищ полковник! Я давно уже не невинная девушка. Что, я не знаю своих пациентов?.. Этот обломок протеза — самый настоящий Мамикон Мкртычян. Человек запасливый и несметно богатый. Ему ничего не стоило... Нет-нет, разумеется, стоило, но я хочу сказать, что сумма гонорара врачу для Мамикона не составляла даже намек на проблему. Потому он и заказал мне три экземпляра прекрасных высококачественных протезов... Я, конечно, очень извиняюсь, что выдаю, так сказать, врачебную тайну, нарушаю священную Клятву Гипократа. Но... Вы же, товарищ полковник, меня просите говорить правду. Вы обещаете мне, что я никогда не стану обращаться к вам «гражданин полковник»!.. Это надо понять. А понять — значит простить!»

Хамдамов продолжал краснобайствовать. Ему очень нравилось слушать самого себя. И он продолжал, вкрадчиво, доверительно:

— Теперь о достижениях науки. На обломке осталась твоя слюнка, дорогой Мамик. У людей, знаешь ли, все разное: цвет волос, глаз, характер, служебное положение, зарплата... И слюнка тоже разная. Уловил?.. Да что там слюнка!.. Я могу заложить в ЭВМ данные твоего обломка, и умная машина фоторобот в считанные минуты выдаст мне портрет вылитого кого?.. А самого Мамикона Мкртычяна. Да-с.

Сделав довольно значительную паузу, дабы дать возможность Мкртычу ясно осознать безвыходность своего положения, начальник УВД попил еще боржомчику. И наконец перешел к делу.

— А теперь слушай внимательно и записывай золотыми иглами в уголках своих глаз... Ну, как, записываешь?

— Так точно! — вдруг гаркнул Мамикон, садясь по

стойке «смирно!». У него полегчало на душе — он уловил некую интонацию Хамдамова.

Начальник УВД удовлетворенно кивнул, вновь встал из-за стола и сел рядом с Мамиконом, дружески положив руку на спинку его стула.

— В сущности говоря, Мамик, я люблю тебя как брата. И мне очень жаль тебя, жаль твое милое семейство. Душа моя разрывается на две части. С одной стороны, я должен выполнять долг. С другой, — я переживаю, видя невыносимые страдания хорошего человека. Что делать, а?.. Не я один занимаюсь пожарами. Слышал мой разговор по телефону с самим?.. — Хамдамов указал пальцем в потолок. — Областной прокурор тоже интересуется. Городской даже требует передать дело ему лично. Все жаждут с тобой расправиться...

— Не надо! — Мамикон всхлипнул. — Не надо меня передавать!

— Правильно мыслишь. Ты умный человек, Мамик. И ты, я надеюсь, запомнил слова дантиста Пёсьева. Он сказал, что ты очень, очень богатый человек. Он обязательно это скажет.

— Сколько?.. — выдохнул Мкртыч, заранее пугаясь услышать ответ.

— О! Это совсем другое дело. Логично мыслишь, милый друг. Мне лично ничего не надобно. Я свой долг выполняю. Но остальные... Первому никак не меньше трехсот...

— Чего — трехсот... Червонцев?

— Ай-яй-яй! — Хамдамов укоризненно покачал головой. — Дешево ценишь высокое начальство. Не дай бог узнает Назимов! Он за такую обиду комбикорм из тебя сделает, компост. «Косых», родненький, тышченок. Далее... Областному сотенку, городскому полтинник... Да!.. Главного забыл.

— Кого?

— Ты что, с Луны свалился, а?.. Рапо-хана не знаешь, Одилбая Парпиева?.. Сам, Узлары его лучший друг.

— А за что Рапо-хану платить?

— А за то, глупышка, что он Рапо-хан, понял? Традиция такая. Ему все благодарны. Умные люди и его дружка Льва-Шербека не обделяют. Так что ты, Мамик дорогой, хорошенько подумай. А ежели жадность одолевает, пеняй на самого себя. Дело могут так повернуть,

что и не приведи аллах!.. Слышал, что первый говорил насчет цезру?.. То-то. «Вышку» дадут — тогда тебе вообще ничего больше не потребуется. Да и за умышленный поджог «десяточка» светит. Теперь тебе пятьдесят три, верно?.. Выйдешь перевоспитанный и того... По небесной мобилизации. Так что взвесь все.

— Рапо-хану и дружку его... Сколько?

— Юбиляр круглый счет любит. Вот что: Назимову можешь скостить сотню. Двухсот ему достаточно. Скажу, что ты до нитки выложил. А вот Рапо-хану надо обязательно триста. Дружку же его полтинник. Хватит с него. Он и без того деньгу гребет лопатой с хлопкозаводов и заготпунктов. От полтинника не откажется, ибо, как он любит говорить, — всякое даяние — благо. А ты, дружочек, не разоришься окончательно. Знаю я тебя. Двадцать лет травмишь народ дихлофосом. Мне твои секреты известны. Работа такая.

Как и положено деловым людям, поторговались. Нашли конструктивный вариант. Хамдамов вызвал уже известного читателям капитана Бойко, и вскоре тот, наскоро оформив дело, закрыл его «за отсутствием состава преступления».

«Железный ледь» был ограблен, но не до нитки. Кое-что все же у него осталось.

Точно так же обошелся начальник ОУВД и с «поджигателем» Елдыбаевым.

А еще три дня спустя сгорел дом мадам Незамужник.

Происшествие это наделало такого шума в городе, что «Якшичулька» решилась напечатать специальную зарисовку. Редактор Мундиров поступил очень правильно. Ведь общеизвестно: когда нет правдивой информации, рождаются слухи, сплетни, подчас самого фантастического свойства.

Зарисовку попросили написать популярного прозаика, автора нашумевшего романа «Покоритель пустыни», Октавиана Горднева.

Вот это произведение.

Октавиан Гордиев

ПОЖАРЫ, КОТОРЫХ МОГЛО НЕ БЫТЬ *Зарисовка с натуры*

Прекрасно наше южное небо, усыпанное по окончании светового рабочего дня сверкающими звездами. Вот

Сириус... Большая Медведица, Малая... Где-то там, в космической глубине, угадывается туманность Андромеды... А это Марс. Звезда внешне привлекательная, однако вызывающая отвращение из-за своего названия. Марс — бог войны. А нам ненавистна война! Мы мирные люди, но наш бронепоезд, как известно, стоит на запасном пути! И пусть об этом всегда помнят поджигатели войны, воротилы Военно-промышленного комплекса.

...Мирно спит Байрамкент после трудового дня, ознаменованного замечательными трудовыми успехами. Например, токарь завода «Байрамметалл» выполнил дневное задание на 457,8 процента при отличном качестве. А прославленный механизатор Шарофат Умарова, водительница «Голубого корабля», собрала за световой день недельную норму «белого золота», обещая при этом не останавливаться на достигнутом.

Люблю тебя, прекрасное южное небо! Люблю твой стройный, гордый вид... Но что это?!. Родное небо озагрили языки жадного пламени! Это вспыхнуло, как факел, образцово-показательное кафе «Снежинка», возглавляемое опытным торговым работником с высшим специальным образованием Мамиконом Мкртычяном. О, огненная стихия! Ты даришь людям тепло, и ты же сжигаешь без жалости объекты общественного питания!..

Да, да, именно объекты! Кроме «Снежинки» за короткий срок сгорели кафе, пирожковые и блинные в количестве нескольких единиц. Пожарами нанесен немалый ущерб.

В этой связи по городу распространились слухи, будто торговые работники умышленно сжигают общепитовские объекты, чтобы скрыть недостачу и другие злоупотребления.

Автор очерка уполномочен заявить, что слухи эти не соответствуют действительности. Компетентные органы провели тщательное расследование обстоятельств возникших пожаров. Оказалось, что всему виной несоблюдение правил пожарной безопасности. В кафе «Снежинка» произошло короткое замыкание. Пищечотка «Радость» сгорела по причине грубо сработанного «жучка» в электропробке и т. д. и т. п. Электромонтеры, непосредственно виновные в вопиющем нарушении правил, привлечены к ответственности. Руководителям сгоревших кафе и других пищевкусовых объектов строго ука-

зано. Восстановительные работы идут полным ходом.

Казалось бы, на этом можно поставить точку. Но мне хочется остановиться еще на двух знаменательных фактах, рассказать о героизме советских людей и напомнить правила пожарной безопасности.

Как известно, сгорели не только кафе. Безжалостная огненная стихия не пощадила и дом гражданки Христины Умбертовны Незамужник, принадлежащий ей на правах личной собственности.

Пожар охватил строение глубокой ночью. И все же люди пришли на помощь одинокой женщине, косметичке по специальности. Особо следует отметить бесстрашие в борьбе с огненным смерчем начальника ОУВД Ахмаджана Хамдамова, мастера «Автосервиса» Альберта Шакалуса и директора треста столовых и ресторанов Наполеона Гамлетовича Бурьяна.

И все же наивысшую отвагу на пожаре проявил наш аксакал, Одилбай-ака Парпиев. Аксакал-батыр, как говорится, потрянул стариной, вспомнил свои годы молодые, когда он бесстрашно сражался с басмачами, превращал в крошево фашистскую нечисть!..

(Здесь автор, надо полагать, несколько увлекся, процитировав отрывок из своего знаменитого романа «Покоритель пустыни»).

...Судьбе угодно было сделать так, что пожар дома гражданки Незамужник возник именно в тот момент, когда указанные выше замечательные люди проезжали на машине по служебным делам мимо скромного домика, охваченного огнем. И герои, не раздумывая, бросились на помощь. Их не пугала возможность погибнуть в удушливом дыму и пламени, получить тяжелые ожоги...

И они победили. Подроспевшая пожарная команда, к сожалению, прибыла поздно. Дом сгорел. Герои, получившие незначительные ожоги, доставлены для обследования и оказания медицинской помощи в больницу.

Герои представлены к награждению медалью «За отвагу на пожаре».

Слава героям!

Однако почитать на лаврах нам не к лицу. Надо сделать выводы. А именно.

При пожаре, товарищи, необходимо немедленно звонить по телефону 01. Строго соблюдайте правила пожарной безопасности! Ни в коем случае не позволяйте детям до шестнадцати лет играть с огнем, со спичками!

И последнее: немедленно застрахуйте свое имущество в Госстрахе.

И тогда, как поется в песне, «и огонь нам не страшен, и пожар нам не страшен!..»

И я уверен, я убежден, что впредь прекрасное наше южное небо, усыпанное мерцающими звездами после заката и до рассвета, не будет больше озарено зловещими сполохами пожара — пожара, так остро, до боли душевной напоминающего войну, против которой активно борются все люди доброй воли, «парни всей земли!»

* * *

Пламенное выступление Октавиана Гордиева как бритвой подсекло под корень все сплетни и измышления, связанные с пожарами. Заглохла и злобная версия, будто дом мадам Незамужник упомянутые выше героини вовсе не спасали. Наоборот, — они спасались из мгновенно вспыхнувшего «салона» косметички. Теперь уже никто не решался повторять пущенные каким-то недоброжелателем слова, будто Рапо-хан и другие бесстрашные борцы со стихией выскочили из «салона» в одних кальсонах, а самого Рапо-хана вынесла на руках «гарсонка» Офелия, после гибели «Снежинки» временно поселившаяся у мадам Незамужник.

Люди приучены верить газетным сообщениям.

И на этот раз они тоже поверили.

Однако было в Байрамкенте три человека, посмеявшиеся над очерком Октавиана Гордиева. Они-то знали истинные причины, из-за которых сгорели «Снежинка» и «салон» мадам Незамужник.

Об этой троице я сейчас и расскажу.

БЕСПОКОЙНАЯ ТРИАДА

Напрасно «Железный ледь», то есть Мамикон Мкртычян, отомстил толстяку Елдыбаеву за поджог кафе «Снежинка». Зря он это сделал. Только лишних бед навлек. И расходы понес колоссальные.

Не виноват был Елдыбаев. «Снежинку» сожгли уже знакомые читателям Алешка Руднев (внук покойного Григория Фомича Гродничка) и его закадычный дружок Тим Бахрами, при участии их новой приятельницы по имени Нина. Она впервые появляется в моем повество-

вании. Но с дедом ее мы уже знакомы. Помните Витьку Климковича, благородного недруга Льва Века?

Ну так Нина его внучка. Нина Климкович.

Прав был мудрец, изрекший: «Все возвращается на круги своя».

Критики зря частенько ругают писателей за «невероятные встречи» героев их книг. Что книги? Сама жизнь порой «устраивает» такие фортели, что даже самая изощренная фантазия не выдумает. («Есть в жизни многое такое, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!»).

Всего один «невероятный» жизненный факт.

Накануне Тегеранской конференции занесла меня военная судьба в Тегеран, а оттуда — в американскую зону оккупации, на юг Ирана и в Ирак. И вот на моих глазах встретились: старшина Советской Армии Борис Бёрлин и сержант армии США... Сэм Бёрлин! И узнали-то они друг друга только потому, что похожи как две капли воды. Стали разбираться — действительно, братья. Родные. Младшего, Сёму, в Штаты увез бездетный дядя. В 1921 году.

Вот уж действительно угораздило, — у слияния Тигра и Евфрата, там, где, по библейскому преданию, был некогда рай, — встретиться двум братьям-антиподам!.. Редчайший, поразительный факт! Но — факт же.

Однако критики, поборники несокрушимого реализма, прочитав об этой встрече в одной из моих книжек, все же укоряли: «Читатель все равно не поверит. Это против правды жизни. Надобно все же усмирять буйную фантазию!»

В сравнении с почти сверхъестественной встречей братьев Берлинов появление в Байрамкенте Нины Климкович следует считать самым заурядным фактом. Ее родителей перевели сюда на работу. Отец и мать — оба инженеры-электрики, изъявили желание монтировать в Байрамкенте новую теплоэлектростанцию.

Чтобы ввести читателей в курс дела, коротко расскажу о фамилии Климковичей. Дед Нины — Виктор Викторович — женился в партизанском отряде. Жена его Клавдия, вывезенная в мае сорок четвертого с группой раненых на «Большую землю», ухитрилась родить прямо в самолете, летевшем в ночном небе, среди похожих на праздничную иллюминацию разрывов зенитных снарядов. По этой причине экипаж ЛИ-2 и раненые пред-

ложили назвать младенца мужского пола Александром — в честь знаменитого аса Александра Покрышкина. «Крестные папы» предрекали младенцу великое авиационное будущее.

Однако не довелось Александру оправдать предсказания. Он выучился на инженера, стал специалистом-электриком. Женился он студентом на однокурснице Юлечке. В шестьдесят четвертом году у них родилась дочь, названная Ниной. Старшие Климковичи, Виктор Викторович и Клавдия Ивановна, не дожили и до пятидесяти. Доконала их все-таки война. Однако наследство они оставили сыну, снохе и внучке драгоценнейшее — девиз, под которым прошла их партизанская юность и недолгая послевоенная жизнь: **«ЖИЗНЬ — РОДИНЕ, ЧЕСТЬ — НИКОМУ!»**

Александр Викторович и Юлия Ивановна свято следовали велению фамильного девиза. Куда их только не бросала судьба! Они строили Братскую ГЭС и вторую очередь Днепрогэса, в труднейших высокогорных условиях работали на возведении Нурекской гидроэлектростанции...

А в конце лета восьмидесятого года прибыли в Байрамкент.

1 сентября Нина Климкович пришла в десятый «А», в котором учились Алешка и Тим.

Так возник триумвират, которому суждено сыграть в дальнейшем моем повествовании немалую роль.

«Новенькую» Лешка с Тимом признали «своим парнем» при первом же знакомстве. Обычно «новеньких» представляла классная руководительница, а то и директор. А эта вошла сама, без тени смущения оглядела, увидела за столом Леши и Тима свободное место и небрежно кинула на стол сумку с рекламой «Интернейшл спортсвар», похожую на толстенную колбасу.

— Годится, — ни к кому конкретно не обращаясь, произнесла «нахальная гёрла».

Однако Лешка тут же пересел на облюбованный «новенькой» стул.

— Ищите места под солнцем, дарлинг? Очень сожалею, но это местечко только для джентльменов.

— По традиции, овечьей веками, — подхватил Тим, — новичкам предоставляется почетное право осваивать просторы «Камчатки». Там вас охватит романтика трудных дорог... Туманы и запахи тайги.

— На «Камчатке» обычно отираются отпетые без-

дельники, — парировала «новенькая». — Может быть, вам лучше туда пересесть?

В классе захихикали, и это окончательно вывело друзей из душевного равновесия.

— Проваливай! — Лешка набычился и демонстративно поерзал джинсовым задом на спорном стуле.

Тим тоже перешел на «ты»:

— Не хочешь на «Камчатку» — мотай в ичкари. Во-о-н возле предпоследнего окна два стола. Там тебя научат вышивать болгарским крестиком...

— И замуж выдадут! — закончил Лешка и захохотал.

— Ты сам встанешь или тебе помочь? — «гёрла» прищурила свои светлые прозрачные глаза. Уголки четко очерченного рта ее вздрагивали.

— О прекрасная незнакомка!.. — начал было издевательски краснобайствовать Тимур.

Но тут произошло нечто непонятное, и класс ахнул: «гёрла» как-то по-особенному захватила руку Лешки, и он, тоненько взвизгнув от боли, оказался на полу. Через секунду там же очутился и Тим.

В этот момент в класс вошел добрый и близорукий учитель математики, склонный к юмору.

— Что такое?.. Грохот? Кто-то упал. Э-э-э... Аяксы. Рудин и Бахрами, почему упали?.. Голодный обморок?

Класс расхохотался оглушительно и радостно.

— С вами, братья-аяксы, не соскучишься. Надеюсь, не ушиблись?.. Нет? Тогда ничего страшного. Падение физическое, не моральное... А теперь приступим к занятиям...

Математик подошел к доске, по укоренившейся привычке прислонился к стене — и тут же отпрянул.

— Проклятый гвоздь! — математик почесал спину. — Сколько раз говорил: надо выдернуть.

Давным-давно кто-то вбил в край классной доски шестидюймовый плотницкий гвоздь, чтобы вешать на него тряпку. Затем к доске приделали снизу закраину для мела и тряпок. А гвоздь остался. И на него всякий раз напарывался рассеянный математик.

Лешка и Тим тут же предложили свои услуги. Им хотелось хоть как-то реабилитироваться перед классом. Однако сколько они ни пыжились, проклятый гвоздь, вбитый почти наполовину длины, и не думал даже шелохнуться.

— Клещи надо или гвоздедер, — Лешка с Тимом развели руками.

— Логично, — улыбнулся учитель. — Век НТР. Перевелись, значит, былинные богатыри. Потерпим до перемены.

И тут вдруг встала «новенькая» и сказала просто, буднично:

— А можно мне попробовать?

Математик от удивления широко открыл глаза.

— Это... Это как прикажете понимать?

— В прямом смысле.

— Хм... Если так... Пожалуйста.

И произошло нечто поразительное. Новенькая вцепилась своими девичьими пальчиками в упрямый гвоздь, стала покачиваться всем корпусом минуту, другую, и вдруг, как-то не по-девичьи рыкнув: «Хххе-е-е!» — выдернула здоровенный гвоздище! От неожиданности класс притих. Ошеломленный математик низко поклонился и широким жестом снял воображаемую шляпу. Кто-то восхищенно выдохнул:

— Во дает гёрла!..

Весь урок оба приятеля сидели тихие, пристыженные и украдкой поглядывали на «новенькую». Только теперь им бросились в глаза серебристые, слегка вьющиеся волосы «гёрлы», тонко очерченный носик, ямочки на щеках, яркие, чуточку подкрашенные губы, небольшие, но выразительные, светло-светло-голубые глаза.

Когда же прозвенел звонок и она поднялась со стула, оказалось, что роста новенькая никак не меньше ста семидесяти пяти сантиметров, спортивного сложения. Поношенный батник ладно обтягивал девичью грудь, а на месте заднего кармана вельветок красовалось изображение мужского кулака с оттопыренным вверх большим пальцем.

Палец явно бросал вызов общественному мнению и, в первую очередь, — педсовету.

Первым подошел к ней Алеша.

— Здóрово ты!..

— Что — здóрово?

— Да гвоздь.

— А-а-а... — протянула она и скривила губы. В этом «а-а-а» слышался ехидный намек.

Вмешался Тимур.

— Ты не очень-то. Мы просто не ожидали. Вероломное нападение.

— Как Гитлер на Польшу, — добавил Леша, желая отделаться шуткой.

— А вы не хамите. Не люблю.

— Как зовут тебя, прекрасная незнакомка?

— Нина. Нина Климкович. А вас — братья Аяксы?

Так образовался триумvirат.

Однако прежде чем рассказать о делах далеко не святой троицы, вызвавших в Байрамкенте изрядный переполох и множество событий, позволю себе хотя бы абрисно представить Нину Климкович.

Шел Нине, как и ее новым друзьям, семнадцатый год. Но Нина была девушкой и, следовательно, понимала жизнь уже по-взрослому. А Лешка с Тимом пребывали еще в стадии мальчиков-переростков, о которых обычно говорят: «Сила есть — ума не надо!»

И пусть на меня не обижаются ни юные плечистые читатели, ни любители детективов в расцвете лет или в возрасте преклонном, если я скажу, что мужчина вообще, любого возраста, не может похвалиться абсолютным умом. Мужчина умен, если так можно выразиться, секторами. Если Абсолютный Ум изобразить в виде окружности, то любой и каждый из представителей сильного пола может мысленно (а при желании, и графически) представить свой персональный ум в виде перемежающихся секторов, причем, различной величины. У каждого из нас секторы проявления ума соседствуют с секторами, управляющими поступками не очень умными, нелепыми и даже, извините, — глупыми.

Какой-нибудь почти гениальный поэт блистает умом и вдохновением в своих стихах. А рядышком с сектором почти гениальности — огромный секторище, помеченный словами: «Беспробудное пьянство». Семидесятипятилетний академик, гордость науки, открыватель путей в неизведанное, вдруг, по велению глупейшего сектора своего ума, влюбляется в студентку, бросает подругу жизни (которая когда-то тоже была студенткой) и сочетается законным браком с двадцатилетней девицей, чтобы, видимо, в предвидении скорого убытия в райские кущи, отведать на грешной земле эдемного блаженства, провести как бы генеральную репетицию.

Мне могут возразить: «Ну а девица? Разве она умна, выходя замуж за старикашку, хотя бы и в академической ермолке?»

Отвечаю: умна. Очень умна. Ум ее, правда, недобрый ум. Она все прекрасно вычислила. И тогда (плюс —

минус год-полтора) она станет вдовой, законной наследницей покойного, и тогда к ней, наконец, придут радости жизни во всем многообразии проявлений...

Или такой, к примеру, экзemplяра умного человека.

Природа не обделила его талантом. Он хорошо материально обеспечен, имеет квартиру, автомашину, прекрасную дачу. Книги его издаются и переиздаются... Казалось бы, жить бы ему да радоваться, писать новые книги, сеять разумное, доброе, вечное. Однако рядышком — другой сектор, не очень большой, но густо насыщенный всякой дрянью, многочисленными ипостасями черной зависти. И вот, вместо творческой работы, талант занимается интригами, собирает и распускает сплетни, ему мало жить хорошо самому, — ему просто необходимо, чтобы его коллеге жилось плохо! Он, внутренне рыча, рвется к литературной власти, — не получается! Коллега написал книгу, о которой только и разговоров, восторги, — это же трагедия!..

Между тем годы идут и берут свое. Не успел умный талантливый человек и оглядеться-то как следует на этом свете, а уже издали доносятся призывные трубные звуки.

Сектор глупости, как видите, одолел ум.

Спешу оговориться. Да, бывают и завистливые женщины. Их, пожалуй, даже числом поболее. Однако их зависть, как правило, перенесена в сферу быта и очень редко тормозит развитие цивилизации, прогресс.

Еще и еще раз прошу великодушно извинить меня, читатели, за излишнюю откровенность. Но ведь время такое — время откровенных обменов мнениями, время открытых душ. И потому хочу заключить свои рассуждения не очень лестным для сильного пола (но на мой взгляд, обоснованным) выводом: Женщина как «собирательное понятие» умнее «собирательного мужчины».

Именно женщина вдохновляет мужчину на героические дела, на научные и творческие дерзания. Благодаря Беатриче мы восхищаемся творениями Данте; Лаура — вдохновительница гения Петрарки...

Да зачем углубляться в глубины истории. Какая-нибудь современная Марья Ивановна, видя, что муж губит жизнь свою, забывая по вечерам «козла», хватает его за шиворот и вопит, обливаясь слезами: «Пиши, мерзавец, диссертацию! Ты же талант. Я тебя знаю как облупленного. Пиши, изверг, о проблеме повышения удоynости крупного рогатого скота!.. Людям молоко не-

обходимо... Детишкам! А коли на них тебе наплевать, так меня пожалей. Седьмой год не могу собрать денег на каракулеву шубку!..»

И женщина добивается своего. Он садится и пишет. В нем пробуждается азарт исследователя. Диссертация принимается на «ура». Дети получают дополнительные молочные продукты, жена диссертанта — долгожданную шубку из синтетического золотистого сура, и благодетель человечества сам теперь искренне удивляется, как это он мог по-звериному орать «Рыба!» Насколько приятней проводить вечера в обществе симпатичных «симменталок», коллективно слушать секвенции Баха или что-то там «для хорошо темперированного клавирина». Божественная музыка! Слушая ее, подопытные Буренки и Красавки дают прибавку к удоям более чем на семь десятых процента. Эврика!.. В масштабах нашей необъятной державы эти семь десятых процента — огромная молочная река с сырно-творожными берегами!

А чья это заслуга?

Да спутницы жизни бывшего «козлозабивателя» — скромной, мало кому известной Марьи Ивановны.

Первая же женщина — Ева — сообразила, что пора начинать борьбу за развитие цивилизации и прогресс. Именно она убедила Адама отведать плодов с древа познания добра и зла. Доводы ее и сейчас звучат актуально: «ибо оно (дерево) приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание».

А знание — сила!

Кто такой, собственно говоря, мужчина?

Мужчина — это чудом выживший мальчишка, лет до пятидесяти всячески старающийся наделать как можно больше глупостей и изувечить свое здоровье вредными привычками. А уж затем, ощутив себя инвалидом, начинает тщетно бороться за долгожительство, записываясь в «моржи», секции любителей бега трусцой к инфаркту или в изуверскую секту научного голодания.

И после этого мы, мужчины, еще имеем нахальство выражать неудовольствие тем, что средняя продолжительность жизни женщины значительно превышает жизнь среднего мужика!

Надеюсь, что на этот раз хотя бы читательницы не станут укорять меня за очередное отклонение от глазного повествования.

Осанну Женщине я исполнил от всей души, а также для того, чтобы объяснить, почему в триумvirате, о

котором начал рассказывать, лидерство захватила представительница слабого пола. Впрочем, «слабый пол» — это дань традиции. Нинка была девушка спортивная, физически сильная. А пальчики, которыми она выдернула из доски гвоздь, и вовсе хватали как тисками. Отец Нины, Александр Викторович, наслушавшись рассказов покойного родителя о тяготах, которые приходилось переносить девушкам в партизанском отряде, решил с детства духовно и телесно закалить дочь.

Его величество случай подвернулся в крохотном селении Карги близ устья Амура, где Климковичи прожили три года. Как-то у Александра Викторовича разболелся коренной зуб. Врача поблизости не было. А боль адская. Выручил местный охотник Иван Иванович Ногин — старик-японец, каким-то образом ставший по паспорту якутом. На дальневосточном побережье все знали, что Ногин на самом деле Такаси Ноги, чуть ли не внук знаменитого генерала Ноги, штурмовавшего Порт-Артур в злосчастную Русско-Японскую войну. Иван Иванович имел выпирающие изо рта самурайские зубы, при разговоре шипел и пришепывал и даже матерные выражения деликатно маскировал любезностями. Японского своего происхождения он не скрывал ввиду близкого проживания от Колымы. Более того, утверждал, что он из древнего рода самураев. И, видимо, говорил правду.

Средства же к существованию добывал охотой и зубоврачебной практикой. Надо полагать, последнее и было причиной того, что на происхождение Ивана Ивановича должностные лица смотрели сквозь пальцы. Уж очень ловко он заговаривал боль и зубы дергал. Дорожили старичком в устье Амура.

...Маленький сухонький старикашка, бормоча: Хоросо... Хоросо... Очин хоросо!», полез в полость рта Климковича прямо пальцами. Ошеломленный пациент пытался оттолкнуть «шамана», но тот намертво вцепился в больной зуб. Покачался всем тельцем, как бы раскачиваясь вместе с зубом, и вдруг издав дикое «Хе-е-х!..», вытащил огромный коренник с четырьмя длинными, кривыми корнями и церемонно вручил Александру Викторовичу:

— Позарста, Арександра-сан.

Букву «л» он, как большинство японцев, не выговаривал.

Муки тут же прекратились, и Александр Викторович, щедро вознаградив кудесника, принялся выпытывать, откуда у старичка такая феноменальная сила в пальцах.

Секрет оказался до смешного прост. С незапамятных времен в самурайских семьях мальчику, которому исполнилось пять лет, дарили деревянную доску со вбитыми в нее на разную глубину множеством маленьких гвоздей. Малыш должен был в течение года вытащить все гвоздики пальцами. Затем ему вручали доску с гвоздями побольше. А к семнадцати годам, когда мальчик становился воином, он обязан был вытаскивать пальцами гвозди вроде наших шестидюймовых. Одновременно будущий воин проникал в тайны фехтования на самурайских мечах, боевых железных когтях (надеваемых на пальцы) и джиу-джитцу.

Всей этой премудрости бывший Ноги-сан, по просьбе Климовича-отца, и стал обучать семилетнюю Нинку, исключая, разумеется, железные когти. Зато прибавил двадцать девять приемов боевой древнекитайской гимнастики Ушу. К удивлению родителей и окружающих, девочка с удовольствием занималась с Иваном Ивановичем и продолжала упражнения уже самостоятельно, когда Климовичи покинули низовья Амура.

Сослуживцы родителей Нинки, соседи считали странные занятия девочки блажью, пустой тратой времени. Но ведь недаром говорят: нет бесполезных знаний. Как известно, на великие стройки приезжают не только энтузиасты и романтики. Появляются там и темные личности, уголовники. И однажды на четырнадцатилетнюю Нинку напали пятеро «блатяг», вооруженных финками и кастетами. Негодяи предвкушали легкую поживу. Однако вышло так, что все пятеро, прежде чем оказаться на скамье подсудимых, более месяца отлеживались в больнице. Особенно тяжело пришлось главарю банды, которому девочка ребром натренированной ладони, как кирпичом, проломил нос и навсегда изувечила Адамово яблоко, вследствие чего бандюга, давая показания, гундосил и сипел. На очной ставке он даже попытался заявить претензию.

— Она... Это она, гражданин следователь, меня исколечила! Опознаю — она. Я ж у нее только закурить, бля, попросил, да шмон хотел исделать — имеются ли грудя, потому как темно было и не видать. А эта змеюга чито исделала? Сопатку мне — вдрызг! Она мне, бля,

родной голос изменила!.. Я теперь не своим голосом показания даю. Судите ее, гражданин начальник. Я хоть и срокá имел, а тоже советский, бля, человек. А помните, как сказал Отец родной, а?.. Он правильно, бля, сказал: «Даже самый распоследний советский человек выше любого буржуазного чинуши»!

— Заткнись, — отвечала девочка-подросток. — Лучше сам себе срок проси. А то я за себя не ручаюсь — поймаю на удушение!..

...Вот такая это была своеобразная девушка, Нина. И не мудрено, что Алешка и Тим с ней быстро подружились. Они занимались дзюдо, самбо и тоже иногда применяли свои знания на уличной практике. Следует, однако, сказать, что не были они вульгарными хулиганами. Они защищали слабых, несправедливо обиженных, в них сидело благородное робингудовское начало. Хулиганами их считали по недоразумению. Граждан старших возрастов, глаза коих привыкли к сапогам со скрипом, мешковатым брюкам сорокасантиметровой ширины и косовороткам с подпоясочкой, шокировали «стиляжные» джинсы в обтяжку, расстегнутые до пупа пестрые рубашки, завязанные снизу здоровенным узлом; их просто возмущали «женские» длинные волосы, цепочки на шеях и особенно — «хулиганские вопли» под «гитарный бац».

Ругать, а то и проклинать молодежь принято с незапамятных времен. Убежден, что и дряхлеющий неандерталец ворчал на своего внука, готовящегося стать «кроманьонским человеком», мол, гыррр-гыррр... Зачем к дубине не такой камень привязал и шкуру на себя напялил бесстыдно укороченную, да и на Луну воешь не по-старинному, не по-нашенски, а с непочтительными повизгиваниями?!..

С какими только молодежными «искривлениями» не боролись у нас за последние полвека!.. Клеймили позором «пижонов», объявляли священную войну галстукам, шляпам и диоптрийным очкам! Объявляли вне закона «стиляг», на которых устраивали даже облавы с сантиметрами в руках (ими измеряли длину волос и ширину брюк отловленных), клеймили позором «битников», «хипстерство»... Теперь вот трепещем, что страшная бацилла («панки») вдруг распространится по здоровому организму нашего необъятного Отечества, и города, поселки, деревни, поля и веси заполнят юнцы с дикими прическами в виде красных, синих и зеленых

петушиных гребней и с разрисованными мордами!.. И этот еще, как его... Метал-рок, хэви-рок, брейк — судорожные телодвижения, вместо плавного и бессмертного вальса.

И в самом деле, бессмертен вальс. Только надо бы помнить, что как только вальс впервые появился, он был немедленно объявлен танцем безнравственным, неприличным, порождающим похоть!

Рассказывают, что когда некий блюстителъ строгих нравов увидел пару, танцующую рок-н-ролл, он, по окончании рок-схватки, подошел к запыхавшемуся партнеру и сказал безапелляционным тоном:

— После того, что вы только что сделали с девушкой на глазах у публики, вы, — если вы только честный человек, — просто обязаны немедленно на ней жениться!

Во время современных брейк-конвульсий партнеры выполняют движения на расстоянии друг от друга. Бóльшего пуританизма и придумать трудно. Ан все равно, хранители ветхозаветных традиций говорят о выдумке чернокожих парнишек из Бронкса с гневом и возмущением: «Безобразие! То ли дело полька-«бабочка» или краковяк!..

Однако как бы ни проклинали люди прошлого «новомодные выпендривания», нередко прибегая не только к увещанию, но и помощи работников милиции, «Комсомольских прожекторов», — новые веяния в искусстве, манере поведения, хотя и с большим трудом, все же прокладывают себе дорогу. И рок-н-ролл нынче уже считается «танцем предков», а «хиппи» (ежели бы он сейчас объявился) выглядел бы таким же «ретро», как и дореволюционный пижон с нафиксатуаренными усами-стрелками, английским проборо́м, пробритым от лба до затылка, щеголяющий смешной визиткой и шляпой-канотье.

Я смотрю современные телевизионные шоу и хит-парады с певцами и певицами, — сверкающими звездами нынешней эстрады, — знаменитостями, выходящими на публику в тапочках-кроссовках, в растерзанном виде, одетых с такой милой небрежностью, что не всегда обнаружишь на них не только штаны, но и трусики, любуюсь (да, любуюсь!) их экстравагантными вилом, движениями, хрипылыми голосами, «урлаторе», вовсе не схожими с «бель-канто», — и вдруг меня охватывает леденящий душу страх... Да что там страх — ужас!..

Вдруг эту телепередачу смотрит также «дитя» времён культа личности и его последствий, удержавшийся, однако, в высшем эшелоне власти!

И уже беззвучно потрясает мою голову его гневный приказ:

— Это что за бордель? На строительстве заполярной железной дороги Салехард — Воркута людей не хватает, романтиков... А эти!.. Пусть займутся настоящим делом.

Но я тут же прихожу в себя. Какое счастье, что нынче совсем другое время! Что можно одеваться, как пожелаешь, петь что хочешь и как хочешь; если это нравится. А бредовые мысли проникли в мозг по той простой причине, что, как точно сформулировал Чингиз Айтматов, — каждый из нас был «контужен» эпохой сталинизма...»

Не избежали «контузии» Лешка, Тим и Нина. Они, правда, появились на свет в другую эпоху, когда тысячи оклеветанных людей были реабилитированы — кто дожив до этого светлого времени, кто — увы! — по-смертно. Однако борьба с культом Сталина обернулась в итоге новым культом — трагикомическим, несерьезным; а затем хлынула «третья волна» культа (над которой втайне потешались даже самые крикливые ее почитатели), породившая бездну анекдотов-протестов. Рассказывать их было небезопасно. И все же смельчаки рисковали.

Трое моих юных положительных героев получили «контузии» от последствий культа. Они родились в тот год, когда было покончено с волюнтаризмом и пусто-звонством и был исключен из партии историк Некрич за безобидную книгу «1941 год, 22 июня». А на безбрежном небосводе искусства четвертый год сверкала ярчайшая звезда славных парней из английского города Ливерпуля, потрясших молодое поколение своей музыкой и песенками, похожими и совсем непохожими на джазовые. Группа «Битлз» затмила славу Фрэнка Синатры, Джонни Холлидея и даже, в известной мере, великого Луи Армстронга...

И, конечно же, наши надзиратели над музыкальными нравами поспешили объявить «Битлз» еще одним наглядным доказательством окончательного разложения растленной западной буржуазной культуры, неминуемой гибели все еще гниющего капитализма.

Бежали годы. Ошеломительная слава «Битлзов»

росла и ширилась. Как грибы плодились подражатели «ливерпульских уникумов» — от прекрасных бит-групп «Роллинг-стоунз» и «Пинк Флойд» до какой-нибудь псевдомузыкальной артели «Сэм обманщик и сто его фаранов». Диски и магнитофонные записи концертов «Битлзов» все же проникли из-за кордона. И как это обычно бывает, комсомольские «анафемы» по адресу прославленных ливерпульских музыкантов вызвали поистине эпидемию битломании.

...Группа «Битлз» уже распалась. Поль Маккартни создал свою группу, «Уингс»; другой зачем-то отправился в Катманду, третий удалился в частную жизнь, женившись на японке, четвертый...

Но именно после этого музыковеды сменили вдруг гнев на кисло-сладкую милость, а комсомольские вожакИ, забыв об «анафеме», энергично, с комсомольским задором и огоньком стали проявлять заботу о создании отечественных бит-групп; вследствие чего полные юмора песни про жену, которая «мужа не кормила», теперь исполнялись не под балалайку и гармонию, а в сопровождении бас-гитары, ритм-гитары и чуда музыкальной техники — синтезатора.

И вот представьте себе четырнадцатилетних подростков, мальчишек, исполненных диковатой энергии и множества неосознанных желаний. Они еще не взрослые, но чувствуют себя взрослыми, и им кажется, что кое в чем они превзошли «предков». С главным культом давно покончено вроде, но последствия усердно «обрабатывали» подростков. Их, как и нас когда-то, деятельно отучали самостоятельно мыслить, высказывать мнение, не совпадающее с мнением-установкой, то есть научали кривить душой, двоедушничать, жить в шизофреническом состоянии раздвоения личности.

— Что?! Тебе, Алексей, не нравится Демьян Бедный?.. Сам ты до этого не смог бы додуматься. Кто тебя научил?

— Тимур Бахрами, чтобы завтра родители пришли в школу. Как ты осмелился смеяться, когда в классе шла громкая читка статьи о руководителе штурма Зимнего дворца Антонове-Овсеенко?!

— Я, Аннаванна, над сочинителем статьи смеялся. Антонова-Овсеенко — отец рассказывал — расстреляли как врага народа. А в статье об этом ни слова. Разве не смешно?

— Понятно. Значит, дома нездоровых разговорчиков

наслушался. Завтра без отца в школу не приходи!

Учителя обществоведения и истории вдалбливали подросткам в головы: наша Конституция — самая демократическая в мире. А дома они слышали «нездоровые» разговорчики на тему: как это возможно «выбрать» кандидата в депутаты, ежели в бюллетене одна-разъединственная фамилия?

В школе говорили пышные слова о торжестве демократии и равенстве. Но в той же школе мои герои и другие ученики собственными глазами видели, как солидный человек, директор школы, униженно «внимал» инспектору гороно, почти мальчишке, который отчитывал его, не стесняясь выражений, в присутствии учеников за снижение среднешкольной успеваемости на три десятых процента. А их «дир», вместо того чтобы осадить нахала, послушно кивал седой головой и бормотал:

— Примем меры... Исправим положение... Только прошу вас, в гороно не слишком заострять... У нас всего двое неуспевающих. Но мы их вытянем, поверьте! Ни в коем случае не удалим из школы.

— Нынче, — барским тоном отвечал юный нахал, — за неуспеваемость выгоняют не учеников, а учителей и директоров.

«Дир» издал искусственный жалкий смешок.

— Очень остроумно... Ха-ха-с... Так я очень вас прошу!..

В классе Алексея и Тимура (теперь уже 10-м «А») было тридцать учеников и учениц. И они все были равны. Вот только Эльвира, дочка «Железного леда» Мкртычяна, приезжала на собственной «Волге» в школу и приносила с собой на завтрак бутерброды с красной и черной икрой, а Холисон Тураева, дочь рабочего Домостроительного комбината, приходила в класс с куском хлеба, не всегда даже помазанного маслом. Эльвира была одета во все «фирменное», на шее носила золотые часики-кулон, украшенные бриллиантками, а на левом безымянчике — старинный перстень. И в ее сногшибательной сумочке для учебников (Сумочка с маркой «Made in USA») всегда лежали пять — шесть сторублевых — так, «на всякий случай». В чековом магазине эта жеманная красotka с ястребиным носом запросто перекупала чеки и приобретала белоснежные вельветки, чудо-кроссовки фирмы «Nokia», французские «тени»...

Бывшие подростки, ставшие юношами, не были про-

тив магазина с чековой торговлей. Хороших товаров, к сожалению, еще не хватает. Однако люди заслуженные (в основном офицеры, пролившие свою кровь в Афганистане) имеют право на льготное приобретение «дефицита». Но почему же в магазине этом «афганцев» раз, два и обчелся, а главными покупателями в нем являются родители Эльвирки, отец Камилки Ширинходжаевой (Прокурор области), Робки Шакалиса (отец — мастер «Автосервиса»), Бабура Хамдамова (отец — начальник ОУВД)?..

Родители-«тузы» не только шмотки оттуда тянут, — они волокут финские четырехкамерные холодильники, японские стиральные машины, магнитофоны «Шарп», телевизоры с двадцатилетней гарантией!..

Все сыновья и дочери «тузов» разъезжают на собственных «Волгах» и «Жигулях»; на «Тоёте» вот даже Робка Шакалис раскатывает. Почему на словах одно, а на деле, в жизни получается совсем другое?

Почему лоботряс Бабур Хамдамов, хотя и учится через пень-колоду, а ему «троек» не ставят? Потому что его отец главный милиционер области и его все боятся?.. Робка Шакалис в пьяном виде подрался с сержантом-гаишником, попытавшемся отстранить Робку от управления автомобилем, а потом сам же сержант приходил извиняться?

Почему?.. Почему?.. Сто тысяч почему!

Годами бесчисленные вопросы возникали в головах моих героев. И они не находили на них ответов. А если и находили, то становилось не по себе. И тогда в душах их начинал бушевать юношеский радикализм, в мозгах сверкали молнии «опасных» мыслей. А чтобы отвлечься от них, юнцы отгораживались от действительности гитарами, заглушали тягостное чувство магнитофонными записями Дюка Эллингтона, Луи Армстронга, Гленна Миллера, Бени Гудмана, Билли Стрейхорна, Джером Керн, Джерала Мортонна, Хогги Кармайкла и других джазменов.

И конечно же, Алешку и Тима не обошла стороной битломания. Но ведь группа «Битлз» распалась, когда моим героям было всего два года. Поэтому «Твист э гейм», «Сикстин фор» и другие «горячие шлягеры» ливерпульцев вскоре стали для Лешки и Тима волнующей, но все же «ретромузыкой», как, впрочем, и знаменитый рок «Танец вокруг часов». Теперь их кумиром была группа «Уингс», созданная Полем Маккартни. Об этом

бывшем «битле» они знали абсолютно все. И что жену его зовут Линдой, и что они ведут тихий, почти сельский образ жизни, на южном побережье Англии (графство Сассекс), разводят кур и ухаживают за огородом, убежденные вегетарианцы...

Множество ненужных пустяков скопилось в головах Лешки и Тима. Таким способом, инстинктивно, они уходили от реальной жизни. Возможности для этого откровенно большие. Бит-рок-и поп-группы плодились с невероятной быстротой, эстрадные певцы и певицы не успевали передавать друг другу эстафету славы. Стили и манеры сверкали как в калейдоскопе: блюз, спиричуэлс, кантри, джайв, свинг, стопп, буги-вуги, твист, рок... И вот уже сводит с ума молодежь совсем юный Майкл Джексон — провозвестник новейшего направления — «панк-рок»... А Элла Фитцджеральд, а Эмми Стюарт!..

Однако, как ни уходили юноши от тревожных мыслей в мир звуков и ритмики, полностью от реалий жизни оторваться невозможно. Джексон, Фитцджеральд, Стюарт — это негр и негрятки! Армстронг покойный тоже ведь был негром... А сколько знаменитых чернокожих спортсменов! Джесси Оуэнс, Джон Бимон, Мухаммед Али — он же Кассиус Клей, Вильма Рудольф... В баскетбольных командах почти все негры... А учитель истории знай себе талдычит: «В Соединенных Штатах чернокожего человека презирают, негров линчуют, не дают им работы! Жизнь негров там хуже ка-торги...»

А мэр города Вашингтона, столицы США — негр! По телеку выступал. Восемьдесят процентов населения Вашингтона — негры!

Значит, не чистую правду говорит учитель. А зачем? Какая ему от этого польза?..

Он нам про негров, а мы про наш десятый «А» думаем. Почему в классе такое безобразное неравенство?! Вот Холисон, к примеру. Отличница настоящая, не дутая, а все равно золотой медали ей не видать. Об этом весь класс знает. Срезают ее обязательно по физике. И по химии. Для того срезают, чтобы Камилке Шпринхджаевой медаль обеспечить, прокурорской дочке. Прошлогодний выпуск десятого «А» в институты поступал. И что?.. Все троечники поступили, «липовые» отличники. А хорошисты не набрали проходного балла!.. И все потому, что у поступивших отцы или матери важные

«бугры», со связями, или в торговле деньгу зашибают, а у провалившихся родители простые люди, без денег и знакомств.

Так и с нашим выпуском, видимо, получится.

С подобными настроениями юноши, только-только вступающие в жизнь, либо теряют веру в торжество справедливости и плывут по течению, надеясь лишь на «авось!», либо становятся циниками, взяв на вооружение «принципы» своих родителей, знакомых «преуспевающих» семейств: «Хочешь жить — умей вертеться!», «После нас хоть потоп!», «Раз бога отменили, то и загробной жизни нет. А потому живи, пока живется, хватай и хапай, пока хапается!»

И все же находятся взрослые люди, обожающие укорять молодежь, надоедать ей бесконечными упреками вроде: «А вот в наше время!..»

Между тем именно мы, люди старших возрастов прежде всего повинны в том, что среди молодежи есть и циники, и бездельники, хулиганы, подхалимы, приспособленцы, преступники!.. Это все наша с вами вина и беда, взрослые и очень взрослые читатели!.. Ведь это мы с вами закрываем глаза, видя как бездарности нахально карабкаются по служебной лестнице, безжалостно сталкивая с нее действительно талантливых, но скромных людей. Мы терпим оскорбительные вопли начальников-самодуров; подобно глупым страусам стараемся поглубже засунуть в воображаемый песок свои головы, чтобы не видеть, как наглый вор обкрадывает государство, нас с вами!

Вспоминаю с чувством стыда, с сознанием того, что и в мой адрес брошены злобные, но в чем-то и справедливые обвинения в письме, опубликованном в одном из центральных изданий:

«А не кажется ли вам, граждане взрослые, что давно уже пора помолчать?! Молодежь они, видите ли, собираются воспитывать в духе перестройки! Да не дай бог, чтобы вы ее воспитывали! Чему вы можете научить? Под вашим влиянием наше поколение выродится в таких же бюрократов, консерваторов, трусов...

Хуже всего — быть похожими на вас».

М-да, сильно сказано. С изрядным перехлестом. Однако не резон нам, пожилым адресатам, становиться в третью балетную позицию и плясать гнев, как это делают оперные короли и злодеи. Не лучше ли со сторо-

ны посмотреть на самих себя, понять ту простую истину, что разгневанный автор письма прав по существу!

Молодежь все видит, запоминает, воспринимает. Но, к сожалению, не всегда делает разумные выводы. Нет молодежи плохой. Нет молодежи идеально хорошей. Есть просто молодежь, впитывающая в себя благородные традиции отцов и дедов, нашу с вами любовь к Отчизне, боевые традиции. И она же, молодежь, к сожалению, перенимает от нас с вами и то, чем мы вовсе не гордимся, чего втайне стыдимся даже.

Чтобы помочь юношам и девушкам сформироваться как личностям, надо прежде всего не скрывать своих недостатков и пороков, публично, без ложной стыдливости, выдавливать из себя скверну — и тогда молодые уверуют в своих «предков», увидят в них товарищей, единомышленников, тогда, возможно, не столь острой станет проблема «отцов и детей». Ведь еще Писарев справедливо заметил: поколения по-настоящему сближает любовь к общей идее.

Пора наконец прекратить укорять молодых за то, что они не носили лаптей, свиней не пасли, не голодали, не воевали...

Молодежь — это ведь и мы с вами, люди среднего и старшего возраста, — только раза в два, в три, в четыре взрослее.

В молодежи собраны все плюсы и все минусы времени, в котором она живет.

ТРОЕ СТРОПТИВЫХ

При всем своем юношеском легкомыслии Алеша и Тимур не могли не замечать многих жизненных неустойчивостей и несправедливостей. Отчаянные максималисты по натуре, они жаждали изменить мир к лучшему немедленно, сиюминутно, как бы с помощью «волшебной» палочки. Однако они также понимали, что все это пустые мечтания. Разве под силу двум десятиклассникам низвергнуть ну хотя бы одного областного прокурора Ширинходжаева? Об этом блюстителе законности ходили зловещие слухи. Кое-кто пытался выступать с разоблачениями. Приезжали из Ташкента комиссии, проверяли жалобы. Но, увы, взятка штука трудно доказуемая. Надо поймать преступника за руку. А еще важнее, — иметь желание это сделать. И комиссии уезжа-

ли восвояси, составив документ по всей форме: «Факты не подтвердились».

А немного погодя один правдоискатель, инженер по технике безопасности, угодил в тюрьму, вследствие того, что на его заводе произошла авария, повлекшая за собой большие материальные убытки.

Постигли большие неприятности и других правдоискателей. Инструктор горкома партии Шухратов был «уличен» в пьянстве, с позором снят с работы и исключен из рядов КПСС. Молодой инженер Сапаров, едва приступив к работе на Байрамкентском хлопкозаводе, начал было рассылать в обком, прокуратуру и управление хлопкозаготовок докладные с изложением якобы вопиющих злоупотреблений. По его сигналам в город прибыла авторитетная комиссия. Однако встретиться с жалобщиком ей не удалось. Сапаров исчез. В милицейской газете напечатали сообщение «Ушел из дому и не вернулся», поместили его фотографию. Но — тщетно. Сапаров как в воду канул.

«Неуживчивые элементы» заметно присмирели. Нечто под инициалами К. В. опубликовал в «Якшичульской правде» статейку «Раскаиваюсь!» В ней К. В. сообщал о том, что, поддавшись злобному чувству зависти чужим успехам и славе, одно время систематически рассылал клеветнические письма, пытаюсь опорочить честных людей. Но теперь, осознав всю глубину своего морального падения, он, К. В., раскаивается в содеянном и призывает таких, как он, завистников, покончить с клеветническими измышлениями, отдать все силы выполнению своего служебного долга на благо народа.

В городе и поныне памятно падение начальника Хопмайлинского РОВД Кузнецова. Энергичный майор, посланный из Москвы, начал было, как он выразился, «чистить авгиевы конюшни». Говорили, что ему удалось собрать компрометирующие материалы не только на некоторых председателей колхозов, заведующих хлопкопунктами и директоров хлопкозаводов. Он осмелился простереть руку над самим Рапо-ханом, над Львом Веком и — о ужас — над начальником своим, Ахмаджаном Хамдамовым!

И вдруг майор исчез! Будто сквозь землю провалился. Лишь много позже прошел слух (опять — слух!), что майор Кузнецов понудил к сожительству девушку, незаконно задержанную милицией и посаженную в

КПЗ по приказу Кузнецова. Он также уличен во взятках, и при обыске у него найден незарегистрированный пистолет «Парабеллум».

(Суд, конечно же, был закрытый, так как в судебном процессе могли быть разглашены важные государственные тайны).

Уж сколько лет прошло с тех пор, а люди все вспоминают чрезмерно энергичного майора. Многоопытные, выдавшие виды байрамкентцы при этом качают головами и шепчут: «Насчет девицы и взяток нам неизвестно. А то, что нос свой совал, куда не следует, — это точно».

(А вся-то вина начальника РОВД была в том, что он лично отвез компрометирующие документы министру внутренних дел республики, просил организовать расследование фактов, изложенных им в рапорте!)

Немало было и других попыток «дойти до Москвы», окончившихся весьма печально. Желających биться лбом о каменную стену становилось все меньше и меньше.

Человечество склонно, самообольщаясь, заблуждаться. Сказал вот кто-то: «Человек от природы добр», нам это льстит, и мы охотно верим этому.

Да почему же человек добр от природы? Напротив, он является на свет с заложенными черт знает когда зверскими, атавистическими инстинктами. Упраздните хотя бы на несколько часов уголовный кодекс, и тогда станет ясно — каков он, человек от природы. Разве перевелись мальчишки, жестоко мучащие кошек, щенков, сверстников своих — слабых телом и духом? Неужели лифты и общественные туалетные испещрили непристойностями злые инопланетяне, о которых так впечатляюще пишут писатели-фантасты!

Осмелюсь поспорить и с энциклопедистами позапрошлого века, считавшими, что младенец, народившийся на белый свет, — это «табула раза» — «чистая доска», на которой пишут письма, воспитание, образование и жизненные обстоятельства. То есть они утверждали: человек от природы не зол и не добр. Он становится добрым или злым.

Аргумент вроде бы убедительный. Но позвольте, разве мамаша младенца Адольфа Шикльгрубера сделала все, чтобы отпрыск ее вырос чудовищным преступником и убийцей десятков миллионов людей! И разве не встречаются нам и по сей день симпатичные старички, пускающие слезы умиления, наблюдая за «братьями меньшими» в телепередаче «В мире животных», — славные

такие старички, которые в жуткую эпоху современного средневековья были молодыми, могучими и со спокойной совестью палачествовали над замечательными людьми, цветом нашей партии!

Поговори с таким милым старичком, и он прошамакает, мол, он сам лично, старичок такой-то, по натуре добрый и отзывчивый. А что касаясь «перегибов» (так он деликатно определит свое соучастие в преступлениях), то тут ничего не поделаешь, работа была такая. Ему приказывали, ну и он приказывал. И всякий раз при этом в душе горько оплакивал свою судьбу. Поэтому нынче и сердце пошаливает. В прошлогодье кошечка Мурка тухлой рыбой отравилась. Так поверите, и по сей час успокоиться не могу. Валидол не помогает. Так жаль, так жаль!..

А не задумывались ли вы, читатели, и о том, что, кроме приказывающих, было еще множество тех, кто исполнил приказания?

Есть исполнители цыганских песен, знаменитые исполнители битшлягеров, рок-блокбастеров, исполнители-инструменталисты. Наконец, живет и честно трудится немалое число судебных исполнителей.

Но тех, кого я имею в виду, называли просто и исполнителями. Потому что даже во времена массового отстрела «ведьм» ни язык, ни перо не поворачивались, чтобы уточнить, что именно эти исполнители исполняют.

Мы знаем, что великие люди являются миру именно тогда, когда в них ощущается историческая потребность. Это понятно.

Но по какой же причине и откуда явились вдруг сотни, если не тысячи добровольцев, «от природы добрых» граждан, сделавших смыслом своих жизней совершенствование в исполнительском искусстве? Вроде ни высших, ни специальных средних заведений такого профиля у нас никогда не было.

Ан явились, в достаточном количестве. И далеко не все вымерли. Некоторые сейчас на заслуженном отдыхе.

Увы, дорогие читатели, не добр человек от природы. Энциклопедисты во многом правы, человек становится добрым и злым. Однако встречаются (и не так уж редко) и такие индивидуумы, у коих в генетическом коде заложено негодяйство. И тут уж и воспитание, и образование, и жизненные обстоятельства бессильны.

Невозможно же с помощью образования превратить брюнета в блондина и наоборот.

Стоп! — подсказывает мне внутренний голос. — Остановись, пока не поздно. Ты договорился до ломброзианства! Был такой тюремный врач, Чезаре Ломброзо. Он доказывал, что преступниками рождаются и что существуют «стигматы» — особые внешние признаки преступника — асимметрия лица, глаз, ушей, выступающая вперед нижняя челюсть и т. д.

Нет! — возражаю я внутреннему голосу. — Я вовсе не ломброзианец. Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей, имея на руках и по шести пальцев. Я говорю не о внешних признаках, но о биологической структуре. Эта таинственная область почти не исследована врачами и биологами. Пусть я дилетант. Но я на практике убедился в весомости своих предположений.

Вот пример. Юнец (назову его Виталием) родился в культурной семье. Отец и мать люди образованные, просвещенные. Воспитывали своего Виталика в добропорядочных традициях. И что же?.. Виталик окончил школу, поступил в институт — и тут же угодил за решетку за... изнасилование!

Отбыл на лесоповале семь лет. Наконец вернулся. То ли работать стал, то ли опять учиться — не ведаю. Но то, что женился — это точно. Казалось бы, тяжелые времена позади.

Не тут-то было. Ровно через год воспитанный в лучших педагогических традициях Виталик вновь попадает на скамью подсудимых, и снова за изнасилование!.. Как прикажете это понимать? Ведь он уже не восемнадцатилетний юнец, который, впервые совершая насилие, видимо, легкомысленно надеялся: «А!.. Проморгается». Теперь-то он хорошо знал, что за подобный способ знакомства с девицей карают жестоко!

А все-таки настоял на своем, представился. И вновь схлопотал семь лет лесоповала.

Ну как тут не заподозрить, что любвеобильный генетический код Виталика уж так устроен, что поступать ему иначе никак невозможно. Может быть, перешла к нему эта особенность от далекого предка, какого-нибудь Гришки Распутина, дореволюционного насильника и убийцы Комарова или даже от самого маркиза де Сада?

Знавал я и почтенного старца, который почти всю свою мало сознательную жизнь провел по тюрьмам и

исправительно-трудовым лагерям. Он сидел при Николае Кровавом, при Керенском сидел, хотя Александр Федорович выпустил на свободу более миллиона уголовников. Сидел в эпоху Военного коммунизма, знакомился с достопримечательностями Соловков в годы НЭПа. Даже жутковатый Закон от 7 августа 1932 года, каравший за хищение социалистической собственности расстрелом (и лишь при облегчающих обстоятельствах отправлявший виновного на десять лет в колонию), даже такой леденящий душу Закон его не смутил. Выйдя на волю в разгар войны, подышал воздухом свободы, хапнул в крупных размерах — и опять попал в привычные условия. И так до глубокой старости. Был он любящим мужем, образцовым семьянином. Даже в лагерях и колониях, устроившись на тепленькое местечко, умудрялся хапать и тем самым материально поддерживать семейство.

Уже глубоким старцем сей уникум, глядя на меня мутными глазами, подернутыми катарактой, говорил дребезжащим тенорком:

— А что вы хотите? Я делец от рождения, коммерсант. В каждой профессии есть фактор риска. Разве космонавты не рискуют еще больше, чем я? А летчики-испытатели, а водолазы?..

Неугомонный старец утверждал, будто ведет свою родословную от библейских ростовщиков, отличавшихся, как известно, свирепой алчностью. Но мне думается, он просто хвастал. Вряд ли старец мог документально доказать, что его прапрапращурь финансировали строительство Вавилонской башни, окончившееся столь плачевно. Судьи, его судившие, в эту легенду не верили. И тогда кадровый хапуга прибегал к другим аргументам.

— Ладно, граждане судьи, оставим в покое моих родственников вавилонян и филистимлян. Но я скажу за своего папу. Мой папа был самых честных правил, и все же участвовал в финансовых аферах с известным Митькой Рубинштейном. А что же вы хотите от меня? Чтобы я не был сыном своего отца? Это смешно. Я не могу жить без махинаций. Они нужны мне, как птице крылья для полета! Прошу учесть это смягчающее обстоятельство.

Пусть, однако, читатели не подумают, что свои рассуждения я желаю свести к мысли о том, что, коль скоро какого-нибудь субъекта генетический код толка-

ет на уголовное деяние, то и судить «жертву» дурной наследственности несправедливо. Человек, склонный к заболеванию ангиной, должен избегать простуды, не пить холодного. Субъект, чувствующий в себе тягу подискутировать с уголовным кодексом, просто обязан избегать соответствующих «благоприятных» ситуаций.

А разговор об этом я затеял с читателями для того, чтобы подкрепить мое убеждение в том, что Леша, Тимур и Нина, к счастью, получили в наследство от «предков» самые замечательные человеческие качества: честность, отвагу, настойчивость, гражданское мужество — свойство в наше время, увы, редчайшее и которое давно уже пора записать в Красную книгу.

Однако в генетическом коде моих юных героев имелось и нечто такое, что, по рассуждению ума, охлажденного опытами жизни, следовало бы не то чтобы осудить, но и не одобрить. Они не признавали освященных веками житейских истин: «Семь раз отмерь — один раз отрежь», «Не лезь поперед батьки в пекло», «Шагая по улице жизни, не забывай оглядываться по сторонам». В них бушевал юношеский максимализм, постоянно кипело недовольство собою, поскольку они сознавали, что не в силах устранить, искоренить несправедливости, ханжество, попрание идеалов демократии. Когда Алеша, Тимур и Нина были подростками, они выражали свой протест «хиповыми» шмотками и решительным отрицанием всего, что не «бит» и не «рок». Но теперь им шел семнадцатый год. Наивная фронда уже казалась им же самым детской шалостью. Они теперь чувствовали себя взрослыми. Но им не разрешали быть взрослыми. В глазах «истинно» взрослых они были еще детьми, хотя сверстники «несмышленишей» в войну совершали подвиги, становились героями. ...Чаша терпения юнцов переполнилась в связи с выездом на хлопок. Выпускные классы, вопреки заверениям, тоже погнали на сбор хлопка. Вообще-то школьники любят ездить на хлопок, на сено, на овощи. Сельские просторы, природа. Относительная самостоятельность. А главное — передышка от математических формул, исторической хронологии и прочей школьной премудрости.

Но отрывать от учебы десятки, выпускные классы!.. Алеша, Тим и Нина заявили, что они протестуют. Тут же комитет комсомола школы и секретарь комитета, Хаким Ошбеков, очень способный бюрократ и демагог, открыл заседание.

— Товарищи! — начал он и пригладил рукой и без того гладко причесанные волосы. — Произошло чепе! Трое комсомольцев из десятого «А», Руднев, Бахрами и недáвно пришедшая в нашу школу Нина Климович, отказались участвовать в деле огромной государственной важности — хлопкоуборочной кампании...

— Мы не отказывались, — подал реплику с места Тим.

Хахим махнул рукой, словно отгонял назойливую муху.

— Оправдываться будете после. И прошу не перебивать. Я продолжаю, товарищи. Беспрецедентный поступок указанных выше комсомольцев мы не можем, товарищи, оценить иначе, как саботаж, как попытку внести разброд в умы других учащихся. И в десятом «А», и в других десятых классах начались нездоровые разговорчики, осуждающие единодушное решение старшеклассников отдать все силы, весь комсомольский задор, комсомольский огонек...

— Если решение, как вы утверждаете, было единодушным, — не удержалась Нина, — то о каких нездоровых разговорчиках может идти речь?.. И почему вы, Хахим, говорите неправду?.. Где, когда было принято единодушное решение?.. К нам в класс пришел директор и объявил: надо ехать на хлопок. Все!

— Вот, пожалуйста, полюбуйтесь, товарищ Девыцын! — саркастически произнес Хахим, обращаясь к присутствующему на заседании инструктору райкома комсомола. — Та самая Климович.

Девыцын выразил на лице озабоченность и нахмурил белесые брови. Вид райкомовца не предвещал ничего хорошего для «персональщикова». Надо полагать, он уже был осведомлен о Леше, Тиме и Нине — потому что произнес тихо, медленно и угрюмо:

— Как же, знаю, та самая Климович, которая по самурайскому методу гвозди пальцами выдергивает. Другие способы ее не устраивают! И дружки ее тоже слишком хорошо известны в райкоме. Сплошные, понимаешь, жалобы на них. По ночам оглашают улицы безобразными воплями...

— Пением, — с улыбочкой поправил Тим. — Между пением и воплями есть, товарищ Девыцын, большая разница. И оглашаем мы до одиннадцати вечера. — Все по закону.

— Во-во!.. — вроде как бы обрадовался Хаким Ошбеков. — Даже вам, товарищ Девицын, говорить не дают.

— Почему — даже?! — невозмутимо парировал Тим. — Товарищ Девицын такой комсомолец, как и мы, грешные.

— Я — член партии! — поправил Девицын и покраснел от возмущения.

— Во-во! — Тим нахально скопировал Ошбекова.— И вам говорить не дают.

— Прекратите, Бахрами! — вдруг заорал Хаким.— Не превращайте заседание комитета комсомола в балаган!

Но тут и Тимур взорвался.

— Балаган, говорите?! А то, что вы вообще затеяли, — разве это не балаган? Мы всего лишь выразили несогласие с решением, принятым дирекцией школы и комитетом комсомола, принятым без участия нас, старшекласников. А нам тут же персональное дело пришили, самурайский метод вспомнили!.. Да сейчас, если хотите знать, в спецвойсках, в десантных частях боевое каратэ усердно осваивают. А ведь тоже не Маркс каратэ придумал...

— Оставьте в покое святое имя! — очень тихо, но с каким-то надрывом выдохнул Девицын и побагровел до синева. — Вы это мне бросьте... Мы не позволим глумиться!

— Да-да, не позволим! — подхватил Ошбеков.

Остальные члены комитета тоже что-то возмущенно говорили, но так как они залопотали вразброд, ничего нельзя было разобрать.

Тут, наконец, Девицын опомнился, сообразив, что он полномочный представитель и произносит речь. И он воздел руки, призывая к тишине.

— Так вот, товарищи, я говорил насчет Климкович, о ее дружках...

— Друзьях! — поправил Алеша.

— Ладно, пусть будет о друзьях, — иронически улыбнулся инструктор.— Их поведение райком комсомола расценивает как саботаж. Более того, эти несознательные, а может быть, и наоборот, — чересчур «сознательные», так сказать, инакомыслящие комсомольцы своими разлагающими разговорчиками подстрекают других десятиклассников уклоняться от выполнения своего патриотического и комсомольского долга. У ме-

ня все, товарищи. Выводы предоставляю сделать членам комитета.

Девыцын сел и отер платком миниатюрное личико. Голова у него была как и у всех людей, а личико крохотное, словно Девыцын носил маскарадную маску. И это многих смущало. Поднялся Ошбеков.

— Все ясно. У кого будут предложения?

— У меня есть предложение, — вскинула руку Нина. — Может быть, прежде чем карать нас, комитет все же выслушает и обвиняемых?

Это был сильный удар по престижу инструктора и Ошбекова, впопыхах забывших, что надо выслушать ребят, а потом уж принимать решение.

— Критику принимаю, — Ошбеков улыбнулся Нине. — Прошу!..

Девушка заняла место на учительской кафедре. В светлых глазах ее не было ни страха, ни даже намек на испуг. Она, как можно было предположить, умышленно встала так, чтобы Девыцын мог лицезреть на джинсах крамольный кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Долго говорить не стану. В школе этой я совсем недавно. И все же кое-что бросилось в глаза. В этой школе знаете зачем принимают в комсомол?.. А чтобы затем, чуть чего, пугать исключением из комсомола!

— Товарищ Климович! — грозно воскликнул Девыцын. — Не забывайте. За такие слова можно расстаться с комсомольским билетом!..

— Вот-вот, — рассмеялась Нина. — Вы прекрасно подтверждаете мои наблюдения... Далее... У меня в руках листочки. Что это, как вы думаете?.. Отвечаю. Это сценарий предстоящего комсомольского собрания школы. Написано это удивительное произведение рукой самого секретаря комитета комсомола Хакима Ошбекова. Цитирую некоторые наиболее любопытные детали... «Есть предложение избрать президиум нашего собрания. У кого есть предложения по составу президиума?.. Слово имеет Камиля Ширинходжаева. В скобках: «Камиля читает список кандидатов в президиум»... Неправда ли, как мило! У Камилли и список уже был готовенький. Читаю дальше: «Кто—«за», кто «против»?.. Воздержавшихся нет. Принято «единогласно». Как видите, товарищи, наш комсомольский вождь Ошбеков обладает даром ясновидения. Он уже заранее знал что будет, как

будет. А чтобы было совсем спокойно товарищу ясно-видящему, то для гарантии он приложил к сценарию и выступления комсомольцев. Часть из них тоже написана самим Ошбековым. Но есть и выступления, так сказать, оригинальные. У меня в руках собственноручно написанное и высочайше одобренное Ошбековым выступление Роберта Шакалнса...

— Как к вам попали эти секретные комсомольские документы? — тихо и страшно молвил Хаким Ошбеков.

— А я их выкрала, — просто ответила Нина. — На время, разумеется. Только в них нет ничего секретного. Вы, Ошбеков, и такие, как вы, глумитесь над комсомолом. И вы рабски копируете порядки, существующие в райкоме партии, в партийных комитетах предприятий, учреждений. Пора с этим кончать. Люди, даже если они очень молодые, не марионетки. Они — люди!.. Понимаете, товарищи Девицын, Ошбеков и вы, помалкивающие члены комитета?.. У людей имеется голова. А голове полагается думать, размышлять. Вот мы с Тимом и Лешей и подумали: надо готовиться к выпускным экзаменам. Огромная ответственность. Неужели без десятиклассников никак нельзя обойтись?.. И почему тогда в «Якшичульской правде», в других газетах выступают ответственные руководители и уверяют: «Нынешняя хлопкоуборочная кампания пройдет без участия горожан?..» Вранье! Кому нужно это вранье?!

— Я лишаю вас слова! — истерично крикнул Хаким. — Лишаю... Это провокация! Клевета на партийные органы!..

— А я уже закончила.

Нина сошла с кафедры. Но тут же выбежал Тим. Он вообще был красив. Но в гневе Тим был просто отчаянно красивым.

— Я тоже, значит, клеветник! — воскликнул он лояющимся юношеским баритоном. — Полностью присоединяюсь к выступлению Нинки... То есть, я хотел сказать, — Нины Климович. И добавлю. Комитет комсомола не обращает внимания на то, что в наших классах сложилось самое антагонистическое общество. Тот же речистый Робка Шакалис. В школу приезжает на «Тоёте». Папочка ему ее подарил! Откуда такие деньги у простого мастера «Автосервиса»? Ясное дело — хапает папаша Шакалис!.. А Бабур, сынок начальника облуправления милиции Хамдамова, а Камилка, дочка областного прокурора Ширинходжаева!.. Это же бур-

жуйские детки какие-то, рядовые милиционеры им на улице честь отдают!.. И на хлопок эти аристократишки не поедут, будьте уверены. У Робки, видите ли, идиосинক্রазия к хлопковому волокну. Справка есть. Бабур и вовсе безо всякой справки не поедет. И никто его не осмелится спросить: почему уклонился? Камилка не поедет, потому что в музыкальной школе учится, пальчики ей надо беречь. Ей тоже справку выдадут. А между прочим, вся музыкальная школа на хлопок поедет!..

Девыцын и Ошбеков вдруг стали перешептываться, и затем Ошбеков произнес торжественно, вибрируя го-лосом и губами:

— Есть предложение прервать заседание комитета комсомола. То, что мы сегодня услышали от Климович и Бахрами, настолько чудовищно, бросает такую тень на партийные органы и руководящих товарищей, что, как нам думается, материалы этого заседания следует передать в райком комсомола.

— А я требую не прерывать заседания! — вскричал с места Леша. — Меня-то еще не выслушали. Я тоже хочу покаяться... Да, я искренне раскаиваюсь, — продолжал парень, шагая к кафедре. — Грешен я, почти три года двуличничал, притворялся. Хватит! Глядя на тебя, Хаким Ошбеков, и на вас, Девыцын, в моей памяти возникают поэтические строки... — Нина с Тимом недоуменно переглянулись. Да и сидящие в президиуме Девыцын и Ошбеков изумились. Строптивость Лешки вошла в поговорку: «Упряма, как Руднев!», и вдруг — покаяние!

— Да, — продолжал Алешка. — Поэзия меня одолевает. Только вот никак не могу вспомнить строки. Слишком волнуюсь. Но смысл таков. Поэт смотрит на своего румяного комсомольского вождя, такого же румяного бюрократа, как и Девыцын с Ошбековым... Смотрит на своего румяного лидера, который хочет сделать поэта по своему образу и подобию, и мысленно обращается к великому коллеге Есенину примерно так: «И мне не хочется, задрав штаны, бежать бегом за этим комсомолом!» Поэтому я вношу предложение: исключить меня из рядов ВЛКСМ. Все. Я кончил. Благодарю за внимание.

В классе, где проходило заседание комитета комсомола, воцарилось мертвое молчание. Но тут же раздался голос Тима:

— Правильно, Лешка. Молодец. И меня предлагаю исключить!

После небольшой паузы поднялась и Нина.

— И меня за компанию исключайте. Действительно, противно. По крайней мере больше уже не смогут угрожать исключением!.. Ставьте на голосование.

То, что произошло дальше, трудно поддается описанию. Девыцын и Ошбеков, потрясенные небывалым ЧП, до того растерялись, что стали суетливо доказывать, мол, так не бывает! Нет прецедента. Согласно уставу, комсомольца, совершившего тяжкий проступок, несовместимый... и так далее... можно и даже следует исключить. Однако сам комсомолец, и тем более группа комсомольцев, не имеет права требовать самоисключения...

— А мы уже совершили тяжкий проступок, и даже не один, — настаивал Лешка. — Вы же сами, товарищи Девыцын и Ошбеков, говорили, что мы вели подрывную деятельность против хлопковой кампании, бросили тень на партийных работников и вообще мы, по вашим словам, инакомыслящие. То есть самые настоящие отпетые диссиденты. Почему же нас за это не исключить?

— Но не вы... — возражал вспотевший от волнения инструктор. Его пугало, что может произойти, если о ЧП станет известно в райкоме. — Вы не имеете права просить об исключении.

— Как это не имеем? — ядовито улыбнулась Нина. — Вы уже нас и этого права лишаете?

— И поймите в виду, — кричал с места Тим, — что наше предложение первое. Так что в порядке поступления голосуйте. Другого предложения, кстати говоря, и не было.

Девыцын окончательно потерял голову. Бледный, с капельками пота на лбу, он стал... вновь упрашивать Лешку, Тима и Нину снять свое дикое предложение.

— Э-э-э... Нет! — возражал Леша. — Мы свое предложение снимем, а вы тут же предложите свое — о нашем исключении. Оно же у вас заготовлено, мы знаем. Мы не желаем, чтобы нас исключили за то, что мы высказывали свое мнение. Долг комсомольца говорить то, что он думает, не кривить душой.

Наконец Девыцын поднялся и, подрагивая губами, объявил:

— Властью, данную мне райкомом комсомола, при-

казываю закрыть заседание комитета. Все свободны, товарищи.

— Ну, прямо как Кутузов на совете в Филях, — рассмехался Тим. — Какой же теперь новый сюрприз нас ожидает?.. Знаменитый фланговый маневр?

К величайшему удивлению моих слишком порывистых героев, никакого хитрого марша-маневра не последовало. Ребята думали, что комитет поставит обсуждение их персонального дела на общешкольном собрании. Но через два дня десятиклассников отправили на сбор хлопка в знаменитый колхоз «Рассвет». Видимо, в райкоме комсомола решили спустить дело на тормозах.

Как и предсказал Тимур, на хлопок «по уважительным причинам» не выехали Камила Ширинходжаева, Бабур Хамдамов и Робка Шакалис. Способный бюрократ Хаким Ошбеков стал необычайно ласков с возмутителями спокойствия. Пронюхав о том, что Нина окончила два курса медучилища и является без пяти минут медицинской сестрой общего профиля, Хаким предложил ей место при медпункте. Дотошная его натура была любопытна, и он поинтересовался.

— Что это ты, Нина, то в училище, то в школе, а?

— Хотела стать медсестрой. А вот перевели сюда родителей, подумала: может, лучше после школы сразу в мединститут?.. С трудом, но все же в порядке исключения приняли, тебе на радость, Хаким, в десятый. Отметки у меня общеобразовательные нормальные. Но теперь вижу, что институт мне не светит.

— Почему же?

— А ты мне характеристику подпортишь.

— Да ты что? — почти искренне изумился Хаким. — За кого ты меня принимаешь? Я по-честному. Поработай на хлопке нормально, а главное, — хватит высовываться. Я и друзьям твоим обеспечу проходные характеристики.

— Ладно уж, — Нина протянула секретарю комитета руку. — Перемирные? — и стиснула стальными своими пальцами квелые пальчики Хакима. Тот взвыл тоненьким голоском, судорожно задергал руку, пытаясь вытащить ее из руки Нины. — Пусти-и-и!.. Больно...

— Что? Тяжело пожатье каменной ее десницы, Хаким? — сострил Алешка. — Отпусти его, Нинк. Испортишь пальчики, чем он резолюции писать станет? А характеристиками не обольщай. Мы с Тимом после школы в армию пойдем. Послужим в воздушно-десантных вой-

сках. Там и постараемся получить приличные характеристики.

— Ты бы, Хаким, — вмешался подошедший Тим, — в нашу колхозную общагу заглянул. Вроде колхоз-мультимиллионер. А нас загнали в бывшую конюшню. Грязь несусветная, блох в неограниченном количестве. Окон нет. В стенах и дверях щели. А кормят так, что и свиньи вряд ли станут такое пойло есть!.. Учти, мы в «Якшичульскую правду» можем написать. Читал во вчерашнем номере передовую — «Сборщикам хлопка — неослабное внимание!» Вот... — Тимур вытащил из кармана затрепанной джинсовой куртки «Якшичульку». — Читаю... «Бригантина романтики распускает свои алые паруса над бескрайним океаном «белого золота», по которому величественно плывут хлопкоуборочные машины, справедливо названные в народе «голубыми кораблями». В единодушном трудовом порыве хлопкоробы твердо заявляют: «План и обязательства по сбору хлопка-сырца будут выполнены и перевыполнены...» Ну это все, брат, лирика. А вот о нас, которым — неослабное внимание: «Однако в отдельных, далеко не типичных случаях имеют место факты невнимательного отношения к горожанам, изъявившим горячее желание участвовать в борьбе за урожай хлопка-сырца. Так, например...» Ну, пример приводится из другого колхоза. Но это неважно. Мы готовы описать наше житье-бытье.

— И не только наше, но и колхозное, — подхватил Леша. — Порядочки здесь прямо-таки феодально-байские. Мужики пристроились учетчиками, возчиками, а то и вовсе при чайхане лясы точат. Утром мы, — изъявившие горячее участие, — на поле выходим, а колхознички — на базар, культурно торговать. Норму сбора установили семьдесят пять килограммов в день, а поля нам дают голые. Тут и машины натоптали, и колхозные сборщицы «попартизанили». Черные поля, одни ощипки. Где же нам даже по двадцати кило на брата собрать?.. Бригадир говорит: «Ничего не знаю. Есть решение — собирайте по семьдесят пять. Иначе никакого вам заработка. Даже на обед не заработаете».

— Ладно, ладно, ребята, — заторопился вдруг Ошбеков. — Мне в штаб пора. Я обо всем доложу.

Он сел на мотоцикл и укатил, оставив за собой шлейф желтоватой пыли.

— Деятель, — выразительно произнесла Нина, скосив

глаза в сторону пыльного шлейфа, и рассмеялась.

Лешка сказал весело:

— Ай да Хакимчик, ай да сукин сын! В штаб его потянуло. Знает, куда ехать. Ведаете ли вы, братишки, что это за штука—штаб? Райский уголок. Я успел все разузнать. Сабирджан Абидов, председатель «Рассвета», в незапамятные времена был то ли младшим бухгалтером, то ли учетчиком. Но подхалимством и доносами снискал благорасположение знаменитого Одилбая Парпиева и Льва Львовича Века. Они Сабирджана и сделали райсом. А он, в подражание своим благодетелям, построил так называемую «Новую резиденцию». Километрах в семи отсюда.

— Кто это тебе рассказал? — спросил Тим.

— Свет не без болтливых людей. Я ведь, братишки, парень общительный. Живет тут один старикан. Когда-то колхозным комсомолом заправлял. Но вскоре его Одилбай в возчики разжаловал. Состоит при арбе. Бойтся собственной тени. Про «Новую резиденцию» проговорился случайно. И так перепугался, что даже жаль его стало. Седенькая бородка трепещет как заячий хвостик, в глазах ужас мельтешит... Противно смотреть! А еще старый человек. Лет пятьдесят, небось.

— Зря ты так про него, — сказала Нина. — Люди с годами становятся осторожными. Этому, видать, изрядно досталось: из комсомольских вожаков — в арбакеши! Нам хорошо ничего не бояться. Даже из учеников разжаловать не могут. Всеобщее обязательное среднее образование.

— Как не могут? — возразил Тим. — Еще как могут! Во всяком случае институтов нам как своих ушей не видать.

Нина кивнула.

— Это ты прав. Но все же это не так страшно. Вы с Лешей отслужите в армии, а там все дороги — только не ошибись в выборе.

— С нами понятно, а вот как ты?

— В медицинское училище подамся. Мне ведь всего год доучиться, и медсестринский диплом в кармане. В Ташкенте есть такое. Если окончу с отличием, — в мединститут примут.

— Воздержись пока от мединститута! — воскликнул Леша, осененный очередной «гениальной» мыслью. — Получишь диплом медсестры — и айда тоже в армию!.. А что? Женщин нынче не обходят вниманием

Вооруженные Силы. Связистки есть, военторговки... Ну, и, конечно, врачи и медсестры. Их так и называют — служащие Советской Армии. Призывать не призывают, а добровольно — пожалуйста!

— В самом деле, Нинк, давай, а? — обрадовался Тим.

«Нинк» рассмеялась.

— Мальчишки вы еще совсем. Жаль мне с вами расставаться. Но что делать? Вы в армии два года отслужите — и только вас и видели. А я?..

— И ты уволишься. Дело добровольное.

— Чудаки. Где гарантия, что нас в одну воинскую часть определят? Армия большая. Да и что заранее загадывать. Я все же попытаюсь, сдам документы в мединститут. А не выйдет, закончу медучилище. Время покажет. Но ведь ты, Леша, так и не досказал про своего нового знакомого.

— Верно, Нинк. Этот, с седенькой бородкой, видать, много знает, но трусит рассказывать. Однако он сообщил мне по секрету, что живет на окраине центрального поселка «Рассвет» некий Раим-бобо. За восемьдесят ему уже, глубокий старик. Но память как у молодого. В древние времена, задолго до войны, был председателем райисполкома. В партию вступил еще в девятнадцатом году. В составе Мусульманского полка штурмовал в Бухаре эмирскую цитадель Арк. Чуть не женился на одной из бесчисленных жен эмирских. Одним словом, с биографией человек. А затем его посадили и, как выяснилось, безвинно. Десять лет отбыл. Вышел на свободу во время войны. Все его за версту обходят. Вот он, чтобы не помереть с голоду, и устроился сторожем в «Рассвете». Затем Рапо-хан сделал его директором колхозного Дома культуры. Сейчас Раим-бобо, персональный пенсионер, болеет. Может, вечером, после трудов праведных, навестим заслуженного старца, а?

«И ПУСТЬ У ГРОВОГО ВХОДА...»

Раим Мирхѳджаев, персональный пенсионер Республиканского значения, умирал.

Если считать, что самое драгоценное на земле — это жизнь, то Раиму-бобо повезло. Не каждому выпадает счастье перевалить на девятый десяток. Не каждому довелось прожить жизнь, полную великих радостей и тяжелых печалей, рисковать жизнью, сражаясь за раскрепо-

щение женщин, за справедливое распределение земли и воды, за... Нет этим «за» конца и счета!

Довелось ему, однако, попасть и в жуткую катастрофу. Произошла она в памятном тридцать четвертом году. Был Раим честным трудягой районного масштаба и вдруг — стал «зеком»!

Десять лет с клеймом «экономического контрреволюционера». Десять лет тяжких раздумий и — что особенно горестно — сознания своей вины. Ведь и в самом деле, провалил тогда возглавляемый им район план хлопкозаготовок. Но почему же контрреволюционер? Когда надо было, он, Раим, в конной лаве скакал на вражеские пулеметы. И эмирский Арк он, Раим, штурмовал, готовый расстаться с жизнью ради счастья дехкан, простых людей. Ну не сумел организовать хлопкоуборочную. Множество на то было причин. Однако никакие оправдания не принимались.

Став «зеком», Раим Мирходжаев не испытывал особых житейских невзгод. Он был бригадиром в особом совхозе. Вот только хлопковые поля, бывшие на его попечении, назывались зоной, да строжайше запреще-но было выходить за пределы своих «владений». Да!.. Еще распорядок дня по команде.

После завершения земельно-водной реформы Раим Мирходжаев уехал в Москву на учебу. Два года в столице дали ему немало. Познакомился он и с историей философии. Между прочим, преподаватель не без юмора рассказывал о философских концепциях Бердяева и других, ему подобных, утверждавших, будто свобода — понятие относительное. Человек внутренне свободен, дескать, он может чувствовать себя свободным даже в тюрьме. Тогда Раим, вместе с преподавателем, посмеивался над псевдофилософскими бреднями.

Теперь же, превратившись в «зека», он со временем стал понимать, что в зауми этой есть нечто не лишнее смысла. Раим Мирходжаев мысленно беседовал со своей женой (не зная, что ее уже нет в живых), совершал увлекательные путешествия в таежные дебри, на строительство в Хибины, на Урал. Побывал он и в Берлине, в личной беседе с Гитлером высказал все, что он о нем думает...

К великому удивлению начальства, едва исполнилось десять лет пребывания Мирходжаева в совхозе, пришел приказ о его освобождении. Багроволицый полковник, прощаясь с Мирходжаевым, сказал:

— Жаль отпускать. Привык к тебе. Да, видать, в рубашке ты родился. Бывай!

Раим возвратился в родной город. Великая война гремела победными салютами. Потoki крови лились где-то далеко-далеко. Мирходжаев был еще не стар. Он хотел пойти в армию, попросился на фронт. Но ему отказали. Посоветовали отдохнуть, подправить здоровье. С работой ничего не получилось. Взять в шгат пусть бывшего, но все же экономического контрреволюционера — это кто же на такое решится?!.. Даже разнорабочим держали считанные недели. Откуда-то, видимо, поступал сигнал — и Раима под разными предлогами увольняли. Повидался с дочерью и понял: не следует к ней больше приезжать, не надо портить ей жизнь.

Но недаром же краснолицый полковник сказал, что Раим в рубашке родился. Случай свел Мирходжаева с Одилбаем Парпиевым.

— Езжай ко мне в «Рассвет». Будешь сторожем. Если останусь доволен, может быть, дам что-нибудь получше. Все.

За месяцы пребывания на свободе, — месяцы, показавшиеся Раиму годами, он понял, что есть в жизни обстоятельства куда худшие, чем простое лишение свободы. Там, в спецсовхозе, его кормили, его ценили как специалиста. А на свободе от него шарахались, как от прокаженного. В средние века больному проказой полагалось, выходя на улицу, звонить в колокольчик, чтобы люди знали, кого обходить стороной. И Раиму впору было завести такой сигнальный колокольчик.

И все же нашелся человек, рискнувший приютить отщепенца.

Истосковавшийся по человеческому участию, Раим Мирходжаев проникся поистине собачьей преданностью к своему благодетелю. В те годы дела в «Рассвете» шли ахово. Раим не мог не замечать свирепости своего «кумира», его махинаций с баранами и тайными посевами риса. Знал колхозный сторож и о том, что «Усто-раис» легок на расправу. Все знал.

Знал — и.. находил оправдания самым неблагоприятным проступкам и преступлениям Одилбая. Такое случается с женщинами, влюбляющимися «без памяти» в ничтожеств и даже в уголовников. Когда Лев Львович Век стал заместителем председателя колхоза и всю занялся грандиозными махинациями и очковтирательствами, Раим, после долгих раздумий, собрался с духом

и решился открыть глаза своему благодетелю на нового зампреда.

Разговора, однако, не получилось. Одилбай выслушал сбивчивый монолог сторожа. Посверлил его тяжелым взглядом черных глаз, пылающих внутренним огнем, и прохрипел:

— Ожил, значит, «контра»? Советы осмелился мне давать, поучаешь? Сплетни собираешь. Смотри у меня! Я тебя из петли вытащил. Я тебя и в петлю могу сунуть. Что ты толком знаешь?.. Ничего. Мы с Шербekom решаем государственные задачи. Понятно? Не суй свой нос, куда не следует.

Раим ушел пристыженный, разочарованный.

Настало время реабилитаций. Раима Мирходжаева очистили от позорного клейма «экономического контрреволюционера». Одилбай поздравил его с «воскрешением», предложил должность агронома. Но Раиму было под шестьдесят, заново начинать карьеру было поздно, да и здоровье пошаливало. Тогда «Усто-раис» сделал его директором Дворца культуры. Должность, пояснил он, почетная. Много сил не заберет. Есть молодые, шустрые помощники.

И вновь Раим Мирходжаев проникся безмерной благодарностью к своему благодетелю. Еще бы! Одилбай приказал собрать нужные документы, и Раиму Мирходжаеву назначили персональную пенсию республиканского значения. Более того, — по представлению колхоза «Рассвет» старый большевик Раим Мирходжаев был награжден орденом Ленина!

Теперь в ушах родившегося «в рубашке» Раима-ака звенел не колокольчик прокаженного, а без конца трезвонили телефонные звонки. Раима-ака поздравляли, желали доброго здоровья и новых трудовых успехов, корреспонденты добивались интервью...

Правильно говорят мудрые люди: правда свое возьмет.

Раиму-ака вернулись почет, уважение, материальная обеспеченность, в известной мере к нему пришла слава. Все у него теперь было. Безвозвратно ушли лишь годы, здоровье и счастливое неведение того, что происходило в эпоху ликующих песен и развеселых кинофильмов, в эпоху великих строек и нечеловеческого энтузиазма, в эпоху массового героизма и репрессий, — в эпоху, получившую сдержанно-академическое название — «Период культа личности».

После Двадцатого съезда он уже знал все. Или почти все.

И он не мог уже не видеть того, что в «Рассвете», разглагольствуя о необходимости борьбы с последствиями культа, Лев-Шербек, вместе с тем, всячески насаждает безоглядное подчинение воле Одилбая Парпиева, собственной своей воле. феодальное повиновение, а в случаях малейшего протеста обрушивает гнев «Устараиса» на нарушителя колхозного благочиния.

В свое время Раим-ака был работником районного масштаба. Он и мыслил масштабами района. Он считал, что в области, в республике все идет прекрасно. В этом убеждали газеты. Но колхозные дела он видел собственными глазами, и то, что происходит в районе, тоже ему было хорошо ведомо. И в этой части газетные «взахлебы» вызывали у Раима-ака недоумение и досаду, поскольку он привык верить газетам.

Раим-ака, после долгих колебаний, снова попытался открыть глаза Одилбаю на то, что творится вокруг. Но и на этот раз ушел пристыженный, в смятении душевном.

Теперь он окончательно понял: кумир его, его благодетель заодно с Шербеком.

Оставалось одно — написать обо всем Самому, Узлары.

Несколько ночей не спал Раим-ака. Измученную душу его терзали самые разноречивые мысли. Долг коммуниста, большевика, повелевал сообщить в ЦК о творящихся в «Рассвете» беззакониях, очковтирательстве и других тяжких преступлениях. Но что ни говори, а Раим-ака был все же человеком старого закала, впитавшим в плоть и кровь вековые традиции Востока. А они повелевали не кусать руку, тебя приласкавшую, поддержавшую в трудную годину, не плевать в колодец, из которого тебе, умирающему от жажды, дали напиться. Но как молчать? Теперь Мирходжаев знал, что творится не только в колхозе, районе, но и в области!

Не давала покоя и совсем уж подленькая мыслишка — написать анонимку. Но это означало бы полнейшее моральное падение. Никакие самоутешения (мол, надо для пользы дела) не в силах оправдать подлость. В определенных обстоятельствах человек должен, просто обязан рисковать, пусть ему даже грозит крушение карьеры, потеря жизненных благ, смерти!.. Ведь было

время, скакал на дудукающие «шоши» и «льюисы» басмачей, эмирских аскеров!

И наконец Мирходжаев решился. Целую неделю, по ночам, составлял он докладную. Он собрал многочисленные факты очковтирательства, назвал примерные площади скрытых посевов, суммы хищений, перечислил пофамильно взяточников, особо выделяя гнусную роль Л. Л. Века — закоперщика всех преступлений. Написал обо всем, что хорошо знал. Однако благодетеля своего Раим-ака старался представить жертвой интриг авантюриста Века, прозванного в колхозе Шербекком.

Раим-ака уже знал, что письма в высокие инстанции перехватываются. Поэтому он, подыскав предлог, отправился в Ташкент и лично сдал конверт в бюро пропусков. На конверте и в заглавии письма стояло: «Первому секретарю...»

К тому времени им уже был Сам, Узлары.

Вскоре победно завершилась хлопкоуборочная. Колхоз «Рассвет» добился фантастической урожайности. «Якшичульская правда», другие газеты, радио и телевидение захлебывались от восторгов, на все лады восхваляли Одилбая, его славного помощника Льва-Шербека, «умные руки капитанов хлопкоуборочных машин — этих «голубых кораблей», гордо бороздящих бескрайние просторы серебряного океана»; публиковались и шли в эфир многочисленные интервью с «героями хлопковой битвы». Октавиан Антисемишников по случаю славной победы впал в поэтический экстаз, — ведь коллектив «Рассвета» был удостоен высокого ордена.

И Октавиан опубликовал в «Якшичульке» песню, состоящую из псевдовосточных рубайи; каждая заканчивалась жизнерадостным припевом.

Тебе, колхоз «Рассвет», дарю я сей дастан!
По урожайности ты превзошел свой план.
И с обязательством высоким справился отменно!
За это орденом ты нынче осиян!

Припев

Грудь украсив им, ликуй, хвала тебе!
Грудь украсив им, ликуй, хвала тебе!

Рахмат тебе, Парниев Одилбай!
Прославил подвигом своим ты отчий край —

Волшебник хлопковых полей неутомимый!
И в честь твою гудит-поет карнай!

Припев

Грудь украсив им, ликуй, хвала тебе!
Грудь украсив им, ликуй, хвала тебе!

И так далее.

В тот же день песня была положена на музыку, и она зазвучала в радио- и телевизионных передачах. Правда, при внимательном ознакомлении с песней, обращало на себя внимание неодинаковое количество стоп в строках. И потом — во втором куплете получалось, что Одилбай Парпиев украсил свою грудь карнаем, то есть огромной фанфарой, метра этак в три длины, если не больше. Кроме того, в припеве почему-то слышалось странно-знакомое неблагозвучие. Но это уже мелочи, придирки. Главное — песня вылилась из души Октавиана.

Почести и награды щедрым дождем хлынули на «Рассвет» и многие другие колхозы и совхозы. К тому времени Якшичульская область в целом, творчески осмысливая передовой опыт Одилбая, также добилась впечатляющих успехов.

Раим-ака с волнением и тревогой ждал, когда же в верхах отреагируют на его сигнал. Но все было тихо. Вроде он и не посылал письма. Зато, к великому своему изумлению, Мирходжаев в списках отличившихся хлопкоробов обнаружил свою фамилию — его наградили медалью «За трудовую доблесть».

Убежденный в том, что произошла ошибка, Раим-ака решил выяснить, в чем дело, у Одилбая. Смотреть в глаза своему благодетелю было почему-то стыдно и жутко. Однако усто-раис поначалу встретил бывшего «контрика» ласково. Сообразив, зачем явился директор Дома культуры, он, не дав ему рта раскрыть, успокоил:

— Знаю, знаю, зачем пришел. Все правильно. Есть ведь и твой вклад в нашу победу.

Выслушав сбивчивые слова благодарности, огорошил:

— По правде сказать, тебе не «Трудовая доблесть», — тебе медаль «За отвагу» полагается. В следующий раз обязательно выхлопочу. Хош... А коли и дальше проявлять отвагу станешь... Что-нибудь еще по-

дышу подходящее. Понял? Ты что — баранчук, да? Младенец?! Иди!

Вскоре в колхоз «Рассвет» пожаловал Сам. Три дня продолжались торжества. Старейшего коммуниста Раима-ака Мирходжаева усадили в президиум собрания, на котором вручались награды, знамена и премии наиболее отличившимся. Раим-ака сидел ни жив ни мертв, хотя Узлары лишь дважды, да и то мельком, взглянул на него. Зато в своем выступлении Сам, назвав фамилии знатных людей, упомянул и Раима-ака. И не просто упомянул, а сказал несколько теплых слов.

Раим-ака окончательно потерялся. То, что о его письме знает Одилбай, — это ясно. Значит, его информировали люди Узлары или, возможно, он Сам... И тут же лестные слова о старом коммунисте!.. И эта медаль!.. Мне дали понять: «Не рыпайся! Иначе будет плохо».

И тогда Раима-ака парализовал страх. Он сидел в нем, оказывается, с тысяча девятьсот тридцать четвертого года!.. Не тот страх, который охватывает тебя при виде пыльных фонтанчиков, взбиваемых пулеметными струями, через которые ты должен, обязан перескочить и продолжать рваться вперед. «Пулеметный» страх можно в себе подавить, притупить, собрав волю в кулак, перетерпеть его, даже заставить себя не думать о нем...

Но это был другой, особый страх. Иногда такой страх является в ночном кошмаре. Нечто холодное и безмолвное опутывает невидимыми щупальцами, сжимает, душит — и нет от этого Н е и з в е с т н о Ч е г о спасения. Жертва бессильна, она не может даже крикнуть, — лишь трепещет в предсмертных судорогах. И тогда пробуждение — великое счастье!

Но как пробудиться, коли не спишь, и сна нет ни в одном глазу? Леденящий душу страх выполз из закоулков сознания, проник в душу Раима-ака и не отпускал, будил в памяти роковой день, когда Мирходжаев встретил того особоуполномоченного, — и как вдруг неизвестно откуда возник и неизвестно куда исчез несчастный председатель колхоза, на хлопковой карте которого человек в кожаном реглане обнаружил коров, поедающих гузапаю. И все последовавшее в его жизни «прокрутила» память... Нечто неведомое, неосязаемое оплело тогда Раима холодными щупальцами и поволокло — методично, безжалостно...

И ведь это в любой момент может повториться!

Раим-ака почувствовал себя ничтожной козявкой, бессильной, беспомощной. Судороги страха корчили его беспричинно, и это было особенно жутко. Чего и кого, собственно, бояться?.. Жизнь прожита. Остались крохи. Ни семьи, ни состояния, которые может отнять смерть. Ты совершенно независим, даже если тебя выгонят из колхоза. Есть пенсия. С голоду не помрешь...

Однако страх не проходил, вызывал душевное опеченение.

Почему?

И вдруг Раим-ака все понял. Он страшится потерять свое доброе имя, которого его уже однажды лишили. Более двадцати лет он носил на себе клеймо отверженного!

Но даже и не это особенно угнетало Раима-ака. Он потерял веру. А человек без веры — животное, озабоченное лишь добычей пищи, биологическое устройство, наделенное примитивными инстинктами.

Человек должен во что-то верить, быть одержим верой. Все равно какой — в Мухаммада, в Христа, в Будду, в сияющие Вершины, в носорога, держащего на конце своего рога Землю, в Анархию — мать порядка, в Светлое будущее, в черта, в дьявола!..

Раим Мирходжаев и опомниться не успел, как из Раима-ака стал Раимом-бобо*. Бежали годы. Ненавистный Лев-Шербек уже успел подиректорствовать на хлопкозаводе, а затем и вовсе взлетел высоко, захватив должность Григория Фомича Гроднича. Одилбай Парпиев стал генеральным директором аграрно-промышленного объединения Хопмайлинского района. Должность вроде и не так велика, однако фактически старик этот, смахивающий на сказочного Кощея бессмертного, забрал в свои костлявые руки всю власть в области. Первый секретарь обкома Назимов Анвар не решался принять ни одного важного решения без согласования с Одилбаем. Об этом все в области знали. Да и сам Назимов не скрывал этого, постоянно, на всех совещаниях, восхвалял опыт и мудрость Парпиева, прозванного Рапо-ханом.

Бывало и так, что Одилбай без вызова отправлялся в ЦК, проходил в кабинет Узлары без всякой очереди, и тогда прием остальных посетителей отклады-

* Б о б о — почтенный старец.

вался на другой день. Это впечатляло. Но особенно действовали на воображение людей приезды Самого в Айкыстан, на центральную усадьбу «Рассвета».

Высокий гость приезжал сюда отдохнуть, потолковать по душам с прославленным Одилбаем Парпиевым. И даже когда Одилбай стал Рапо-ханом, свидания их по-прежнему проходили в «Резиденции», хотя раисом «Рассвета» был уже шустрый и услужливый Сабирджан Абидов.

Стареющий Раим-бобо видел все это, видел чудовищные преступления, совершавшиеся на его глазах, и постепенно утрачивал веру — веру в справедливость и — что особенно угнетало! — в те идеалы, во имя торжества которых он рвался когда-то на пулеметы, трудился до изнеможения в почетной и распроклятой должности председателя райисполкома...

И тогда засигнализировали о себе прожитые годы, лишения, болезни, одряхление тела и души. Раим-бобо стал раздражителен, слезлив, по ночам ему не давали покоя глупые кошмары: то он будто бы ложку проглотил, то еще какая ерунда, заставляющая, однако, бешено колотиться старое, изношенное сердце.

Все же Раим-бобо сохранил в себе жалкие крохи надежды. И он решил завести дневник. В нем он записывал все, что происходило в «Рассвете», в городе Байрамкенте, в Якшичульской области. Старик убеждал себя в том, что ведет дневник для того, чтобы переслать его в высшие инстанции, в Москву. Понимал, что обманывает себя, но сам же себя и убеждал.

Дневник Раим-бобо хранил под матрасом. По вечерам перечитывал, вписывал новые факты. И с тяжким вздохом прятал в нехитрый «тайник».

Чего он боялся?

Он боялся того же, чего боялись остальные люди в «Рассвете», в Байрамкенте, в Якшичульском оазисе. Страшился, что никакой пользы от его дневника не будет, что он не дойдет до кого следует. А на автора дневника обрушатся кары. И не тюрьма страшна, и сама смерть не пугает. Но попасть опять за решетку или уйти из жизни с клеймом негодяя!.. Каково было начальнику райотдела милиции майору Кузнецову сгннуть за решеткой с клеймом насильника и взяточника?! А новый второй секретарь обкома Алимджан Алимов?.. Тоже осужден, за вымогательство крупной взятки!.. Опозорен!

Раим-бобо был крепкого крестьянского корня. В его роду мужчины жили долго. И он бы наверняка перевалил за девяносто лет. Но... Ночные раздумья действовали как отравы, стремительно разлагали дряхлеющее тело.

И вот он умирал. Врачи разводили руками — никакой конкретной причины, разрушающей организм Раима-бобо, они не находили. Современные эскулапы, не очень искушенные в «кухонной латыни» старинных медиков, все же пытались не травмировать пациента приговором на понятном ему языке и потому говорили между собой на диковатой тарабарщине.

— Хабитус джуда яман.

— Веритас, коллега. Сенекс старенький больно.

— Девятый десяток грянул, — вмешался в ученый разговор Раим-бобо. — Шли бы вы, милые, молодых и здоровых лечить. А я как-нибудь и без вас помру. Честное слово, не подведу.

И вот он теперь лежал и ждал прихода Небытия. Ожидал он и прихода торжественных размышлений. Но вместо них в голове занозой засела нелепая мысль о том, что вот он, Раим-бобо, лежит, ждет смерти, а на носу его очки. Зачем мертвому очки?.. Может, снять, пока не поздно?..

Тут и раздался стук в дверь.

...Старец с удивлением разглядывал странных посетителей — в замызганных латаных штанах-джинсах, в непривычных для стариковского глаза ярких, давно не стиранных рубашках, в грязных сапожках на высоких каблуках с коротенькими голенищами. Все трое длинноволосые, как девушки. Раим-бобо не сразу сообразил, что среди пришедших и в самом деле есть девушка. Умиравший смотрел на троицу неизвестных, и ему казалось, что он видит людей не земных, а каких-то инопланетян. Совсем другие люди!.. О чем они, интересно, думают?

И тогда, чтобы побыстрее выпроводить незваных гостей, Раим-бобо тихо произнес:

— Если вы из школы, хотите позвать на вечер встречи с ветераном, то опоздали, ребятки. Умираю я.

— А вы не спешите помирать, — отвечал длинноволосый, оказавшийся девушкой. — Мы просто навестить вас пришли.

— В самом деле, — весело улыбнулся здоровяк, в котором, несмотря на светлые волосы, Раим-бобо сразу признал узбекское происхождение.

— Вы врачей не слушайте, — подхватил третий. — Мы вам дефицитные мандарины принесли, а вы — умирать!.. Нет уж, уважаемый аксакал, воздержитесь, пожалуйста!

Прошло не более получаса с того момента, когда отворилась дверь и в комнатку умирающего вошли два незнакомых парня и девушка. Но старику уже казалось, что он с ними знаком давно, очень давно. Они и в самом деле пришли к нему из другого мира. Их одежда, манера разговаривать, жесты были не такие, к каким привык Раим-бобо. Даже гитара, болтавшаяся за спиной парня повыше (это был Алеша), выглядела вызывающе, украшенная яркими изображениями полуголых кинокрасоток и заморских здоровяков, демонстрирующих свои невероятно огромные бугры мышц.

Однако с этими чужими «инопланетянами» старику было почему-то легко, приятно разговаривать. Обычно к Раиму-бобо люди приходили неестественно веселые, бодряческими голосами произносили дежурные словеса, мол, крепитесь, уважаемый, нынче медицина чудеса творит. Да и что у вас за болезнь?.. Просто плохое настроение. Все будет хорошо, аксакал. Вы еще нас переживете!

А эти, пожалуй, даже хамили. Но слушать их было не обидно. Видно, что ребята сочувствовали от души.

— Диагноз хоть установили врачи? — спросила Нина.

— Врачи руками разводят, — отвечал Раим-бобо тихо. — Старость одолевает, видимо.

— Не видимо, а точно, — резанул Алешка и смутился. — Вы... Извините. Сорвалось. Но ведь есть старики и старше вас, а живут.

— Точно! — подхватил Тим. — Вы, наверно, душой приустиали. От душевных переживаний все болячки. Я в пятом классе из-за душевных мук чуть было не повесился!

Раим-бобо улыбнулся.

— Он правду говорит, Раим-бобо, — поддержал друга Лешка. — Нахватал двоек и решил накинуть себе на шею петлю. Еле-еле спасли!

— Славные парнишки, — думал старик, — жизнь их еще не мордовала. Что думают, то и говорят. Просто завидки берут! Счастливым возрастом.

— Ладно, ребята,— вмешалась Нина. — Болтаете всякую чепуху. А мы по делу пришли. Раим-бобо, мы узнали, что вы тяжело... — она покраснела и неловко поправилась. — То есть, я хотела сказать... Прихворнули. Вот этого чернобрового блондинчика зовут Тимуром. Получается, как у писателя Гайдара — «Тимур и его команда». Значит, мы тимуровцы, и мы пришли к вам помочь... За продуктами сходить или еще чего...

— Спасибо. Это вас комсомол прислал или?..

— Вот именно, — бесцеремонно перебил старика Алешка. — Или!.. Мы сами. Никаких поцелуев и теплых слов по нотариальной доверенности. Слышали о вас, захотелось взглянуть, что это за «экономический контрреволюционер»... — Лешка зарাপортовался и умолк.

— Верно, — медленно вымолвил Раим-бобо. — Было такое.

— О вас люди очень хорошо говорят, — успокоила старика Нина. — Без вины десять лет отсидели. Герой гражданской войны.

— Какой я герой! — с горечью молвил старик. — Был бы я героем... — Он вспомнил о дневнике, хранимом под матрасом. — Нет, молодые, никакой я не герой. Потому и помирать жутковато.

— Помирать всем жутко, — заметил Тимур. — Молодым особенно страшно. Вы революцию делали, первые шаги, так сказать, в неведомое... Совесть ваша чиста. Не зря пожили.

— Если бы была чиста... — прошептал Раим-бобо так тихо, что и не уловил: услышали его ребята или нет. — А молодым, — проговорил он уже погромче, — зачем умирать? Не война...

— Как это не война? — удивился Алешка. — А Афганистан?

— Это долг интернациональный, и там все скоро кончится.

— С конца декабря семьдесят девятого воюем, — Тим вздохнул. — Парень с соседского двора, Федор Зыбин, года на четыре меня постарше... Погиб... Буквально под Новый год.

— Там, видимо, покричать еще придется, — Алешка нахмурил брови.

— Почему так думаешь? — Раим-бобо с интересом взглянул на широкоплечего парня.

— Песни уже появились. Песни, сочиненные нашими солдатами и офицерами в Афганистане. Даже на Великой Отечественной таких не было. Мы с Тимом собираем песни. Кое в чем разбираемся. В ту войну в основном профессиональные поэты и композиторы старались. «Жди меня и я вернусь», «Бьется в тесной печурке огонь»... И так далее. А тут сами воины души свои в песнях выкладывают. Иные из них и погибли. Ах, какие песни!..

Раим-бобо почувствовал спазмы в горле. Паренек говорил сдержанно, но как-то очень проникновенно.

— Песни, говорите? — старик сам удивился своей просьбе: — А ну-ка, спойте. Сможете?

Парни переглянулись, затем посмотрели на девушку, вроде бы спрашивая ее решения. Она кивнула. Леша перекинул гитару на бедра, тронул струны пальцами и тихо запел, точнее — заговорил под нехитрую мелодию:

В декабре зима начало,
В декабре дни рожденья есть.
Для кого декабрь — начало,
Для кого — лебединая песнь...

В хватающей за сердце песенке этой не было описания боев, сражений, — они подразумевались. Крохотная девочка спрашивает: «Папа, всем ли подарки приносит в новогоднюю ночь Дед Мороз?» И еще: «В декабре есть еще одна дата без отметки на календаре: я тебя целую как брата на кабульском чужом дворе».

Заканчивалась песня бодро и грустно:

В суете новогодней ночи
Вспомни наш боевой отряд.
Первый тост за ушедших навечно.
Тост второй — за живых ребят!

Отзвучал последний аккорд. Алеша умолк. Старик тоже молчал. Провел безмянным пальцем под очками. Попросил:

— Еще... Еще!

И Алеша заиграл медленный вальс. Слова песни поразили старика. Они были и веселые, и грустные, и даже с горьковатым юмором.

Над горами, цепляя вершины, гудят вертолеты,
За рекой, где-то эхом раздалась последние взрывы...
Только изредка ночью пробьют тишину пулеметы,
Проверяя: «А все ли живы?..»
Афганистан, Афганистан,
Афганистан, Афганистан-а-ан...

Кончилась песня, и вновь наступило молчание. Тим взял из рук друга гитару и, уже без приглашения, пропел песнь о кукушке. Солдаты лежат в засаде. Вот-вот должны появиться душманы. А пока — тишина и слышно кукование кукушки. Солдат просит птичку предсказать «сколько жизни лет ему осталось?». Добрая кукушка кукует щедро, предсказывая много-много лет жизни солдату... Песня кончается такими словами:

Так что ты, кукушка, погоди
Мне дарить судьбу чужую, чью-то —
У солдата вечность впереди,
Ты ее со старостью не путай!

Раим-бобо не был знатоком поэзии. Может быть, какие-то строки воины-поэты позаимствовали? Вряд ли! Уж очень душевные слова. Живая правда... Славные зашли ко мне ребятишки! А ведь на вид из той породы, которую высмеивают в газетных фельетонах, клеймят «плесенью», «захребетниками!»...

Молчание нарушила Нина.

— Вы, наверно, устали?.. Мы пойдем.

— Нет-нет! — запротестовал старик. — Не уходите. Посидите еще. Мне с вами хорошо.

Тим снова тронул гитарные струны...

Старик слушал и дивился обилию песен, как бы между прочим, в перерывах между боями, созданных воинами-интернационалистами. Песни были самые разнообразные. «Неотправленное письмо» заставило прослезиться Раимо-бобо, хотя песня эта была с бодрым концом. Влюбленный юноша рассказывает в письме любимой девушке о своей нелегкой и опасной службе. «Здесь везде тебя смерть поджидает, и в укрытьях не спят снайпера. Только шаг, только шаг твой оплошный, и закроешь глаза навсегда». «По обрывистым кручам ступая, пыль глотать и ночами не спать...» Однако в финале юный воин уверяет любимую в том, что их любовь победит.

Казалось бы, все прекрасно. Но... песня-то называется «Неотправленное письмо»!

Молодые пели и по отдельности, и в три голоса. Прекрасно это у них получалось.

Заметив, что их слушатель погрузился, ребята решили его развеселить веселыми песенками.

Ты не шуми, Канашкин, по утрам
И не буди зверей в смиренных душах.
Не дай те бог приехать в гости к нам —
Что накипело, — о себе послушать!..

— Кто это — Канашкин, которого так высмеивают? — спросил старик. — И кто же насочинял столько песен? Когда успел?

— Тахир рассказывал...

— Какой Тахир?

— Да из нашей школы, — рассмеялся Тим. — Из соседней многоэтажки. Вернулся инвалидом. В Афгане «каскадером» был.

— Каскадером? — удивился старик. — Это которые в кино разные трюки делают?

Юнцы и девица рассмеялись.

— «Каскад» — часть специального назначения. «Каскадеры» все умеют. Стреляют по-снайперски, «по-македонски» — из пистолетов навскидку, на бегу, с обеих рук. Владеют самбо, дзюдо, каратэ, кирпичи рубят ребром ладони запросто, мастера маскировки, силового захвата... — Тим перевел дух и продолжал: — Словом, настоящие мужики!.. У них даже и песенка шуточная есть. Вот.... — Он рванул струны...

Нина положила руку на гитарные струны.

— Хватит, Тим. Не видишь, притомился ота от наших песен.

Старик сморщил и без того морщинистое лицо. Ему захотелось плакать. Но он сдержался. Эта милая девушка назвала его отцом!.. Славные ребятки.

— Нет, не притомился. Но, как я догадываюсь, вы пришли не для того, чтобы песни петь. О чем-то спросить хотели?

Пареньки и девушка переглянулись.

— Не стесняйтесь. Смогу — отвечу. Не смогу... Уж не взыщите.

Инициативу взяла на себя Нина.

— Если так... Мы посоветоваться пришли. Мы поче-

му «хиппуем», «битуем» и вообще... Огрызаемся. И даже родителей своих не очень, извините, уважаем?.. Чего они помалкивают? Между собой говорят, а мы разве глухие?.. Такой-то — вор, другой — бездарность, а командует талантливыми подчиненными и даже помыкает ими... Третий очковтиратель... Показушники разные... И все они в чести, об иных в газетах красивые статьи пишут. А родители... И вообще взрослые... Помалкивают!.. В классе нашем, да и во всей школе «дворянство» образовалось. Всякие детишки шишкарей или хапуг разных. У них своя компания, свой круг. Их даже многие учителя побаиваются, не решаются «двойки» ставить.

— Почему взрослым все это до лампочки? — добавил Тим.

— Да, почему? — подхватил Алешка. И вдруг бахнул в упор: — Вот вы, к примеру. Почему вы молчите? Или ничего не замечаете?.. Так нам уже рассказал о вас один трусливый человек. Фамилию его умолял не называть. Он и сказал, что вы все знаете. И молчите!

Раим-бобо готов был провалиться сквозь землю от стыда. Вот оно, возмездие!.. И что ответить, не кривя душой?

Помолчав, старик произнес тихо:

— Я пытался не молчать. Клянусь вам, молодые... Обстановка такая. Ничего изменить невозможно. И я еще легко отделался. А были другие, тоже пытались. Что с ними, а?.. Знаете?

— Кое-что знаем, — согласился Алешка. — Значит, остается молчать? Думать одно, а говорить на людях другое?.. Пытались мы высказать свое мнение, так нас чуть из комсомола не поперли... Взрослые только и знают, что твердят, мол, берите пример с нас, мы старая гвардия. Мы голодали, воевали, созидательным энтузиазмом брызгали!.. Мы!.. Мы!!!

— А мы не хотим брать пример со взрослых! — воскликнула Нина. — Да, они воевали, голодали, в тылу надрывались, потом разные гиганты строили. Кто спорит?.. Но почему теперь они такие?.. Чеховские Беликовы!.. Ах, как бы чего не вышло!

— Даже и не Беликовы, — сказал Тим. — Страусы какие-то. Знаете, когда за страусом гонятся, он прячет голову в песок и думает, что козь скоро он никого не видит, то и его не заметят!.. Как-то спросил отца: «Ты своего начальника ведь не уважаешь. Ты же сам

маме говорил, что он жулик и очковтиратель. Почему ты молчишь, а?» А он побагровел от возмущения и отвечает: «Ты еще сопляк, чтобы мне такие вопросы задавать! Жаль, что такой здоровущий вымахал, выпороть тебя нельзя». А я — свое: «Так все-таки, почему?» — «А потому, — говорит, глазами сверкая, — что мне тебя, дурака, в люди вывести еще надо. Я сейчас двести пятьдесят получаю, понял?!. А найдет мой начальник предлог... А как же его не найти, когда очень захочется?.. Так и слечу я на сто пятьдесят! — Тимур скрипнул зубами. И закончил: — Можно мне теперь безоглядно уважать отца?.. А еще все его считают принципиальным человеком!

— Это еще что! — подхватила Нина. — Вот пусть Лешка расскажет, как расхваленный на все лады Лев Львович Век... Знаете, конечно, такого... Как он расправился с его дедом, Григорием Фомичем Гродничем!.. А родители Лешки помалкивают. Чего, мол, старое вспоминать!.. И ничего не докажешь. Век ведь, Леш, не из ружья твоего деда убил, не ножом зарезал. Просто сняли с работы старика, перестал, видите ли, тянуть телегу.

— А этот подлец Век... Я нынче о нем все знаю, — перебил Леша.— Он не просто вор. Это всем вора́м вор!.. У него не дом, а дворец. А внутри... Люди рассказывали... Комиссионный магазин. На какие шиши?.. Мама вспоминала... когда дедушка занимал должность, которую потом захватил Век, жили они очень и очень скромно. Двести рублей дед получал, — на нынешние деньги. А этот Лев-Шербек богатей, и вы, Раим-бобо, об этом лучше моего знаете.

— Коли так, тогда и я расскажу о своих предках...— начала было Нина, но Раим-бобо с усилием приподнял с груди стариковские руки, как бы заслонился ими от атак молодых радикалов. И тихо молвил:

— Не торопитесь, молодые, осуждать своих родителей. Они подарили вам жизнь, и уж за одно это вы у них в неоплатном долгу. Жизнь сложна. Иной раз на пути такие ухабы встречаются, такие завалы и «волчьи ямы», что, ежели не углядел, — пиши пропало. Да и учили вас в школе по-книжному. Рассказывали, какой жизнь должна быть, в идеале. А в действительности не все так гладко. Небось призывали вас брать пример с Павки Корчагина, да?

— Все время призывают, — кивнул головой Тим.

— Хош. А вспомните, сколько раз Павка кулаки в ход пускал, чтобы доказать свою правду, даже наган тыкал негодяю в нос, оголтелого подлеца огрел табуреткой по голове!.. Попробуйте-ка теперь табуреткой!.. Иные времена, иные нравы.

— Неужели советуете стать Беликовыми? — Нина смотрела на старика расширенными от изумления светлыми своими глазами.

— Нет, милая, не советую. И вы во многом правы. Честно говоря, сдало свои позиции мое поколение, поколение ваших дедов и отцов. Гитлер не мог запугать, а в мирное время испугом попахивает. По себе сужу. Зря вы обо мне говорили: герой! Никакой я не герой. Все... или почти все я вижу, замечаю... И пытался сигнализировать в самые что ни на есть верха. А тот, кому я писал, и внимания на мои сигналы не обратил. Наоборот, похвалил и наградил матерых жуликов, очко-втирателей, негодяев...

— Кто же это?! — хором воскликнули парни и девушка.

Раим-бобо сказал — кто, и они притихли, ошеломленные.

— Дела-а-а... — протянул после некоторого молчания Тим. — Просто не верится. Ну, а если в Москву, а?

— Не решился, — вздохнул старик. — Там ведь нынче сплошь праздничное настроение... восторженные речи... Награды разные... Не осмелился. Грешен.

— А и правильно сделали, — согласился Тим и зачем-то бряк — по струнам гитары. — У Самого, как вы его назвали, и в Москве наверняка есть свои люди. И там бы перехватили ваше письмо. Надо как-то подружому. Но — как?

В комнате повисло гнетущее молчание. В оконце с сельской крестообразной рамой глядела темная беззвездная ночь.

— Однако засиделись мы! — спохватилась Нина. — Извините нас, отец, за нахальный визит.

— Рад был познакомиться, — тихо вымолвил старик. — Приходите еще, если... Если успеете.

Молодые помолчали. Они понимали: старик говорит правду. Только кивнули головами. Поднялись, направились к двери.

— Подождите! — Раим-бобо хотел крикнуть, но вместо крика из горла вырвался хрипящий громкий ше-

пот. — Я сейчас... — Сам удивляясь собственному поступку, он, постанывая от усилий, с трудом вытащил из-под матраца толстую тетрадь в синем дерматиновом переплете. — Вот... Возьмите. Может быть, и пригодится. Примите... эстафету.

Нина подошла к изголовью кровати, приняла тетрадь.

— Это... Это дневник? — догадалась девушка.

— Вроде. Неотправленное письмо... Как в песне. Я вам верю, молодые. Это хорошо, что вы пока лучше нас.

— Почему — пока?

— Да так... Сорвалось... Верю в вас. Прощайте.

Девушка и парни вышли, осторожно закрыв за собой дверь.

Раим-бобо долго еще лежал, вспоминал парней и девушку. На душе его было легко. Все-таки не зря он прожил на свете. Ах, молодые!.. Прав поэт: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть!»

Он долго еще не засыпал. В окно уже заглядывал скупой осенний рассвет. Старик полюбовался пыльными лучиками, льющимися в комнатку тихо, безмолвно. Подумал: «А все-таки хороша жизнь!»

И заснул.

Заснул навсегда.

ЗАГОВОР НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В середине ноября школьники вернулись из колхоза.

«Рассвет», как всегда, блеснул успехами. И вновь на него пролился ливень наград, знамен, денежных поощрений. Сам, Узлары торжественно вручил Одилбаю Парпиеву вторую Золотую Звезду.

И никому и в голову не могло прийти, что в Байрамкенте появилось Тайное общество, поставившее себе целью бороться против всего того, о чем писал в своей тетрадке покойный Раим-бобо Мирходжаев.

Заговорщическое тайное общество, возглавляемое Ниной Климович, имело кодовое название. — ТОС, то есть Тайное Общество Справедливости и состояло из... трех человек!

Увлекающийся Тим, однако, не сетовал на малочисленность ТОСа. Он вспомнил, что Исполнительный Комитет «Народной воли» тоже ведь состоял всего из нескольких членов, а наводил ужас на власть предрержа-

щих всей Российской империи. Дело не в количестве, а в качестве.

— Ладно, — соглашался Леша, — а что все-таки делать будем? Самодельными бомбами станем взрывать негодяев?.. Что толку! Индивидуальный террор осужден нашей партией. Народ надо поднять против подлецов! А вот как?.. Каждый замкнулся в своей скорлупе, ежели и возмущается безобразиями, то у себя дома, под двумя одеялами.

— У Льва Толстого, — вмешалась в разговор Нина, — я прочла рецепт. Он говорит примерно так: если люди порочные тесно связаны между собою и составляют силу, то и люди честные должны сделать то же самое.

— Будем печатать разоблачительные листовки и расклеивать на улицах. У отца пишущая машинка «Эрика», — предложил Тимур.

— И через два-три дня, максимум — через неделю нас выследят и схватят как провокаторов, — резонно заметила Нина.

— А что, если тетрадку Раима-бобо отправить в Москву? С кем-нибудь? Есть у меня знакомый пилот...

— Отпадает! — Нина решительно взмахнула рукой. — Пробовали уже некоторые. Теперь горько сожалеют. Отец маме рассказывал: поехал один с разоблачительным письмом. Его поблагодарили и говорят: «Теперь возвращайтесь домой, в Байрамкент». А он отвечает: «Нет уж, мне еще пожить охота, лично желаю убедиться, чем вся эта «Панама» кончится. Вы уж лучше здесь в тюрьму посадите. И пускай меня хорошенько охраняют. А то у Рапо-хана руки длинные, они меня и в Москве достанут!» И чем уж дело кончилось не знаю. Я случайно часть разговора подслушала.

Друзья помолчали. Леша подвел итог.

— Вот те на! Выходит, и нам надо помалкивать? Нина отрицательно покачала головой.

— Хозяин тетради на нас надеялся. Стыдно отступить. Но и сломя голову кидаться в драку не надо. Давайте еще подумаем.

Проблема решилась сама собой.

Через два дня после возобновления занятий в школе, прерванных хлопковой кампанией, у одноклассницы Холисон Тураевой умер отец, рабочий домостроительного комбината. Тихая, добрая девочка тяжело пережи-

вала смерть отца, хотя, как всем было известно в классе, глава семьи не отличался добродетелями. Точнее, последние четыре года он стал совсем другим человеком. А раньше Холис и две ее младшие сестрички жили в дружной семье.

Дело в том, что отец Холис перешел на работу в ДСК, и как-то после смены заглянул с приятелями в кафе «Снежинка». Там он отведал «фирменного» коктейля «Звезды над Кентукки», потом еще раз заглянул, еще... Еще... И пошло-поехало. Вахид Тураев и опомниться не успел, как превратился в алкоголика. В пьяном виде безобразничал, кидался с кулаками на жену, на детей. А утром, с похмелья, требовал снова выпивки. В доме стало плохо с деньгами. Не хватало даже на самые простые нужды. В пьяном угаре некогда хороший человек стал красть из дому вещи. Однажды пропил школьный портфель старшей дочери...

Холисон, однако, тяжело переживала кончину пьяницы-отца. Какой-никакой, а отец все-таки! Кроме того, семья лишилась отцовского заработка. Правда, матери обещали выхлопотать на несовершеннолетних дочек пенсию. Но пенсия есть пенсия — половинная, а может, и того меньше. И Холис уже не думала о поступлении в политехнический институт. Мать работала на фабрике швей, получала мало. Надо было тоже искать работу, помогать растить сестер. А Холис так мечтала стать инженером!

Каким-то таинственным путем в классе распространился слух, будто судмедэксперты установили, что Вахид Тураев отравился дихлофосом, тем самым препаратом, входящим в состав знаменитого коктейля «Звезды над Кентукки». Однако официальное заключение медэксперты написали другое: цирроз печени. И это липовое заключение влетело «Железному ледю» в копеечку.

Кто мог принести в класс этот слух? «Тосовцы» подозревали сына главного милиционера области Бабура Хамдамова. Этот верткий и нахальный «фирмач» был глуп и болтлив. Очевидно, он подслушал дома разговор родителей и, желая похвастать своей осведомленностью, рассказал своему дружку, Робке Шакалису. Ну а Робка известный трепач.

Как-то Леша, Тим и Нина сидели на скамейке в своем сквере и ломали головы, как бы помочь Холисон. Ноябрь стоял на дворе, но погода была теплая, настоя-

щее «бабье лето». В прохладном воздухе витали паутинки. Легкий ветерок шуршал опавшими листьями. Огромное закатное солнце излучало малиновое сияние.

Как ни прикидывали друзья, а выходило, что ничем они Холис помочь не могут. Собрать для нее денег?.. Не возьмет. Холис гордая девочка. К тому же деньги (пронесся слух) ей пыталась всучить (и немалые) Эльвирка Мкртычан. Но вместо благодарности схлопотала здоровенный синяк под глазом, появление которого она, правда, объясняет неудачным падением с мотоцикла «Хонда». Престижный этот мотоцикл действительно где-то раздобыл чадолюбивый Мамикон Мкртычан. Но им в семье никто не умел управлять, и мотоцикл стоял без употребления, предназначенный в качестве одной из приманок богатого приданого.

В классе все знали (хотя никто не был очевидцем), что сизо-желто-багровый «бланш», который тщетно скрывала Эльвирка под огромными темными очками,— дело рук тихой Холисон.

Ну, положим, драться Холисон не станет, если «тововцы» предложат деньги. Ведь это от души! Но она все равно не возьмет. Как ни крути, а все же похоже на подачку. Да и сколько они могут собрать денег?.. Нет, это не выход.

Друзья сидели как раз напротив дома-усадьбы Льва Львовича Века. В окнах, забранных массивными чугунными решетками фигурного литья, было темно. Домик выглядел нежилым, вымершим. Однако ребята знали, что в недрах его притаился хозяин. Очевидно, Век находился в кабинете или в спальне — они выходили окнами в сад. Лев Львович недавно приехал на служебной «Волге», и не один, а с писателем Октавианом Гордиевым.

— Пьют, наверное, паршивцы, — нарушил молчание Леша.

— Великий писатель Гордиев, бывший Антисемишников, наверняка пересказывает Веку план своего нового произведения, прославляющего бессмертные трудовые подвиги первого секретаря обкома Назимова, Рапохана и, разумеется, самого Века, получившего почетное прозвище — Лев-Шербек, — высказал догадку Тимур.

— Ой, ребята! — воскликнула Нина и звонко расхохоталась. — Что я вам сейчас скажу!.. Укатаетесь.

Знаменитый прозаик Гордиев, как стал главой областного писательского отделения, так окончательно поглотил. Знаете Шурика Крупина из девятого «Б»?.. Ну, который стихи и рассказы сочиняет. Написал он новый рассказ и решил пойти показать Октавиану Гордиеву, посоветоваться. Романист все-таки, куча хвалебных рецензий!.. Переступает порог святая святых, так сказать, совершает восхождение на литературный Парнас, в душе священный трепет, и вдруг видит в приемной кумачовый лозунг: «Больше хороших романов для населения!»...

Друзья расхохотались. А Нина продолжала:

— Шурик спрашивает секретаршу: «Этот лозунг в шутку, должно быть, повесили?» А секретарша отвечает: «Наш Октавиан Мошевич шуток не любит. С чего ты взял, что это шутка?.. И зачем вообще пришел в нашу контору?..» Понимаете, так и сказала: «Контора»!.. Ха-ха-ха!.. Шурик, бедняга, покраснел и задом, задом, к двери. Хотел в «Крокодил» насчет лозунга написать, да я отговорила — зачем Октавиану создавать всесоюзную популярность?

— Да, — раздумчиво произнес Тимур. — Есть, оказывается, которым даже микроскопическая власть противопоказана. Такие типчики либо глупеют, либо становятся страшными тиранами, а то и тем и другим. Помнишь, Лешк, нашего учителя музыки по прозвищу «Камертон»?.. Ну, с которым мы однажды повздорили?.. Как он класс тиранил! А казалось бы, что у него за власть?

— Ну его, «Камертона», к чертям собачьим, — молвил Лешка. — Я о другом думаю. Вот сижу я, внук Григория Фомича Гродничя, которого и сейчас в городе люди добрым словом поминают, а в доме напротив обитает гнусный тип, загнавший в гроб моего деда. И ничего я с этим подлецом Веком поделаться не могу. Разве это справедливо? Иной раз совсем незнакомый старик остановит на улице, спрашивает: «Мне сказывали, что ты внук знаменитого Гродничя, верно?» — «Внук, — отвечаю. — Только почему мой дед знаменитый? Обыкновенный совслуж был». Ну тут и начинается!.. И такой-то он замечательный, и честности беспримерной!.. Это о деде моем оставшиеся еще в живых старики-хлопковики вспоминают. Значит, действительно был дед настоящим человеком. А подлюга Век...

Леша умолк. Задумался.

Долго друзья молчали. И вдруг Нина сказала решительно:

— А давайте-ка, ребята, сожжем этот шалман к чертям собачьим!..

— Какой шалман?

— Да проклятую «Снежинку». Я все думаю о Холис. Ее отца папашка Эльвирки на тот свет загнал. Верно?.. И разве его одного? Только в нашей школе вон сколько отцов либо алкоголики, либо вот-вот станут ими! Половина из них, восемнадцать человек, работают на домостроительном комбинате и являются постоянными клиентами «Снежинки». «Железный лед» не кто иной, как убийца, разоритель, упырь!..

— Может, все же лучше в газету написать, чтобы прикрыли «Снежинку»? — высказал предположение Тим.

— Писали уже, — отмахнулся Лешка. — И не раз писали. И печатали. Мкртыч дело знает. Пойдет, куда надо, подмажет, кого надо, — и вот тебе боевая ничья!

Через несколько минут «Снежинке» был подписан смертный приговор. Конспиративная организация ТОС начала свою несколько необычную уголовно наказуемую и благородную борьбу за торжество справедливости.

— Надо же с чего-то начинать, — объясняла Нина, дробно постукивая ребрами ладоней по спинке садовой скамьи — это занятие вошло у нее в привычку. — Холисон отца уже не вернешь, увы. Но можно же сбегать многих других папаш, верно?

— Золотые твои слова, мать-командор. Сожжем, спалим гадюшник «Железного ледя». Только надо все сделать так, чтобы остаться вне подозрений.

— Это чепуха! — рассмеялся Леша. — Писатели-детективщики и деятели кино, посвятившие себя этому увлекательному жанру, дали нам множество бесценных советов. Будем работать в резиновых медицинских перчатках, наденем новые пятирублевые тапочки, причем купим тапочки на два номера больше и в разных магазинах. Следы свои засыпем махоркой, черным перцем. Остается самое трудное — раздобыть бензин. У нас же нет ни автомашин, ни мотоциклов. А попросить у кого-нибудь рискованно. На этом можно и погореть.

— Бензин беру на себя, — сказала Нина. — «Жигуленок» соседа стоит под нашими окнами, а сосед третьего дня уехал на курорт.

— Гениально! — воскликнул Леша. — Только, чур,

на бутылках отпечатков не оставлять. В перчаточках, в перчаточках...

— Само собой.

Тим, однако, на этом не успокоился.

— Хорошо бы еще железное алиби занять. На всякий случай.

— Тоже почти гениально, — согласился Лешка.

— Эврика, ребята! Нашла!! Сегодня у нас какое число?

— Девятнадцатое ноября. Среда. А что?

— Значит, суббота — это двадцать второе ноября. Давайте-ка после уроков укатим на велосипедах в горы. Очень полезно для здоровья.

— Это еще зачем? — удивился Леша. — А как же акция?

— А вот зачем. Скажем родителям и в классе, что поедем в горы. В классе, кроме нас, велосипедистов, желающих крутить педали полсотни километров, не найдется. Да и велосипедистов вообще нету. Аристократы с их «Тоётами» и «Жигулями-люкс» не в счет. Мы их терпеть не можем, они — нас.

— Но если мы уедем... — начал было Тим, но Нина сделал ему знак, мол, помолчи!

— Итак, мы выезжаем после уроков двадцать второго в горы. На двенадцатом километре сворачиваем на проселок и в заброшенном гравийном карьере раскидываем маленький лагерь. Там тихо, безлюдно. Есть небольшой, но стремительный горный сай. Можно искупаться, провести неплохо время, отдохнуть, перекусить, а с наступлением темноты возвратимся в город.

— Милицейские патрули могут остановить, — высказал опасение Тим.

— С умом надобно возвращаться, мальчики, тогда минуем и патрули. Наша милиция где нас бережет и стережет, а ?.. На центральных улицах, там, где уличные фонари. По темным улочкам и тем более закоулкам патрули не ходят. Они ведь тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Вот мы по кольцевой дороге проедем до Гранатовой окраинной улочки, достигнем перекрестка, разъедемся по трем направлениям и возле «Снежинки» встретимся. У меня все. Какие есть замечания?

— Нинк! — восторженно воскликнул Леша. — Ты самый настоящий гений. Как жаль, что мы создали Тайное общество справедливости, а не банду. Была бы ты тогда замечательным «паханом»,

— Не до шуточек, — оборвала друга Нина, хотя и не удержалась от улыбки. — Серьезное дело обсуждаем.

— Нинк верно говорит, — Тимур вскочил со скамейки и зашагал взад-вперед, размышляя вслух: — Я вот что еще сделаю. На всякий пожарный случай я завтра смотаюсь рейсовым автобусом в горы и посижу там у костерка.

— Зачем? — удивилась Нина.

— Вдруг на нас все-таки падет подозрение? Мы начнем объяснять, дескать, ездили в горы, пикник и все такое. А нам в ответ: «Покажите место, где был пикник». Это место я и приготовлю. Следы бывшего костра. Заодно и тапочки себе в раймаге куплю. Сорок пятого размера. И еще... Когда подъедем к «Снежинке», велики надо оставить на бетонке. От гадюшника до бетонки шагов с полсотни, не больше. Сделали дело, запустили «красного петуха» — бегом к великам. Оседлали — и ищи ветра в поле!

— А куда... Куда поедем? Домой нельзя!

— Я все продумала. Конечно, домой — глупо. Однако сразу же возвращаться в гравийный карьер тоже рискованно. Среди ночи подыметя шум-гам, пожарные, милиция!.. А сделаем так... Гранатовая улочка упирается в кольцевую дорогу. А за кольцевой — глубокий овраг. Спустимся туда и посидим часок. Все стражи порядка, конечно, сбегутся на пожар. Да на пожар полгорода сбежится. Факт. Вот мы в суматохе и выскользнем на дорогу, ведущую в горы, а затем — в гравийный карьер. Проведем там культурно воскресный денек.

— Годится, — согласился Леша. Однако у Тимура уже созрел в голове новый вариант.

— А ведь я знаю другую дорогу в горы. Старая еще есть. Лошади по ней проходили, ишаки...

— Ты это к чему? — Леша расхохотался. — На ишаках вздумал нас покатать? Я уже однажды ездил. Три дня ходить не мог!

— А к тому, что по этой дорожке-тропинке можно на великах в горы проехать. Она, правда, извилистая, километров на пятнадцать длиннее. Приедем, забазуриемся. Разведем костер. А ночью — в город, кружало мамиконовское истреблять... Ну, а дальше — по плану.

Нина положила Тиму на лоб ладонь.

— Хм... Вроде жара нет, а заговаривается. Тимчик, миленький, за одну ночь проехать на велосипедах шесть-

десять пять километров в горы и столько же — обратно! Ты в своем уме? Или ты решил, что мы члены сборной команды, борющейся за победу на велогонке Мира?.. Мы же измотаемся вусмерть, ничего сообразать не станем!.. Нет уж, давай больше не мудрить. А то конца твоим вариантам не будет.

Тим смутился.

— Мне что! Хотел как лучше.

— Итак, подведем итоги. План возмездия разработан. Есть дополнения или уточнения?.. Нет. Операция «Снежинка» утверждена. Отъезд за город двадцать второго в шестнадцать ноль-ноль. Акция осуществляется в воскресенье двадцать третьего ноября в три ноль-ноль. Плюс-минус пятнадцать минут. Строжайший приказ — неукоснительно придерживаться разработанного графика.

— Посидим на дорожку, — предложил Алеша.

Друзья сели на скамейку. Помолчали. В окнах особняка Века вдруг сквозь шторы пробился свет и кто-то заорал диким голосом:

Иеххх... Выдоль по Питерскааайй!

Пы Тыверской-Ямыскойй!..

— Воряга со своим прихлебателем веселится, — мрачно произнес Тимур. — Крутит любимые записи на своем «Шарпе».

— Эх, до Века бы добраться! — мечтательно молвил Леша.

— Будет вам и белка, будет и свисток, мальчики, — сказала Нина. — А сейчас — все по домам!

* * *

«Операция «Снежинка» прошла поразительно гладко. В сущности все предосторожности оказались излишними. Можно было, оказывается, просто подойти к проклятому кружалу, в кромешной тьме полить бензином, бросить горящий факелок и запросто уйти никем не замеченным. Народ начал сбегаться, когда пожар уже разгорелся.

Но каково было удивление «заговорщиков», когда вдруг началась эпидемия пожаров. Юные мстители ломали головы над этим таинственным явлением. Заподозрили даже, что у них появилась братская тайная

организация борцов за справедливость. Пелену тайны несколько развеяла дочка «Железного ледя», Эльвирка. Узнав о том, что несчастье постигло также и хозяина кабака «Радость», она произнесла загадочные слова:

— Этого и следовало ожидать. Будет Елдыбаев знать, как завидовать порядочным людям.

«Гадюшники» с романтическими названиями «Прогресс», «Космос», «Ласточка», «Стопарик», «Белая лебедь»... горели одно за другим, что называется, синим пламенем. Хамдамовские детективы сбились с ног, пытаясь напасть на след злоумышленников. Уголовных дел о поджогах неизвестными преступниками пищевкусовых точек было так много, что начальник ОУВД Ахмаджан Хамдамов уже не управлялся со своим аппаратом, и часть дел передал на дознание городской милиции.

Сделать это пришлось скрепя сердце, поскольку каждое «дело» приносило Ахмаджану и его ближайшим помощникам поистине роскошные «гонорары» — обвиненные в умышленном поджоге кабатчики, заливаясь горячими слезами, быстренько раскошеливались. Жалко было негодяю, пробравшемуся на высокий милицкий пост, упускать из своих лап новые и новые пачки денег, однако он был, так сказать, профессионалом и понимал, что его городскому коллеге тоже надо получить свою долю. Городские происшествия вообще его прерогатива. Поэтому не следует обострять отношения.

Едва догорел седьмой по счету «гадюшник», Хамдамов решил, наконец, покончить с разгулом байрамкентской вендетты. Захватив с собой часть «гонорара» для Назимова, он решил попросить его провести совещание трактирщиков — как погорельцев, так и главарей еще действующих питейных заведений. Благообразный, вечно потеющий толстяк Назимов был человеком дела. Увидев в руке Ахмаджана «дипломат» с цифровым замочком, деловито спросил:

— Код?

— Не заперт.

Толстяк отер платком шею, обширную лысину, не спеша взял «дипломат» и, не открывая, небрежно сунул в нижнее отделение сейфа.

— Поскупился, небось?

— Что вы! — искренне обиделся Ахмаджан. — Триста!

— Поскупился.

— Помилуйте, Анвар Назимович!.. Триста!!! Наро-

дишка все квелый. Один «Железный ледь» поддержал честь своего цеха. Вам ведь еще и с города полагаются.

— Ты, Хамдамов, не зарывайся. Мои дела тебя не касаются.

Отношения между «первым» и Хамдамовым, как впрочем, и между остальными мошенниками, составляющими иерархию в Якшичульском оазисе, строились канцелярски-патриархально. Старший по должности говорил «ты», имел моральное право публично «осадить» и так далее. Таким образом, толстяк, чувствующий себя в Якшичулье эмиром, говорил всем и вся «ты». Он обладал неограниченной властью. И лишь один человек выпадал из четко сложившейся системы — Рапохан.

Одилбай говорил «ты» самому Назимову, мог даже с пренебрежением отозваться о каком-нибудь указании «первого». И Анвар Назимович терпел. Ничего не попишешь, — фаворит Узлары. Вроде как Гришка Распутин. Безграмотный мужик тоже всем «тыкал», даже царю и царице. Рапохан был уязвимым пунктиком толстяка. В душе Анвар Назимович люто ненавидел Одилбая. Ненавидел и страшился. От этого костлявого старика со зловещим взглядом всего можно ожидать. Действительно, хан. У Одилбайки (так позволял толстяк мысленно унижать Парпиева) есть вооруженная охрана, вроде как миниатюрная армия. У него разведчики и контрразведчики, тайные агенты, провокаторы. О Кора-тепа рассказывают страшные истории. В холме была пещера. Одилбайка приказал расширить ее, построить разветвленные тоннели. Теперь там зиндон страшнее самой мрачной тюрьмы. В Кора-тепа зловещий старик творит суд и расправу.

Вот уже десять лет, примерно раз в месяц, Анвару Назимовичу снилось, что он присутствует на похоронах Рапохана, и, внутренне содрогаясь от ликования, говорит прочувствованную надгробную речь... Море цветов, венков!.. Траурные мелодии. Ненавистный старик закрыл, наконец, свои страшные глазищи, и теперь он, Назимов, действительно Первый! Самый Первый во всем Якшичулье!

Он, Анвар, говорит пламенно, вдохновенно, любуясь мертвецом. Вид бездыханного лютого врага вызывает у Назимова взрыв красноречия!..

И вдруг труп открывает правый глаз, подмигивает

Назимову и с кошачьей ловкостью хватает обомлевшего оратора цепкими пальцами за рукав пиджака, тянет к себе... К себе... В могильную бездну!..

Тут наступало пробуждение, и Анвар Назимович, трепещущий, жалкий, покрытый ледяной испариной, клацая зубами о горлышко бутылки с «Боржоми», пил, пил и никак не мог напиться. Жена страдальца успокаивала сонным голосом:

— Опять вам явился старикашка. Сколько можно? Нервы подлечить надо. И не пейте из бутылки, это неприлично.

Я сделал это небольшое отступление, прервав разговор Назимова с Хамдамовым, чтобы показать читателям, что нет на свете абсолютно счастливых людей. А теперь вернемся в кабинет Назимова.

Начальник ОУВД, в свою очередь, ненавидел «первого», втайне мечтал, чтобы Назимов на чем-нибудь споткнулся и вылетел из руководящего кресла. Однако мечты эти носили чисто теоретический характер. При этом жадном до денег толстяке жизнь была ясна. А если явится какой-нибудь, вроде Алимджана Алимова?! Говорят, есть и такие — зарплату ему подавай и никаких «благодарностей»!.. Тогда нарушится гармония течения жизни и трудовых усилий. Воцарится анархия и неразбериха!.. Страшно подумать. Так что пусть толстяк «тыкает» и власть свою показывает. Переживем. Жаль только, что «первый» уж очень падок на денежки и золотишко. С меня берет ясак, с начальника ГОВД с обл-и горпищеторга, с промторговцев... С кого только не берет!.. Тут работаешь, с задержанными нервы изматываешь. Без конца в трудах! А этот пузатый, как французский рантье, ничего не делает, только знай себе стрижет купоны!.. Да и купонов не стрижет. Просто берет. Грабит!

Вслух же Хамдамов на грозную реплику «первого» не лезть в его дела покорно склонил голову и почтительно молвил:

— Что вы, Анвар-ака, как можно? Вы наш отец, мы ваши дети. У меня и в мыслях не было...

— Ладно, — Анвар Назимович отер платком лысину. — Но все же не забывайся. Всегда помни, кто ты и кто я. Теперь о деле. В работе твоей не вижу отдачи. Звонили мне, — он показал пухлым пальцем вверх, — интересовались, как обстоят дела с нарушениями в тор-

говле. Маловато обнаружено мерзавцев, обвешивающих и обмеривающих покупателей. Бросается в глаза. Прими меры. Кроме продавцов, неплохо бы покарать парочку-троечку завмагов. Добровольцев не подготовил?

— Нету добровольцев, — развел руками Хамдамов и сокрушенно вздохнул. — Пустяковый народ, одно слово — торгоши.

Назимов насупился. Это была его идея — насчет «добровольцев». Он считал, что идея его практична и гуманна. Надо найти нескольких продавцов, мелких завмагов, которые бы согласились попасть под суд за незначительные торговые махинации. Суд определит им по два-три года отсидки, но отбудут они всего половину срока, а то и меньше. И это уже будут надежные, проверенные кадры, которые можно смело выдвигать на ключевые позиции в торговле. Анвар Назимович умел видеть перспективу, заглядывать в будущее. Кадры штука текущая, к сожалению. Происходит естественная убыль. Поэтому надобно готовить молодых, энергичных, проверенных работников.

— Хош... — протянул угрюмо «первый». — Нету, значит, добровольцев. А что говорит Кудрат Шодыев, директор горпромторга?

— У него тоже нету.

— Плохо работаете. В таком случае вот тебе лимит: полдюжины продавцов и троих завмагов надо судить показательным судом. Согласуй это с областным и городским прокурорами. Необходимо на деле показать, что в области ведется решительная борьба... Ну сам понимаешь. Нужны впечатляющие цифры для отчета. С пожарами разобрался?

— Так точно, Анвар-ака. Пожгли друг дружку по дурусти. Мкртыч решил, что его «Снежинку» из зависти сжег Елдыбаев. Он и спалил его «Радость». Елдыбаев тоже заподозрил конкурента... Цепная реакция. Я вот хочу вас просить поговорить с общепитовцами, сделать им строгое внушение. Хватит пожаров.

— Поговорить можно. Но говорить будешь ты. От моего имени. Много не болтай. Краткость — сестра таланта. Просто предупреди: еще один пожар — и всем им будет очень плохо.

— Баджарамыз, Анвар-ака! Сделаем.

Покончив с делами, Назимов раскинул коротенькие свои ручки, сладко потянулся и, прищурился и без того крохотные глазки, заговорил уже неофициальным тоном:

— Слушай, Ахмаджан, давно собирался напомнить... Ты бы сказал что ли этой... Как ее?.. Дом такой... Девочки, вино...

Хамдамов слушал внимательно, пытаюсь смекнуть, куда гнет добродушного вида толстяк, кого имеет в виду?.. Мадам Незамужник или... В городе есть еще два таких «приватных» дома.

— Чего молчишь?.. Как ее, а?.. Годы, понимаешь, проходят. Лучшие годы! В трудах, заботах, делах государственной важности... Бестактная женщина, не ценит моей деликатности. Может, налогом ее обложить, а?

— Вы мне скажите, о ком вы, уважаемый Анвар-ака. У нас в городе три таких дамочки. И все они без обложения. Все-таки деликатная сфера. Для отдохновения души...

— Ха-ха-ха-ха!.. — сочно расхохотался Назимов. — Для души!.. Уморил!.. А для тела?

— Для тела как раз наоборот, утомление. Но приятное, — игриво отвечал Ахмаджан и захихикал. — Я, признаться, давно хотел... того... предложить вам... Хм... Но никак не решался. Все в городе знают, что вы в этом отношении образцовый муж. О вас даже так говорят: «Товарищ Назимов — «Муж в законе»! Но если что... Вы только мизинчиком шевельните...

Толстяк широко улыбнулся и кокетливо пошевелил пухлым мизинцем, поросшим реденькой шерсткой.

— Анвар-ака! — с каким-то горловым надрывом воскликнул Хамдамов. — Да ради бога!.. О аллах!.. У мадам Незамужник как раз запланирована спортивная вечеринка «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!» Ну как же вы раньше не сказали?! Такая радость!.. Останетесь довольны.

— Раньше я не видел эту, как ее?..

— Незамужник?

— Пышечка такая, сдобненькая. Хотелось бы побеседовать.

— Это мы мигом!.. Мигом! Ах, Анвар-ака! Да разве она одна? В ее бор... То есть, в салоне... Есть с кем поговорить по душам. Уж где-где, а у мадам Незамужник дело так поставлено, что именно кадры решают все!

Анвар Назимович с некоторым удивлением прислушивался к своей интимной беседе с Хамдамовым. Дело в том, что «первый» и впрямь был «мужем в законе». Не то чтобы он без памяти любил свою жену. Этого за ним не водилось. Просто времени не было на игри-

вости. Шутка ли — двенадцатый год в кресле «первого» человека Якшичуля! Его предшественник — тот да, был охотник до «клубнички». Но при предшественнике еще не существовало салонов мадам Незамужник и ее конкуренток. Предшественник обычно отводил душу, отправляясь на курорт или в командировку. Скончался он скоропостижно и поэтому традиций в деликатной сфере не оставил. Поначалу Назимов, погруженный в многотрудные свои дела, как-то упустил из виду возможности приятного досуга, — его целиком захватило всепоглощающее чувство стяжательства, накопительства.

Обделенный от природы интимными доблестями, он не чувствовал потребности «встряхнуться». И со временем стал даже гордиться своей исключительностью. А на шалости подчиненных смотрел сквозь пальцы. Да и выгодны они, эти шалости, были Назимову. Проказы подчиненных могли при случае стать грозным оружием в руках Анвара Назимовича.

И вдруг эта случайная встреча с мадам Незамужник. Дня два назад он вышел из «Волги» и направился в гастроном «Центральный». Анвар Назимович любил иной раз до смерти перепугать какого-нибудь совторговца, показать свою власть. И тут он вдруг увидел жгучую брюнетку с личиком, выбеленным кремами и хитрыми мазями до сливочного оттенка, с призывными глазами-черносливиными и пухлыми кроваво-красными губками в виде сердечка. Однако сильнее всего «мужа в законе» потрясла фигура брюнетки, — не фигура, а прямо-таки контрабас, нижняя часть которого напоминала отчасти увесистую мандолину на рояльных ножках.

От неожиданности Анвар Назимович замер на месте, позабыв, зачем пришел в гастроном. Брюнетка же, заметив произведенный эффект, обожгла его таким многообещающим взором, что бедняга чуть не взвыл от пронзившего вдруг все его существо неведомого чувства. Анвар Назимович ощутил в себе клочкотание, туманящее разум, страшную боевую мощь самца, прилив небывалых сил и самых изощренных фантазий.

Обольстительная фея, размашисто раскачивая выпуклыми бедрами, прошла мимо, а Анвар Назимович, ошеломленный, постоял еще немного и, к вящему изумлению директора гастронома Теткина, выскочившего навстречу дорогому гостю, — круто повернулся и, с трудом дойдя до машины, рухнул на заднее сидение.

Всю ночь пораженный неистовой страстью толстяк ворочался на кровати, пугая жену почти звериными вздохами и стонами. Он вдруг понял, что ему уже перевалило за пятьдесят, что в нем, оказывается, аккумулировалось черт знает сколько яростных мужских сил и что он, Назимов, оказывается, даже и не подозревал, какие чувства может испытывать мужчина к женщине, ежели он не озабочен делами и контролем за своевременным и точным сбором дани с подчиненных ему лиц и организаций.

И еще он думал: «Жизнь проходит!.. Денег много, мешки! Золота тоже хватает. Все есть!.. А вот этого нету!.. Сам себя ограбил!.. Во что бы то ни стало надо исправить допущенную ошибку...»

В исправлении ошибки принял деятельное участие Ахмаджан Хамдамов. Объявив дома, что уезжает в командировку, Назимов к полуночи прибыл в салон несравненной мадам Незамужник. Прибыл, разумеется, инкогнито, хотя собравшиеся для участия в спортивной игре «Делай с нами...» прекрасно знали, какой замечательный гость прибыл «на огонек». Так, наверно, под фамилией князя Северского путешествовал с неверной своей супругой по Европе великий князь, будущий император Павел I.

Все же, дабы хотя бы формально сохранить инкогнито высокого гостя, мадам Незамужник Христина Умбертовна придумала устроить маскарад. Каждый получил оригинальную маску и номерок на грудь — чтобы невзначай все же не перепугать друг дружку. И конечно же, почетному гостю выдали маску, одеяние мудреца-звездочета и номерок «1». Гость этот и в неофициальной обстановке был первым.

Охваченный необоримым желанием поговорить с хозяйкой салона по душам, почетный гость не задержался в комнатах, предназначенных для общего веселья, и вскоре удалился в будуар. Надо сказать, беседа проходила в обстановке полного взаимопонимания и весьма конструктивно. Правда, в три часа ночи прибыл Рапо-хан и бесцеремонно ввалился в святая святых. Однако в будуаре он не задержался. Прохрипел:

— Давно бы так. А то все гордился, пыжился. Одного не пойму: зачем старушку выбрал? Тут такие пери есть — в раю не сыщешь. Молоденькие.

И ушел. Но и этого короткого вторжения было достаточно, чтобы сбить с Назимова ораторский пыл. И

еще он подумал, может, надо бы передать номерок с цифрой «1» старому хрычу?

— Хам! — тихо прошептала Христина Умбертовна, когда страшный старик захлопнул дверь. — Тридцать восемь лет... Пора расцвета.

(Мадам Незамужник вот уже пятый год почти искренно верила, что ей тридцать восемь лет).

...Именно в этот момент Алешка, Тим и Нина подкрались к особнячку мадам Незамужник.

Накануне у них был бурный спор. Разузнав о существовании салонов, юные ревнители добродетели долго не могли договориться, как именно наказать мадам Незамужник, ее конкуренток и клиентуру. Нина предлагала послать письма женам «шалунов». Но выяснилось, во-первых, что подписывать такие письма никому не хочется, а стать анонимщиками было бы отвратительно. Да и разве анонимки сыграют свою роль? Назимов, главный ресторатор Бурьян, мастер «Автосервиса» Шакалис и другие образцовые мужья могут втереть очки своим благоверным. Мало ли, — скажут, — у нас врагов и завистников!

И тогда Алеша произнес решительно:

— Сжечь вертепы — и никаких гвоздей!

— Согласен! — поддержал Тим.

Нина, однако, высказала опасение.

— Сжечь, конечно, хорошо бы. Но... Это же не шалманы-гадюшники, которые ночью пустуют. В заведении мадам Незамужник и в других «конторах» по ночам как раз самая гулянка. Хотя и подонки, а все же если сгорят!.. Растечется горящий бензин по полу, закроет пламя вход и выход... Страшно даже подумать!

После жарких дебатов все же решили вертеп Незамужник сжечь. Но сделать это аккуратно, чтобы «веселящая публика» смогла вовремя эвакуироваться.

И вот в четыре часа утра в зале со звоном разлетелось оконное стекло, выбитое булыжником. Следом влетела бутылка с пылающим фитилем и разбилась возле рояля, на котором неугомонный Ахмаджан Хамдамович изображал на этот раз Антония, соблазняемого Клеопатрой.

Как ни осторожничали юные гонители зла, бензин все же стремительно разлился по полу... Вспыхнули ковер, портьеры, занавески... Завизжали девицы. Представители сильного пола от неожиданности окаменели. Пламя закрыло проход к парадному. На окнах имелись

крепкие решетки. И тогда заревели по-звериному и мужчины. Но что любопытно и поучительно: спастись от огненной стихии можно было через будуар Христины Умбертовны, из него имелся выход во дворик. Однако поначалу никому и в голову не пришло потревожить «инкогнито» с бирочкой «1». Лишь Рапо-хан, по-крабьи, боком, выпрыгнув из комнатки-боковушки в одном нижнем белье, тут же нарушил «табу». Ворвавшись в будуар, заорал хрипло, яростно:

— Чего играй-играй делаешь? Теракт!.. Совершен теракт!

...Пожар разгорался, и огонь загнал наконец всех обитателей «салона» в будуар. Обжигающие свойства огня заставили временно позабыть о чинопочитании. Обезумевший от страха Шакалис тыкался во все стороны как слепой щенок и вопил:

— Прости меня, Маргариточка!.. Я больше не буду. Клянусь жизнью!

Задыхаясь в дыму, отыскивали дверь в кухню... Выскочили во дворик.

Лагерь погорельцев представлял собой живописное зрелище. Виталий Глебович Пеньков успел надеть галстук и жилетку — прямо на голое тело, но был в одних исподниках и босиком. А ночью в начале декабря уже подмораживало. Огненно-рыжий Шакалис, все еще находясь в состоянии легкого умопомешательства, продолжал всхлипывать и умолять Маргариточку простить его, недостойного отца семейства. Он и вовсе был, как говорится, гол как сокол, всем видом опровергая утверждение древних эллинов, будто на свете нет ничего прекраснее обнаженного человеческого тела. Тощий, сутулый, с выпирающими лопатками и кривоногий, он в довершение всего имел, оказывается, на спине густые рыжие заросли, которые сейчас, опаленные огнем, дымилась и издавали зловоние, какое бывает, когда палят тушу забитой свиньи. Главресторатор Бурьян выскочил во двор в одном мохеровом свитере, да и тот, при ближайшем рассмотрении, оказался природной шерстью, которая тоже дымилась и смердела.

По дворику металась Христина Умбертовна Незамужник, очень похожая на одну из матрон в картине «Последний день Помпеи». Только груди у нее, лишенные бюстодержателя, были уж очень чрезмерны и при стремительных поворотах их владелицы грозили неосторожному увесистой оплеухой. Именно такую оплеуху и схло-

потал обэхеэсэсовец Бойко — тот самый, принимавший деятельное участие в обвинении честного секретаря обкома Алимджана Алимова во взяточничестве.

С щенячьим визгом и причитаниями мельтешили «девочки» мадам Незамужник. И даже главный милиционер области Ахмад Хамдамов находился в состоянии «грогги», — как боксер после пропущенного сильнейшего удара: в глазах у него двоилось, и земля под ногами покачивалась. Одет он тоже был не по форме: на голове его красовался лавровый венок любовника самодетельной Клеопатры, а мохнатые чресла свои он прикрывал невесть откуда взявшейся коричневой папкой с золотым тиснением — «К докладу».

«Клеопатра» же (в миру Зинка-манекенщица) сидела на жухлой траве, схваченной инеем, мелко дрожала и материлась. Рядом с ней примостился «№ 1» в колпаке звездочета и тоже вздрагивал, но как-то всей шкурой, по-лошадиному. Так вздрагивают крестьянские кони, когда их жалят шмели.

Лишь Рапо-хан в ту трагическую минуту проявил присутствие духа. Завернутый в сорванный со стены полюбгоревший палас, худой, со сверкающими глазищами, он походил на древнеегипетского жреца, готовящегося к принесению жертв Озирису. Действуя решительно, раздавая тумачи направо и налево, он пресек, наконец, панику, приказал своим телохранителям перетащить через забор визжащих девиц и всем им бежать по домам, бросив хрипло на прощанье: «Держать язык за зубами! Иначе плохо вам всем будет. За сгоревшие тряпки уплачу, получите с наваром!»

Скомандовал вовремя. Уже стали сбегаться окрестные жители. Вдали доносились тревожные сигналы пожарных автомашин. Одилбай тут же приказал своим телохранителем, топтавшимся возле своего повелителя, слетать к Льву-Шербеку, чей особняк располагался неподалеку, и раздобыть что-нибудь из одежды. «Преторианцы» всеильного Рапо-хана, во время пожара перемахнувшие через забор, снова перескочили ограду кирпичной кладки и спустя несколько минут вернулись с ворохами мужского и женского барахла. С ними на место происшествия примчался и Лев Львович. Перелезая через забор, порвал брюки, содрал клочок кожи на локте.

Рапо-хан, довольный, похлопал верного сподвижника по плечу.

— Маладец.

Лев-Шербек протянул грозному старику серый костюм, щегольские полуботинки фирмы «Андрэ» и синий китайский макинтош.

— Одевайтесь, Одилбай-ака. Аккурат на вас. Как чувствовал, что может пригодиться.

— Хош. Маладец. Медаль «За отвагу на пожаре» получишь.

— Спасибо. Я не за медаль — от души. Друзья ведь познаются в беде, верно?

— Верно, так. Я не забуду, дустым. Ты верный друг.

Рапо-хан и Лев-Шербек лгали друг дружке. Между негодяями не может быть даже намеков на дружбу. Они просто нуждались друг в друге. До поры. Уже много лет Рапо-хан тяготился Шербеком, а Век страстно мечтал, когда же, наконец, дьявол заберет зловещего старика. Преступник не может любить свидетеля своих преступлений, пусть даже этот свидетель сам является преступником и даже вдохновителем преступных деяний.

И сейчас Лев Львович в душе ликовал. Угодил старый хрыч в дурацкое положение! Если пожар получит огласку, всякое может случиться. Хоть бы Узлары узнал о пожаре и рассердился на распоясавшихся удельных князьков!.. Был же прецедент, накрыли в Ташкенте на Пушкинской улице «дом свиданий», посещавшийся разными именитыми людьми... Дело, конечно, спустили на тормозах, обошлось без огласки. Но полетели головы! И какне!.. Ученые, руководящие, музыкальные, литературно-художественные... Удержались в своих креслах лишь считанные единицы. В газетах ни гу-гу, а народ знал. И горячо одобрял постигшую разложенцев кару. Может, и сейчас С а м даст команду?..

Одилбай тоже внутренне бесился. Радуешься, ахмак, моему унижению. Хош. Не мужчина ты, потому и не ходил сюда. Юонка от тебя бегаёт, всем известно. Одни ты в дураках. Ни о чем не подозреваешь. Ничего, и над тобой, придет время, посмеемся. Из ничтожества тебя в люди вытащил. А ты, вместо благодарности, сейчас ликуешь?.. Да-да, я знаю — ликуешь!

Больше всех, однако, злобствовал Анвар Назимович. Он вообще недолюбливал главного милиционера области, а сейчас просто люто возненавидел. Один разок позволил себе развлечься — и такой скандал!.. И все этот паршивый милиционеришка!.. Выгнать бы его, да нельзя. Скованы, как паручниками, общими делами.

Ах, негодяй!.. Не мог организовать!.. И Рапо-хан тоже хорош. Приехал с охраной, а под носом у его дармоедов негодяй бросил бутылку с бензином!.. Дрыхли, наверное, лизоблюды!

...Когда спасать уже ничего не осталось и, подняв к темному небу огромные языки пламени и тучи искр, рухнули потолочные балки, приехали пожарные.

Анвар Назимович, также успевший надеть на себя вековский костюм, собрался, наконец, с духом и начал распоряжаться. По его словам выходило, что известные в области руководящие товарищи по счастливой случайности проезжали мимо дома, охваченного пожаром, и приняли участие в его ликвидации, проявив при этом отвагу и бесстрашие. Что и было зафиксировано в протоколе.

Назимов, Рапо-хан и другие участники героической борьбы с огненной стихией целую неделю принимали поздравления. Лишь Лев-Шербек отвергал похвалы в свой адрес, утверждая, что он-то, к сожалению, отваги на пожаре не проявлял, так как поспел к шапочному разбору.

— К чужой славе не привык примазываться, — говорил Лев Львович. И довольно ядовито добавлял: — Где уж мне, грешному, очертя голову кидаться в огонь. Я человек тихий, с угасшим темпераментом.

* * *

Я уже давно чувствую необходимость объяснить и, по возможности, если не оправдать, то хотя бы облегчить вину моих юных героев, которых я, несмотря на их в сущности тяжкие уголовные деяния, искренне считаю положительными героями.

Разумеется, попадись они с поличным в момент поджога питейного шалмана или гнусного «дома свиданий», им бы не поздоровилось, и бесстрастный закон сурово покарал бы их. К счастью, этого не случилось. А ведь Леша, Тим и Нина сожгли еще два «дома свиданий». И сделали они это до смешного просто. Приняв во внимание, что при совершенной диверсии против мадам Незамужник они чуть не сожгли заживо Христину Умбертовну и ее «гостей», юные борцы за справедливость, подготавливая истребление вертепов мадам Евстифейгиной и Соньки Фарш, позаботились о технике безо-

пасности. Поджоги они совершили среди бела дня, когда дома современных куртизанок пустовали.

Шума в городе, как я уже говорил выше, было много. Однако «тосовцы» недолго ликовали. Выяснилось, что сожженные дома и находившееся в них имущество были застрахованы. Мадам Незамужник и ее конкурентки затеяли на живописной окраине города строительство новых домов, комфортабельных и более приспособленных для культурного обслуживания клиентуры.

Члены Тайного общества приуныли. Они убедились на собственном опыте в бесплодности индивидуального террора. Общее настроение выразила Нина.

— Ерундой мы занимаемся, ребята.

— Уголовно наказуемой ерундой, — уточнил Тимур.

— В царские времена, я читал, за поджоги ссылали навечно в каторгу, — вздохнул Алешка.

Помолчали.

— Есть предложение распустить Тайное общество, — тихо произнесла Нина. — Кто — «за»?

...Бывшие члены грозного Тайного общества долго еще сидели, храня угрюмое молчание. Их юные души испытывали опасное разочарование в жизни — жизни такой прекрасной в книгах, в кинофильмах, в театральных спектаклях: в них добро всегда побеждало зло. Да и зло в них какое-то задрипанное, пугливое, так и норовящее уклониться от борьбы и улечься на обе лопатки.

А вот в реальной жизни юнцы столкнулись с подлинным злом — свирепым, торжествующим, непобедимым!

— Что же это получается, ребята? — нарушил молчание Тим. — Живем словно в ночном кошмаре. Нам все уши прожужжали: «Берите пример со старших. Живите честно, не проходите мимо недостатков и злоупотреблений. Говорите всегда правду, ничего, кроме правды!.. А что на деле получается?.. Попытались говорить правду, а нас чуть из комсомола не вышибли. Взрослые люди, требующие, чтобы мы брали с них пример, на наших глазах лгут, лебзят перед всякими Рапо-ханами и Шербеками...

— И еще нам твердят, что никакой проблемы отцов и детей нет. Эта проблема, дескать, до революции существовала. А нынче между поколениями мир и согласие. Черта с два!.. Чтобы я старался походить на первого секретаря обкома Анвара Назимова!.. — Лешка даже сплюнул от злости.

— Если честно, — Нина вздохнула. — Если... Знаете, ребята, я не хочу даже на родителей своих походить. Да!.. Оба работают на строительстве электростанции. Приходят домой, между собой возмущаются. Приписки, очковтирательство, халтурная укладка бетона и все такое... А я сижу в своей комнате, делаю вид, будто уроки усердно готовлю, а сама слушаю. И думаю: «Что же это вы дома разоряетесь, а на работе помалкиваете? Бойтесь? Следовательно, вы соучаствуете в приписках, очковтирательстве и других злодеяниях». А это противно. Можно после этого уважать родителей, а, ребята?

Леша промолчал, а Тимур сказал:

— А что они могут поделать, твои родители, ежели остальные тоже молчат?.. Им самим, наверное, противно молчать. Мой отец тоже приходит домой, возмущается безобразиями на работе. И мы сами тоже хороши. Почему бы нам на комсомольском собрании не сказать прямо в глаза тому же сынку Шакалнса, Робке: «Твой отец — вор. Он грабит клиентов. Получает твой хапуга-папашка зарплату сто пятьдесят рублей в месяц, а хапает тысячи. Поэтому и купил тебе, сонляку, тридцатитысячную «Тоёту»... Или спросить Бабура, сыночка главного милиционера... Опасаемся!..

— Да-а-а... — задумчиво протянул Леша. — Мы тоже хороши. Родителей обвиняем, а сами...

— Я родителей своих люблю, — улынулась как-то по-детски, беспомощно Нина. — Но походить на них... Неужели и мы станем такими?.. Покладистыми, что ли...

— А мы уже — такие, — безжалостно отрезал Тим. — Родители на работе помалкивают, мы — в школе. Это нас лишь взбрык пронял... Отважились на поджигательские глупости. Ну и что?.. Хорошо хоть, что не попались.

Опять помолчали. И тогда Нина произнесла жалобно: — Ребята, как же жить дальше?

Тим и Леша пожалли плечами.

Должен заметить, уважаемые читатели, что вопрос: «Как жить дальше?» вовсе не риторический вопрос. В зависимости от того, какой ответ на него найдет юноша или девушка, зависит их судьба. Мы вот огорчаемся (и справедливо!) падением нравов, отчаянным практицизмом, подчас даже цинизмом нынешних молодых людей. До недавнего времени мы, правда, занимались са-

мообманом, предавая анафеме «отдельных моральных уродов». Нынче, продолжая возмущаться, говорим и пишем, что моральные ценности утратили не «единицы», не «нетипичные приспособленцы», а значительная часть юношей и девушек.

Наша тревога понятна. Сколько юнцов занимается фарцовкой, спекулирующей «фирменными» тряпками, ищут легкой жизни и поживы, а некоторые доходят до уголовщины уж махровой — совершают ограбления, насилия, убийства! А разве в подпольных домах терпимости, о которых нынче столько пишут газеты, — разве «живой товар» в этих подлых заведениях состоит из старорежимных потаскух, так сказать, жертв социальной несправедливости и общественного темперамента?.. Какой там! Среди нынешних встречаются даже комсомолки, увы! Что толкает их на торговлю собственными телесами? ..А черт его знает! Я лично даже для Катюши Масловой не нахожу оправдания. Ну соблазнил ее великосветский хлыщ, обманул и покинул. Великое потрясение. На планете нашей такие драмы происходят, пожалуй, ежеминутно. Однако далеко не все женщины, чью любовь оплевали негодяи, становятся проститутками.

Можно, конечно, искать оправдания, однако все они, думается, вряд ли будут состоятельны. В наше же время, когда с голоду умереть практически невозможно, поскольку рабочих рук явная нехватка, женщина-проститутка, как правило, — существо примитивное, наделенное повышенным сексуальным темпераментом, альковным любопытством и жаждой иметь много денег.

Спору нет, неладно что-то в молодежном королевстве. Возникает вопрос: «Почему?»

Ну а не в молодежном все ладно? Разве мы, люди старших возрастов, прошедшие войну, пережившие тяжкие послевоенные годы, — мы, семидесятилетние, шестидесятилетние, законно гордящиеся своими былыми заслугами, — разве мы можем нынешним юнцам смотреть в глаза, не чувствуя угрызения совести?

Мы, разумеется, в глаза им смотрим, назидательно рассказываем юнцам о героях гражданской войны и первых пятилеток, о бессмертных подвигах воинов и беззаветных труженников тыла в кровавую годину войны с фашизмом. Мы охотно живописуем босоное детство свое и о прорыве в космическую бездну, с гордостью вспоминаем великие стройки и прочее.

Рассказываем, а в душе нет-нет, да и царапнет ког-

тистая лапка сомнения в своем моральном превосходстве над юнцами. И является на ум ядовитая мысль: «Все так, мы правильно говорим. Было дело. Были подвиги, удивительные акты самоотвержения, в годы войны действительно проявляли массовый героизм. Но все это было тогда, когда не существовали на свете наши слушатели. А вот сегодня, вчера, пять лет назад что наблюдали юнцы? Что видели и видят собственными глазами?.. Их отцы (по рассказам) не страшились немецких танков и шестиствольных минометов, но... трепещут перед своими начальниками. Отцы помоложе строили Братскую ГЭС, другие гигантские сооружения, с которых, как утверждали, уже зримо видны сияющие вершины коммунизма. И что сейчас представляют собой эти отцы? Они дома говорят одно, на работе другое, с трибуны — третье! Это уже давно не шизофрения, не раздвоение личности, но совсем уж иное тяжкое заболевание. Да и сейчас, когда вроде всюду призывают к откровенности, деловой критике, к развитию инициативы, — даже сейчас сколько еще отцов и дедов, подобно премудрым пескарям, притаились, так сказать, легли на дно, в ил зарылись и терпеливо ждут, чем же это все кончится — борьба за демократию и перестройку? Ждут и трепещут: «А вдруг?!. Вдруг все возвратится на круги своя!»

Нет, не возвратится!

Молодежь, при всей своей нынешней легкомысленности, безалаберности, очень наблюдательна. И она оскорбляется, когда, случайно прикоснувшись к своим идолам, замечает на пальцах прилипшую позолоту. Потрясения, доставшиеся на долю старших поколений за последние тридцать лет, молодежь переживает особенно остро, часто заявляя свой протест вызывающе и оскорбительно. Все эти доморощенные хиппи, битники, рокеры, брейкеры и панки — я убежден! — всего лишь форма проявления протеста против ханжества, несправедливости, лицемерия и попыток «предков» сделать молодежь по своему образу и подобию.

А строптивые юнцы не хотят, не желают быть похожими на кого-то. Они хотят быть самими собою. Почтенные читатели, вспомните свои юные годы. Вспомните «пизонов» довоенных. Быть может, кое-кто из вас тоже пижонствовал. Но приспел час години трудной — и «пизоны» стали солдатами. Многие из них не вернулись с полей сражений. Читатели помоложе, вспомните

тысячу раз проклятых газетами и комсомольскими резолюциями злосчастных «хиппи». Куда они, эти «идеологические недопоски», делись?.. Они стали хорошими рабочими, инженерами, врачами, артистами!

Согласен, небольшая часть «хипповников» деградировала и кончила довольно скверно. Но такое, к сожалению, случается и с «нормальными» людьми — всех возрастов.

То же произошло и с битниками. Я, например, знаю одного битника, судьбу которого, горькую судьбу, оплакивала родная мамочка. А он вдруг взял и стал талантливым инженером. Сейчас этот экс-битник заботливый отец семейства, на общественных началах руководит жилищным кооперативом в городе Одессе. Вот ведь как.

Теперь вою предают анафеме «панков». Действительно, их красные и зеленые прически в виде петушиных гребней и разрисованные физиономии не вызывают симпатий. Но вспомним, товарищи, футуристов, знаменитую желтую кофту Маяковского, подсолнух в петлице, аэроплан, нарисованный на щеке Василия Камenskого!.. Ну и черт с ними, с «панками», пускай побалуются. Это лишь чье-то воспаленное воображение может додуматься до того, что «панки» — носители какой-то опасной идеологии. Какая у них может быть идеология? Почудят-почудят — и поуменьют. Только не надо им навязчиво и нудно читать нотации, вовлекать в кружки хорошего пения и приказывать брать пример с героев-краснодонцев.

Поводы к протестам юнцов бывают самые неожиданные. Один хиппи на мой вопрос: «Ну чего ты, парень, ходишь оборванцем?» дал такой ошеломительный ответ:

— А-а-а!.. Как подумаешь, что ровно в девять утра, от Камчаткй до Бреста и от Полярного до Кушки начинаются занятия в школе и всем десятиклассникам (хиппи учился в десятом классе) в одно и то же время — с учетом, конечно, часовых поясов, — по одним и тем же учебникам и программам талдычат одно и то же!.. Так и тошнить начинает. Хочется номер какой-нибудь выкинуть, поскандалить... Учительнице нахамить!..

Добровольный оборванец оказался пареньком мыслящим. А хипповал он потому, что стремительное развитие его умственных способностей опережало способности его неокрепшего еще ума правильно воспринимать окружающую действительность.

В одно и то же время учат одному и тому же?.. Это насилие над личностью! Это инкубатор, конвейерное изготовление «надежных посредственностей!»

Ему еще не приходила в голову мысль, что выучившись на «посредственность», он ведь может далее (и даже обязан!) развиваться и познавать мир самостоятельно.

Хиппи этот, назвавшийся Сэмом (по паспорту Семен), высказывал вместе с тем и такие мысли, которые, как это ни досадно, в известной мере оправдывали его вызывающее поведение.

— Почему не комсомолец?.. Был, да весь вышел. Скучища. Долдонят одно и то же. «Комсомол!.. Комсомольский огонек!.. Вперед и выше!.. Павка Корчагин!.. Берите пример!..» А секретарь райкома комсомола на «Волге» разъезжает. В приемной у него чербер в кудряшках. Жратва пайковая... Ну точная копия секретаря райкома партии! Один рулон, один фасон. Даже галстуки одинаковые.

Что мог я возразить? Помалкивал. А хиппи продолжал:

— Честно говоря, из комсомола меня вышибли. За Пушкина.

— Как это?

— Очень просто, бляха-муха. Прочитал я сверх программы две статьи Писарева о Пушкине. Здорово он великого поэта разделал! Я сперва даже засомневался: уж больно разгулялся критик. Тогда сел и через силу прочитал всего «Евгения Онегина». И стихотворение про лицей. Все вроде правильно. Кругом прав Писарев.

— Ну уж...

— «Нам целый мир — чужбина. Отечество нам — Царское Село!», — процитировал Сэм. — И такое пишет молодой парень, двадцать шесть лет!.. Чем же он от нас, от хиппи, отличается?.. А его Онегин?.. Все ноет, мол, жить надоело. А как увидел, что Ленский в него из пистолета целится, так мигом забыл о своем нытье и тут же уложил наповал своего керрию... Дружка, значит!.. С жиру бесился. Мне бы его заботы.

В девятом классе погнали нас на картошку. Говорят: «Работайте, хорошо заплатят!» Ну чуваки и горбатились с рассвета до заката. А кончили копку — пожалуйста шиш с маслом! Собрали собрание, наш школьный фюрер, Витька Малышев, и говорит: «Есть указание райкома комсомола на заработанные деньги

приобрести набор музыкальных инструментов для школьного ВИА».

— Дельная мысль. Для школы...

— Не туда волокешь, — перебил меня Сэм. От волнения он перешел на «ты». — Сразу надо было предупредить. А то поманили деньгами, одурачили... Я, еще два керри стали мазу тянуть, дескать, не согласны, тугрики на бочку!.. Ну за нас и взялись!.. Рвачи, — говорят, — собственники! Кулацкая психология!.. А на следующей неделе приказали нам писать по литературе контрольную работу на свободную тему: «Что я думаю о жизни». Ну я и накатал. И про Онегина, и про Бронского, а особенно про картошкины пиастры и про наших Молчалиных...

— Каких таких Молчалиных?

— Да которые голосовали за инструменты для ВИА. Они же, суки, сами матюкались, узнав о том, что денежки тют-тют! После собрания подходили, каялись, дескать, в душе мы тоже были против, а голосовали «за» и обличали тебя, потому что иначе нельзя. Школу надо кончать без конфликтов. Чем не Молчалины, а?.. И получается: когда «Горе от ума» проходили, учителька в порошок Молчалина готова была стереть. Мальчики и девочки, Молчалин бяка! Карьерист он поганый, тварь, для которого даже любовь предмет купли-продажи!.. А на деле? Воспитали Молчалиных полный класс! Я и об этом в сочинении написал. Вот тогда-то и вытащили меня на ковер. И Молчалины дружно голосовали за исключение меня из комсомола. Очень уж на меня рассердились. Предатель! — сказали. — Провокатор!.. Ничего такого мы ему никогда не толковали!

— Мда-а-а... — протянул я, не находя слов оправдания классным Молчалиным.

...Прошли годы. Недавно я случайно встретил в одной компании Семена Михайловича, крупного спеца-кибернетика. Я его и не узнал, бывшего «Сэма». Он сам напомнил о нашей давней встрече. Разговорились. Живется ему трудно. Не ладит с начальством. На докторскую его трижды прибывали анонимки в ВАК. Один доброжелатель сообщал, что диссертант — тайный «хиппи», напяливший на себя личину добропорядочного ученого. Другой аноним обвинил его в венеризме! Третий — в протаскивании злокозненных идеалистических идей. Разумеется, ученые мужи, как водится, сперва

содрогнулись. Венеризм — это ведь почти СПИД! И хиппи в личине — это тоже не комар чихнул. Ну уж а идеалистические идейки, так сие и вовсе мракобесие, несовместимое со званием советского доктора наук!

Два года ходил бывший хиппи по ученым и иным инстанциям, каялся в грехах юности, объяснял, что анонимщик, по неграмотности своей, написал вместо «Винеризм» — «венеризм», а быть последователем Норберта Винера, «отца» кибернетики, не так уж плохо. Что касается идеализма, то это совсем уж беспардонное вранье.

Словом, кончилось все вполне благополучно. Бывший хиппи получил, наконец, докторский диплом. И сверх того — легкий инсульт. Так что правда, как это ей и положено, восторжествовала.

Для чего я обо всем этом рассказывал?

А чтобы еще раз наглядно показать, что не бывает молодежи плохой и молодежи хорошей. Во все времена существовали молодые люди — безобразники, хулиганы и даже преступники. Но ведь и среди так называемых «взрослых» нет, к сожалению, недостатка в антигероях. Молодежь любой эпохи наиболее ярко отражает особенности своего времени.

И ежели нынче встречаются оголтелые и неисправимые «панки», «бичи», профессиональные тунеядцы, не желающие становиться людьми, перевалив за тридцать, то это не только их беда, но и наша (взрослых) вина.

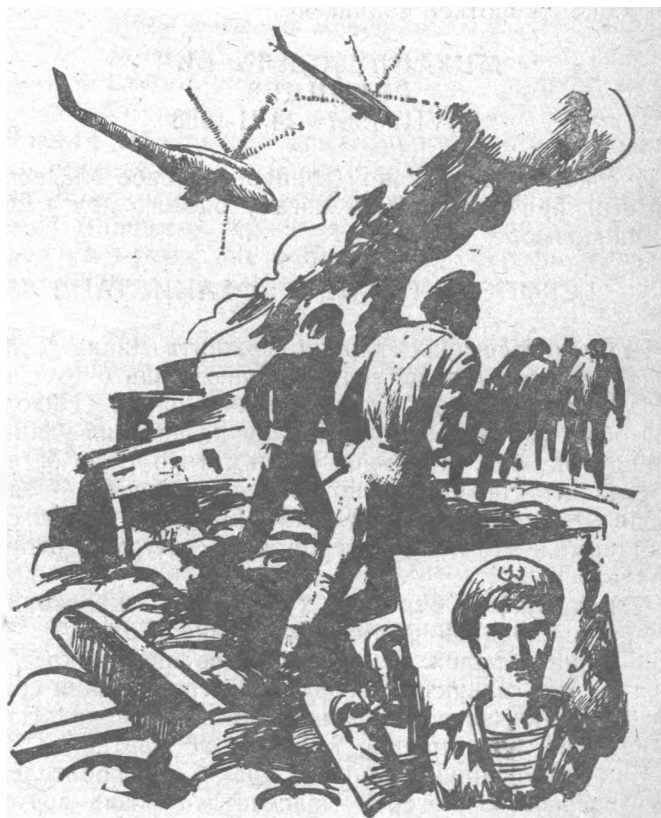
Тимуру, Алеше и Нине многие уважаемые граждане, умудренные так называемым «житейским опытом», предрекали незавидное будущее. Писатель Октавиан Гордиев, например, сулил парням колонию для несовершеннолетних преступников, а Нине, присоединившейся к ним позже, — «падение в клоаку безнравственности!»

К счастью, бывший Антисемишников оказался никудышным оракулом. Правда, жизнь моих юных героев сложилась не очень гладко. Как и предполагала Нина, окончив школу, все трое не выдержали в институты конкурсного экзамена. Нина уехала в Ташкент, поступила в медучилище. Леша с Тимом пошли на завод, стали учениками слесаря. По вечерам ходили в аэроклуб — готовились к военной службе в воздушно-десантных войсках.

Весной 1982 года их призвали в армию.

ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

Кое-что о „Неизвестной войне”

От повествователя

В небольшом эстонском городке Силламяэ есть братское кладбище — скорбная память о той, Большой войне.

Несколько лет назад на нем появилось еще одно надгробие с короткой надписью:

**МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
РУМЯНЦЕВ**
14/VIII-1957—14/II-1983

И совсем уж недавно (великое спасибо гласности!) мой сын, приезжавший на могилу боевого друга, добавил на мраморе:

ГЕРОЙСКИ ПОГИБ В АФГАНИСТАНЕ

Где покоится прах гвардии сержанта Ивана Дмитриевича Харчука, мне не ведомо. Знаю лишь о том, что в селе Комсомольское (Ново-Бугский район, Николаевской области) именем Ивана Харчука названа улица, на которой он жил. А у меня на память о Ване осталась фотография. На обороте почерком моего сына — запись красным фломастером: «Погиб 14.02.83 г. в бою с мятежниками... Погиб как герой при штурме опорного пункта...»

С фотографии смотрит худощавый широкоплечий юноша в парадной форме десантника. Голубой берет сдвинут на затылок. Из-за отворотов щегольского мундира — треугольничек «зебры». На груди знаки солдатского усердия, значок парашютиста-десантника. Боевых наград нет. Они пришли к Ивану посмертно.

Как драгоценную реликвию храню я и любительскую фотографию, на которой запечатлен возле вертолета гвардии младший сержант Андрей Голендухин не-

задолго до рокового для него десанта... Простое, симпатичное лицо паренька из Челябинска спокойно. Андрей не ведает, что жить ему совсем немного, считанные часы!..

Боевой друг Ивана и Андрея, молдаванин Степан Матей, посвятил погибшим героям стихи — неумелые, но драгоценные строки:

Вот рассвет, и команда: «Вперед!»
Снова в рейд улетает наш взвод.
Улыбнись нам, удача, в пути,
Сделай так, чтоб живыми прийти!
Я назад возвратился. Пришел.
А Иван не дожил, а Андрей не дошел!
Потеряли мы много в Афгане друзей, —
Много плачет невест, отцов, матерей!..
Будем драться на этой проклятой войне
За Ивана, Андрея, за тех, кого нет..
Уже нет, уже нет!

Памяти заместителя командира десантно-штурмового подразделения гвардии старшего лейтенанта Михаила Румянцева, гвардии сержанта Ивана Харчука, гвардии младшего сержанта Андрея Голендухина, — памяти известных мне и неизвестных героев кровавой афганской драмы я и посвящаю эту повесть.

Я писал ее, и перед моим мысленным взором возникали образы простых и самоотверженных наших парней — Николая Пахомова, Рауфа Ахмедова, Владимира Авдеева, Александра Огурцова, Тургуна Тураева, Сергея Никитина, Виктора Мушета, Абдужапара Валиева, Степана Матея, Владимира Ступака, Игоря Васина, Виктора Гомонова и многих, многих других героев «Неизвестной войны»*.

Все они показали себя достойными наследниками боевой славы своих отцов и дедов, ратными делами развеяли глупенький миф об инфантильности, эгоцентризме современной молодежи.

* Ратные дела наших воинов-интернационалистов в Афганистане были, к сожалению, долгое время «закрытой темой». Вот почему я счел справедливым озаглавить предлагаемую повесть — «Кое-что о «Неизвестной войне», ибо события, в ней описанные, относятся именно к тому времени, когда в прессе господствовала «фигура умолчания». (О. С.).

И я счел своим долгом хотя бы коротко рассказать о том, что на свете, к счастью, были, есть и будут не только негодяи рапо-ханы, львы-шербеки и прочая нечисть, но будут — всегда и во веки веков! — настоящие люди — Люди с Большой Буквы. Они и возьмут в свои руки великое дело революционного Обновления нашего общества.

«МАКСИМОВСКИЙ ГВАРДЕЙСКИЙ»

Крепких парней, к тому же владеющих основами борьбы самбо, парашютистов-разрядников райвоенкомат направил в ВДВ.

Все же не обошлось без конфликта.

Член призывной комиссии, седой ветеран с ошеломляющим числом боевых наград на тронутом молью полковничьем мундире, спросил Тимура:

— Почему вы хотите именно в воздушно-десантные войска?

— Потому как, товарищ гвардии полковник, в песне ясно сказано: «Лучше нету войска на свете, чем десантные войска!», — браво отвечал Тим.

— А если серьезно? — допытывался ветеран.

Парень задумался, провел ладонью по коротко остриженным светлым волосам, казавшимся еще светлее из-за темных бровей и смуглой кожи лица и, помедлив, брякнул:

— А надоело все!

Среди членов комиссии возник шумок. Отставник нахмурился.

— Как это понимать?

— Надоело нотации слушать. Чуть что не так — нудят: «Мы в твои годы!.. Голодали, воевали, без порток ходили!..» А я виноват, что ли? Потому и желаю повоевать.

— Поиграть в «казаки-разбойники»? — ядовитейшим тенорком спросил образцово отутюженный представитель райкома комсомола.

— Давай со мной, керря, поехали? Вместе поиграем.

Отутюженный взорвался. Он был, видать, опытным демагогом. Вскочил, воскликнул с ложным пафосом:

— Вы слышите, товарищи, как этот призывник вызываясь себя ведет? В воздушно-десантные войска надо направлять не только физически развитых, но, преж-

де всего, идейно закаленных патриотов. А этот... Тимур Бахрами... Стоял вопрос об исключении этого хипповника и дружка его, Алексея Руднева, из комсомола!..

— Была б моя воля, — огрызнулся Тим, — я бы тебя, ловкача, из партии наладил.

Председатель комиссии, тоже полковник, но молодой, постучал по столу пресс-папье, утихомиривая зашумевших членов комиссии, и сердито посмотрел на строптивного парня.

— Выбирайте выражения, Бахрами.

— А что он, товарищ полковник, нарывається?

— Объясните комиссии ясно и понятно, чем вам понравились воздушно-десантные войска? И с кем вы воевать собираетесь?

— Я же парашютист. Тридцать прыжков имею. А воевать... В Афганистане разве тишь да гладь, да божья благодать?

— Значит, вы, Бахрами, горите желанием помочь многострадальному афганскому народу защитить завоевания апрельской революции?

— Так точно, — четко, по-военному отвечал Тим. — Горю!.. — помолчав, вскинул на военкома выразительные свои глаза и спросил тихо, пожалуй, даже жалобно: — Товарищ полковник, это я официально ответил. Для протокола. Но можно хоть один разок правду сказать?.. А то еще открою душу, а меня за это — в стройбат! Там, правда, хорошо служить. Ребята рассказывали. Деньги за работу платят. Выходишь на «дембель»*, а у тебя на книжке полторы-две тысячи тугриков!.. Но не по мне это. Так можно?

— Говорите.

— Я же ни одного живого афганца и в глаза не видывал. Разве что по телеку. Да и то показывают в основном душманов. Наврал бы я вам, сказав, что ночей не сплю — так жажду исполнить свой интернациональный долг!

Вновь возмущенно зашумели члены комиссии, но военком предостерегающе поднял руку.

— Продолжайте.

— Если по-честному, я и друг мой, Ленка Руднев, прежде всего хотим свой характер испытать.

— Нет, что он говорит? — вскочил отутюженный. — Вы только послушайте, что он говорит!..

* «Дембель» — демобилизация, увольнение в запас (жарг.).

Военком досадливо отмахнулся от райкомовца.

— Говорите, Бахрами.

— Мы нашим ребятам хотим помочь. Прежде всего. Наш знакомый парень, Тахир... Вернулся без ног... А недавно... четырьмя классами старше учился... И вовсе... Ребята, которые повоевали в горах, рассказывают: тяжело приходится, а как пришел приказ на дембель — уезжать жалко. Там все как-то по-другому. Кто человек, а кто гад — сразу выясняется. Вот я и позвал этого... — Тим кивнул в сторону отутюженного. — Чем я его обидел, а? А он тут же на меня бочку покатил! Испугался, видать. Да он и в армии не служил, я знаю.

— У меня близорукость! — визгливо крикнул отутюженный.

— В прошлую войну у японцев, я читал, летчики-истребители в очках летали! — усмехнулся Тим. — Ну да ладно. Я о чем, товарищ полковник?.. Ребята магнитофонные записи песен наших «афганцев» привезли. Душу бередают! Даже по песням легко понять, как там живется. Трудно ребятам, а они не падают духом, воют. И еще даже песни сочиняют. Хотите, споем с Лешкой?.. У нас и гитара с собой.

И тут произошло нечто удивительное. Старый полковник-отставник с бесчисленными орденами и медалями на груди вдруг сказал:

— А что? Может, послушаем?

Военком задумался.

— Что скажут члены комиссии?

— Я слышал, — фыркнул отутюженный, — безыдейные песни!..

Тим вспыхнул лицом, метнулся за дверь и тут же вернулся с Алешей и гитарой.

— А вот сейчас увидите... Давай, Лешк.

Алеша взял несколько грустных аккордов, и Тим заговорил печально:

Снится часто здесь мне дом родной:
Лес о чем-то о своем мечтает,
Серая кукушка за рекой
Сколько жить осталось мне считает.

Третью и четвертую строку парни пропели уже вместе, припевом. И вновь гитарные переборы.

Снится мне опушка из цветов,
Вся в цветеньи тихая опушка.
Восемьдесят... Девяносто... Сто!
Что-то ты расщедрилась, кукушка.

Гитара поет, грустит, вздыхает.

Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной земле
Снят тревожно русские солдаты...

Старый полковник тихо вздохнул, выцветшие его глаза увлажнились. Да и остальные члены комиссии утратили официальный вид, стали какими-то простыми, домашними. Даже отутюженный присмирел.

А парни продолжали песню-речитатив:

Они тратят силы, не скупясь,
Им знакомы голод и усталость,
Дни свои не копят про запас —
Ты скажи мне сколько их осталось?..

Прозвучали отыгрышем печальные аккорды, и Тим с Лешей закончили проникновенными, полными светлой грусти, удивительными словами:

Так что ты, кукушка, погоди
Мне дарить судьбу чужую чью-то.
У солдата вечность впереди —
Ты ее со старостью не путай.
У солдата вечность впереди —
Ты ее со старостью не путай.

В комнате повисла тишина. Старый полковник ласково смотрел на пареньков. Военком укоризненно глянул на отутюженного. Тот смущенно хмыкнул.

— Душевная песня, — тихо произнес немолодой член комиссии со знаком фронтовика на пиджаке. — А веселые есть?

— Сколько угодно! — с энтузиазмом воскликнул Тим. — Давай, Лешка.

Руднев ударил по струнам, и загремела лихая, пожалуй, даже озорная песня:

Сегодня ровно год, как я понал сюда —
Провинция Энэн, Энскоабат.
И этот день я не забуду никогда
И не забудет названный мой брат...

Далее в песне командир ставит боевую задачу и рассказывает, что представляет собой бандитская группа. Примечательно, что он, перечисляя вооружение врагов, не забывает назвать и муллу.

В отряде этом пушки, мины, «мухи» есть*,
Три миномета и один мулла.
А уж душманов столько, что совсем не счесть —
Какая их только печисть развела!

И тут же, после гитарного отыгрыша, из другой песни, — совсем уж «шапкозакладательские» слова:

Мне надоело первничать — ведь первы не сучок! —
Я нажимаю ласково на спусковой крючок...
И хладнокровно трассеры по воздуху летят,
И я хочу того же, чего они хотят!..

Вдруг — залихватская песня переходит в замедленную, лирическую:

А где-то дома — шурави духтар,
Цветет сирень, в поход идут туристы...
А ты рассматриваешь в триплекс Чарикар**
И очень тихо слушаешь транзистор...

Громовые гитарные аккорды, и вновь — веселятся «афганцы».

...Работаем на славу — мой Сашка-друг и я —
Нас где-то за кордоном зовут — «Вьетнам Кремля»...

Отутюженный вскочил, суматошно замахал руками,
прокричал визгливо, делая «страшные» глаза:

* «Му х а» — гранатомет (жарг.).

** «Шурави духтар» — букв. — советская девушка. Чарикар — город и оазис.

— Вот... Вы слышите?! Глумятся! Диссидентство...

Военком и члены комиссии зашикали на отутюженного, отставной полковник даже кулаком ему погрозил, мол, «я те покажу, как мешать слушать!» И пареньки, подбодренные комиссией, закончили вполне лояльными утверждениями о том, что все происки империалистов в Афганистане обречены на провал и что они («Мой Сашка — друг и я») всегда готовы к новым боям.

Импровизированный концерт продолжался. У открытой двери столпились призывники, и строгий дежурный по военкомату, нарядный прапорщик, не пытаясь навести порядок, — он сам был среди слушателей. А Тим с Лешей пели и пели. Они исполняли песни лирические, строевые, песни-раздумья. И даже до того осмелели, что грянули не очень приличную, но такую честную и трогательную песню «Лазурит твою, афгани, мать!»

Самодельные артисты хотели было завершить концерт. Но из двери подал голосок худосочный парнишка, явно не пригодный со своим «теловычитанием» для ВДВ:

— А «Дóлбаны Чарки́» можете?

Тим с Лешкой спели и про то, как штурмовали крепость Чарки.

К нам пришел в палатку Федя с озабоченным лицом

И с прискорбьем объявил нам — хоть держался молодцом! —

— Брать мы будем в чистом поле — отказаться не с руки! —

То ли пули, то ли поле, — знаю только, что Чарки...*

И еще они пели, и еще... Несть числа этим прекрасным песням. Их сочинили войны. Иные из них погибли в боях, оставив по себе памятниками песни.

...Наконец Алексей закинул гитару за спину и сказал:

— Все! Концерт окончен. А теперь — призывайте нас в ВДВ.

...Через несколько дней Леша и Тим прибыли в Н-ское воздушно-десантное подразделение.

* * *

«Курс молодого бойца» Леша и Тим одолели без особого труда.

А затем в учебную воинскую часть приехал «ку-

* Пуль — мост (афг.).

пец», рослый и поджарый шатен в необычной форме. На нем были зеленовато-желтая камуфлированная куртка и такие же брюки, заправленные в ботинки с высокой шнуровкой. На голове шатена красовалась желто-зеленая камуфлированная шапочка с козырьком, похожая на жокейскую. Из-за отворотов куртки виднелась тельняшка десантника. Погон на форме не было, и друзья лишь некоторое время спустя разглядели над левым карманом куртки две большие защитного цвета звездочки и догадались, что «купец» — подполковник.

Шатен, как на пружинах, энергично прошелся перед строем вытянувшихся в струнку молодых десантников. Чуть позади него поспешал командир части, полковник. Хотя он был старше по званию, было заметно, что полковник несколько смущен и даже польщен визитом шатена, один вид которого рождал в душе что-то похожее на почтительный трепет.

О том, что подполковник «купец», десантники сразу догадались, потому что уже неделю назад «солдатский телефон» сообщил о предстоящем приезде офицера для набора добровольцев в «элитную» часть, ведущую боевую работу в Афганистане.

Пройдясь еще дважды вдоль строя, шатен шепнул что-то полковнику, и тот скомандовал «Вольно!»

«Купец» произнес хриловатым баритоном:

— Я — гвардии подполковник Энский. Да-да, Энский, фамилия моя такая, вполне военная. Вроде как засекреченная.

Он улыбнулся, блеснув ровными крепкими зубами, заулыбались и десантники. Мгновенно возник контакт.

— Приехал я, — продолжал Энский, — набрать ребятшек покрепче, изнемогающих от желания исполнить интернациональный долг. Таковым — два шага вперед.

Обе шеренги с грохотом шагнули вперед на два шага. Подполковник громко, чтобы десантники слышали, сказал командиру части:

— Орлов воспитали, товарищ гвардии полковник. Приятно смотреть. Дивная картина. — И тут же — десанникам: — Не хочу никого обидеть, но знаю я и то, что, возможно, кое-кто сделал два шага просто так, за компанию. Помните, как в кинофильме «Джентльмены удачи»?.. Один там признается: «Все побежали, и я побежал». Поэтому будем считать, что желанием горят все. Но через час предлагаю явиться согласно ротно-

му списку личного состава для индивидуальной беседы. И не обессудьте, ежели кого-либо забракую. Беседовать буду с глазу на глаз, так что никто не узнает, кого я сам забраковал, а кто не очень одержим желанием послушать свист душманских пуль.

Для Тимура и Леша час этот тянулся бесконечно долго.

Собеседование проходило в тренировочном городке. Первым отправился смуглый крепыш Абдувалиев. Вернулся он через три минуты — с подбитым глазом, но сияющий и довольный.

— Взят! — выпалил парень. — Захожу, представляюсь, а он протягивает мне ножевой штык и говорит: «Режь меня!.. Ну!» Я стою, глазами моргаю, а он повторяет: «Режь, тебе говорят, а то дам пинка — и Вася». Я и замахнулся. А он как-то хитро руку перехватил, вывернул, я полетел вверх тормашками, и он мне, пока я кувыркался в воздухе, и приложил!.. Классно все вышло! А взял за то, что не раздумывал долго. Сказал: «Решительность имеется, остальное приложится».

Тимур Бахрами задержался подольше. «Купец» тоже предложил «резать». Тим, учтя опыт Абдувалиева, взял ножевой штык лезвием вверх, полагая, что, как положено в самбо, подполковник попытается выбить штык из руки ударом ноги. Но не тут-то было! Энский вдруг стремительно «нырнул» Тиму в ноги, рванул — парень взлетел, словно подброшенный невидимой пружиной, и брякнулся на спину. Однако штыка из руки не выпустил. И это понравилось подполковнику.

Далее пошли сплошные «проколы», восемь человек не выдержали испытаний. Когда подошла очередь Алеши Руднева, подполковник отобрал уже девятерых.

— Самбист?

— Первый юношеский разряд.

— Так. А ну, перепрыгни через спинку этого стула. Сможешь?

— С места перепрыгнуть?

— Конечно.

Леша после рассказывал, что и сам не знает, как ему удалось перескочить через спинку стула — от отчаяния, наверно? Затем Энский вытащил из наколенного кармана камуфлированных штанов бутафорский нож с резиновым лезвием и молвил: «Вот тебе нож. Приказываю снять часового. Часовой — я. Действуй», и оборотился к парню спиной. Тот, зная уже, что раздумы-

вать нельзя, тут же нанес удар, однако нож в последний миг скользнул по боку «часового», и тут же Лешка оказался на земле, попав после короткой борьбы на болевой захват.

Дав парню немного прийти в себя, подполковник успокоил.

— Сопротивлялся изрядно. Вот даже кисть мне пытался вывернуть. Но бил кустарно. Надо наверняка. Коли ты подобрался к объекту со спины, левой рукой делай захват-ключ за шею и одновременно резко, рывком насаживай врага на нож. Он и не трепыхнуться не сможет, и закричать, и сам же очутится на твоём рабочем инструменте. А ну-ка давай ещё разок.

Однако и повтор не принес лавров Лешке. Парень совсем было скис. Но подполковник успокоил.

— Для начала неплохо. И силенка у тебя имеется. И прыгучий. Так что беру. В солисты ты ещё не годишься, но для кордебалета вполне... Вполне! Подучим нашему ремеслу — станешь не хуже других... Следующий!

А поутру команда отобранных подполковником добровольцев уже летела на самолете в горную страну, о которой они так много слышали без малого три года.

На аэродроме близ Кабула парней пересадили в «вертушки»*, и еще немного погодя полторы сотни «отборных молодцов» (так их окрестил Энский) очутились в местах экзотических, удивительных.

Ноябрь стоял на дворе, но погода здесь была почти весенняя. Неподдалеку от их воинской части протекал широкий канал. Вдали виднелся небольшой восточный город — глинобитный, дома с плоскими и куполообразными крышами. Он раскинулся по берегу реки Кабул с впадающим в него Кунаром. Здесь росли карликовые пальмы, гранатовые деревья, обширные виноградники... Словом, вся эта «зеленка»** несколько напоминала райские кущи.

А вокруг, куда ни обратишь взгляд, громоздятся суровые изломы гор. На севере, в синей дымке — зелено-серые громады горного хребта Кашмунд с какой-то особенно высокой вершиной; на юге — горный хребет Спингар. У него тоже была своя «рекордная» гора. Она

* «Вертушка» — вертолет (жарг.).

** «Зеленка» — зеленая зона растительности, обычно в долинах рек (жарг.).

носила имя Сикарам и часто прятала в облаках почти на пятикилометровой выси свою заснеженную вершину. Столица Афганистана — Кабул — была сокрыта хребтами Каркача и Харвар. А на востоке и юго-западе, совсем недалеко, «рукой подать», тоже за горами, притаился Пакистан, откуда то и дело просачивались банды мятежников.

Собственно, «банды» — понятие скорее всего политическое. В военном отношении душманские формирования, прошедшие солидную военную подготовку в пакистанских учебных центрах, вооруженные современным оружием, представляли собой серьезную силу. «Моджахеды» и «ихвани»* сражались с фанатическим ожесточением. Зная в горах каждую тропинку, каждый секретный проход, они нередко устраивали засады, наносили огневые удары по автоколоннам с грузами; проникнув тайными тропами через боевое охранение, врываются в горные кишлаки, вырезают активистов, сторонников новой власти, сжигали посевы, наводили на мирное население ужас.

Гвардейское парашютно-десантное подразделение, в которое прибыли Леша с Тимом, и подразделение десантно-штурмовое (ДШП) работали, что называется, без выходов. То вдруг поступали разведанные о прорвавшемся из Пакистана крупном душманском отряде; или вдруг прибегал взмыленный, изнемогающий от усталости товарищ из ХАДа** и сообщал о банде, пробирающейся по Хайберскому перевалу под видом мирных купцов; то — приказ по рации: в таком-то кишлаке зверствует банда, немедленно выбросить вертолетный десант для ликвидации извергов!

Новичков в рейды пока не брали, и это бесило Алешку и Тима. Им не терпелось отличиться, «показать себя», отомстить за убитых и раненых десантников. И еще было стыдно: ребята воюют, защищают мирные кишлаки от вооруженных до зубов бандитов, творящих страшные зверства, а они — Тим и Лешка — отсиживаются среди зарослей заснувших на зиму акаций и олеандров.

Командир отделения сержант Батычко — здоровяк, запросто поднимающий за конец ствола (на вытянутой руке!) ПКМ, ротный пулемет, добродушный и строгий, отчаянный формалист, ухмылялся.

* Моджахеды — «борцы за веру». Ихвани — фанатики-смертники.

** ХАД — сокращенное название службы безопасности.

— Успевте прыть показать, салажата. Сперва десантного ума-разума наберитесь. Вот вы, к примеру, — рядовой Бахрами. Вы штурмуете высоту. Надо бросить гранату РГД-5 в душманское пулеметное гнездо. Расстояние подходящее. Ваши действия?

— Действую, как нас учили. Заряженную гранату беру в правую руку, левой — расправляю рожки предохранительной чеки, вытягиваю кольцо и бросаю «эффу». Все.

— Не пойдет! — сержант сощурил маленькие, в белесых ресничках, глазки. — Учили правильно, но... Здесь надобно по-другому. Пулеметная точка выше, вы — ниже. Ну как вы, не рассчитав, не добросите гранату? Что тогда будет?

— Что? — не понял Тим.

— А вот что. «Лимонка» может покатиться по склону и к моменту взрыва оказаться возле своего хозяина, то есть поднять на воздух вашу прекрасную персону. Потому гранату в таких случаях нужно не сразу кидать, а отсчитать две секунды, памятуя о том, что она взрывается через четыре с половиной секунды. Тут, конечно, характер надобно проявить. И этим мы сейчас с вами и займемся.

В отделении (семь человек) было всего два новичка, и поэтому сержант Батычко не жалел сил и времени, дабы обучить «салажат» уму-разуму.

— Рядовой Руднев, определите расстояние вон до той горушки, носящей название Сикарам.

— Километров двадцать-двадцать пять.

— Молодчина, — ухмыльнулся сержант. — Всего верст на полсотни промашку дал. Семьдесят с гаком километров. Вот! Надо знать: в горах все гораздо ближе кажется. Вот и надо вносить поправку, а поставите неправильный прицел на своем пулеметике, так и станете палить в белый свет, как в копеечку!

Батычко затем проверил, как новички владеют автоматом в рукопашном бою, остался в общем доволен. Но все же заметил:

— «Духи», между прочим, ловко орудут автоматами с прямыми магазинами. Да и с изогнутыми магазинами тоже не теряются. Вот такой применяют удар... Неожиданно, и прямо по зубам!.. — Он показал, как именно «духи» бьют по зубам. В подтверждение справедливости своих слов открыл рот и предьявил в виде

доказательства темный провал. — Вот, глядите: на речке Кама дело было.

— На Кама? — удивились новички.

— Здесь тоже своя Кама имеется. Дошло до рукопашной. У него «Томпсон», у меня АКС. Оба уже пустые. Достают «духа» прикладом, но вскользь. Однако он падает. Я — на него. А он — торк меня магазином аккурат в зубы, — пяти штук как не бывало! В глазах звезды засверкали. Пока я «плыл», он меня «томпсоном» по кумполу. Я и заскучал.

— Ну а «дух»?

— Что — «дух»? Кто-то из ребят помог, приголубил. А я вот зазря свою «варежку» разинул. И вообще помните в виду: душманы до того коварные шкуры, что даже невозможно передать. Ежели в бою какой «дух» начнет орать «Дуст!.. Дуст!», «Друг», значит, но оружие из рук не выпускает, — не верьте. Это он для хитрости «Дуст» орет, — тут же мигом полоснет очередью*.

Много внимания Батычко уделил обучению новичков технике метания ножа.

— В нашем деле мелочишек нету. Так нас Максимыч учил.

— Максимыч?

Отделенный укоризненно поглядел на новичков.

— Эх вы, вояки!.. Наш батальон, неофициально, конечно, «Максимовским» величается. И каждый понюхавший пороху десантник с гордостью говорит: «Я — максимовец!». Подполковник Энский — он и есть Максимыч. Максим Максимович Энский. Полтора года командовал нашим батальоном. До того лихо, что трижды в лазарет попадал. Но больше двух недель там не задерживался. Иной раз просто жуть брала. Словно нарочно смерти себе ищет!

— Как Барклай — на Бородинском поле, — вставил Леша.

— Насчет Барклая не осведомлен. Но собственными глазами видел, как отчаянный комбат наш приказал управлять боем своему замполиту, а сам — сграбастал противотанковую и пополз к пулеметному гнезду. По каменной круче. Обрыв метров двести, внизу горная речушка кипит на камнях... Душманы лупят по нашему десанту в ущелье с обеих круч! А комбат гранату —

* «Духи» — прозвище душманов.

в сумку, сумку — за спину — и знай себе карабкается. Вокруг него пули шелкают, взрывы осколки каменюг откалывают. Но, к счастью, бьют не прицельно — наугад, потому как мы дымовую шашку запалили, а Максимыч в пятнистой маскировочной робе, трудно его заметить. Наконец добрался до «духовой» норы сбоку, изловчился и кинул гранату прямо в амбразуру. Надо же!.. Противотанковая, как вам известно, — ударного действия. Отползти у комбата времени не имелось. В пулеметном гнезде том, сложенном из громадных каменюг, так рвануло, что только дым и мокрое место. Сам Максимыч чудом жив остался. Правда, поранило и контузило его.

Заметив на лицах новичков выражение сомнения, Батычко нахмурился.

— Байки гутарить не обучен. А что было, то — было. Командир соединения, узнав о лихачестве нашего «бати», сильно разгневался. В наказание перевел его к себе в штаб. Дали ему подполковника. Теперь вот занимается вами, салажатами. Но батальон наш не забывает. И мы — его. По-прежнему называем себя «максимовцами». И новый комбат, майор Махмудов, не обижается. Он и себя «максимовцем» за честь называть почитает.

— Разрешите вопрос, товарищ сержант, — по уставному обратился к отделенному Леша. — Почему батальон — максимовский? Ведь фамилия подполковника — Энский.

— Верно подметили, рядовой Руднев. — Зовут его Максим Максимович. Правда, известно нам, отчество у него другое. Он по деду — Максимович. Славный вояка был его дед, боевой генерал! Он так прямо и сказал: «Вне службы я для своих подчиненных просто Максим Максимыч. Помните, небось, в «Герое нашего времени» есть там такой служака?»

— А по паспорту у него какое отчество? — полюбопытствовал Тимур.

Сержант тихо вздохнул и посмотрел на парня, как на тяжело больного.

— Эх, рядовой Бахрами!.. До чего же вы еще штатская личность! Какой у военного человека может быть паспорт?.. У-до-сто-ве-р-е-ни-е! Львович его отчество... Однако кончаем разговорчики. Рядовой Бахрами, вы в горах, жарко. Вода кончилась. Пить страсть как хочет-

ся. Вы в головном дозоре, и вдруг видите горный ручеек или еще какой водоем. Ваши действия.

Тим подвинулся нелепому вопросу, но сдержал улыбку и отвечал:

— Обнаружив источник воды, созываю товарищей, пьем вволю и про запас наполняем водой опустевшие фляги...

— Эххх!.. — командир отделения даже крикнул с досады. — С такими несмышлеными навоюешь!.. Заметив водный источник, надо сделать знак: «Остановить движение!» и немедленно доложить старшему о замеченном. Понмейте в виду, салажата мои ненаглядные, что вода в горах — редкость. Как правило, «духи» минируют подходы к источнику, да еще держат его на прицелах своих автоматов, «буров» и «базук»*. Кинетесь стадом на водопой — тут вам и гроб без музыки!.. Соображать надобно. Здесь горы, а не бульвар для прогулок. А теперь в самый раз заняться строевой подготовкой. Десантник без выправки не десантник, а мокрая курица. В колонну по одному... Становись!

«Колонна» из двух новичков старательно выполняла команды отделенного. Педантичный Батычко особенно обратил внимание на отработку строевого шага. Огорченно восклицал: «Четче!.. Четче. Ноги!.. Ноги не слышу!»

Наконец «услышав ногу», удовлетворенно хмыкнул, приказал:

— А теперь песню — нашу, строевую, «Максимовку». Запе-вай!

И Леша нарочито хриплым, «жлобским» баском начал:

Раз, два, три, четыре-эээ..
Дыхание ровней!
Реакция, выносливость —
И ты уж все сильней!

Тимур подхватил:

Удар нанес, еще удар,
Бросок, удар ногой —
По ребрам и по печени,
Коль враг еще живой!

* «Бур» — устаревшая винтовка, однако с хорошим боем. «Базука» — ручной противотанковый гранатомет западного производства.

И — дуэтом, в два голоса:

Эх, главное мужчине — всегда здоровым быть.
Цель нашего занятия здоровье укрепить,
Чтоб куревом и выпивкой не отравлять его,
Всегда с большой охотой мы ходим на ФНЗО!

Залихватская песня эта была сложена весельчаками из «Спецназа», но мгновенно распространилась по другим частям. Привлекательность ее в том, что она прославляла виртуоза рукопашного боя, фамилию которого я по понятным соображениям изменю и назову Толматовым. В парашютно-десантных и в десантно-штурмовых частях тоже имелись любимые специалисты самбо, каратэ, дзю-до, и их воспитанники, в знак благодарности, переначивали на свой лад последний куплет песни. В батальоне Леши и Тима он звучал так:

А если нет контакта — ногой их не достать,
То тут уж поневоле придется нож метать,
Момент! — и вот противнику уж на тот свет пора,
За выучку отличную Максимычу «Ура!»

«Колонна» из двух новичков лихо, с присвистом, исполнила песню. Сержант Батычко слушал с видимым удовольствием — и «ногу», и молодецкое пение, — Тим и Лешка уж постарались на славу.

Отделенный констатировал:

— Лихо! Надеюсь, и воевать будете по-максимовски. Вот у нас снова полнокровное отделение. Руднев — гранатометчик. Бахрами — помощник гранатометчика. РПГ — оружие сильное в умелых руках.

ОХОТА НА «ДЖЕХАНСУЗА»

При ближайшем знакомстве «ходячий устав», Василий Батычко, оказался свойским парнем, простым и душевным. Но только во внеслужебное время. Детдомовец, круглый сирота. Через несколько месяцев, в мае, кончался у него срок службы. Награжден «Красной Звездой». Василий мечтал поступить в Рязанское Военное Воздушно-Десантное училище, стать офицером.

И вообще ребята в отделении подобрались один к одному. Особенно сдружились Тим и Лешка с красавцем-грузином по прозвищу «Лорд». Даже истовый устав-

ник Батычко называл его «Лордом». Дело в том, что фамилия парня была — Лордкипанидзе. Длинно и трудно выговорить. А «Лорд» — коротко и ясно. Этот высокоченный парень с могучими плечами и осиной талией был кумиром и несчастьем лазаретских медсестер, поскольку проявлял полнейшее невнимание к прекрасному полу. Своей неотразимости он не придавал никакого значения. Все его помыслы были направлены на то, как бы еще яростнее отомстить мятежникам за гибель старшего брата Ираклия, павшего в боях за Панджшер. У пулеметчика Лордкипанидзе было уже две медали «За отвагу», однако он все еще полагал, что не посчитался как следует с душманами.

Полную противоположность Давиду составлял Степан Ротару, наводчик-оператор, постоянно лелеющий свое орудие по прозванию «Гром» и вверенную ему пусковую установку для ПТУРСов. Невысокого роста, ладный и крепко сбитый, он прославился тем, что на показательных учениях одолел в рукопашном бою самого комбата, майора Махмудова, мастера спорта по самбо. Медлительный и даже флегматичный, Ротару в бою становился неузнаваем. У него тоже было прозвище — «Бочкотару». Степан, сын председателя колхоза, специализирующегося на винных сортах винограда, он любил рассказывать о мирной жизни и всякий раз жаловался на нехватку для вина бочкотары. Вот и явилось (по аналогии) прозвище: Ротару — Бочкотару.

Огненно-рыжий одессит Семен Шпирт, розовоглазый, похожий на молочного поросенка, весельчак и балагур, кладезь анекдотов, в основном игривого свойства. Он с серьезным видом утверждал, что прежде всего любит Одессу-маму, затем свой БМД, а уж после них — родных мамулю и папулю.

Странная его фамилия — Шпирт — была предметом бесконечных острот и фантастических предположений. Сема и сам был непрочь пофантазировать. Он, например, утверждал, что его прапрадед, проживая в Одессе-бебе, занимался благородным промыслом контрабандиста — специализировался на тайном вывозе за границу спирта. В одной из схваток с пограничной стражей получил прикладом по зубам, после чего слово «спирт» стал выговаривать как «шпирт», а затем «Шпирт» превратилось в фамилию.

Будучи механиком-водителем, Семен обязан был

оставаться со своей боевой машиной десанта (БМД) в части, когда отделение улетало в вертолетный рейд. Однако как-то всякий раз получалось, что его «броня» напарывалась на мину или получала сильные повреждения от вражеских гранатометов. И «безлошадный» Шпирт уходил в рейды рядовым автоматчиком. Сема Шпирт относился к той удивительной категории парней, которым даже в армии, с ее железной дисциплиной, делалась скидка, ибо был он юношей с веселым нравом, подкупал командиров остроумием, а главное — благородным бескорыстием своих «нарушений». Однажды был он уличен в том, что улетел с отделением, хотя его боевая машина уже вышла из ремонта. Семену за это, конечно, влетело, но не очень. Как он сам говорил: «Даже элементарных синяков не видно!»

Семен Шпирт после «дембеля» мечтал стать художником. Он и здесь все свободное время посвящал рисованию карандашом и углем. Особенно ему удался рисунок, на котором он изобразил подвиг майора Энско-го: каменистая круча вся в разрывах мин, паутине автоматных и пулеметных трасс, а на краю пропасти фигура Максима с противотанковой гранатой в руке... Еще миг — гроыхнет взрыв!

Рисунок этот (на целый ватман) Семен тщательно скрывал от ротного и батальонного начальства, так как опасался, что слух о нем дойдет до Энского (теперь уже подполковника), а как известно, его кумир и, пожалуй, даже — его божество, отчаянный храбрец Максимыч, не любил рекламы и запросто мог отобрать и истребить художественное произведение.

Наконец в отделении был паренек, вроде бы и случайно попавший в десантники — тихий брюнет с мечтательными, редкими среди узбеков, голубыми глазами. Звали его совсем уж удивительно — Иса. В переводе с узбекского — Иисус. И это обстоятельство сбивало всех с толку. Однако флегматичный и застенчивый Иса объяснил, что удивляться нечему. Имя это старинное. Иса-Христос почитается правоверными мусульманами-ахмадийцами самым выдающимся домусульманским пророком.

Это сообщение совсем всех сбilo с толку. Христос — мусульманский пророк! Что за чепуха?

Но вскоре из большого штаба приехал инструктор политотдела. Ребята обратились к нему за разъяснением. Полковник подтвердил, мол, верно, Иса—Иисус Христос.

Мусульманская, христианская и иудейская религии здорово перепутались. Древнееврейский пророк Авраам у мусульман — Ибрахим. Пророк Моисей — Муса. Да и в самом исламе, как, впрочем, и в христианстве, множество толков, сект разных. Есть вот мусульмане-шииты. Они добавили к корану 115-ю суру — «Два светила», не признают «сунну» — мусульманское «священное писание», называют узурпаторами первых трех преемников пророка Мухаммада.

— И вообще, товарищи войны, — заключил политотделец, — не надо забивать головы религиозным туманом. А то ведь есть еще так называемые «исмаилиты», почитающие имама Исмаила, которого шииты и вовсе не признают. А из секты исмаилитов образовался лет девятьсот тому назад орден ассасинов, употребляющих гашиш. У этих и вовсе ум за разум зашел. Теперь эти ассасины называются неоисмаилитами, считают главу ордена живым богом! Да мало ли чего еще есть! Вы главное усвойте: бога нет, и слава богу!

Иса Карабашев, несмотря на субтильное телосложение, был вынослив как мул. Боевую выкладку плюс бронезилет («бронник») он таскал по горам не жалуясь. А это килограммов под сорок, да еще пулемет РПК (В отделении было два пулемета). А «случайным» десантником Иса считался потому, что не имел к «десантуре» особого влечения. В ВДВ Иса решил закалить свой характер, волю, ибо считал, что по натуре своей был нрава мягкого, женственного. Вот он и решил себя преодолеть. И надо сказать, изрядно в этом преуспел. Минувшей весной, отрезанный душманами от своего взвода он, то и дело меняя на высоте огневую позицию, два часа заставлял мятежников прятаться за камнями и в расщелинах, не давал им поднять головы и тем самым помог взводу в свою очередь зайти в тыл врага, разгромить свирепых «воинов ислама».

Батычко как-то, вроде бы невзначай, сообщил Тимур и Леше, что двухъярусная койка, которую они занимали в утепленной палатке, до них принадлежала, как он выразился, «двум антиподам». Наверху обитал кавалер ордена Красного Знамени рядовой Сергей Мостовой. В бою спас жизнь командиру роты капитану Смолянинову, заслонив собой и приняв в грудь очередь из трех пуль. За что и получил «боевика». Был в тяжелом состоянии, но теперь вроде пошел на поправку.

— А вот второй антипод... Вы на его месте нынче

отдыхаете, рядовой Бахрами... Так этот... Даже фамилию его досадно произносить! В бою проявил незаурядную трусость, бросил позицию и пустился наутек. Шкура, короче говоря.

— Под трибунал его, да? — спросил Леша.

— Тоже в госпитале очутился. И пусть благодарит рядового Шпирта. Этот одессит где-то прочитал, что в наполеоновской армии трусов судили сами солдаты. Он и доложил мне, мол, так-то и так, зачем позорить отделение, взвод, роту и даже весь батальон? Объясним жидовристу что к чему — и порядок. Я доложил по команде, мол, так и так, разгильдяйское чепе... Убыл этот тип с диагнозом: падение со скалы, множественные ушибы и перелом челюсти. Такие вот дела.

Леша и Тим вдруг уяснили, что жизни их разительно изменились. Тот «гражданский» мирок, в котором они суетились восемнадцать лет, исчез, словно никогда его и не было. Нету хлюста и ловчилы Робки Шакалиса, растворился в небытии сынок «главного милиционера» — Бабур Хамдамов, начинающий алкаш и нахалюга. Изгладилась из памяти заносчивая физиономия Камилки Ширинходжаевой, «прокурорской дочки». Как глупый сон вспоминается похожая на попугая пошлая мешаночка Эльвирка Мкртычян, дочь «Железного ледя»...

Здесь же, в горах, жизнь сурова, подчас жестока. И справедлива. Здесь действительно друг другу братья. Молодые парни улетают, уходят в рейды. Возвращаются обросшие юными бородками, пропыленные, с осунувшимися лицами и впалыми глазами, иные — в окровавленных бинтах. Нередко возвращается на базу десантников меньше, чем было: «вертушки» увозят с поля боя тяжело раненных и погибших воинов. Леша и Тим, еще не побывавшие в боях, как-то по-особенному стали понимать слова из песни: «В дрожь ударит, когда ты увидишь, что товарищ твой замертво пал! Еще теплые руки сжимают от гранаты холодный запал...»

Здесь они впервые поняли, что смерть — это не абстрактное понятие, но сама конкретность, жестокая реальность жизни. Увидели впервые смерть, еще не побывав в боях. Однажды ночью исчез часовой, охранявший вещевого склад. Утром неподалеку, в овраге, нашли изуродованный труп паренька. Уши, нос обрезаны, глаза выколоты. Бок распорот, печень вырвана, в глубокую рану набита желтоватая афганская земля...

А два дня спустя привезли останки Назара, афганца-переводчика. Назар — имя афганское, вовсе не переименованное на русский лад. Был он совсем молодым человеком, лет двадцати пяти. Бесстрашно ходил по соседним селениям, агитировал за новую власть. Враги все-таки подловили его. Назар отправился на машине в Джелалабад и попал в засаду.

...Ревун поднял на ноги батальон глубокой ночью. Босвая тревога!

Командир батальона майор Махмудов объявил:

— В районе перевала Лаваргай обнаружена бандгруппа. Первой роте задача: настичь душманов, навязать им бой и уничтожить. Отношение к сдавшимся в плен — согласно международной конвенции. Соблюдать строго. Остальным ротам — боевая готовность.

И затем — как в песне: «И нас уже ведут по кораблям спасать народ афганский с толку сбитый».

На земле было еще темно, а в вышине, за изломами громадных гор, прямо на глазах светлело небо, просвеченное неяркими солнечными лучами. Вскоре показался и ломоть солнца, внизу уже просматривались ущелья, в глубине которых вились ниточки рек. Десантники Батычко сидели присмиревшие, каждый думал о чем-то своем. Тимура одолевала нервная зевота, и он смертельно боялся, чтобы товарищи не сочли это за трусость. К своему удивлению, он заметил, что и бывалые войны тоже нет-нет да и зевают. И тогда успокоился. Стал думать о Нине. Почему она не пишет?.. Почему?

Леша тоже думал о Нине, и тоже изредка позевывал, прикрывая рот ладонью. Они оба, тайно друг от друга, были неравнодушны к своей подруге. И оба, как истинные друзья, ждали, кому же она, наконец, отдаст предпочтение. Однако девушка вроде бы ничего не замечала. Прислала два письма, одно Тиму, другое — Леше, причем одновременно. Текст совершенно одинаковый! В одном: «Здравствуй, дорогой Леша!», в другом: «Здравствуй, дорогой Тим!».

И еще Леша думал о том, что рассвет, струящийся в иллюминаторы, необычный. Наступает тридцать первое декабря тысяча девятьсот восемьдесят второго года!.. Ну опять, как в песне: «В декабре зимы начало, в декабре дни рожденья есть. Для кого декабрь — начало, для кого лебединая песнь!» Что-то ждет меня и Тима?

Кроме отделения Батычко в «МИ-восьмом» летел также расчет АГС из отдельного гранатометного взвода батальона. Три здоровенных парня со своим «огнедышащим орудием труда» (почтительная характеристика автоматического станкового гранатомета, данная АГС Семеном Шпиртом), треногой для него и коробками с металлическими лентами, снаряженными гранатами, — тоже хранили суровое молчание.

...Вертолет заложил вираж и, урча, сделал несколько кругов над ущельем, в глубине которого зеленел небольшой кишлак, пошел на снижение. Раздался сигнал: подготовиться к десантированию!.. Наступили минуты особого напряжения нервов. У душманов имелись крупнокалиберные пулеметы, в том числе и ДШК, зенитные ракеты «Рэд ай» («Красный глаз»). По зависшему над местом десанта вертолету так удобно ударить!

Из-за неровностей десант-площадки и близких строений отделению пришлось прыгать с двухметровой высоты. Приземление оказалось жестким. Под тяжестью снаряжения Тимур и Леша больно ударились о каменистый грунт. Тут же вскочили. Подошли другие вертолеты. Рота десантировалась в общем нормально.

В кишлачке обнаружили двух древних стариков. Новый переводчик (взамен убитого бандитами Назара), быстроглазый парень в форме царандоя*, узнал от них, что отряд Джехансуза, который, по данным разведки, должен был проходить через это селение, не появлялся. Жителей кишлачка «борцы за веру» угнали еще неделю назад куда-то в сторону Пакистана. Только потому, что люди покинули родные очаги не протестуя, Джехансуз и не сжег этого жалкого кишлачка.

Два МИ-24 (вертолеты) взмыли ввысь с задачей обследовать местность в радиусе пятьдесят километров, попытаться обнаружить противника.

Вскоре прибыли вертолеты с афганскими десантниками. Семнадцать смуглых парней с офицером во главе, узнав, что Джехансуз с отрядом как в воду канул, не очень удивились. Их командир, неплохо говоривший по-русски, сказал капитану Смолянинову, что, очевидно, разведанные были ложными. В ХАДе и царандое еще не выявлены все притаившиеся враги. Надо полагать, Джехансуз умышленно подкинул «липу», а сам сей-

* Царандой — войска внутренней службы.

час со своей бандой пробирается где-нибудь в другом месте.

— Скверно начинается Новый год, — вздохнул Смолянинов.

— У нас Новый год только в марте наступит, — улыбнулся афганец. — Но вас я, капитан, поздравляю. И огорчаться нечего. Потерь нет. Мои парни подыскивали все-таки подходящую посадочную площадку. Сядем на вертушки, вернемся в расположение частей и отметите ваш тысяча девятьсот восемьдесят третий год.

— Вашими устами да мед бы пить. А что это за странное имя у бандита?.. Джехансуз?

— Главарь банды присвоил себе прозвище древнего правителя Аллауддина Хусейна, прозванного так за то, что он, взяв приступом город Газни, сжег его и разрушил до основания. Джехансуз — Сжигатель Вселенной!.. Громко звучит.

Вертолеты, однако, не прилетели. По радиации передали приказ: возвращаться по горным тропам своим ходом, возможно, бандгруппа все же где-то встретится. Дать бой и уничтожить.

Лешка с Тимом, разочарованные неудачей, сидели на больших ноздреватых камнях, в изобилии разбросанных на берегу пересохшей горной речки. В ущелье дул пронизывающий сквозняк. Январь пришел, а снега нет. И небо по-весеннему голубое. Все какое-то странное, чужое.

Друзья, видимо, думали об одном и том же, ибо, не сговариваясь, стали напевать вполголоса песню, положенную неизвестными авторами-воинами (для контраста) на мотив душещипательного романса. Но слова были другие — честные, суровые: «Здесь под небом чужим, под чужим небосклоном и чужой горизонт, и чужая земля...»

— А-а-атставить! — послышался голос Батычко. — Чего в плаксивость ударились? Радоваться надо: все живы и здоровы. Правда, рядовой Руднев при десантировании нос себе расквасил. Так это вроде как ранение. И вообще... Запомните старое солдатское правило: ни от чего не отказываться и ни на что не запрашиваться!.. Задача ясна? То-то.

Возвращались назад по горным тропам. Отделение Батычко шло в головном дозоре. Василий то и дело напоминал:

— Смотреть в оба. В оба смотреть. Душманый (он,

надо полагать, чтобы как-то унижить мятежников, проносил «душмань», с ударением на конце)... Душмань мастера маскироваться. Дистанцию держать четыре шага друг от друга. С тропы не сходить. Не жаться!

Заночевали в брошенном кишлаке. Сплешь глиняные заборы (дувалы), из-за которых изредка выглядывает гумбад — куполообразная крыша глинобитной хижины. И, разумеется, мечеть с крохотным минаретиком. Собственно говоря, это был не брошенный кишлак, а покинутый обитателями хель — поселение, в котором зимуют чочевники.

Кто-то из ребят отыскал в подвале муллу со склеротическим румянцем на скулах и мальчишку лет пятнадцати в замызганном «шоли»*. Грязные, когда-то белые, штаны с низкой мотней. На босых ногах нечто вроде сандалий, сплетенных из листьев карликовой пальмы. Мальчишка был худ, с выпирающими ключицами. Глаза мальчишки пылали ненавистью.

— Ты-то что волком смотришь? — покачал головой добряк Батычко и протянул мальчишке армейский сухарь. — Заморочили тебе, бедолаге, голову разные мулы и ишаны, а?

Мальчишка сверкнул глазами и резко ударил по руке Батычко. Сухарь отлетел в сторону.

— Эк тебя!.. — Василий нагнулся, чтобы поднять сухарь, и тут произошло неожиданное: мальчишка с рычанием кинулся на отделенного, в руке звереныша сверкнул нож... Гулко прогрохотала в подвале мечети запоздалая очередь, — фанатик успел нанести удар ножом в шею Василя. Опомнившись, всем отделением бросились на раненного в ногу звереныша, на муллу. Розовощекий старик пискливо кричал: «Дуст!.. Дуст, шурави!.. Дуст». Мальчишка рычал по-звериному, кусался, но вскоре затих, потерял сознание.

Тим стоял бледный, выронив из рук автомат, и мелко дрожал.

— Эт-то... Я... Я его...

Лешка тоже был потрясен. Нищий пацан, голодный, худой — краше в гроб кладут!.. Василю ему сухарь протягивает, а этот гаденыш!.. Предательски... сзади...

Прибежал капитан медицинской службы Ельников,

* Шоли — верхняя одежда в виде плаща без рукавов или покрывала, правый конец которого закидывается на левое плечо.

вместе с санинструктором оказал первую помощь. Однако состояние Василия было тяжелое: фанатик повредил сонную артерию. Вызвали «вертушку». Час спустя МИ-8 завис над карнизом, спустил конец с закрепленным брезентовым мешком. Уложили в него Василия, подняли в «вертушку». Затем так же подняли визжащего от страха муллу и мальчишку-смертника. Вертолет улетел.

Капитан Смолянинов сказал:

— Не распускаться. Выполнять поставленную задачу.

Когда до расположения части оставался всего один переход, рота все же попала в засаду. Разгорелся суматошный ночной бой. По небольшой горной площадке, на которой расположилась рота на отдых, откуда-то из-за пригорка ударили минометы, в кромешной тьме засверкали разноцветные трассы автоматных и пулеметных очередей. Командир приказал занять круговую оборону. Смолянинов вызвал «МИ-двадцать четвертые». Вскоре в темном предрассветном небе загудели боевые вертолеты. Рота обозначила свое расположение ракетами, «крокодилы», постреливая тепловыми имитаторами (они дезориентируют ракеты «Рэд ай»), сбросили осветительные бомбы и начали обработку позиций душманов ракетами.

Это было впечатляющее зрелище. Обвальная грохот взрывов, громадные всполохи пламени; ракетные удары наносились на таком близком от десантников расстоянии, что ракетные и каменные осколки свистели над их головами. Душманы попрятались в каменные норы, их огонь мигом прекратился. «Вертушки» улетели. Капитан Смолянинов подал команду на прорыв, но тут же с противоположной стороны ущелья заработал пулемет «духов». Уже окончательно рассвело, и было видно, как на узкой горной дорожке вскипают фонтанчики. Вот она — горная война: один пулемет — и целая рота ничего не может с ним поделаться!

— «Американец» лупит, — определил по звуку выстрелов командир взвода старший лейтенант Романцов, — «Эм — шестьдесят». Сейчас в самый раз нашему агезу потрудиться.

И будто послушавшись командира взвода, ударили по пулеметному гнезду агезовцы. «Американец» заткнулся. Однако, как только первый взвод попытался прорваться к дороге, вновь полоснул длинной гулкой очередью. Десантники залегли. Проклятый пулемет на-

ходил в пещере, и, очевидно, «духи», едва начинал стрелять АГС, оттащивали его в глубину пещеры, в укрытие.

Ротный все же нашел выход из, казалось бы, безвыходного положения. Под прикрытием очередей АГС рота повзводно сумела проскочить на дорогу и укрыться за камнями и расщелинами. Путь был открыт. Но оставались отрезанными расчет АГС с отделением прикрытия. А тут еще и «духи» опомнились после ракетных ударов, вновь открыли плотный огонь.

Лорд обратился к взводному Романцову:

— Разрешите, товарищ старший лейтенант.

— Что — разрешите?

Романцов был образцовым военным. Совсем еще молодой, с румянцем во всю щеку, он с каким-то особым шиком носил камуфлированную форму, и сейчас, лежа в сырой расщелине, досадовал на то, что изрядно испачкался. Мастер спорта по самбо, инструктор-парашютист, Миша Романцов, казалось, не ведал, что такое страх. Уходя в рейды, всегда надевал трофейные каскетные перчатки — предмет зависти многих десантников. Перчатки эти были без «пальцев», с круглыми отверстиями на ладони и тыльной стороны кисти. По ребру ладони — металлическая прокладка, а там, где пальцы соединяются с кистью, — стальные шипы: незамеченное оружие в рукопашном бою.

— Так разрешите? — повторил Лорд. И пояснил: — Я по-максимовски, ладно? Противотанковую в ручку — и айда на горку. Ротного попросите, чтобы побольше огня, дымовую шашку для украшения пейзажа.

— Капитан «крокодилов» вызвал.

— Да не достанут они ракетами. Пещера, видимо, глубокая. Чтобы в нее угодить, нужно спуститься в ущелье, зависнуть напротив пещеры... А «духи» разве дремать будут? Мигом собыют.

Так и вышло, как предсказал Лорд. «МИ-двадцать четвертые» не сумели подавить огневую точку. Правда, они помогли ракетными ударами — огонь противника стал пожиже. И все же десанникам, отрезанным от роты, приходилось туго.

Романцов после некоторого раздумья, перебежками, перекатами проскочил к капитану, доложил о замысле Лорда. Смолянинов тоже не сразу решился — почти на верную смерть идет парень! Но ведь не оставлять

же на произвол судьбы агеевцев и отделение прикрытия!.. Поколебавшись, махнул Лорду рукой, мол, действуй!

— Вах! — обрадовался Давид и, стараясь перекрыть грохот стрельбы и эха, повторяющего многократно каждый выстрел, заорал: — Эй, биджо!.. Кто смелый, а?.. Прикрыть меня!

Леша дернулся было, но тут же сник. Он на миг представил себя мишенью, и у него заныло где-то в глубине живота. Глянул на лежавшего за большим угловатым камнем друга, — Тим криво улыбнулся, неловко, срывающимися пальцами, стал вытаскивать два смотанных изолентой магазина для автомата. Начальство почему-то не поощряло такую «рационализацию» (связывание двух магазинов), но и не очень уж замечало «нарушение».

«Тоже не решается! — подумал Лешка, и ему почему-то стало немного легче. — Однако кто-то ведь должен помочь Лорду?.. Один он не сможет спуститься в ущелье. Проклятая пулеметная точка...»

И тут он увидел, как к Лорду подполз Семен Шпирт, беззвучно проорал ему что-то в ухо. Обернулся, помахал рукой и улыбнулся. Губы его шевелились. «Наверно, — решил Леша, — повторяет свою любимую присказку: «А чо, джентльмены, мне смерти пугаться? Одессу я уже видел!..»

Оба смельчака ящерицами поползли к обрыву. Откуда-то у них появилась альпинистская нейлоновая веревка. Парни привязали один конец к огромному валуну. Семен встал почти во весь рост, прикрытый от огня «духов» валуном, и, по-альпинистски, пропуская веревку руками через левое плечо и спину, стал страховать спуск скрывшегося за обрывом Лорда.

Алексей позабыв об опасности, высунулся из-за камня, (чтобы лучше видеть, как там Семен управляется с веревкой) — и тут же в нескольких сантиметрах ударила автоматная очередь, с визгом отрикошетила пули. Лешка отпрянул, прижался щекой к стылой земле. Сердце готово было выскочить из груди, прямо-таки рвалось наружу!

...Начинало светать. В трех шагах, тоже за камнем, лежал Тимур. Он был бледен, однако старался держаться. И даже подмигнул другу. Но вышло это у него натуженно, деревянно как-то. Оба вели огонь торопливо. Леша из РПГ, а когда кончились гранаты, из авто-

матического пистолета Стечкина. Тим — из автомата. Тоже как-то очень быстро расстреляли боезапас. Изрядно сконфуженные, принялись снаряжать пустые обоймы. Стреляли теперь прицельно, экономно, высматривая, откуда летят плохо видимые в наступившем рассвете трассы.

На какое-то время даже забыли о Лорде и Семене. А когда вспомнили — похолодели от ужаса: Семен лежал возле валуна в луже крови. Лежал ничком, судорожно сжимая в руках закинутую за спину веревку. Не сговариваясь, друзья отчаянным броском проскочили к раненому, Тим перевернул Сему на спину, вытащил из нарукавного кармашка индивидуальный пакет.

Семен отрицательно качнул головой, губы его зашевелились, и Тимур скорее догадался, чем услышал заглушаемые грохотом боя слова:

— Не надо... Не надо понапрасну тратить бинты.

Семен потерял сознание. Тимур, то и дело роняя бинт, как мог, перевязал рану и бросился помогать Леше.

— Назад! — по-лошадиному замотал головой Алексей. — Все!.. Веревка без груза. Нету Давида!

— Убили?!

— Не знаю... Нету!

В ущелье то стелилась книзу, то вздымалась вверх ключьями разгоняемая ветром дымовая завеса, поставленная по приказу Смолянинова для прикрытия Лордкипанидзе. Лишь зная, что где-то там, на противоположной стороне ущелья, карабкается по обрывистому склону отважный воин, можно было заметить почти незаметное для глаза движение — вроде как камни и фригана (колючий кустарник) оживают и движутся по круче... Потом замрут... И опять движутся, то возникая, то исчезая в дыму. А вокруг рвались мины, вскипали дымные строчки, словно невидимый великан стегал по склону гигантским бичом.

Однако «камни» и «фригана» неспешно, с перерывами, но упорно продолжали карабкаться вверх, к пещере с пулеметом-«американцем».

— Во дает Лорд! — восторженно вскричал Тимур.

Душа парня переполнилась восторгом, и сразу куда-то исчез, испарился страх. Он находился в таком состоянии духа, когда человеку, как говорится, море по колено.

— Я!.. — крикнул Тим, надрываясь. — Я следом пойду... Если что!

— Типун тебе на язык! — проорал в ответ Лешка. — Видишь... Он уже приближается!..

В самом деле, до пещеры, откуда бил «М-60», оставалось совсем недалеко. Пожалуй, в пещере работали попеременно два пулемета—не мог же один непрерывно стрелять, не раскалив ствола.

Подполз исполняющий обязанности отделенного Иса Карабашев.

— Капитан сказал, «беэмдешки» к нам идут. Теперь дадим «духам» прикурить! — подобрался к Семену, заглянул в лицо, припал к груди... Выругался по-узбекски. — Какого йигита убили!.. Сволочи!

Семен Шпирт лежал навзничь, будто спал. Веснушчатое лицо его не было искажено гримасой страдания. Просто прилег парнишка, отдыхает. «У солдата вечность впереди...»

Между тем Лорд, замерев возле пещеры, откуда непрерывно бил пулемет, медлил с броском. Было видно, что невозможно ему швырнуть гранату в пещеру — зев ее, полыхающий судорожными вспышками, выступал над кручей. Неужели воин зря пошел на смертельный риск?.. Давид стал карабкаться, стараясь обойти пещеру сбоку. Может быть, он заметил замаскированный вход?.. Так и есть!.. Через несколько минут раздался глухой взрыв, из пасти пещеры вылетел густой клуб дыма и пыли. И разом заткнулся пулемет.

— Урааа! — заорали Тим и Лешка.—Спекся, гад! — и тут же осеклись: словно обухом по голове ударила страшная мысль: «Он швырнул гранату, проникнув в пещеру... Противотанковую гранату! Это — верная смерть!»

На юго-западе, из-за ближней горной цепи взлетели ракеты, рассыпавшиеся разноцветными огоньками.

— Наши! — вскричал Карабашев и, от переполнявших его чувств, хлопнул Тимура кулаком по спине. — Аааа!.. «Духи», теперь держись!

...Из-за поворота горного серпантина выползла приземистая «броня», ударила из скорострельной пушки.

За первой БМД, урча мотором, показалась другая, третья... Десять машин! С десантом. Они прорвались на горную площадку и открыли ураганный огонь из «громов» и курсовых пулеметов. Тим и Леша решили, что теперь-то рогный прикажет атаковать душманов.

Однако приказ был другой: «Держать оборону, вести интенсивный огонь».

Послышался гул вертолетных двигателей. Но «вертушки» прошли справа и слева, скрылись за горным хребтом. Может, не увидели?

Вскоре где-то за вершинами, где исчезли «МИ-восьмые», загрохотал бой. Вот, оказывается, что!.. В тыл «духам» выброшен вертолетный десант. Об этом сообщил командир взвода старший лейтенант Романцов. Наши и афганские десантники заняли все проходы и тропки, так что «духи», пытавшиеся окружить и уничтожить роту Смолянинова, сами оказались в ловушке. С новой силой заработали «громы», сорвались со своих установок ПТУРЫ, поражая дальние цели. И тогда раздалась, наконец, команда: «В атаку!».

Леша и Тимур, оскальзываясь на острых камнях, задыхаясь от напряжения и тяжело дыша, стали карабкаться на высотку с вершиной в виде зазубренного серпа. Оттуда доносились устрашающие вопли «духов», бил гранатомет и сыпались ружейно-автоматные очереди.

Как-то разом, без команды, рота залегла. Кто в ямке укрылся, кто за камнем, а то и за кустиком. Снизу, задрвав ствол на предельный угол, ударил «гром». Лешка глянул на броню и внутренне ахнул: из кустов выскочил «дух» с советским РПГ в руках и, издавая дикие вопли, почти в упор выстрелил в борт «брони». Сверкнул красно-белый сноп пламени. Боевая машина дернулась, как живое, тяжело раненное существо, и замерла. Заструился легкий дымок, затем показались язычки огня, и вскоре на месте БМД пылал огромный чадный костер.

Тут же, на месте, смертник был изрешечен, но свое черное дело он все же успел сделать. Леша вспомнил Батычко: «Понмейте в виду, салажата: БМД — машина классная. Нашему отделению положено внутри находиться, за броней. Но в горах, когда из любой щели или из-за кустов может выскочить обалдуй ихвани и ударить из гранатомета, — тогда БМД расшифровывается невесело — Братская Могила Десанта. Перед кумулятивной гранатой какая броня устоит? А потому, голуби, чтобы вас лопатой внутрих не соскребали, безопаснее располагаться на броне, как когда-то наши дедушки мудро поступали. Оно, конечно, в те стародавние времена и боевых машин десанта не было, а в тан-

ках имелись свои экипажи. Поневоле сядешь на броню... Короче говоря, поймите в виду мои слова».

Плотный ружейно-автоматный огонь не давал поднять головы. Но вскоре, издавая специфический рокот, на «духов» обрушили ракетный удар прилетевшие на помощь два стремительных «крокодила».

Дым, пыль и огненные всполохи окутали высоту. Один «МИ-двадцать четвертый», отработав ракетный боезапас, отвалил в сторону и ушел с набором высоты, другой вдруг как-то странно качнулся и, размашисто мотая хвостовой частью, стал резко снижаться, оставляя за собой в прозрачном утреннем небе густой дымный шлейф. Видимо, летчик был ранен и из последних сил старался спасти машину — падала она не стремительно. И, возможно, все бы обошлось. Однако злой рок преследовал экипаж.

МИ-24 упал на крутой каменистый склон горы. Со скрежетом и треском разлетелся несущий винт, боевая машина, похожая на какое-то доисторическое животное, кувыряясь, разваливаясь от ударов о камни, покатила вниз и рухнула в ущелье.

Что происходило затем, ни Тим, ни Лешка толком не запомнили. Все смешалось в их сознании. Вдруг стих грохот боя... Яростные матюки десантников, дикие, пещерные вопли, переходящие в визг, «духов»... Началась рукопашная. Раздавались лишь отдельные выстрелы... Лязг оружия, вскрики и протяжные стоны...

Позже, когда все кончилось, оба новичка никак не могли вспомнить, как поднялись в атаку, как очутились на бугристой площадке возле серповидной вершины?.. Одно врезалось в память на века вечные: из-за куста выскочил бородатый душман в развевающейся на ветру накидке-шоли. В левой руке бородатый держал за пистолетную рукоятку американскую автоматическую винтовку М16, дулом вниз — показывая этим, что сдается. Душман отшвырнул винтовку и закричал пронзительно и хрипло: «Дуст!.. Шурави дуст!..» Новички бросились было к нему, чтобы пленить, но тут же послышался надрывный крик: «Назад!.. Ложись!..»

Тимур и Леша отпрянули, рухнули на острые камни. И вовремя. Душман выпростал из шоли правую руку, и в лучах утреннего солнца блеснула граната!.. Стрекотнула автоматная очередь, смертник-ихвани, рывнув по-звериному, схватился за живот, и тут же громынул взрыв!..

Кто спас Тима и Лешку от верной смерти, так и осталось неизвестно.

А дальше — опять путаница в сознании...

Лешка очнулся, когда отгремели последние выстрелы и взрывы. Услышал голос командира взвода Романцова:

— Молодчина, Руднев, — голос старшего лейтенанта был очень уж ласково-странный, неестественный. — Стой спокойно... Та-а-к!..

Романцов подошел вплотную и вдруг цепко, обеими руками сжал кисть парня.

— А теперь, Алеша, подойдем к обрыву... Отлично... Отдай мне эту игрушку, пожалуйста.

Все еще возбужденный боем, не полностью пришедший в себя, не отдышавшийся, Лешка взглянул на свою руку, намертво схваченную командиром взвода — и похолодел: он сжимал в кулаке гранату... с выдернутой предохранительной чекой!

— Ну отдай... Отдай ее, Лешенька! — ласково упрашивал строгий уставник старший лейтенант Романцов.

— Отдай, Лешк! — жалобно попросил Тим. — Ее же теперь, собаку, обязательно кинуть надо... Или швырни в обрыв...

Сознание Алексея заработало вдруг очень четко, подмечая всякие мельчайшие детали. Держал он гранату правильно, как учили, в правой руке, наружным рычагом от себя.

— С-с-с... Сам... к-к-кину...

Пальцы его, сжимающие гранату, свело судорогой.

Взводный стал аккуратно отгибать его пальцы, приговаривая, вроде бы в шутку:

— Ворона-сорока... Первому дала... второму... А маленькому...

И тут граната выпала из руки Лешки и скатилась в ямку. Лешка рванулся к смертоносному «яйцу», но офицер тоже бросился, они столкнулись, упали, а тут еще Тим, заорав по-вратарски: «Беру!», вмешался... Все же старший лейтенант, изловчился, схватил «лимонку», в последнюю секунду отшвырнул, и она рванула уже за краем обрыва.

Некоторое время все трое лежали неподвижно, не веря, что игра в «кошки-мышки» со смертью кончилась. Наконец Романцов сказал, поднимаясь с земли:

— Прав Козьма Прутков: иногда усердие рассудок превозмогает! Что мы сейчас и доказали.

— Да я... — залепетал Лешка. — Сам не знаю... Пальцы свело.

— Лешк, а Лешк, — сосрился Тим, — ты в какой душманской банде состоишь? Спасибо товарищу командиру...

— Рядовой Бахрами! — одернул его старший лейтенант. — Прекратить неуместный юмор.

— Есть прекратить!

— Простите меня, товарищ командир... — тихо произнес Лешка. — Сам не знаю, как получилось.

— Пустяки. Бывает с непривычки. Все хорошо, что хорошо кончается. А вот когда я курсантом был, для лейтенанта Ефремова аналогичная ситуация кончилась печально. Извините, что вынужден был расквасить вам нос.

— Нос? — удивился Лешка, и только сейчас ощутил в носу лому и струйку крови, стекающую с губы.—А... это?.. Спасибо вам, товарищ гвардии старший лейтенант!

Тимур рассмеялся.

— Лешк, а Лешк, это ведь второй раз твоему носу досталось. Как говорится, бог тронцу любит!

На этот раз не удержался и Романцов, улыбнулся. Но все же одернул не в меру развеселившегося новичка.

СОЛДАТСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

...«Домой» (так ветераны называли расположение батальона) возвращались усталые, измотанные. Радость победы омрачала горечь утрат. Пал смертью героя славный парень Семен со смешной фамилией Шпирт. Он, видимо, страхуя спуск Лорда в ущелье, на секунду-другую выдвинулся из-за прикрывшего его большого камня и угодил на мушку снайпера. Тяжело ранен (и неизвестно, выживет ли!) командир отделения Василий Батычко. Оставалась пока неизвестной судьба Давида Лордкипанидзе — на поиски его ушла «вертушка», и пока сведений от нее не поступало. Рота понесла ощутимые потери.

На разборе проведенной операции капитан Смоляников нарисовал общую картину рейда. Убедившись в том, что разведанные о бандгруппе Джехансуза оказались ложными, командование пришло к выводу: душманское формирование, видимо, уже усело про-

скочить кишлак, намеченный для вертолетного десанта. Значит, банду надо искать где-то в глубине, в горах. Джехансуз, конечно же, попытается в свою очередь устроить засаду возвращающейся назад горными тропами роте. На этом и было решено подловить Джехансуза.

— Вот и все, товарищи войны,—закончил сообщение капитан. — Остальное вам хорошо известно. Рота действовала умело, напористо. Новички, правда, поначалу несколько суетились, понапрасну жгли боезапас. Но затем вроде освоились. Воевать, надеюсь, будут нормально. Особо отличившихся воинов командование батальона представляет к боевым наградам. Все. Благодарю за добросовестное исполнение воинского долга.

Рота дружно громыхнула: «Служу Советскому Союзу!» Капитан Смолянинов спросил:

— Вопросы есть?

— Разрешите, товарищ гвардии капитан? — не выдержал Тим. — Выходит, наша рота была вроде приманки?

— Выходит, что так, была. Вторая и третья роты, афганские десантники перекрыли все горные тропы и погнали голворезов Джехансуза на нас. Бандгруппа могла выскользнуть лишь по дороге, которую мы и удерживали.

Капитан помолчал. Добавил:

— Понимаю, о чем вы хотите спросить. К сожалению, главарю банды удалось ускользнуть. Однако бандитское формирование разгромлено ценою жизней трех молодых парней, победа оплачена кровью раненых наших товарищей. Это правда. Но что поделаешь? Войны без потерь не бывает. Сурова правда, но — правда.

— Нашли рядового Лордкипанидзе?.. Что с сержантом Батычко? — это Карабашев спросил.

— Могу обрадовать: рядовой Лордкипанидзе не разорван в клочья противотанковой гранатой, как можно было бы предположить. У лаза в пещеру было углубление, нечто вроде окопа. Из него десантник-герой и швырнул гранату. Но, конечно, взрывной волной его все же крепко ударило. Контужен, и довольно тяжело. Но врачи говорят: жить будет!

Рота издала вздох облегчения.

— А вот с сержантом Батычко посложнее. Глупый

мальчишка, одурманенный религиозными фанатиками, нанес предательский удар! Батычко пожалел его, голодного, бездомного, сухарь солдатский протянул... От души... А он... Короче говоря, сержант находится в окружном госпитале. Врачи делают все возможное.

...Тимур, Леша, Степа Ротару и Иса сидели на усыпанном галькой берегу пересохшей на зиму горной речки и припоминали перипетии боя. Затем незаметно перешли к рассказам о «довоенной» жизни. Иса, ташкентец родом, мечтательно произнес:

— Кто в Ташкенте не был — ничего в жизни не видал! Зелени сколько, парков!.. А какие красивые дома, проспекты!.. Семен... — он запнулся и заговорил почему-то шепотом: — Семен свою Одессу хвалил. «Кто Одессу повидал, тому умирать не страшно!» — Но и Ташкент тоже...

— Семен не только хвалил Одессу, — перебил Ротару. — Он еще сердился на нее, говорил, что в Одессе всякой нечисти хватает. Спекулянты, торгаши заграничными шмотками, дельцы разные...

— Жуликов и мерзавцев везде без дефицита, — согласно кивнул Тим. — У нас в Байрамкенте даже миллионеры имеются. В изрядном количестве.

— Ну уж! — усомнился Степа.

Тимур с Лешей наперебой стали рассказывать о байрамкентских «мафиози» — о Рапо-хане, Льве-Шербекке, областном прокуроре Ширинходжаеве, о «блюстителе порядка» Хамдамове, других негодях.

Карабашев и Ротару слушали их, разинув рты. И вдруг Иса воскликнул:

— Сема-брат... Двадцать лет не жил! Герой был. Зачем умирал? Советских миллионеров спасать, да?

Иса прекрасно говорил по-русски, но когда горячился (такое случалось редко), у него появлялся и восточный выговор, и милые неправильности в произношении слов, отчего речь его становилась, как это ни удивительно, более впечатляющей.

Леша похлопал по плечу Ису.

— Успокойся, парень. Семен Шпирт погиб как герой. Он за хороших людей сражался.

— Сам знаю. Ты, дустым, агитацию не разводи. Прошлый год рану получил. Доктор говорит: «Может быть, тебя оставить в Союзе? Спокойно дослужить?» Я рассердился, кричу: «Афганистан пойду! Все друзья там.

Которые погибли, калек стал... За них воевать!.. И вот видишь, я здесь. Ты сам виноват, Алишерджан (Так Иса на узбекский лад называл Алешу), Тимурджан тоже. Рассказали про байрамкентские бай, ханы, которые партийный билет на карман держат!... Деньги воруют... Взятки. На ворованные деньги «Жигули», «Волга» покупают... Совсем меня расстроили.

— По-твоему, кто «Жигуля» купил, тот обязательно вор? — подлил масла в огонь Тим.

— Так не говорю, зачем?.. Проверять надо. Государство плохо делает, всем машины дает, кто деньги имеет. Раньше спроси: «Откуда у тебя деньги?» Мой сосед, фамилия смешная — Палто его фамилия. Кто он?.. Игральные автоматы знаешь?.. Он их начальник. А деньги имеет больше. «Жигуль» себе купил, да. Сын есть. То же «Жигуля» своего гоняет. Сын ахмак, дурак совсем. Я вроде не дурак. У дурака джинсы двести рублей, пиджак кожаный — шестьсот, на пальце кольцо золотое. Дубленка-мубленка!.. Я умный — у меня ничего нет!.. Разве справедливо?

— Да черт с ним, с твоим соседом, — попытался успокоить товарища Степан Ротару.

— Ие!.. Зря, Степаджан, зря спокойно говоришь. У Палто ванная протекать стала. Палто-ата просит, Исаджан, почини, пожалуйста!.. Отказать совестно. Прихожу... Вай-вай!.. Кругом японские ковры, хрусталь!.. Ванная голубая. Даже унитаз югославский, в цветочках. Стереоманитофон японский, холодильник огромный, финский!.. Радиоаппаратура «Грюндиг», магнитофон «Шарп» с усилителями. Один фотоаппарат наш и то на экспорт, на загранка. Ихними буквами написано: «Никон».

Леша с Тимом рассмеялись.

— Фотоаппарат тоже заграничный, — пояснил Лешка.

— Да? — Иса не выдержал, улыбнулся. Он, как говорится, уже спустил пар, несколько успокоился и заговорил теперь спокойнее. — Стыдно вспоминать. Мне бы сказать в глаза бестыжие этим... которые Палто: «Жулики вы, — сказать: — Мошенники!» А я постеснялся. Только и осмелился спросить, мол, откуда у вас столько хороших вещей?.. Палто-старший смеется, говорит: «Хочешь жить — умей крутиться!» — Иса помолчал и добавил со вздохом: — Червонец мне за работу давал. Я не взял. Соседи все же,

— Вот и выходит, — подзадорил Ротару, — что ты поощряешь паразитов.

— Выходит, да, — согласился Иса. — Я до армии просто думал. Слышал, что жулики есть, но не видел. В газетах все писали: ух, до чего мы все хорошо живем! Я верил. Это негодяй Палто, думал я, редкость и скоро в тюрьму попадет. Думал, что он, как люди говорили, «жигъ умеет». А я, мой отец, мама не умеем жить. На кондитерской фабрике я больших воров не видал. Один дядя Миша, грузчик, был. И тот не вор, а несун. Хитрый такой! Поллитра хлопкового масла выпьет и идет через проходную, вроде ему нужно по делу. За углом масло отрыгнет в баллон и возвращается. И так раза три-четыре за смену. Однажды попался — стошнило его как раз в проходной, не удержал в себе масло. Товарищеский суд собрался. А чем докажешь? Дядя Миша говорит: «Дома не кушал, есть захотел — масло пил. Разве это воровство?» Весь суд, все рабочие смеялись. Сказали, чтобы дядя Миша в цирк шел выступать. Но он на фабрике остался. Вот.

Леша спросил:

— Иса, отчего так? По-русски хорошо говоришь, а как волноваться начинаешь, — вроде другой парень за тебя толкует?

— Когда спокойный, — слова в уме подбираю, складываю, а потом говорю. А если в душе волнение, я не слежу за тем, как говорю. Не научился еще думать по-русски. А что, понять меня не можешь?

— Да нет, все понятно, даже как-то по-особенному хорошо получается. Убедительно. Ты прав, мы вот с Тимом тоже долгое время думали легкомысленно. А не так давно сообразили наконец, что хватит нам против того, что в нашем городе подлого и несправедливого, — гитарным бряканьем отделяется да поступками типа «Пощечина общественному вкусу».

— Как это? — не понял Иса.

— Лешка про хиппеж толкует.

— А-а-а, теперь понял. Правильно решили. А то ведь как получается?.. Одни хиппуют, а другие воруют! И еще корчат воруя из себя защитников советской власти, блюстителей чистоты идеалов. В газетах пишут: яшасун-ура!.. Все хорошо, прекрасно. С каждым днем все зажиточнее и духовно богаче становится жизнь! Узбекские колхозники чуть ли не миллионерами стали. В каждой семье «Волга», «Москвич», «Жигули»... Вранье!

Иса вновь разволновался, и речь его потеряла грамматическую правильность, стала сбивчивой.

— Двоюродный брат, Абдували, на колхоз живет. Ташкент приезжал, жаловался. Да!.. Колхозники живут бедна. Марказий усадьба чиройлик... Кирасивы. Из обком приезжают, хвалят, из газет... Бригады взаимопроверка. Им той делают, дастархан! Денга минога на это бухают. Шашлык, плов, самса... Водка-коньяк пьют. Уезжают. Газета пишут: коммунизм в колхозе «Рассвет!»...

— Как ты сказал? — одновременно воскликнули Леша с Тимом.

— «Рассвет». Там ранс — председатель этот... Сабирджанов.

— В Хопмайлинском районе тоже «Рассвет» имеется.

— Этот, который мой брат, тоже Хопмайлинский район. Там райсом был страшный одам, Одилбай. Ему большой должность дали. Одилбай своего подхалима Сабирджана хитрого, вместо себя, райсом сделал. Сабирджан плов многа съел, холодный пиво пил, заворот кишки сделал. Ульды. Кончался. Теперь его сын, Вакил Сабирджанов колхоз райсы, председатель. Ой, плут большой! Жулик. Очковтиратель, да!.. Вор. Миллионер!..

Иса даже зубами скрипнул от злости. Замолчал. Помалкивали и его товарищи. Леша вздохнул, потянулся за лежащей на мелкой гальке гитарой. Взял несколько грустных аккордов. Запел вполголоса.

Труба, труба, труба, трубит,

Труба трубит: «Отбой!»

А ты лежишь, а ты убит —

К чему спешить домой?..

И пусть труба себе трубит,

Зовет кого-то в путь.

А у тебя семь дыр в груди —

Ты можешь отдохнуть.

Ты не был дома столько лет! —

Вдове не привыкать..

— Брось, Лешк, тоску наводить,— Тим взял гитару за гриф, потянул к себе. — Да и песня эта не из афганского сериала. Давай настоящую, нашу, десантурную.— И ударил по струнам, запел утрированно хриплым голосом:

Нам сказали: «Там на дороге мины!»
Нам сказали: «Вас засада ждет!..»
Но опять ревут бронемашинны
И колонна движется вперед!..

Закончив боевую песню, в которой описывалось сражение с «духами», пытавшимися заманить батальон в ловушку, вчетвером исполнили развеселую шуточную песенку «Как у нас в селенье Чаквардак» — про афганскую девушку, влюбившуюся в светловолосого красавца. («Как взглянула я на шурави, так в душе запели соловьи, позабыла стыд и шарият, говорю: «Пойдем ко мне, солдат!»).

Парни повеселели. Спели еще «Ох, уж эта мне дорога на Газни!», «Сидят друзья с бутылкой кишмишовки», «Ты заставь нам столы маслом сливочным», другие «фольклорные» сочинения. А затем Тим вдруг начал:

Кому-то коньячок и осетринка
И пива охлажденного бокал..

Вдруг он оборвал пение и отложил гитару в сторону. Произнес, стукнув в сердцах кулаком по колену:

— Вот уж действительно, кому — что!.. Заметили, ребята, что в нашей роте, да и в батальоне тоже, хоть бы один-разъединственный «сачок» обнаружился?

— Чего захотел! — улыбнулся Степа Ротару. — «Сачки» публика нервная, впечатлительная. Здоровье свое очень бережет. Некоторые даже от армии умудряются увильнуть.

— Точно, — поддержал его Тим. — С нами в классе учились сынок «бугра» Бабур Хамдамов и отпрыск первостатейного махера Робка Шакалис. У обоих врачи обнаружили какие-то тяжкие хвори, не позволяющие служить. Дубари-«экстра», а оба сейчас на юридическом факультете. Можно себе представить, какие это будут хранители порядка и законности! Они-то и попивают нынче коньячок, закусывая осетринкой.

— А я им не завидую, — сказал Иса.

— Я тоже, — Тим отрицательно покачал головой. — Но мне противно. Мы с Лешкой сами на Афганистан напросились. Характер захотели закалить. Но как подумаешь, что где-то, не так уж далеко, ошиваются разные подонки, карьеру делают, ворованные деньги огребают лопатой и при этом красивые слова говорят!..

Автомат бы в руки—да и пошел бы чесать!.. Ничего выхода не вижу.

— Найдем выход, Тим, — молвил Лешка. — Можно и без автоматов.

— У этих ворюг власть, сила, законом они распоряжаются, как хотят! — Тим вскочил, с досады пнул тяжелым ботинком галечник. — Пытались уже отчаянные головы обойтись без автомата. Чем кончилось?

— Что-нибудь придумаем, Тим.

— В армии тоже не все хорошо, — решительно произнес Иса. — В июле на дембель пойду. Навидался. То же разные люди есть в армии. Хитрые есть. А есть отчаянные. Вот капитан Ельников. Он хирург, в санроте ему место. А он что, отсиживается в санроте? Совсем нет. С батальоном должен врач в рейды ходить, но не лазаретный, а батальонный. И что? Капитана Симаква убили, — так Ельников сам напросился. Ходил и летал в рейды, пока нового врача не прислали. Хош. Нового прислали — в третьем рейде на mine подорвался...

— Да, не повезло человеку, — сочувственно произнес Степа Ротару и вздохнул.—Ступню оторвало, кисть левой руки и лицо исковеркало мелкими осколками. Санинструктор, как увидел своего доктора, так чуть сознания от испуга не лишился. А капитан Войта, хотя и кровью истекал, а сознания не потерял. Даже успокаивал своего помощника, мол, не робей, а оказывай мне первую медицинскую помощь так, как я тебе говорю. Иначе я истеку кровью и помру. А этого мне не хочется.

— Эх, война! — с чувством воскликнул Иса. — Я в шестнадцати рейдах был. Раза три совсем не думал назад вернуться. А ранен всего один раз, да и то совсем легко, одно название — рана! Через две недели снова в строю. А доктора Войта!..

— Война — это вроде «Спортлото»: кому как повезет, — заметил Тим.

— Не скажи, — возразил Степа. — Конечно, везение штука полезная. Но трусоватому все же больше шансов откинуть тапки. Когда страх сознание мутит, не дает сориентироваться в обстановке, тогда — амбец! Это точно. В третьем взводе весной парень погиб. Возвращались мы с операции. Тот парень — Глебом его звали — замыкающим по тропе шел. Захотелось ему, сами знаете, по-маленькому. Сошел он с тропки, что, кетати ска-

зять, запрещено, приблизился к большому, в рост человека, обломку скалы и вдруг увидел: в кустах что-то блестит!.. Винтовочный ствол! Тут-то он и сплоховал. Сорвался с места и бежать. А как потом выяснилось, в кустах душман сидел. Снайпер. Ждал он нас, ждал, да и, притомившись ждать, заснул. Проснулся от шума. Приложился—и нету Глеба!.. Потом, конечно, «дух» кричал: «Шурави дуст!..» На допросе и рассказал, как все произошло.

— Да, — подтвердил Иса. — Жуткие иногда «духи» попадают. Прошлым летом взяли одного в плен, тяжело раненного. Вот-вот помрет. Переводчик, афганец по имени Заргун, наклонился к нему, что-то толкует, а «дух» ка-а-ак плюнет ему в лицо!.. Заргун заплакал. Мы тогда подумали: вот выдержка у человека!

— Еще какая, — согласился Лешка.

— Ты дальше послушай. Заргун плакать перестал. Снял с мертвого лунги... Чалму, значит. Размотал, выстирал, высушил. Потом замотал «духа» в нее — это так положено, чалмой тело обматывать, когда человек не дома умирает, — и похоронил. Ребята удивляются, спрашивают, чего это он так старается? А Заргун отвечает: «Это старший брат мой был, Асадулла».

Тим с Лешкой ахнули: ну и ну!

— Удивляться нечему, — сказал Степа. — Тут сплошь и рядом брат против брата, отец против сына воюют. Как у нас в гражданскую. Мы после этого совсем Заргуна зауважали. До чего идейный!..

— А на деле по-другому вышло, — вновь заговорил Иса. — Через неделю сбежал наш переводчик. А еще через полтора месяца, разгромив очередную банду, захватили мы в плен и «идейного» Заргуна. Оказывается, один из самых отъявленных главарей «духов», Гульбиддин его специально в ХАД внедрил. Кандидатура для ХАДа вроде подходящая: бедняк, отца-матери нет, брата, наврал, душманы убили. Два года был подсобником в геологической партии шурави, где и выучился говорить по-русски... А на самом деле вот каким фруктом оказался! Пленные утверждали, будто Гульбиддин и в самом деле в пакистанском банке немалые деньги на его имя положил. Только вот получать их некому.

Иса умолк. И все сидели, молчали. Подошел «помощник смерти» капитан Ельников.

— Чего приуныли, орлы? По «духам» соскучились?.. Да вы сидите, сидите. И я с вами, не возражаете?

— Разрешите спросить, товарищ гвардии...

— В неофициальной обстановке я Владимир Игоревич.

— Тов... Владимир Игоревич, — начал Тимур, — мы тут сидим и удивляемся: чего это доктор, которому в рейды ходить запрещено, всякий раз норовит в самое пекло, а?

— За боевой наградой охочусь, — отшутился капитан.

— Нет, правда?.. Понимаем, что не за наградой. Если высокое начальство узнает, что вы как рядовой десантник иной раз воюете, то вам не награду, а взыскание дадут.

— А вы меня не выдавайте — и все будет о'кей, — рассмеялся Ельников.

Это был сухопарый, рослый и широкоплечий молодой человек лет тридцати, русоволосый, с глубоко посаженными в орбиты серыми глазами. Несмотря на то, что он проявил себя прекрасным хирургом, офицеры батальона полушутя, а может, и серьезно утверждали, что «отчаянная клистирная трубка» Ельников неправильно выбрал себе профессию. Ему бы стать строевым офицером — он давно бы уже был полковником. Прирожденный вояка. Он ходил в рейды не только с парашютистами, но и с десантно-штурмовой группой, которой командовал его друг и тезка Владимир Степак. В одном из боев Ельников спас жизнь отчаянному капитану Сереже Микитину, причем, как все говорили, спас дважды. В ходе боя Микитин оказался отрезанным от батальона с горсткой солдат, вскоре получил тяжелейшее ранение в живот. Требовалась хоть какая-то первичная помощь. «Клистирная трубка» под драганным огнем прорвался к раненому, сделал свое дело. А когда «духи» с душераздирающими воплями юшли в атаку, лег за РПК, вместо убитого сержанта, и два часа отбивал атаки душманов. Все солдаты были ранены, и лишь доктор оставался, как заколдованный!

Сам знаменитый майор Энский пришел позжать руку доктору. Долго рассматривал его, как невидаль какую. Затем снял с руки золотые часы фирмы «Лонжин», оставшиеся ему от деда-генерала, и вручил смущенному капитану.

— Носи. Заслужил. Все равно орден тебе не светит.

— Зачем рейдирую, интересуетесь? — Ельников прищурил глаза. — Так и быть, открою тайну. — В детстве

трусаватым был. Вот и перевоспитываю себя по-маленьку.

— Нет, правда, без шуток?

— Морально подлечиваю господ офицеров. Бытует примета: убивают здесь либо в первом же бою, либо в последнем. Работой по специальности я, слава аллаху, не перегружен. Почти всех тяжей «вертушки» везут напрямик в крупные госпитали. У меня свободное время. Почему бы коллегам не помочь? В сентябре, например, узнаю, что у капитана Бланка через несколько дней истекает срок пребывания в сих райских кущах. Дома, в Киеве, ждет жена, двое мальчишек. А ему, так сказать, прощальный рейд в горы маячит! Я — к нему, стал упрашивать, уламывать: уступи, хочу прогуляться! Ну он, конечно, сперва ни в какую. Долг. Присяга!.. Но я все же уговорил. И как в воду глядел. БТРД*, на котором капитан Бланк обычно ездил, получил в борт сразу два гранатометных гостинца. А я на комбатовой броне отправился.

Так и не поняли десантники, шутит капитан или говорит серьезно.

Я же, автор, хорошо зная Ельникова, могу открыть его секрет.

Владимир окончил военно-медицинский факультет и убыл для прохождения службы на строительство БАМа. Вообще-то он после школы рвался в рязанское Воздушно-десантное военное училище. Однако родители воспротивились. Шекспир, кажется, сказал, что раздумья делают нас трусами. Я бы поправил Шекспира. Не обязательно трусами. Осторожными — да. А осторожность, хотя и отрицательное, но все же достоинство. Родители Володи заглядывали в далекое будущее. Они уже повидали на своем веку строевых офицеров, списанных по ранению или болезни из армии, — еще в общем не старых людей, заслуженных, в чинах, — становившихся вдруг комендантами общежитий, экспедиторами или преподающими науку, называемую в просторечии «Гроб»**.

И тогда папаша Владимира пошел на компромисс. Так, значит, не мыслишь жизни без армии? Согласен. Будь офицером. Но не строевиком. Знаешь, как еще Гомер мудро сказал?.. «Многих воителей славных стоит

* БТРД -- бронетранспортер десанта.

** «Гроб» — шутовское название спецкурса — «Гражданская оборона».

один врачеватель искусный». Стать военным врачом.

На том и порешили. И очутился лейтенант медицинской службы Ельников в глухомани, среди чахлай тайги и марей*. Даже самые разгильдяистые солдаты в «самоход» не ходят — некуда! Летом засаждает тасжный гнус, зимой морозы за пятьдесят градусов! И никакой перспективы в Европе оказаться**. Закончат БАМ — другую дорогу начнут.

Шесть лет таежной жизни! А Владимир имел душу флибустьера, испанского искателя приключений, эдакого Васьки Буслаева в ватаге новгородских ушкуйников.

Правда, поначалу скучать не пришлось. Батальон Ельникова прибыл в дебри «таежным десантом», — как обожали тогда писать журналисты. По колено, по пояс, по грудь в воде, оскальзываясь на травянистых кочках, покрывающих мари, солдаты и офицеры тащили табельное имущество, строительные материалы. Проложили бревенчатую дорогу — лежневку. Разбили палатки, утеплили их. Построили деревянный клуб, магазинчик военторга, поставили для офицеров вагончики, похожие на большие собачьи будки...

Поначалу даже весело было. Выходит лейтенант Ельников из вагончика поутру, а в десяти шагах от него сидит на дереве соболь! Или такой забавный случай... Прапорщик, заядлый рыбак, отправился на реку Биссу порыбачить на вечерней зорьке. Клев замечательный. И не какие-нибудь там ерши или уклейки на крючок лезут, а таймень, лосось, щука!.. Увлекся прапор... Вдруг кто-то его по плечу тихонько хлопнул. Оборачивается — и, о ужас! — медведь!!!

Как прапор с места сорвался, через временный мост перескочил и как в клубе очутился, где показывали фильм «Кавказская пленница», — он потом, сколько ни силился, объяснить не мог. Смеху было много. Особенно веселился лейтенант Ельников. А зимой сам несколько оскандалился. Шел с группой солдат по трассе; задача — медицинское обеспечение строителей.

Шагал себе лейтенант, проваливаясь по пояс в снег, и — нос к носу столкнулся с медведем-шатуном!

Несостоявшийся флибустьер ахнул и (тоже потом никак не мог объяснить) мигом очутился на дереве.

* Мари — таежные болота, дно которых устлано палыми листьями.

** «Европой» офицеры, служащие на Дальнем Востоке, называют территорию, лежащую западнее Уральского горного хребта.

Опомнился на толстом суку. Солдаты от неожиданности перепугались, бросились врассыпную. А медведь, тварюга злобная, нет чтобы уйти и оставить в покое медицину, — полез на дерево! Лейтенант вспомнил, что при нем же личное оружие. Сорвал рукавицу, стал вытаскивать из кобуры пистолет, да влопыхах нажал на пуговку магазинной защелки — обойма и выпала!.. А медведь, подлюга, — вот он уже, сопит, к суку приближается!

Еще секунда — и прыгнул бы лейтенант в снег, а там уж медведь разделался бы с ним в два счета!.. Но, к счастью, солдаты, наконец, опомнились. Вернулись на место происшествия и несколькими автоматными очередями, рискуя и лейтенанта срезать, утихомирили разбушевавшегося шатуна.

Однако давно уже известно, что «человек проходит как хозяин необъятной Родины своей». Причем хозяин довольно безалаберный. Прошло совсем немного времени, и разбежалось зверье, исчезли птицы. И даже деревья в военном городке стали засыхать, потому что вокруг деревьев заботливые хозяйственники насыпали земли вдоволь. (С большим трудом землю эту раздобыли в дальних местах). А деревья привыкли расти на марях, под которыми вечная мерзлота. У деревьев корни не вглубь растут, а в стороны. Земля им мешает. Оттого и стали засыхать деревья.

Исчезла «романтика трудных дорог», и никаких таких особых «запахов тайги» не обнаружилось. Вокруг все сплошь здоровые люди, молодые. Чего им болеть? Надоело Ельникову аппендиксами и чирьями пробавляться. И никакой перспективы оказаться в «Европе!» Закончат строительство БАМа, другую стройку поблизости начнут. Однако служил Ельников честно, рос в должностях, в званиях. Прошел путь от младшего врача батальона до старшего ординатора лазарета. Стал капитаном. Получил красивую медаль за участие в строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

А на душе несправимого искателя приключений грусть и печаль.

Когда же начались афганские события, Ельников, как боевой конь, стал рыть коньком землю. Написал один рапорт, второй, третий... Не отпускают. Почти два года всевал капитан за право повеселиться. И все же добился своего. Легко понять, что, прорвавшись, наконец,

в действующую часть, он не упускал случая порейдировать, полазать по горам, «черпануть от души острых ощущений».

Вот такова вкратце история капитана медслужбы Ельникова.

А десантникам, расположившимся на берегу высохшей горной речки, он в общем правду говорил. И в самом деле, была примета насчет первого и последнего боя. И никто не осуждал товарища, которому через два-три дня домой возвращаться, и он может согласиться, чтобы вместо него ушел в рейд его товарищ. Пройдет два года и нынешний «доброволец» также уступит свою очередь новому офицеру, желающему сверх положенного понюхать пороху. Новичок-то еще к примете уважением не проникся. Что касается Ельникова, то он чем-то напоминал подполковника Энского, видимо, полагая, что примета лично его вовсе не касается.

— Товарищ гвардии... Владимир Игоревич, — не унился Иса. — Я вот о чем вас спросить хочу. Можно?... Мы тут сидели, говорили. Я сказал: в армии тоже не все в порядке. Почему так?

— Что именно не в порядке?

— На «гражданке» воры развелись, так?

— Допустим.

— Именно, допустили, потому и развелись. А в армия... — Иса вновь разгорячился и стал говорить не совсем правильно по-русски. — В армия тоже... Воруны иесть!

— Да ну? — «сделал лицо» капитан. — Никак автомат в твоём отделении стибрили?... Или даже гранатомет?

— Вы шутите, а я серьезно... Мы в Ташкенте живем, через дорога другой дом иесть. Там прапорщик один. Здесь завклуб. Недавно на Ташкент совсем ушел. Кто он — какой-то завклуб, а? Но все время летал туда-туда, бумага разный возил. Отец пишет: прапорщик теперь «Волга» себе купил. «Шарп» привез, пять дубленок, другой заграничный шара-бара. Чеки много. Финский холодильник покупал, другой, третий вещь... Какой он прапорщик? Он спекулянт поганый!

— Знаю, о ком ты толкуешь. Как говорится, в семье не без урода. Прокуратура сейчас занимается его делишками. Получит свое, не беспокойся, — успокоил Ельников покрасневшего от гнева Ису.

— Джуда якши! Очень хорошо. Но ведь еще есть.

Даже анекдот слышал. Гульбиддин или какой другой бандитский курбаши... Главарь объявил: «Кто погоны и уши лейтенанта принесет — десять тысяч афгани плачу. За капитан — двадцать» и так далее. Один душман уши и погоны прапорщика принес, интенданта. Курбаши в гневе закричал: «Повесить негодяя! Он нашего кормильца убил!»

Анекдот был из разряда «деликатных», поэтому и слушатели посмеялись деликатно. А Ельников сказал: — Насчет таких анекдотов, гвардии Карабашев, рекомендую сократиться. Я его не слышал, ты его не рассказывал. К тому же ты теперь вроде командир отделения. Соответственно и держаться надо.

Даже самый скромный солдат в душе честолюбив. Ису задели вскользь сказанные слова: «вроде как командир отделения». Парень помрачнел, и это не ускользнуло от внимания капитана.

— Лордкипанидзе на поправку пошел. Счастливо, чертяка такой, отделался. Недели через три вернется в батальон.

Взрыв восторга нарушил тишину.

— Вот здорово!

— Ай да Лорд!..

— Он, наверное, из железа сделан. Молодец!

Однако капитан держал про запас совсем уж неожиданный сюрприз.

— Прошу не орать во все горло и не падать в дамский обморок. При ближайшем рассмотрении героический Семен Шпирт, оказывается, не был убит, как вы все, раззявы этакие, решили. Он находился в шоковом состоянии. Жизнь его, правда, держалась на волосочке, однако волосочек этот оказался крепеньким!

Новый взрыв ликования.

Капитан помолчал, тяжело, вздохнул. И промолвил тихо:

— А вот Батычко даже в окружном госпитале спасти не удалось. Славный был парень. И воин отменный. Офицером-десантником мечтал стать. И стал бы им. Обязательно! Если бы...

Ельников дрогнул голосом. Вновь помолчал. Потом произнес: •

— Песни, сочиненные «Каскадерами» и «Голубыми беретами», Батычко очень любил. Руднев и Бахрами, есть у вас что-нибудь новенькое?

— Есть про мистера Джексона. Только она, кажет-

ся, не из афганского фольклора. Ее войны особого рода сочинили. А может, даже и профессионалы. Но хорошая песня.

— Это про мистера-то?

— Про хорошего нашего человека.

— Тогда давайте.

Тимур и Леша начали негромко, как бы разговаривая, под аккомпанемент гитары:

В какой — безразлично! — стране заграничной,
В одном из огромных чужих городов
Живет неизвестный делец мистер Джексон —
Он Джексон, и он же — майор Иванов.

Чтоб быть в русле жизни, он делает бизнес,
Он враг коммунизма, он в общем аскет.
Как все за границей, он ходит молиться,
А где-то хранится его партбилет.

И не за награду и виллу с оградой
На риск каждым утром тот мистер идет.
А где-то в Ростове, а может, во Пскове,
А может, на Волге семья его ждет.

И может так статься, семье не дожидаться,
Когда он с работы вернется домой.
А просто однажды придут к ним и скажут:
«Он, долг выполняя, погиб как герой!..».

Отзвучали заключительные аккорды гитары. Офицер и десантники долго сидели молча. Каждый думал о своем. И все они поминали добрым словом честного парня Василия Батычко.

— Талантливый человек написал... — нарушил было молчание Ельников, и осекся.

Из-за недалежней горной гряды вдруг выметнулась стремительная дуга, донесся гул... Еще... Еще... В расположении части загрохотали взрывы.

— Ракетами шуруют, сволочи! — зло воскликнул, вставая, романтик-доктор. — Не забывают нас «духи». А ну — все по местам!... Необъявленная война продолжается.

МЕСЯЦ У «СВЯТОГО ЛАЗАРЯ»

В январе том «духи» вели себя довольно смиренно. Их гайные тропы, по которым они пробирались в наши тылы, завалило снегом. Да и холода в горах давали о себе знать. За месяц всего одно свидание с душманами, да и то мимолетное, скоротечное. В ущелье, по дну которого пролегла замерзшая на зиму горная речка Дараруд, рота капитана Смолянинова попала в засаду — из естественных пещер в каменных склонах ущелья загрохотали гранатометы и пулеметы. В бой ввязываться не было смысла. «Громы», АГС и АГБ ударили по зевам пещер и, прибавив ход, вышли из-под огня, потеряв концевой бронетранспортер*.

БМД сгорела. Однако экипаж, отстреливаясь, сумел пробиться к своим. Колонна продолжала движение. И лишь по дороге «домой» Тимур промолвил, кривя губы:

— Я, кажется, того... ранен.

— И я, кажется... — почему-то шепотом отозвался Леша.

Когда их зацепило, ребята не заметили. Едва душманы открыли огонь, десантники мгновенно соскочили с «броней», приготовились к отражению атаки. Спрыгивая с БМД и стремительно унав на острые камни, оба больно ушибли — Леша руку, Тим — ногу. Так им тогда показалось. Потом они почувствовали сильное жжение, разливающуюся боль и что-то теплое потекло. К горлу подкатила тошнота.

«Духи», удовлетворившись одним сожженным БМД, исчезли.

Вскоре последовала команда: «На броню!», и оба парня (сами потом удивлялись) без чьей-либо помощи очутились на «броню». Сказать, что ранены, постеснялись. Да и небольшая суматоха тогда, честно говоря, возникла. Неожиданно как-то все вышло.

...Доктор Ельников, осмотрев ранения, успокоил:

— Прекрасные пулевые дырочки, сквозные. Малость почистим, подштопаем и вы, мальчики, навеки вечные обзаведетесь боевыми шрамами. А, как извест-

* Дара — ущелье, руд (род) — река. Название условное. АГБ — автоматический гранатомет бронеебъекта (АГС, закрепленный на специальном кронштейне бронетранспортера).

но, боевые шрамы украшают настоящих мужчин. Так что извините, что обозвал вас мальчишками! Пардон, мужики.

Операции капитан делал — сперва Тиму, а затем Леше — под местной анестезией, ловко, быстро. А чтобы пациенты не скучали, все время развлекал разговорами.

— Славные шрамчики останутся. Такие отметины — свидетельства беспримерной отваги и производят на девушек неизгладимое впечатление. Они гораздо эффективнее вульгарных наколок типа «Нет в жизни счастья!»

Узнав, что Леша с Тимом не желают эвакуироваться в тыловой госпиталь, похвалил.

— Да вы же, мужики, настоящие герои! О вас в пору торжественную реляцию писать: «В бою были ранены, но отказались покинуть поле боя». Реляции такой не будет потому, что в местных специфических условиях даже при большом желании самолично покинуть поле боя невозможно. Прежде всего, отсутствует само поле боя. Подстрелили вас в ущелье... Но все же молодцы. И везунчики. Ранения легонькие, через три-четыре недели гарантирую возвращение в родную роту.

— Как по-вашему, товарищ гвардии капитан, как это нас?

— Трудно с уверенностью утверждать, но, пожалуй, пулеметик. Бронежилеты ваши изрядно покусаны. Только пулеметчик-лопух, видимо, дал большое рассеивание и лупил более чем с полукилометрового расстояния. Иначе жилетики ваши не устояли бы, а вы, голуби, не донимали бы меня расспросами. Короче говоря, в рубашке родились... А теперь сеанс окончен. Благодарю за внимание. Как говорится, мы рады вас обслужить!...

Медрота дважды орденоносной воинской части просторно разместилась в приземистом здании из жженого кирпича, построенном лет тридцать назад американской ирригационной кампанией «Моррисон-Надсен». Приятелей положили в небольшую двухместную палату. К ним частенько заглядывали боевые друзья. Навестили и командир роты капитан Смолянинов со взводным Романцовым. Ротный объявил, что оба они представлены к медали «За боевые заслуги».

Вместо того, чтобы дружно ответить: «Служу Со-

ветскому Союзу», Тим и Лешка растерянно спросили — За что?

— Начальству виднее, — улыбнулся Смолянинов. — Однако могу объяснить — за что. Принято во внимание ваше достойное поведение в первом рейде. Это раз. Известно также, что, получив ранение, вы оба продолжали вести огонь. И вообще... Коли воин ранен и продолжает воевать, он достоин награды, имеет боевые заслуги.

Раны заживали быстро, не очень беспокоили, и друзья, после разных медицинских процедур, толковали на волнующие их темы. Особенно запомнились слова брошенные как-то Исой Карабашевым относительно армейских не порядков. «Солдатский телефон» сообщил им, например, потрясающий факт. Некий военный корреспондент, идеологический работник, подполковник угодил... под суд военного трибунала! Таможники обнаружили у него зашитыми в трусы тридцать тысяч афгани... Недавно в лазарет по ошибке попал адресованный в другую часть контейнер с медикаментами. Какой начмед откажется от «подарка судьбы»? Начмед приказал вскрыть контейнер и остолбенел: вместо инфузионных растворов, противостолбнячной сыворотки и других препаратов в нем оказались... ящики с водкой! Преступников обнаружить так и не удалось. И это обстоятельство особенно возмущало Тима с Лешкой.

— Вот гады! — бесился Тим. — Расстреливать таких надо. Хуже фашистов! На солдатской крови пытаются нажиться. Прав был Суворов, утверждавший: если интендант проинтенданствовал три года, его можно расстреливать без суда и следствия!

— Ну это ты загнул, Тим. Возьми интенданта нашей части, майора Анисимова. Заботливее иного отца родного. Спички лишней себе не возьмет. Смотри, как все его любят!

— Это верно, — согласился Тимур, немного остывая. — Но ведь обидно! Солдаты, офицеры кровь проливают, жизни свои отдают. А упыри... Мародеры гнусные...

— Хватит тебе психовать. Сказал же капитан Ельников, что мы с тобой теперь не мальчики, а мужики. Значит, и вести себя должны как подобает мужчинам, без истерики. Мне тоже кое-что не по душе. Разве не обидно за Лорда? Комбат его к «Красному Знамени» представил. По-моему, даже немного пожадничал. Ге-

роя Лорд заслужил, чего там! На смерть пошел, не раздумывая. Представление комбата командир части утвердил. А в вышестоящем штабе вдруг засомневались, дескать, за что такая высокая награда?.. Подумаешь, швырнул гранату! Да на его месте так бы поступил каждый!

— Да, — согласился Тимур. — Обидели Давида.

— А знаешь почему?.. Джахансуза проклятого мы упустили. А чем Лорд виноват? Ну прямо как в «Теркине»: «Города сдают солдаты, генералы их берут»... И дали герою «Красную Звезду». Не спору, почетный орден. И все же зря принизили подвиг.

— И наоборот бывает. Помнишь, Семка Шпирт рассказывал?.. Комендантский взвод вез в БТР Знамя полка. Несколько душманов обстреляли транспортер. А всего бэтэров было четыре штуки. Они открыли ураганный огонь, и «духов» мигом след простыл! В пять минут все кончилось. Вроде бы о такой ерунде и вспоминать не надо. Но кому-то понадобилось раздуть пустяковый эпизод, превратить в героический бой. Посыпались донесения и репортажи о героическом спасении Знамени. Кончилось тем, что всем участникам этого «беспримерного боя» щедро отвалили орденов и медалей, а командиру взвода дали «Боевика»!

— Помню, — ответил Лёша. — Сема еще утверждал, что один участник этой «битвы» даже отказывался получать «Отвагу», все никак не мог уразуметь: «За что?»

— Ну, это уж Семка наверняка от себя присочинил. Одесские шутки. Какой солдат откажется от награды? Даже если он подвигов не совершал. А потопай-ко по горам, поползай по камням под пулями и осколками!.. Померзши в горах, изголодайся... Это ведь тоже вроде подвига. — Тимур оперся на костыли, без которых еще не мог передвигаться, поднялся, поковылял по палате. Сел. И продолжал. — Знаешь, Леш, что я тебе скажу?

— Ну!

— Был бы я на месте правительства, я новую медаль учредил бы.

Руднев расхохотался.

— Ай да Тим!.. Мудрец. Медалей разных и так навалом.

— А такой, как я придумал, нету. Вот представь себе, что нас не ранило. И не ранит. И дембель на носу. Возвращаемся домой. Что ты скажешь, например, Нине?

— Что скажу?

— Вот именно. Она спросит: «А где твои боевые награды?» Так ты ответишь, что не заслужил?.. Значит, писарем ошивался или в каптерке. Так она и подумает. А ты ведь лиха хлебал. Ну так получилось, не попался на глаза начальству. А то ведь и по-другому бывает: невзлюбил лейтенант солдата — и потому не торопится доблесть его замечать.

— Так что ты предлагаешь?

— О! Это толковый вопрос, — Тим вновь проковылял по палате, собираясь с мыслями, и затем молвил:

— Предлагаю учредить особую медаль для всех воинов, побывавших в боях. Ну, не отличился он. А воевал нормально, верный присяге.

— Предлагаешь учредить медаль «За воинскую доблесть, не замеченную начальством»?.. Уморил! Специально для Афгана, значит?

— Вечно ты, Лешк, со своим неуместным юмором! — Тим начал сердиться. — Не об одном Афганистане речь. Есть еще живые добровольцы, воевавшие в Испании, солдаты, защищавшие монгольский народ в тридцать девятом году... Другие интернационалисты. Вот бы и учредить медаль «За мужественное исполнение интернационального долга». Что, плохо придумал?

Лешка перестал смеяться. Пожалуй, друг его вроде дело говорит. И все же не удержался от шутки.

— Ладно, я согласен, учреждай медаль. С нетерпением жду сообщения в газетах.

Дискуссия, грозившая перерасти в ссору, была, к счастью, прервана приходом медсестры. Она измерила температуру ранбольным, дала какие-то пилюли, но уходить не спешила. Это была стройная шатенка со «стреляющими» во все стороны агатовыми глазами. Прибыла она сюда добровольно, числилась служащей Советской Армии. Срок пребывания в ДРА у нее скоро истекал, и она втайне мечтала вернуться в родной Ленинград, одержав решительную победу над Тимуром. Уж очень сильное впечатление произвел он на нее. Галочка внутренне ахнула, когда впервые увидела бронзоволицего юношу с золотистыми волосами, темными бровями и синими-синими глазами.

Леша с замиранием сердца следил за стремительно развивающимся романом. Тим вроде бы охотно лез в расставленные Галочкой амурные сети. Да и разговаривали Тим с Галочкой прямо-таки по знаменитой «системе

ме Станиславского»: почти в каждой реплике чудилась пресловутая «сверх-задача».

— Весна скоро, — со вздохом произнесла Галочка, без нужды поправляя на раненой ноге своего кумира бинты.

— Весна — пора любви, — довольно пошло — по мнению Лешки — отвечал Тимур и многозначительно взглянул на Галочку.

— Вас вот долечу и уеду домой, в Ленинград.

— Счастливая! — бесстыдно кокетничал Тим. — Бродит, небось, сейчас по Невскому счастливец, ждет-не дождется.

— Никто меня не ждет! — решительно произнесла Галочка и так многозначительно посмотрела на Тима, что стало ясно: если в Ленинграде ее действительно кто-то ждет, то теперь он ждет совершенно напрасно.

По всем правилам, Тиму в самый раз было бы поставить все точки над *i*. Однако он смешался, покраснел и стал плести несусветную чушь насчет мозглых ленинградских дождей. Леша понял, что друг его просто от нечего делать морочит Галочке голову, и сердце его сжалось. Он-то надеялся, что если Тим завел серьезные отношения с Галой, то Нина станет для него просто другом, «своим парнем»...

По поводу мозглых ленинградских дождей Галочка ответила цитатой из популярной песенки:

— У природы нет плохой погоды.

Вмешался Лешка и довольно невежливо. Прорекла-мировал:

У природы нет плохой погоды,
Каждая погода — благодать!
До чего ж полезно в молодые годы
Сочиненья Гегеля читать!

— Отчего ваш друг такой сердитый? — услышал Лешка голосок.

— Ревнует, — отвечал совсем уж глупо Тим и хохотнул.

Лешка аж задрожал от возмущения. Но сдержался. И хорошо сделал.

В палате раздался раскатистый хриплый тенорок Фе-ди-танцора. Вологодец Федя, удивительно вкусно «ока-ющий» здоровяк с маленькими, но зоркими глазками и сивым чубчиком, был примечательной фигурой в лаза-

рете. БМД, на которой он продвигался по горному серпантину, подорвалась на итальянской мине. Его хотели демобилизовать, однако парень категорически отказался. Попросился в санитары. И вот тут-то выяснилось, что Федор — «мастер — золотые руки». Он и плотничал прекрасно, и слесарничал, мог переложить печь так, чтобы не дымила, владел ремеслом каменщика, штукатура и еще многими специальностями. Не человек, а клад для медсанроты. Танцором же его прозвали за то, что он любил вспоминать, как лихо отплясывал «на гражданке» вприсядку и что, якобы, не было никого в Вологде, кто смог бы его переплясать. Был Федя одинок, добродушен и привязчив душой. Привык он к медроте, к врачам. Домой он не рвался. Да и не было у Феи дома. Медрота, которую он «лазаретом» называл, стала его домом.

Сейчас Федя-танцор стоял в картинной позе, высоко воздев руку с конвертом и возглашал:

— Послание во глубину афганских гор!.. Тонцуйте, ребята!.. Обратный адрес навроде неизвестного полу — Климкович. Но почерк деvушкин!..

Алеша рывком поднялся с койки. Рванулся и Тимур, уронив костыль. И это выглядело так красноречиво, что Галочка поняла: возвращаться ей в родной город, как говорили древние римляне, «без триумфа». Густо покраснев от стыда и обиды, она стремительно вышла из палаты. Тим с Лешей не заметили ее исчезновения.

— Давай письмо, Федя!

— Ну же!..

Добряк Федор не стал мучить парней. Отдал письмо, однако уходить не собирался. Уселся на койку Лешки и, глядя добрыми своими хитрющими глазками, как друзья, стучаясь головами, жадно бегают глазами по строчкам, принялся философствовать.

— Я-то, братья мои, думал, что судьба-индейка одного меня счастьем обделила!.. Папашка-гад, матрос торгового флота, мамашу мою поматросил и бросил. Сгинул, в общем. Мамаша плод греха в детприемник сдала. Однако материть ее за это не имею права. Завербовалась на Дальний Восток, рыбку пластовать. Да и тоже с концом. Несчастливая женщина. Меня же после детдома в петеу, то есть в ремеслуху. А оттуда — в десантуру. Тут обратно невезуха вышла. Хоть бы в бою, а то по-дурному зацепило. Еле упробил врачей

дать дослужить до нормы... Гляжу на вас, завидую: морды — хоть в кино сймай, похлеще Штирлица и Вайса!.. Родителей имеют. Счастливые! Ранения получили такие, аж завидки берут. А опосля службы подадитесь в институты — дороги открытые, конкурсы вас не касаются...

Федя помолчал, вызывая Тима и Лешку на разговор, однако они вроде и не слушали его. Добряк вздохнул, махнул рукой и продолжал:

— Одначе вам еще, братья, дослужить надобно. До институтов далеко. Как говорится, бабушка надвое сказала. А тут еще это письмо... Служил до вас в максимовском батальоне ученый лейтенант. Профессорский сынок. Книжек прочел тьму. Так он сразу по трем причинам в госпитале числился: черепное ранение, гепатит-желтуха, да еще местная сволочная малярия. Долго его здесь не держали, в Союз отправили. Однако перед убытием разговор у нас с ним зашел про семейную жизнь, и он рассказал — не знаю верить или нет? — будто в каком-то государстве женщина имеет полное право двух мужей иметь. Вам бы после дембеля в это государство податься. А то ведь просто беда...

Тим и Леша вскинули на парня взбешенные лица и Федя, сообразив, что перестарался в своих утешительных рассуждениях, быстренько ретировался, от греха подальше.

Однако не на Федю разгневались мои герои. Они и не слышали его рассуждений. Их взволновало письмо. Нина, не без юмора и с известной долей женского тщеславия, сообщала о причине ее долгого молчания. Оказывается, у нее в Ташкенте завелся поклонник по имени Абрик. Он студент, ездит на собственной «Волге». Одет с иголки. Швыряется деньгами. Однажды пригласил ее в ресторан и умудрился просадить полтораста рублей!.. Предок его никакой не великий писатель, не лауреат Нобелевской премии, не наследник умершего в Канаде миллионера Джона Микитенко, а всего-навсего заведующий заготхлопкопунктом. Этот Абрик знаком с Львом-Шербекком, который, наезжая в Ташкент, бывает у него в доме. Абрик этим знакомством гордится, устраивает «знатной персоне» молодежные «бигфесты», «сауре интимы» и прочие развлечения. Папаша Абрика одобряет и щедро финансирует все это, поскольку Лев-Шербек его начальник. Одним словом, папаша Абрика грандиозный хапуга.

«Так что вы не думайте, милые воины, что я потеряла голову. А не получали вы от меня писем вот по какой причине. Живу я в общежитии. Письма, которые приходят девочкам, почтальон складывает навалом на столике в проходной. Старушки-вахтерши вяжут чулки, кофточки и следят лишь за девичьей нравственностью, а за письмами не наблюдают. Так Абрик, мерзавец, подкупил общежитийского сантехника, и этот алкаш регулярно забирал ваши письма и передавал своему «хозяину», за что еж е д н е в н о получал червонец!

Можете себе представить! Бедный студент — запросто выбрасывает триста рублей в месяц! Но и это не все. Вчера я буквально за руку поймала гнусного алкаша. Завела его в свободную комнату и поговорила с ним серьезно. Он начал было «давить фасон», угрожать даже стал, запугивать. И тогда я, мысленно низко поклонившись потомку генерала Ноги, задала такую взбучку сребролюбивому сантехнику, что он, когда я его взяла на болевой прием, тут же «раскололся».

Тогда я занялась Абриком. Ну, хорошо, я не получала ваших писем, теперь понятно почему. Но отчего же вы, славные вояки, моих-то писем не получаете? После занятий позвонила Абрику домой. Надо заметить, что у «бедного студента» в Ташкенте есть собственный домик. Предок ему дом купил, на живописной окраине. Четыре комнаты, обставленные так, как в кино про американских миллионеров показывают. Я однажды к нему как-то заходила. Не подумайте чего-нибудь такого!.. Ради любопытства. Заинтересовал меня этот экземпляр негодяя с комсомольским билетом в кармане шикарного замшевого пиджака «Голд Стар».

Не стану рассусоливать, а просто скажу, что Абрик, услышав мой голос, пришел в телячий восторг. А я еще сказала, будто соскучилась!.. Тут же он примчался на своей «Волге», повез к себе. Стол, ребята, накрыл — закачаешься!.. А уж донжуанствовал так, что просто описать не могу. И до того в раж вошел, что руками попытался работать!

А надо вам сказать, я в своей старой сумке «Монтана» прихватила с собой кирпич. Правда, чуточку сжульничала, слегка подпилила с одной стороны. Пока кирпичик держу в сумке Жду, что дальше будет.

А мозгляк этот, нахлебавшись «Наполеона», совсем разум потерял. Лезет -- и все тут. И даже такие дивные слова сказал, мне в утешение:

— Ты чо, Нинк, а Нинк?.. Я серьезно. Я ведь и жениться на тебе могу. Чесслово!..

Вот ведь какого он о себе мнения! Может даже до женитьбы снизойти. Привык, подонок, что ни в чем отказа ему нет!

Я отвечаю:

— Руки убери, тебе говорят.

Он опять за свое. Тогда я сказала:

— Коли так — пеняй на себя...

И сделала ему «мельницу». Абрик через стол с закусками перелетел, брякнулся на шикарный китайский ковер. Хлопает глазами своими бараньими.

Вынимаю из «Монтаны» кирпич. Хлюст как увидел — глаза у него от ужаса квадратные стали. Шепчет, как оперный тенор, руки заламывая:

— Не надо... Не надо!.. Я женюсь. Ей-богу, женюсь на тебе!..

Вообразил, дубина стоеросовая, что я его грабить и убивать пришла. Отвечаю слизняку:

— Чтобы не было недоразумений, посмотри, что я сейчас сделаю.

Положила на спинки двух старинных, с бронзой, кресел кирпич (разумеется, подпилком вниз) и, рывкнув по-звериному, как меня старый самурай Ногин научил, ребром ладони перебила кирпич.

— Видел?

Посмотрели бы вы на Абрика в тот момент!.. Господи, даже плюнуть в него противно. Сидит на ковре, дрожит, как нашкодивший щенок, даже хвостом подхалимски виляет. Ей-ей, виляет. Так мне по крайней мере показалось. Хочет что-то сказать и не может, — воздухом не хватает.

— А коли видел, — говорю, — то отвечай, как на духу: кого ты подкупил в почтовом отделении, чтобы письма моих друзей для тебя перехватывали?

Не поверите, родные мои, но едва Абрик убедился, что я не из бандитской шайки, — тут же оклемался. Попытался в шутку все обратить. Тогда я ему — по лбу ребром ладони, не сильно. Попрыскала «Боржоми» за неимением под рукой обычной воды. Усадила на стул. Растолковываю, как маленькому:

— Башка твоя, Абрик, не кирпичная. Тресну сильнее — плохо будет. Говори — кого подкупил?

Тут он и выложил все. Вот подлец! Заставица вернуть мне ваши и мои письма.

И снова, гаденьши, — как ни в чем не бывало! Предложил даже на своей «Волге» до общаги подобрать.

Такие вот дела, дорогие мои воины! Окольными путями, через третьих и четвертых лиц, узнала, что у вас служба идет нормально, находитесь вы далеко от боевых действий. Это и хорошо и плохо. Береженого, как говорится, бог бережет. А плохо то, что получается как в сказочке: «По усам текло, а в рот не попало». Скоро я заканчиваю медучилище, стану операционной медсестрой. Хочу (по вашему наущению) стать служащей Советской Армии. Буду прорываться к вам поближе. Нажму на все педали. Недавно случайно в ЦУМе познакомилась с одной симпатичной женщиной, Полиной Ивановной. Медсестра. Возвратилась из Афганистана. Разговорились. Я, конечно же, задаю глупейший вопрос: не встречала ли она, случайно, двух балбесов? И описываю вас. Полина Ивановна (крашеная блондиночка лет тридцати пяти), к моему изумлению, отвечает: «Вроде встречала, одного Тимом, другого Лешей зовут, здоровущие такие солдафоны, оба кровь с молоком». — «Неужели вы их по именам запомнили, мельком повидав?» — «Уж больно приметные». — «Что же они в вашем лазарете делали?» — «Должно быть, товарищей навещали».

Так что теперь я точно знаю, где вы служите.

А что, мальчики, может, и послужим вместе, а? И как же я благодарна старику Ногину, подготовившему меня к трудностям и неожиданностям жизни! Перефразируя известное изречение, скажу: «Быть можно дельной каратисткой и думать о красе ногтей». В наше неспокойное время женщине владеть приемами дзю-до, каратэ и Ушу, пожалуй, даже более полезно, чем мужчинам. Вам, представителям так называемого сильного (и скандального!) пола, все это скорее во вред, поскольку вы по пустякам можете бед натворить. А женщинам необходимо для самозащиты».

Далее Нина рассказывала о своем житье, об учебе, о байрамкентских новостях. Октавиан Гордиев выпустил книгу литературно-критических «шедевров» под глупейшим названием — «Выше уровень художественных поисков!» На все лады расхваливает Узлары, сравнивая его писания с творениями Шекспира и Льва Толстого. Подхалимская эта книжка бывшего Антисемишникова

выдвинута на республиканскую Государственную премию!..

«Что еще? Бедняжка Холисон, как и следовало ожидать, не выдержала конкурсного экзамена в институт. Вот гадство! Кого же тогда в институт принимать?.. А вот кого: например, Камилку Ширинходжаеву, прокурорскую дочку. Тупицу и барахольщицу Учится в медицинском институте Правда, поначалу натерпелась Камилка страхов. Первый экзамен — «тройку» получила, второй тоже «тройку», третий — и вовсе «двойка»!

Камилкин папа на дыбы поднялся. Вызвал на ковер ректора, рычит:

— Прррекратить!.. Беззаконие! Немедленно расследовать и доложить по всей форме. Иначе гррр!..

И так далее. Что же выяснилось? Вышел шикарный «прокол». В списках абитуриентов оказалась девочка из кишлака. По имени Камилка и тоже Ширинходжаева. И сдавала она первой. Прокурор беснуется: «Как же экзаменаторы прохлопали? Ведь им были розданы фотографии моей дочери!» Смущенный и испуганный ректор отвечает: «Шайтан вмешался. У этой кишлачной девчонки и внешнее сходство с вашей Камилкой».

И все-таки Камилку зачислили. Оформили фальшивый больничный лист. И она «успешно» сдала, наконец, вступительные экзамены вместе со спортсменами-разрядниками...»

Долго Тимур и Леша читали и перечитывали письмо.

Наконец Леша произнес со вздохом:

— Знаешь, Тим, мне кажется, что Нина к нам как к братьям относится. Нету в письме этого... такого... — он неопределенно пошевелил пальцами.

— Нету, — кивнул Тимур и тоже вздохнул. — Подождем, может, кому-то все же повезет.

— Вот именно, кому-то!

Вновь в палату ввалился, слегка прихрамывая, Федя.

— Чо это у вас физиомордии такие кислые, аль дембель объявила вам девушка? Ничего, переморгается! — и, не ожидая ответа, выпалил: — Робята, а я чо узнал! Спросил капитана Ельникова, мол, почему нашу медроту солдаты в разговорах лазаретом прозывают. Чо еще за лазарет такой? Почему не минарет или еще как? А он поясняет, дескать, нашу медроту в просторечии лазаретом называют потому, что был в древние времена мужик. Добрый такой мужик, смирный. Звали его святым Лазарем. Весь в струпьях и парше. Короче говоря, бо-

лел проказой. Эту хворобу тогда и назвали в память того мужика — болезнью святого Лазаря. Вот чудики! И больницы для таких бедолаг назвали лазаретами. Это надо же, а?!

— Ну и что? — не поняли друзья.

— Как чо? Рази вам не обидно, что вас к прокаженным, к шелудивым разным приравняли? У нас ни одного лазаретного нету. Три желтушника имеются, не спорю. Двое маляриков. Еще у двоих дриссталгия. Но не с испугу, а по причине микроба. Остальные — ранбольные, получившие героические отметины в бою! Почему же тогда — лазарет? Я не согласен. Напишу письмо самому министру обороны. Потребую переименовать!

— Иди, Федя, иди, — досадливо поморщился Лешка.

— Да, Федя, — поддержал Тим, — иди, требуй, переименовывай.

Добряк, надеявшийся на поддержку, надулся. Но не ушел. Его просто распирало сообщить что-то еще.

— Вот что, мужики!.. Тайну хранить умеете?.. Так и быть, слушайте весть печальную. Не хотел вам лечение портить. Знали капитана Микитина, замкомбата десантно-штурмового?

— Кто же его не знал?

— Так вот, как только вы сюда поступили, в тот день ДШБ в ближних горах рейдовал. Бой завязался. Капитан Микитин шевелил людей в атаку. Первым сам поднялся, как в гражданскую комиссары ходили... А рядом с ним за камнем распластался... Одним словом, большая сволочь. Дуриком в «штурмовики» попал. Ему бы в клубе плакаты малевать. Форсило. Трепло. Товарища заложить для него плевое дело! Так вот, пластается трепло за камнем и не желает подниматься в атаку. Микитин его — за шиворот. Понять человека надо! Каждая секунда дорога — промедлишь, «духи» опомнятся, и тогда атака ой как недешево обойдется!.. Капитан все это понимает, орет падле: «Вперед!..» А тот вырывается, за руку укусил. Микитин решил припугнуть: «Вперед, трус!.. Застрелю...»

— Капитан имел право оружие применить, — сказал Тим. — В боевой обстановке... Невыполнение приказа. Заминка могла обойтись дорого всему штурмбату.

— Так оно и вышло. Двоих ребят, кинувшихся к капитану, чтобы помочь усмирить труса, тут же подсекло. Дрейфун тот совсем ум потерял. Вырвался, наставил на

капитана автомат. Тот — свой взял наизготовку. И вдруг дрейфун падает. А через секунду и капитан рухнул. Короче говоря, дрянь дело.

— Друг дружку уложили?!.. — ужаснулись Лешка с Тимом. — Не может быть! Капитан Микитин...

— Ясное дело — не стрелял капитан!

— Кто же тогда? — довольно глупо спросил Лешка.

Федор осуждающе посмотрел на парня, заодно неодобрительно покосился на его друга.

— Ум у тебя, что ли, отшибло в лазарете-прокаженнике?.. А «духи» на что? Пробазарили момент атаки — дальше пошло-поехало. Тю-тю фактор внезапности! Три раза ребята подымались, и всякий раз их настильным огнем к камушкам прижимало. И всякий раз убыль людей. Разброд в душах произошел. Как говорится, повоевали!

— Капитан хоть жив? — спросил Тим.

— Когда на «вертушку» грузили, дышал. А сегодня я от кореша письмо получил. Он в окружном госпитале санитарит. Пишет, что Микитин вроде выкарабкается. Да только не в радость это капитану.

— Почему?!.. Говори прямо, Федор! — воскликнул Лешка.

— Не темни! — Тимур побледнел от волнения, очень уж ему был симпатичен капитан Микитин.

— Да я... — Федор запнулся. — Это самое... Дело на него завели. Следователь в батальон приезжал, дознание производил. Тот гад, что атаку сорвал, из-за которого и капитан под «бур» подвергнулся, надо думать, сообразил, что наломал дров, перепугался и заявил, будто капитан в него бабахнул. Надеялся, что выживет, — отвечать придется... Однако не вышло. Кончился. Даже помереть по-человечески не решился!

— Но ведь не трудно установить, что пуля...

— Пуля от АКС.

— АКС?! — ахнули Тим и Леша.

— Чего жевала свой распахнули? — рассердился Федор. — От АКС. Да мало ли у «духов» наших автоматов? Они тоже иной раз трофеи берут. Подстрелят отставшего солдатика или в бою отрежут от своих. А то и хитростью вооружатся. Явится этакий «дух» якобы с повинной головой, в грудь себя дубасит, кается, мол, «темный я, несознательный. Теперь понял, народную власть полюбил. Гульбиддин — шайтан, говно! Обманщик. Шурави дуст! Кровью хочу искупить вину

перед народом. Воевать хочу!» Поверят такому хитрецу, а он АК в руки, да и в горы!

Федор скрипнул зубами, помолчал, видимо, ожидая возражений. Но Тим с Лешей тоже молчали, ошеломленные страшным известием.

— Ладно, я пошел, — Федор круто повернулся и зашагал, прихрамывая, восвояси.

Когда в коридоре затихли Федины шаги, Тимур тихо сказал:

— Так вот как иногда на войне бывает.

— Жаль капитана, — Леша потянулся к стоящей в углу гитаре. Взял пару аккордов. — Два боевых ордена заслужил. Да если бы он и на самом деле оружие применил?.. За что судить его?.. Выходит как в песне про «Чарки» —

Мы в ворота залетели — обалделые стоим:

Самоходка наша лупит по чужим и по своим!..

— На войне, как на войне, — отозвался Тимур. — Всякое бывает. Все же надо надеяться, что правосудие скажет свое справедливое слово. Не допускаю мысли, чтобы из-за труса пострадал невинный человек!

— Твоими бы устами...*

— Надо бы нам поторапливаться с выздоровлением. Залежались мы здесь. Перед товарищами неудобно.

Тим встал, отбросил один костыль. Попытался пройти.

— Вроде, получается. Завтра вообще от костылей откажусь. Палочку попрошу. Еще денька три-четыре — и арриведерчи, госпиталь!

СНОВА ВТРОЕМ

Широко известен эйнштейновский так называемый «парадокс времени»: на ракете мчащейся с субсветовой скоростью время течет во много раз медленнее, чем на земле. Улетел в космос на такой суперракетe тридцатилетний космонавт, постраниствовал в бесконечности

* Капитан Микитин (фамилия изменена) был признан виновным и осужден к длительному лишению свободы. Вышестоящая военная судебная инстанция ограничилась условным осуждением. Почему все же Микитин был признан виновным, для автора остается загадкой. Скорее всего, «сработала» инерция мышления. По выздоровлению Микитин служил в Киевском Военном Округе. Дальнейшая судьба этого офицера автору неизвестна.

двенадцать месяцев, вернулся на Землю. Ему всего тридцать один год, а жене его, ровеснице, остававшейся на земле, — за шестьдесят лет перевалило!

Честно признаюсь, уразуметь этого диковатого парадокса я не в силах. Просто верю ученым на слово, как некогда верили в бога: «Credo absurdum est!» («Верю, потому что нелепо!»). Однако хорошо понимаю, почему в Великую Отечественную год пребывания на фронте засчитывался за три года. На войне время летит стремительно, хотя тем, кто мерз в окопах, вшивел и покрывался фурункулами казалось, что время и не движется. Порой время вроде бы и вовсе исчезало: кончился бой, и не понять, то ли пять минут он длился, то ли целую вечность!

На войне у каждого был свой отсчет времени, свой временной лимит... Вот паренек — ему еще и двадцати не исполнилось; ему бы жить да жить! Но истекло его время, и юный солдат уже принадлежит Вечности. Жестокое время войны не щадило даже детишек, младенцев, злою волей Судьбы угодивших в огненное пекло. 20 000 000 не прожили своего времени на земле, став жертвой зловещего «парадокса войны!»

Ну а для тех, кто все же чудом выжил на войне (и кого нынче кое-кто склонен укорять за это в очередях!), ученые военные бухгалтера установили научно обоснованную «среднюю норму» времени: один год на фронте равняется трем годам обычной жизни, пусть даже и исполненной разных житейских треволнений.

Насколько точна «норма», судить не берусь. Во всяком случае одно неоспоримо: люди на войне быстрее стареют, быстрее взрослеют, а иные (если удалось выжить) и вовсе становятся совсем другими людьми! Был, скажем, легкомысленным прожигателем жизни, вертопрахом, а вернулся человеком серьезным, посвятил себя полезному делу.

Нечто подобное произошло и с моими героями, Тимуром и Алешей. На «необъявленной войне» они скоренько поумнели и повзрослели. Теперь им было стыдно вспоминать свои «фрондерские» выходки: «хипповые «шмотки», демонстративные «бацанья» на гитарах и оглушительный рев «горячих шлягеров» под окнами ненавистного Льва-Шербека; они осуждали уличные потасовки, и Алеша со стыдом вспоминал случай, когда он сломал челюсть инженеру-экономисту Выродкову за то, что распоясавшийся алкаш поднял руку на свою

родную мать (надо было просто отвести подонка в милицию); Тим и Леша и в своих музыкальных увлечениях произвели ревизию. Они поняли: не всякий «рок», не всякий «бит» — искусство; есть подлинные мастера, артисты, но все же многие ВИА (вокально-инструментальные ансамбли) всего лишь эпигоны. Парни выросли не по дням, а по часам, научались самостоятельно мыслить.

Немалую роль в становлении их как личностей сыграл также заместитель командира по политической части капитан Урбан.

Замполит был сильным диспутантом. Ему уже перевалило изрядно за тридцать, а он все еще «капитанил». Не потому, что проштрафился. Он тоже был из породы мятущихся (в хорошем смысле) людей. Урбан окончил философский факультет, думал о научной карьере. Однако удушающая атмосфера научного застоя смутила его еще на четвертом курсе. О каких научных изысканиях может идти речь, если мысли взяты в невидимые тиски? Как можно свободно мыслить, коли даже малейшее отклонение от окостенелых норм и заезженных формулировок рассматривается оппонентами как криминал?

На четвертом курсе молодой коммунист Митя Урбан схлопотал выговор с занесением в учетную карточку. Не за пьянство, не за хулиганскую выходку. Нет! Он написал реферат: «Свобода и необходимость в свете марксизма». На счастье (или несчастье?) Мити, его научный руководитель престарелый профессор Митин (Сия фамилия давала пищу для бесчисленных каламбуров, вроде: «А это идет Митькин профессор», «Профессор Митькин» и т. д.) пребывал в Карловых Варах и потому не мог проконтролировать своего подопечного. Профессор прилетел с курорта и, как Чацкий, попал с корабля на бал: вошел в конференц-зал, когда Дмитрий Урбан уже читал с трибуны свой реферат.

По мере того, как Урбан развивал свою концепцию, «Митькин профессор» стал стремительно багроветь. Достигнув зловещей синева, ударился в другую крайность, — побледнел до покойницкой желтизны. И наконец, задыхаясь бог знает от чего, прохрипел, словно его душили:

— Пре-е... екратить!!.. Идеологическая диверсия!..

После чего говорить уже не смог и впал в прострацию.

Митю Урбана согнали с кафедры. За реферат принялись члены кафедры философии, энергичные общественники, а также граждане, имеющие касательство не только к философии, но и вообще ко всем видам общественной мысли и деятельности. Выяснилось: а) Злокозненный студент провозгласил публично, что он не поклоняется авторитетам и все и вся подвергает сомнению; б) Спекулируя и жонглируя вымышленными фактами, заявил, будто в нашей державе нет и не может быть полной политической свободы, поскольку (в философском смысле) невозможно достичь Абсолютной истины; в) Провозгласил, что «право подразумевает бесправие»; г) Осмелился утверждать, что незнание или забвение теоретических истин марксизма привело к тому, что теперь оставлен без внимания такой важный принцип, как оплата труда государственных деятелей не выше среднего заработка квалифицированного рабочего.

На собрании, обсуждавшем персональное дело Мити, кипели страсти. «Идеологического диверсанта» долго пытали на словесной дыбе, клеймили каленым железом цитат, стращали опасными словами. Например, один прочно лежащий на позициях марксизма философ объявил Митю «рупором западной пропаганды, клеветущей на нашу социалистическую демократию!» и при этом с умилением и тоской вспомнил о «решительных временах, когда таких, как Дмитрий Урбан...» и так далее. Однако упрямый студент пытался все же доказать свою правоту. Он заявил, что принцип «Все подвергать сомнению» провозгласил не он, Митя Урбан, а сам Карл Маркс! (Том, страницы такие-то). Абсолютной свободы действительно достичь невозможно, поскольку «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (Ленин, том такой-то, страница такая-то). Мысль о том, что право подразумевает бесправие, опять-таки не ему принадлежит, а Марксу и Энгельсу, и ее надобно понимать в том смысле, что коли право существует, то, значит, существуют и правонарушители, которым начхать на любое, даже уголовное, право! И наконец особенно взволновавшем маститых профессоров упреке насчет зарплаты. Это провозглашено и записано в «Апрельских тезисах» (страница, том...).

Бедняга Митя Урбан! Он и не подозревал о существовании чародеев словесной эквилибристики. А эти искусники в два счета превратили аргументы зарвавшегося

ся студентика в груди утиля. Один из таких магов закончил свою речь зловеще:

— Вот к каким тяжким, возможно, непоправимым последствиям с неизбежностью приводит попытка ревизовать марксизм с антиисторических позиций!

По логике, правда, получалось, что ревизовать марксизм с исторических позиций вполне допустимо. Однако на эту маленькую оплошность никто не обратил внимания.

Приустав, воспитатели Мити чуток оттаяли душой и приказали ему: покаяйся! В противном случае...

Деваться было некуда. Урбан покаялся. И еще заявлялся заниматься философией. Да ему, «диссиденту», и без того путь в науку закрыл всемогущий профессор Митин. Урбана спихнули в школу преподавателем обществоведения. Три года он промаялся, отбиваясь от каверзных вопросов бесцеремонных представителей подрастающего поколения, — от вопросов, которые мучили его самого. А затем, поразмыслив, пошел в военкомат и попросился в армию. После окончания университета его не призвали в армию, потому что у него, на почве достопамятной дискуссии, открылся туберкулез легких. Однако болезнь удалось усмирить, и Дмитрий Урбан стал лейтенантом, политработником.

Здесь, в армии, и открылся талант Дмитрия Урбана. И хотя офицером он стал с опозданием, лишь недавно получил капитана, однако в должности преуспел. «Максимовцы» любили замполита за справедливость, товарищеское отношение, не переходящее, однако, в панибратство. Всех десантников батальона он знал в лицо и не только по фамилии, но и по имени и отчеству, был в курсе их семейных и даже сердечных дел. Когда же Урбан взыскивал с какого-нибудь проштрафившегося воина, на капитана никто не обижался, ибо строгость его была всегда справедлива.

Политзанятия Дмитрий Урбан проводил не так, как иные «сухари», не утыкался носом в конспект или газету. Он умело налаживал живой обмен мнениями и не одергивал парней, которые задавали иной раз «каверзные» вопросы.

Однажды Лешка заявил замполиту:

— Вот вы говорите нам об интернациональном долге, дескать, мы воины-интернационалисты. Так?

— Золотые слова!

— А я не считаю себя интернационалистом. Я рвал-

ся сюда исключительно для того, чтобы волю испытать, характер закалить. Афганцев ни я, ни мой друг Бахрами никогда и в глаза не видели.

— Но здесь-то увидели наконец?

— Увидели. Воюют здорово, только жаль, что против нас.

— Верно подметили, рядовой Руднев, воюют. Вы в этом убедились на собственном горьком опыте.

Рота, с которой проводил занятия Урбан, добродушно расхохоталась. Лешка смутился, покраснел. Замполит, улыбнувшись, поднял руку, призывая к порядку.

— Ничего смешного. Руднев получил боевое ранение. Не в пьяной драке. Рады позубоскалить. А между прочим, много ли среди вас целеньких? Разве что новички. Например, рядовой Еремей Спичкин. Встаньте, гвардии рядовой Спичкин. Покажитесь товарищам.

Грохнув ботинками, вскочил крутоплечий здоровяк с лукавыми глазами крестьянского парня.

— Вы тоже ведь смеялись, Спичкин. Объясните, какова причина?

Спичкин (он прибыл в отделение, которым теперь командовал Лорд) помялся и пробасил:

— Все засмеялись и я засмеялся, товарищ гвардии капитан.

И вновь — взрыв хохота.

— Вот видите, Алеша, иной раз смеются за компанию. А чего смешного в том, что вас ранило? Кстати говоря, противник у вас был серьезный. Душманское формирование, состоящее из самого воинственного пуштунского племени джаджи. Они и королю не подчинялись, и президенту. Налогов не платили, от обязательной службы в армии высокомерно отказывались. Мусульмане-фанатики шиитского толка. Однако добровольцы-джаджи составляли отборные части. Из джаджи, между прочим, формировалась хорошо оплачиваемая личная охрана короля Захир-шаха.

— Если они такие отчаянные, почему же они короля не прихлопнули? — поинтересовался Тимур.

— Отличный вопрос, Бахрами. Вы что-нибудь слышали о так называемом «Пуштунвалай»?

— Нет.

— «Пуштунвалай» — «Кодекс чести» пуштунов. Пуштун обязан держаться с достоинством, быть правдивым и искренним, даже ценою собственной жизни оберегать честь своих женщин. Если пуштун совершил

насилие над женщиной, его не убивают, — настолько он презренен. Ему отрезают нос или уши, чтобы он, мерзавец, жил и всю жизнь испытывал отвращение к себе окружающих. Авторитет старейшин для пуштуна — закон. Во имя «исламской истины» пуштун обязан жертвовать всем, даже собственной жизнью*.

Капитан окинул взглядом десантников, — всем ли интересно. Парни слушали внимательно.

— Так... Пойдем дальше. «Пуштунвалай» обязывает правоверного мусульманина быть твердым и настойчивым в достижении цели, бесстрашным в бою... В этом вы сами убедились... Наконец пуштун должен быть гостеприимным, но не имеет права прощать обиду. Пусть годы пройдут, но он непременно должен отомстить.

— И откуда вы, товарищ гвардии капитан, все это знаете? — не удержался от реплики Семен Шпирт. Парень после госпиталя осунулся, отошал, однако по-прежнему «играл» его темперамент.

— А!.. Пришелец с того света голос подает? Отрадно слышать. Ну, как там, Семен, на небеси?

— Нормально, товарищ гвардии капитан. Бытовые условия терпимые. Не дует. Только очень темно. В роте все же лучше.

— Ну и прекрасно. А рассказал я о «Пуштунвалай» для того, чтобы ответить на вопрос, почему джаджи-охранники верой и правдой служили Захир-шаху. Все тот же «Кодекс чести». Дал слово — держи его, хоть умри!.. Да вот вам свежий пример. Помните, приехали из горного селения двое из племени афридии? «Салам алейкум» говорят, то есть Мир вам!.. За доктором прибыли. Женщина разродиться не может, любимая жена вождя. Просят прислать врача. Начмед говорит: «Вы врача нашего убьете! Он ведь кяфир, по вашим понятиям, «неверный». Посланцы отвечают: «Вот бумага. Вождь клятву Дал. Кровью расписался. Закон — «Пуштунвалай».

— Я на месте капитана Ельникова ни за что не согласился бы! — воскликнул Иса. — Пуштун-муштун, валай-малай... Это же каким отчаянным надо быть, чтобы добровольно сунуть голову в пасть голодного тигра!

— Это верно, — согласился Урбан. — Но еще опас-

* Афганистан — многонациональное государство, в нем проживает более 20 народов пяти этнических групп. Пуштуны составляют почти половину населения страны.

нее отказать в просьбе. В том селении, как вы знаете, гнезятся душманы. Однако из агентурных данных стало известно командованию, что нет там «неистовых», «непримиримых». И вождь, и его приближенные колеблются. Вот и пораскиньте мозгами. Сделать доброе дело — врагов в друзей обратить. Ну пусть не в друзей, — хотя бы в нейтральных. Но совсем уж трудно было добровольца-врача сыскать.

— Так ведь капитан Ельников!.. — начал было Лорд.

— Остальное вы знаете. Нашелся и у нас, так сказать, «камикадзе», отправился в пасть тигра. Сделал женщине операцию, ребеночка спас, мальчика, — вождь от радости праздник закатил, как у них водится, когда сын рождается: со скачками, джигитовкой, стрельбой, плясками, борьбой, барабанным боем. Капитану Ельникову старинную саблю подарил дамасской стали. И сказал: «Передай своим начальникам, что клан захател из племени афридеев против шурави воевать не будет. На три луны перемирие предлагает». И как видите, пока держит слово.

— Какой отчаянный капитан Ельников! — восхищенно воскликнул Иса. — Что у него — три головы в запасе?

Замполит Урбан пожал плечами. Он подумал о том, что подвиг доктора не получил одобрения в вышестоящем штабе. Как же!.. Личные контакты с противником! Ненужное гусарство.

— Однако мы с вами забыли о рядовом Руднев, — напомнил замполит. — Он заявил, что не считает себя интернационалистом, а прибыл сюда характер закалять. Знаете, кого вы мне, Руднев, напоминаете? Вы вылитый Журден из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Журден прожил сорок лет, и все эти сорок лет не подозревал, что говорит прозой!

Десантники рассмеялись.

— Да, рядовой Руднев, вы и не подозреваете, что являетесь самым образцовым интернационалистом.

— Да я... — Лешка вскочил с места. — Как вспомню мальчишку, который предательски... Ножом... Батычко!..

Он не договорил. Сел. Все молчали, ждали, что на это ответит замполит. Урбан нахмурился, произнес тихо:

— Все вы, конечно, читали «Трех мушкетеров»,

Помните, как миледи заморочила голову офицеру, направила его на герцога Бэкингемского. И обманутый офицер убил его. Так и этот несчастный афганский мальчишка. Он не ведал что творил. Муллы внушили ему, что «шурави» — исчадие ада, посланы шайтаном уничтожить афганский народ, его веру, обычаи, уклад жизни. Станете вы осуждать, скажем, дикаря за то, что он, никогда не видев пистолета, взял незнакомый предмет в руки, случайно нажал на гашетку и уложил своего родного брата?.. Трагическое стечение обстоятельств. Мальчишку этого отправили в Кабул, поместили в детский дом для сирот. Получит правильное воспитание, поймет, что к чему и, поверьте, станет настоящим человеком. Но, конечно, всю жизнь будет казнить себя из-за страшного своего злодеяния. Такая мучительная заноза в сердце до конца дней человека мучает.

Алексей переглянулся с Тимуром. Тот молча оттопырил большой палец, одобряя слова Урбана. В самом деле: голодный, бездомный мальчишка-сирота. Разве он враг?.. Так почему же капитан считает меня интернационалистом?.. Да потому, что я и такие, как я, помогаем народной власти, афганским воинам наладить новую жизнь, чтобы не было бездомных и голодных мальчишек. Кровь за это проливаем, жизнью не жалеем. А то, что совершил бесстрашный капитан Ельников, — это повесомей иного выигранного боя. И подвиг Лорда и Шпирта...

Возможно, в их роте так вышло, но факт остается фактом: в основном десантники — рабочие и сельские парни, рано познавшие цену труду, надежно приспособленные к жизни. Интеллигентиков, вроде его и Тима, раз, два и обчелся. Ребятки все серьезные. Жизнь отучила их от безалаберности.

— Насчет закалки характера, — услышал Алеша голос Урбана, — это тоже верно. В боях и походах люди быстро взрослеют, яснее начинают понимать прожитую жизнь и то, чему надо посвятить себя в будущем. И эта закалка вам пригодится. Бой — это вовсе не обязательно стрельба, взрывы гранат и рукопашные схватки. Вся наша жизнь — бой. Сражение. Вот разъедетесь вы по домам...

— А кто не сможет уехать домой? — бросил лукавую реплику Семен Шпирт.

— Все разъедутся, — сурово отрезал Урбан. — А о

тех... Ну, вы понимаете... Тоже уедут. Есть одна из служб тыла, всем хорошо известная, увы!.. Сурово иной раз с нами судьба обращается. Но ничего не попишешь. Такова жизнь. И я уверен, вы и в мирные будни останетесь бойцами, рыцарями правды и справедливости. В этом смысле и дома вам ой как повоевать придется. Надо наводить порядок, товарищи десантники. И в этом деле вы обязаны быть в первых рядах.

...Прошло три месяца после возвращения Тимура и Алексея из госпиталя. Их батальон побывал в нескольких боях, засадах. Взаимодействовали с правительственными войсками. Афганские десантники сражались мужественно, однако им не хватало опытных командиров. Старые кадровые офицеры — кто погиб в междоусобных схватках, кто дезертировал и удрал в Пакистан, Иран... Из-за ошибок неопытного командования иной раз приходилось выходить из боя несолоно хлебавши. Однако в целом налаживалось боевое братство.

Алексея и Тимура теперь не потрясали факты дезертирства из правительственных войск. Они в таких случаях вспоминали мальчишку, убийцу Василя Батычко. Темные люди — убегают от своего счастья!.. Может, одумаются, поймут?

Отправлялись в рейды на вертолетах, на брониках. А когда БМД отказывались ползти дальше, по горным тропам, — топали на своих двоих, нагруженные оружием, боеприпасами, НЗ на несколько дней, другим необходимым. Десантнику положена фляга с водой. Опытные солдаты всеми правдами, а скорее всего — неправдами, раздобывали вторую флягу. Без воды в горах много не навоюешь. Тим и Леша тоже занимали дополнительные фляги.

Вождь клана захатель продолжал держать нейтралитет, хотя установленный им трехмесячный срок уже прошел. Надо же! Един-единственный человек (не строевик, а врач) вывел из строя несколько сот душманов, доставлявших долгое время столько хлопот!

С боями освобождали совместно с правительственными частями горные селения. Оставляли. Опять освобождали... Десантники с содроганием в сердце видели жуткие картины. Присланного из Кабула учителя ослепленные звериной яростью живодеры привязали за руки и за ноги к двум лошадям и погнали их в разные стороны!.. В одном селении обнаружили такое, что за-

мутило даже самых крепких парней. Изверги привязали за ноги пленного, израненного нашего солдата и с еще живого содрали кожу!.. Сделано это было с дьявольским искусством.

Даже муллу, «святого человека», Джехансуз приказал повесить за бороду и поджаривать на медленном огне!

Вина муллы состояла в том, что он во время пятничного богослужения в мечети призвал мусульман положить конец братоубийственному кровопролитию, объявить по примеру клана заха-хель перемирие и попытаться убедиться в искренности новых кабульских властей, призывающих к национальному примирению. Мулла не требовал вообще отказаться от войны. Он говорил всего лишь о временном перемирии.

Но и этого было достаточно. К тому же кто-то донес, будто старший сын муллы перебежал к кяфирам, учился на офицера у «проклятых шурави».

Джехансуз, разгромленный тогда, в первый день нового, тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, изловчился уйти тайными горными тропами. Отсиделся в Пакистане, собрал в специальных центрах подготовки четыре сотни хорошо вооруженных головорезов и снова стал устраивать засады, минировать горные дороги, сжигать дотла селения, убивать активистов, представителей новой власти. Пускался на самые отвратительные провокации. Раздобыв где-то полевую форму советских десантников, он напялил ее на своих бандитов и совершал злодеяния, а затем распускал слухи, будто это шурави творят убийства и насилия. Даже вынужденный отходить со своей бандой под ударами десантников, Джехансуз не упускал возможность проявить свою поистине дьявольскую изобретательность. Во втором взводе подорвались на минах-сюрпризах трое парней. Одна мина была законтактирована с брошенным «буром», две других — с радиоприемником и портсигаром.

Командир батальона майор Махмудов получил приказ во что бы то ни стало покончить с бандой Джехансуза.

Приказ есть приказ. Но десантники и без приказа жаждали разделаться с ненавистным душегубом. Две недели назад был тяжело ранен их кумир, подполковник Максим Максимович Энский. Вертолет, на котором он летел с группой подготовленных им новичков, был

сбит ракетой класса «земля — воздух». Как сообщил «солдатский телефон», подполковник получил множественные переломы и вряд ли когда-либо вернется в строй.

...Июнь пылал нестерпимыми солнечными лучами. Жаркий ветерок еще сильнее иссушал тело. Дождей не было уже давно. Здесь их вообще почти не бывает. Одно спасение — канал, протекающий рядом с расположением батальона.

Отделение Лорда плескалось в канале по очереди. Хотя и маловероятно, чтобы душманы напали среди белого дня, но предосторожность не мешает. Здесь — «зеленая зона» (в просторечии — «зеленка»), есть где укрыться врагу, сделать внезапный налет и мгновенно скрыться. Поэтому Тим с Лешей «прикрывали» товарищей, весело фыркающих и ржущих от удовольствия в прохладной мутной воде.

Друзья поглядывали по сторонам и вели неспешный разговор. Говорили о подполковнике Энском.

— Какого человека загубили, гады! — вздохнул Алеша.

— Что значит загубили? Выкарабкается наш орел.

— Говорят, в армии ему больше не служить. А ведь в генералы бы вышел, это точно.

— Максимыч еще покажет себя!

— И все же обидно. Чуть ли не по отвесной скале под многослойным огнем залез, противотанковой гранатой пулеметную точку взорвал... Вместе с собой! И... жив остался. А тут...

— Знаешь, Лешк, — произнес Тим почему-то шепотом, — у меня в башке дурная мыслишка завелась. Покоя не дает.

— О!.. Самокритика.

— Я серьезно, Лешк. Максимыч военный до мозга костей. А часто вел себя в бою, словно смерти искал! В рейды ходил. Зачем?.. Не его это дело. Сигнал: «Ага-ка!», и он уже впереди, как знаменосец в войну с Наполеоном!.. Ну какого черта полез на скалу с гранатой, словно рядовой десантник? Ребята рассказывали, будто за это на него сам генерал шумел, мол, во взводные пойдешь! «Ванькой-взводным» тебе самое место!.. Грозился даже медалью «За отвагу» наградить. Чтобы все знали, какой подполковник «ветрогон».

— А, байки!

— Может, и байки. Но вот что еще... У Льва-Шербека тоже ведь сын есть. Военный. Очень редко приез-

жал. Мы его с тобой не видели. А люди рассказывали. Майор. И вроде на нашего подполковника похож. Да и отчество у нашего Максимыча настоящее — Львович!

— Мало ли на свете майоров с отчеством «Львович»! Действительно, дурная мысль, дурью маешься. Разве у такого негодяя, как Лев-Шербек, может быть сын-герой? Гены, они, знаешь...

— У сына Века дед генералом был, вдруг у него дедовские гены? Меня и осенило: что если Максимыч сын Века?.. Соседи судачили, мол, с отцом приезжий майор на ножах, только мать жалеет. А отца стыдится. Еще подростком из дому ушел. Мучает его, что отец — вор.

— Богатая фантазия у тебя. А впрочем, в жизни все может быть. Меня сейчас другое беспокоит. Опять перестала нам Нинка писать. Как по-твоему, в чем дело?.. Может, все же Абрик поганый...

— Дурак! — рассердился Тимур. — Дался тебе этот Абрик. Выпускные экзамены у нее.

— Кончились экзамены.

Характерный гул со стрекотом послышался в выгоревших от солнца бледно-голубых безоблачных небесах. Немного погодя над горным кряжем показались темные точки. Парамн. Разрастаясь в размерах, они превратились в кузнечиков, которые по мере приближения становились все больше, больше и наконец оборотились в чудовища из фантастического романа, со сверкающими прозрачными дисками на спинах вместо крыльев.

С довольным урчанием головной вертолет, как живое существо, вильнул тонким хвостом с блестящим кружком малого винта и пошел на посадку, — там, за запыленными деревьями, для него была приготовлена сборная металлическая площадка. За ним последовали остальные.

— Вертолеты! — во все горло завопил Тим.

— «Вертушки» прилетели!.. — подхватил Леша, хотя товарищи, плескавшиеся в канале, и без них хорошо видели винтокрылые машины. Кричали от переизбытка чувств. Вертолеты — это всегда какие-то новости, почта, новые люди...

Было уже не до купания. Сноровисто, как по тревоге, одевшись, отделение Лорда с шумом и смехом поспешило к месту приземления «МИ-восьмых».

Парни подбежали к первой машине как раз к тому моменту, когда бортмеханик (или еще кто?) открыл дверцу и спустил лесенку-трап, Лопастн несущего вин-

та еще вращались, но едва-едва, а затем и вовсе замерли, обвиснув на концах, отчего вертолет вроде как пригорюнился.

Из дверного проема выбросили брезентовый мешок с почтой, затем выпрыгнул, обойдясь без лесенки, один из членов экипажа, за ним показались четверо солдат-новичков. Они смущенно улыбались, стараясь не смотреть на столпившихся возле «МИ-восьмого» старожилков.

— Ой! — не удержался вдруг от восклицания Алеша. — Посмотри, Тим!.. Глазам своим не верю...

Тимур окаменел от изумления: из вертолета показалась... Нина Климович, собственной персоной.

Не стану я описывать эту встречу. Как всегда бывает, поначалу разговор был сумбурный. «Какими судьбами, Нинк?» — «Да вот прилетела. А что, не рады?» — «Еще как рады, но уж очень неожиданно» — «Как вы тут?» — «Нормально, Нинк, а ты как?» — «Тоже нормально»...

Получив диплом медицинской сестры, Нина добилась назначения в госпиталь, стала служащей Советской Армии. Полагающимся ей месячным отпуском не воспользовалась. На три дня съездила к родителям в Байрамкент, и сразу же — на работу.

— Что там, в Байрамкенте? — поинтересовался Леша.

Нина наморщила нос, скорчила гримасу.

— Если коротко, то развитой социализм в газетах, а фактически капитализм эпохи первоначального накопления капитала. Спекулянты лютуют, ворюги ликуют.

— М-да... — протянул Тим. — Обрадовала!

— Чем богата. А вы тут, я вижу, в каптерках не отсиживались. Гляди-ка, «бэээ» сверкают. Хитрецы. Домой и мне писали, что в тылу отираетесь. Тревожить не хотели?

— Ничего особенного.

— Скромничаете. «За боевые заслуги», ясно написано.

— Ты лучше скажи, Нинк, как здесь очутилась? — поспешил переменить тему разговора Тим.

— Выбила себе месячную практику. Уломала начальника первого хирургического отделения. Симпатичный такой полковничек, миниатюрный, чистенький. Как игрушечный. Так хочется взять на руки и понянчить. Но хирург милостью божьей. Великий искусник. И че-

ловек прекрасный. Я его уговорила. Он еще кого-то уговорил. И вот я здесь.

— А как ты узнала, что мы здесь? — поинтересовался Леша.

— По номеру полевой почты. В отделении работает санитаром один парнишка. Он переписывается с другом своим, Федором...

— С Федей-танцором! — в один голос воскликнули Тим с Лешей.

— Именно, с Федей. А танцор он или не танцор, мне не ведомо. Так этот парнишка как-то рассказал мне, что Федор, описывая жите-бытье свое, поведал ему и о вас, бесстрашных героях. И о том, что вы ранены, я осведомлена. Так что не скрывайте, в обморок не упаду. Не зря же вы называете меня «своим парнем!»

Так вот вновь встретились три друга (из них — одна подруга), и казалось юнцам, что теперь все неприятное позади. Они вместе. Чего еще желать в жизни?

— А еще говорят, что цифра «13» несчастливая! — воскликнул Тим. — Сегодня тринадцатое июня.

— Типун тебе на язык! Еще сглазишь! — Лешка от полноты чувств хлопнул друга ладонью по спине.

— Э-э-э, — засмеялась Нина, — а вы, оказывается, здесь суеверными стали!.. Пошли.

И они направились в военный городок, — веселые, счастливые, девятнадцатилетние.

«ВОИНУ ВИДАЛИ ТОЛЬКО ЛИШЬ В КИНО...»

...Часа за полтора до рассвета — сигнал боевой тревоги. В считанные минуты рота гвардии капитана Смолянинова заняла места в вертолетах. Все как в песне: «Вот прозвучал воинственный набат, мы в три минуты покидаем роту. А мы сейчас летим в Джелалабад. Все очень просто: как будто на работу».

Только летели они сейчас не в главный город провинции Нангархар, а на юг, чтобы защитить жителей приграничного горного селения с суровым названием Торкелай*.

Если считать по прямой, до Торкелая около ста километров. Поэтому в «МИ-8», кроме отделения Лордкипанидзе, летели также расчет АГС и неугомонный

* Торкелай — Черное селение. Название условное.

капитан Ельников, подменивший батальонного врача, замученного зубной болью. (Верголетчики слили лишнее горючее, и поэтому полетный вес «вертушки» был в норме).

Боевая задача — десантироваться в Торкелае, занять оборону и ударами из засады разгромить банду Джехансуза, пробирающуюся по горным тропам в это селение, чтобы расправиться с мирными жителями.

Вот и все, что знали десантники. Все понятно: «Бей первый сам, иначе будешь битый!»

Однако командование батальона, вышестоящие штабы знали гораздо больше. Ночью буквально из последних сил приполз израненный, умирающий афганец. Это был хадовец, разведчик, проверенный на многих делах. Во времена Амина перенес нечеловеческие пытки в застенках крепости-тюрьмы Чарки. Его пытали электрошоком, вырвали на правой руке ногти и наверняка замучили бы до смерти. Но, к счастью, не стало Амина. Али Мухаммад вышел на свободу. Подлечился. А затем под видом мелкого дуканвала (лавочника) странствовал по провинциям и ала-хукуматам, скупал, продавал всякую мелочь. Назывался он Али Мухаммадом и жил по «легенде», согласно которой лавка его была в Герате, но пришлось бежать, так как участвовал в мятеже против кабульских нечестивых властей. Теперь вот вынужден бродить по дорогам, приторговывать по мелочи.

«Дуканвала» (или дукандор), называвший себя Али Мухаммадом, помог командованию правительственных войск накрыть и ликвидировать несколько бандформирований. На этот раз он разыскивал банду Джехансуза. Обнаружил ее почти на границе с Пакистаном, в горном ущелье. Затеял торговлю. Все шло хорошо. Но, как говорится, вмешался шайтан. Среди захваченных в январском бою пленных находился хитрый головорез. Он тогда прикинулся раскаявшимся, на коленях умолял призвать в армию, чтобы он мог искупить свою вину. Ему поверили, однако бандит дезертировал, а затем, после долгих странствий, пробрался в Пакистан и явился к Джехансузу.

В тот памятный для пленного душмана январский вечер он заметил среди мушаверов* человека, который ныне выдавал себя за разоренного дукандора. Среди

* Мушавер — командир, начальник.

шурави дуқанвала держался свободно и было заметно, что к нему относятся с уважением. Хитрый душман решил «пощупать» купца. Стал прицениваться ко всякой мелочевке — к сингапурским зажигалкам, японским авторучкам с вмонтированными в них электронными часиками, пакетиками с анашой...

И он внутренне вздрогнул от поразившей его догадки, увидев, что пальцы правой руки «знакомца» изуродованы. Значит, купца пытали!.. А левая кисть в синеватых точках — тоже следы пыток. Правда, пытать его могли и при Захир-шахе. Но это не меняет дела. Он не купец. Лазутчик!..

Вроде так, между прочим, спросил у купца, что у него с руками. Али Мухаммад отвечал, что его пытали люди нечестивца Амина. Кто-то пустил слух, будто он, Али Мухаммад, богач, и его истязали с целью выпытать, где он прячет свои сокровища.

И тогда бандит решил пойти напролом. Произнес зловеще:

— Я тебя видел в стане проклятых шурави и нечестивцев!

Али Мухаммад и бровью не повел, объяснил, что был схвачен и насильно доставлен в стан врагов. Однако зрачки его на мгновение расширились. И это заметил головорез. Тут же взял «купца» на мушку и отвел к самому Джехансузу.

Главарь моджахедов, — чернобородый, зловещего вида красавец с яростными глазами фанатика, одетый по-походному, в обычную белую рубаху, зеленые штаны и зеленую безрукавку с четырьмя карманами на груди и животе, — сперва без особого интереса слушал «легенду» мелкого торгаша. Мало ли к нему люди приводят подозрительных! Ведь он обещал за лазутчика щедрую награду — пятьдесят тысяч афгани.

Но Али Мухаммад совершил ошибку, стал уверять, что до того люто ненавидит кяфиров, что даже отказывался продавать им свой товар. Он никогда не имел дела с шурави. А то, что его силой привели в их стан и ограбили, он не виноват.

— И к лекарям кяфиров никогда не обращался? — у зловещего главаря оказался нежный приятный тенорок.

— Клянусь аллахом!..

Джехансуз сделал знак, и к нему, согнувшись, при-

жимая руки к сердцу и животу, приблизился телохранитель. Главарь шепнул ему что-то на ухо, — громадный верзила стремглав выскочил из комнаты. Через несколько минут он привел пожилого человека, который тоже согнулся в раболепном поклоне.

— Загляни этому дукандору в пасть, — приказал Джахансуз.

И тогда Али Мухаммад понял: все кончено! Во рту у него были три пломбы, поставленные советскими врачами.

Не стану описывать муки разведчика. Скажу лишь, что в этом гнусном деле моджахеды мастера. С древнейших времен передавалось из поколения в поколение тошнотворное умение причинять человеку страшные муки, которые, однако, не вызывали быструю смерть.

Невыносимо страдая, разведчик продолжал твердить, что он всего-навсего бедный дукандор, разоренный врагами ислама. От пыток он то и дело терл сознание, но когда его ум немного прояснялся, он жадно запоминал все, о чем со смехом и шутками говорил Джахансуз со своими приближенными. «Надо... Во что бы то ни стало надо выжить! — лихорадочно искал он хоть какой-нибудь шанс удержаться на этом свете. — Палачи думают, что я уже ничего не соображаю... Но нет!.. Я еще не умер!.. Они говорят, что... Какое число это будет, если пересчитать на европейский календарь?.. Мысли путаются!.. Пятнадцатое июня. В этот день они явятся в горное селение Торкелай, расправятся с жителями и сожгут «гнездо предателей»!.. Надо попробовать оттянуть казнь. Вырваться отсюда! Но как?..»

Джахансузу надоело зрелище мучений истерзанного лазутчика.

— Хватит! — он поднял руку. — Пусть презренный предатель наберется сил. Сейчас он уже плохо чувствует наказание. Дадим ему отдых. Завтра утром продолжим. Он нам все... Все расскажет! Бросьте его до утра в яму и хорошенько сторожите.

Али Мухаммада выволокли за ноги из кеждыя и швырнули в яму*.

Яма была не очень глубокой, но возле нее уселся охранник с автоматом «Томпсон». Часа через три его

* Кеждый — четырехугольный в основании шатер, крытый «бараком» — тканью из козьей шерсти.

сменил другой моджахед с мерзкой рожей. Вместо носа у него была какая-то отвратительная блямба. «Насильник! — с отвращением подумал Али Мухаммад. — Докатились! И такими даже не брезгают... Что, если пообещать ему денег, чтобы помог бежать?..»

Над ущельем нависла непроглядная ночь. Мерзкий тип закурил, и узник ощутил специфический запах акаши. Охранник поначалу стал агрессивен, осыпая Али Мухаммада проклятиями, грозил пристрелить. Но постепенно возбужденное состояние наркомана перешло в апатию, он стал клевать носом и наконец захрапел, выронив из лап автомат.

Говорят, умалишенные и люди, находящиеся на краю неминуемой гибели, могут в состоянии аффекта выказать силу и ловкость поразительные. Разведчик находился и в состоянии, близком к умопомешательству, и одной ногой в могиле. Даже, пожалуй, обеими ногами! Он целиком находился в ней!

И откуда явились силы и поразительная изворотливость ума. Конец ствола «Томпсона» торчал над краем ямы. Али, собрав все силы, подпрыгнул и ухватился за ствол. Моджахед продолжал храпеть. Тогда узник прислонил автомат к стене, уткнув «Томпсон» стволом в дно ямы. Цепляясь за неровности глинистой стены, ухитрился упереться одной ногой на затыльник приклада. Побалансировав в такой немислимой позе, уловив мгновение, оттолкнулся и ухватился обеими руками за край ямы.

Глина осыпалась, крошилась под пальцами, но тут рука Али нащупала что-то вроде куста. Держался он крепко. Напрягая последние силы, беглец выкарабкался, лег животом на край своей могилы. Отдышался чуточку. Охранник храпел, уткнув голову между колен.

Все остальное Али видел словно во сне. Истекающий кровью, израненный, он полз, полз и полз... В голове его раскаленным гвоздем засела мысль: «Пятнадцатого июня Джехансуз учинит резню!.. Надо предупредить. Во что бы то ни стало!.. Сегодня десятое... До своих, если по тропинкам, один «караван-сарай». Джехансуз с бандой пробрался в наш тыл!.. Надо пойти, доползти. Предупредить!...*»

И Али полз, полз, полз... Без воды, еды, израненный, быстро слабея от потери крови. Он с ужасом ощущал,

* В южных районах Афганистана «караван-сарай» — мера расстояния, 25—30 километров.

как трепещет его душа, готова оборвать невидимый волосок, соединяющий ее с истерзанным пытками телом, и улететь. Не смерть его страшила. Сейчас смерть для Али была величайшим благом, избавлением от мук. Он трепетал, боясь, что не доползет, не предупредит!

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое июня его нашли афганские солдаты. Доставили в штаб. Али успел рассказать все, и его не стало. Он умер счастливый, он выполнил свой долг.

Так думал герой, называвший себя Али Мухаммадом.

И как же он ошибался!

Все было с дьявольской хитростью подстроено Джемхансузом.

Его головорезы уже расправились с жителями селения Торкелай. Активистов уничтожили, остальных угнали в Пакистан, приказав, под страхом лютой смерти, выдавать себя за беженцев. Угнали даже муэззина, чья обязанность — созывать с минарета мечети мусульман на молитвы.

Лишь старенький мулла умолил душегубов не отправлять его в чужие края, пожалеть старческие немощи.

Торкелай расположен в ущелье на правом, пологом, склоне, у подошвы горы Пишикох (Кошачья гора). Здесь ущелье расступалось, образуя нечто вроде небольшой горной равнины, прогалины. Бурливая горная речка кипела на дне горного развала. К ней, по специально прорубленной в каменистой породе дорожке, жители спускались за питьевой водой. Вроде и близко вода, а орошать из речки поля, расположенные выше на полсотни джарибов*, затруднительно.

Однако еще в древности, чуть ли не тысячу лет тому назад, безвестный гений догадался использовать грунтовые воды. Люди в пологих склонах горы прорыли подземные галереи — каризы. В них, как в водохранилищах, накапливались грунтовые воды. Из этих каризов земледельцы и питали водой свои скудные поля, засеянные пшеницей, кукурузой, просом...

Убедившись в том, что мнимый дуканвала является лазутчиком, Джемхансуз и придумал изверский план. Ненависть изощрила его и без того изворотливый ум.

Наслаждаясь мучениями врага, он вместе с тем вни-

* Дж а р и б — мера длины (около полуметра).

мательно следил за лазутчиком, и когда тот, окаченный из кувшина водой, приходил в себя, коварный главарь, начинал с приближенными разговор о предстоящем якобы карательном походе в Торкелай, хотя в действительности его головорезы уже расправились с жителями горного селения.

Разведчик полагал, что ему удалось самому бежать из плена. Не ведал он, что побег устроил сам Джехансуз! Было даже приказано безносому, если измученный узник не сумеет сам выбраться из ямы, предложить помощь, за крупную мзду, разумеется. Узнав, что «дукандор» все же умудрился бежать, изверг воздал хвалу аллаху и приказал своему отряду стремительным ночным переходом возвратиться в Торкелай и укрыться в каризах и в мечети. О каризах шурави не ведают, а в мечеть не осмелятся ступить, дабы не нанести оскорбления религиозному чувству мусульман. Правда, жителей, кроме престарелого муллы, в селении нет, угнали. Кяфиры, пожалуй, могут заглянуть и в мечеть. Можно, однако, притаиться в подвалах, а входы в них завалить всяким хламом.

То-то будет потеха! Кабульские шайтаны и шурави сунутся в селение, а в нем, кроме полоумного муллы, ни души. Начнут по радио оповещать своих мушаверов. Лгать, наверное, будут, хвастать, что удалось им уберечь от сожжения Торкелай, благоразумно умалчивая о том, что людишек-то в селении нету. Обольщать обещаниями нечестивого рая на земле некого!.. И тут уж скажут свое слово воины ислама!

Не следует весь отряд сокрыть в мечети и каризах. Слава аллаху, отряд разросся, к нему прибились моджахеды из других потрепанных в боях отрядов. Теперь у него до семисот воинов! В ущелье по всей его длине есть проходы, тропы. Там тоже нужно устроить засады. Создать опорные пункты. Кабульские вояки и шурави от неожиданности растеряются, паника их постигнет. Бросятся бежать из Торкелая, как крысы, в разные стороны. Тут-то им и придет конец, новоявленным нечестивым рошанийцам*.

Свалимся на головы кяфиров, как сверкнувшая молния среди ясного неба! Велик аллах! Изощряет мой ум

* Секта «Рошани» возникла в XVI веке. Основатель — Баязид Ансари. Рошанийцы отрицали некоторые мусульманские обряды и проповедовали социальное равенство. После многолетней борьбы движение рошани было подавлено.

в священной войне. После такой победы под Зеленое знамя моего воинства соберутся уже не сотни, а тысячи правоверных. И тогда я буду не только Джахансузом. Ко мне станут обращаться, как к царственной особе — Шахзода*!

Главарь банды был тщеславен и властолюбив. О таких говорят: «От скромности не помрет».

Он и впрямь испустит дух по другой причине.

...«Вертушка» с отделением Лорда на борту сделала вираж над селением. Было еще довольно темно, едва-едва забрезжило. Но все же можно с высоты различить, что селение Торкелай состоит из четырех улочек, сходящихся к площади с хаусом (бассейном) в центре, обсаженном деревьями. «Слепые», безоконные, дувалы кривой улочки упирались в другую площадь, поменьше, перед которой, ориентированная в сторону Мекки, у подножия Кошачьей горы, — мечеть с миниатюрным минаретом.

Обычное горное селение, каких в Афганистане сотни, если не тысячи.

По плану первым десантировался взвод старшего лейтенанта Романцова — для проведения разведки. Селение оказалось безлюдным. Лишь на площади с хаусом обнаружили семь изуродованных трупов, расстрелянных и зарубленных мужчин, не проявивших, очевидно, должного уважения «защитникам ислама», преданности. Солдаты осмотрели жилища, хозяйственные постройки. В мечети обнаружили прятавшегося в каморке сухонького старичка с седой прозрачной бороденкой, в измазанном глиной халате и огромной чалме, тоже замаранной. Переводчик, афганец, прилетевший со вторым отделением, ничего не мог добиться от старика. Узнал лишь, что он мулла и что давно пора, за неимением муэззина, взбираться на минарет и возглашать азан — призывать правоверных к первой молитве. Мулла выглядел запуганным, мало что соображающим.

Осмотрели окрестности селения. Никого! Кругом нагромождения ноздреватых камней, там-сям низенькие кусты, колючка какая-то. А тут еще, как из-под земли, объявился странствующий дервиш — оборванный, в высоком войлочном колпаке с бубенчиком, босой, со сбиты-

* Шахзода — принц.

ми в кровь пальцами ног. Переводчик определил, что дервиш из ордена маланги. Дервиши этого ордена крайне враждебны к шурави и кабульским властям. Этот юродивый тоже выказывал агрессивность: выкрикивал угрозы, плевался. Однако солдаты Романцова знали, что связываться с такими типами нельзя. Мусульмане считают дервишей святыми, угодными аллаху людьми. Надо терпеть.

Жутковатого вида дервиш-маланги неожиданно расхохотался. Гримасничая и гремя тыквочкой-погремушкой, вдруг переменял гнев на милость. Подскочил к Романцову, изображая всем своим видом почтение к шурави, забормотал что-то неразборчивое, расплылся в улыбке. Переводчик с удивлением сообщил, что дервиш приветствует повелителя молодых шурави, спустившихся с небес, словно ангелы.

Он мешал старшему лейтенанту. Надо было расставить десантников в концах улочек, устроить засады, установить ротный пулемет на вершине невысокой Кощачьей горы, причудливый излом вершины которой напоминал кошку, подыскать огневую позицию для АГС.

Тем временем в небе появились вертолеты, доставившие остальные два взвода роты. Романцов передал по рации о том, что Торкелай пуст, жителей его, видимо, душманы угнали. Ничего подозрительного в селении не обнаружено.

Вертолеты парами заходили на посадку. Ввиду важности операции с ротой прибыл замкомбата капитан Урбан. Две роты батальона оставались пока на базе. Это обстоятельство несколько удивило Романцова. Однако был он человеком дисциплинированным, что называется, «военной косточкой», и потому решения командования не привык обсуждать.

Замысел вышестоящего штаба, получившего информацию об опустевшем селении, состоял в том, чтобы терпеливо ожидать дальнейшего развития событий. Совершенно ясно, что хадовец, доставивший «липовые» сведения о якобы готовящейся душманами резне в Торкелае пятнадцатого июня, либо добросовестно заблуждался, либо ему подбросили «дезу» (дезинформацию) умышленно. Но зачем?..

Романцов по рации получил приказ еще раз внимательно обследовать дворы, ближние окрестности, обшарить все закоулки в мечети.

Между тем старик-мулла, прокричав с минарета надтреснутым голосом азан, спустился вниз и приступил к утренней молитве.

— Вот формалист! — улыбнулся Романцов.

— Он и так опоздал, — объяснил переводчик. — Долго, наверно, не станет нас агитировать за аллаха. Три раката, не больше.

Романцов отдал распоряжения насчет повторной разведки. Тимура с Алексеем направил в мечеть. За ними увязался дервиш. Отогнать его, не применив силы, было просто невозможно.

— Аллах с ним, — махнул рукой Тим.

Мечеть была небольшая, осмотреть ее оказалось делом нескольких минут.

— Пошли, что ли, докладывать? — предложил Леша.

Уже повернув назад, парни обратили внимание на мусорную свалку в левом углу у входа в мечеть.

Станным это показалось десантникам. Верующие соблюдают в молитвенном доме чистоту, даже при входе в мечеть обувь снимают, а тут — мусор!

Мулла тем временем окончил молитву и мелкими старческими шажками приблизился к парням. Увидев, что шурави разбрасывают ногами мусор, на секунду замер и бросил на парней странный взгляд. Взгляд этот Тим заметил боковым зрением, и еще усерднее заработал ботинками.

— Эге! — воскликнул Леша, увидев вдруг полузасыпанный лаз. — Жутковато соваться в эту дыру, а придется. Прикрой меня, Тим...

Он не договорил. Вертевшийся рядом дервиш вдруг молчком бросился на Тимура, в руках «юродивого» сверкнул нож!

Фанатик метил в шею, но угодил в верхний край бронжилета. От неожиданности и удара яростной силы Тим не удержался на ногах. Он хотел крикнуть, но из горла вырвалось лишь хриплое дыхание. Его охватил не страх, а какое-то оцепенение. Инстинктивно перехватив руку дервиша, старавшегося полоснуть его по лицу, парень словно околел. И только сейчас по телу разлились ледяные волны смертной тоски. Он видел свою гибель в излучающих бешенство глазах «юродивого», который силится и никак не мог воткнуть нож в глаз, в рот своего врага.

Невероятно, — и Тимур потом сам поражался, — но

в эти роковые мгновения он намертво запечатлел в памяти лик дервиша: бритоголовый, пылающие огнем ненависти расширенные глаза, белки, налившиеся багровым, косой фиолетовый шрам на потном, в грязных потеках лбу... клочковатая черная борода и торчащие из бороды, как из поросшей кустарником норы, желтоватые клыки хищного зверя.

Молчаливая борьба продолжалась секунды две-три, не больше. Алексей, примеривавшийся, как бы половчее просунуться в лаз, оглянулся на шум падающих тел, оторопел и, тоже от неожиданности, забыв, что держит автомат наизготовку, бросился на душмана, стал выворачивать руку, сжимающую нож...

Двоем они наконец обезоружили «дервиша», распластали на пыльной земле. Делали они это громко сопя, чертыхаясь, но им почему-то не приходило в голову, что следует поднять тревогу, дать из автомата очередь. Тревогу поднял душман. Он визгливо, пронзительно закричал что-то — и тут же из лаза загремел автомат, пули всером прошли совсем рядом, выбили неподалеку пыльную строчку. Парни отпрянули от «дервиша», кинулись в сторону, залегли за сложенными неподалеку аккуратным кубом сырцовыми кирпичами, приготовленными, видимо, для ремонта обветшавшей мечети. Открыли огонь по лазу.

Хватились «дервиша», однако он исчез. Наверное, пока они бежали к кирпичам, он нырнул в лаз.

— Дуй к Романцову, доложи, что в мечети засада! — крикнул Леша. — А я их из лаза не выпущу.

— Но... — возразил было Тим.

— Не теряй времени. Только осторожно. Прикрою.

Леша запустил по душманской норе длинную очередь, а Тим, стремительно отбежав в сторону, рухнул в какую-то выбоину; дождавшись новой автоматной скороговорки, перемахнул через дувал и помчался по улочке, радуясь, что она извилиста, его уже не достанут огнем ихвани, и тревожась за друга, оставшегося в одиночестве против своры врагов.

На одном из поворотов едва не сбил с ног взводного Романцова.

— Что за стрельба? — Романцов тоже запыхался от бега, однако старался говорить спокойно.

— Душманы в мечети! Замаскировались, сволочи.

Только сейчас он заметил, что со старшим лейтенантом прибежали Лорд, Иса и троица агеевцев, — один

ташил на себе тело гранатомета, другой — треногу, третий — боезапас в металлических кассетах.

— Та-а-а-к, — протянул Романцов, словно обрадовался. — Он подозвал радиста и передал о случившемся Смолянинову и Урбану, находившимся на южной окраине селения. Ротный помолчал несколько секунд, видимо, ошеломленный. Затем приказал:

— Немедленно двумя отделениями блокировать мечеть. Одно отделение оставь мне. Возможно, засада не только в мечети. Возьми расчет АГС. Мечеть — это вроде крепости. Так просто из нее «духов» не вылушить.

Урбан вздохнул. Затем не выдержал, крепко ругнулся.

— Эх!.. Прошляпили засаду, следопыты задрипанные!

Еще, казалось, не все было потеряно. Если «духов» запереть в их норе, то они долго не продержатся. Однако это были иллюзорные надежды. Душманы уже расползлись, как тараканы, по мечети, заняли оборону. Алеша оказался отрезанным от своих. Он, правда, находился в относительной безопасности, за кирпичами, но надолго ли? По нему уже дважды жахали из гранатомета. Кирпичный куб осыпался наполовину. С вершины Кошачьей горы, находившейся метрах в трехстах от мечети, бил наш пулемет. Но стрелял он «на арапа», поскольку те, кого он стремился поразить, были укрыты стенами из сырцового кирпича. «Духи» же вели огонь из бойниц. И даже на минарете, откуда лихорадочно строчил пулемет, тоже имелись специально сделанные бойницы.

Услышав стрельбу в стороне мечети, Джехансуз, урывавшийся в одном из каризов, изменился в лице: какая-то случайность лишила его главного залога победы — внезапности! Он побледнел от ярости и нехорошего предчувствия. Ведь он ждал, что в селении высадится весь батальон Максимхана. Батальон, которым командовал теперь Махмудов, он по-прежнему называл по имени крепко насолившего ему подполковника. Главарь банды все знал. Даже то, что Максимхан разбился вместе со сбитым вертолетом. Но все равно «Максимхан-батальон»!..

Как хорошо было все задумано. Батальон шурави высадится в Торкелае, мушаверы убедятся, что их опередили и вызовут своих летающих железных скорпи-

онов, чтобы улететь назад, восвояси. В эти минуты ожидания, когда внимательность притупляется, ибо люди мысленно видят себя дома, в палатках, — в это время и ударить! Внезапно ударить, стремительно, с леденящими души шурави воплями, прославлениями аллаха и проклятиями кабульским изменникам ислама и их покровителям! Главное, чтобы враги дрогнули, чтобы у них возникла паника, и тогда их можно убивать на выбор, громить, резать!..

Даже если шурави отправятся назад не по небу, а горными тропами, им тоже несдобровать. Часть его отряда уже находится в засаде на их обратном пути.

Однако план разгрома шурави неожиданно рухнул. Оставаться в каризах — самоубийство. Из прекрасного места для засады они превратились в ловушку для его воинства! Теперь-то уж шурави обязательно отыщут выходы из каризов. В них всегда хорошая тяга. Если бросить в кариз дымовую шашку, то не останется ничего другого, как поднять руки и сдаться!.. Или пустить себе пулю в висок.

И тогда Джехансуз скомандовал:

— Во имя аллаха всемогущего и всевидящего!.. Доблестно павшие в бою попадут в рай!.. Вперед, уррр!..

С диким ревом и непрерывной стрельбой «духи» стали выскакивать из каризов. Их внезапное появление действительно внесло некоторую сумятицу в ряды шурави. До паники, однако, не дошло. Воинство Джехансуза численно превосходило роту десантников раз в пять, а то и больше. «Духи» выволокли из каризов три миномета, несколько гранатометов, трофейный крупнокалиберный ДШК и пару ракет «Ред ай» для отражения ударов с воздуха. Натиск ревуших, визжащих, строчащих из автоматов и карабинов душманов оказался все же внезапным. Особенно большие потери понес третий взвод, занимавший оборону на южной окраине селения. В первую же минуту боя были убиты командир взвода старший лейтенант Седых; тяжело ранен его заместитель Адамович, заколот кинжалом в рукопашной гранатометчик Усманов. Получили ранения еще несколько десантников.

Замаскированные камнями и кустарником выходы из каризов находились от третьего взвода в каких-нибудь пятидесяти шагах, и поэтому внезапный натиск «духов», численно во много раз превосходящих взвод, был ударом ошеломляющим и яростного накала. Урбан при-

казал принявшему командование взводом командиру первого отделения Фазылову отойти, прикрывая огнем друг друга, за глиняные дувалы и продолжать отражать бешеные наскоки моджахедов. Некоторое облегчение десантникам давал пулемет, предусмотрительно установленный Романцовым на вершине Кошачьей горы. Он прижимал «духов» всякий раз к земле, когда они порывались рвануться в решительную атаку. Там, на вершине, работал хороший пулеметчик младший сержант Козырев. Когда Козырев делал передышку, давая стволу пулемета поостыть, огонь открывал стрелок-снайпер рядовой Ашот Орбелян. Его одиночная стрельба не производила большого шума, однако наносила душманам не меньший урон. Орбелян стрелял из своей «оптики» без промаха.

Джехансуз, сидя за развалинами окраинного дувала, скрипел зубами и матерился по-русски, изумляя отрядного муллу и телохранителей. Русским ругательствам изверг научился в прошлом году, когда был захвачен его воинами израненный десантник. Совсем молоденький, белобрысый. Его Джехансуз и убивать даже сначала не хотел. И без чужой помощи кровью изойдет. Однако этот мальчишка без перерыва хрипел какие-то слова и плевался. Джехансуз приказал переводчику перевести, о чем хрипит дохляк. Бедный толмач, трепеща и заикаясь, переводил. Моджахед поразился витиеватости выражений и глубине оскорбительного смысла.

Джехансуз не поленился записать в памятную книжечку особо поразившие его воображение словосочетания. Он был образованным, любознательным человеком. Сын богатого оптового торговца окончил один из привилегированных лицеев — «Истиклаль», богословский факультет Кабульского университета, получил ученую степень лиценциата. Затем уехал в Штаты изучать политические и экономические науки. Ругательства умирающего десантника он записал латинскими буквами.

Давно замечено, что самыми отъявленными религиозными фанатиками и националистами бывают не неграмотные землепашцы и ремесленники, а именно люди образованные, ибо их фанатизм не быстропроходящая ярость простака заблудившегося в лабиринте жизненных обстоятельств, и легко остывающего при малейшем проблеске надежды выбраться на путь праведный. Нет! Не то у «образованных». Их фанатическое бешенство пылает постоянно, поддерживаемое, как топливом,

теоретическими постулатами и догмами. И это превращает «утонченных интеллигентов» в лютых и беспощадных зверей.

Таким был Джехансуз.

Сейчас этот мрачный красавец и внешне походил на разъяренного зверя. Его приводило в бешенство и пугало, что семь десятков шурави все же устояли и сейчас, организовав круговую оборону, отражают уже пятую попытку моджахедов прорваться к мечети и обратить в бегство оставшихся в живых шурави. Джехансуза страшило и другое: на помощь осажденным не летят «железные скорпионы», не высаживают весь батальон. Неужели их мушаверы решили оставить роту на произвол судьбы?.. На них это не похоже!.. В чем дело?!

А дело в том, что майор Махмудов был достойным преемником подполковника Энского. И он хорошо изучил повадки Джехансуза. Совершенно очевидно, что изворотливый «дух» задумал какую-то каверзу. Он надеется, что комбат бросит в бой еще две роты, призвет афганских десантников, и они низринутся на площадь Торкелая, ударят с новыми силами. Расчет Джехансуза прост. Когда «вертушки» станут снижаться попарно для выброски десантников, сбить их ракетами и из крупнокалиберного пулемета не составит особого труда. Ударить с близкого расстояния — промаха не будет. Но это понимал и Махмудов. Выбросить десант в стороне и затем прорываться к селению бессмысленно. Атаковать «духов» с противоположной стороны ущелья под многослойным огнем — значит положить обе роты. Десантироваться на прогалине, где посева?.. «Духи» тут же подожгут перестоявшуюся пшеницу, просо. Да и мин они там наверняка натыкали. За прогалиной же — новое ущелье, тянущееся параллельно тому, на краю которого притулился Торкелай.

Нанести ракетный удар по мятежникам вертолетами «МИ-двадцать четвертыми», — опять незадача. Они сейчас задействованы в операции «Лазурит», где проводится крупномасштабная операция. При особой настойчивости, конечно, можно получить несколько «штурмовиков». Но... Ох, эти проклятые «но»! Урбан доложил по рации сложную обстановку. Десантники блокировали мечеть, где засели «духи». В свою очередь рота попала в окружение. Противник, пользуясь внезапностью и десятикратным превосходством, оттеснил десантников к

строениям, к дувалам, окружающим мечеть. Десантники и душманы сошлись почти вплотную, ведут гранатный бой. Ракетный удар может прийтись по своим.

Майор связался с непосредственным своим начальником. Тот немедленно прилетел в штаб батальона. Прикинули на карте. И решили.

1) Десантникам, держащим оборону, штурмом захватить мечеть и удерживать ее во что бы то ни стало до подхода подкреплений.

2) Вертолетный десант (2-я рота) выбросить восемь километров южнее селения Торкелай и тем самым лишить противника возможности выхода из боя и бегства в Пакистан в районе Хайберского горного прохода.

3) Направить в сторону селения Торкелай по грунтовой дороге 3-ю роту на БМД, разгромить возможную (в пути следования) засаду и прорваться в селение Торкелай.

4) Операцию провести совместно с афганскими десантниками.

На войне (на большой ли, на малой ли — все равно!) действует жестокое правило «Стоять насмерть!». Порой возникает необходимость жертвовать малыми силами ради сохранения больших сил, которые и выигрывают бой, сражение, празднуют победу.

Но «силы», чей долг стоять насмерть, которыми приходится жертвовать, не являются абсолютным понятием. «Малые силы» — это отделение, взвод, рота молодых парней, полных жизненной энергии, радужных планов, надежд, мечтаний, — юнцов, которых ждут не дождутся дома родители, молоденькие жены, невесты.

А их суровый удел, как в песне: «Войну видали только лишь в кино, а здесь придется жертвовать собою!»

Рота капитана Смолянинова и оказалась той «малой силой».

Получив приказ во что бы то ни стало взять мечеть, укрепиться и приковать к себе главные силы бандформирования, капитан не стал сетовать на судьбу. Человек военный, он знал одно: приказ надо выполнить. Замкомбата Урбан тоже отогнал лирические раздумья. Сказал Смоляникову:

— Пусть Фазылов занимается своим делом. Я приму третий взвод. Ты командир роты, тебе и карты в руки, Игорек,

И лишь по неуставному «Игорьку» можно было приметить внутреннее напряжение замполита.

Тем временем бой гремел. Смолянинов ломал голову, как незаметно для «духов» подтянуть свои «малые силы», собрать в кулак и кинуться на штурм мечети. Так ничего и не придумав, он хотел уже передать приказ во взвода: «Делай как я!», как вдруг моджахеды разом прекратили пальбу. Что случилось? В душе шевельнулась слабая надежда: «Может, наши подходят?»

Нет, не наши!.. Вместо них по улочке шел неспеша старичок-мулла. Тот самый, что читал утреннюю молитву.

Лежавший рядом с ротным Тимур присвистнул от удивления.

— Во дисциплинка, а, товарищ капитан!

Между тем старик просеменил мимо, пересек крохотную площадь и был беспрепятственно пропущен в мечеть. Еще минут пять спустя послышался его надтреснутый старческий голосок с минарета, превращенного «духами» в пулеметную точку. Еще немного погодя наступила тишина: правоверные головорезы воздавали хвалу аллаху и просили о даровании им победы и одоления. Солнце стояло в зените — время полдничной молитвы.

— Вот бы сейчас ударить... В самый раз! — громко прошептал кто-то из десантников.

Смолянинов промолчал. У него у самого возникла такая мысль, но капитан отогнал ее. Напасть на молящихся в мечети!.. Слух о чудовищном кощунстве мгновенно разлетится по всей стране, вызовет взрыв возмущения. Другое дело — после окончания молитвы начать штурм. «Духи» сами осквернили мечеть, превратив ее в крепость, наделали амбразур, ведут из мечети губительный огонь.

...Молитва продолжалась минут пятнадцать. Молились не только в мечети. Отбивали поклоны и те, кто плотно блокировал роту. Там у них был свой мулла. Молитва в полдень — святое дело.

Воспользовавшись пятнадцатиминутной передышкой, Смолянинов незаметно подтянул свои силы, поставил на позицию второй АГС, и как только старичок-мулла проследовал по улочке восвояси, пустил сигнальную ракету.

И тут же ударили два автоматических гранатомета во входную дверь, разнесли ее в щепу, «мухи» обруши-

ли свои гранаты; с вершины Кошачьей горы прошелся длинной разящей очередью пулемет. Ефрейтор Чумаков, как ему и было приказано, фланговым огнем отсекал душманов, пытавшихся атаковать десантников, штурмующих мечеть-крепость с тыла и флангов.

Осажденные ответили шквальным огнем. Среди десантников на несколько секунд возникло замешательство. Еще мгновение, и штурм обернется разгромом и резней, — ведь озверевших душманов вдесятеро больше!..

И тут настал звездный и смертный час старшего лейтенанта Михаила Романцова. Он вскочил и, потрясая автоматом, закричал во все горло:

— Что же это вы, десантура, или не мужики?!.. За мно-о-ой!..

И Романцов рванулся вперед, увлекая за собой десантников. Он лишь на мгновение замер перед прошедшей перед его десантными ботинками пыльной ступенькой, тут же перескочил через нее и очутился на ступенях мечети, швырнул в дверной проем гранату. Пыль и дым повалили из входа. Моджахеды осыпали храбреца тысячами пуль. При свете яркого солнца трассеры почти не светились и казалось, что Романцов опутан дрожащей паутиной. Но — чудо из чудес! — старший лейтенант не падал, — более того, он обернулся, махнул рукой с автоматом десанникам, зовя их за собой.

Он рухнул на ступени в тот момент, когда рота, изумленная подвигом героя, в едином порыве рванулась к мечети, не замечая ни града пуль, ни разрывов гранат, ни устрашающих боевых воплей душманов.

Ближе всех к упавшему Романцову находился Леша, все еще укрывавшийся за кирпичной кладкой, превратившейся в бесформенную грудку от разрывов гранат и мин. Он оттащил безжизненное тело офицера в сторону, чтобы не затоптали в рукопашной свалке и, вслед за уже ворвавшимися в мечеть десанниками, устремился внутрь. Споткнулся о что-то мягкое, упал, поднялся, снова упал, получив сокрушительный удар по шлему. Выстрелы доносились снаружи, а в мечети раздавались хрипы, гортанные взвизги и матюки, лягг оружия...

От сильнейшего удара, должно быть прикладом, у Алексея туман плавал в глазах... Кто-то орал страшным басом «Бляха-муха!!!»... (Лишь когда все кончилось, Леша вспомнил, что это любимое «словцо» Копылова, здорового сержанта из второго взвода.)

...Он все еще сидел на каменном полу, вокруг падали душманы и десантники. Неподдалеку валялся его изувеченный, ни на что уже не годный гранатомет. Рядом корчился в предсмертных судорогах душман... Рукопашная продолжалась и в закоулках мечети... И вдруг возник верткий человек с всклокоченной бородой. Завизжав, он бросился к выходу. Леша подставил ножку, «дух» упал, но мгновенно, как на пружине, взлетел с пола и обрушился на все еще сидящего парня, вцепился в горло когтистыми стальными пальцами.

Ох, как вовремя вспомнил науку Максимыча теряющий сознание парень! Все существо его орало, молило: «Схвати врага за руки, оторви их от горла!..» Но Алексей не поддался на гибельную подсказку. Он вспомнил «Викторию», указательный и средний пальцы, разведенные в виде латинской буквы «V». В годы войны с фашизмом, рассказывал подполковник Энский, англичане и американцы этим «V» приветствовали советских солдат и офицеров. «V» означает «Виктория», Победа. Подполковник добавлял в заключение: «Приемчик «Виктория» вроде плевый, внешне не эффектный. Это ведь не «мельница», не подсечка с броском через бедро. Однако весьма полезный и потому горячо рекомендую его запомнить и отработать».

И сейчас, в эти мгновения, в помутившемся от удушья мозгу Алексея все это промелькнуло с невероятной быстротой как в электронно-счетной машине. Леша сделал над собой усилие и, теряя остатки сознания, ткнул «Викторию» в глаза своему убийце...

Бородач пронзительно взвизгнул—и сразу стало легко дышать. Вспомнил Алексей и о том, что у него на поясе штык-нож, который он так и не успел примкнуть к своему автомату.

Видимо, моджахед спятил во время рукопашной свалки. Полуослепленный, он и не подумал сдаться на милость победителя. Бородач снова кинулся на Алешу, не имевшего сил подняться, и, навалившись на него, с визгом нестерпимой боли и ярости сам насадился на остро отточенный штык-нож с хищно изогнутым жалом. Всем своим существом парень ощутил, как содрогается тело врага, словно это он сам корчится, тщетно стараясь удержать отлетающую жизнь.

На время Алеша оглох. Мир звуков исчез. Он с содроганием сбросил с себя мертвеца. Вскочил. Тошнота подкатила к горлу. Он искачивался, как пьяный. Он не

обрадовался даже тогда, когда его хлопнул по спине Тимур. В разорванной маскировочной куртке, весь в крови, хлещущей из щеки, Тим неестественным голосом все приговаривал:

— Ты здесь?.. Ты здесь... Ты здесь!..

Страшная свалка в мечети и для него не прошла даром.

— Чего уставился, Лешк? — тараторил Тимур. — «Духа» никогда дохлого не видал?

Алексей отрицательно покачал головой. Он действительно никогда еще не видел такого «духа». Во всех прежних боях он стрелял, видел, как падают враги, иногда даже по тому, как они валятся, мог определить: подстрелен моджахед или прикидывается, хитрит. В трех-четырех случаях Алеша был уверен, что именно он срезал «духа». И не испытывал жалости. В бою не до сантиментов: не ты его — так он тебя. Третьего не дано.

Но сейчас впервые... Впервые содрогался в смертельных конвульсиях человек, которого он зарезал! И он, Алексей, только что чувствовал помертвелым от ужаса телом своим, душой, как тот, который жаждал убить его, судорожно и тщетно удерживая в себе жизнь, превращается из живого существа в скрюченный труп!

— Да очнись ты, Лешк!.. — Это голос Тима.

Мертвая тишина в ушах вдруг лопнула... Он вновь услышал взрывы, автоматные и пулеметные очереди, вопли и громовое «Бляха-му-у-уха-а-а!..»

Бой, оказывается, продолжался.

Яростным штурмом десантники в рукопашной схватке перебили половину гарнизона мечети-крепости, остальные «духи» не выдержали, кинулись врассыпную, выпрыгивали в оконные проемы, валились со стен, кровли, а двое даже, в паническом безумии, бросились с минарета на груды битого кирпича.

Смолянинов буквально хватал победителей за куртки, чтобы они, охваченные азартом преследования, не рванулись вдогонку за убегающим.

Капитан стоял у входа, размахивал автоматом, и орал:

— Назад!.. Вашу так!.. Всем оставаться в крепости!.. Занять круговую оборону!

Наконец бой затих. А Алексей все стоял, стоял возле убитого моджахеда. От трупа исходил гнусный за-

пах. Но это был не запах разлагающегося трупа, а зловоние давно не мытого тела. «Дух», видимо, как зверь, долгие месяцы обитал в пещерах, в берлогах... Что заставляло его стойко переносить холод, стужу, голод, грязь?.. Вера в правоту своего дела?.. Не может быть. Рванье какое-то на нем, а не рубаха. Из серой домотканки. На ногах размочаленные сандалии из пальмовых листьев... Вон поодаль лежит — тот, сразу видно, из богатых. Перстень золотой на скрюченном пальце. В пакистанских сандалиях из толстой кожи, на двойных подошвах, которым и сносу нет!.. А мой!.. Одурманили человека, запугали сказками о зверствах шурави, якобы огнем и железом обращающих мусульман в коммунистическую веру с ее богопротивными догматами общности жен и имущества, отрицанием «Кодекса чести» — «Пуштунвалай», глумлением над священным писанием — Кораном, ниспосланным Аллахом роду человеческому через пророка божьего — Мухаммада!..

Рядом возник Тим с кое-как залепленной лейкопластырем и все еще кровоточащей щекой. Он больше не старался расшевелить друга, — догадался, что происходит в душе Алеши.

На войне, однако, нет времени предаваться раздумьям. Грохоча ботинками, подбежал Лорд — потный, со сверкающими глазами, без шлема, голова забинтована.

— Ва!.. А я вас ищу. Бистро вон к тому пролону...

Он подвел парней к дыре в стене, из которой была видна улочка, ведущая к мечети.

— Ваши ориентиры: справа — разрушенная хибара, видимо, бывший дуكان, слева вон тот дувал. Не высываться. У них снайпер завелся. Осторожно попытайтесь выследить — он, падлец, новичка нашего уложил.

— Спичкина?! — в один голос воскликнули Тим и Леша.

— А вы что, не видите? Вот же он. Точно в глаз угодил.

Только сейчас друзья заметили за грудкой битого кирпича массивную фигуру, лежащую ничком.

— Еще кого? — спросил Тимур.

— Из отделения... Карабашев... Он там, — Лорд потыкал вверх указательным пальцем. — На минарете... — Помолчал, затем вздохнул: — Когда все кончится, надо оттуда его забрать,

Лордкипанидзе поднял валявшийся возле Спичкина автомат. Аккуратно прислонил к стене. Затем осторожно перевернул Еремея Спичкина на спину. В темпераментном Давиде все еще кипел дикий азарт боя, и его обуревала жажда деятельности.

Заняв место неподалеку от Тима с Лешей, он заговорил, волнуясь, с сильным кавказским акцентом:

— Вэк сэбэ не прашу! Какого человека загубил!

— Ты что? — удивился Тимур. — Душмана пожалел.

Леша вздрогнул.

— Какой душман!.. Мишу Романцова я загубил! Трус я!.. Предатель!

— Успокойся, Лорд. Ты-то при чем?

— Я!.. Я должен был первым... Я... Струсил я!.. Я живой, Миши нет!..

— Ты в рукопашной бился, — вяло успокаивал отделенного Тимур, с горечью сознавая, что Лорд казнит не только себя.

Тимур вдруг приложился к автомату и выпустил короткую очередь. И тут же ударила пуля снайпера, осыпав левую, раненую щеку кирпичной крошкой.

Тут только Леша сбросил с себя оцепенение.

— Далеко ствол не выставляй, Тим, — сказал другу. — Веди огонь из глубины.

— А!.. — обрадовался Тим. — Ожил. Наконец-то. Пытался перебежать один. Как по-твоему, Лешк, что дальше будем делать?

— Дэржать оборону, — ответил вместо Алексея командир отделения. — Приказано держаться до последнего. Мы этого подлеца Джехансуза к себе приковали. А что? В капкан он попал. Не уйдет!

Душманы начали обстрел мечети из минометов и гранатометов. С злым тьякканьем мины крушили купол, гранаты пробивали в стенах новые и новые проломы. Еще несколько десантников были ранены. Командир роты приказал спустить их в подвал, где капитан медслужбы Ельников наскоро оборудовал нечто вроде перевязочной.

— Доктор маладец, — произнес Давид, едва «духи» прекратили минометный огонь. — Откуда только появился?.. Следом за Мишей бросился... А я...

— Брось, Лорд! — Тим досадливо поморщился. — Ты просто чудом уцелел. И впереди еще воевать да воевать. От рукопашного боя не уклонялся, Вон как тебя

разукрасили! Голова в бинтах, глаз заплыл, губа рас-
сечена. Прикладом, что ли, благословили?

— Э!.. Откуда я знаю?.. Расстрелял магазин, авто-
мат пустой. А тут «дух», паниманшь, налетел. Я в ноги
бросился, дернул. Он упал... Потом ничего не помню...
Очнулся — «дух» исчез. Они все побежали. А у меня вот
это украшение. — Он потрогал заплывший глаз, запек-
шийся сгусток крови возле нижней губы. — Ерунда. Слу-
шай, Бахрами, шагай к доктору. Кровь у тебя сильно
течет. Пусть щеку как следует починит.

— А кто за меня «духов» караулить будет?

— Я за тебя и за себя. Иди пока тихо. Приказы-
ваю.

Спотыкаясь на обломках купола, рухнувшего час-
тично в результате минометного обстрела, перешагивая
через тела убитых душманов, Тимур добрался до спус-
ка в подвальные помещения. Возле массивной двери,
запертой на тяжелый засов, стоял автоматчик из вто-
рого взвода.

— Эй, Саид, — окликнул его Тим, — что здесь
отираешься?

— Пленных караулю.

— Много?

— Семнадцать штук. А ты зачем сюда?

— Щеку починить надо.

— Ранен?

— Да как сказать? «Дух» зубами лоскут вырвал.

— Плохи твои дела, — сострил Саид. — Теперь при-
дется уколы тебе делать от бешенства.

— Где тут капитан Ельников?

— Рядом. Следующая дверь.

Тим вступил в довольно обширное помещение, туск-
ло освещаемое небольшим зарешеченным оконцем.
В нос ударил тяжелый смрад крови и пота, перемешан-
ный с запахами лекарств. Все раненные были с оружи-
ем. Парень понял, что они собрались дорого продать
свои жизни, если «духи» все же одолеют, ворвутся в
мечеть и кинутся в подвалы.

На импровизированном операционном столе лежал
гранатометчик из второго взвода и тихо стонал. Док-
тор колдовал над его окровавленной ногой. При-
говаривал:

— Чего кричишь? Думал, что осколок из бедра
вытащить легче, нежели схлопотать его?.. Здоровый па-
рень, Постеснялся бы..

Ельников вытащил, наконец, из ноги осколок ручной гранаты, перевязал рану и провозгласил голосом разбитного парикмахера:

— Следующий!

И уж конечно он не упустил случая порезвиться насчет «ранения» рядового Бахрами.

— Нет-нет, и не уговаривайте меня (хотя капитана никто не уговаривал). Вы не раненый. Вы — укушенный... Тэ-э-кс... Здорово он вас тяпнул! Во славу Аллаха и Мухаммада пророка его. Сейчас обработаю, заклею пластырем, и порядок. Извините, но пластическая операция в таких первобытных условиях невозможна. Да я и не специалист из салона красоты. Если, укушенный, вернетесь благополучно из этого веселого рейдика... А я очень надеюсь, что вы вернетесь, то следует обратиться к кудесникам пластических операций. После дембеля, разумеется... Ну вот и все. До свадьбы заживет. Советую больше не целоваться с «духами».

Док предложил Тиму немного посидеть, чтобы убедиться, что рваная рана больше не кровоточит. Только сейчас парень ощутил довольно сильную боль. И разговаривать стало больно.

— Бывает, — пояснил Ельников. — Вы находились в возбужденном состоянии. Болевые ощущения как бы атрофировались. А сейчас наступила реакция.

Капитан дал парню перевести дух и затем полушутя, полусерьезно произнес:

— Отдохнул, гвардии рядовой Бахрами? Ну и прекрасно. Теперь шагай на верхотуру. Война еще не кончилась. Марш наверх.

...Моджахетдины начали новый минометный и гранатометный обстрел. А затем с дикими воплями, от которых мороз пробирал по коже, кинулись на штурм.

И в который раз война надругалась над лозунгом: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет!»

Капитан Смолянинов был смелым офицером, отважным до дерзости. Но не довелось ему возглавить отражение штурма. Уже «духи» кинулись в атаку, умолкли их минометы, как вдруг сквозь дыру в полуразрушенном куполе мечети влетела последняя мина, выпущенная вражеским минометчиком.

В шуме автоматно-пулеметной стрельбы, в душманс-

ком визге и грохоте автоматических гранатометов никто не услышал посвиста. Просто у ног Смолянинова разверзся пол, и оттуда вырвался огонь и дым...

Командование принял замполит батальона капитан Урбан.

«Я В ВАС ВЕРЮ, МАЛЬЧИКИ!..»

Джехансуз приказал во что бы то ни стало сломить сопротивление шурави, ворваться в крепость, учинить поголовную резню. Он спешил. Очень спешил. Он был уверен, что уцелевшие шурави по радио зывают о помощи. И основные силы Максимхан-батальона обязательно прилетят. Надо их встретить ошеломляющим ударом. Но для этого прежде всего необходимо разделаться с гарнизоном крепости. Даже после неудачного боя, во время которого десандоры (десантники) вывели из строя до сотни верных защитников ислама, — даже после этого в его распоряжении остается еще четыре сотни. Шурави тоже потеряли немало. Сейчас их в развалинах засело не более пяти десятков. О Аллах, дай нам победу!.. А тогда я, во славу твою, о всемогущий, разгромлю и тех, которые прилетят, покончу раз и навсегда с Максимхан-батальоном.

Очень мешал душманскому воинству пулемет на Кочачьей горе. Если бы не он, шурави не ворвались бы в мечеть. Ведь десандоры, блокировавшие ее, сами, в свою очередь, были окружены. Когда воины ислама попытались ударить в спину штурмующим крепость-мечеть, заработал пулемет с горы и еще засел там снайпер. Они и прижали «воинов ислама», атакующих десандоров с тыла. Проклятье!

Даже самому себе не хотел Джехансуз признаться в том, что боевой дух десантников, как оказалось на деле, превосходил хваленую отвагу «газиев», «борцов за веру», самоотверженность «ихвани». К тому же беспримерный подвиг старшего лейтенанта Михаила Романцова, совершенный на глазах «максимовцев», зажг в их сердцах боевой восторг, то, что поэт назвал «упоением в бою»...

Ну и, конечно, пулеметчик младший сержант Козырев и снайпер рядовой Орбелян отлично сделали свое дело. Они там, на вершине, вообще даром времени не теряли. Еще до начала штурма соорудили из каменных глыб «кота» с амбразурами во всех направлениях. «Кот» - - шутовское название каменной огневой точки. А

вообще-то такое сооружение называлось СПС — стационарный пункт стрельбы. Почти как дот, только без верхнего перекрытия, — имелся, правда, подходящий громадный плоский камень, но уж больно тяжел, его и впятером с места не сдвинешь.

После захвата десанниками мечети-крепости душманы долго били из минометов и гранатометов по «коту». Весельчак Ашот говорил флегматику Петру Козыреву:

— Повезло тебе, дорогой. Какое совпадение! Понимаешь? Ты — Петр, то есть в переводе — камень. Камень сидит в каменном «коте». А «кот» сидит на «кошке», то есть на Кошачьей горе. Дома будет что рассказать.

— До дома еще далеко, — рассудительно отвечал Петр Козырев.

— Это точно. И все-таки... — Ашот оборвал фразу, приник к бойнице. — Эге, брат, к нам «гости» ползут. Из добровольцев, — Он приложился к своей «оптике». Два выстрела, с небольшими интервалами, прогремели. — Порядок, — удовлетворенно произнес снайпер. — Так на чем я остановился?

— Ни на чем. Хватит языком, как помелом, рядовой Орбелян. Пагтронов у нас осталось всего ничего. К своим надо пробираться.

— Мой дедушка... Акопом его звали, говорил: «Был бы и я миллионером, да денег нэту!» По-русски это переводится так: «Если бы да кабы, да во рту росли грибы...» Как проберешься? Наш «кот» у «духов» на мушке. Только высунься, попробуй!..

— Не попали же они в «кота», как ни старались. Авось и нам подфартит.

— Из минометов и гранатометов «духам» трудно угодить снизу вверх. Разве что случайная мина. Все-таки мы точечная цель.

...И роковая эта случайность произошла. Мина, выпущенная из старинного пятидесятимиллиметрового миномета образца 1940 года со свистом взлетела до высшей точки и, почти отвесно низринувшись вниз, с шальной меткостью ударила в центр обвалования, лишенного верхнего перекрытия.

Если бы Козырев и Орбелян смогли установить перекрытие!.. Если бы да кабы!..

Пулеметчик и снайпер на вершине горы умолкли. Навсегда,

Душманы кинулись на полуразрушенную мечеть — сразу со всех сторон. Они рассчитывали на свое огромное численное превосходство: через какой-нибудь пролом в стене удастся же им, наконец, заскочить внутрь, а в рукопашной схватке — один против пятерых, один против шестерых! — никакой шурави, будь он трижды богатырем, не устоит.

Невзирая на огромные потери, «духи», как полчища саранчи, лезли под пулеметно-автоматный огонь, под взрывы ручных гранат и гранатометных ударов. Основной их натиск определился у входа. Наиболее оголенные «ихвани» уже прорвались в дверной пролом. Однако замполит капитан Урбан организовал контратаку. В невообразимой свалке на ступенях мечети атакующие все же были отброшены, а угодив на площади под шквальный автоматно-пулеметный огонь со стен крепости, устилая площадь перед мечетью трупами и тяжело ранеными, обратились в паническое бегство.

Победители ликовали молча. Лица их были угрюмы. Победа досталась дорогой ценой. Тяжелое ранение получил и капитан Урбан.

Джехансуз рвал и метал. Звериный страх заполз в его душу. Неужели его перехитрили?.. Значит, остатки роты, засевшей в мечети, решено оставить на произвол судьбы!.. Они смертники. А моему воинству уготована ловушка. От Торкелая только два пути: на север, в тыл шурави, и на юг. Надо, пока не поздно, отходить к горному проходу, на юг.

Уходить!.. А вдруг все же удастся мой план? Если снять осаду и уйти на юг... Сделать вид, что ухожу. Шурави выйдут из крепости, начнут преследовать. Втянуть в бой горстку оставшихся в живых шурави, окружить и раздавить!.. Они обязательно начнут преследовать!

Не знал, не ведал Джехансуз, что старший лейтенант Самарин, принявший командование десантом, а точнее оставшимися в строю двадцатью семью парнями, две трети из коих были ранены, но все же могли держать в руках оружие, — Самарин принял по рации приказ не поддаваться на возможные попытки выманить его из мечети-крепости, во что бы то ни стало удержаться до подхода роты БМД, которая сейчас ведет бой с душманской засадой, перекрывшей дорогу.

На запрос, почему ротой командует он, Самарин, старлей ответил, что капитан Смолянинов убит шальной миной. Командир третьего взвода Седых погиб еще

в самом начале боя, командир первого взвода Романцов пал смертью героя, возглавив штурм крепости-мечети.

— А Урбан? — спросили из вышестоящего штаба после долгой томительной паузы.

— Капитан Урбан тяжело ранен в рукопашном бою осколками ручной гранаты. Находится в бессознательном состоянии. Медицинскую помощь ему оказывает военврач.

— Гранатой?.. В рукопашной? — усомнился штабной офицер.

— Да, гранатой. В рукопашной бились и гранатами. Дошло и до гранат.

— Значит, кроме вас, больше нет офицеров?

— Как нет? А доктор Ельников?

— А-а-а... — понимающе протянул офицер из вышестоящего штаба. — Повторяю: держаться. Больше ничего сказать не могу. Позднее сами все узнаете. Держаться до последнего.

— Есть держаться!

— Конец связи.

— Есть — конец связи.

Хитроумный план Джехансуза рушился как карточный домик. Пока он ломал себе голову, что делать дальше, на взмыленном коне прискакал гонец с юга. Был он ранен в плечо, в невменяемом состоянии и долго не мог прийти в себя. Когда же к нему вернулся дар речи, внутри все обмерло у главаря душманов.

— Не гневайся, о великий «Сжигатель вселенной», за плохую весть. Не вели казнить!

— Г-говори, — прошептал фанатик.

— Шурави и изменники разгромили нашу засаду.

— Врешь! Шелудивый пес!.. — подскочил главарь. — Откуда они могли там взяться?

— Прилетели на летающих скорпионах. Десять... двадцать штук. И еще много изрыгающих огонь, смерть. Я один сумел убежать...

— Ах, сумел убежать?.. — тоненьким своим тенорком молвил Джехансуз. — И даже сумел украсть где-то лошадь, столь редкостную в тамошних местах. Ловкий человек.

— Мне повезло, о великий из великих, там недалеко есть селение. Мой родственник живет. У него купил,

Клянусь аллахом, купил, чтобы быстрее к твоим ногам пасть, рассказать, предупредить.

— Почему я не слышал грохота скорпионов?

— Неведомо мне, ничтожному!.. Они, наверное, далеко облетели, чтобы неожиданно...

Джехансуз пнул ногой распростершегося перед ним гонца.

— Пшел вон, вор, шакал, трусл!.. — Еще раз пнул и еще раз... Еще. — Благодари аллаха, что я!.. Впрочем... Эй, стража!..

В палатку вбежал огромный верзила, телохранитель, череп низкий, приплюснутый, глазки маленькие, маниакальные. За ним вскочили два «ихвани». Главарь сделал знак, проведя себе пальцем по шее, и палачи тут же принялись за дело. «Ихвани» схватили несчастного за руки, поставили на колени, а верзила сел на него верхом, схватил за бороду левой ручищей, задрал вверх, а правой полоснул кривым ножом по горлу.

Гонец, принесший несчастную весть, не успел даже и пикнуть. Кровь хлынула на кошму как густое вино.

Джехансуз поморщился, махнул кистью руки: «Уб-рать!»

Палачи поволокли труп наружу.

Неужели и мне конец, как этому червяку гонцу?! Перехитрили!.. В Пакистан теперь не прорваться. На север?.. В тыл изменникам и их покровителям, шурави?.. Теперь уже ясно, что задумали враги. Те, что сражаются до последнего в крепости-мечети, — приманка. Меня поймали в капкан, как глупого шакала!.. Ясно, что и на севере мою засаду сейчас тоже громят. Только оттуда нет вестей, не скачут гонцы... А что если бросить свое воинство и с Амануллой, телохранителем моим, и несколькими надежными воинами попытаться уйти по горам, ущельям, без троп!..

Искра надежды вспыхнула и тут же погасла. Не позволят уйти!.. Много крови пролито. Воины с меня глаз не спускают. Уже однажды было такое. Да и места непроходимые... Остается сражаться до конца. Может, все же удастся с боем прорваться?.. Хотя бы на север, в тыл вражеский?.. Но прежде надо выбить этих... Из мечети. Их там осталось совсем немного.

И Джехансуз приказал подготовиться к новому штурму.

Неожиданно объявился Семен Шпирт, Его считали

пропавшим без вести, удивлялись, как же это могло произойти. А он вот он, собственной персоной. Только «персону» его трудно было узнать: вся в кровоподтеках, левая, забинтованная, рука на брючном ремне, повешенном на шею; хромота на левую же ногу. Но улыбается так, что вот-вот рот разорвется.

— Ты откуда взялся?! — ахнул Лорд. — Мы тебя уже похоронили. Думали, душманы тебя уволокли.

— Как сказал Марк Твен, — правда по иному поводу, — слухи о моей смерти несколько преувеличены, — отвечал Семен. — Все гораздо проще. Второй раз побывал на «том свете», и опять не понравилось. Решил вернуться в роту.

— Да перестань ты хоть сейчас балагурить! — с сердцем воскликнул Леша. — Говори толком.

— При штурме мечети произошло перемешивание подразделений. Я вместе с Исой проскочил на минарет...

— Как же ты Ису не уберег, Сема? — вздохнул Тим.

— Сам простить себе не могу! — Шпирт пожал плечами, поморщился, видимо, причинив себе боль. — Так уж вышло. Жаль. Хорошего парня потеряли.

— Много хороших потеряли, — сказал Лорд и отвернулся, чтобы не показать слез, навернувшихся на глаза. — Миша Романцов... Какая благородная душа!.. Ах, я нэгодяй... Мне тогда надо было!..

— Брось, Давид, не казись понапрасну. Это — война. А на войне, как на войне. Помнишь песню?.. — Тимур помолчал, а затем прошептал:

Не тревожьтесь, братцы, все вернется вспять.
Новые родятся командиры,
Новые солдаты будут получать
Вечные казенные квартиры..

— Эта песня не из той оперы, Тимур, — сказал Семен. — Не наша, не «афганка».

— Верно, — подтвердил Леша. — Старорежимная какая-то. Наши песни, хотя тоже про кровь и смерть, а нету в них нытья. Вот, например, такие слова:

Насадим память нашу на штыки
И вечно будем помнить, как когда-то

На пулеметы шли не штрафники,
А мирные и честные ребята!

— Нэт, Шпирт, не уклоняйся, — сказал Лорд. — Как командир тебя спрашиваю: где пропадал столько времени?

Семен, видимо, еле держался на ногах, однако он старался выглядеть бравым парнем.

— Сказал же, что на минарете воевал. Сколько времени там кантовался, не знаю. По часам не замечал. Да и часы с меня там сорвали. Вот ворюги! Даже в рукопашной норовят подтырить...

— Ладно, не балагань. А кто тебя разрисовал, как бог черепаху?

— Частично там, наверху, а затем, когда я спустился вниз и решил пристегнуться к своему отделению, начался минометный обстрел, больше ничего не помню. Отключился начисто. Сейчас, конечно, соображаю, что произошло. Рухнула часть купола, меня и засыпало. Завалило, одним словом. Сколько времени так пролежал, тоже сказать не могу, поскольку у меня уже не только часов, но и сознания не было. Несознательный лежал. Спасибо, кому-то пришло в голову оттащить в сторонку попахивающих «ихваней». Разморило их на жаре-то. Видят: нога из строительного мусора торчит! Потянули: здрасте-пажалте — вместо «ихвани» своего «Ваню» вытащили, Сему Шпирта.

— Слушай, дурачок! — взволнованно сказал Лорд. — Тебе же к капитану Ельникову надо. Купол рухнул — это не шутка.

— Не стоит беспокоить «дока». Он и так на два фронта работает. То воюет, то нашего брата штукует. Руки-ноги двигаются. Придавило немного. По кумполу приложило. Ребята перевязали. Поблевал маленько. Пора и в строй. Во!.. Опять минами зашвырялись. Зашевелились, гады...

С визгом и беспорядочной стрельбой «духи» бросились на новый штурм...

И вновь были отбиты.

На этот раз до рукопашной не дошло. «Духи», видимо, порастеряли боевой пыл.

В строю осталось тринадцать десантников, Погиб старший лейтенант Самарин. И тогда пришел черед командовать капитану медицинской службы Ельникову.

Прежде чем покинуть подвал, он обратился к тяжело раненным:

— Там наверху тринадцать наших осталось. Мало-вато, к тому же чертова дюжина. Нехорошо. Кто еще в силах держать в руках автомат, очень прошу наверх. Выползти поможем, если и ходить не в силах. Понимаете, каждый ствол дорог. А удержать эту святую крепостцу во как надо! — он выразительно подержал себя руками за горло... — Так что, пожалуйста! Прикиньте свои возможности.

И откуда только силы взялись у искалеченных, истекающих кровью парней?

Простые ребята, каких тысячи. Иные на «гражданке» не отличались ни талантами, ни красноречием. Учились в школе так себе, «абы дотянуть», провидцы-педагоги не пророчили им научных и иных блестящих карьер. Были среди этих солдат и такие, кого дворовые демосфены предавали анафеме, как злостных тунеядцев и хулиганствующих «хиппи», «которые, понимаешь, преклоняются перед тлетворным Западом, песни не наши орут, шляются по общественным местам, понимаешь, патлатые, заплатанные, и на ветеранов жизни и труда, понимаешь, им наплевать, как дважды два четыре!»

А эти «ни то ни се», эти «хиповники» и «длинноволосые нигилисты» (Возрадуйтесь во гробе, великий обскурант Михаил Никифорович Катков, измышленный вами термин «нигилист» воскрес!), — а эти истекающие кровью «нигилисты» без громких фраз, сдерживая стоны, побрели, поползли, помогая друг другу, наверх, чтобы дать, быть может, последний бой.

...К Леше и Тиму, опираясь на автомат, полз младший сержант Иван Харченко из второго взвода. Ребята заметили его, подбежали, подхватили на руки, бережно уложили.

— Ты-то зачем сюда? — грубовато спросил Степа Ротару. — Полежал бы. Отдохнул.

— Успеется, — тихо ответил Иван. Он был ранен в низ живота, и жить ему оставалось (он и сам это понимал) совсем немного. — Извините, ребята, стрелять не могу. Но я буду снаряжать магазины для автоматов. Не относите меня в подвал. Прошу.

— Ладно, — кивнул Сема.

Ротару объявился в отделении тоже вроде как с «то-

го света». В самом начале штурма крепости десантниками он был оглушен разрывом гранаты и ранен в руку. В суматохе боя отполз, укрылся в развалинах глиняного домишки и все искал случая прорваться к своим, захватившим мечеть. У него оставался один снаряженный магазин. Когда душманы бросились на штурм мечети, он экономно, одиночными выстрелами, бил на выбор. В грохоте боя его выстрелы из укрытия оставались врагами незамеченными. На его глазах пал смертью героя ефрейтор Чумаков. Он тоже был отрезан от своих, но, выполняя приказ, бил с фланга длинными злыми очередями из пулемета, подчас скашивая целые ряды головорезов. Когда же иссякли патроны и враги с ревом бросились к нему, подпустил почти вплотную, взорвал гранату...

Во время последнего штурма Степан Ротару накиннул на себя снятое с убитого «духа» шоли и под видом «своего» бросился с толпой моджахедов на штурм. Он рисковал сто раз быть убитым и своими, и душманами. Но, видимо, судьбе было угодно улыбнуться безрассудно-отважному парню. Обошлось. Он вовремя сорвал с себя шоли и закричал: «Я свой!.. Свой я, бляха-муха!..»

Семен Шпирт опекал умирающего Ваню Харченко. Чтобы хоть как-то отвлечь товарища от печальных мыслей, принялся рассказывать.

— Слышь, бра, а вот когда я в госпитале лежал, случай там произошел — закачаешься! Кантовались там двое воинов, один Гуревич, другой Гурвич. Совсем похожие фамилии, Гуревич был в руку раненный, а Гурвич, когда его призывали, словчил, скрыл, бродяга, что он тово... С закидоном! У врачей не лечился, на учете не состоял. Родители его оберегали, не хотели травмировать. Душевная болезнь, то, се!.. Словом, скрывали. Да он внешне вроде нормальным был. Только иногда найдет на него, он и воображает себя великим изобретателем, который случайно проглотил какой-то им самим изобретенный микрорадиопередатчик. А этот передатчик мысли его на весь мир передает. Мысли же все у него великие, составляющие государственную и военную тайну. Поэтому в таком смутном состоянии молчал как рыба, старался думать про пустяки и никого не узнавал.

— Выдумываешь, наверно, а? — бросил Лорд.

— Очень надо! Я этого Гурвича, как тебя видел. Так вот... Прибыл он в часть. Там его быстренько рас-

кусили — и назад. Без надобности такой десантник. Шибко умный. Положили его в госпиталь, для проверки. Диагноз ясный — с приветом чувак, домой его надо, к папе с мамой. И надо же, в это время Гуревичу пришел срок выписываться. Как там дальше вышло, мне не ведомо, но знаю одно: перепутал тыловой бюрократ документы, в похожих фамилиях запутался. И что же?.. Отправляют «завернутого» Гурвича в боевую десантную часть!..

Десантники расхотались. Семен все-таки добился своего, развеселил измученных парней. Даже Ваня слабо улыбнулся.

— Ох, и горазд ты, Шпирт, баланду травить! — вскричал Леша и хлопнул его по плечу. Тот скривился от боли.

— Осторожней, дьявол, не видишь, что ли, ранен я!.. Так, значит, истории еще не конец. Изобретателя наладили из десантуры и в психушку, на обследование. Но ведь еще Гуревич остался. Он в свою часть рвется, с «духами» свести счета желает. А его с сопровождающим в самолет — тоже домой. Прилетели. На здании аэровокзала надпись «Киев». Гуревич удивляется: «Зачем в Киев? Ежели на побывку, в отпуск, так мне в Ивацевичи надо!» Сопровождающий знай себе помалкивает. Он же уверен, что психа домой сопровождает. Привез по адресу. Встречают их мама и папа настоящего психа и, конечно же, не узнают своего сына. Отец кричит: «Кого ты нам привез?! Он, видимо, хороший малый, и у него даже есть медаль «За отвагу», но все равно, нам наш, родной сын, ближе, мы его очень любим, а этого только уважаем»...

— Во дает! — восхитился Степа Ротару. — Я тоже знаю одну байку — укатаетесь...

— Дай досказать.

Однако до конца эту веселую байку так и не довелось дослушать. Начался новый минометный обстрел.

— Зашевелились, гады, — со злостью сказал Лордкипанидзе. — Кончай баланду травить... Какой это по счету штурм, кто помнит?

— Кто его знает? — вздохнул Тимур. — С раннего утра воюем. Сперва мы штурмовали, а потом нас штурмуют. Вот и вся разница. Заход солнца скоро. А когда окончательно стемнеет, совсем нам неважно будет. «Духов» как-никак сотни полторы-две все же осталось.

...Минометный обстрел внезапно прекратился,

«Неужели наши?!..» — с затаенной надеждой подумали защитники крепости, а точнее, — ее развалин.

Нет, не наши. По кривой улочке, ведущей к мечети, шел семенящей своей старческой походкой тот самый старик мулла!

Он пересек крохотную площадь, смело направился к бывшему входу в мечеть. Капитан Ельников приказал пропустить священнослужителя. У доктора возникла в голове хитрая задумка. Во что бы то ни стало надо выиграть время. По радию передали: рота БМД вот-вот завершит разгром засады, устроенной Джехансузом. На дороге «духи» поставили множество противотанковых и противопехотных мин. Идет расчистка дороги. Защитникам крепости-мечети надо еще немного продержаться. Любой ценой!..

Доктор разыскал среди раненых защитников переводчика Шамса, общительного афганца, прозванного «Мухаем».

— Как нога, Мухай?

Нога Шамса в бедре была перебита осколком мины, страшно болела, — «стреляло» от пятки, боль пронзала все тело и отдавалась в мозгу. Но парень крепился, не выпуская из рук гранатомета и даже нашел в себе силы пошутить.

— Болит, но это очень хорошо,

— Почему?

— Если бы я ничего не чувствовал, значит, умер.

— Ишь ты, еще веселится!.. Поговорить с муллой можете?

— Давайте его сюда. О чем поговорить?

Капитан объяснил — о чем. Мухай витиевато извинился перед священнослужителем за то, что не может встать и приветствовать духовного наставника. Старик кротким голоском что-то ответил. Шамс перевел: в коране сказано, сура такая-то, что раненый воин имеет право разговаривать и лежать. Впрочем, это право воина, принявшего рану в бою за веру. Ты же, нечестивец, истинную веру предал, от корана отрекся.

— Аллах нас рассудит, святой отец, — отвечал Шамс. — А сейчас прошу об одном. Помолись подольше за павших в этом кровавом бою. Если бы один, два... пятеро приняли смерть во славу аллаха. А то ведь посмотри, сколько их лежит!..

В слезящихся глазках старика на миг блеснули хитрые огонечки и тут же исчезли,

— С каких это пор ты, нечестивец, стал заботиться о душах врагов твоих?

— Я против кровопролития. Джехансуз и без того совершил много зверств...

— Во славу аллаха, — добавил старик и прищурился.

— Разве твоя паства в чем-нибудь провинилась перед аллахом? Джехансуз зверски убил семерых правоверных, а остальных жителей Торкелая выгнал из селения, и сейчас они скитаются на чужбине, терпя голод и лишения. В чем их вина?

Старик пожевал блеклыми морщинистыми губами, провел ладошками по седой, с желтинкой, бороде, промолвил:

— Джехансуз за свои грехи тоже ответит перед аллахом.

Вмешался капитан Ельников.

— Послушайте, Мухай, у нас нет времени на восточные любезности и учтивости. Бандюга Джехансуз может подумать, что мы муллу арестовали и не позволяем молиться. Он вот-вот начнет новый штурм.

— Не мешайте, — довольно бесцеремонно ответил толмач и даже рукой махнул, как бы отгоняя доктора. Он понял: мулла не такой уж выживший из ума старикашка. И он осуждает главаря «духов», даже, пожалуй, гневается на него.

— Почему тебя шурави называют Мухаем? — вдруг спросил старик.

— Потому что я, бедный человек, женился на дочери соседа, а сын соседа женился на дочери моего отца. Ни я, ни соседский парень не имели возможности уплатить калым. А тут вышло так на так. Старинный наш обычай тебе, святой отец, известен. «Мухай» называется. Бескалымные свадьбы. Я горжусь прозвищем. Это означает, что я честный человек, труженик.

— Что тебе от меня надобно, Мухай? — вдруг деловито спросил мулла.

— Помолись подольше.

— Зачем?

— Чтобы меньше пролилось крови. Джехансуз заманил шурави в ловушку. Но ты сам видишь, как они умеют защищаться. Они будут сражаться до последнего воина. Но они продержатся. Обязательно. И скоро придут еще шурави. Они покончат с Джехансузом. Лю-

дей и тебя, святой отец, избавят от него. Ты уверен, что этот зверь в образе правоверного не прикажет тебя казнить? Или угнать на чужбину?

— Нет, не уверен, — после некоторого раздумья кивнул старик. — Шурави мне и людям Торкелая плохого не делали. Однако они кяфиры. Они позволяют мне молиться, когда... хм... прогонят Джехансуза?

Капитан Ельников, восприимчивый к языкам, за время пребывания в этих краях наловчился кое-как понимать разговорный пушту. Он уразумел, что дело, кажется, слаживается.

— Скажи служителю аллаха, что шурави не только разрешат молиться, но и отблагодарят. У нас имеется трехдневный сухпай. Все ему отдадим!

Поразительно, но при слове «сухпай», то есть, сухой паек, глазки старика выразили живейший интерес. Видимо, шурави, уже побывавшие в Торкелаяе ранее, угощали его «сухпаем». Священнослужитель, как бы в предвкушении угощения, с аппетитом потер ладошки. Затем огоршил:

— Тушенка?

— Тушенка!.. Она, мамочка, тушенка! — энергично закивал головой Ельников, и тут же, вспомнив о мусульманских запретах, очень похоже захрюкал свиной: — Хрю-хрю... Нет! — отрицательно замахал руками. — Му-у-у... Му-му-у-у!.. — Для полной наглядности он еще выставил над своей головой два пальца в виде рогов.

Старик облизал блеклые губы, но тут же напустил на себя важность. Сделал вид, будто не заметил капитанских жестыкуляций. Кивнул в знак согласия и стал пробираться по руинам на минарет, укороченный вдвое душманскими минами и гранатометами.

...Зловещую тишину робко прорезал дребезжащий голосок:

— Ла, иллаха илля ллаху ва Мухаммадун расулулла-лахи!..

Мулла, прокричав азан, начал, прямо на огрызке минарета, молитву. Один ракат, второй... Третий... Продельвал он все по строгим правилам: воздевал сухонькие свои ручки вверх, отбивал поясные и земные поклоны, поворачивал голову вправо... влево...

Джехансуз внутренне бесновался. Старый шайтан!

В самое неподходящее время притащился. Что с того, что перед заходом солнца мусульмане должны молиться?.. Сейчас каждая минута дорога. А тут еще и его, Джехансуза, мулла затеял моление. Весь отряд отбивает поклоны. И ничего не поделаешь! Даже он, непобедимый «Сжигатель вселенной», не сумеет прервать молитву... «Ну ничего, — он злобно скривил тонкие губы. — Поставлю своего муллу во главе атакующих. У шурави тоже есть свои муллы и имамы... Комиссары. Они всегда лезут впереди всех. Пускай и мой любезный аллаху святой человек порастрясет жир... Как долго тянется молитва!.. И зачем только не угнал я этого тронутого умом старикашку в пакистанские пределы?»

Едва старик закончил молитву, капитан Ельников посмотрел на часы.

— Двадцать минут. Неплохо. Ну теперь держитесь, гвардейцы, сейчас начнется самое интересное. Слушай мою команду: всем приготовить по гранате. Это на крайний случай. Для самоподрыва. Но не спешить с этим делом. Помните: «Гвардия умирает, но не сдается!». Однако сперва повоевать надобно.

Ударили душманские мины и гранатометы. С дикими криками и визгом бросились «духи» на решительный штурм. Пользуясь своим почти десятикратным численным превосходством, они атаковали руины крепости-мечети со всех сторон. То в одном проломе стены, то в другом возникали яростные рукопашные схватки. Капитан метался по развалинам, что-то кричал, стараясь подбодрить своих парней, однако его голос заглушали стрекот автоматов, пулеметная захлебывающаяся скороговорка и взрывы гранат РПГ. Дважды капитану повезло: у его ног упала ручная граната, но доктор успел схватить ее и швырнуть в дверной пролом, где она и взорвалась; и второй раз судьба его миловала — пуля, видимо, ударив под углом, не пробила бронежилета, только сбила с ног.

Решающую роль в отражении и этого штурма сыграл АГС. Он еще в предыдущих атаках был поврежден. Агезовцы умудрились его исправить, в разгар отражения штурма втащили его на огрызок минарета и открыли интенсивный круговой обстрел, благо боезапаса у них хватало — в рейд было приказано взять двойной

боекомплект, так что имелось еще три кассеты с двадцатью девятью минзми в каждой.

...«Духи» в который раз отхлынули, укрылись за дувалами.

Кирпичная пыль и дым медленно оседали. Потемневшее небо, покрытое рваными тучами пепельного цвета, тускло просвечивалось умирающими лучами уже невидимого солнца.

Тим хотел поблагодарить Ивана Харчука. Тяжело раненный младший сержант снаряжал ему, Леше и Семену Шпирту обоймы.

— Хрррр...

Тимур от неожиданности вздрогнул. Он хотел сказать: «Спасибо, Ваня, за помощь, без тебя нам бы туго пришлось», а вырвался этот жутковатый хрип.

И тут же сообразил: «Язык не слушается. Пересохло в горле. Язык стал как наждачная бумага!.. Пить!.. Пить». Он поболтал флягу, вторую... Они были пусты. Шагах в десяти от него сидел на кирпичной груде Леша и тоже держал в руках флягу. В сумерках лицо походило на закопченную дымом, в разводах грязи гипсовую маску. Под Лешей чернела лужа, и Тим понял, что это кровь. Пробравшись на четвереньках по кирпичным обломкам к товарищу, он занялся раной. Она была на вид ужасна: левая нога Леша была перебита осколком мины ниже колена, кость раздроблена, маленькие розовато-белые косточки торчали в кровотокающем месиве мышцы...

Леша сидел с закрытыми глазами, все еще держал в вздрагивающих руках флягу, шевелил беззвучно зачерствелыми губами. Тимур попытался окликнуть друга, но вновь из горла вырвался страшный хрип.

— Отвали, парень, — услышал он голос, — дай развернуться профессионалу.

Голос был незнакомый, однако Тим догадался, что говорит капитан Ельников:

— Что сидишь?.. Видишь, твой друг попить желает. Поищи воды.

Тут только вспомнил Тимур, что хотел поблагодарить Ивана за снаряженные обоймы. Спотыкаясь на каждом шагу о кирпичные обломки, подобрался к Ивану Харченко.

Младший сержант лежал навзничь, спал. В руках он держал обойму для автомата.

Тим приблизил лицо к лицу Ивана, и его будто то-

ком прошибло. Тако́е выражение не бывает на лицах спящих! Младший сержант Иван Харченко заснул навеки! Притомился снаряжать обоймы. Может быть, успел порадоваться тому, что и он внес свою скромную лепту в отражение штурма, и заснул навсегда с сознанием выполненного солдатского долга. Или это произошло в разгар боя, и тогда засыпал навечно Иван, девятнадцатилетний паренек, с горьким сознанием того, что так и не узнает он, чем кончится штурм.

Никто теперь никогда не узнает, какие чувства теплились в угасающей душе Вани Харченко. Одно ясно: он воевал до последнего вздоха, и даже мертвый не выпустил из рук автоматной обоймы.

Тихая, незаметная смерть Героя.

Старший лейтенант Романцов погиб на глазах роты, его героический поступок удесятерил силы десантников, наполнил их души боевым восторгом. О подвиге Михаила Романцова уже передано по радию, узнают в вышестоящих штабах, быть может, даже появится несколько строк в «Красной Звезде». И это явится хотя и мизерно малым, но все же утешением для его родителей. Великий лекарь — время снимает невыносимую душевную боль. Боль останется, но уже не рвущая из горла вопль. К ней невозможно привыкнуть, но смириться с ней необходимо. И все большее место в страдающей душе станет занимать гордость сыновним подвигом.

А Иван... Никто и не заметил, как он заснул навсегда. Но Иван тоже совершил подвиг — скрытно от окружающих, наедине с собственной совестью. И уплатил ту же цену. Вечная тебе память и слава, младший сержант Иван Харченко!

Обо всем этом лихорадочно думал Тимур, отстегивая с пояса Ивана флягу. Младший сержант был опытным воином, и он тоже обзавелся двумя флягами. Одна оказалась пустой; вторая — наполовину заполненная водой. Тим сделал глоток, подавив в себе желание глотнуть еще и еще. Пробрался к Ельникову.

Капитан приложил флягу к губам раненого.

Доктор, видимо, сам изнемогал от жажды, но удержался от искушения: допить остатки. Тяжело сглотнул и сказал ворчливо:

— Сукин сын Степаков. Нежится, небось, сейчас со своей воображаемой болезнью. Подумаешь, воспаление!.. Здесь вон как радикально болезни лечат!

Удивительно, но единственный глоток воды взбод-

рил Тима. Пить, конечно, хотелось ужасно. Но в горле уже не торчал шершавый ком и можно было говорить.

— Зря вы так, товарищ капитан...

— Гвардии капитан, — поправил «док», тем самым давая понять, что ничего такого особенного не случилось, и армейская служба продолжается с соблюдением всех уставных правил.

— Виноват... Товарищ гвардии капитан. Зря вы так про Степакова. Сами же его не пустили в рейд.

— А это не твое дело, рядовой Бахрами!

— Гвардии рядовой, — поправил Тим, улыбнувшись потрескавшимся губами. — Если по уставу, то следовало бы и на «вы».

Капитан слабо рассмеялся.

— Сукин ты сын — вот ты кто. А в общем и целом — твоя правда. Впрочем, ближе к делу. Я сейчас другом твоим займусь, а ты пройдишь, посмотри, сколько нас осталось. Эх, вот незадача! И командуй, и оказывай первую помощь. Санинструктора еще утром убило... Выполняйте приказ, гвардии рядовой.

Тим тяжело поднялся и побрел в полутьме, спотыкаясь об обломки рухнувшего купола... И вдруг он вздрогнул и попятился, ошеломленный, увидев мертвого Лордкипанидзе. Рядом с ним агонизировал душман, видимо, все же проникший в один из многочисленных проломов в стене.

Давид Лордкипанидзе, геройский парень, столько раз смотревший в глаза смерти, отмеченный орденом и двумя медалями «За отвагу», — на этот раз, хотя и вышел победителем, однако лежал навзничь с кинжалом в горле...

Тимур почувствовал головокружение, ноги стали как ватные... Не может быть!! А чуть поодаль кто?.. Да это же Сема!.. Неунывающий Шпирт!.. Пуля попала ему точно в глаз, и смерть его была мгновенной. Он, наверно, даже и не знает, что мертв... Так и не успел Сема досказать «байку» про Гуревича и Гурвича...

Стена Ротару вроде уцелел, но был контужен и плохо слышал. Только головой встряхивал, как лошадь, которую донимают оводы.

Всего же в строю осталась горстка десантников, включая даже тяжело раненных, но не выпускающих из рук оружия, — тех, кто откликнулся на призыв капитана. Всего, значит, кругом-бегом четырнадцать!..

Тимура стал бить озноб, мысли путались, Кое-как

уняв нервную дрожь, на негнущихся ногах добрел до капитана, доложил, заикаясь.

Доктор выслушал сбивчивый доклад. Помолчал. Затем сказал:

— Возьми себя в руки, парень. Война это, понял?! Наша задача — задержать банду Джехансуза. И эту задачу выполним.

«Духи» начали новый штурм. АГС уже не вел губительного огня. Он был разбит миной, расчет погиб. Работали лишь два гранатомета, два пулемета и «Калашниковы». Вот-вот моджахеды бросятся в последнюю, решительную атаку, наконец раздавят, сомнут обескровленный гарнизон...

Однако мятежники почему-то медлили. Капитан таялся в догадках. Рации были разбиты, и он теперь не имел связи с командованием. Положение было отчаянное, и поэтому капитан заорал во все горло:

— Напоминаю... Подготовиться к самоподрыву! Однако сражаться до последней крайности!.. Последний парад наступает, мальчики вы мои дорогие!..

Он хотел выкрикнуть еще несколько озорных, взбадривающих слов, но осекся, услышав близкое орудийное уханье — знакомое, резкое, с твякающим оттенком. Так стреляют родные «громы»!.. Неужели?!.

...Десять боевых машин с включенными фарами, изрыгая огонь, ошестинившиеся во все стороны автоматными трассами, ворвались в селение. Две машины подорвались на минах, но остальные, сбрасывая со стальных спин десанты, растеклись по улочкам, круша все на своем пути. Воинственные крики «духов» превратились в вопли ужаса.

Следом за боевыми машинами десанта, огибая селение по восточной окраине, прогрохотали бронетранспортеры правительственных войск, — чтобы отрезать банде Джехансуза путь бегства на юг, к пакистанской границе.

— Урра-а-а! — завопил Ельников. — Наши!.. Вперед!..

И первым бросился вон из развалин. За ним устремился Тим, еще шестеро десантников, еще держащихся на ногах. Капитан обернулся, пересчитал своих и заорал с ликующими нотками в голосе, срывая голосовые связи:

— Вперед, орлы! Вперед, «Великолепная семерка»!

...Земля под ногами Тима вдруг качнулась, перед глазами вспыхнул яркий ком пламени — и все исчезло.

Вертолеты вывезли убитых и раненых. Измятое гусеницами тело Джехансуза доставили в качестве вещественного доказательства. Пленных отправили своим ходом под конвоем боевых машин с десантом. Капитан Ельников, как и обещал, вручил старичку мулле мешок с тушенкой. Пользуясь тем, что старик, кроме «сухпая» и «тушенки», никаких других слов не ведает, уверял его:

— Была бы моя воля, я бы тебе, святой отец, и медали «За боевые заслуги» не пожалел.

В семейных альбомах Тимура и Леша, тщательно прикрытые бумажной вуалью, хранятся две одинаковые фотографии: пятеро десантников в изорванных куртках, грязных брюках, в бинтах, стоят в обнимку. В центре — Ельников с забинтованной головой. Лица победителей не выражают радости. Эту «пятерку» доставили в часть на вертолете и тут же, при «вспышке», сфотографировали для «Боевого листка». Они еще не отошли от боя, на их лицах лишь следы бесконечной усталости и скорби — скорби по погибшим товарищам, так и не познавшим восторга победы.

Отделение Батычко-Лордкипанидзе представлено на фотографии лишь Степой Ротару.

...В голове гул, звон. Шевельнуться нельзя. Боль во всем теле нестерпимая. Весь торс и левая рука загипсованы.

— М-м-м... — простонал Тим.

Незнакомое молодое лицо склонилось над ним.

— Где я?..

— В медроте. В части своей.

— А где Леша?

— Его оперируют. Да ты помолчи. Нельзя пока тебе разговаривать. У тебя кусок ключицы выбит... Металлический штырь вставили. Ребра перебиты. Лежать надо и помалкивать.

— А ты кто?

— Тоже раненый, но ходячий. Из штурмбата.

— Позови Нину Климкович... Операционную сестру.

— Не положено к тебе пускать.

— Нину позови, тебе говорят.

Парень замялся, покраснел почему-то. Наконец ошеломил:

— Нету ее.

— Как это? — не понял Тимур.

— В Союз уехала.

— За-а-ачем?

— Не знаю. Срочный вызов, — «ходячий ранбольной» еще сильнее покраснел, отвернулся.

Появилась незнакомая медсестра, видимо, новенькая, принесла капельницу. Тут же выставила «ходячего». И заявила:

— Никаких разговоров. Климович в Союзе. Скоро из операционной доставят вашего друга. Но с ним — никаких разговоров. Ранения серьезные. Надо экономить силы, лечиться. Завтра вас обоих в Кабул отправят.

Привезли на каталке Лешу. Оперировали его под местной анестезией, и он был сильно возбужден. Не обращая внимания на протесты медсестры, первым делом сказал, почти прокричал:

— Тим! Жив?.. И я тоже. А Нина, знаешь, в Союз улетела. Срочный вызов!..

Оставшись, наконец, вдвоем в просторной армейской палатке, пересиливая боль и слабость, стали гадать: «Почему Нина срочно улетела?»

— Может, дома у нее несчастье какое?

— Типун тебе на язык! — воскликнул Тим и застонал от пронзившей его боли.

— Согласен на типун. Глупость сморозил. Нину, наверное, госпитальное начальство отозвало. Она ведь нахрапом действовала, когда в Афган прорывалась.

Тим промолчал. Нехорошее предчувствие его охватило.

Вновь появилась медсестра, сделала обоим уколы. Сказала:

— Теперь вы угомнитесь, герои.

Сильные дозы снотворного подействовали. Проснулись Леша и Тимур, разбуженные грохотом двигателя вертолета, который уносил их в Кабул. Там они тоже не задержались и вскоре очутились в Ташкенте, в Окружном военном госпитале.

Однако и в ОВГ Нины не оказалось. Врачи, медсестры, санитары и ранбольные в один голос отвечали:

— Улетела в Байрамкент к родителям. То ли отец заболел, то ли мать...

И лишь месяц спустя, когда оба друга пошли на поправку, к ним в палату пришел демобилизованный Федя-танцор. Пришел попрощаться. Поговорили о том о

сем. И вдруг Федя заплакал — неумело, страшно, как иногда плачут мужчины. Захлебываясь слезами, молвил:

— Долго вас морочили ребята, а я не могу... Не рушьтесь духом!.. Слушайте правду... Нету больше Нины, голубушки нашей... Нету!.. В тот самый проклятый день, когда вас мордовали «духи», погибла!.. Геройской смертью...

И Федя, то и дело срываясь на рыдания, рассказал вот что:

Едва улетели вертолеты с десантом, в часть причался на велосипеде афганец из соседнего селения. Страшно волнуясь, кое-как объяснил, что жена его умирает, не может разродиться. Нужна срочная помощь. До селения недалеко, три куроха не будет (около девяти километров). Во имя аллаха, спасите жену!..

Из этого горного селения довольно часто обращались в воинскую часть за медицинской помощью, поскольку там даже знахаря своего не было. Помочь роженице вызвались недавно прибывший в медроту врач, совсем еще молодой старлей, и Нина. Кроме их двоих — водитель и автоматчик. Приехали они вовремя. Помогли роженице благополучно разрешиться мальчонкой и отправились в часть.

Примерно в трех километрах от части грунтовая дорога подходила вплотную к «зеленке». Из нес-то и ударил почти в упор гранатомет. Водитель и врач были убиты наповал. Машина свалилась в кювет. Засада мятежников открыла огонь по оставшимся в живых, оглушенным падением. Вскоре автоматчик был тяжело ранен и потерял сознание. Нина до последнего патрона отстреливалась. Из автомата погибшего водителя. Патроны в автоматной обойме, однако, очень скоро кончились. Это в кино автоматы стреляют без перезаряжения чуть ли не полкартины. А в бою... Не успел дух перевести — магазин пуст.

Пятеро бандитов, проникших ночью в зеленую зону, с торжествующими возгласами бросились на безоружную девушку, предвкушая легкую добычу. Однако они просчитались. Первый же подскочивший к ней бандит рухнул с проломленным черепом. Нина огрела его металлическим прикладом автомата. Второй повалился от сокрушительного удара ребром ладони в висок. Остальные, ошеломленные яростным отпором, бросились наутек.

...Колонна бронетранспортеров запоздала буквально

на минуту. Механик-водитель головного БТРД увидел лишь, как девушка, припав на колени, открыла огонь из американской автоматической винтовки М16. Из «зеленки» донесся стрекот автомата, и девушка, выронив из рук винтовку, медленно повалилась на бок.

Тут же началось прочесывание «зеленки». Трех бандитов загнали в пещеру и забросали гранатами.

Нину тут же доставили в медроту. Но тщетно врачи делали все возможное и невозможное, чтобы спасти ей жизнь. Шесть автоматных пуль, вонзившихся в грудь и живот Нины наискось, не оставили никаких надежд.

Сбивчиво рассказав о гибели Нины, парень вновь всхлипнул и, не стыдясь своей слабости, вытер слезы платком. Помолчав, добавил зачем-то:

— Как Нина погибла, об этом у того душмана-душегуба прознали. Ну и, конечно, в ту деревню ездили. Мальчонка жив-здоров. Мамаша тоже.

Тим и Леша лежали на своих койках, оглушенные, раздавленные горем.

Леша после долгого молчания спросил чужим голосом, сам удивляясь нелепому вопросу:

— У какого душмана прознали?

— Которого она ребром ладони... По кумполу. Спасла, можно сказать, душегуба. Он как мертвый лежал. Иначе бы его ребята окрестили из автоматов. Озверели от такого случая. Привезли в часть как дохлого. А он очухался и рассказал все.

— Она... — тихо вымолвил Тим и закашлялся, — Она... долго мучилась?

— Видел ты ее?

— Рвался к ней — не пускали. Часа полтора после операции помаялась... Но я, робята, повидался. Слышу: кличут, мол, иди, тебя зовет.

— Ну?!!

— Что — ну?.. Мучилась сильно. Потом лепечет: «Федя, передай моим... Вам, стало быть... Запомни только мои слова: «Я в вас верю, мальчишки!» И все. Померла. Я ей глаза закрыл.

Федя снова всхлипнул, махнул рукой и как-то неловко, боком, прихрамывая, вышел из палаты.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Deus ex machina

От повествователя

Считаю необходимым объяснить, почему этой повести я дал латинское название, хотя пишу на русском языке.

«Deus ex machina» в буквальном переводе с латыни означает «Бог из машины». Античные драматурги нередко вводили в свои бессмертные трагедии Зевса (Юпитера) или менее чиновное божество, которое в финале действия спускалось тогдашними рабами сцены с колосников на специальных приспособлениях, и восклицало грозно что-нибудь вроде: «Я вас!..», решительно способствующее развязке запутанного сюжета.

В наше время, когда о богах и на Олимпе, и на небесах вспоминают лишь в самых крайних случаях, причем крайне непочтительно, — в наше время выражение «Deus ex machina» приобрело, к сожалению, обидный для драматургов и прозаиков смысл, стало не то чтобы синонимом махровой халтуры, но вроде этого, как бы фирменным знаком ремесленного подхода к творчеству.

Критики с особым удовольствием уличают авторов в творческой неполноценности, обнаружив в пьесе, романе или повести современного «бога», подобно легендарному Гордию разрубающего запутаннейший сюжетный узел. «Автор, — пишут критики, — уготовил своему герою, новатору производства, экстремальную ситуацию, он на грани самоубийства! Скрытые враги прогресса обвинили новатора во всех смертных грехах, в том числе — и в неуплате профсоюзных взносов. Положительный герой произведения дрогнул, и вот он уже глубокой ночью — на мосту, с целью покончить счеты с жизнью в речной пучине... Но тут, разумеется, появляется «Бог из машины» в лице первого секретаря райкома

партии, возвращающегося домой после трудового дня. Новатор, не подозревая, с кем имеет дело, в порыве откровенности, изливает «случайному» прохожему истрадавшую душу. Секретарь называет себя, в адрес ретроградов и интриганов восклицает грозно: «Я вас!...» — и силы зла повержены, новатор торжествует победу!

Возникают законные вопросы: «А что, если бы секретарь райкома не встретился на пути новатора?!. А где, спрашивается, здоровые силы здорового коллектива? Почему они не встали на защиту положительного героя?.. Нет, как бы ни оправдывался автор, ясно одно: он соблазнился легким, изрядно проторенным решением проблемы, призвал на помощь пресловутого «Deus ex machina». И это печально!»

Я же глубоко убежден в том, что и поныне этот драматургический прием играет важную роль. Приведу конкретный пример.

Есть очень хороший кинофильм, рассказывающий о неумном энтузиасте, директоре целинного совхоза, Коммунист губановской породы, фронтовик, он не побоялся послушаться грозных руководящих указаний, внедрил в своем хозяйстве вместо плуга плоскорез и добился высокого урожая. Выступая по телевидению, он обличил косность и бюрократическое руководство сельским хозяйством. Своеволие директора вызвало гнев высокого начальства.

..И вот мы уже видим героя, которого успели полюбить, в замызанной телогрейке, с лопатой в руках, на скотном дворе, убирающего навоз. Создатели фильма до предела «закрутили» сюжет. Ну посылить ли самому герою избавиться от лопаты, доказать свою правоту?.. Нет, конечно! И совершенно ясно, что в данном случае и здоровый коллектив бессилён. Так бы всю оставшуюся жизнь герой и перелопачивал навоз. А здоровые силы, возможно, еще и попрекали бы: «Говорили тебе: не лезь на рожон. Умнее всех хотел быть, И достукался!»

Авторы фильма правильно делают, призвав на помощь «Бога из машины», при этом ни на йоту не отходя от жизненной правды... И вот уже передают по радио известное Постановление Пленума. С волюнтаризмом и пустозвонством покончено, и зрители прощаются с героем, вновь вознесенным на вершину славы.

«Deus ex machina» играет решающую роль и в повести, заключающей роман «Ограбление века», — пото-

му что так оно и было в реальной жизни. И осмелюсь добавить: так оно и будет — до тех пор, пока, наконец, не восторжествует окончательно демократия, пока все мы не научимся разумно пользоваться этим чудесным орудием преобразования жизни.

Пока же, к сожалению, без «Бога из машины» не обойтись — ни в литературе, ни в искусстве, ни в жизни.

А то, что художественный и житейский приемчик этот давно, очень давно просится в музей древностей, обветшал, — это и мне понятно.

Искренне верю, что пользуюсь им последний раз.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

По совершенно необъяснимой, даже таинственной, причине в ночь с тринадцатого на четырнадцатое июня тысяча девятьсот восемьдесят третьего года (в это время рота капитана Смолянинова десантировалась с вертолетов, чтобы яростным штурмом вышвырнуть мятежников из мечети, превращенной в крепость), когда едва брезжит рассвет и сон очень сладок, — почти неземному Существо, названному в романе с языческим трепетом — Узлары, явился во сневидении обыкновеннейший гражданин пенсионного возраста.

Узлары в ужасе закричал и проснулся. Липкий ледяной пот покрывал тело. Узлары или Сам (как его еще величали сонмы раболепствующих льстецов) глотнул минеральной и, все еще не в силах унять дрожь, пробирающую тело, ощутил знакомую боль в боку и пояснице.

«Чем же этот человечешко меня напугал?» — подумал Сам.

Он принял чудодейственное лекарство, доставленное из далеких краев, однако боль не унималась. И все сильнее и сильнее разбирала дрожь.

Стоило лишь нажать на кнопку, и вскоре объявился бы дородный и вальяжный эскулап, — улыбающийся, со следами, как принято нынче говорить, «недосыпа» в ласковых глазах и с синеватой ночной щетиной на полных щеках. Однако Узлары раздумал нарушать сон лечащего его медицинского светила. Унизительно ведь признаться, что лютей страх, ужас, отнимающий дыхание, явились следствием того, что Он увидел во сне заурядного горожанина пенсионного возраста!

Страх, однако, не оставлял Его.

Что произошло?.. Человек, как все. Таких тысячи, Миллионы! Он пристально смотрел на Него темными глазами, лишенными признаков преклонения — всяких там искорок восторга, лучиков фальшивой преданности, восхищения. Даже жульнических увертливых бликов не было в этих глазах... Как же этот ночной незванный гость осмелился смотреть на Него, на Узлары?.. Как?..

И вдруг Он понял, что именно так испугало его, — заурядный человек смотрел на Него сверху вниз!.. Да-да, именно так, сверху вниз! Хотя и незванный гость, и Он, Узлары, были одинакового роста.

Как это странно и страшно! Почти четверть века на Него никто не осмеливался так смотреть. Среди тех, кто выслушивал Его указания, встречались и более рослые. Был один дылда, вымахавший ввысь на два метра. Однако и он смотрел на Самого, на Узлары, снизу вверх, как верный пес — на своего хозяина. Окружающие Его съеживались, горбились, стараясь как-то стушеваться. Иные, напротив, вытягивались в струнку, демонстрировали бравоый разворот плеч. Но при этом все они мысленно стояли перед Ним на коленях! И потому, естественно, и смотрели снизу вверх.

А этот!..

Он принял успокоительного. Боль в боку, в пояснице стала утихать, но дрожь все пробегала и пробегала по телу знобящими волнами. Трудно дыша от предчувствия неотвратимого, Узлары вдруг понял, что человек, смотревший на него сверху вниз, — особенный!.. На кого-то он похож? На кого?.. Йе!.. Да это же давно умерший маньяк, честность и добросовестность которого он, Узлары, ставил в пример. Как его зовут?.. Огородников... Нет, Гродников?.. Вспомнил!.. Гроднич. Точно, Гроднич. «Ходячая хлопковая энциклопедия». Последний раз я виделся с ним, кажется, в колхозе «Рассвет». Он тогда осмелился прочитать целую лекцию. Сперва пожаловался на Одилбая. А потом наговорил такого, что, будь на его, Узлары, месте руководитель более крутого права и другие времена, этот Гроднич испустил бы дух не у себя в постели, а в местах более отдаленных... Вежливо, но настойчиво бубнили «Годы мои уже не те, скоро, видимо, пора того... Позвольте же изложить вам нечто вроде завещания. Сейчас еще не поздно поправить дело».

«Что именно исправить?» — удивился Он, «Наме-

чается тенденция превращения республики в край монокультуры. Знаете французское крылатое изречение: «Даже самая красивая женщина не может дать больше того, что она может дать»?.. Так и прекрасный край наш».

Узлары ощутил, как постепенно проходит противная дрожь, воспрянул духом, снова улегся в постель. Но сон не шел, а проклятый старик Гроднич прямо-таки вызывал на дискуссию.

И вновь в голове заронились воспоминания.

«Край наш прекрасный, должен родить не только хлопок. Здесь же искони выращиваются чудесные овощи, дыни, арбузы, фрукты удивительных вкусовых качеств...».

«Стране нужен хлопок! Много хлопка. С меня требуют. Я — коммунист и обязан выполнять указания».

«Я тоже выполняю указания. Вот... Прошу вас, посмотрите мои расчеты. Это плод почти полувековых трудов, — старик протянул толстую тетрадь в клеенчатой обложке. — Посмотрите на досуге. Не прошу... умоляю вас! — старик вроде даже всхлипнул, а может, закашлялся. — Позвольте коротко изложить суть. Невозможно, даже преступно бесконечно расширять посевные площади, не имея достаточного количества воды. Сырдарья уже подает признаки иссякания. Из нее мы нынче забираем воды для поливов хлопковых полей больше, нежели допустимо. Аральское море давно имеет тенденцию к обмелению, и она — сия тенденция, нарастает с угрожающей быстротой. Если море превратится в лужу — это катастрофа для многих сотен тысяч людей, для целого региона!.. Далее... Горные ледники, дающие воду, не могут обеспечить стабильного орошения. Да и республика наша, исключая ее южную окраину, находится в зоне так называемого рискованного, неустойчивого хлопководства. Бывают затяжные весенние дожди, весенние заморозки, вызывающие необходимость пересева и, следовательно, удлинения сроков вызревания хлопчатника. А тут накатывает в разгар хлопкоуборочной кампании дождливая осень, ранний снегопад... — Гроднич замаялся и вдруг спросил: — Кстати, почему пара уборки урожая хлопка называется у нас по-военному — «хлопковой кампанией»?.. Потому что происходит массовая мобилизация населения, вплоть до подростков, детей?...»

Даже сейчас, даже в кровати, Узлары почувствовал,

как кровь бросилась ему в лицо. А тогда, двадцать лет назад, услышав кощунственные слова хлопкового маньяка, он на секунду-другую ослеп от гнева. Однако, по укоренившейся привычке, внешне вида не подал. Его, Узлары, все и всегда должны видеть как бы в виде монумена, мудрого, всезнающего сфинкса. И потому он не выплеснул душившего его гнева на занудного старика, не закричал, не затопал ногами, а, игнорируя вопрос, произнес тихо:

«Продолжайте, слушаю».

«Во всем мире исправно действует так называемый «Закон больших чисел». Я не знаю, занимаются ли наши статистики подсчетом числа жертв этих «хлопковых кампаний»? Но если бы они анализировали такого рода статистические данные, то могли бы, например, предсказать, сколько горожан на приближающейся хлопкоуборочной погибнет, будут убиты в драках, искалечены, сколько девушек подвергнутся насилию; могли бы назвать довольно точную цифру людей, смертельно заболевших или ставших инвалидами в результате пребывания в непривычных и антисанитарных условиях!..»

«Это уже шаманство какое-то», — усмехнулся Он.

«Никак нет. Это «Закон больших чисел». В Бельгии, например, в газетах печатают, сколько и каких преступлений будет совершено в новом году, число автомобильных катастроф. А во Франции по телевидению предупреждают: «Господа, будьте осторожны, не лихачествуйте. В приближающемся уик-энде должно погибнуть в автомобильных катастрофах столько-то человек! Не старайтесь попасть в их число».

Усилием воли подавляя в себе гнев, Он возразил:

«Если ваш «Закон больших чисел» не выдумка буржуазных горе-статистиков, то ведь все равно где этим «статистическим» жертвам погибать».

«Позволю себе не согласиться. Люди, которых с неотвратимой неизбежностью постигнет несчастье на хлопкоуборочной — конкретные Ивановы, Ташматовы и Ишматовы, могли бы в городе дожить до мафусаиловых лет, не стать инвалидами. Как видите, на передний план выступает морально-этическая проблема».

«Чушь все это, Гроднич! — отрезал Он. — Есть такое волшебное слово — «НАДО!» Вам оно известно?»

«Так точно, известно. Но ведь все дело в том, что горожан посылать на хлопок не надо. Нет нужды».

«Что?!..»

Гроднич коснулся указательным пальцем лежащей на столе тетради.

«В ней есть выкладки. В настоящее время один килограмм хлопка государству обходится шестьдесят-восемьдесят копеек. Имеется в виду зарплата горожан, расходы на их перевозки, горючее и другие огромные траты. Люди, специалисты отрываются от важных дел, студенты — от учебы. Нарушается отлаженная система медицинского обслуживания в городе, снабжения, возникает проблема транспорта и множество других больших и малых трудностей. А вывоз на уборку хлопка школьников!.. И в то же время городские рынки наводнены колхозниками, которым полагается быть на хлопковых полях...»

«Короче, — перебил Он, — Что предлагаете? Погубить на корню урожай? Лишить страну «белого золота»?!»

«Следует обрисовать обстановку Москве, — Гроднич словно присягая, вскинул два пальца вверх. — Решение проблемы простое. Надо платить колхозникам по тридцать копеек за килограмм, — в новом масштабе цен. И они, смею вас уверить, соберут весь урожай сами. А ежели вдруг все же не хватит рабочих рук, — кликнут клич. Убежден: от желающих, подлинных добровольцев-хлопкосборщиков отбою не будет! Собрал за день сто килограммов — получай три червонца! А ведь найдутся и умельцы, начнут собирать по двести-триста килограммов...!»

«Послушайте, Гроднич, — спросил Он не то в шутку, не то всерьез, — вы, случайно, не из кулаков? Арал гибнет!.. Люди!.. А оказывается, все это вам понадобилось для того, чтобы протащить рваческую мысль — тридцать копеек за килограмм! Не жирно ли? Да за такие деньги, пожалуй, и я пойду хлопок собирать!»

«Вот!.. Вы сами подтверждаете правильность идеи. И насчет Арала я сказал не для красного словца. Погубим мы его».

«Ну вы-то, Гроднич, не погубите Арал», — многозначительно ответил Он. — Арал еще нам послужит».

«Я старый человек, — Гроднич назвал его по имени-отчеству, — мне нечего терять. Запомните... Ежели автомобиль может развивать максимальную скорость сто километров в час, то сто пятьдесят километров в час из него выжать невозможно. Вернее, можно с помощью

форсажа вырваться из стокилометрового предела, но не надолго, после чего мотор окончательно выйдет из строя. Так и наш солнечный край. Мы изнурим Амударью, погубим Арал, и тогда, как сказано в одной мудрой книге, будет «великий плач и скрежет зубов...»

«Вы, наверное, притомились, Гроднич, а? Работа у вас хлопотная. Вот и приходят в голову разные странные мысли. Может быть, пора и отдохнуть?»

«Я не могу без работы, — старик в упор, внимательно, пожалуй, даже строго посмотрел на Самого. — Это жизнь моя. Но как бы в дальнейшем ни сложилась моя судьба, прошу вас, запомните слова хлопковика! Больше четырех с половиной миллионов тонн хлопка республика дать не может. Американцы собирают по восемнадцать-девятнадцать центнеров с гектара, и преуспевают. Им не выгодно собирать больше — цены на хлопок упадут на мировом рынке. Мы можем получить и по двадцать пять центнеров с гектара. Пусть будет это настоящий хлопок — высоких сортов; без умышленной переувлажненности для веса, без сора...»

В кабинет без стука ввалился Одилбай Парпиев. Уставил жуткие глаза на Гроднича. Нервно хлестнул по сапогу неразлучной своей камчой. Прохрипел:

«Опять жалуется на меня?»

«Выйди, Одилджан, — Узлары подмигнул фавориту. — Не о тебе разговор». — Он указал глазами на Гроднича.

«Давно пора, — Одилбай осклабился, показав желтые крепкие зубы. — Старый он стал. На печка пора отдыхать».

«Иди, иди, когда надо будет, позову. Дай нам поговорить».

«Хоп-хоп!.. Дастархан готов. Угощение простынет».

«Иди, дустым. Мы скоро».

Прижав руку к впалой груди, Одилбай попытался к двери. На людях он маскировал приятельские отношения с Узлары внешними знаками трепетного почтения. Но иногда все же срывался. Вот и вошел без стука. И эта камча — совсем неуместная на запястье руки, прижатой к груди. Эти мелочи не прошли мимо внимания Узлары, и он подумал, что надобно все же приструнить Одилбая.

«Продолжайте», — сказал Гродничу.

«Позвольте быть совершенно откровенным?»

«Конечно!»

«Образно говоря, мы рубим сук, на котором сидим. Нам спускают план по хлопку, который мы всеми правдами, а также неправдами... Да-да, неправдами выполняем. И даже перевыполняем. Берем на себя повышенные обязательства. Что это такое — повышенные обязательства?»

«Находим внутренние резервы».

«Если бы!.. Давайте называть вещи своими именами. Мы желаем выслужиться!»

Узлары почувствовал, что его лицо стало покрываться багровыми пятнами гнева.

«Ну вот!.. — Гроднич смущенно пожал плечами. — Вы же разрешили...»

Узлары, пытаясь заглушить в себе гнев, кивнул. «Ладно уж, договаривайте».

«Почему архангелогородчина не является хлопковым краем?.. Да потому, что там нет климатических условий для хлопководства. В том краю даже пшеница худо произрастает. Ржаные места. В нашем же крае хлопок растет. Солнца много, подходящие почвы. Богатый опыт дехкан. Но нельзя безоглядно увеличивать и увеличивать план хлопкодачи».

«Стране нужен хлопок! Понимаете?.. Хло-пок».

«Любой ценой?»

«Да, любой ценой!.. Вы, товарищ... Гроднич. — Он забыл было, но вновь вспомнил фамилию хлопкового маньяка. — Вы настроены пессимистически».

«Пессимист, — криво усмехнулся старик, — это хорошо информированный оптимист».

«Ну, знаете ли! — с нажимом произнес Узлары. — С такими настроениями...»

Старик развел руками, вздохнул.

«Разрешите с вами не согласиться. До революции наш край выращивал чуть более пятисот тысяч тонн хлопка. В предстоящую уборочную мы превысим эту цифру раз в шесть. Неужели это не впечатляет? Я оптимист. Но я уже слышу разговоры безответственных фантастов о пяти миллионах тонн... О шести... О сибирских реках, обильно обводняющих наши пустынные просторы!.. Вспомните китайский эксперимент, когда были истреблены все воробьи и начались неурожай... Мы слишком зазнались, объявили себя царями природы. А надобно не царствовать, не миловать и казнить, но жить разумно. Миллионы лет на планете складывался идеальный природный баланс...»

«Насколько я понял, вы предлагаете остановиться на четырех миллионах тонн?»

«На четырех с половиной. При существующем положении вещей. Надо привести в порядок земли, которые истощаются, наладить севооборот, селекционную работу, семеноводство... Коротко говоря, необходимо покончить с экстенсивным, варварским хлопководством и перейти к хлопководству интенсивному. А это потребует немало времени. Долгие годы!»

«Все наши достижения в хлопководстве на две трети достигнуты за счет интенсивных факторов и лишь на одну треть — за счет расширения посевных площадей!»

«Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман!» — продекламировал Гроднич. — Простите меня, но вы называете всего лишь цифры, а не факты. Я уже подавал по инстанциям докладные. В них доказывал, что с того времени, когда республика вплотную приблизилась к заветному трехмиллионному рубежу, все чаще и чаще приходится сталкиваться с явлениями печальными: приписки, скрытые посевы, пересортица, разноробой в фиксировании процента влажности хлопко-сырца!.. И все это ради достижения трех миллионов...»

Лежа в постели, Узлары находился в состоянии какого-то транса. Он спал и бодрствовал одновременно. Тот давнишний разговор с Гродничем переплетался со странной беседой с уже не существующим на свете стариком. Быль и небыль слились. Теперь старик держался независимо, смотрел на Самого менторски, по-прежнему — сверху вниз, откровенно поучал, грозил даже.

«Во времена какого-то французского короля Людовика, — продолжал Гроднич... — Запомню фразу: «После нас хоть потоп!» Мы тоже вынуждены будем взять на вооружение этот жутковатый афоризм, если... Если обнаруженные мною и другими опытными хлопковиками опасные тенденции, кои я назвал, станут набирать силу. Тогда нам только и останется, что утешаться грядущим потопом. Впрочем, нам подойдет более точная присказка: «После нас хоть трава не расти!» Истощим Амударью и Сырдарью, если после освоения Каршинской степи мы начнем без удержу забирать из них воду, не соображаясь с реальными возможностями...»

Сам удивляясь своей выдержке, Узлары рассмеялся.

«Да вы, Гроднич, как я теперь убедился, — махровый ретроград! А известен ли вам другой афоризм?..

«Чтобы оставаться на месте, надо двигаться вперед».

«Да разве мы стоим на месте? Если республика даст через несколько лет — как намечено — четыре с половиной миллиона тонн хлопка, — это будет означать, что мы увеличим производство хлопка-сырца, по сравнению с дореволюционным уровнем, в девять раз! Назовите мне другую сельскохозяйственную культуру, где были или будут достигнуты такие поразительные результаты? Но ведь у нас так заведено — аппетит приходит во время еды! Даешь пять миллионов!.. Шесть!.. Семь миллионов!.. Десять!..»

Разбушевавшийся старик, казалось, забыл, с кем разговаривает. Он даже погрозил пальцем!.. Правда, неизвестно, кому погрозил. Но все равно.

Узлары, все еще находясь в странном состоянии, — между сном и бодрствованием, — не имел сил обрушить свой гнев на наглого старика. А тот продолжал, кипя негодованием:

«И такая нелепая эйфория не только в хлопковом деле. Вдруг академик из народа заявляет, что через два-три года подарит стране сорт пшеницы, который превзойдет по урожайности все существующие в четыре раза!.. И мы разинули рты, ждем... Где он, этот мифический сорт? Но мы взяли на вооружение заявление пушкаря-академика. И мы сами с усами. И уже рекламируем: «Ведутся работы над выведением суперурожайных сортов хлопчатника. Не за горами то время, когда средневолокнистые сорта будут давать восьмидесятицентнеровый урожай, а тонковолокнистые — пятидесятицентнеровый!..»

Гроднич снова погрозил кому-то пальцем. Молвил, сверкая темными своими молодыми глазами и алюминиевой сединой:

«Мы похвваемся, а в Москве берут в руки карандаш и производят простейшие арифметические действия. «Так... Даже если положить за исходную точку отсчета среднюю урожайность тридцать пять центнеров с гектара, то получается... Ха!.. С этой благословенной республики можно спросить и восемь... И даже десять миллионов тонн хлопка!..» — Старик вдруг истерически расхохотался. Тут же резко оборвал дикий смех. И продолжал:

«Но ведь это все равно, как если бы я считал себя миллионером только потому, что самолично написал в своей сберкнижке в графе «Приход» цифру «Десять мил.»

лионов рублей!..» У архангелогородщины вдоволь воды, но нет солнца. В нашей благословенной республике вдоволь солнца, но мало воды и нередко капризы погоды. К сожалению, у нас тоже не идеальные условия для хлопкосеяния. С Южными американскими штатами не сравнить. По крайней мере, необходимо учитывать это обстоятельство и не зарываться. Есть уже опыт. Горький опыт. И не только наш. Вдруг воспламенились: кукуруза! Ценнейшая культура!.. Давай-давай! Теперь даже в Чехословакии сеют кукурузу, да-с. Вырастает там она высотой до пояса с небольшим...»

Узлары слушал еретические речи старика, но не перебивал, язык почему-то не повиновался. Промычал нечто нечленораздельное, испугался, но тут же понял: это ведь все во сне происходит, успокоился.

Тем временем настырный хлопковик окончательно обнаглел. Заговорил на «ты».

«Послушайся старика, умудренного полувековым опытом. Внимательно проштудируй мою тетрадь. У нас с а м ы й с е в е р н ы й в мире район хлопководства, а мы уже и сейчас рекордсмены по урожайности хлопка. Еще предки твои говорили: «Последняя соломинка ломает спину верблюду». Наберись мужества, объясни положение дел. У тебя ведь тоже есть начальник. Вот ему и присным его так прямо и объясни, что к чему. Не страшись прогневить. Лучше плохая правда, чем хорошая ложь».

Гроднич пожевал губами, тяжело вздохнул.

«Только, увы, не обладаешь ты мужеством. Должностью своей слишком дорожишь. Потому и сооружаешь «Потемкинские деревни». Искусственно выращиваешь колхозы-«маяки», вроде «Рассвета». Приехал — помнишь? — Глашатай кукурузы, — ты его мигом на о с о б ы й участок отвел, в «кукурузные джунгли». Глашатай в восторге: «Здесь, наверное, тигры водятся!» Захотел бы он — ты ему и живого тигра представил. Мол, полюбуйте, только что в «Кукурузных джунглях» изловили!

...Что, не нравится правда? А я тебя не боюсь. Чего мне страшиться?.. Я ведь давно мертвый. Двадцать лет назад выгнан из хлопковиков стараниями негодяев. А в январе шестьдесят восьмого и вовсе снят с партийного учета в связи... Проще говоря, Лев Львович Век, которого теперь Шербеком величают, зверем, значит, — он меня и убил. Надавил на мое сердце — и уничтожил. Выстрел инфаркта. Наповал. Вот ведь какие у тебя нын-

че «тигры-шербеки» в «хлопковых джунглях» бродят на приволье!»

Старик невесело хохотнул, погладил пальцами гладко выбритый подбородок, как-то по-особенному взглянул на Собеседника сверху вниз и вдруг погрозил Ему пальцем. Не просто погрозил, не абстрактно, а именно Ему. Персонально!

Фигура Гродничка, такая реальная, зримая, начала как-то колебаться, как на экране телевизора с неисправной разверткой кадров по вертикали, размываться, будто резко убавили яркость, и вскоре вовсе исчезла.

Узлары вырвался, наконец, из странного полубредового состояния. Рывком поднялся. Сел. Сердце больно колотилось о ребра. Руки вздрагивали. Ночная пижама была влажной от пота.

Кто-то из домашних или obsługi осторожно приоткрыл дверь спальни. Грозный ее обитатель крикнул раздраженно:

— Какого черта!.. Не смей входить, пока не позову!

Он на слабеющих ногах добрался до кресла, рухнул в него, задумался.

Гнев, вызванный возмутительными речениями покойника, угасал. Его место в душе стало занимать другое чувство — странное, похожее на раскаянье. В голове пульсировала навязчивая мысль: «Старик, конечно, переборщил. Но по существу прав. Прав!.. «После нас хоть потоп!»... Нет, «После нас хоть пустыня!»... Но в чем Моя вина?.. Жизнь Моя как на ладони. Судьба словно умышленно подарила блистательное начало биографии. В паспорте, во всех документах, анкетах значится: «6 ноября, 1917 год»! Ровесник Октября! Дата рождения стала постоянным «пропуском» в Жизнь сыну бедняка, заменяла рекомендательные письма, «нужные» телефонные звонки. С отроческих лет Он замечал, какое удивительное, почти мистическое впечатление производит на окружающих самый факт Его рождения. Он всегда был на виду — и в школе, и в институте, когда учительствовал, затем, не без успеха, начинал журналистскую карьеру.

...Перед Его внутренним оком — оком памяти — воин двадцатидвухлетний красавец, рослый и плечистый. Черные, как смоль, волосы гладко зачесаны со лба назад. Темно-карие, в легких аристократических припухлостях, глаза излучают энергию и ум.

Образцовый, пожалуй, даже плакатный Новый человек, строящий Новую жизнь!.. За энергию и порывистость этого славного молодого человека, почти юношу, называли Фархадом. Лестное прозвище!

Он и в самом деле ощущал себя богатырем, изнывающим от избытка сил, энергии, неумной жажды подвигов. Да и время требовало подвигов. На всю страну тогда прогремела слава строителей Большого Ферганского канала, сооруженного в невиданно короткий срок. Даже американские инженеры, известные «технари» и мастера рекордов, разинули рты от изумления!

А с чем сравнить поистине фантастические деяния дехкан, объединившихся в колхозы?!. Уму непостижимый подвиг!.. В годы гражданской войны хлопководство было вконец загублено: посевные площади стремительно, как мистическая «шагреновая кожа», сократились до жалкого клочка, а урожайность упала до смехотворной цифры — три центнера с гектара.

Узлары поднялся. Перешел в кабинет. Вынул из секретера самодельную, в изящном бежевом переплете, книжечку карманного формата. Она досталась Ему как бы по наследству — обнаружил в письменном столе. Менялись Хозяева письменного стола. А книжечка осталась. Преподнесена же была она жизнерадостному крепышу, исполненному великой энергии, о деяниях коего слагались легенды. Как Он гремел!.. Когда-то гремел. И была заслуженной его слава.

...А забытая книжечка все ждала, ждала хозяина, и наконец нашла Его, Узлары. Вот она, эта книжечка — «Статистический справочник по хлопководству республики». Составил А. М. Никонович. Посвящается 15-летию республики. 1939 г.»

Книжка издана не типографским, а фотографическим способом, и в ней собраны каким-то дотошным Никоновичем самые подробнейшие и удивительные сведения о хлопке.

Он полистал глянцевого листки книжки. Так.. Проверим знатока хлопка, покойного Гроднича... В тысяча девятьсот тринадцатом году в крае собрано товарного хлопка 516,4 тысячи тонн. Правильно!.. А в двадцать первом году действительно полный крах — четырнадцать тысяч тонн!

Окончилась, наконец, гражданская война, и хотя отдельные банды басмачей еще продолжали злодействовать, началось чудесное преображение родного края.

Земельно-водная реформа... «Худжум» — прекрасное и героическое движение женщин за свое освобождение... Колхозное строительство... И как результат — культурное преобразование народа, фантастический взлет хлопководства. Полтора миллиона тонн «белого золота» вырастил Его край в тридцать девятом году!.. Полтора миллиона!!!

Тот славный Тридцать девятый навсегда запал в Его душу еще и потому, что Он стал членом партии. Он искренне думал, был убежден, что в бесконечном долгу перед партией, народом, — Ему, сыну бедняка, они дали образование, открыли... Нет!.. Распахнули двери в Жизнь. Партия нуждалась в верных сыновьях, — в нее ведь проникло великое множество врагов, двурушников, вредителей и диверсантов!

Он вздохнул. Положил на секретер нарядный «Справочник» и вынул из стеллажа книгу в сером картонном переплете, затрепанную, отпечатанную на желтоватой низкосортной бумаге, однако изданную трехсоттысячным тиражом. Отыскал статью Андрея Януарьевича Вышинского. «...Дело недавно осужденных и расстрелянных презренных предателей и подлых изменников — Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана и других, чьи имена покрыты теперь вечным проклятием, — воочию показали разбойничье лицо троцкистско-фашистских бандитов».

Жутко читать такое сейчас. А тогда... Тогда Он, двадцатилетний юноша, искренне верил Генеральному прокурору. Да что там — прокурор! Сам Сталин четко и ясно сказал, что пробравшиеся на важнейшие посты враги народа превратились «...в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств».

Юноша, которому судьбой уготовано было стать У з л а р ы, кипел негодованием, жаждал отдать все силы борьбе за светлые идеалы. Каждый день газеты и радио сообщали о развороченных НКВД все новых и новых вражеских осинных гнездах. Они обнаружили и в Его республике! Акмаль Икрамов!.. Файзулла Ходжаев!.. Один пробрался на пост первого секретаря ЦК, другой — председателя Совнаркома!.. Сотни, тысячи врагов!

Именно тогда и созрело у Него бескорыстное решение стать коммунистом, большевиком,

И он честно выполнял свой партийный долг.

Как давно и недавно это было! Сколько потрясений, оглушающих сознание!.. Но в те годы Он был искренен и чист душой. Грянула война — и он стал командиром, политработником. Воевать довелось не очень долго, однако все ж хлебнул фронтового лиха. В самый разгар войны, на ее переломе, когда, обливаясь кровью, наши воины погнали, наконец, фашистские полчища в их логово, — тяжелое ранение. В госпитальной шинельке, выношенной все интендантские «сроки», вернулся в родные края. Теперь надо было помогать в глубоким тылу ковать Победу, заря которой уже брезжила.

Энергичный, жизнерадостный здоровяк, осатаневший от нехватки толковых людей, с распростертыми объятиями принял фронтовика, к тому же оказавшегося не просто боевым политработником, коммунистом с доверенным стажем, но и еще к тому же «Ровесником Октября».

И Он стал редактором областной газеты. Трудился, не жалея сил, хотя сказывались последствия ранения и окопные простуды, на которые на фронте как-то не обращали внимания.

Его заметили: «Товарищ с перспективой!» После окончания войны Он возглавил республиканскую партийную газету. Обнаружилась тяга к литературному творчеству. Лирическую Его повесть перевел на русский язык один из первых лауреатов Сталинской премии. Сам Шолохов назвал Его «надеждой нашей литературы».

Незаурядные организаторские способности, личное обаяние и биография кристальной чистоты, зародившаяся под грохот исторического выстрела «Авроры» и пушечно-пулеметный набат Петропавловской крепости, делали все более популярным Его имя. Немалую роль в стремительном продвижении к рычагам власти сыграл и энергичный первый секретарь.

Минуло всего пять послевоенных лет, и бывший скромный учитель, — затем журналист и подающий надежды писатель, — стал Президентом республики!

Поистине неисповедимы пути Судьбы. Заряженный энергией на сто лет бритоголовый первый секретарь, почти одновременно с Его взлетом, попал в опалу. Хотя и опалой новое назначение нельзя было назвать, — его сделали министром Союзного Министерства хлопководства. Из «Ака» (это слово означает большее, чем

просто «брат»), из Первого человека в родной республике превратился он в «одного из», правда, тоже весьма влиятельных хозяйственных деятелей. Люди шептались: «Вот к чему может привести чрезмерная популярность! Московская ссылка».

Молодой Президент дал себе слово учесть этот урок.

Пришел новый Первый, интеллигентного вида. Он, однако, как оказалось, взвалил на себя ношу не по плечу. И тогда Он, Президент, известный писатель, впервые испытал странные спазмы души. Он не сразу понял, что это такое, почувствовав тягостное томление, очень похожее на муки влюбленного юноши, не пользующегося взаимностью, или на душевную маету самолюбивого спортсмена, игрою слепого случая принужденного быть третьим на пьедестале Почета, бронзовым призером, хотя, — если бы не нелепое стечение обстоятельств! — первое место его. Только его!

...Вновь кто-то из домашних заглянул в кабинет — и словно испарился под грозным взглядом У з л а р ы.

Новый Первый покинул высокий пост, изъязвленный критическими терниями. Кончил он свою карьеру в захудалом министерстве, которое и министерством-то называется неизвестно почему. Пришел третий, по счету, Первый — молодой, деятельный, мыслящий широко и перспективно. Однако и он долго не задержался. Москва — она ведь не только «слезам не верит», — она, словно магнит, притягивает к себе все незаурядное, талантливое. Третий Первый вознесся на немыслимую высоту.

У сорокалетнего жаждущего широкого поля деятельности Президента возникли честолюбивые надежды. По ночам Ему снился один и тот же сон: Он с группой альпинистов штурмует заветную вершину... Кто-то отстал, кто-то свалился с ледяного карниза... рухнул в расщелину... В связке уже никого нет. Он остался один!.. Заветная заснеженная вершина ослепительно сверкает на ярком солнце как гигантский бриллиант! До нее осталось совсем немного... Последнее усилие — и Он ступит на нее!..

И вдруг плотный, шелестящий под горными ботинками снег дрогнул, пополз вниз, и вместе со снегом Он, Альпинист!.. Снежная лавина понесла Его все быстрее, быстрее вниз, к зияющей и бездонной пропасти!..

Он с криком пробуждался, трепеща от пережитого ужаса. Наконец успокаивался.

И так — несколько ночей подряд.

Вещий сон?.. Глупости!

Сон оказался не то чтобы вещим, но вроде этого. В пропасть Он не свалился, но и заветной «вершины» не достиг.

Первым стал человек тугого и ограниченного ума. Рассказывали, что он, прийдя как-то на собрание в республиканскую газету, узнал, что в редакции есть должность «мухолова». Возмущенный, произнес громкую речь, язвительно отозвался о редакторе, который «до того обюрократился, что считает нужным держать на ставке литературного сотрудника специального человека, чья единственная обязанность — ходить по редакционным кабинетам и ловить мух!..»

Редакционная братия разразилась непочтительным хохотом. Вершителю судеб разъяснили, что «мухолов» в редакции — это сотрудник, который читает перед выходом в свет очередной номер газеты — после дежурного по номеру, дежурного члена редколлегии и редактора. Должность «мухолова» чрезвычайно ответственная. Он прежде всего отвечает за проскочившие в газету опечатки, которые, как назло, содержат разные двусмысленности. Например, недавно вместо «Закрытие Ассамблеи» прошло — «Зарытие Ассамблеи», а вместо агрономического термина «Кустиковые насаждения» в газете вышло черт знает что — «Кустиковые наслаждения».

Первый опешил. Но тут же нашелся.

— Ага!.. Так, значит, все равно проходят опечатки?

— Проходят, к сожалению, — почтительно отвечал умудренный опытом редактор, — но их было бы несравненно больше, если бы...

— Никаких если бы! — оборвал его Первый. — Уволить «мухолова». Я сказал!

«Мухолова» уволили.

Вскоре уволили и тугодума Первого.

Но еще раньше удары судьбы постигли крепыша, заряженного энергией на сто лет. На двенадцатом съезде партии был разоблачен и развенчан культ личности. Грянул гром и над головой того, кого в республике долгие годы называли — «Ака». Засверкали молнии тяжелых обвинений — и справедливых, и не очень справедливых, и, разумеется, вовсе несправедливых. Вернув-

шийся в родные края кумир республиканского значения был повергнут. В который раз повторилась «Сказка о голом короле» в реальной жизни. Только в несколько измененной редакции. У брптоголового были лишь изъяны в экипировке. Но коли уж раздался авторитетный бас: «Голый!», то и все вроде бы уверовали в наготу «короля». Хотя многие отлично видели, что это совсем не так!

Что поделаешь? Подтвердилась древняя, как мир, истина: «Горе побежденным!»

Крепыш, заряженный энергией на сто лет, завершил свой жизненный путь в скромной должности директора совхоза. Многие, очень многие большие, очень большие люди в предвоенные и послевоенные годы превращались в ничто, в прах мановением всесильного мизинца!

Узлары припомнился почему-то один из реабилитированных, изможденный человек, смущенный собственной внешностью, человек, похожий на морщинистого ребенка. Человек побывал у Него на приеме по поводу каких-то неточностей в реабилитационных документах. Семнадцать лет под Сеймчаном вкалывал он «драгуном», то есть каторжником, приставленным к золотодобывающей драге.

Этот сорокакилограммовый человек и рассказал Ему историю своего товарища по несчастью, тоже «драгуна». Бедолага прослышал легенду о том, что Енукидзе хотя и низвергнут с высот, тем не менее не теряет чувства юмора. В очень узком кругу он якобы сострил: «Стал я библейской личностью. Теперь стих девятый главы четвертой «Бытия» следует читать так: «И сказал Господь Каину Джугашвили: где Авель Енукидзе, брат твой? Каин сказал: разве я сторож брату моему?» Стих же десятый пока остается в старой редакции и гласит: «И сказал (Господь): что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли».

За пересказ печальной остроты («Какое самообладание! Какое предвидение!») получил любитель юмора десять лет. Затем ему прибавили «просто так» еще пять. И еще... Однако третьего срока удалось избежать — «драгун» умер. А сам человек угодил на Колыму и вовсе нелепо. До «драгунства» он был преподавателем истории в институте. Однажды не совсем точно процитировал студентам Маркса, утверждавшего, что центр

революционного движения перемещается из Европы на Восток, в Россию.

Миниатюрный лектор (в то время по радио и в газетах только и разговоров было, что об освоении ДВК), находясь под гипнозом пропагандистских статей, возьми и ляпни: «Еще Маркс указывал на то, что ныне центр мирового революционного движения перемещается на Дальний Восток.» В аудитории захихикали, и разом воцарилась зловещая тишина. Лектор сперва не понял, в чем дело, но тут же его — словно обухом по голове! Да это же намек на Колыму!!

Ему бы сделать вид, что ничего не случилось, продолжить лекцию. А он, в крошечном смятении чувств, стал оправдываться, что-то объяснять. Ну, словом, вел себя, как юмористический персонаж, который, будучи в гостях, заглянул на кухню, увидел огромного осетра и чмокнул губами от удовольствия. И тут же заметил, что известная сплетница удивленно вскинула брови. Тогда бедняга стал ходить от одного гостя к другому и объяснять: он, дескать, чмокнул губами, лицезрея аппетитного осетра, а та дама могла подумать, что он целуется с кухаркой! Забавно, не правда ли? Кончилось тем, что гости, хихикая, стали шептаться друг другу: «Видите этого господина? Он на кухне целовался с кухаркой! Какой пассаж, не правда ли?»

На другое утро профессор и доктор исторических наук на лекцию не явился. И не приходил еще семнадцать лет.

Окна были зашторены, однако сквозь небольшие щелочки в кабинет уже пробивались пыльные лучики рассвета.

Он поднялся из кресла, прошел в ванную, привел себя в порядок и приказал подать завтрак в кабинет. В доме стояла музейная тишина. Все почувствовали, что Сам чем-то озабочен и поэтому ходили на цыпочках и старались не дышать.

Съев легкий диетический завтрак, Он опять предавался воспоминаниям и размышлениям. Взял вновь книгу в сером потрепанном переплете — сборник статей об иностранных разведках и их троцкистско-бухаринской агентуре. У книги вид был мрачный, заскорузлый, арестантский какой-то. Полистал... Вот тоже любопытная история. Издательство выпустило в свет «Учебник японского языка». Составители учебника — П. Гушо и

Г. Горбштейн. Учебник одобрен кафедрой японского языка Института востоковедения. И есть в книге диалог — Симада и Танаки (оба, значит, японцы, но почему-то учат японский язык по русскому учебнику).

«Симада. Я слышал, что механизированные части Красной Армии первые в мире?»

Танака. Это правда. Не только механизированные части, но и воздушный флот, и кавалерия первые в мире...

Симада. Теперь расскажи о воздушном флоте.

Танака. Как я сказал раньше, воздушный флот Советской Красной Армии самый сильный в мире.

Симада. Хотелось бы поехать в Москву!..

Танака. Нам обязательно необходимо знать организацию армии. Как-нибудь расскажу также и о флоте».

Автор разоблачительной статьи некто Н. Винокуров заключает:

«Итак, «любопытный» Симада, пользуясь любезностью и болтливостью своего собеседника Танака, может получить секретные сведения о Красной Армии, причем без особого труда и риска.

В самом деле, шпион, маскирующийся преподавателем, заручившись таким учебником, использует эту легальную возможность для шпионажа и уже наверняка попытается расширить диалог до крайних пределов».

Сверхбдительный Н. Винокуров и не заметил, что беседуют два японца. Не подумал о том, что японский шпион Симада наверняка владеет русским языком. И что этого зловредного Симаду не остановить, даже если вообще запретить в Советском Союзе преподавание японского языка. Все равно подлый лазутчик выведает, что Красная Армия самая сильная в мире. Для Н. Винокурова главное — разоблачить врагов народа. Он пишет: «Факты говорят о том, что враги народа — шпионы, вредители, троцкистско-зиновьевское и рыковско-бухаринское отребье, используя притупление бдительности... проникли в печать и творили там свое гнусное дело».

Вздыхнув, Он отшвырнул книгу, Ему стало грустно. Бедолаги П. Гушо и Г. Горбштейн! Несчастные члены кафедры, рекомендовавшие книгу к печати! Что с ними случилось? Может, кто-нибудь и выжил...

Узлары находился в странном состоянии. Давно исчез покойный Гроднич, а Он все еще мысленно разго-

варивал с ним, и почему-то говорил о Себе в третьем лице. И совсем уж удивительно — перед умственным взором возникало местоимение «Он» — с большой буквы.

Страх, вызванный ночным видением, прошел. Голова была ясная. Мысли формулировались четко. Но все же что-то с Ним происходило. Невидимая непреклонная таинственная сила заставляла Его спорить с умершим стариком, выслушивать почти дерзостные речи. Никогда ничего подобного не было!..

Впрочем, такое произошло однажды и наяву. В семьдесят втором году. Местному писателю исполнилось пятьдесят лет. На скромный юбилейный вечер пришли в основном военные, поскольку юбиляр — бывший полковой разведчик, отмеченный на войне Золотой Звездой. Коллег по перу было маловато — все знали, что юбиляр чем-то негоден Самому. Сейчас Он толком не помнит, за что объявил опалу. Кажется, юбиляр вступился за известного писателя, которого Он, Узлары, терпеть не мог. А не терпел Он его за колючий и насмешливый нрав, за яркий самобытный талант, за то, что тот был любим народом, имел множество почитателей, учеников... И вообще держался независимо, был резок в суждениях.

Юбилейный вечер подходил к концу. После поздравительных речей, вручения адресов и почетных халатов, вышел на трибуну и виновник торжества. Он благодарил за внимание, пообещал задержаться на этом свете подольше, написать новые книги. Все как обычно. В конце же, по сложившейся традиции, когда полагалось особо поблагодарить за заботы, — Его, Узлары, — сказали:

— С особой теплотой и благодарностью я вспоминаю сейчас человека, который сыграл огромную и благотворную роль в моей жизни. Низко кланяюсь первому секретарю ЦК Компартии республики...

В президиуме и в зале уже вскинули руки для бурных, продолжительных аплодисментов, произошло даже легкое шевеление собравшихся, уже готовых стоя дружно рукоплескать заключительным словам юбиляра.

Однако строптивец, сделав паузу, ошеломил:

— ...Повторяю: низко кланяюсь первому секретарю ЦК Компартии республики, человеку, чью отеческую заботу я никогда не забуду!..

И назвал имя бритоголового здоровяка, напрасно (как выяснилось) заряженного энергией на сто лет!

Гробовая тишина поразила зал. Лица сидящих в президиуме мгновенно залоснились, приобрели алебастровую белизну. А дерзкий юбиляр, как ни в чем не бывало, продолжал. Он рассказал, как бритоголовый, узнав, что нынешний юбиляр — тогда еще совсем юный лейтенант — удостоен Золотой Звезды, добился его отрыва с фронта на неделю, лично возил по предприятиям и колхозам, знакомил с трудовыми подвигами героев тыла. Проведав, что родители отличившегося фронтовика бедствуют, распорядился оказать посильную помощь. И всюду, куда бы они ни приезжали, Первый начинал речь так: «Вот, познакомьтесь, друзья: привез вот вам земляка, он для меня как родной сын!.. Покажите фронтовику, как вы претворяете в жизнь лозунг — «Все — для фронта, все — для Победы!».

...Узлары походил по кабинету взад-вперед. Сел на диван. Задумался. В чем дело? Почему вспомнил этого строптивца? Десять лет прошло, как он переехал в Москву. В родном городе его держали в тени, на вторых и третьих ролях. Слишком уж услужливые прохиндеи пытались пронять мелкими придирками, уколами исподтишка...

А сейчас эти же людишки раболепствуют перед ним, наушничают друг на дружку! Пытаются заглазить свои вины, выслужиться!

Эх, люди, люди!.. — Узлары перестал метаться по кабинету, сел и вдруг почувствовал, что краснеет. — А Сам?.. Бывая в Москве и встречаясь с этим писателем в высоких сферах, — Он, — кого все с трепетом всличают «Узлары», — Он тоже... если и не лебезит перед столичным ныне писателем, но все же... ловит себя на гаденькой мысли добиться расположения, замаять давнишние «недоразумения». И даже завидует ему!

Почему завидует? Нелепость! Он, Узлары, наделен неограниченной властью, она распространяется и за пределы республики, бессменный депутат, писатель, чьи книги переводятся на многие языки в стране и за рубежом!..

А вот — почему!.. Этот человек, нанеший Ему, Узлары, оглушительную пощечину на юбилейном вечере, обладает таким редкостным Человеческим качеством, которого у Него, у Узлары, — нет! Он обладает г р а ж д а н с к и м м у ж е с т в о м .

В свое время этот ныне известный писатель, а тогда всего лишь «начинающий», не побоялся выступить в

центральной газете и ударить по самой болевой точке. Узлары сам любил выступать в центральной печати, и единственной его темой было — прославление интернационализма. А этот строптивец, на примере литературной жизни республики, показал, что в этой важной сфере не все в порядке.

Ох, как Он тогда разгневался! Приказал «вызвать на ковер» зарвавшегося Героя, заставить отказаться от своих слов. Пусть узнает, как стоять «на ковре»! Это не то, что ползти во вражескую траншею за «языком». На «ковре» — он сам «язык». Заставить его, «языка», заговорить, раскаяться!

Увы! Не заставили.

...В мыслях вновь явился Гроднич. Этот тоже был из породы кладущих голову на плаху за правду.

(После давнишнего разговора со старым хлопковиком, Он походя бросил Одилбаю Парпиеву:

«Скажи там... Пусть уберут. Надоел».

«Хоп-хоп! — обрадовался Одилбай. — Баджарамыз! Сделаем».

«Кого предлагаешь?»

«Его заместителя, Шербека... Ну, который Леваджан Век»).

Узлары принял таблетку от головной боли. Попытался отогнать от себя образ Гроднича. Но не получилось. Против своей воли продолжал думать о нем.

Правильно ли Он тогда поступил, устранив Гроднича и всех тех, кто мешал работать?.. А что Он мог поделать! Первым, Узлары, Он стал в пятьдесят девятом году, когда Глашатай кукурузы уже разительно переменился. Противоречить ему было теперь невозможно. Его слово — закон! «Давай-давай!» — и приходилось «давать-давать». Приказывал: «План — любой ценой!» — и план заготовок хлопка действительно выполнялся любой ценой.

Честно говоря, в хлопковом деле всегда были косметические приписки, деликатное очковтирательство. В отдельных колхозах и совхозах. Потому что ведь с них тоже требовали план «любой ценой». Вот неудачники и извивались ужами, спасали свой престиж и девственность графы «имели ли партвыскаания». Побил град гектаров полтора ста. Пересев! Значит, на этих гектарах хлопчатник запоздает в развитии. Ясное дело — недобор урожая. А план — хоть кровь из носа! — давай!

Ну и «химичит» раис, какой-нибудь Ташмат или Ишмат, приписывает полсотни тонн, надеясь в будущем году покрыть недостачу из нового, более удачного урожая.

Ох, этот подлый страх потерять место, превратиться в современного подпоручика Кижэ, «своей фигуры не имеющего!» Страх этот одолевает всех — от колхозного бригадира до Него, кого величают «Узлары» и превозносят до небес подчиненные, писатели, журналисты!..

Бросить бы все — и заняться литературным трудом!..

Поздно! Коготок увяз — всей птичке пропасть!

Как же все это началось?

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Окончание

Поначалу было искреннее желание отличиться, честолюбивое стремление доказать, что Он — может. И Он доказывал. Глашатай кукурузы лично, собственными глазами, видел грандиозные успехи. Хвалил. Отмечал.

Как славно начинал этот своеобразный человек! Развенчал культ личности Сталина, — люди перестали в религиозном экстазе трепетать в восторге и ужасе перед сухоруким Молохом, превратившим Великую идею в жернова, перемалывающие десятки миллионов человеческих жизней, судеб; вернул доброе имя тысячам невинно расстрелянным, осужденным людям. Реабилитировал воинов, честно сражавшихся, но не по своей вине (израненными, полумертвыми!) попавших в плен. Затеял грандиозное жилищное строительство. Правда, обуйанный на первых порах идеей отчаянной экономии, приказал покончить не только с архитектурными излишествами, но и с элементарными удобствами. Построенные в то время дома с квартирами-клетушками и низенькими «пещерными» потолками ядовитые злоязычники тут же окрестили «хрущобами».

Да мало ли еще чего хорошего он сделал или пытался сделать! Покарал кровавое чудовище Берню. Приоткрыл двери в чужие края. Попытался усовершенствовать начавший давать сбой хозяйственный механизм, позволил писателям, мастерам культуры, не закрывать глаза на беды реальной жизни..

И вдруг, спустя несколько лет, его словно подме-

нили. То ли уверовал он в собственную непогрешимость, а может быть, — махнул на все рукой и страстно возжелал пожить в мире иллюзий? И теперь Глашатай требовал, чтобы ему докладывали об успехах даже в тех случаях, когда в том или ином деле успехами и не пахло, а был явный провал.

Узлары вздохнул, горько усмехнулся.

Парадоксально, но факт: жить и работать при Глашатае во второй ипостаси стало гораздо легче. Главное — выполнять скрупулезно все указания. Или делать вид, что выполняешь. Пришло на ум Глашатаю разделить партию на промышленную и сельскохозяйственную — раз, два, — и готово! Разделили. Даешь повсеместно кукурузу с ее питательнейшими початками в стадии молочно-восковой спелости!.. Извольте! Приказал сочинять стихи типа: «Люблю над книгою правдивой огни эмоций зажигать», — тут же забренчали пиитические лиры, настроенные на залихватско-ухарский лад. Сказал Глашатай: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!» — все согласны. Никому и в голову не пришло уразуметь, что же это за такое — «нынешнее поколение»? Двухмесячный младенец?.. Цветущий сорокалетний человек?.. Или престарелый участник революции тысяча девятьсот пятого года?!

Впрочем, нельзя сказать, чтобы не задумывались. Не осмеливались возражать, — это точнее.

От него, от Узлары, Глашатай требовал одного — успехов. Всяческих. «Маяк социализма» на Востоке не может не иметь ошеломляющих успехов. Особенно — в хлопководстве.

Хош, коли так, будут успехи. Любой ценой, разумеется.

Вот с тех пор приписки, махинации с цифрами и стали стремительно распространяться из колхоза в колхоз, из района в район, из области в область. Этому, между прочим, способствовали поездки взаимопроверочных бригад, обменивавшихся опытом. Многие на лету схватывали суть дела. Раньше были лишь отдельные «липовые» колхозы-«миллионеры», вроде «Рассвета». Но бежали годы, и их становилось все больше. Это как горная лавина. Случайный ружейный выстрел прокатился по округе или архар копытцем скovyрнул крохотный камешек — и второй за ним покатился, третий... двадцатый... сотый... Загрохотал камнепад, превратил-

ся в лавину, ничего и никого не щадящий, все сметающий на своем пути!

В тот год, когда Он стал Первым, стал Узлары, республика дала стране три миллиона триста тысяч тонн хлопка-сырца! Впечатляющая победа была, правда, омрачена тем, что в последующий год темпы роста валового сбора «белого золота» резко упали, а урожайность кое-где даже и снизилась. Люди еще не научились квалифицированно «химичить», опасались, иные оказывали сопротивление и даже пытались сигнализировать в Москву. Однако к этому времени Он уже Сам был Москвой, вершителем судеб не только в своей епархии, но и во всесоюзном масштабе.

Сейчас Он с горечью и внутренним трепетом понимал, что надо было сдержать лавину, набраться мужества и объяснить реальные возможности его края, обрисовать мрачную картину грядущей экологической катастрофы. Сказать — и сжечь за собою мосты. Но... не хватило мужества. Да ведь тогда о катастрофе как-то и не думалось. Услышал бы в ответ: «Паникер! Испугался — уходи». Славный непримиримый борец против культа личности незаметно, исподволь сам стал объектом культового поклонения. Власть его была колоссальна.

Култ Глашатая был не тот, непохож на прежний. С именем Сталина солдаты в кровавом сорок первом шли в штыковую, бросались под танки, обвязав себя гранатами. То было трагическое заблуждение. Но оно было искренне. Култ № 2, в сущности был не культом, а культиком. Он породил множество ехидных анекдотов, заразил людей цинизмом. Люди, внутренне посмеиваясь, единодушно выбирали на собрании ЖЭКа почетный президиум «во главе с горячо любимым»... и так далее. Хихикая в душе, цитировали в серьезных статьях мудрые изречения вроде: «Самая хорошая рыба — это свиная колбаса».

Он был эксцентричен, непредсказуем и имел даже привлекательные черты. Добродушно посмеивался, слыша рискованную остроту эстрадных комиков, публично заявлявших: «Що ты в мене вцепився як хрущ до кукурузы?» И, напротив, — мог вдруг разгневаться на писателя, издавшего правдивую книгу, наорать на известного скульптора, который, по иронии судьбы, позднее изваял ему надгробие, исполненное глубокого философского смысла.

Однажды, будучи в гостях за океаном, Глашатай вдруг, ни с того ни с сего, насмерть перепугал хозяев, заявив: «Мы вас закопаем!» Целому батальону обозревателей, несравненных мастеров словесной эквилибристики долго пришлось потом истолковывать это жутковатое заявление в самом миролюбивом, чисто теоретическом смысле.

Он мог — все!

И поэтому, внутренне обмирая, Он, Узлары, все откладывал, отдалял доклад о перспективах хлопководства в родном крае и неотвратимых бедственных последствиях безудержной экстенсивной, хищнической эксплуатации земли, не имеющей в достатке воды.

Он посмотрел на наручные часы. Они показывали четверть десятого... Как тягуче тянется время!.. И опять этот Гроднич!

«Проклятый старик!.. От тебя уже ничего не осталось, а все не можешь угомониться!.. Ладно, теперь Мне нечего от тебя скрывать, коли ты покойник!»

От волнения Он перешел на «ты», вновь заходил по кабинету из угла в угол.

«Да, признаюсь, не хотелось — ох, как не хотелось! — терять власть! В ощущении власти, всемогущества есть что-то наркотическое. Иные, даже самые гениальные, люди теряют рассудок, изведав дурмана власти. Вспомни хотя бы Наполеона и поход его Великой Армии на Россию... Знал в лицо и по имени всех солдат Старой гвардии, а это ведь тридцать тысяч имен и физиономий! Наизусть помнил, однажды прочитав, римские законы и бесчисленные комментарии к ним. Непревзойденный стратег, административный уникал, законодатель!.. И так позорно оплошал! Опозорился... А все потому, что сам себе втер очки, убедил в непобедимости. Великое изобретенье — пироскаф... пароход — забраковал... Пароход! А прими он предложение Фултона, — еще неизвестно, чем бы обернулись морские сражения для Англии, хотя она и была тогда «Владычицей морей».

Гроднич, маячивший перед мысленным взором, кивнул.

«Ладно, Наполеон — это далекое прошлое. — Узлары продолжал изливать душу. — А недавний мой Шеф!.. Немыслимая власть. Его слово — закон! Помнишь, валютчиков судили? По закону за валютные ма-

хинации полагалось пятнадцать лет заключения. Их и приговорили к пятнадцати годам. Узнав об этом, Шеф вспылал. Приказал издать новый закон: валютчиков — к стенке! Преступников снова судили и расстреляли!

Чего улыбаешься, старик?.. Побыл бы ты на моем месте! Думаешь, у меня легкая жизнь?.. Эх, ты!.. Совещания. Заседания. Вручение знамен передовиков. Разговоры по «вэче», пленумы, курултаи, бесконечные поездки по областям. Дыхнуть некогда! А я ведь больной человек. Рюмку кофьяку позволить себе не могу. Я писатель, а написать некогда. Думаешь, меня не мучит сознание того, что книги мне «помогают» сочинять разные тайные «разработчики» и явные переводчики?! А я ведь и сам мог бы! Но где время взять! Где?! Чего опять улыбаешься, старик?»

Все время молчавший Гроднич беззвучно произнес:

«Забавно. Я тебе докладывал в шестьдесят втором году. Мне тогда было шестьдесят четыре года. Сейчас восемьдесят третий год. Нынче ты чуть-чуть старше меня».

Ядовитая реплика кольнула в самое сердце. В самом деле, — старик! Пенсионный рубеж позади. Может, и в самом деле попросить отставку?.. Ушел бы с почетом, занимался рукописями, книги писал...

Но ведь настырный хлопковик напомнил Ему, что наглые поучения он осмелился произносить еще в шестьдесят втором году. Тогда, пусть не без келейного скандала, пожалуй, можно было уйти в отставку. Тогда все это только начиналось, не приобрело массового характера. Ну, вскрылись бы кое-какие приписки, злоупотребления. В больших делах не без огрехов. Погрозили бы пальцем и спустили на тормозах. Слава аллаху, у нас средства массовой информации дисциплинированные. А любителям посплетничать можно было укоротить язык. Дело привычное.

Но ведь сейчас восемьдесят третий год! И отступать теперь поздно. Некуда отступать! Позади т а к о е, что просто страшно подумать!

Дрожь, противная, знобящая, пробежала по телу. Он покосился на Гроднича, усевшегося на диван и по-прежнему смотревшего на Него сверху вниз, подивился странному взгляду старика и тому, что позволяет какому-то «областнику» разговаривать с Ним на «ты», запанибрата. Но тут же сообразил, что хлопковик этот давно умер и что перед ним фантом Гроднича. А с при-

зрака какой спрос? Он не подчиняется дисциплине, не боится, что его исключат из партии, снимут с работы... Хорошо быть фантомом!

«Ты когда умер-то? — спросил Он, сам удивляясь диковатому вопросу. — В пенсионерах сколько походил?»

«Умер я, — отвечал фантом, — в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое января шестьдесят восьмого года. Я уже об этом докладывал. Но это официальная версия, что — умер. Убили меня. Ты тоже в убийстве участвовал, хотя я тебя и не виню. Кто я для тебя? Букашка. Наступил — и не заметил. А непосредственный исполнитель преступления — Лев Львович Век. Терпеливо меня со света сживал. У меня сердце разрывалось, видя, какую чудовищную «панаму» измыслил этот прохвост!.. И не выдержало, — разорвалось. С этого Льва-Шербека и начались твои беды».

«Может, ты и прав... — Узлары замялся и вдруг из отдаленного уголка памяти выплыли имя и отчество собеседника, порожденного собственным растревоженным воображением. — Да, пожалуй, прав ты, Григорий Фомич. А впрочем... В грандиозных событиях — прекрасных ли, безобразных, — все равно! — первого и последнего невозможно установить.

«Ну уж насчет Века... Голову наотрез готов отдать!.. Он — первый негодяй!..»

«Тебе хорошо говорить! — усмехнулся Узлары. — Ты ведь сейчас ничем не рискуешь. Какая у тебя голова? Призрачная».

«Шел бы ты, бедняга, на пенсию! — Гроднич сочувственно посмотрел на Него. — Устал ведь. Замучился. Еще не поздно...»

«Поздно, Григорий Фомич! Ты умер, когда мы за четыре миллиона тонн перевалили. А в семидесятом году едва не превзошли и твой ретроградский рубеж. Рапортовали: «Собрано и продано государству четыре миллиона четыреста девяносто пять тысяч тонн «белого золота»! Это я уже опять новому Хозяину сюрприз преподнес, Коллекционеру.

Григорий Фомич изумленно вскинул брови.

«Ну а дальше, — продолжал мысленный монолог Узлары, — как снежный ком! Пять миллионов... Пять семьсот!.. В этом году обязаны преодолеть шестимиллионный рубеж!.. Нет, ты, пожалуйста, не перебивай. Сам скажу... Как планы составляются? От достигнуто-

го. К примеру, дали мы пять миллионов тонн, — на следующий год нам планируют пять миллионов с добавкой, поскольку мы еще и повышенные обязательства выполнили. И так все выше, выше... Выше!..

«Как в авиационном марше, — Григорий Фомич попытался улыбнуться своей остроте, но вместо улыбки вышло черт знает что, какая-то страдальческая гримаса. — Бессовестный авантюрист!..»

«А куда деваться? Долгое время думал, что везучий. Все как-то удачно выходило. Был период, опасался, что говорливый мой Шеф доберется до сути. Честно скажу: трепетал — я ведь только в своих владениях неограниченный монарх, а за их пределами уже не то, Сюзерен надо мною. И вдруг — бабах!.. Нету Сюзерена. Волюнтаристом и пустозвоном оказался!.. Отлегло от сердца.

«Новый-то почему терпит твои безобразия? Вроде деловой руководитель, — Гроднич потер свой бесплотный лоб бесплотными пальцами. — Помнится, он говорил дельные вещи, с азартом начал».

«Верно. И насчет дисциплины хорошо сказали «Дисциплина, основанная на страхе, нам не нужна, ибо такая дисциплина порождает подхалимаж, угодничество, показуху, очковтирательство и другие отвратительные явления».

«Золотые слова! Я их тоже хорошо запомнил...»

«Запомнил — и помер. В шестьдесят восьмом. А дальше такое началось — без тебя уже. Лет семь-восемь чувствовал я: Дамоклов меч надо мною висит. Вот-вот сорвется! Ну, конечно, старался. На хлопок особенно поднажал. В семьдесят пятом более пяти миллионов «белого золота» — ему на блюдечке!»

«Пять миллионов!» — ахнул беззвучно призрак Гроднича.

«Пять с маленьким хвостиком. Расстарались мои соколы. Опять на душе полегчало. Честь мне и почет. Награды. Но главное, — вроде как подменили шефа. «Белому золоту» он, конечно, радовался. Но еще сильнее, прямо-таки до умопомрачения полюбил почести, награды, ордена, коллекционировать золотые звезды!.. Потому я мысленно и зову его Коллекционером.

«Золотые звезды?..»

«Эх, Григорий Фомич! Не дожил ты до «культа помер три». Опереточный какой-то культ получился. Когда ему было за мной, и за равными мне, присматривать? Захотелось ему генералом армии стать — тут же Указ.

Огорчился, что генералу армии не положена «Маршальская звезда», — опять Указ: положена «Маршальская звезда» и генералу армии. «Орден Победы» ему преподнесли, золотую саблю... Еще что-то золотое... Лауреатские золотые медали. Маршальское звание. Орден на мундир столько навесили, что один, финский, кажется, пониже мундира висел. Геройских Золотых Звезд, наших и иностранных, штук семнадцать или восемнадцать!..»

«Да что же это такое?! — всплеснул призрачными руками Гроднич. — Ушам своим не верю!»

«Как хочешь. Но должен признаться, многих вся эта свистопляска очень даже устраивала. Шеф как бы команду дал: «Делай как я!». И тогда мне совсем уже полегчало. Раньше я всех этих рапо-ханов, веков, назимовых в душе презирал. Я без них просто обходиться не мог. Но терпел. Без них как я смогу все увеличивать и увеличивать тоннаж хлопкозаготовок?! А как разгулялся Коллекционер, — я и все остальные, с планами самыми разными «химичившие», как бы внутреннюю убежденность почувствовали, мол, Главный наш вон какие номера откалывает! И мы не должны отставать. И вообще... Не всякая правда на пользу... В личной жизни начали копировать своего кумира. Так и понеслось!»

Узлары замолк. Задумался. Призрачный Гроднич горестно покачал головой.

«Что же ты наделал, несчастный! Разве ты коммунист?.. Матерый диверсант столько бед не натворит. Тысяча диверсантов агнцы в сравнении с тобой!.. Семеноводство, селекционное дело запущены, севообороты на уровне пещерного века. Землю замучил! Сырдарья обезвоживается, Амударья на ладан дышит!.. А тебе наплевать! Злодействуешь!»

«Ты еще не все знаешь, покойничек-правдолюбец. С того января, когда ты в небытие удалился, Аральское море отошло от берегов, где на семьдесят, а где на девяносто километров! Зеркало воды сократилось на треть! И без того мелководное, обмелело на тринадцать метров!.. Во какие дела. Раньше, при тебе еще, Амударья и Сырдарья в Арал впадали, а нынче они до него не дотекают — воды их растаскиваются по каналам и разным отводам. Засоление почв, соляные и пыльные бури в том регионе. Около трех миллионов народу даже напиться сносной воды не имеют!»

«Господи! Да что же это творится на белом свете?! — Гроднич, призрачный и зыбкий, погрозил Узлары кулаком. — Ушел бы ты на вечный покой. Иного выхода теперь у тебя нет!»

«На вечный?.. — Он вздрогнул. — На вечный... Держишь! А насчет Века и Рапо-хана — это ты зря. Они в каждой области водятся. Они как туберкулезные палочки. У многих людей коховские микробы в организме, однако себя не проявляют. А стоит им попасть в подходящие условия — и готово: туберкулез! А то вот еще говорят, что даже вши от тоски заводятся... Не смейся. Затоскует человек, изнеможет душой, и, глядишь, — завшивел.

«Вши от грязи заводятся, — возразил Гроднич. — Ты развел мерзкую грязь — вот и выползли гнусные тифозные вши — все эти веки, рапо-ханы, пазимовы, другие паразиты. Раньше они копошились, трепещут от страха, что их каждую минуту могут вытащить — и к ногтю!.. А ты им условия создал. Крупная вошь нынче себя чуть ли не вершиной мироздания считает! Ты! Ты во всем виноват, и нет тебе прощения во веки веков!»

«В чем виноват?.. Только в том, что не решался поведать о действительном положении вещей? В этом — да, виновен. Согласен. А в остальном?.. Узлары спускают план: дать пять миллионов тонн хлопка. Хош. Узлары дает команды по областям — Назимову и прочим. Те по районам — команды. Райкомы требуют от председателей колхозов и директоров совхозов хлопковые Монбланы. Колхозники, горожане из кожи лезут. А плана все равно нет. Не выполнит район план — снять с работы секретаря райкома. Не справляется! Секретарь страшится, свирепеет, яростно требует с райсов и директоров. Району до плана не хватает, скажем, тысячи две тонн. Недостающие тонны секретарь вынужден (из партии выгнать могут, с работы выкинуть!) распределять недостающие тонны по колхозам, у кого дела по-лучше. Райсы и директора тоже люди, трепещут. Вынуждены делать приписки, успокаивая себя благими мыслями, дескать, на будущий год погасим задолженность».

Узлары плюхнулся на диван. Закрыв глаза, чтобы лучше видеть своего призрачного собеседника, и продолжал:

«Тут новый приказ: выполнить обязательства и

встречные обязательства. «Хоп. Баджарамыз! Сделаем!» И делают «липовое» выполнение обязательств. На бумаге достигнуты замечательные успехи. Из запасов прошлого года, еще не вывезенных, добавляют недостающий хлопок. И происходит новый поворот в людском сознании. За выполнение плана платят хорошие деньги, за перевыполнение — опять деньги, еще более хорошие, за выполнение встречных обязательств — и вовсе приятные премии-надбавки!.. Так вот и катимся под уклон, как поезд без тормозов. Великий поэт Александр Блок сказал: «Слаб человек, и все ему можно простить, кроме хамства». И прав поэт. Человек действительно слаб. А умом изворотлив. Бескорыстие еще не главная его добродетель. Раисы, директора мигом смекнули: конца света пока не предвидится, на будущий год опять уборочная кампания предстоит. Надо бы на всякий случай скрытые посевы хлопка обеспечить. Для чего скрытые — это и верблюду понятно. Они же нигде не учитываются. С их помощью урожайность можно поднять в захудалом совхозе до тридцати и более центнеров хлопка с гектара. В «Рассвете», например, скрытых посевов более половины всех площадей. Так у него урожайность достигла сорока центнеров с га!.. Это тебе, Григорий Фомич, потому сейчас секрет открываю, что безвреден ты, призрак, игра воображения, а душу хочется облегчить. Тяжело у Узлары на душе, горько.

«Я же писал докладные, сигнализировал!» — безмолвно воскликнул Гроднич.

«За это тебя и погнали на пенсию. И еще скажи спасибо. Могли бы и покруче обойтись».

«Опозорили. Расправились, даже не вызвав меня для объяснений. Наизусть помню формулировку: «За обеспечение контроля... За неудовлетворительное руководство хлопкозаготовительной системой... С работы сняты!» Не освободить — снять! То есть — выгнать!»

«Ладно, не кипятись. Дело прошлое. Ты и такие, как ты, стали мешать дальнейшему подъему хлопководства. Пусть авантюрному, бумажному, но — подъему! Разве я мог тогда предположить, чем вся эта «вековщина» обернется? После тебя последствия приписок стали разрастаться как снежный ком, катящийся с горы. Блок был умен: слаб человек. Другой мудрец тоже очень умно сказал: «Ничто человеческое человеку не чуждо». Так вот, человек слаб, а дьявол, шайтан, который, хотя и не существует, но — силен. Очень силен! Он и подзу-

живает, совращает райсов, директоров совхозов: «По-больше займем скрытых посевов. Тогда у тебя с ростом урожайности никаких проблем. И еще можешь припрятать тонн триста-пятьсот «на черный день». Глядишь, у соседа с урожаем провал... Оскандалился. Он попросит пару сотен тонн — ты продай. В среднем тонна хлопка тысячу рублей стоит. Может быть, тебе счета дать, чтобы ты прикинул барыш? При чем «левый» барыш. И сосед твой в накладе не останется. За перевыполнение плана он большие денежки огребет. А слава, а почет, статьи и портреты в газетах, телевизионные передачи?! А ордена, наконец, Золотые Звезды!.. Районное начальство не препятствует, делает вид, будто ничего не знает. И в области помалкивают. И выше!.. Действуй, кадырли дустым, дорогой друг!»

Узлары вздрагивал от возбуждения. Но сидел, закрыв глаза, чтобы видеть вызванного им из небытия фантома.

«Думаешь, это все? Это только начало. Глядя на райсов, и заведующие хлопкопунктами, директора хлопкозаводов стали свой «бизнес» делать. Чем они хуже?! Принимают хлопок — непременно «захимчат» процент влажности. Поэтому у них тоже запас «белого золота» имеется. Кому требуется, из своих, так сказать, «секретных фондов» выделяют. В счет сдачи записывают, а деньги сто-двести тысяч рублей себе в кармашек. От них и разное районное начальство кормится. Взятками кормятся за молчание. А коли денег много стало — роскошной жизни захотелось. В торговле тоже свои мастера деньгу делать появились. А чем милиция хуже, прокуратура?! Все сплелось в такой клубок, что самому легендарному фригийскому царю Гордию не разрубить! Даже в литературе обнаружился дельцы».

«Но ведь все эти сотни тысяч... Миллионы!.. Это же все у народа отбирается!.. Если все подсчитать, какая нынче грабильовка разгулялась, — как ты обрисовал, — то это не миллионами, не сотнями миллионов — миллиардами пахнет!.. Страшно подумать! Вот уж поистине — Ограбление века!»

В дверь кабинета поскреблись — тихонько, будто мышьиной лапкой.

Узлары вздрогнул, открыл глаза. Взглянул на часы — без четверти десять. Пора! На работу Он приезжал со скрупулезной точностью.

— Сейчас!

Дверь вроде бы сама тихо отворилась. Он тяжело зашагал из кабинета. Поздоровался со скрывавшимся за дверью телохранителем. Вышел наружу. Шофер, распахнув дверцу сияющей полировкой большой автомашины, застыл в подобострастном восточном приветствии.

...Лифт мягко вознес Его на шестой этаж. Рассеянно поздоровавшись с помощниками и бессменной секретаршей — симпатичной и спокойной крепышкой неопределенного возраста, миновал приемную и вошел в свой огромный кабинет. Из окон открывался вид на столичный город. Вдали врезалась в небеса новая телевизионная башня, похожая на космическую ракету.

Башня эта была предметом гордости Узлары. Такую же, примерно, построил и в соседней республике тамошний Первый, который преуспел даже несколько больше, нежели Он, Узлары. Это уязвляло самолюбие. Поэтому Узлары испытывал постоянно желание, пусть в мелочах, но все же «утереть нос» надменному сопернику. Новая телебашня была одной из таких, тешащих самолюбие микропобед, — за счет металлической надстройки она высотой превосходила свою соседку на несколько метров.

Первый сел за длинный приставной стол, приказал ни с кем не соединять и углубился в чтение бумаг, уже ожидавших Его в изящной пластиковой папке... Сводка о подготовке к хлопкоуборочной... «Липа», конечно, но выглядит убедительно... Промышленность... Культурные дела... Мероприятия...

Все наиболее существенное, что произошло в его епархии за истекшие сутки, — все было отражено в сводках... Вот сведения о совершенных грабежах, квартирных кражах и других серьезных преступлениях. Отдельно министр внутренних дел выделил ограбление квартиры бывшего секретаря обкома, в прошлом году освобожденного от занимаемой должности за... Впрочем, сейчас уже и не вспомнишь — за что именно. За патологическую лень — это точно. До этого его уже раза четыре снимали за лень, за развал работы. А ограбили его ловко: среди бела дня, когда дома никого не было, умудрились открыть стальную дверь с хитроумными запорами и выломали из стены двухэтажный сейф. Лентяй, лентяй, а коли сейф себе дома завел, то, значит, есть что в сейфе держать!

А вот сводка о действиях ограниченного континген-

та советских войск в Афганистане. Операция «Лазурит» проходит успешно. Десантники, десантно-штурмовые части действуют героически. Душманы несут значительные потери в живой силе и технике... «Совместно с подразделениями ДРА, при поддержке местного населения...». Сводка выглядит победно, празднично даже, пожалуй. «Рота десантников под командованием капитана Смолянинова, высадившись в горном селении Торкелай, спасла мирных жителей от расправы, которую готовили над ними наемники банды Джахансуза... Героическая рота ведет бой в окружении. Противник несет большие потери. Операция по уничтожению бандформирования проходит строго по плану...».

Узлары захлопнул папку, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и задумался. Ему вдруг вспомнилась Его фронтовая молодость. Вспомнился молоденький лейтенант Глазов, кажется, по фамилии. Совсем мальчишка со светлым пушком на верхней губе. Он только вчера принял взвод солдат, многие из которых годились ему в отцы, еще не успел получить ТТ и носил в кобуре мыльницу, зубную щетку и носовые платки, а наутро ударил шестиствольный немецкий миномет — и вот уже юнец лежит на забрызганном кровью снегу и из разорванного осколком живота его курится пар. Рядом с лейтенантиком — куча кроваво-сизого цвета также исходит паром, словно дышит живое невиданное существо. Мальчик с вырванными внутренностями никак не может умереть: смотрит в небо чистыми глазами ребенка, в которых застыла мука, и мелко дрожит пухлыми детскими губами...

Даже сейчас при воспоминании о том лейтенанте Узлары пробрала дрожь. Но тогда была война — страшная, небывалая. А нынче... В мирное время... Солдаты, почти мальчишки, верные воинской Присяге, выказывают не меньшее геройство, чем воины Великой Отечественной!.. Гибнут, не пожив на этом свете, становятся калеками. Они верят в то, что защищают правое дело. Святые мальчишки!.. А что мы делаем?! Что творится вокруг!.. Показуха. Воровство. Очковтирательство. Моральное разложение!..

И нет выхода из этого заколдованного круга. Страшный джинн вырвался из бутылки и теперь торжествует. И за все это придется расплачиваться! Коллекционер, бросивший в бой героических юношей, так и не дождался, чем кончится его очередной каприз. Послед-

ний, к счастью, как оказалось. Пришел новый Шеф, а с Этим надо держать ухо востро. Сразу же показал твердость руки и зоркость глаза. И уже обнаружилось, что из родных краев происходит утечка информации. Новый Шеф, третий по счету, сразу завоевал доверие народа. Если о Коллекционере плодятся анекдоты язвительные, то о Новом люди говорят уважительно, с надеждой. Грозовые тучи надвигаются!.. Может, прав фантом?.. Единственный теперь выход — уйти... Уйти насовсем. Ушедшие навечно сраму не имеют! Нет!.. Без великого, чудовищного срама не обойтись!.. Ох, опять это выматывающее колотье в боку... И загрудинная боль, словно горячим утюгом!..

Он вынул из кармана упаковку с целительными таблетками. Запил минеральной. Сел за большой письменный стол, сияющий щегольской чистотой. Подумал о Себе с тоской: «Несчастный человек, и прощения этому несчастному нет!»

И вдруг перед Его мысленным взором возник незнакомый юный узбек в камуфлированном «спецназе», залитом кровью, бронежилет разворочен осколками. По всему видать, что юноша ранен смертельно. Однако он еще держится на ногах и, глядя на Него большими темными глазами, в которых угасает жизнь, шепчет побелевшими истрескавшимися губами:

«Меня зовут Иса. Умираю, честно выполнив свой воинский долг. И другие... тоже. А почему ты живой, а?.. Думаешь, те, кто вернется отсюда домой, будут терпеть?! Знаешь вещице слова: «Молодость — это возмездие!»? А молодость, выжившая в кровопролитных боях, вынесшая пытки жарой, иссушающей мозг, и пронизанными шквальными ветрами морозами, муки жажды и карабканья по горным кручам с боевой выкладкой, узнавшая на собственном опыте, что это такое, когда свинец и рваные осколки металла, — яростные, раскаленные, — рвут, терзают живую плоть!.. Такая молодость не будет смиренно терпеть творящиеся под твоей эгидой чудовищные преступления!.. Трепещи, безвольный, хитрый и недалекий человек! Конец близится...»

Узлары вскочил, потряс головой. Вытер платком лоб, покрывшийся крупными каплями. Окровавленный десантник, назвавший себя Исой, исчез.

Что со мной? — лихорадочно думал Хозяин огромного кабинета, Хозяин огромного края, по численности населения превышающего вдвое Бельгию. — Нервы

сдавать стали. Шутка сказать — почти четверть века бессменный Первый! Генеральные и Самые Первые приходят и уходят, а Он, Узлары, остается. И плевать на всяких там гродничей. После нас хоть трава не расти!

Он провел ладонями по лицу то ли смахивая ночное наваждение, то ли заканчивая молитву и нажал под столешницей стола нужную кнопку.

В дверях возникла секретарша.

— Соедините с главным милиционером.

Министр внутренних дел был на месте.

— Куда смотрит милиция? — весело промолвил Узлары. — Уж до того дошло, что секретарей обкома стали грабить! Правда, снятого уже, пощипали, но все же... Этак скоро и до тебя самого доберутся.

— Принимаем меры к розыску преступников! — браво рапортовал генерал, уловив шутливые нотки в голосе Шефа. — Не уйдут.

Узлары говорил с министром, чтобы окончательно развеять остатки мрачных мыслей. И это Ему удалось. Положил, наконец, трубку. Потер сомкнутые ладони. Настроение стремительно повышалось. Яркие солнечные лучи пронзали громадные оконные стекла. Голубели безоблачные небеса. Узлары вдруг не без самодовольства вспомнил, как Он «показал свой идрав» самой Москве. Это произошло не так давно. Прежний министр внутренних дел, «человек из Его команды», переборщил в своих «внутренних делах». Каким-то образом сигналы о его «художествах» достигли Москвы. Один, милицейский же, подполковник (бывают такие отчаянные!) прорыл в столице столиц в высокие сферы, представил письменную жалобу со всякими страстями-мордастями, а когда, поблагодарив, ему предложили вернуться домой, заявил: «Нет, не поеду. Вы меня лучше в тюрьму посадите на время, пока будете расследовать мое письмо. А дома мне живому не быть!»

Глупец! Ну разве могут нормальные люди поверить в такое? На него, на жалобщика, и стали смотреть там как на сумасшедшего. Но все же кое-что этому субъекту удалось доказать. Москва предложила убрать главного милиционера с поста министра. «Ладно же, — подумал тогда Он, — покажу вам, как давить, пусть даже из Москвы!»

И Он освободил своего «верного человечка» с занимавшего поста не за тяжкие злоупотребления по службе, не за нарушения законности, а «в связи с переходом

на другую работу», дав ему не менее важную, а в известном смысле, даже более почетную должность. И еще приказал наградить Почетной грамотой, — о чем и было сообщено во всех газетах!

И Москва проглотила горьковатую пилюлю. Ничего, будут знать, как давить на Узлары!

От удовольствия, вызванного приятными воспоминаниями, Он даже замурлыкал веселую песенку:

— Та-та-та-та яблочки зреют ароматные, на меня не смотришь ты — это неприятно мне!

В марте будущего года исполняется двадцать пять лет пребывания Его на посту Первого. Почтенные люди намекают, что эту славную годовщину сам аллах велел отметить широко, празднично. А что?.. Отмечали же говорливому Глашатаю «Славное десятилетие»! А тут четверть века, шутка сказать!

Он прошелся по кабинету, остановился у окна. Огромный город лежал у Его ног.

Прогулялся еще, бесшумно ступая по ковру. Взгляд случайно упал на календарь, и Он почему-то вспомнил, что в конце октября не круглая, но все же дата образования Его республики. Надо сказать, чтобы напомнили газетным шелкоперам о годовщине. Пусть распишут помасштабнее. В таких делах скромничать нечего. Надо всегда быть на виду. Почему даже известные артисты, музыканты, писатели стремятся покрасоваться с телеэкрана? А чтобы о них не забывали. Кстати, и телевизионщиков следует нацелить. И собкоров центральных газет. Они ребята сговорчивые. Вот только один попался с норовом. Ходит в опальных, но пока, упрямец, терпит. С характером! Подождем еще малость. Если что — найдем повод убрать. Решил, чудак, что коли он «правдист», то ему без разрешения и с критикой позволено выступать. Был уже один такой, «известинец». Осмелился замахнуться на святая святых, полез в хлопковые дела, наглец!.. Где он теперь? И след простыл. Еле ноги унес.

Устав ходить, Узлары опустился в кресло. Оперся локтями на письменный стол. Положил ладони под подбородок. Задумался. Ему вспомнился еще один «ерш», как он шутливо называл глупых правдолюбцев, — первый секретарь Хопмайлинского райкома. Фамилия его, что ли, с толку сбила?.. Темиров. По-русски вроде как Железнов получается. Прежний первый секретарь обжелся чем-то и помер от заворота кишек. Хороший был

человек, послушный. Все понимал. Одилбай, старый дурак, и предложил Темирова. Присмотрел его в соседней области. Молодой, — говорит, — инженер-строитель, семья большая, зарплата маленькая. Выходного костюма не имеет. А парень с головой. Умные люди нам ведь тоже нужны. Их только правильно воспитывать надо. Умные — они смекалистые. С налету все схватывают.

Хорошее настроение все повышалось и повышалось. Хозяин кабинета развел руки в стороны, сладко потянулся.

Темиров и впрямь головастым оказался. Только, как говорится, умная голова дураку досталась. В обком стал писать, в хлопковый главк, в министерство хлопкоочистки! Караул! — кричит. — Скрытые посевы! Приписки, очковтирательство! Для плана гонят такой замусоренный и поганый хлопок, что собрать намного дороже обходится, чем оно стоит, это никому не нужное дерьмо! Взятки! Чудовищные взятки!! В районе орудует шайка гангстеров, пробравшихся в партию! Спекуляция! Поборы! А если кто сопротивляется, — над такими людьми расправу чинят! Даже ему, Темирову, пытались сунуть взятку!..

Узлары усмехнулся.

Даже ему!.. Какая гордыня! Обнаглел до того, что пробился на шестой этаж к Нему, к Узлары. Представил докладную. Сплошные восклицательные знаки. Губы трясутся.

«Помогите! На вас вся надежда!..»

«Успокойтесь, товарищ Темиров».

Сел. Вскочил. Опять сел. Губы кусает, глаза ненормальные. Пришлось, на всякий случай, кнопкой вызвать сотрудника в штатском, чтобы под контролем этого умника держал. Сотрудник дело свое знает, принялся в бумагах копаться, вроде ищет что-то, а сам за каждым жестом психа следит.

«Первый секретарь Якшичульского обкома партии Анвар Назимов, Одилбай Парписев и Век-Шербек — воры, преступники, очковтиратели!.. Поверьте!.. Прошу вас! — чуть ли не возопил Темиров. — Повальное бедствие... хуже чумы!.. Людей заставляют творить преступления... Прямо-таки пир во время чумы!»

Пришлось даже голос возвысить. Притих. Теперь сменил гнев на милость.

«То, что вы сообщаете, товарищ Темиров, не укладывается в голове. Вы утверждаете одно, а есть и дру-

гое мнение. Вот газета за двенадцатое число. Центральная. Совсем свежая. Известный писатель опубликовал очерк — «По соседству с пустыней». Читали?»

«Читал! Холуйская лизоблюдская трепня! Ложь сплошная!..»

«В газете ясно написано, что благодаря умелому руководству Анвара Назимовича, которого вы всячески поносите, область в короткий срок удвоила валовой сбор хлопка! Звеньевой из «Рассвета» плелся в хвосте, собирал всего по семнадцати центнеров «белого золота», а поговорил с ним Назимов, помог советами, узнал нужды хлопкороба — и вот результат: звено вместо жалких семнадцати центнеров получило пятьдесят три центнера с каждого гектара!»

Темиров побагровел, как человек, которого вот-вот хватит апоплексический удар. Опять вскочил.

Пришлось одернуть.

«Товарищ Темиров, не забывайте, где находитесь. Что за вид?! Умейте держать себя в руках. Вы же коммунист, а коммунисту не к лицу находиться во власти эмоций. Сядьте, выпейте воды и слушайте...»

Узлары улыбнулся, вспомнив, как присмирел наглец, когда Он перешел на «Мы»: «Мы слушаем вас», «Мы принимаем меры», «Наше мнение» и т. д. С одной стороны, получается, что Он высказывает коллективное мнение высокого партийного органа. Но, с другой стороны, «Мы», да еще умело произнесенное с Большой буквы, напоминало слушавшему: тот, кто говорит «Мы», вознесенный на должность головокругительную, сродни императорской, — существо необыкновенное, облеченное властью почти мистической.

«Мы внимательно изучим вашу докладную, товарищ Темиров. Однако мы не можем игнорировать выступление партийной печати. В очерке ясно сказано: «Якшичульский феномен»... «Справедливость — важнейший фактор повышения производительности труда». Справедливость, забота о людях, об их нуждах, пишет автор очерка, «таковы главные секреты «чуда», которое вершится ныне на древней земле Якшичулья... Не перебивайте!.. Вы же все написали в докладной... У нас нет оснований не верить автору очерка. Писал не случайный человек. Это наш земляк, живущий в Москве. Брат по крови. Талантливый литератор. А талант — редкость, и Мы ему покровительствуем. По Нашей рекомендации республиканская писательская организация приняла его

в члены Союза писателей СССР, хотя он и живет в Москве. Маленькое... ха-ха... нарушение Устава творческого Союза, но на пользу делу. В Москве это поняли и утвердили решение, выдали Нашему другу писательский билет. Автор этот печатается у нас щедро, выпустил много книг, кинофильмов, переиздается, недавно вышел его двухтомник избранных произведений. Мы... — Узлары вспомнил, что несколько запутался в местоимениях. В данном контексте надо было бы сказать «Я», но «Я» как-то не ложилось, выпирало из общего плана, и потому Он повторил — «Мы», — Мы получили большое удовлетворение при чтении «Избранного» и даже послали автору дружескую поздравительную телеграмму. Она, кстати сказать, опубликована в предисловии к этому двухтомнику».

Кажется, сказано было так и ясно и понятно, что и дурак уразумел бы. Но этот умник ничего не желал понимать. Вновь вскочил со стула.

— Сядьте... И насчет Одилбая Парпиева в газетах сплошные похвалы. Взгляните на другую газету. Прямотаки ода, а не очерк... Гм... Вот: «Восславим в нашей очерке его всегдашнюю готовность к начинаниям! Восхитимся чистотой и храбростью его сердца!»... В вашей докладной восклицания. И в очерке сплошные восклицательные знаки.

В огромном кабинете мрачной тучей повисла тишина.

Наконец Темиров выдал из себя:

— Мне... Мне остается лишь подать в отставку.

— Вот как вы заговорили?... Понятно. Имейте в виду: с партийной работы добровольно не уходят. С партийной работы выгоняют!

— Согласен.

— Разумеется, нет правил без исключений. Если вы твердо решили, — пожалуйста. Возражать не станем.

Едва Темиров покинул кабинет, позвонил Назимову.

— Этого... Сам знаешь — кого... Отпусти с миром. Однако не забывай, что он из тех, кто, не задумываясь, будет биться о каменную стену. Надо бы его обезвредить.

— Будет сделано.

— Но-но!.. Без глупостей. Обезвредить лет на пять, на шесть.

— Понятно. Шесть лет обеспечим. О-о-мин.

Вскоре Темиров, переехавший в другую область, был

обвинен в лихоимстве, взяточничестве и входящей в моду торговле наркотиками, арестован и осужден.

«Бунт на корабле» был подавлен.

Сейчас, вспоминая о Темирове, Узлары испытывал двойственное чувство: Он почти физически ощущал свое могущество, и что-то его угнетало. Новый Шеф?.. Он его не очень опасался. Энергичен, деятелен, объявил войну жуликам и взяточникам в торговле. Однако Шеф тяжело болен. Да и где ему докопаться!

И вдруг ни с того ни с сего Ему вспомнилось детство. Девятилетним мальчишкой-несмышленишем он выдумал способ, как прожить без хлопот и иметь при этом много денег. Надо взять у соседа сто рублей на месяц. Затем одолжить у другого соседа триста рублей на месяц, сто рублей отдать первому соседу. Остается двести рублей — чистая прибыль. Далее, у четвертого соседа следует попросить займы пятьсот рублей... И так далее.

Взрослые тогда посмеялись над фантазером. А он знай твердил свое: «А вот посмотрите! Когда вырасту большой, я докажу!..»

Эти невинные детские выдумки, воспоминания о них ошеломили Узлары. Боже мой!.. Я же доказал... Доказал!.. И долг мой не триста, не пятьсот рублей... Сотни миллионов!.. Миллиарды!!!

Резко, словно раскаленной иглой кольнуло в боку, накатил сердечный приступ, все Его существо охватил предсмертный ужас. Неслушающимися пальцами надавил на какую-то кнопку.

Вновь возникла плотная фигура сотрудника в штатском. В пронизательных глазах его застыл немой вопрос.

— Случайно нажал... Ничего... Воды дайте.

Чудодейственные таблетки почти мгновенно сняли боли.

Однако настроение они не подняли. Мелькнула даже жутковатая мысль: «Может быть, прав был фантом?.. Гроднич. Уйти — и нет никаких долгов!»

Он долго еще сидел в одиночестве. Никого не принимал. Бесцельно листал настольный календарь. Взгляд его остановился на листочке — «31 октября».

«Тридцать первое... Тридцать первое, — машинально шептал Он про себя. — Тридцать первого надо бы рапортовать о заготовке шести миллионов тонн хлопка. И еще дать сверх тысяч сто-двести тонн. Тогда расчеты

с «соседями» отложатся еще на год!.. А дальше... Поживем — увидим».

Он вновь обрел уверенность, ощутил Себя могущественным, знаменитым человеком с очень большой буквы, которому еще при жизни отлит и установлен в родном краю бронзовый бюст.

Вызвал секретаршу.

— Приема не будет.

— Там из писательского союза... Ждут с утра. Вы обещали прнехать на обсуждение рукописи вашего нового романа.

— Я и собираюсь туда.

Рукопись была не новая. Просто роман переработали, вследствие чего объем его увеличился вдвое. Тем не менее, Он вынес новый вариант романа на обсуждение писательской общественности. Надо показывать пример благожелательного, делового отношения к критическим замечаниям.

...Он сидел как бы на облаке и слушал, слушал выступление коллег по перу. Он прекрасно понимал, что ему льстят, подчас неуклюже, топорно, но его почему-то это радовало. Была, разумеется, и суровая критика. Автора романа очень резко критиковали за то, что Он слишком уж пренебрегает своим замечательным талантом, уделяет мало времени художественному творчеству, пишет меньше, чем следовало бы. Хотя понять выдающегося писателя можно: все его время уходит на большие государственные дела, на борьбу за Большой хлопок, на множество других важных и неотложных дел. И все-таки хотелось бы со всей принципиальностью сказать чудесному писателю нелицеприятную правду: «Народ — вдохновенный строитель коммунизма — ждет от Вас, многоуважаемый имярек, новых высокохудожественных произведений, воспевающих великую силу дружбы народов нашей страны, грандиозные свершения!»

А ведь находятся еще писатели, утверждающие, будто обязательно обсуждение новых рукописей — бюрократическая выдумка столоначальников от литературы перестраховки ради, что с помощью таких коллективных и а с и л ь с т в е н н ы х обсуждений нередко губят талантливые произведения, которые, как правило, вызывают разноголосицу во мнениях; что «машина голосования» в творчестве неприемлема, ибо бывает и так, что пресловутый поручик шагает в ногу, а именно вся рота

шагает не в ногу!.. Ха-ха!.. Не любят критики такие писатели, вот и выдумывают всякие оправдания. Талантливая рукопись — она дорогу к читателю всегда найдет.

С обсуждения он возвратился в свой служебный кабинет помолодевшим лет на десять. Жизнь хороша! Нечего заниматься самокопательством. Император Марк Аврелий, кажется, написал книгу «Наедине с собой!». А зачем, спрашивается? Чтобы душу свою облегчить? Поплакаться в тогу грядущим поколениям?.. Так ведь и тог давным-давно нету. И выражение «поплакать в жилетку» тоже устарело.

Не плакать надобно, не казнить себя за грехи, а твердой поступью идти к намеченной цели!.. К какой?.. Сбился с пути?.. Колумб ведь стремился в Индию с ее несчетными алмазами в каменных пещерах. А открыл Америку. И не прогадал! Золото тоже приятно для глаза и для души. Будем же жить, пока живется, наслаждаться славой, богатством, властью. А после нас — хоть трава не расти!

«ОПЕРАЦИЯ «НИНА»

От повествователя.

Есть на северо-восточной окраине веселого города Байрамкента рощица азлантуса — дерева-акселерата, неприхотливого, приятного на глаз, прозванного почему-то «вонючкой». Сама же рощица в просторечии именовалась Карловой дачей. По преданию, жил когда-то в стародавние времена некий Карл Карлович Кун, оборотистый негоциант. Торговал каракулем, коврами, первый открыл в городе «иллюзион», названный позднее синемаатографом. А однажды взял и купил у прогулявшегося в Париже бая рощицу, объявил, что намерен строить дачи, но передумал, — обнес оградой, разбил на участки (карты), да и продал с большой выгодой городу под христианское кладбище.

С той поры и повелось говорить о почившем в бозе том или ином обывателе: «На Карлову дачу отнесли», или (об умирающем): «Кандидат на Карлову дачу».

Бежали бесконечной чередой годы, десятилетия... Лет несколько назад кое-кто заговорил даже о том, что столетний юбилей Карловой дачи приближается, стоило бы отметить. Однако, по зрелому размышлению, отцы города порешили никаких торжеств не устраивать скорб-

ному учреждению, именуемому официально — «Кладбище № 2 Управления бытового обслуживания населения Байрамкентского горисполкома». Одновременно выяснилось, что место последнего успокоения жутко, если так можно выразиться, перенаселено, и его надобно закрыть. Все последующие захоронения производить только на новом, загородном кладбище, расположенном на месте бывшего туристического лагеря «Романтика». Оставшуюся же еще не освоенную 84-ю карту Карловой дачи зарезервировать для особо ценных, заслуженных прахов.

А поскольку таковых в городе хватало, то постепенно и карта № 84 наполовину была освоена. Остаток теперь держали для самых чрезвычайных, экстраординарных похорон. Мера эта оказалась не лишней. Сразу после 1 января 1979 года на свободном еще месте появились надгробия, при взгляде на которые, не просто так, абстрактно, грустишь и начинаешь размышлять о бренности всего земного, но — спазмы перехватывают горло и слезы наворачиваются на глаза, хотя ты никогда не видел этих людей, навеки заснувших под металлическими пирамидками, увенчанными алыми пятиконечными звездочками.

Всем здесь, лежащим под надгробиями, лет совсем немного, — почти никому не исполнилось и тридцати.

...Вот пирамидка, окрашенная серебряной краской, с алой звездочкой на вершине. К пирамидке приклепана хромированная дощечка с двумя фамилиями:

ИВАНОВ И. И.

2/X-1950 — 31/XII-1979

ЗАХИДОВ К.

17/III-1951 — 31/XII-1979

От товарищей по работе в БТТТ

Так и возникает перед глазами картина:

Водитель троллейбуса Иванов и слесарь-ремонтник Захидов возвратились с дневной смены. Сидят вечером дома, пьют чай, смотрят по телеку кинофильм про победные залпы сорок пятого года. Отдыхают душой и телом в кругу семьи... И вдруг — звонок в дверь. Повесть. Срочный сбор резервистов, машина ждет у подъезда.

Водитель троллейбуса Иванов, он же механик-водитель БМД, и слесарь Захидов, он же наводчик-оператор БМД, верные Присяге, немедленно покидают свои дома. И вот они уже на настоящей войне, выполняют боевой приказ...

Может быть, тогда и родились литературно не обтесанные, но такие впечатляющие строки песни:

Все получилось — выполнен приказ!
И слава тем, кто залил мрамор кровью,
Кто предпочел погибнуть среди нас,
Но не бежать домой, прикрывшись «корью»!

И уж наверняка тогда же безвестный талант написал:

В декабре зимы начало, в декабре дни рожденья есть;
Для кого декабрь — начало, для кого — лебединая песнь..

Восемьдесят четвертая карта по сути — братская могила первых героев-интернационалистов, штурмовавших аминьевский укрепленный дворец и другие опорные пункты.

И я, повествователь, привел вас, читатели, сюда для того, чтобы вы преклонили головы перед этими святыми могилами.

Очень вас прошу также запомнить, что герои эти — тоже байрамкентцы, они жили, учились, работали в городе, обрисованном мною, мягко говоря, не в лучшем виде. Однако здесь нет никакого противоречия. Как и повсюду, честные люди, — люди благородной души и чистых помыслов, — представляли в Байрамкенте подавляющее большинство. Но они были разобщены. В душе каждого из них бушевал, рвался наружу протест, случалось даже, что отчаянный смельчак решался как-то выразить свое негодование...

Тщетно! Созданная Назимовым, Хамдамовым, Рапоханом, Львом-Шербекем и другими негодьями машина усмирения действовала безотказно. Вспомните, даже второго секретаря обкома партии Алимова властвовавшие преступники оклеветали, опозорили и бросили в тюрьму! Честные люди были скованы по рукам и ногам. А в руках негодяев было все: власть, Закон, милиция, пресса, другие средства массовой информации. Невозможно даже было пойти на акт самопо-

жертвования для блага остальных честных жителей! «безумца» могли в два счета загнать в психиатрическую больницу, посадить на скамью подсудимых, опорочить доброе имя в печати, наконец, — расправиться физически, свалив вину на уголовников.

Всякая аналогия относительна. И все же для наглядности приведу пример. Вот знакомая картина: в парке отдыхают сотни честных граждан; вдруг появляется несколько пьяных хулиганов, они пристают к женщинам, оскорбляют гуляющих, малейшее возражение — и вот уже звучит оплеуха!. А остальные честные и не трусливого десятка граждане (да, именно, — не трусливого!), кипя негодованием, не решаются вступиться.

Газетчики, писатели, кинематографисты любят поиздеваться над «обывательской трусостью». В каком-то фильме запомнились мне впечатляющие кадры: пьяные хулиганы насмерть забивают юношу, а жильцы дома, возле которого совершается преступление, трусливо выглядывают из окон, один старик даже глядит на ужасную сцену в бинокль!

Ну, разве только в трусости дело?.. Разобщенность, неорганизованность — вот в чем беда. Оставим дряхлого старика в покое, пусть себе глядит в бинокль. Что он может поделать с озверевшими хулиганами? Давайте поговорим с физически сильным, цветущим мужчиной. Как он объяснит свое пассивное поведение?

А он вот что скажет:

— Хулиганов четверо, а я один. Хулиганы наверняка вооружены ножами, кастетами, может быть, и пистолет у них есть. А я безоружен. Главное же в том, что я не был уверен, что и остальные жильцы выбегут на помощь. Зачем же и мне по-глупому раньше времени отправляться на «тот свет», делать жену вдовой, детишек — сиротками?

Другой свидетель преступления и вовсе огрызнется.

— Вы говорите, я — трус?! Зря! У меня медаль «За отвагу», в Афганистане честно заслужил. А не вмешался потому, что у нас законы, извините за резкость, хулиганов защищают. Четыре года назад демобилизовался. Приехал в десантной форме, хожу по городу, красуюсь регалиями. И вдруг вижу: четверо хулиганов затащили девушку в темный угол и с похабным, похотливым ревом, извините, лапают ее за грудь, за другие деликатные места. Кинулся я защищать девчонку, при-

менил приемы каратэ, и угодил одному ногой в висок. Он тут же и подох. Остальные негодяи разбежались. И девчонка, стерва такая, в суматохе, тоже деру дала. Еле-еле ее потом разыскали. Свидетели говорят: «Мы видели, как этот десантник убил человека»... Че-ло-ве-ка! Прокурор на суде юродствовал, вроде как на аптекарских весах вино хулигана и мою вино взвешивал. Говорит: «В ходе расследования и в судебном заседании доказано, что со стороны правонарушителей не было попытки изнасилования потерпевшей, а совершались действия, квалифицируемые как хулиганские, то есть озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу. Подсудимый хотя и действовал в состоянии, предусмотренном уголовным правом край ней не об х о д и м о с т и, однако, по правилам юридической науки, действия лица, защищающего чужие права и интересы, охраняемые законом, по интенсивности не должны превышать интенсивность противоправного, уголовно наказуемого деяния. Даже быть менее интенсивными... «Спрашиваю прокурора: «Что же, по-вашему, я должен был тоже начать лапать хулиганье за грудь и другие места? Так это, говорю, во-первых, противно. А во-вторых, — они вчетвером из меня мигом бы душу вытрясли!» ...Короче, присудили мне два года колонии общего режима. И еще, люди говорят, — повезло! Так что никогда больше не стану вмешиваться. На то милиция есть, она за это деньги получает.

Как видите, уважаемые читатели, не следует хороших, честных и совсем даже не трусливых людей, населяющих Байрамкент, огульно обвинять в «обывательской трусости». Все гораздо сложнее.

Особо прошу читателей взять на заметку то немало-важное обстоятельство, что бедняга-десантник получил «срок» в городе, где в общем исправно соблюдалась законность. А о какой законности можно было говорить в Байрамкенте, где творили дикий произвол и расправу на «законном» основании Анвар Назимов, Ахмаджан Хамдамов, областной прокурор Ширинходжаев, все-ильный Век и другие выродки?!

Тем большего уважения заслуживают мои юные герои — Тимур Бахрами и Алеша Руднев, — очертя голову бросившиеся в бой без всякой надежды на победу.

Сентябрь в наших южных краях, пожалуй, самый благословенный месяц. Саратан (изнуряющая, нестерпимая жара) уже позади. Но и до осенних чрезмерных прохлад и дождей еще далеко. Голубое-голубое небо, дышится легко. Тополя и карагачи в полном убранстве, но уже витает, носимая неслышным вестерком нежная паутинка; базары по-восточному роскошны и производят неизгладимое впечатление изобилием овощей, фруктов и сказочно высокими ценами.

В один из таких чудесных дней, в середине сентября, в Байрамкент возвратились Тим Бахрами и Алеша Руднев.

Почти три месяца госпитальные Парацельсы резали и штопали парней. Лешину перебитую осколком голень соединили металлическим штырем, а затем, чтобы не было хромоты, заключили в чудодейственный «Аппарат Илизарова». Нога стала, по мнению хирургов, «лучше, чем была». А то, что осталась небольшая хромота — «это дело времени».

Тимура тоже подлечили мастерски. Парень вообще неизвестно как жив остался. Американский «Вайпер» ударил буквально в двух шагах, осколки гранаты разворотили бронезилет и, потеряв убойную силу, все же перебили шесть ребер, вырвали кусок левой ключицы. Оба друга были еще и контужены.

Месяц спустя в госпитале объявился и капитан Ельников, — на этот раз в качестве пациента. «Неуязвимый» доктор, в том памятном бою четырнадцатого июня отделавшийся, так сказать, символическим ранением в голову по касательной и оставшийся в строю, на сей раз получил пулю в предплечье. Капитан был ходячий ранбольной, часто заглядывал к друзьям. Он-то и прозвал их «леваками».

— Вы, вояки мои славные, — разглагольствовал капитан, — явно с левым уклоном. Доказательства?.. С нашим удовольствием. В ущелье, когда нас душманы в засаде подловили, Руднев схлопотал ранение в левую руку, Бахрами — в левую ногу. А что вы имеете за побоище в Торкеласе? Руднев — левая нога, Бахрами — левые ребра. К тому же в рукопашной озверевший «ихвани» вырвал рядовому Бахрами зубами лоскут из левой щеки. К счастью, местные Гиппократы

залатали щеку весьма искусно. Шрам почти незаметен и делает красоту его хозяина более мужественной. Подведем итоги. У вас явный левый уклон. Значит, вы самые настоящие «леваки», с чем вас и поздравляю!

Друзьям прозвище понравилось. К тому же они теперь и в самом деле стали «леваками». Когда Тим и Леша пошли, наконец, на поправку, им разрешили выходить в огромный госпитальный двор, любовно озелененный выздоравливающими ранеными. О многом они передумали, многое пересмотрели в своей жизни на этих прогулках. О Нине, которую оба любили первой, светлой юношеской любовью, не было произнесено ни слова. Им казалось кощунством говорить о ней в прошедшем времени. Каждый бережно хранил в душе саднящую боль. Она усугублялась несправедливыми упреками совести: «Как же ты не уберег?! Почему тогда ты не был рядом с ней?..»

Лишь однажды, не называя имени девушки, Леша тихо сказал:

— Вернемся домой, надо хороший памятник.

— Я тоже подумал. Помнишь, в горах, у кишлака Иккисай камень-валун? В человеческий рост.

— В нем тонны три, если не больше.

— Расскажем все кишлачным парням, они помогут докатить до дороги, а там автокран подгоним.

— Бок на камне стесать надо. Отполировать... Для надписи.

И все.

А говорили они о том, что жили до армии слишком уж весело, беззаботно. По-мальчишески «местили» Льву Львовичу Веку, брэнча под его окнами на гитарах. В школе слишком снисходительно относились к Бобке Хамдамову, Камилке Ширинходжаевой, Робке Шакалису и другим отпрыскам воров и хапуг. А надо было их на комсомольском собрании обозвать паразитами. Крик, шум бы поднялся! Комсорг-подхалим Хаким Ошбеков наверняка взвился бы, потребовал извинений, в райком побежал. Новое собрание, персональное дело. Очередная угроза исключения из комсомола. А мы, вместо объяснений, вырвали бы сумочку из рук Камилки или Эльвирки Мкртычян и сказали бы: «Загляните лучше в сумочку эту. Ручаемся, что в ней школьница держит на «мелкие расходы» рублей пятьсот, если не больше. И в окно взгляните. У школьника Шакалуса

собственная тридцатитысячная «Тоёта»!.. Воры они, хапуги и мерзавцы!»

— Эх, — вздохнул Тим, — все «бы», «бы», «бы»!..

— А вот выпишемся из госпиталя и займемся хапугами, уже без всякого «бы».

— Беда в том, что к ним не подступишься. Кто мы — и кто они?

— Вот именно! — Леша побагровел. — Мы — честные люди, кровью своей доказавшие... — Он не договорил, спазмы сдавили горло. Сделал вид, будто закашлялся. Продолжал: — А они — кто?!.. Воры, подлецы! Негодяи!.. Позорные твари!.. Расстреливать таких, как бешеных волков!..

Леша кричал все громче и громче, глаза застлал кровавый туман, руки затряслись, нога в илизаровском аппарате подогнулась, и он упал на посыпанную красноватым песком дорожку. На шум сбежались ходячие раненые. Парня подняли, усадили на скамейку. Позвали палатного врача. Тот дал успокоительного.

— Последствия контузии. Подвержен эмоциональным взрывам. Ничего особенного. Скоро все пройдет.

— Меня сильнее контузило, и ничего, — сказал Тим.

Палатный врач ответил, поднимая со скамейки Лешу и уводя его в госпитальный корпус:

— У каждого по-разному. У тебя, Бахрами, видать, «кумпол» покрепче. Но все равно не задавайся и запомни: и нюхать спиртного не моги!.. Помоги лучше довести до палаты своего дружка.

В палате Леше полегчало.

— Ну, чего расшумелся? — грубовато успокаивал его Тим. — Если всякий раз будешь так переживать, то ничего у нас не выйдет, друг. Понял?

— Понял. Сам не знаю, как получилось. Сорвался. Но не думай... Я от своего не отступлюсь.

— Я тоже.

К вечеру опять вышли на прогулку.

Леша ковылял, описывая «илизаровской» ногой что-то вроде полукружий. Тим, загипсованный по пояс, по-малкивал. Ему многое хотелось сказать, но он опасался, что его разговоры могут вызвать новый эмоциональный взрыв.

Леша нарушил молчание.

— Ты, Тим, меня не оберегай. От жизни не укроешься. А она не только весельем радуется. Тяжелая, оказывается, штука — жизнь. И нам надо внести свою

лепту в общее дело, чтобы она стала лучше, чтобы в ней не верховодили подонки.

— Легко сказать! Как подобраться к негодяю Веку, например? Заявить на него в милицию, чтобы обыск произвели? Так ведь в милиции Хамдамов и его шайка. Кинуться в объятия прокурора — тоже глупо. Сам он дикий взяточник.

— А если в Цека написать, Самому? Изложить в подробностях, что творится в городе. Пусть пришлют проверенных людей, разберутся.

— Это, пожалуй, идея. Только вот что настораживает: неужели до нас никто не писал 'туда?.. Не может этого быть, чтобы никто не писал! Значит, письма не доходят до Самого. У негодяев наверняка имеются и там свои люди.

Оба друга и помыслить не могли, что Сам-то и есть главный виновник всех бед. Они, и большинство байрамкентцев, миллионы людей, населяющих край «белого золота», верили Узлары, облеченному доверием партии, отмеченному множеством высоких наград, удостоенному при жизни памятника, введенного в круг Высшего руководства страной!

— Может, в Москву письмецо? — молвил Леша после некоторого раздумья.

— Дохлое дело, — вздохнул Тимур. — И в Москву, наверное, люди до нас писали. Перехватываются письма. Разве что самим в Москву слетать, чтобы лично...

— Так нас там и ждут! — теперь уже Леша стал резонером. — Ну прилетим. Допускаю мысль, что даже с большим трудом пробьемся к... Постой!.. А к кому нам там надо пробиваться?

— К самому Первому... Говорят, толковый мужик. Как он за жуликов взялся!..

— У Первого заслон имеется — из помощников, референтов, консультантов разных. Увидят мальчишек, усмехнутся про себя, мол, шустрые пацаны, им только самого главного подавай! И отфутболят нас к какому-нибудь инструктору. А этот деятель, прежде чем принять, звякнет в Байрамкент, поинтересуется, дескать, что это за фрукты, едва из коротеньких штанов вылезшие, на самый верх пробиваются?

Леша невесело хмыкнул и продолжал:

— Позвонит он, конечно, в обком. Назимов тут как тут: сей минут, будьседел.. Через час сообщим!.. Тут же

даст команду и через час ровно доложит: «Есть такие, оба в Афганистане контуженные, как говорится, «с приветом». Они и здесь во все двери стучались, донимали начальство. Отправьте их домой, мы их уважаем за доблестную службу Родине, однако долечить их все-таки надо.

— Что ж, вроде и выхода нет?

— Выходит.

— Значит, капитуляция?

Леша до боли сжал кулаки, вновь почувствовал нечто вроде опьянения — предвестник нового приступа ярости. Однако усилием воли он сумел на этот раз удержаться от нервного взрыва. Проступившая было краснота на лбу и щеках сменилась восковой бледностью. Чтобы не сорваться, он заговорил шипящим, зловещим шепотом:

— Нет уж, Тим! Это уж ма́ком! Не для того Иса, Миша Романцов, Семен Шпирт... Многие наши боевые товарищи головы свои сложили... Так и не пожив на свете!.. Не для того рота наша в рукопашных почти вся полегла... Не для того, чтобы мы капитулировали перед сворой негодяев!.. Братья наши из цинковых гробов... Взывают!.. Друзья, ставшие в девятнадцать лет калеками!.. Нет, бои не кончились. Сражение продолжается. И мы с тобой, Тим, будем... Обязательно будем победителями. Победа — или смерть. Поклянемся, боевой друг, что отдадим все силы...

Леша умолк, тяжело дыша. Темные его глаза пылали.

Взволнованный словами друга, Тим, вскинув по-«рот-фронтовски» кулак, воскликнул восторженно:

— Клянусь сражаться до полной победы!

— Клянусь!.. — эхом отозвался его боевой друг.

Дни бежали за днями, однако ничего практически реального, бесспорно уличающего могущественных преступников в злодеяниях ни Леша, ни Тим придумать не могли. Ну напишут они в Москву, допустим, их письмо попадет к добросовестному человеку. А что напишут?.. Что прокурорская дочка носит в сумочке пятьсот-тысячу рублей «на всякий случай», а Робка Шакалис разъезжает в собственной «Тоёте», что Век отгрохал на двухсотрублевое жалование огромный особняк?!.. Ну и что? В газетах ежедневно пишут: «С каждым днем растет благосостояние советских людей». Прокурор ска-

жет: «Я двадцать лет копил эту тысячу рублей, чтобы подарить любимой дочке на приданое!» Папа Шакалио выдумает трогательную историю о дедушкином наследстве. Век сошлется на генеральское наследство.

Страшно то, что преступники занимают ключевые позиции в городе и области, крепко-накрепко связаны круговой порукой. Какой-нибудь Жабьев, начальник разделочного цеха мясокомбината, может запросто заявиться к городскому или областному прокурору и сказать: «Тут двое сопляков на меня «компру» сробируют. Поймите в виду. Ежели им удастся в Москву прорваться и бочку на меня покатить, то я и не знаю, что может из этого получиться. Начнут меня мытарить следовательно по особо важным делам... Человек я с нежной душой, впечатлительный. Могу и проговориться, кому да что давал!»

Прокурор, разумеется, мигом поймет, что к чему, Спросит: «Что предлагаешь, кормилец?» Тот и ответит: «Предлагаю нейтрализовать сопляков. Расходы беру на себя. Вы только обеспечьте юридическую базу, чтобы все по закону». Блюститель законности и тут смекнет, лишь одно словечко вымолвит: «Конкретно» — «Конкретно, значит, так. Я приглашаю пяток уголовничков, обещаю им приличный гонорар с выплатой аванса, и Гришка Штырь с корешами затевает драку с правдолюбцами. «Дай закурить» — «Не курю» — «Ах, ты еще и не куришь!»... А дальше по потребности... Главное, чтобы милиция вовремя появилась. Со Штырем ведь еще девица будет. Так чтобы милиция непременно в и д е л а, что сопляки на девицу эту напали с гнусными намерениями, а Штырь, значит, защищал честь и достоинство девицы. Лады?.. Вот и налицо уже попытка изнасилования, злостное хулиганство. Понячат сопляки бензопилу «Дружба» лет шесть-семь, вернутся домой обновленными, в лагерях уму-разуму наученными. Все остальное, как говорят шахматные комментаторы, — дело техники».

— М-да... — Тим осторожно, кончиками пальцев почесал искалеченную грудь. Гипс у него уже сняли, и он пытался унять зуд в подживающих ранах. — Незадача. А что если подключить народный контроль?

Леша безнадежно махнул рукой.

— Бесполезно. Правда, есть там хорошие люди, я интересовался у отца. Писал ему, не объясняя причины моего любопытства. Мол, думаю, вернувшись домой,

пристроиться туда на клерковую работу. А в институт поступлю заочником. Так предок мой вот что ответил. — Парень вынул из кармана пижамы листок, прочитал: — «Что до твоих планов, сынок, то мы с мамой их не одобряем. Там, куда ты намереваешься поступить клерком, — там верхушка больно неподходящая. На рядовых должностях немало людей честных, хороших. Однако они вынуждены выполнять работу «от сих и до сих». Так называемыми «особыми» делами занимаются и «особые» люди. Не для тебя это, сынок, не для твоего характера. Демобилизуешься, поступай лучше учиться на инженера. Точные науки все же точные науки, хотя и у нас случается, что дважды два — пять...»

Друзья помолчали. Спокойный тон письма напомнил им о том, что родители Тима и Леши даже и не подозревали, где сейчас находятся их дети, убеждены, что сыновья в учебной воинской части: потому и изменился номер полевой почты.

— А хорошо мы придумали, — улыбнулся Тим. — Не к чему зря волновать стариков.

— Это-то верно. Только перед Климковичами стыдно. Месяц спустя написали соболезнующее письмо. Да и наврали. Вроде нас рядом с ней и не было!

— Зря ты так, Тим. Месяц нас самих выхаживали. А если бы правду сообщили, то родители наши всполошились бы. Вернемся и все расскажем. Повинимся, покаемся. Ложь наша, как раньше говорили, — ложь во спасение.

Тимур посмотрел на друга. В голубых глазах под темными дугами бровей вдруг вспыхнуло изумление.

— Обалдеть можно!.. Лешк, а Лешк!.. У тебя же на висках седина!.. За ночь, что ли, проявилась?.. Или я не замечал?!

— Я сам не замечал. Зеркала не имею. Электрической бритвой бреюсь на ощупь. Медсестричка обратила внимание. Да и у тебя, Тимчик, седых волос, наверное, хватает, только ты светлый, незаметно пока. А вот морщинки на твоём лбу я давно засек. Только не говорил.

— Правда?.. Ба!.. И у тебя!.. Старики мы с тобой, Леша, стали. Десятилетние старики!

— Просто мы рано повзрослели. Отсюда мораль: с беззаботной юностью пора прощаться.

— Значит, гитары побоку?

— Не можешь без загибов, Тим. Будем брать пример с Владимира Высоцкого, Он куда старше нас, а с

гитарой не расставался. Дело не в гитаре, не в рок-музыке и хит-парадах. Думать нам надо начинать по-взрослому.

— Истинные твои слова, отец Олексий, — проокал Тимур, весело прищурясь. И тут же — серьезно: — Ты прав, очень даже прав!.. Но что же нам придумать по-взрослому?

— ...чтобы разворошить болото, в котором обитают назимовы, веки и рапо-ханы?

— Именно.

— Время еще есть. Главное — действовать наверняка.

Так ничего путного не придумав, Тим и Леша возвратились в родной город.

Не стану описывать встречу с родителями ветеранов-«афганцев» и, тем более, — встречу их с Климовичами. Обо всем этом можно было написать отдельную большую книгу. Но, честно говоря, мне такая тема не под силу. Предоставляю читателям самим почувствовать безмерную радость «стариков» Рудневых и Бахрами при виде сыновей, вернувшихся под отчий кров живыми и, на первый взгляд, здоровыми, сопережить непередаваемое словами горе отца и матери Нины.

Я же продолжу повествование.

В Байрамкенте Тим и Леша сразу же взялись за сооружение надгробия. Дело это оказалось не столь трудным, как думалось. Тахир Ульмасов, их одноклассник по школе, окончивший ее несколькими годами раньше, тоже «афганец», вернувшийся без ступни и с орденом Красного Знамени, работал теперь водителем автокрана и учился заочно на третьем курсе политехнического института. Права водителя ему выдали в порядке исключения. Он охотно согласился принять участие в заботах о памятнике.

Автокран подогнали к околице Иккисая. Местные парни и даже девушки, мешая друг другу (так много откликнулось желающих), слезами подкатали замшелый валун к автокрану. Председатель колхоза, узнав обо всем, предоставил грузовик. Огромный камень погрузили в кузов, отвезли на восемьдесят четвертую карту и установили на месте последнего успокоения девушки, которой суждено было прожить всего девятнадцать лет.

Среди кишлачных парней оказался мастер-каменотес.

Он срубил и отполировал часть валуна и оказалось, что это — удивительно красивый камень — серебристо-серый, с желтоватыми и бледно-синими прожилками. На зеркальной сверкающей поверхности мастер вырубил:

КЛИМКОВИЧ
Нина Александровна
28.III.1964 — 14.VI.1983

Друзья хотели еще добавить: «Героически погибла в Афганистане», однако воспротивился директор кладбища, бдительно наблюдавший за установкой памятника. Он ссылаясь на указание свыше, на другие захоронения, на которых также не была указана причина ранней кончины.

Он, правда, дал понять, что если ему поручат хлопотать, «где надо», то, возможно, можно получить разрешение на слова «героически погибла». Но слово «Афганистан» — это исключено! Хлопоты обойдутся в известную сумму. Ему, директору, ни копейки не надо. Но те, кто станет решать...

— Сколько? — перебил его Леша.

— Рублей пятьсот, — не моргнув глазом отвечал директор. — Мне лично ничего не надо, я из сочувствия...

— Сволочь ты! — раздельно и внятно произнес Тахир и сграбастал кладбищенского мародера за грудки.— Задуш, гадина!..

Директор, кругленький человечек с ранним животиком несколько набок и бугристой плешью, завопил. Тут же откуда ни возьмись появились мрачные типы с лопатами, совсем не похожие на веселых циников из «Гамлета». Стало ясно, что это — телохранители и сообщники негодяя. Ребята из Иккисая уже уехали домой, следовательно, в случае чего, у негодяя — четверо свидетелей. Да что свидетелей! Четверо небритых уголовного вида громил, с лопатами наперевес, бросились врукопашную.

— Назад! — крикнул Тахир. В голосе его была такая властная ярость, что громилы невольно затормозили и опустили лопаты.

— Смотрите!..

Тахир протянул руку, указав на валун.

— Под ним покоится девушка, героически погибшая

в Афганистане. А этот ваш начальничек хочет ее обобрать... Мертвую!.. Люди вы или звери?!

Могильщики переглянулись. Один из них прохрипел:

— А ну отпусти нашего хозяина!.. Чо Афганистан? Тута все такие. И все, как порядочные, за место платют. Афганистан!.. Жмурик он жмурик и есть. Нам без разницы... Отпусти, говорю! А то как врежу...

Грабитель замахнулся лопатой и тут же, даже не охнув, повалился на землю — это Тахир, швырнув на землю кладбищенского главаря, нанес могильщику разящий удар по сонной артерии. Остальные грабители оцепенели, разинув пасти.

— Видели?..

Даже Леша и Тимур были поражены четкой, профессиональной работой бывшего «спецназовца». Мародеры попятнулись.

— Убили-и-и-и!.. — тихонько заскулил кладбищенский начальник, лежащий на земле распластанной жабой.

— Скоро очухается, — успокоил его Тахир. — А теперь слушайте внимательно, негодяи, и не говорите потом, что не слышали. Вы — хуже могильных червей! Наживаетесь на человеческом горе. Даже после смерти нет человеку от вас покоя... Деньги превратили вас в чудовищ, питающихся трупами!.. Из «бесхозных» могил выбрасываете кости... Гнусные вы твари! За огромные деньги тайно, незаконно хороните вдоль Центральной аллеи воров, хапуг, взяточников. Вы обнаглели, потому что не боитесь уголовного розыска, БХСС, — там у вас дружки, тоже с покойников кормятся. За место вдоль Центральной аллеи, ведущей к церкви, сдираете по пятнадцати тысяч!.. Да-да, мне хорошо это известно. Ваши клиенты, эти денежные мешки с бесстыжими буркалами, бахвалятся, вот, дескать, какие мы! Из бахвальства же ставят такие грандиозные и бездарные надгробия, что их иначе и не назовешь, как памятниками мещанскому чванству, бахвальству и непроходимой дурости! Нищие духом подонки!.. А теперь... Забирайте своего алкаша и убирайтесь с глаз долой. И знайте: скоро... очень скоро кончатся времена дикого разбойничьего разгула, будете держать ответ за все ваши гнусные, отвратительные злодеяния. Гиены, поедающие трупы — и те, в сравнении с вами, безобидные кролики!.. Вон с глаз моих. Ну!..

Первым взял старт главарь. Он к тому времени уже

поднялся на четвереньки, — да так, по-собачьи, чуть боком, побежал прочь, с поразительной скоростью. За ним, грохоча кирзачами, кинулись его телохранители, бросив на произвол судьбы нокаутированного «кореша».

Тахир, тяжело дыша, все еще охваченный гневом, обернулся к Тиму и Алеше. Вид его был устрашающий: темные глаза пылают мрачным огнем, сухое костистое лицо перекошено; и весь он — сухощавый, поджарый, походил чем-то на приготовившегося к прыжку снежного барса.

— В-видали? — выдохнул он.

— Здорово ты того охламона, — улыбнулся Леша. — Чувствуется Максимовская закваска.

— А вы что, тоже?..

— Максимовцы, — подхватил Тим. — Раньше он в ваших частях был инструктором. Потом его в вэдевь перевели. Не знаем, жив ли.

— Жив. Всем смертям назло! Правда, ходит с палочкой, хромает изрядно.

— Откуда ты знаешь?

— Да он же со мной переписывается. Живет в Москве, работает в школе военруком.

— Будешь писать, привет ему от нас передай, напиши, что он для нас все равно что господь бог, — попросил Леша и добавил: — Он, конечно, нас не помнит. Мало ли желторотиков прошло через его руки. Но все равно.

Шакал в образе человеческом, пытавшийся ударить Тахира лопатой, наконец пошевелился. Парни подняли его за шиворот, встряхнули, чтобы быстрее оклемался, повернули в нужном направлении, подтолкнули в спину.

— Иди... Иди, тварюга, подбру-поздорову.

Тот поплелся восвояси на подгибающихся ногах.

Друзья сели на скамеечку, врытую в землю возле памятника. Долго молчали. Первым заговорил Леша.

— Слушай, Тахир, дело есть. Мы тут кое-что задумали. Давай с нами, а?

— Если дело хорошее...

— Лучше не придумаешь. Но хлопотное и, прямо скажу, опасное. А ты на протезе...

— О протезе забудьте, братья-«афганцы». Ампутировали только стопу. Наловчился ходить. Даже почти не хромаю. А что, разве бег на длинную дистанцию предстоит?

— Нет, — сказал Тим и пояснил: — Надо же с чего-

то начинать, Тахир! Ты что, не видишь?.. Даже покойников грабят!

— А-а-а... — протянул Тахир и широко улыбнулся.— Понятно. Тут повоевать придется. И девяносто девять из ста, что нам сломают хребты. Но все равно согласен. Я и сам об этом подумывал, только вот как подступиться к нынешним властителям Байрамкента и Якшичулья не знаю. Писать куда-то бесполезно. Все жалобы, все сигналы присылают тем, на кого жалуются. Так сказать, «для принятия мер». Они и принимают меры. Весной инженер один, Шавкат Анарбаев, и вовсе пропал.

— Как это?

— Очень просто. В воскресенье поехал за город и словно в воду канул. Куда только не писал парень!.. В газетах милицееское сообщение было опубликовано: «Ушел и не вернулся домой такой-то. Приметы такие-то. Имеющим что-либо сообщить...» и так далее. Ну да ладно об этом. Что предлагаете? С кого начнем?

— В том-то и беда, что мы и сами не знаем, — с чего и с кого! — вздохнул Леша. — Давай думать вместе. Вот что... Ты и постарше нас, и звание у тебя офицерское. Давай возглавляй подпольную организацию. Командуй. А на примете у нас имеется Лев Львович Век. Знаешь ведь такого.

— Еще бы! Кто его не знает? Миллионер! Но как к нему подступиться, чтобы наверняка?

— Вот и думай, Тахир, думай.

— Надо бы посоветоваться с подполковником Энским, с Максимычем нашим.

Леша с Тимом переглянулись.

— Что? — удивился Тахир. — Сомневаетесь?.. Хорошего же вы мнения о своем учителе!

→ Что ты?.. — Леша замялся. — Я же сказал: он для нас как господь бог! Только... Слухи есть, будто... Он вроде сын Века.

— Слухи? Почему слухи?! Максимыч и в самом деле его сын. Это точно, как дважды два. С отцом он порвал раз и навсегда еще подростком. На парткомиссии, помню, анонимку разбирали... Ну, и до нас, курсантиков, докатился слух, будто Максимыч отца с матерью бросил. Целое дело раздули. Потом выяснилось, что анонимку накатали брошенный папаша!.. Сколько ни бились, чтобы узнать причину ненависти Максимыча к родному отцу — так ничего и не добились. Твердит од-

по: «Я мать не бросал, и никогда не брошу. Соседи могут подтвердить. И регулярно деньги ей перевожу, чтобы она была независима от этого... Короче говоря, я матери слово дал молчать — за что его терпеть не могу. А вы уж сами решайте». Так и прикрыли эту историю!

— Дела-а-а!.. — Тим провел безмянным пальцем по «английским» золотистого цвета усикам, которые он завел в госпитале и очень ими гордился. — Тогда лучше не спрашивать у него совета. Максимыч ненавидит Века за то, что он ворюга. А пойти против него не может, поскольку еще юнцом матери поклялся. И без того переживает человек, а тут еще мы соли подсыплем на открытую рану.

Долго молчали братья-«афганцы». Старый аэлантус, нависший над валуном зеленой кроной, пронизанной лучами закатного солнца, тихонько шелестел листвой. Небо утратило нежно-голубой цвет, стало темно-серым. Легкие дуновения ветра приносили с собой вечернюю прохладу. Неправдоподобно большой солнечный диск, будто нарисованный малиновой светящейся краской, уже окунался в разлитый за невысокими холмами огненный океан.

— Красота-то какая!.. — вымолвил Леша и наклонил низко голову, чтобы скрыть повлажневшие глаза. Он подумал о том, что этого прекрасного вечернего заката Нина уже не увидит! И никогда и ничего уже не увидит... Никогда!

Об этом же подумал и Тим, и он еле сдержался, чтобы не разрыдаться. С трудом выдавил из себя:

— Хватит тебе, Лешк, душу мотать.

Вновь накатило молчание.

Вдруг Тахир сказал просто и буднично:

— А что если ограбить?

Тим и Леша недоуменно переглянулись.

— Века ограбить, Льва Львовича Века, — уточнил Тахир.

— С ума сошел!

— Ты что, Тахир, очумел?

— А вот послушайте меня, братья-«афганцы», внимательно...

И бывший «спецназовец» стал излагать свой хитроумный план.

В городе есть много честных и даже отважных, самоотверженных людей. Они писали в разные инстанции,

сигнализировали и так далее. Однако все их попытки разоблачить преступную олигархию заканчивались неудачей. Смельчаки сильно пострадали за любовь к справедливости — кто работу потерял, кто в тюрьму угодил и даже имеются еще более печальные результаты. Например, исчезновение инженера Анарбаева.

Но если бы удалось предъявить вещественные доказательства!.. Век днями в командировку уезжает. Хлопкоуборочная в разгаре. Недели две будет гонять по районам, вдохновлять колхозников на трудовые подвиги, а заодно — дань собирать с райсов, заведующих хлопкопунктами, директоров хлопкозаводов... Что, если в его отсутствие пробраться в особняк, взять все его несправедно нажитые сокровища и представить тому же Хамдамову: «Пожалуйста три или четыре миллиона, только расписочку не забудьте даты!»

— Великолепный план, — Леша хохотнул. — Мы передаем Хамдамову миллионы, а он сажает нас в апартаменты с решетками на окнах, заводит дело, передает в суд — и мы получаем по пятнадцать лет со строгим режимом. А миллионы он со своей шайкой спокойно присваивает!

— Это я так, фигурально насчет передачи миллионов, — ответил Тахир. — Чтобы вам интересней слушать было. Сокровища Века мы запрячем где-нибудь в горах, так что ни одна собака не разыщет. Просто явемся и выложим новость: «Мы реквизируем ценности, награбленные Веком. На них наверняка есть отпечатки пальцев преступника. Все это мы отдадим милиции при одном условии: расследование вы проведете с публикацией материалов следствия в печати...»

— Чепуха, — перебил Тим. — Хамдамову недавно генерал-майора присвоили. Совсем раздулся от спеси и сознания своего всемогущества. Он не на Века, а на нас дело заведет. Сунет нас в тюрьму, и его заплечных дел мастера станут выбивать из нас спрятанные миллионы. И очень даже может быть, устроят нам так называемый «побег». Он же совсем озверел! А тут миллионы! Закопают нас где-нибудь, тоже в горах, а в официальной бумаге Хамдамов напишет: «По вине конвоя при транспортировке бежали трое опасных преступников такие-то... Бежавшим удалось скрыться. Объявлен всесоюзный розыск...» и прочая.

— Бить нас, конечно же, станут и очень больно, —

согласился Тахир. — Однако надо потерпеть. Овчинка выделки стоит. Неужели вы не выдержите, откроете тайну?

— Ну это ты брось! — вспыхнул Тим. — Выдержим. Но ведь забывают!

— Ошибаешься. Ты не учитываешь психологии Хамдамова и его банды. Они не только бить, — они и лечить станут заботливо, чтобы мы, не дай аллах, дух не испустили. Тогда ведь сокровища Века тю-тю! Ищи-свищи!.. Нет, ребятки, они нас беречь будут, лелеять. Главное — выдержать допросы «с пристрастием».

— Выдержим, — молвил Леша. — Ну а дальше?

— Дальше вот что... Такое дело, дело о миллионах, не может остаться в тайне. Обязательно кто-нибудь да проболтается. Хапуга первый секретарь узнает... Областной и городской прокуроры. Старая истина: если тайной владеют двое — это уже не тайна. Каждому из шайки захочется вцепиться зубами в кусок пожирнее. Возникнут свары...

— А если не возникнут? — спросил Тим.

— Обязательно возникнут. Азарт! Старик Рапо-хан тоже захочет свою долю урвать. А он к Самому запросто вхож. И тогда начнут нас обхаживать. Мы же не должны вести себя по-дурацки, как в некоторых книжках про подпольщиков.

— Не понял, — Леша удивленно вскинул брови. — При чем здесь подпольщики?

— Так, вспомнилось. В одном детективчике нашего разведчика гестаповцы поймали. По подозрению. Никаких у них нет доказательств, что он советский разведчик. Ну, разумеется, зверски пытаются. И тогда разведчик стал орать, что он пламенный советский патриот, фашистов люто ненавидит, да здравствует великий вождь и учитель всех народов товарищ Сталин!.. Ну и так далее. Разумеется, фашисты его расстреляли. А был бы он, книжный разведчик, поумнее, он орал бы от боли, страданий, но твердил свое: «Я никакой не разведчик, я гитлеровцев ждал как манну небесную, давно мечтал полицаем стать!» Я лично, на его месте, умолил бы палачей сделать меня полицаем или отправить в диверсионную спецшколу. Ведь опять открывается возможность борьбы с лютым врагом, связаться с подпольем и действовать уже в новом качестве. А на худой конец пристрелить хотя бы пару-тройку извергов и с честью погибнуть в бою.

— Все же непонятно, что ты предлагаешь? — повторил Леша.

— Когда речь идет о миллионах, негодяи на обещания особенно щедрыми становятся. Убежден: побившись, месяц-другой и убедившись в нашем упорстве, начнут долю предлагать. Скажут: «Сколько там? Четыре миллиона?.. Так и быть, даем вам пятьсот тысяч. Люди вы молодые, не женатые. Зачем вам больше?» Посулят долю, затем вновь перейдут к экзекуции. Два-три таких сеанса надобно вытерпеть. А затем сделать вид, что сломились духом и телом, на все согласны, только отпустите души на покаяние!

— Ты забыл о Веке, — сказал Тимур. — Он что, по-твоему, будет сидеть сложа руки?

— Век Лев Львович вот что сделает, и в этом я глубоко убежден. Узнав об исчезновении богатств, он сразу же впадет в истерику, помчится к Хамдамову. Но по дороге опомнится, сообразив, что негодяй в генеральском чине спросит статского негодяя: «Помилуйте, Лев Львович, откуда у вас миллионы в денежных купюрах и драгоценностях?» Удовлетворительного объяснения найти невозможно. И потому Лев Львович, задыхаясь от бессильного бешенства и сердечно-сосудистой недостаточности, повернет назад, возвратится в свои хоромы. Там он выпьет водки. Все хорошо обдумает и решит: «Черт с ним, с этим грабителем! Отдам ему часть. Поговорим, поторгуемся... Главное — чтобы он преступников нашел!» А они — вот они, мы, значит!

— Чепуха все это! — возразил Леша. — Добровольно совать головы в пасть крокодилу — поступок, конечно, эффектный, но глупый. Вот что мне на ум пришло... Прежде всего составим документ в трех экземплярах, объясняющий мотивы, толкнувшие нас на изъятие драгоценностей у Льва Львовича Века. Корыстный мотив исключается. Мы ясно запишем: ценности изымаются с целью возвращения их государству и разоблачения мажорного хапуги и взяточника. Один экземпляр документа оставим себе и спрячем в надежном месте. Второй пусть отправит Тахир Максиму Максимовичу Энскому с просьбой: хранить конверт не распечатывая до тех пор, пока он не узнает, что бывшие его воспитанники оказались за решеткой или и вовсе исчезли...

Тимур вскочил со скамейки, в волнении прошелся взад-вперед, сказал:

— Вариант неплохой. Но надо еще додумать, дора-

ботать. Но, как говорится, лиха беда начало. Всю мафию можно выставить к позорному столбу, если... Если все хорошо продумать! А для этого нам надо, образно говоря, стать «преступниками» со всесоюзными именами. Главное — вырваться из заколдованного круга.

— Вот мы размечтались, — огорошил вдруг Леша. — А что ежели Век запрятал награбленное не дома, а в какой-нибудь пещере Али-Бабы? И превратимся мы в персонажей из анекдота: двое купили лотерейный билет и мечтают, как они выиграют «Жигули». Один говорит: «Я сяду за руль, ты сядешь рядом». Другой: «Нет, я сяду за руль, а ты рядом!» — «Я сяду!» — «Нет, я!»... Наконец первый «счастливчик» взорвался и заорал: «Сема, немедленно выйди из машины!»

Все трое долго молчали. Наконец заговорил Тахир.

— Не станем мы друг дружку выгонять из «Жигулей»... Это точно. Не хотел признаваться, но, видимо, придется. Идея ограбить Века принадлежит не мне. Кое-кто готовится Льва Львовича по-настоящему обчистить!

— Как?!

— Вот так новость!..

— Неподалеку от вас, в Вишневом тупике, живет в собственном доме зверообразный пенсионер. На вепря чем-то похож. Здоровущий. К нему еще одна стареющая фифа ходит. Вроде как приходящая жена.

— Так это же Шайтан! — воскликнул Леша. — На все руки мастер. Замки врезает и прочая.

— А фифа, — подхватил Тим, — экономка Века — так она объясняет свое частое посещение дома вдовца и при этом кокетливо добавляет: «Надо же подрабатывать! В нашей стране всякий труд почетен».

— Слушайте дальше. Третьего дня был я в гостях у товарища. Двадцать пять лет ему исполнилось. Ну, понятно, посидели, все такое... Разошлись в четвертом часу. Ночь тихая, звездная россыпь на темном небе сверкает, в мраморных облаках луна то спрячется, то опять выглянет... Красота!..

— Ты, Тахир, без лирики, — дрожащим от нетерпения голосом попросил Леша. — Дело говори.

— Я и говорю дело. Если бы не луна, я прямо домой отправился. А тут такая ночь! Мечты разыграли. Решил побродить по ночному городу. Сам не ведаю, как очутился возле Вишневого тупичка. Потянуло у воды посидеть, подумать о смысле жизни. Тупичок ведь к речке сбегает. Прохожу тихонько мимо дома этого

самого Шайтана. И надо же!.. Окно, решеткой забранное, открыто и слышу: «Мне придушить тебя, Нинонка, что сморкнуться — всего и делов!»... Остановился я, поскольку дело тут, видимо, не шуточное, душить кого-то хотят. Разговор полностью передавать не стану. Но суть такова.

— Кто эта Нинонка? — поинтересовался Леша.

— Да его мадам-размадам, Юнона Потаповна, экономка Века. Шайтан ее Нинонкой называет. Букву «ю» в ее имени он почему-то не может произнести. И уговаривает Шайтан Юнону Потаповну доставить ему на обозрение ключи от дома Века. А она противится, Льва Львовича опасается. Но еще пуще страшится своего Шайтана. Он ведь и в самом деле придушить может.

— Иона Силыч его звать, — почему-то уточнил Тим.

— Разговаривали они в темноте, лежа в кроватях, как я полагаю, потому что пружины изредка поскрипывали. Могутный пенсионер все-таки ее уговорил. Золотые горы сулил, что-то про цветник в вековском саду толковал, хихикал и вообще... Короче говоря, Век отправляется в командировку в ближайшее воскресенье, а Шайтан решил тихой ночью, как он выразился, «пошшупать цветничок и все такое у ефтова миллионщика». И добавил: «Замостырю все, как положено, и ляжем мы с тобой, Нинонка, на дно, под корягу, как налимы. Отлежимся, да и нарежем в дальний путь, в далекие края».

— Черт с ними! — вскричал Леша. — Время... Когда брать хату Шайтан намерен?

— Понятно, не днем. Поздним вечером Юнона Потаповна пофлиртует с новыми охранниками Льва Львовича. Двое здоровущих парней. Они и трезвые-то на нее глаза пялят. А она их обнадежит, подпойт коньяком с «малинкой». Только жеребцы воспылают неземными чувствами — «малинка» их как косой подсечет. До утра будут видеть сладкие сны с участием Юноны Потаповны!

— У Века наверняка всюду сигнализация.

— Конечно. Но если Шайтан решил пойти «на дело», значит, у него все предусмотрено.

— Выходит, нас опередили, — разочарованно протянул Леша. — Но я даже доволен. То-то шуму в городе будет!

— Сегодня пятница, — возразил Тахир. — Можно опередить...

— Стойте, братья-«афганцы»! — вскричал Тимур,

с размаха хлопая себя по лбу ладонью. — Эврика!.. Нашел!.. Наше-е-о-л!.. Гениальный план... Вот послушайте...

Трое «заговорщиков», нервно топтавшиеся возле аэлантуса, вновь сели на скамеечку, и Тимур изложил им свой план.

— Здорово! — резюмировал Тахир.

— Итак, план утверждается, — воскликнул Леша.— Кто «за», прошу поднять руки... Единогласно!.. Хм... А как закодируем операцию?

Несколько минут все трое молчали, подыскивая подходящее название. И Тимур, и Леша думали об одном и том же, но не решились произнести вслух дорогое имя. Выручил Тахир. Парень все понимал. Он сказал:

— Давайте назовем просто: «Операция «Нина».

От повествователя.

Перечитал главу «Операция «Нина»» и подумал: молодые читатели, пожалуй, не станут подвергать сомнению отчаянное предприятие моих положительнейших героев. А люди в годах, вышедшие на финишную прямую жизни, всякого повидавшие, — они наверняка усомнятся в правдивости описываемых событий. У умудренного жизнью читателя обязательно возникнут вопросы вроде: «К чему эта самодеятельность? Для борьбы с преступностью имеются органы правосудия, милиция, прокуратура. Можно было бы, наконец, обратиться в Москву. А так герои романа сами запросто сядут на скамью подсудимых. Глупые мальчишки, и если их сурово накажут, то так им и надо!»

Нечего мне возразить. Доводы убедительные, логика железная. В житейском смысле все правильно. Однако в рассуждениях, умудренных жизнью, не приняты во внимание молодость моих героев, их юношеская ненависть к несправедливости во всех ее проявлениях, наконец, их недавнее боевое прошлое. Там, в горах Афганистана, они жили по законам братства: «В мешках патроны звякают и фляга на двоих», «Сам погибай, а товарища выручай!» — было их жизненным кредо, исповеданием веры. Там было всего поровну: и хлеба горбушка, и радости, и печали, и раны. Кому-то везло, кому-то очень не везло, смертельно не везло. Но мои юные герои понимали: на войне, как на войне, ни комбат, ни кто-то повыше не сможет снять телефонную трубку и «организовать» своему фавориту в горных рей-

дах легкую жизнь. Попадались отдельные ловкачи. Однако они долго не задерживались — ветераны с позором изгоняли их из боевой семьи, скрепленной общей болью ран, безвозвратными потерями и восторгом побед. Слухи об отдельных жуликах-интендантах обсуждались, как известия с другой планеты, ибо с ними воннам не приходилось встречаться лично.

А в Байрамкенте воровство, взяточничество, произвол и незаконные были зримы, реальны и почти что не замаскированы. Юные мои герои воспринимали все это как тягчайшее оскорбление, глумление над ними, над их тяжкими ратными трудами. Тимура и Алексея мучила обжигающая огнем мысль: «Неужели Нина погибла за то, чтобы паразит Век, другие твари глумились над идеалами, ради которых только и стоит жить? Сколько можно терпеть святотатство!»

Мои герои честны и молоды, их импульсивность, обостренная контузией, требовала немедленного действия, радикальных решений. И если все же мои объяснения не удовлетворят «бывалых», я сошлюсь на авторитетнейшее мнение великого Герцена, который утверждал: «Юность и отважна и полна героизма, а в годах человек осторожен и редко увлекается».

Есть в моем романе еще одна «Ахиллесова пята»: автор, немолодой уже человек, возлагает чрезмерные надежды на молодежь. На это мне указывали умудренные опытом литературные люди, читавшие роман еще в рукописи: «А знаете ли, как-то странно. Мы не против молодежи. Мы — «за». Но все же... В свое время иуда Троцкий тоже заигрывал с молодежью!.. Как бы чего не вышло».

На это я, посмеиваясь, отвечал, что до иуды Льва Троцкого мне дела нет, что я более сорока лет в партии, в оппозициях не состоял, а если когда и колебался, то вместе со всеми.

И потому во всеуслышание заявляю: я возлагаю надежды на молодежь потому, что она м о л о д а, не пережила времен массового террора, порожденного культом личности, знает лишь понаслышке о послевоенных репрессиях и о других черных страницах нашей истории. Даже во времена расцвета так называемого «Застойного периода» молодое поколение двадцатилетних-тридцатилетних, в отличие от многих «бывалых», смело боролось за правду и справедливость, — пусть далеко не всегда успешно и «левацкими» способами, вплоть до

мордобоя! Я люблю молодежь потому, что ей принадлежит будущее, что ей суждено сделать, свершить то, чего не успели их отцы.

А сейчас — продолжу повествование, которое, надо полагать, ко всеобщему удовольствию приближается к финалу.

ДВОЙНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ

Воскресенье, 25 сентября 1983 года, выдалось великолепное во всех отношениях. Нежная голубизна неба рождала в душах властителей Байрамкента воспоминания об их отроческой невинности. Весомые, золотые солнечные лучи льстиво напоминали им о накопленных сокровищах, а недалекие горные гряды, четко вырисовывающиеся на фоне райских небес, как две капли воды походили на «Сияющие вершины», к которым «отцы города» призывали остальных жителей шагать смелой поступью.

Жизнь в Байрамкенте кипела ключом и по-прежнему была насыщена пикантными событиями. Областной прокурор Ширинходжаев выдал свою дочку Қамилу за сына мастера «Автосервиса» Робку Шакалиса. «Высший свет» Байрамкента вот уже третий месяц обсуждал этот вызывающий мезальянс! Шокирующий добропорядочных байрамкентцев брачный союз сравнивали с возмутительным поступком негодницы Жаклин, вдовы убитого президента Соединенных Штатов Джона Кеннеди, вдруг скоропалительно выскочившей замуж за какого-то сверхбогатого, старого и противного на вид грека с гнусным именем Онасис.

Эта параллель породила новые слухи. Говорили, будто Шакалис-старший, хотя и простой мастеровой, тем не менее он чуть ли не самый богатый «туз» в городе, поскольку гребет бешеные деньги, не только ремонтируя частные «Жигули» и «Москвичи», — он скупает краденые автомашины, раскурочивает их на запчасти, которые и сбывает с бешеной наценкой. Кроме того, Шакалис-старший тайно торгует анашой, спекулирует золотом и бриллиантами. Называлась даже точная цифра его тайного капитала — три миллиона!

От себя добавлю: слухи эти были не беспочвенны. А экстравагантный поступок облпрокурора, как выяснилось позже, был вызван тем, что «блюстителю законо-

сти» вдруг стало тягостно исполнять свои многотрудные обязанности. Проще говоря, он однажды проснулся весь в поту, потрясенный вещим сном, и прямо в постели дал себе клятву: «Все! Пора завязывать!.. На персональную пенсию пора. На пенсию республиканского значения!»

За завтраком он все хорошо обдумал. И по зрелому размышлению получалось: пока не поздно, нужно подать в отставку, возраст уже пенсионный. Всех денег не заработаешь. Однако уйти следует с умом, схватив напоследок жирный кусок, а главное — совершенно безопасный с точки зрения законности.

Ширинходжаев давно держал под прицелом Альберта Шакалеса. И вот однажды облпрокурор вызвал мастера «Автосервиса» к себе в кабинет и показал ему кое-какие таинственные бумаги. Ознакомившись с ними, делегата изменился в лице. Прокурор угостил впавшего в протрацию гостя двумя шариками импортного нитроглицерина, привел в относительно рабочее состояние. После чего состоялся примерно такой разговор:

— Сколько? — пролепетал Шакалис.

— Обижаете, гражданин! — отвечал прокурор и сделал свирепое лицо. — За кого вы меня принимаете?! Значит, по-вашему, я беру взятки?

— Прошу извинить, — заюлил Шакалис, — не совсем точно выразился. Я хотел спросить, сколько мне грозит?

— А это все зависит от тебя, дорогой, — ошеломил собеседника Ширинходжаев, переходя на «ты». — Как в русских деревнях говорят?.. «У меня товар, у тебя купец»... Уловил?

Совершенно сбитый с толку Шакалис глупо моргал глазами.

— Не понял? Поясню популярно. Я тебя осчастливорю — выдам замуж за твоего балбеса Роберта свою любимицу, младшую дочку Камилу.

— Йе!.. — вырвалось у Альберта. Ширинходжаев был известен в городе и во всем Якшичулье не только как беспардонный взяточник, но и как дремучий националист. И вдруг такое предложение!

Насладившись произведенным эффектом, «законник» пояснил:

— Я, как тебе хорошо известно, к взяткам питаю отвращение. Но ведь я человек и, следовательно, ничто человеческое мне не чуждо. Мой покойный родитель за-

вещал свято блюсти древние законы старины. А по нашему закону жениху следует платить за невесту калым.

— Калым! — эхом отозвался Шакалис. Намечалось нечто вроде торговли и он воспрянул духом. — А по нашему закону невеста должна принести с собой приданое.

— Вот оно — приданое, — улыбаясь, молвил Ширинходжаев и поднял над собой, как хоругвь, папку с таинственными документами. — Это приданое бесценно, не так ли?

Альберт Шакалис поник лысеющей головой. Но тут же встрепенулся. Темпераментно воскликнул:

— Но ведь мы не спросили наших детей, хотят ли они?..

Прокурор уставил свои ледяные зменные глаза на Шакалиса и вдруг оглушительно расхохотался.

— Да ты, я вижу, совсем о себе возомнил, блудливый сват, а?.. Ха-ха!.. Камилу — за твоего балбеса!.. Ой, не могу!.. Ха-ха-ха!.. Брак будет фиктивный. Пони-маешь?.. Фи-кти-вный!

— Но зачем?

— А уж это не твоего ума дело. Устроим свадебный той. «Молодые» тут же покинут наш город, вроде как отправятся в свадебное путешествие, а на самом деле твой балбес полетит в Юрмалу, а моя дорогая Камилочка — в Москву, проветрится. Через год оформим развод. Причина?.. Не сошлись характерами. К тому же всем известно, что твой балбес подает больше надежды по части выпивки.

— Но зачем... Зачем все это?! — с надрывом вскричал деляга.

— А затем, — усмехнулся мучитель, — что я желаю получить калым. Предков надо уважать.

— Сколько? — прошептал Шакалис, обмирая от дурного предчувствия.

— Натурой — дача-вилла в Юрмале, на берегу чудного Рижского залива. Ты о ней никому ни звука, а я вот знаю. Вилла рядом с владением нашего мясного дельца Жабьева. Для того я и велю тебе отправить балбеса Робку в Юрмалу, чтобы оформил дачу на имя своей жены. Ты ведь подарил дачу своему балбесу, не так ли?

— Все? — еле выдавил из себя Шакалис, испытывая головокружение.

— Какой быстрый.. — на худом, с впалыми щеками,

лице «законника» появилось выражение торжества. — А о деньгах, о презренном желтом металле ты забыл, а?

— Сколько? — не проговорил — прошелестел Шакалис, чувствуя, что еще немного и он грохнется в обморок.

— Сколько?.. А как в песне: «Тебе половина — и мне половина»..

Шакалис медленно сполз со стула.

Негодяй-«законник» привел в чувство негодяя-дельца, усадил на стул, и торг продолжался. Главным аргументом фигурировали таинственные документы, заключенные в обыкновенную канцелярскую папку ценой двадцать две копейки. Что оставалось делать Шакалису? Только капитулировать. И утешать себя мыслью о том, что «липовый» сват лишь ополовинил его богатства.

Когда Шакалис, наконец, покинул кабинет на подкашивающихся ногах, «законник» довольно потер ладони, радуясь блестяще проведенной «операции», и замурлыкал песенку «Как прекрасен этот мир!..»

Все идет по плану. Теперь можно начать жизнь заново. Через полгода, год — на пенсию. В пенсии есть своя прелесть. Время врачует не только самые тяжкие раны, — оно также обладает свойством запутывать следы различных тайных поступков, подпадающих под ту или иную статью Уголовного кодекса, устранять свидетелей и, наконец, по истечении десяти лет, — надежно оберегать даже самого грешного грешника от скамьи подсудимых.

И с Камилочкой-паршивкой проблема решена. Поехала, дрянь такая, учиться на врача — и на тебе!.. Абортированная девица!.. Нынче, правда, молодые на это дело просто смотрят, однако у будущего ее мужа есть родители, страдающие предрассудками. Глупые формалисты. Если девица окажется не девицей, они великий джанджал поднимут.... Скандал! Как так?! Обманули! А ежели эта же девица замужем была, то ничего. Так и полагается. Вот и пришлось прищучить этого разбойника Шакалиса. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

Следовало зарвавшегося делягу просто так взять за жабры, на законном основании. Но этот недотепа с перепугу может наломать дров, втянуть в свое «дело» многих достойных людей. А так все отлично вышло: и волки сыты, и овцы целы!.. Ха-ха-ха.

Хотя городской «бомонд» и был шокирован мезальянсом, на свадьбе присутствовали все «сливки общества». Преподносились роскошные подарки, произносились византийские витиеватые речи и пышные здравицы. Коньяки и шампанское лились рекой. Лев Львович Век поднял блистательный тост об интернационализме, получившем свое воплощение в соединении двух молодых любящих сердец разных национальностей. В подтверждение сказанному бит-группа «Марсианчи» грянула «Лязги», а гости ударились в пляс, причем каждый плясал, как мог: кто терзал партнершу в головокружительном рок-н-ролле, кто «бацал» фрейлехс, кто пытался лихо отделывать «трепака» и пройтись вприсядку... И, наконец, сам жених показал класс — повалился на пол и долго корячился, как майский жук, опрокинутый на спину, шевеля руками и ногами, — демонстрировал последний крик моды, спортивный танец «Брёйк».

На фоне грандиозной свадьбы как-то незаметно прошмыгнула другая сенсация; Лариса Парфеньевна Пенькова бежала со Сципионом Авария. Почтенная матрона, видимо, и впрямь страдающая «шлюхоманкой», не устояла перед поразительной волосатостью подпольного торговца бриллиантами и его гигантским римским носом, на котором также произрастали шелковистые волосики. Возможно, эта романтическая история не произвела большого впечатления потому, что она опять-таки связывалась с «Автосервисом», директором которого являлся брошенный муж, Виталий Глебович Пеньков.

Зато много разговоров было из-за скоропалительного отъезда в далекие края с чадами и домочадцами Наполеона Гамлетовича Бурьяна. Директор треста столовых и ресторанов, не поскупившись, сумел доказать, что он по национальности помесь француза с корсиканцем еврейского происхождения, и опять-таки не поскупившись, быстро получил разрешение на выезд за рубеж. Вскоре было получено известие о том, что Бурьян выбрал своей прародиной не Париж, не корсиканский город Бастию, а «современный Вавилон» — Нью-Йорк, и не без успеха подвизается в качестве «одесского куплетиста» в псевдо-русском ресторанчике, — выходит на эстрадку в красной рубашке-косоворотке, посконных штанах, синтетических лаптях, с огромной привязной бородеицей и под саратовскую гармошку со звоночками исполняет «одесские» куплеты, вызывающие бешеный вос-

торг загулявших янки. Особенно неистовствуют они, когда артист поет осипшим «рыбацким» тенорком:

Однажды, братцы, я поймал русалку.
Была весенняя любовная пора!
Крючок я бросил, бросил леску, «бросил палку»...
И в результате я поймал лишь «три пера»!

И рефрен:

Эх, хвост-чешуя —
Не поймал я ничего!

«Русский» ресторанчик шатался от громового хохота. Все эти сведения не подлежали сомнению, ибо Наполеон Гамлетович прислал письмо мадам Незамужник, с которой долгое время находился в интеллектуальной и иной связи. В частности, он объяснил, почему вынужден петь куплеты. Дело в том, что, собираясь на свою прародину, Бурьян превратил все ценности в пригоршню бриллиантов. Перед таможенным досмотром он заперся в кабинке аэропортной уборной, и эти бриллианты — семьдесят четыре штуки! — проглотил один за другим, запивая каждый глотком напитка «Буратино». Бриллианты были большие, в пять и более карат. Пришлось потрудиться. И как оказалось, — зря. Когда драгоценности очутились на благословенном Западе, они почему-то не пожелали выйти на свободу. Начались острые желудочные колики. Опытный хирург, доктор Лодж, ужаснулся, пригрозил смертью и посоветовал немедленно лечь на операционный стол. Страдалец вынужден был согласиться на хирургическое вмешательство. Он раскрыл врачу тайну колик и обещал расплатиться за труды двухкаратовиком, вывезенным на безымянном пальце.

Доктор Лодж восхитился, вскричал «О'кэй!» и мгновенно согласился произвести хирургическое изъятие клада из желудка.

Когда же Наполеон Гамлетович очнулся после наркоза, каналья хирург сообщил, что все бриллианты исчезли: они, видите ли, либо были растворены желудочным соком, либо их владелец по рассеянности не заметил, как выделил ценности.

Печальное письмо свое бессовестно обманутый Бурьян заключал такими словами:

«Вот они — гримасы хваленного капиталистического

«рая»! Но не думайте, дорогая Христина Умбертовна, что Ваш поклонник, Наполеон, по-глупому клюнул на посулы империалистической пропаганды. Нет! Я всегда был против тлетворного, пышно разлагающегося Запада. Однако у меня не имелось другого выхода. И сейчас я могу свободно поделиться с Вами причинами, побудившими меня искать убежища на чужбине.

Дело в том, что аккуратно на святки, когда бывают разные чудеса, мне явилось видение! Не во сне, нет! наяву. Я сидел себе в конторе, подсчитывал, прикидывал, — как вдруг открылась дверь и входит... Кто бы Вы подумали?!. Входит мой покойный папа, расстрелянный еще в сорок четвертом году по Закону от седьмого августа тридцать второго года! (Было очень шумное дело с трикотажем!). Так вот, является папа, и не в партикулярном платье, а в форме, строгой прокурорской форме, с петлицами Государственного советника юстиции какого-то ранга и, — представьте себе! — в наручниках!

Папа, конечно, является не настоящий, он даже не идет, а медленно плывет по воздуху, зависает надо мной как вертолет и говорит:

— Сын мой, неужели ты забыл, что за «крупные размеры» дают «вышку»? Неужели мой горький опыт тебя ничему не научил? Или ты надеешься, что, в случае чего, тебе дадут пятнадцать лет? Ну и что?! Запомни, неразумный сын, слова мудрые: даже если тебе дадут пятнадцать лет, — это вовсе не означает, что тебе гарантируют пятнадцать лет легкой и приятной жизни. Тебе уже пятьдесят шесть. Вырубив добрую старую Англию тайги, ты вряд ли сможешь стать другим человеком, и тем более, — начать жизнь сначала. Гораздо больше шансов помереть до истечения срока. И то, что ты будешь находиться в объятиях вечной мерзлоты веки-вечные, целенький и свеженький, как огурчик, — это слабое утешение. И потому приказываю: завязывай со всеми своими делами-делишками и убегай в далекие края, в капиталистические джунгли, где человек человеку — волк! Выполняй, а иначе прокляну!

Помолчав, пропел (и это меня особенно испугало!):

— Следи-и-ить буду строго! Мне сверху видно все — ты так и знай!

Меня испугало то, что он знает эту песню из кинофильма «Воздушный тихоход», хотя папашу моего расстреляли задолго до выхода этой картины на экраны.

Значит, родитель действительно не зря обеспокоен моей судьбой. Он кое-что предвидит!

И тут мой незабвенный папа, прежде чем растаять в воздухе, — как кувалдой по голове ударил:

— Запомни: грядет Великий пост, близится! Поэтому оставь немедленно свой Великий пост директора треста столовых и ресторанов и спасай свою душу. Благословляю тебя «и в дальний путь, на долгие года!» Иначе будет великий плач и скрежет зубов!

Долго сидел я в своем кабинете, потрясенный видением. И я понял: папа произнес вещие слова. Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит!.. А о каком покое можно говорить, даже если я оставлю свое директорское кресло? Не я — кто-нибудь другой попадетя. Потянется ниточка! Да!.. О самом главном забыл написать!.. Папа еще сказал на прощание:

— Ремембр!.. Помни! Он не вечен. Он не вечен!

Увидев в моих глазах немой вопрос, пояснил:

— Узлары не вѣчен.

От этих слов я впал в столбняк. А ведь и в самом деле, — не вечен! Мой папа зря слов на ветер не бросает... То есть, я хотел написать, не бросал!

Вот тогда-то я и решился на отчаянный шаг.

На этом заканчиваю. Пришел гармонист-виртуоз Изя Шопен. Надо разучить с ним ядовитые куплеты, критикующие Нью-Йорк. Здесь полная свобода слова! Куплеты отчаянно ехидные. Одним четверостишием могу даже похвастать: «Здесь не отыщете общественных уборных, — что их воздвигнули — то это жалкий треп! Так повелось: в Нью-Йорке стало не зазорно стоять и писать, — словно пес! — на небоскреб!» И припев: «Эх, яблочко, куды ж ты котишься? К черту в зубы попадешь — не воротишься!»

Как видите, у меня в общем и целом все вери гуд и о'кэй! В свободное от куплетов время я учусь на астролога. Получу диплом и начну предсказывать клиентам по звездам их будущую жизнь. Но стать астрологом не так-то легко. Надо выучить зулусский язык — банту называется. Потому как моя сложная национальность здесь не котируется. А зулус-предсказатель — это то, что надо.

Однако гармонист-виртуоз Шопен уже нервничает. Поэтому закругляюсь.

Гуд бай, крошка —
С дружеской любовью

Нап».

Как ни трудно заметить, сенсаций в Байрамкенте хватало.

Однако то, что произошло в ночь с воскресенья на понедельник, то есть с двадцать пятого на двадцать шестое сентября 1983 года, поразило воображение даже самых хладнокровных и уверенных в себе «сильных мира сего», — убывшего в служебную командировку Льва Львовича Века, — самого Шербека! — обокрали!

Преступление было совершено столь искусно, что раззявы-охранники ничего не заметили, и факт ограбления был обнаружен лишь самим возвратившимся, из командировки Львом Львовичем. Да и то не сразу обнаружил. В доме все находилось на своих местах. Старинный секретер был в целости и сохранности. И заветная клумба, радующая глаз томными осенними цветами, — вроде в полном порядке. Но вот прошел осенний ливень — и сердце Века сжалось в предчувствии страшной беды: клумба осела! Совсем немножко, но деформировалась; в самом ее центре образовался легкий провал.

Лев Львович покрылся липким и вонючим потом. Стал лихорадочно соображать: «Неужели?!.. Нет, этого не может быть!..»

Он гнал от себя страшную мысль, однако она не отставала, как назойливый пьяница-попрошайка: «Тебя ограбили!.. Ограбили!!..»

И тогда с наступлением сумерек Век занялся земляными работами. Копать было тяжело — сказывался возраст, пошаливало сердце, нервы ходили ходуном. Но Век, пересиливая усталость и боли в подбрюшье, упорно продолжал раскопки.

...Он вырыл яму глубиной более двух метров и теперь с тупым упрямством продолжал копать, хотя ему было уже ясно, что дальнейшие землеройные труды бессмысленны.

Наконец, обессилев, в изнеможении опустил на дно ямы, как в собственноручную могилу, вскинул помертвелое лицо к темному небу. Из дальних далей ему весело подмигивали крупные звезды.

Век, по-стариковски корячась, кое-как поднялся на подкашивающихся ногах и заплакал, — громко, навзрыд,

как ребенок. Впервые в жизни ему захотелось умереть, тут же, мгновенно. Перед умственным оком почему-то возник сардонически улыбающийся старик Гроднич... И тут же явился школьный недруг, Витька Климович. Он тоже улыбался... А это еще кто?! О, господи!.. Висит в петле! Язык вывалил, лицо посинелое, страшное!.. Кто ты?! А, вспомнил, — завхлопкопунктом Иргаш Иногамов!.. Что тебе надо?..

Все новые и новые видения являлись в помутненном мозгу Льва Львовича Века. Однако они его уже не пугали. Они озлобляли. Он захрипел от душившей его ярости, зарычал и сделал попытку выбраться из ямы-могилы. Но яму он вырыл глубокую и потому смог лишь ухватиться за ее край. Стариковские руки не выдержали груза тела, сорвались. Век еще раз попытался выбраться, и опять неудача!..

Его охватил звериный ужас: все живое исчезло в этом мире! Он один, и никому до него нет дела! Кричать бесполезно — соседи далеко. Даже проклятые охранники не услышат.

Лев Львович почувствовал, что сходит с ума. Тут же приказал себе: «Стоп! Остановись. Еще этого не хватало!.. Для того ли ты хитрил, подличал, интриговал, сживал людей со света... Для того ли копил, обогащался... Чтобы свихнуться и сдохнуть в паршивой яме?!»

Век не испытывал чувства вины перед своими жертвами, хотя они и возникали перед его мысленным взором жуткими видениями. Напротив, их вид возбуждал в нем неистовую ярость: «Они торжествуют, радуются моему несчастью!.. Нет, я еще поборюсь!..»

Пыхтя и отдуваясь, поскуливая от нетерпения, Век принялся подрывать яму сбоку, на манер мусульманской могилы. Выкопанную землю складывал в кучу и утрамбовывал. Наконец ему удалось сделать нечто вроде земляной тумбы. Лев Львович взгромоздился на нее, и ему теперь удалось выбраться из страшной ямы. Долго лежал на развороченной земле, перемешанной с цветами. Не в силах встать, пополз к дому. Вскарabкался на любимое кресло. Долго переводил дух. Взгляд его упал на секретер. Хоть что-то уцелело, с тоской подумал он, и тут же подскочил, словно подброшенный невидимой катапультой. Ринулся к секретеру. Нашупал трепещущими пальцами секретную кнопку. Послышались нежные, томные звуки старинного гавота. Крышка секретера откинулась. Век рванул один ящичек, другой, третий... Все

изящные, отделанные бронзой и перламутром ящички были пусты!

Лев Львович стоял, покачиваясь, с вытаращенными безумными глазами. Страшный крик рвался из его горла, но где-то застревал, и вместо вопля изо рта с бульканьем вытекало что-то похожее на змеиное шипение: «Шшшшш... бль-бль... шшшш». Затем наступило удушье, и он, потеряв сознание, рухнул на ковер.

...Очнулся Лев Львович глубокой ночью. Звенящая тишина окружала его. С трудом поднялся, добрал до старинного буфета, налил полный стакан водки. Выпил не закусывая. Отхлебнул боржоми. Алкоголь мягким ударом затуманил голову и тут же прояснил мысли, смягчил терзающую душу нестерпимую боль.

Что делать?.. Промолчать — дико. Позвонить грабителю Хамдамову, чтобы он спустил своих ищеек?.. Так вот ненасытный хищник оберет меня как липку!..

Несколько раз он протягивал к телефонной трубке руку — и всякий раз отдергивал ее, как от ядовитой змеи.

Рациональный ум Века все же взял верх над дикими эмоциями. Глубоко вздохнув, он снял трубку и набрал домашний номер Хамдамова. Телефон начальника ОУВД долго не отвечал. В предрассветную пору сон особенно крепок. Наконец в телефонной трубке раздалось недовольное:

— Хр... Хрм... Какого черта!..

— Это я, Век, — произнес Лев Львович чужим деревянным голосом. — Срочно приезжай ко мне домой. Произошло нечто страшное!..

— А?.. Что?! — Хамдамов, видимо, все еще толком не проснулся. — Ничего не пойму. Ты что, нализался, что ли, до чертиков?

Век и Хамдамов были, так сказать, друзьями и единомышленниками, поскольку их связывали общие дела и интересы, коммерческий альянс. Они зависели друг от друга. Связала их судьба одной веревочкой.

— Приезжай скорей! На месте все узнаешь! Дома никому ни звука. Ты понял?!

Вскоре милицейская «Волга» с мигалкой подкатила к дому Льва Львовича. Обалдуй охранник, мирно дремавший в прихожей, заглянув в «глазок», увидел высокое начальство, ахнул и отомкнул двери парадного входа. Сперва окаменел по-военному в стойке «Смирно!», но тут же стремительно согнулся в поясном поклоне,

оживав руки к животу и груди, словно его под дых уда-
лили. Зашелестел в бесконечных приветствиях.

— Булды!.. Хватит! — оборвал его генерал. — Что
тут произошло? Ну!..

— Йе! — удивился охранник. — Хамма джуда якши.
озяин дома...

Хамдамов гневно махнул рукой и стремительно про-
ел в дом. Заметив свет в столовой, направился туда
о словами:

— Ну что тут у тебя, Шербек?..

И остановился в дверях, как вкопанный. Он не уз-
нал своего компаньона и приятеля: в кресле сидел глу-
бокий старик, лишь отдаленно напоминающий того, ко-
го звали Веком. Рыжеватые, с сединой, реденькие воло-
сы на голове растрепались, взгляд остекленел, нос за-
острился, лицо покрылось покойницей бледностью. Хам-
дамов в первый момент даже подумал, что Шербек умер.

Но вот «покойник» встрепенулся, попытался встать,
однако ничего из этого не вышло. В бессильной ярос-
ги Век прикусил губу, — к подбородку скользнула
струйка крови.

Хамдамов понял, наконец, что произошло действи-
тельно нечто страшное, к генеральскому сердцу подка-
тила обжигающая ледышка. Он побледнел, уцепился
за спинку другого кресла. Прошептал:

— Говори!.. Ну же...

Не стану пересказывать в подробностях путаную,
сбивчивую речь Льва Львовича. Прошло немало време-
ни, прежде чем он хоть как-то пришел в себя и поведал
дружку о постигшем его несчастье.

Уразумев в чем дело, Хамдамов воспрянул духом.
Более того, Ахмаджан внутренне порадовался постиг-
шему дружка несчастью. Существа из породы хамдамо-
вых не очень счастливы, когда только им хорошо;
полное счастье — когда им хорошо, а другим пло-
хо. К тому же новоиспеченный милицейский генерал тут
же сообразил: «Кажется, будет чем славно пожить!»

Выслушав Льва Львовича, Хамдамов долго с глу-
бокомысленным видом рассматривал на потолке ган-
чевые украшения и шевелил толстыми губами. Лев
Львович не выдержал игры на нервах. Отрывисто
бросил:

— Ладно цену набивать. Сколько?

Не отрывая взгляда от потолка, Ахмаджан ответил:

— Фифти-фифти.

— Побойся аллаха, Ахмаджан! — ахнул Век. — Ведь это грабеж!..

— Во-первых, аллаха нет и нечего на него уповать. А во-вторых, — грабеж, Шербекджан, увы, уже состоялся. Ты жалеешь половины украденного, а того не понимаешь, какие трудности мне предстоит преодолеть. Черт его знает, когда тебя грабанули? И учти: розыск преступников надо будет вести силами исключительно надежных и проверенных моих сотрудников. Не дай бог, если цифра похищенного перестанет быть тайной! Надеюсь, ты это понимаешь?

— Понимаю, — уныло проямлил Лев Львович.

— А что надо сделать, чтобы мои розыскники хранили твою тайну как зеницу ока?.. Очень просто: их надобно в этом заинтересовать. Из той половины, которую я у тебя требую, ровно половину я отдам моим ребяташкам. Недаром старинная мудрость гласит: «Молчание — золото». Итак, если ты согласен, я спускаю с цепи уголовный розыск... Решай.

Века бросало то в жар, то в холод, ему нестерпимо хотелось задушить друга-врага. Однако он все же сумел подавить в себе звериные инстинкты. Помолчав, произнес осиплым голосом:

— Согласен.

* * *

От повествователя.

Поскольку обстоятельства ограбления задушевно ненавидимого мною антигероя, Л. Л. Века, станут достоянием романной общественности много позже, я счел за благо не играть на нервах читателей, не испытывать их терпения и решил прямо сейчас рассказать, как все произошло.

Лев-Шербек уехал в командировку в шестом часу вечера, в воскресенье, двадцать пятого сентября. Он все рассчитал. Примерно в половине седьмого он будет в «Рассвете», там отдохнет в одной из резиденций. Денек-другой покайфует, попарится в сауне, а затем отправится в инспекционную поездку по своей вотчине.

Он с годами привык к своей ветреной подруге, Юноне Потаповне. Если раньше змеиное жало ревности изредка все же впивалось в его сердце, и он устраивал сцены темпераментной блондинке (оказавшейся, как все же выяснилось, крашеной брюнеткой), грозился упечь

«дылду» — отставного баскетболиста — за тунеядство в каталажку, то с исчезновением соперника обрел душевное успокоение. К тому же и годы сказывались, как я уже отмечал. Во всяком случае появление Ионы Силыча Шайтана Лев Львович расценил как печальную необходимость. Пассия его еще сравнительно молода, ее можно понять. Да и что может ей дать в интеллектуальном отношении звероподобный пенсионер? Надо же как-то одинокой женщине пристроиться в жизни. Это даже пикантно на старости лет превратиться в любовника своей бывшей любовницы. Юнона говорит, что у этого, похожего на гориллу, субъекта с дурацкой фамилией самые серьезные намерения.

Пусть себе. А ему, Веку, искать новую экономку поздно, да и рискованно. Эта уже сколько лет — и никаких ЧП! Лишь однажды не удержалась, вытащила из кармана пиджака пятьсот рублей. Но на это у нее были основания. Дылда уж очень просил.

Все же факт кражи огорчил Льва Львовича, и с того дня он не оставлял экономку в доме одну. Полностью доверялся новым охранникам, сыновьям вышедших в отставку Хасана и Хусана, — здоровенным молодым парням, преданным ему, как пудели. Ключей же от дома даже им не доверял. В особняке всюду были сигнализация, секретные запоры и даже ловушки. Например, на секретере в качестве приманки стояла едва начатая бутылка «Посольской». Какой домушник не соблазнится? Однако стоило лишь прикоснуться к бутылке, как в милицейском отделе раздавался сигнал тревоги.

Короче говоря, все предусмотрел Лев-Шербек. Кроме одного: на его ценности и деньги «положил глаз» Иона Шайтан. Роковую роль сыграла и Юнона Потаповна, оскорбленная до глубины души нежеланием Льва Львовича связать с ней судьбу узами Гименя. С чисто женским коварством она измыслила план проникновения во владения Века со стороны пляжика. Во дворе, правда, обитал огромный волкодав. По странному совпадению Век дал своему страшилищу кличку — Шайтан. Пес был свиреп, но привык к Юноне Потаповне. Так что резвая дамочка находилась в дружеских отношениях сразу с двумя Шайтанами.

Лев Львович, как я уже сообщил, не оставил своей пассии ключей от дома. Этот поступок окончательно ожесточил ее сердце. Как известно, от любви до нена-

висти — один шаг. И этот роковой для Льва Львовича шаг был Юноной Потаповной сделан.

...Около десяти часов вечера в дом Века пришла «экономка» и спросила дежурного охранника, не оставил ли Лев Львович ей ключей от дома. Детина, дежуривший в прихожей, при виде аппетитной «хозяйки» облизнулся и отвечал, что ключей хозяин не оставлял.

— Ох, эта его рассеянность! — огорчилась Юнона и кокетливо стрельнула глазами в сторону детины, напомнимшем ей своими габаритами беглого баскетболиста-дылду. — А я еще старалась, купила Льву Львовичу две бутылки водки. Куда мне их теперь девать, ума не приложу? Я ведь водки не пью. Разве что вам подарок сделать?

Глаза у детины загорелись. «Хозяйка», кажется, сама непрочь пошалить в отсутствие хозяина. Этого и следовало ожидать! Шербеку-ака под шестьдесят, а Нонаханум еще ничего себе, этакий персик!.. Ишь как глазами стреляет. Ахмакка... Дураку и то понятно.

— Ну так я оставлю вам? Это не простая водочка, — на экспорт. Видите? — продолжала она, вынув из сумки две невиданные бутылки, украшенные вытесненными на стекле золотыми медалями. — Пусть Льву Львовичу будет хуже, коли он такой невнимательный к женщине. Когда вы сменяетесь?

— В полночь, прекрасная ханум! — отвечал детина осипшим от нахлынувших надежд голосом.

— Прекрасно. Однако зачем ждать целых два часа? Позовите своего друга-сменщика. Посидим втроем часика два, а затем вы меня проводите.

Детина, пылая от нетерпения, тут же вызвал по портативной рации сменщика. На зов сына Хасана сын Хусана явился буквально через две минуты (благо, оба еще неженатых здоровяка жили по соседству с Веком, в родительских домах), — и «суаре интим» в просторной прихожей вековского особняка начался. Не пьющая водки обольстительница достала из сумочки-самобранки бутылочку редкостного грузинского вина «Хванчкара».

После первой же пиалушки дивного напитка стареющая, но все еще соблазнительная гурия ударилась в такое отчаянное кокетство, что здоровущим, ражим кавалерам стало ясно: истосковалась пери по настоящему мужскому обществу! Между захмелевшими соискателями возник даже конфликт — кому первому провожать

приятную во всех отношениях «экономку». Запахло поединком. Однако в дело вмешался покойный родитель Ионы Шайтана. Ведь это он оставил в наследство своему чаду секрет «малинки», подсыпанной в водку, изготовленную в импортном варианте.

Зелье это сперва приводило потребителя в возбужденное состояние, но минут через пятнадцать-двадцать сражало наповал, начисто отбивая память. Наступал шестичасовой поистине мертвый сон. А после пробуждения жертва испытывала лишь дикую головную боль и ничего не помнила: что было пито, с кем пито, когда пито? Покойный папаша Ионы Силыча утверждал, что «малинку» эту измыслил лет двести назад кержачский знахарь Евлампий, опаивая ею поручиков и секунд-майоров, совершающих по приказу чокнутого императора Павла Первого воинскими командами набег на старообрядческие скиты, таящиеся в дремучих тогда Керженских лесах.

Не могу утверждать, что прекрасная эта легенда соответствовала действительности. Однако то, что «малинка» оказалась чрезвычайно действенным средством,— это, как говорится, истина в последней инстанции. Она скосила обоих охранников как пулеметная очередь.

Убедившись, что ее не очень галантные кавалеры сражены наповал, Юнона ополоснула пиалушки, выключила электроплитку, на которой закипал чайник, сложила бутылки в сумку. Затем, следуя строгой инструкции Шайтана, сняла со своих ножек изящные туфельки и надела вынутые все из той же «адидасовской» сумки кеды сорок первого размера. Заботливый Иона подложил в кеды по две стельки, в носки вату, и все равно кеды болтались на маленьких ступнях. Чтобы они не спадали, пришлось шнурки обвязать вокруг щиколоток. Задыхаясь от предчувствия страшной беды, окончательно морально деградировавшая «экономка» Века выскользнула в ночь. Дойдя до конца тупичка, упирающегося в Анхор, прошла по кромке берега, где ее ждал Шайтан.

Владения Века были ограждены забором до самого уреза воды. И даже вдоль уреза протянулась решетчатая ограда, также с проведенной к ней сигнализацией. Когда Льву Львовичу хотелось окунуться в коричневатые воды Анхора, он открывал специальную металлическую дверцу, оснащенную хитроумным внутренним замком. Но для Ионы Силыча Шайтана не существова-

ло запоров, какие он не смог бы отомкнуть. Оставалась последняя проблема — волкодав.

И он объявился — громадный, лохматый, страшный, как «Баскервильская собака». Раздалось львиное рыканье.

— Шайтан... Шайтанчик, это я, — тихонько позвала Юнона.

Иона Силыч сильно огорчился, узнав, что четвероногого сторожа тоже зовут Шайтаном.

— Действуй, Нонка, усмиряй этого паразита. Работать надо, — прохрипел тезка. (или однофамилец?) четвероногого Шайтана.

Страшный пес радостно завизжал, подбежал к подруге своего Хозяина, силясь протиснуть громадную башку между прутьев решетки. Коварная Нонка стала кормить пса любимым его лакомством — вареной печенкой. Лохматый сторож пожирал ее, довольно урча. Улучив момент, Юнона достала из сумочки шприц с усыпляющим препаратом, добытым Шайтаном в местном зоопарке, и воткнула иглу в густую шерсть волкодава. Пес дернулся было, но в его пасти оказалась новая порция ароматной печенки, и он тут же забыл о странном ощущении острой боли, которая тут же прошла.

Четвероногий Шайтан вдоволь наелся лакомства. Его потянуло ко сну... Через несколько минут последний страж был обезврежен. Иона Силыч ловко отомкнул хитроумный японский замок во входной дверце, взял пса за задние лапы, оттащил к его будке. Пыхтя и матерясь, засунул обеспамятешшего волкодава в его обиталище. Припер дверцу будки поленом.

Тщательно продуманная и разработанная в деталях операция шла по плану. Шайтан не стал терзать и увечить заветную клумбу. Заранее приготовленной лопатой и другим шанцевым инструментом он аккуратно снял верхний слой земли с цветочными насаждениями и только после этого стал добираться до клада. Рыл он землю удивительно быстро и скоро. Он не был белоручкой. К тому же Иона Силыч обучился этому искусству в лагерях, где, как мы уже знаем, отличился на трудовом поприще, вследствие чего был выпущен на свободу досрочно.

— Ну что там?.. — нервничала его подруга.

— Не мешай, — хрипел трудяга, тяжело отдуваясь. Наконец лопата металлически звякнула.

— Есть, кажись! — выдохнул Шайтан страшным ут-

робным голосом. — Ну, Нонка, теперча мы с тобой до гробовой доски будем честными людьми!... Да чтоб я еще хоть на синь-пороха оскоромился... Да ни в жисть... Держи, милаха!..

Он подал Юноне из ямы обляпанную землей молочную флягу с двумя ручками и широкой герметически закрывающейся горловиной.

Немного погодя он откопал вторую флягу, третью...
— Усё, кажись!

С помощью подруги Шайтан выбрался из ямы. Присел на ближнюю флягу, тяжело дыша и утирая трудовой пот.

— Теперь бежим?! — не то спросила, не то взмолилась Юнона Потаповна. Все внутри у нее трепетало от страха и восторга. — Да бежим же, Иончик!..

— Дура, — отвечал двуногий Шайтан. — Неряха стоеросовая!.. Прибраться надоть. Намусорили. И академику раз плюнуть — смекнуть, что твоего фраера грабанули. Немного дых переведу и цветы возверну на свои места. Зачем до времени рвать душу бывшему богачу, а, Нонка?.. — Иона Силыч тихонько, но заразительно рассмеялся, как оперный Мефистофель.

Профессионально работал Шайтан. Выдержки у него хватило бы и на десятерых. Он сноровисто, однако и не спеша, засыпал яму, аккуратно восстановил цветник, лишнюю землю ссыпал в мешки и выбросил в Анхор.

Оглядел дело рук своих. Удовлетворенно хмыкнул.

— Ну, теперь уже можно бежать, Иончик?

— Погодь. Вспомнил!.. Еще секлетер евонный остался целехонький. Как ты говорила?.. Двести тыщ на мелкие расходы!.. Пригодятся они нам, Нонка. У нас тоже не хуже, как у людей, мелкие расходы, понимаешь, случаются.

— Попадемся мы, Иончик! — лепетала Юнона Потаповна. Нежные нервы ее уже не выдерживали. За каждым кустом ей теперь мерещился милиционер, уголовный сыщик. Вот он сейчас выскочит из темноты и гаркнет: «Руки вверх!»

— Отстань, штрундя сопливая! А ты как думала, а-сь? У меня работенка на любителя. Нервы должны быть, как у летчика-спытателя. Терпи, пташка. Я только секлетер пощуплю. Чего добру пропадать?

Отчаянный Шайтан ловко открыл дверь черного хода. Сработал он мастерски — сигнализация даже не пикнула. С «секлетером» тоже не было возни, Иона Си-

лыч окинул опытным оком старинное произведение искусства эбенового дерева и мгновенно нашел «тайную» кнопку. Он, правда, вздрогнул, заслышав гавот, однако Нонна не видела его мгновенного испуга, так как в дом не входила, а мыкалась, как неприкаянная, во дворе.

Очистив «секлетер», Иона аккуратно замкнул дверь и вышел во двор с ворохом обандероленных денежных пачек. Бросил их в мешок. В него же засунул одну флягу, в другой мешок — остальные две; связал горловины обоих мешков веревкой, перекинул через плечо и направился в сторону металлической дверцы, ведущей к Анхору. На ходу бросил подруге:

— Шанцевый струмент захвати, милашка. Макнем в Анхор — и концы!

Металлическую дверь Шайтан тоже замкнул. Лопату и кирку он тут же, широко размахиваясь, зашвырнул в темную воду.

— Скорее... Ну скорей же! — торопила его изнервничавшаяся Юнона Потаповна. — Попадемся...

— Поспесишь — людей насмешишь! — наставительно прохрипел Шайтан — Напоследок надоть профилактику исделать.

Он вынул из кармана просторного пиджака красивую банку из-под импортного пива «Карлсберг» с самодельной крышечкой и принялся сыпать «фирменный» порошок возле дверцы.

— Скорее... Скорее!.. — умоляла Юнона.

— Ишь ты! — Шайтан хохотнул. — Терпи, красотулечка. Делу время, потехе час. Торопливость в нашем тонком ремесле смерти подобна... Эх-ма! Да мы с тобой забыли пса ослобонить! Придется тебе, Нонночка, итить полешко забрать... Ну, то, которым я подпер дверь конуры.

— Нет, нет!.. Ни в коем случае! — Юнона задохнулась от ужаса. — Ни в коем...

— В коем! — рыкнул Шайтан. — Чичас я олять открою дверь сиклетную... ха-ха!.. И дуй аллюр три креста. Полешко забери с собой. Тоже в воду яго. Торопись, милашка, а то скоро светать начнет.

— Нет... Нет... Не могу!.. — Юнона всхлипнула.

Иона Силыч молча вновь открыл дверцу, распахнул, и каким-то первобытным голосом приказал:

— Живо! Не шуткуй, когда я во время профессии. Шагай, тебе говорят, паскуда! — и отвесил своей «ми-

лашке» такого тумака, что коварная подруга Века, как на крыльях, влетела во двор.

— Окромья полешка ничего там не лапай, — приказал Иона. — Полешком... Полешком дверцу конуры отчини.

Юнона Потаповна, обмирая от ужаса, приблизилась на ватных ногах к собачьей конуре. Неслушающимися руками взяла полено, отворила им дверцу. Изнутри доносился могучий храп.

— Ну вот и распрекрасно, красотулечка, — удовлетворенно молвил Иона и швырнул полено в канал. — А ежели что не так я исделал, — извиняй. Работа такая нервная. Я бы и сам мог сходить, да риск огромный. Зверюга больно здоровущий — мог оклематься до времени. А тебя зверюга знает и уважает. Усекла?... Во как! Дело наше такое... Тонкое.

Шайтан запер дверь, снял, наконец, со своих лап резиновые хирургические перчатки и тоже швырнул их в воду.

— Ну, кажись, усе! — с удовлетворением произнес Иона. — Нонночка, отвернись, маненько. Я щас...

Матерый «медвежатник» и «домушник» был человеком старого закала и свято хранил традиции своей профессии.

Помочившись, Иона перекинул тяжелые мешки через плечо и, переваливаясь по-медвежьи, зашагал восвосяи.

Дорогой успокаивал «красотулечку»:

— Вот и все, милашка. А ты боялась! Теперча мы с тобой очень даже честные и созданные для счастья — как птички для щебетания и порхания. А ментов чего страшиться? Менты — они тоже навроде как остальные живые люди. Ночью им спать хочется.

...Предрассветная тьма сгустилась над спящим городом. Занудливый осенний ветер шелестел листьями прибрежных деревьев. Издалека доносился ленивый собачий лай. Иона Силыч испытывал угрызения совести. Зря он огрел Нонку по спине. Она дамочка непривыкшая, первый раз «на деле», мандраж разбирает. Ишь, как ее, сердешную, поводит из стороны в сторону!

Грубый, звероподобный Шайтан питал к «красотулечке» какие-то чувства, им ранее не изведенные. Чувства эти его пугали, поскольку Иону однажды потянуло даже на сочинение стихов.

Тяжесть мешков с драгоценными молочными флягами настроила Шайтана на лирический лад. Он

предложил все еще трепещущей от страха по-друге:

— Ты чапай до дому, до хаты, не жди меня. Закусон приготовь. Грех будет такую «ходку» не обмыть. А я присяду, передохну. Тижолые наши трофеи. Давай,— аллюр три креста.

Юона Потаповна не заставила повторять приказ. Сорвалась, как со стартовой колодки, и тут же растворилась в темноте. Иона свалил перекинутые через плечо тяжелые мешки наземь. Присел на скамеечку возле ивы, окунувшей свои косы в темную воду. Закурил. На сердце Шайтана было легко и радостно. Хоть и нарушил папашкин завет — не зарываться, — а все же ловко все вышло. Теперча, значить, надобно рвать когти в другие райские места. В Крым, что ли, дать тягу?.. А ну его! Сплошное мельтешение людей и гастрольного жулья. Надоть куда-нибудь в Подмосковьё. Верст сто от первопрестольной. Расейская природа благодатная, здоровью полезная. Укуплю «Жигуля» — по субботам в «елисеевский» магазин номер один за продуктами будду гонять. Благодать!..

— Руки вверх, уголовный розыск! — вдруг раздался негромкий, но требовательный голос над самым ухом размечтавшегося грабителя, и Иона Силыч почувствовал, как что-то твердое, металлическое уперлось ему в спину. — Руки, тебе говорят!..

Слева и справа от Шайтана, словно из Анхора, возникли две еле различаемые в темноте фигуры.

Иону словно в кипяток швырнули. Он впал в шоковое состояние. Но тут же его тупые мозги заработали со скоростью ЭВМ четвертого поколения. «Выследили, падлы!.. Эх, не послушался родителя!.. Что делать?.. Лапки, конешно, надо поднять. Мент не станет в спину стрелять. За это их греют. Кто я, что я — в темноте не видать. А-а-а... Попытка не пытка!..»

Двое справа и слева подошли совсем близко. Менты говорили злорадным шепотом.

— Попался, голубчик!

— Что в мешках?..

«Случайно, значица, обнаружили, — возрадовался Шайтан. — Ежели бы с самого начала следили, тогда — амба!»

Тот, невидимый, который тыкал в спину стволом пистолета, тихонько рассмеялся:

— Да подыми ты, дурень, ручки, куроцап поганый.

«Куроцап! — удивился Иона. — Почему куроцап?.. Ба! Неподалеку птицефабрика. Менты меня за «несуна» приняли.

В мгновение ока Иона сграбастал ручищами стоящих справа и слева оперов, стукнул лбами, и они покатились под откос, к воде. Стоявший сзади попытался левой рукой захватить на «ключ» бычью шею Шайтана, однако могучий пенсионер вывернулся, перехватил руку мента, сжимающую пистолет, и с поразительной ловкостью свирепо боднул оперативника теменем в челюсть.

В горячке Шайтан попытался было перекинуть через плечо мешки с драгоценными флягами, но тут же смекнул, что скрыться с такой ношей дело дохлое, — свалившиеся под откос оперы уже карабкались вверх. Иона рыкнул, как раненый медведь, и бросился наутек.

...Он бежал, обуреваемый животным страхом и такими чувствами, которые и описать невозможно. Почему-то оперы не свистели в свои милицейские «соловьи» и не производили предупредительных выстрелов. Должно быть, самолично, фраера, хотели сцапать. Накось — выкуси! Иона прибавил ходу, и «менты» быстро отстали, заплутавшись в переулках, по которым их водил матерый Шайтан. А он все бежал, бежал... Чтобы окончательно замести следы, вскочил на платформу грузового трамвая. На другом конце города спрыгнул. Зашел в только что открывшуюся чайхану, пил чай, и никак не мог напиться. Лишь когда улицы наполнились спешащим на работу трудовым людом, он направился к своему дому.

— Где ты пропадал, Иончик? — кинулась к нему Юнона Потаповна. — Я так волновалась!.. Так волновалась!.. А где это самое?.. Ну, ты понимаешь?.. Где!

— Где-где! — прохрипел Иона и безобразно, в рифму, выругался. — А все ты, стерва, виноватая! Убить тебя, шалаву, мало. Примета есть: ежели кто «на дело» идти трухает — удачи не жди!.. Это те не макьяж на морде рисовать. Навела ментов своим труханием, стерва!

Бедняга Шайтан не удержался и так огрел пудовым кулачищем «красотулечку» по спине, что она долго не могла подняться с пола. Затем он все же оказал подруге первую медицинскую помощь, сел за давно накрытый стол и до поздней ночи безобразно пьянствовал.

Утром он не проснулся.

Оказывается, можно умереть и от огорчения.

Патологоанатом, ознакомившись с внутренним миром Шайтана, никаких следов огорчения не обнаружил, но установил: причина смерти — разрыв аорты вследствие водочного опоя.

— Тимур, ты по всем приметам гений! — сказал Леша.

— Нет, ты не гений, Тимур! — воскликнул Тахир. — Ты — супергений!

— Ну уж! — смущенно отвечал Тимур, потирая все еще ноющий подбородок. — Здорово он меня боднул, канала. Я и вправду на некоторое время отключился. Не то что вы, симулянты.

ПРЕСТУПНИКИ... ПРЕСЛЕДУЮТ!

Поиск злоумышленников, ограбивших Льва Львовича Века, начальник областного управления внутренних дел Ахмаджан Хамдамов организовал по всем правилам сыскного искусства. Для этого были привлечены наиболее опытные розыскники, лично преданные новоиспеченному генералу.

Было установлено:

1. Ограбление — дело рук опытных преступников.

2. Ограбление совершено вскоре после отъезда Л. Л. Века в командировку. Преступники проникли со стороны Анхора, предположительно, усыпили сторожевого пса. Поэтому охранники ничего и не слышали. На лопате, кирке и других инструментах, обнаруженных в Анхоре, никаких отпечатков пальцев злоумышленников не оказалось.

3. Как показала свидетельница Пичугина Г. В., сторожевой пес по кличке Шайтан, принадлежащий потерпевшему гр-ну Веку Л. Л., после отъезда хозяина в командировку три дня болел, отказывался от приема пищи, приносимой ему Пичугиной Г. В.

4. Пичугина Г. В., 1895 года рождения, русская, пенсионерка, по договоренности с гр-м Веком Л. Л., за плату осуществляла кормление означенного выше пса Шайтана постоянно. Свое соучастие или пособничество в ограблении категорически отрицает и поясняет, что в ограблении не участвовала, пособничества не оказывала, поскольку ей, Пичугиной Г. В., 88 лет, под судом и следствием не была. Кормление пса Шайтана осуществляла из-за любви к животным и желания получать от гр-

на Века Л. Л. 30 (тридцать) рублей ежемесячно. Кормление же упомянутого выше пса производила через решетку ограды. От дальнейшей дачи показаний гр-ка Пичугина Г. В. отказалась ввиду сердечного приступа, закончившегося летальным исходом.

Б. Розыскные собаки след преступников взять не могли вследствие того, что с момента совершения преступления прошло немало времени. Следы, частично сохранившиеся во дворе и в доме потерпевшего, засыпаны смесью нюхательного табака, молотого черного перца и какого-то неизвестного ингредиента, состав которого находится на специсследовании.

...Хамдамов тихо бесился. Тихо потому, что «гонимые следа» все же проводилось тайно, с предосторожностями самыми тщательными, дабы не допустить огласки.

Лев Львович слег. От стационара он отказался. Лечился дома. Врачи угнетали его своими бодряческими и до чрезвычайности дурацкими утешениями вроде: «Ну как мы себя чувствуем?.. О! Да мы совсем молодцом! У нас даже юношеский румянец на щечках заиграл!» и прочими благоглупостями. Кто и когда придумал разговаривать с больными людьми так, словно врач добровольно принимал на себя половину чужой хвори и как бы болеет с пациентом за компанию?

«В сущности,— мельтешило в воспаленных мозгах Века, — произошло не ограбление. Совершилось убийство».

Еще совсем недавно могущественный Лев-Шербек, перед которым трепетали сотни, тысячи людей, человек, чувствовавший себя этакой «белокурой бестией», мановением руки решавший судьбы людские, не ведающий различия между добром и злом, — вдруг превратился в жалкого плаксивого старичка, то и дело впадающего в пароксизмы бессильной ярости.

Юнона Потаповна заботливо ухаживала за своим «другом».

Да-да, не удивляйтесь, читатели, — к Веку вернулась его коварная экономка. И сейчас слово это я не беру в иронические кавычки. Потрясенная внезапной кончиной могучего самца, двуногого Шайтана, она страшно паниковала, однако все же успокоилась. Иона был существом не жадным и, в житейском смысле, пожалуй, добрым. Главный его недостаток заключался в том, что он был профессиональным преступником. А в остальном... Ничто человеческое не было ему чуждо. И к Нонке своей он относился, с его субъективной точки зре-

ния, даже ласково. А если иной раз и называл шалавой, то не из желания оскорбить, унижить, а по многолетней привычке, — не вкладывая в это словцо оскорбительного смысла.

Точно так ведь поступают и многие высокообразованные начальники, «снимающие стружку» со своих подчиненных: орут, что в «бараний рог скрутят», «вправят мозги!», «как таракана раздавят», «По миру пустят!» И даже — «!!!» А умудренные житейским опытом подчиненные слушают и не очень обижаются. Поскольку прекрасно знают: все это слова, слова, слова... Гамлетовщина. Да будь начальник самым сильным человеком планеты, штангистом-тяжеловесом Писаренко, Захаревичем или еще кем, — ему все равно не под силу ни в бараний рог скрутить, ни раздавить, как таракана, простого советского человека. Уголовный кодекс на страже! И по миру пустить невозможно — безработицы нет, и потому советский человек уверен в завтрашнем дне, радуется ему. Что? Начальник еще и матерком понес?.. Это все нервы. Его, сердешного, тоже, небось, — кто повыше — в три дуги обложил. Понимать надо! Жизнь так устроена — век цепных реакций. И вообще... Как в старину говорили про мужа, не избивающего свою жену?.. «Не любит — не бьет!»

Для Юноны Потаповны грубиян Иона тоже был специфическим начальником, у которого «играли нервы» и иногда распускались кулаки. Но зато он ей доверял. Так что после его внезапной кончины от огорчения бедовая дамочка вернулась в свою квартирку материально хорошо обеспеченной матроной. Только многорукого и многобюстового серебряного идола покойный почему-то утаил от «подруги». Видимо, грубый Иона Шайтан был все же склонен к мистике. Он ведь сразу после похищения раскаялся в содеянном, заподозрил, что не к добру он «стырил» жутковатое и соблазнительное божество. Потому и закопал его тайно возле нужника.

Юнона Потаповна, потеряв Иону, была безутешна. Так, по крайней мере, казалось соседям. В действительности же «подруга» рыдала и рвала на себе волосы, страшась последствий своего в общем-то вынужденного соучастия в ограблении Льва Львовича. Не только по ночам, но и при свете дня ей мерещились хамдамовские сыщики, ширинходжаевские следователи, изматывающие душу допросы, обыски, позорная скамья подсудимых. Из рассказов покойного Ионы она знала, что получить

даже большой срок пребывания в исправительно-трудовом лагере — это еще полбеды. В местах исправления правонарушительниц, превращения их в беззаветных строительниц светлого будущего в его время обитали всякие лезбиянки и извращенцы, отвратительные «паханы», могущие проиграть свою «баруху» в карты, «пустить по кругу», наградить «сифоном», до того омерзительно надругаться, что после этого — только в петлю!

В доказательство истинности своих рассказов Шайтан исполнил поразившую Юону Потаповну песню:

А в лагерях — ой-ой! —
Ой, темень-тьмущая —
Кругом «мокрятники»,
Кругом «домушники»!
Нас каждый день мордуют уголовники
И главный врач зовет к себе в любовники!

И пояснил:

— Поимей в виду, красотуля, песнь эту воет мужик, а не баба. Бабе тама еще хуже доставалось, даже ежели она как ишак выносливая.

Вот почему так страшно убивалась Юона Потаповна. Однако было бы несправедливо утверждать, будто она совершенно не жалела и своего Иону-богатыря.

...Миновало три, четыре дня, но бывшую «подругу» никто не тревожил, не приходил с обыском и с наручниками. У дамочки отлегло от сердца. А тут еще заявился сам Рапо-хан и прохрипел почти как Иона Силыч Шайтан:

— Совесть надо иметь. Шербек болен, а ты знать его не желаешь! Иди к нему. Экономка нужна, сиделка. Зовет. Я дал команду, платить хорошо будет. Не пожалеешь.

— Но... Но мы поссорились. Лев Львович чрезвычайно мнителен, обидчив, раздражителен.

— Когда в доме пожар, не время выяснять, кто виноват в поджоге — спастись надо.

«Слава богу! — возликовала Юона. — Значит, все обошлось. Молодчина, Иончик! Ловко запутал следы».

И она вернулась к Льву Львовичу.

Больной особых хлопот не доставлял. Молча смотрел в одну точку и беззвучно шевелил губами. Через несколько дней встал с постели. Закутавшись в мохнатый плед, сидел в глубоком своем старинном кресле.

Юнона Потаповна решила, что Лев Львович так и не оправится от постигшего его удара. Ее мучила совесть, потому что совесть у нее все же не атрофировалась окончательно. Просто она была из той несурзной породы женщин, которые из-за своего легкомыслия плывут по жизни без руля и ветрил и поэтому постоянно попадают в «пикантные» истории, а иной раз даже и на скамью подсудимых.

Был момент, когда Юнона едва не созналась во всем. Лев Львович подозвал ее к себе и огорошил:

— Вызови нотариуса. Решил завещание на тебя написать. Если что... Все твое.

Тут-то Юнона чуть-чуть и не выложила страшную тайну. Расплакалась. Нечистый даже успел слегка дернуть ее за язык.

— Прости!.. Прости меня... Я должна признаться...

Век, однако, решил, что Юнона просит прощение за то, что ее, так сказать, Шайтан попутал. Перебил:

— Пустяки. Да и помер он. Сын от меня отказался. Кому дом достанется и все, что есть в доме?.. Государству!

— Не надо мне ничего, Левочка! — Юнона Потаповна говорила искренне, и это ее бескорыстие умилило Льва Львовича.

Он, возможно, настоял бы на своем. Но тут объявился сам Одилбай Парпиев, Рапо-хан. Хлопоча на кухне, Юнона слышала, как страшный старик прокаркал:

— Кончай болеть, Шербек. Дело не ждет.

Невероятно, но факт: на другой день, тридцать первого октября, Лев Львович вышел на работу.

...Вернулся он домой глубокой ночью. Так что, пожалуй, правильнее сказать — уже первого ноября. Юнона Потаповна не узнала Века: Морщинистую физиономию исказило выражение ужаса, блеклые, как лежалое мясо, губы дрожат. Выпученные водянистые глаза блуждают, как у помешанного...

— Вам кого?.. — не узнала Юнона, и в страхе отступила на шаг, вскинув руки к полной груди. — Боже!.. Это — вы?!. Что с вами?.. Что случилось?!

Век на вихляющих ногах кое-как добрался до столовой и рухнул в кресло. Долго сидел, по-стариковски шамкая потрескавшимися блеклыми губами. Наконец с надрывом выдавил из себя:

— Всел..

- Что все?
- Нету его...
- Кого?
- Узлары больше нету!
- Кого?

— Кого-кого!.. Загогокала, дурища! Узлары нету — вот кого! Взял и помер! Уразумела, квочка безмозглая?!

Невероятная, ошеломительная весть потрясла Юнону Потаповну. Она ахнула, всплеснула руками, да так и села на ковер.

— Не может этого быть! — ей казалось, что Узлары бессмертен. Сколько разного начальства переменялось за последние двадцать пять лет! И в районах, и в области, и в республике. Разнокалиберное начальство приходило и уходило, а Сам, Узлары, оставался, — как бессменный часовой. Происходили изменения и в Центре. И с каждым таким изменением Узлары подымался все выше и выше по иерархии, достигнув, наконец, головокружительных высот.

— Может, злобные слухи?.. Провокация? — вымолвила Юнона после долгого молчания.

— Заткнись! — непочтительно оборвал ее Век и всхлипнул с каким-то собачьим завыванием. — Мы были за ним, как за каменной стеной. А сейчас эта стена и рухнула на нас!.. Подлец!.. Бежал. Бросил на произвол судьбы!

Экономка взглянула на Века и ужаснулась хищному выражению его лица.

— Водки! — приказал дергающийся в кресле з в е р ь.

— Вам же нельзя... Врачи...

— Мать твою перемать!.. Убью, паскуда! Водки, тебе говорят!!

...Век опьянел очень быстро. Сидел в глубоком кресле, как затравленный волк в берлоге. Белки глаз налились кровью. На сердце он уже не обращал внимания, хлестал рюмку за рюмкой. Юнону Потаповну в пьяном бреду принимал то за Рапо-хана, то за Назимова, то за покойного Григория Фомича Гроднича.

— Ну, Одилбай, как жить дальше будем, а?.. Не ведаешь. Я так и знал. Куда мне теперь? То, чего ради существовал, похитили! Сын от меня отвернулся. Ради чего я шагал с тобой по костям?!

Он всхлипнул, ладонями размазал слезы по лицу. В голове его, видимо, что-то щелкнуло, и Век вдруг накинудся на самого Назимова,

— Что, трясешься, как заячий хвост, х-х-х-озяин «райской области?!» За десять лет устроил валовой сбор хлопка!.. Ха-ха!.. Трепещешь, очковтиратель. Мне-то что? Я — одинокий волк. А у тебя эвон сколько приклетелей, родни всякой!

Лев Львович залился пьяным хохотком, и тут же вздрогнул, выскочил из кресла. Скрестил перед лицом дрожащие руки, как бы заслоняясь от невидимого врага.

— Ликуешь, зловредный старик?! Радуешься. Знаю я тебя. Ты глядишь с того света и уже видишь меня за решеткой, приговоренного к «вышке», правильно я угадал?!. То-то. Кстати, не знаешь ли ты, как там приводят в исполнение это? Одни говорят, будто все делается аккуратно. Приговоренного ведут по коридору якобы на свидание с адвокатом. В стенах коридора вмонтированы незаметные для глаза винтовочные стволы. Осужденный к смерти проходит через невидимую роковую черту, срабатывает фотоэлемент, и винтовки, нацеленные в определенную «точку жизни», стреляют залпом. Смерть наступает мгновенно. А вот другие рассказывают по-иному. Выстраивается отделение солдат. Только у двоих в магазинной коробке боевые патроны, у остальных — холостые. Но солдаты не ведают у кого что. Кто убил — неизвестно...

Век прямо из горлышка хлебнул водки, поперхнулся. И продолжал самоистязание.

— Только все это, надо полагать, байки. Все проще делается, наверное. Подведут к яме, — и кончен бал! В яму спихнут и закопают. Я видел, как в партизанском отряде расстреляли гестаповского лазутчика. Особист бабахнул ему в затылок. А когда тот упал, еще раз выстрелил, для верности... Что?.. Ах, как тебя, Гроднич, разбирает от предвкушения удовольствия!.. Шалишь! Меня так просто не возьмешь!

Век погрозил воображаемому Гродничу кулаком и рухнул в кресло. Юнона решила, что Лев Львович умер. Пооятилась к двери. Но Век открыл один глаз, прошептал, еле шевеля языком:

— П-п-п-омо-о-ги... В по-о-о-стель.

В тот роковой день, первого ноября, паника охватила весь байрамкентский «бомонд». Рапо-хан впервые за свою долгую жизнь почувствовал себя стариком и

решил: «Пока не поздно, надо бы удалиться на пенсию!» Мысль об отставке явилась и многим другим негодьям. Лишь Назимов и начальник ОУВД Хамдамов еще бодрились.

С раннего утра они заперлись в кабинете первого секретаря, читали и перечитывали письмо, которое днем раньше привело бы их в восторг, а вот теперь не столько радовало, сколько пугало. Уж не провокация ли?!

— Может быть, и провокация, — вздохнул главный милиционер Якшичулья. — Или психи...

— Это письмо мне доставлено из Москвы с верным человеком. Адресовано знаешь кому? — Назимов вскинул руку с вытянутым указательным пальцем высоко вверх. — Хорошо хоть удалось перехватить. Тот, к кому письмо адресовано, болен. И, говорят, тяжело. Ему не до писем. Но все равно... Страшно даже подумать, что бы произошло, попади оно на глаза нашим недоброжелателям! — «первый» человек области отер с лысины капельки пота. — Я тебе приказываю немедленно разыскать авторов письма и арестовать. Они очень опасны.

— О чем разговор, — буркнул начальник ОУВД и тоже отер с лица пот. — Как только ухитрились переслать письмо в Москву? Все каналы вроде перекрыты...

— Эх, ты! А еще сыщик! Это я у тебя должен спросить — как?.. Проклятье!.. Еще вчера все было ясно и понятно. А теперь?.. — Анвар Назимов вылез из кресла, тяжело прошелся на коротких кривоватых ногах по кабинету. Остановился у все еще висевшего портрета Узлары. И вдруг погрозил ему кулаком. — Предал нас, негодяй!

Удивительно все-таки устроены подлецы. Анвар Назимов через час вылетал на похороны Узлары с грудой венков, в газете «Якшичульская правда» уже верстался официальный некролог, и среди подписавших его стояла фамилия А. Назимова. В столице республики готовились грандиозные похороны, вылившиеся на другой день чуть ли не во всенародную и, надо прямо сказать, — в искреннюю скорбь. Это позднее откроется жуткая тайна, станет ясно, кто есть кто. Но первого ноября!..

Первого ноября Анвар Назимов, лысый толстяк, еще совсем недавно по-собачьи заглядывавший Узлары в глаза, готовый на любое унижение, самое страшное преступление, чтобы только угодить своему «кумиру», —

Анвар Назимов... погрозил кулаком портрету, С а м о м у !
А Ахмаджан Хамдамов не только не ахнул от возмущения, но, напротив, одобрительно кивнул и сказал со злобой:

— Еще как предал! Заварил кашу и смылся, а мы расхлебывай...

— Не паникуй, может, все обойдется. Четверть века жили и еще проживем. Ты возьми письмо и действуй. А я улетаю. Теперь совершенно ясно, что Шербека не ограбили. «Домушникам» незачем такие письма писать. Все. Ты свободен.

Вернувшись в управление, Хамдамов вновь углубился в изучение письма, адресованного в самую высокую инстанцию.

«Настоящим ставим Вас в известность, — сообщалось в письме, — что мы (фамилий и имен своих пока сообщить не можем) произвели изъятие денег и ценностей у гражданина Века Льва Львовича на сумму (грубо ориентировочно) свыше четырех миллионов рублей! Зарплата Века — 200 рублей в месяц...».

Далее неизвестные писали, что Л. Л. Век около тридцати лет получал огромные взятки с директоров хлопкозаводов, заведующих заготхлопкопунктами, председателей колхозов и директоров совхозов, систематически занимался очковтирательством, разложил руководство многих колхозов и совхозов, чем причинил неисчислимый ущерб хлопководству области и, следовательно, огромный вред государству...»

Неизвестные уведомяли адресата, что установить принадлежность изъятых ими ценностей у Л. Л. Века не представляет труда, поскольку отпечатки своих пальцев матерый преступник Л. Л. Век, несомненно, оставил, и поэтому его легко изобличить. Прижав его к стене неопровержимыми доказательствами, можно выяснит, от кого, когда и сколько он брал взятки деньгами и драгоценностями, и таким образом распутать клубок преступлений.

Таинственные авторы письма настаивали на командировании «особо проверенной комиссии из числа ответственных (а главное — надежных!) представителей прокуратуры Союза ССР и партийных работников. «Лишь в этом случае мы, авторы письма, изъявшие ценности у Века Л. Л., откроем свое инкогнито и укажем место, где в настоящее время находятся ценности, награбленные Веком Л. Л. Никаких контактов с местны-

ми властями иметь не желаем и отказываем им в элементарном доверии. Открыться им — значит оказаться в тюрьме, а может быть, даже и на «том свете». Преступники, пробравшиеся на разные командные должности, способны не только на провокации и осуждение на длительные сроки лишения свободы невиновных, честных людей, но и на физическое их уничтожение. Тому есть доказательства...

Итак, мы с нетерпением ожидаем приезда авторитетной комиссии. Давно пора унять распоясавшихся преступников, пробравшихся в «номенклатуру», восстановить, наконец, Советскую власть в Байрамкенте, во всей Якшичурской области!..»

Хамдамов был ответным негодяем. Но дело свое знал изрядно. Внимательно изучив текст письма, он пришел к выводу, что его авторы совсем еще молодые люди. Много в нем наивного, эмоционального. Да и почерк еще неустоявшийся, полудетский. Вот и сузился несколько круг, кого следует взять на подозрение. Правда, авторы письма могли схитрить, продиктовать письмо молодому человеку, умышленно составить наивный текст, чтобы отвести от себя подозрение...

Уразумев, что задача сложная и в одиночку ее не решить, Хамдамов собрал своих верных людей, ознакомил с содержанием письма и поставил задачу: во что бы то ни стало разыскать и представить живыми или мертвыми авторов «клеветнического доноса».

— Все! — заключил начальник управления. — Вопросы? Предложения?

Подполковник Бойко, — тот самый Бойко, бывший капитан, принимавший деятельное участие в ошельмовании честного человека, второго секретаря обкома Алимова, — подал совет:

— А что если опубликовать в газете за вашей подписью статью «Строго соблюдать социалистическую законность» и в ней, между прочим, дать понять неизвестным преступникам, что если они добровольно явятся с повинной, то они не только не будут привлечены к уголовной ответственности, но, напротив, — получают причитающуюся им по закону четвертую часть стоимости ценностей...

— Ты что, офонарел? — грубо перебил его генерал. — История тогда получит огласку. Да когда это уголовникам отдавали четверть стоимости награбленного?!

Вагровая физиономия Бойко, возглавлявшего ныне уголовный розыск, отреагировала на начальственный окрик хитрой улыбкой.

— Позвольте пояснить мысль. Дело ведь можно так повернуть, что изъятие денег и ценностей у Века вовсе не ограбление, а утайка случайно обнаруженного клада. Лев-Шербек не станет ведь доказывать, что это его ценности, ежели дело получит огласку! Клад — дело счастливого случая. Любой может найти. И Шербек тут совершенно ни при чем.

Ахмаджан Хамдамов задумался. «Верные люди» обеспокоенно перешептывались. Наконец капитан Рябошапка (бывший лейтенант), все еще миловидный и похожий на девушку, правда, уже несколько потрепанную, осмелился возразить:

— А нам тогда что?.. Кукиш без масла?

— Слушайте внимательно, — продолжал Бойко. — Никакой огласки не предвидится. В статье будет сказано: следственные органы располагают неопровержимыми сведениями о том, что группа лиц случайно обнаружила клад. Лицам этим предлагается явиться в управление, передать клад государству и получить законные двадцать пять процентов его стоимости... Поймите их состояние! В руках несметное богатство. Наверняка они сейчас уже жалеют, что накатали сгоряча письмо в Москву. А ответа на письмо нет. Не могут же они не понимать, что если мы их накроем, то получат срок на полную катушку за сокрытие клада! Да что там — «за сокрытие», — за ограбление! А им предлагают целый миллион на законнейшем основании. Не выдержат, уверяю вас, явятся голубчики. Мигом позабудут о высоких принципах и прочем. А уж попадут в наши руки, — заговорят, как миленькие, откроют, где спрятали награбленное.

— А если они еще одно письмо изловчатся направить в Москву? — спросил один из «верных людей».

— Вот это уже наша забота, — отрезал Хамдамов. — Немедленно взять под контроль всех улетающих в Москву. Установить также наблюдение за ходатаями, отирающимися в Москве возле высоких инстанций. Советание окончено. За работу, товарищи! Бойко и Рябошапка — остаться.

Когда «верные» люди разошлись, Хамдамов растопнул мундир, стеснявший обширный живот, многозначительно помолчал и наконец промолвил:

— Статью о законности подготовить сегодня же. Хош... Статья не повредит. Однако шансов, думается, мало. Вряд ли придут к нам эти люди. Клады — это беллетристика. Пираты... Корсары...

Красномордый Бойко расплылся в широчайшей улыбке. С торжествующим видом произнес:

— А вот и ошибаетесь, товарищ генерал. В моем кабинете находится сейчас счастливчик. Обнаружил клад — почти пятьдесят килограммов чистого золота!

— Ч-ч-то?! — Хамдамов подскочил в кресле. А Рябошапка так и замер, раскрыв девичий ротик. — Кто?..

— Заведующий кафе «Снежинка» Мамикон Мкртычян, он же — «Железный ледь». Вчера вечером четверо подростков заявили ко мне. В глазах восторг и ужас. Зататорили, перебивая друг дружку. «Дяденька подполковник, она не железная, она золотая!» — «Кто — она?» — «Штанга! Самоделка такая, черной краской покрашена». — «Спортивная штанга, что ли?» — «Да. Только самоделковая. Она у «Железного ледя» во дворе возле гаража валяется». — «Да почему же она, — спрашиваю, — золотая?» — «Ледь» со своей кодлой в гости уехал, а мы перелезли через забор и давай со штангой баловаться — кто, значит, больше выжмет, Сабир самый хляк оказался. Мы над ним смеяться стали, дразнить. А Сабир схватил топор... Он тоже возле гаража лежал... И — за нами! В шутку, конечно, хотя и разозлился. Не догнал, понятное дело. Со злости ка-а-а-к швырнет топор и случайно рубанул по блину...» — «По какому блину?» — спрашиваю пацанов. Хотел уже выгнать... Плетут ерунду! Но тут они такое сказали, что у меня дух захватило. «Блины на штанге. Кругляшки такие. Сабир с обиды по такому «блину» топором рубанул... Глянул — и как закричит: «Ребя! Штанга не железная!.. Золотая она!.. Золотая!» Мы сперва не поверили, а как подбегли — аж поджилки затряслись... Золотом блестит!»

Бойко перевел дух, наслаждался произведенным эффектом и продолжал:

— Я, разумеется, тут же в машину и к Мамикону. Удачно так вышло. «Ледь» с гулянки вернулся, Под сильной «мухой». Веселый такой. Ну я ему, конечно, настроение быстро испортил. Спрашиваю строго: «Откуда у вас, гражданин, эта спортивная штанга?» Мамикон, хоть и прозвали «железным», с перепугу в штаннишки пустил. Позволил я бедолаге переодеться и с со-

бой, вместе со штангой, доставил в управление. С самого утра пытался вам доложить, да вы у товарища Назимова были.

— Та-а-а-к... — протянул Хамдамов, слегка задыхаясь. — А пацаны?.. Они же раззвонят на весь город!

— Пацанов я до Мкртычяна не допустил. За воротами оставил. Осмотрел поврежденный топором «блин», посветил фонариком — блестит аж глазам больно! Капнул кислотой на блестящий срез — не окисляется!.. Золото! Да и по бледному виду Мкртычяна было видно, что золото. Тогда я отправил его штаны переодевать, а пацанам сказал: спасибо за помощь милиции, однако ошибка произошла. Медная штанга. А свежепорубленная медь еще лучше золота блестит. Пацаны смутились, извиняться начали. Но я ведь добрый, ругать их не стал. Отпустил с миром.

— Молодец, Бойко, — похвалил шеф ловкого своего подчиненного. — Быть тебе полковником. Обещаю. Давай сюда этого «Железного ледя» и штангу.

Бойко замялся.

— Может, лучше ко мне пройдет?.. Штангу тащить по коридору... Разные люди работают.

— Тоже верно, — согласился Хамдамов. — Но особенно хвалю за честность. Сознайся, сильное было искушение договориться с Мкртычем полюбовно?

Бедовый подполковник скорчил печальную физиономию, изображая раскаяние:

— Каюсь, грешен. Было такое. Уж очень меня этот кабатчик обольщал. Сначала один «блин», пятикилограммовый, давал, чтобы я отступился, затем два... Наконец, ровно половину. Лишь на какую-то минутку я дрогнул. Но тут же взял себя в руки. Да разве я могу своего начальника, своего благодетеля обмануть?! Честность, незапятнанная репутация мне жизни дороже..

— Ладно, ладно, братец, — перебил Хамдамов. — Верю. А ты, Рябошапка, — повернулся он к своему помощнику, — учись и мотай на ус.

— А что я?.. Что — я? — обиженно зачастил мелодичным тенорком женоподобный капитан и, не находя нужных слов, сделал ногами замысловатое балетное па. — Я всегда верой и правдой.

— Знаю. Ты и Бойко самые близкие мне люди. Только вот ты, Рябошапка, что-то слишком долго кандидатскую диссертацию мне пишешь. Я же теперь в солидном чине, неудобно без кандидатских «корочек»,

— Вы приказали мне писать всего три месяца назад.

— Верно. Три месяца срок солидный. Чего тянуть резину? Однако хватит болтать. Пошли, честняга Бойко, в твой кабинет. Хочется повидать старого знакомого.

При виде Хамдамова Мкртыч побледнел и тут же ощутил острые позывы.

— А ты, оказывается, вовсе не «Железный ледь», — вместо приветствия молвил Ахмаджан Хамдамович. — Ты, оказывается, «Золотой Мкртыч»!.. Что?.. Понял. Я тебя, дорогой, хорошо изучил. Небось, в сортир мечтаешь пройтись?.. Конвоир, проводить в туалетную! И напомните, зачем привели. А то прошлый раз он забыл.

Конвоир увел несчастного кабатчика. Хамдамов приказал Бойко и Рябошапке:

— Вы идите, пишите статью. А я тут сам с Мамиконком потолкую. Времени в обрез.

...Конвоир ввел Мамикона. Бедняга еле держался на ногах.

— Садись, дружище, — приветствовал его Хамдамов. — На ногах правды нет. А мне надо знать правду. Вот подполковник Бойко уверяет, что ты по бедности своей самодельную штангу имеешь, из чистого золота. Но мне не верится. Откуда у тебя столько золота?

— Золотые ваши слова, — пролепетал Мкртыч. — Откуда у меня столько золота?

— Вот и я тоже так думаю. Взгляни... — Ахмаджан Хамдамович подошел к штанге, прикрытой газетами, приподнял угол «Якшичульки». — Вот здесь мальчишка-шельмец топором ударил. Блестит, но не золото. Типичная медяшка. Верно?

— В-в-веррр-но... — на Мамикона больно было смотреть.

— Ну так и иди с миром. Штангу-самodelку я оставлю в управлении. Все-таки цветной металл. Сдадим во «Вторцветмет». Медь нынче тоже дефицит. А ты себе настоящую штангу купи, в магазине спорттоваров. Грех на здоровье экономить.

Мамикон, понурившись, поплелся к двери. Мозговые же его извилины лихорадочно просчитывали ситуацию. Вдруг он остановился и, стоя спиной к Хамдамову, проговорил неожиданно резвым голосом:

— А если она золотая?

— Что?! — возвысил голос Ахмаджан Хамдамович, вставая.

«Железный лед» съежился, оборотился к своему мучителю, пролетел:

— Мне бы... На память... Один «блинчик»... Пять кило. Хамдамов расхохотался.

— Ах, ты, шантажист хитрозадый! Ловок. Ловок, ничего не скажешь.

— Мне на добрую от вас память.

Даже глупая лесья не оставляет тщеславного человека равнодушным. Ахмаджан Хамдамович потеплел душой. Черт с ним, все равно золотая штанга как с неба свалилась. Кину ему кость, пусть радуется.

— Черт с тобой, снимай «блинчик».

С ловкостью молодой пантеры Мамикон подскочил к штанге, трепещущими пальцами, поросшими черными волосками, стал срывать «блин»... Прижал его к сердцу. Перевел дух и затем, просительно заглядывая в глаза чиновного грабителя, стал канючить:

— Хлэбом клянусь!.. Последнее отдаю. Дэтэй пожалейте!.. Можно дэсят кило?

— Живы будут твои дети. Не ленинградская блокада. Шагай, пока не передумал. Некогда мне с тобой во взаимной любви объясняться. Тут такое несчастье!.. Такое горе! А ты как базарная баба торгуешься! Сгинь, штангист медноголовый.

Хамдамов нажал кнопку селектора.

— Машину к подъезду.

Угнездив грузное тело на заднем сидении милицеской «Волги» с мигалкой на крыше, приказал водителю:

— В аэропорт.

Через несколько дней как-то сразу прекратились траурные причитания и воздыхания по внезапно ушедшему из жизни Узлары. Будто отрезало. Запаниковавшая поначалу якшичульская олигархия успокоилась. Все, как и прежде, пошло своим чередом. Правда, из Москвы прибыл следователь по особо важным делам с группой следователей помельче рангом. Однако они интересовались не хлопком, а злоупотреблениями в системе торговли.

Назимов, Хамдамов и Ширинходжаев бросили приездом законникам «аппетитную кость», то есть отдали на «съедение» директора гастронома Теткина, заведующего кафе «Радость» Елдыбаева и начальника разделочного цеха мясокомбината Жабьева, пообещав им скорое освобождение с последующим повышением по

службе. Кроме того, гостям предложили в виде «премии», что ли, пятерых завов хлопкопунктов, не очень тароватых на «отчисления от прибылей», у которых действительно обнаружились мелкие злоупотребления и порча хлопковых бунтов, да одного строптивного директора совхоза.

Столичных гостей окружили вниманием, оглоушили традиционным хлебосольством, запарили в саунах и с почетом отправили восвояси с довольно внушительным материалом, свидетельствующим о том, что комиссия проделала солидную работу по очищению торговой системы от случайных лиц и хапуг и даже в хлопководстве навела определенный порядок.

Статья А. Хамдамова «Строго соблюдать социалистическую законность» была опубликована в «Якшичульке» не напрасно. Вскоре ее автор получил письмо, написанное тем же неустоявшимся почерком, что и «донос» в Москву. Письмо с местным штемпелем. Значит, авторы его находятся в Байрамкенте. Залихватская манера свидетельствовала о молодости его сочинителей.

Хамдамов вчитывался в каждую буковку. На обидные слова в его адрес не обращал внимания. Хорошо смеется тот, кто смеется последний. Мальчишки!.. Пишете, что разгадали хитрость, не собираетесь приходить за «наградными»!.. Эврика!.. Совсем круг сузился. Как в детской игре в прятки... Тепло... Тепло... Горячо!.. Вы, глупенькие, пишете, что ненавидите меня и всех мне подобных более люто, чем кровожадного убийцу Джехансуза, с которым все же покончили, а со мною тем более покончат!.. Кто же это такой, Джехансуз?..

Ветераны-розыскники об уголовнике «Джехансузе» ничего не слышали. Среди местных хулиганов «керри» с такой кличкой тоже не обнаружено.

Ахмаджан обратился за консультацией к историку-востоковеду. Тот, покопавшись в старинных фолиантах, сообщил: «Джехансуз» то есть «Сжигатель вселенной». Это прозвище носил основатель династии Гуридов гурский правитель Аллауддин Хусейн. Двенадцатый век.

Что за чертовщина! Как авторы письма могли с ним разделаться? А разыскать шантажистов просто необходимо. Они угрожают разоблачениями, обещают «вывести всех негодяев на чистую воду»!

Как это нередко бывает, помог «его величество случай». Горком комсомола направил в распоряжение УВД демобилизованного парня. Ахмаджан очень серьезно

относился к кадровой политике. Мало ли кого могут прислать? Потом хлопот не оберешься. И хотя прибыл бывший солдат на должность рядового милиционера, начальник УВД захотел лично с ним познакомиться.

Перед ним предстал крутоплечий здоровяк, еще щеголяющий в форме десантника, с медалью «За отвагу» и багровым шрамом через всю правую щеку. Представился по-военному:

— Рядовой Ишмухамедов прибыл для дальнейшего прохождения службы в милиции.

Хамдамов был в штатском, и поэтому разница между начальником и новым подчиненным чувствовалась не слишком отчетливо. К тому же хитрый Ахмаджан заговорил с парнем по-отечески, ласково. Расспросил о родителях, о здоровье. Парень отвечал ясно, четко.

— А как по имени тебя, сынок?

— Адыл, товарищ генерал.

— Хорошее имя. И то, что субординацию соблюдаешь, хотя я и в штатском, тоже молодец. Военная косточка. Пришлось понюхать пороху?

— Так точно!..

— Ладно, — добродушно усмехнулся Хамдамов и отмахнулся, — обойдемся без чинов. Где шрам заработал?

— Да вот... Так вышло, — парень смутился и почему-то покраснел. — Врукопашную сошлись с душманами... Меня и полоснул ножом один.

— Почетное ранение, почетное. Теперь ты настоящий мужчина. Рукопашная, надеюсь, победой кончилась?

— Если бы одна... Их много было, рукопашных. Пока Джехансуза прикончили, попотеть пришлось...

От неожиданности Хамдамов вскрикнул и подскокил в кресле.

Парень с удивлением посмотрел на своего начальника. Но Ахмаджан уже успел взять себя в руки. Произнес с деланным равнодушием:

— Не обращай внимания, сынок. Радикулит проклятый дает о себе знать. Так ты сказал, что Джехансуза прикончили. Кто этот Джехансуз?

— Главарь большого вооруженного формирования.

— За Джехансуза «Отвагу» получил?

— Так точно.

— Большими силами действовали?

— Батальон плюс афганские десантники. Но глав-

ный удар душманов приняла наша рота, рота капитана Смолянинова.

— Расскажи поподробнее.

Парень рассказал о бое, уже известном читателям. Начальник УВД слушал внимательно, в особо захватывающих местах ахал, сочувственно вздыхал. Затем спросил:

— А скажи-ка мне по совести, могут десантники остальных рот, которые лишь под конец прибыли добивать банду, — могут ли они утверждать, что они, именно они доконали Джахансуза?

— Вряд ли. Не скажут. Ребята скромные, честные. От нашей роты пятеро в строю осталось, а в остальных ротах потери минимальные.

— Правильно мыслишь, солдат. А много ли в вашей героической роте наших земляков, а?

— В моем третьем взводе Тургунов, убит. Сержант Салахутдинов. Тяжело ранен. В других взводах... Иса Карабашев, ташкентский. Убит. Бахрами, Руднев... Сильно поранены...

— А разве этот, как его... Руднев, что ли?.. Твой земляк? — не удержался тайный националист от дурацкого вопроса.

Парень с удивлением воззрился на нового своего начальника.

— А как же? Он из Байрамкента. Нас всего-то в роте из Байрамкента было трое — я, Бахрами и Руднев.

— Правильно мыслишь. Молодец. Ну иди, оформляйся. От души поздравляю с началом службы в органах милиции. Будешь служить честно, дослужишься и ты, я уверен, до генеральского чина, ха-ха-ха!.. Успехов тебе, рядовой Ишмухамедов!

Хамдамов пожал руку обласканному парню, даже проводил до двери. И решил, что при первом удобном случае избавится от этого наивного, и, по всему виду, чересчур уж честного мальчишки.

Затем вызвал верного своего помощника Рябошапку, приказал через военкомат установить адреса Тимура Бахрами и Алексея Руднева. (Их имена он успел выведать у милиционера-новобранца). Бойко же дал строгое указание учредить за Бахрами и Рудневым негласный надзор.

— А может, их в управление повесткой вызвать? — предложил Бойко, глуповатая внешность которого была обманчива. Изворотливостью ума начальник уго-

ловного розыска превосходил самого Хамдамова.

— Это зачем?

— Скажете им, что предлагаете служить в милиции. Ребята боевые. Пороху понюхали. Предложите им поступить в школу милиции.

Ахмаджан в душе даже позавидовал смекалистости своего розысника. Одобрительно кивнул.

— Дело говоришь. Предложим написать заявления, сличим их почерки с письмом. А если откажутся, пусть напишут мотивированный отказ. Спросят: «Зачем писать?», скажем: «Для горкома комсомола. Для отчетности». Нас ведь часто упрекают, будто мы не привлекаем молодежь к службе в рабоче-крестьянской милиции!

Леша позвонил Тимуру.

— Повестку получил?

— Получил. Ты — тоже?

— Ага. Давай встретимся.

— В сквере, как всегда?

— Да.

Ноябрь был на исходе, но на дворе все еще хозяйничало «бабье лето». Летала паутинка, нежарко грело солнышко, желтоклювые афганские майны и не собирались улетать в родные края. На фасадах домов все еще красовались праздничные транспаранты и флаги по случаю успешного перевыполнения областью плана хлопкозаготовок и повышенных социалистических обязательств.

— Кажется, крокодил Хамдамов нас подозревает, — сказал Тим.

— Вряд ли, — возразил Леша. — Набор на работу в милицию демобилизованных обычное дело.

— Это, конечно, верно, — задумчиво произнес Тахир (друзья его тоже позвали на совещание), — однако в таких случаях приглашают в райком или в горком комсомола, вручают путевку. А тут — напрямую. Нет, Тим дело говорит.

— Но ведь не пойти нельзя.

— Что ж, сходите, — улыбнулся Тахир. — На месте разберетесь. А я вас подстрахую. Как когда-то говорили в Афгане — прикрою огоньком. У нас в резерве сам Максим Максимыч, подполковник Энский.

В это же время Бойко докладывал Хамдамову.

— Тимур Бахрами и Алексей Руднев уволены из армии по ранению. Служили в десантных частях. В настоящее время заканчивают курс лечения амбулаторно. Где-то в середине января будущего года собираются вернуться на завод «Реммех», где до призыва в армию числились слесарями второго разряда.

— Учиться в институте не собираются?

— Очень может быть, что поступят учиться. Во всяком случае, их товарищ, Тахир Ульмасов, водитель автокрана, учится на инженера заочно. И им советует.

Хамдамов вспыхнул.

— Что ж ты, лопух, об этом, как его!..

— Тахир Ульмасов..

— Об Ульмасове вскользь. Это же одна бражка! Кто он, Тахир Ульмасов?

— Тоже «афганец», но служил раньше и в других частях. Тяжело ранен. Без ступни. Награжден орденом Красного Знамени...

— Ишак безмозглый! — вскричал Ахмаджан. В гневе он не стеснялся в выражениях. — С него надо было доклад начинать! Ясное дело — он закоперщик. И возрастом старше, и вообще... Что-нибудь замечено?

— Пока ничего подозрительного.

— Куда ходят, с кем общаются?

— В том-то и дело, что никуда не ходят. В прошлое воскресенье ездили в кишлак Иккисай. На плов их местные парни пригласили.

— Откуда у них знакомство в Иккисае?

— Местные ребята помогли им памятник установить на кладбище. Надпись выбили на камне.

— А может быть, под камнем и лежит... Это самое?

— Исключено. Памятник установлен раньше ограбления. Похоронена Климович Нина Александровна, шестьдесят четвертого года рождения. Погибла в Афганистане...

— А!.. Слышал. К какому часу вызваны Бахрами и Руднев?

— К одиннадцати утра. Вот-вот должны прибыть.

— Ладно. Свободен. Как придут, давай их ко мне.

Разговор начальника УВД с «подозреваемыми» явно не получился. Парни отказались от службы в милиции, ссылаясь на плохое состояние здоровья.

— Вы ребята молодые, крепкие, — наставлял Хам-

дамов. — Раны заживут. Неужели вам все равно, что по городу и области разгуливают преступники?

Тимур не удержался, съязвил:

— Преступников, хулиганье всякое, шляющееся по улицам, мы и без милиции в чувство приводим. А вот которые по важным кабинетам сидят...

— Ну-ну, договаривай! — с излишней поспешностью проговорил Хамдамов, шкурой почувствовав, что это камешек и в его огород.

— А что договаривать, — вмешался Леша. — Все и так понятно.

— Что понятно?

— Много ворюг на солидных должностях засело.

— Вы это мне прекратите! — грозно произнес начальник УВД. — Нездоровые разговорчики. Льете воду на мельницу этих самых... как их?.. Диссидентов! Воров мы выявляем и пресекаем. Вот недавно был изобличен директор «Гастронома» Теткин...

— Пескаря поймали, а шуки на свободе, — вновь съязвил Тим.

— Прекратите! — Хамдамов яростно хлопнул ладонью по столу. — Распустили языки! За такие разговорчики можно из комсомола в два счета вылететь!

— Можно и из партии вылететь, — невинным голоском добавил Тимур.

— Вы что, члены партии?

— Нет еще. А вы, товарищ генерал? — синие глаза Тима откровенно смеялись над грозным начальником, а слова «товарищ генерал» он произнес так, словно непечатно выругался.

Ахмаджан побагровел. Манера парней разговаривать сбила его с отеческого назадательного тона. И вообще вышибла из колеи. Они же явно хамят, а придраться трудно. «Как теперь выйти из положения? — лихорадочно соображал начальник. — Они явно, — невооруженным глазом видно! — ненавидят меня. Значит, наслышаны кое о чем-то. Вот... пополз все же слух об ограблении Века. Шербек на людях категорически отрицает ограбление, уверяет, что и грабить-то у него нечего. Однако не утихает слух. Кто мог проболтаться?.. Зря я велел допросить охранников Шербека. С перепугу могли дома проболтаться, хотя их и предупредили помалкивать. Брякнул дуrolом мамаше, та — соседке, и пополз слухок!.. Нехорошо. А что если арестовать наглецов-«афганцев», предъявить обвинение в

ограблении Века?.. Интуиция подсказывает, это их рук дело, хотя работали явно профессионалы высокой квалификации. Выбить на допросах признание и — дело с концом... А вдруг не они?.. Хоть и мальчишки еще, а уже с заслугами. Воины-интернационалисты, ветераны. И родители у них, докладывал Бойко, люди с положением. Впрочем, плевать на положение. Не таких усмиряли... Нет, рано их в камеру или в следственный изолятор. Надо еще понаблюдать. Не может такого быть, чтобы они не навестили местечка, где спрятали вековские фляги... Если, конечно, ограбление Шербека — их работа».

И потому, проглотив обиду, Ахмаджан сделал вид, что наглый вопрос о партийности, обращенный к нему, расценил как шутку.

— Зеленые вы еще юнцы, как я посмотрю. Пора бы знать: генерал не может быть беспартийным.

— Слышь, Тим? — вмешался Лешка. — В генералы и вправду без партийного билета не пускают. Как в наш первоклассный ресторан «Интурист» — гостя без галстука.

«Наглые мальчишки, хулиганье! Но придется и на сей раз скрыть обиду. Надобно усыпить их бдительность». Хамдамов несколько деланно расхохотался и подвел итог разговору.

— Жаль упускать таких молодцов из своих рук, но что поделаешь? Насильно мил не будешь. Видно, вы, геройские вояки, все свое мужество в горах Афганистана растеряли. Рисковать надоело, верно?.. Ладно, напишите мотивированный отказ... Для горкома комсомола. И идите на все четыре стороны.

Леша удивленно вскинул брови.

— Да мы сами зайдем в горком, объясним.

— Точно! — поддержал друга Тим.

— Бумажка, ребята, нужна. С нас ведь требуют. А то ведь без конца упрекают: не подбираете кадры для милиции, игнорируете молодежь. Бумажка необходима. Сами знаете — «без бумажки ты букашка, а с бумажкой...»

— «А с бумажкой — генерал», — закончил Тимур, не моргнув глазом.

Хамдамова внутренне всего передернуло. Но и на этот раз сделал вид, будто оценил шутку, и очень ею доволен.

— Хош!.. Так и быть, можете не ходить в горком.

Я сам все объясню. Не бойтесь, что дам вам не очень лестную характеристику? На свои былые заслуги не уповайте. Людей ценят не по прошлым, а по сегодняшним делам.

— Воля ваша, товарищ генерал. Только что с нас взять? — промолвил Тим и сделал печальное лицо. — Мы до армии на слесарей выучились. Это с больших людей большой спрос. Недаром сказал мудрец: «Кесарю кесарево, а слесарю слесарево».

«Опять — выпад! Угроза даже!» — Хамдамов кисло улыбнулся. Встал из-за стола. Сказал:

— Хош. Не хотите писать, обойдемся. Вы свободны. Если надумаете все же — приходите, всегда будем рады.

Миновал декабрь. Наступил 1984-й год. Паника, охватившая «бомонд» в связи с кончиной Узлары, улеглась.

«Бомонд» взбодрился. О Якшичульском оазисе вроде бы как-то и забыли. Жульнические махинации с хлопком, взяточничество, воровство, беззаконные возродились, как мифическая птица Феникс из пепла. Особенно развернулся Лев-Шербек. Ведь он был ограблен и поэтому обрел моральное право брать со своих подчиненных двойной «ясак», чтобы как-то компенсировать понесенный огромный материальный ущерб.

Назимов заседал на Хамдамова, требовал во что бы то ни стало разыскать «обидчиков» Века. Не оставлял в покое начальника УВД и Рапо-хан. Одилбай помнил о заслугах своего «начальника штаба», ценил его и изо всех сил старался помочь Льву Львовичу, и потому директора хлопкозаводов, завыв хлопкопунктов, председатели колхозов кряхтели под тяжестью зверских поборов. Чтобы хоть как-то свести концы с концами и самим иметь «живую копейку», они удвоили, утроили злоупотребления. Уже до того дошло, что вместо хлопка стали сдавать и принимать какую-то мокрую кашу!

После утраты своего покровителя и друга Одилбай Парпиев поубавил спеси. Но все же был еще грозой области. Назимов тоже притих. «Главный милиционер» области Хамдамов продолжал поиски «обидчиков» Века. Но и он осторожничал. В былые времена он давно бы арестовал Тима, Лешу и Тахира. И выколочил из них признание. Но наступили уже не те времена. В соседней области работала бригада москов-

ских следователей. И вообще... Правда, удалось выяснить, что письма писал вроде бы Тимур Бахрами, правда, измененным почерком. Однако стопроцентной уверенности не было. В юношеском возрасте почерк меняется. Да и что толку. Ну, сознается он, скажет: «Я написал. Пошутить захотел». И что дальше?.. Главное — где они драгоценные фляги схоронили! Не держат же они эти фляги, драгоценные молочные фляги Века, в своих квартирах? Наверняка спрятали их где-нибудь в укромном месте. Но где?.. Где?! Обычно грабители, «заначившие дуван», периодически посещают место «схоронки», потому как волнуются — не хапнули случайно кто их добро! А эти мальчишки ведут себя спокойно. Работают на заводе «Реммех», встречаются, говорят о всяких пустяках. Но, видимо, и о чем-то серьезном толкуют между собой. Но всегда такое место выбирают, что не подслушать. Шайтан их разберет, о чем у них гап? Может, и не они вовсе «пощупали» Века?! Но как же тогда похожий почерк?.. Упоминание о Джехансузе!..

И вновь «его величество случай» помог Хамдамову. Из далекой Молдавии прибыло письмо Леше и Тиму от Степана Ротару. После памятного боя, закончившегося разгромом бандформирования Джехансуза и гибелью ее главаря, Тимура и Лешу «вертушка» немедленно доставила в кабульский госпиталь, а оттуда — в окружной. Степу же вскоре демобилизовали, и он потерял с боевыми друзьями связь. Приехал домой, в колхоз — закрутился в веселом водовороте гражданской жизни. А в августе надо было уже готовиться к вступительным экзаменам в юридический институт. Переезд в Кишинев. Студенческая коловерть. Любовь «с первого взгляда», женитьба...

Лишь в начале марта 1985 года Степа обратился в байрамкентский горвоенкомат. Прианхорский районный комиссар ответил на запрос: оба боевых друга Степана Ротару живы, их адреса... и так далее. Вот и отправил Степа товарищам-«афганцам» письмо, рассказал о себе, расспросил о их житье-бытье...

Леша с Тимом, как мы знаем, тоже были в хлопотах, и поэтому день на день откладывали розыски Степы. Получив же письмо от него, немедля засели за ответ. И тут они допустили промашку. Письмо писал Тимур. И он же писал письмо в Москву. Проскочили в нем такие слова: «Приезжай, Степа. Поможешь нам

доконать одного негодяя. Мы его уже на три фляги наказали. Надо этого Века доконать».

И это письмо легло на письменный стол Хамдамова.

Начальник УВД сличил почерки обоих писем, задохнулся от восторга («Попались, голубчики!») и досады за то, что потерял столько времени зря на выслеживание своих врагов. Вызвал Бойко. Приказал:

— Немедленно арестовать всех троих!.. Ну, этих, сам знаешь.

Через полчаса Тимур, Леша и Тахир сидели перед грозным начальником ОУВД генералом Хамдамовым, остриженные под «нолевку», с металлическими наручниками на запястьях.

Примчались в управление взволнованные родители арестованных. Им объявили: Тахир, Алексей и Тимур уличены в совершении тяжкого преступления. Идет дознание. Свидания с арестованными категорически запрещены.

Назимов, Хамдамов, Рапо-хан и, разумеется, Лев-Шербек ликовали.

От повествователя.

Надеюсь, Вы помните, уважаемые читатели, что заключительную повесть я озаглавил «Deus ex machina». Незавидна была бы судьба моих молодых героев, если бы...

Впрочем, убежден, Вы уже догадываетесь, что без вмешательства Громовержца описанная мною история окончилась бы весьма печально.

К счастью, раздалось грозное и желанное: «Я вас!..»

А поначалу было так.

КРАХ, ИЛИ «HAPPY END»

(Из протоколов допросов, записанных задним числом повествователем).

Хамдамов. Я с тобой уже третий час валандаюсь. Пойми, глупец, ни тебе, ни твоим друзьям тюрьма не грозит, если только укажете, где спрятали обнаруженный вами случайно клад. Никто вас в ограблении Вэка не обвиняет. Лев Львович и не подозревал, что в его дворе закопан клад. Вы, все трое, получите четвертую часть...

Та х и р. Напрасно теряешь время, подонок, напяливший на себя генеральскую форму! Ничего ты от меня и от моих товарищей не узнаешь!

Х а м д а м о в. (Багровея от гнева). За оскорбление генеральского мундира!..

Та х и р. Плевал я на тебя! Думаешь, испугался твоих палачей? В Афганистане я видел трупы наших воинов. Раненые, потерявшие сознание, они попали в лапы извергов. Их подвергали изощренным пыткам. Но они вынесли нечеловеческие муки, не сказали ни слова. Только плевали кровью в зверские рожи палачей. Теперь я и мои товарищи попали в лапы зверей. Вы еще хуже и опаснее кровожадных душманских главарей. Хуже и презреннее потому, что прикидываетесь людьми, глумитесь над нашими идеалами...

Х а м д а м о в. Замолчи! Мое терпение лопается. Еще одно слово — и я прикажу тебя и твоих дружков.. При попытке к бегству! Понятно?

Та х и р. (Усмехаясь) Не прикажешь, нет. Я вот сейчас тебе в морду харкну — все равно не прикажешь. Потому что тогда сгинут миллионы. И я убежден, что ты даже сам попросишь, чтобы я плюнул тебе в морду, лишь бы заполучить миллионы, наворованные таким же негодяем, как ты.

Х а м д а м о в. Эй, Бойко! Займись со своими помощниками этим типом. Слов он, оказывается, не понимает. Сделайте ему «массаж» для прочищения мозгов.

(Из допроса Алексея, приведенного в наручниках).

Х а м д а м о в. Ас-салам алейкум, Лешаджан! Вах!.. У тебя на лице кровоподтеки? Кто это тебя? Безобразия!.. Скажи — кто, я с него шкуру спущу. Разболтались, понимаешь...

Л е ш а. (Вежливо улыбаясь.) Подойдите поближе, я скажу — кто.

Х а м д а м о в. Умные речи приятно слушать. (Приближается к Леше. С возгласом «Ххх-эээ!» Алексей в прыжке бьет ногой Хамдамова в пах. Тот, рухнув на пол, корчится от боли. Охранник бросается на Алешу, но получает тяжелым башмаком по коленной чашечке и, взвыв, тоже падает. На шум вбегают другие охранники).

Л е ш а. Эх, не было бы наручников! (Охранники бросаются на Лешу. Слышно хриплое дыхание и звуки,

похожие на те, когда энергично взбивают кулаками подушку).

Хамдамов. (Все еще корчась.) Так его!.. Только не до смерти. Он нам еще нужен.

(Из допроса Тимура).

Хамдамов. Извини, но вынуждены привязать тебя к стулу. Дружки твои плохо себя зарекомендовали.

Тимур. Я за друзей не отвечаю. Отвяжите. В противном случае говорить не стану. А мне есть что сказать. Место указать, например, где... Понимаете?

Хамдамов. Не верится что-то.

Тимур. Как хотите. Надоело мне все.

Хамдамов. Отвяжи. (Охранник повинуется.) Ну вот, я твою просьбу выполнил. Теперь говори. Дженгльменское соглашение.

Тимур. Какой я дженгльмен в наручниках? Да вы не опасайтесь, я смиренный. Вы бы еще с завязанным ртом заставили говорить!

Хамдамов. Даешь слово, что будешь вести себя нормально?

Тимур. Даю.

Хамдамов. (Охраннику) Позови еще одного. И глаз с него не спускайте. (Появляется второй охранник. Ахмаджан самолично отмыкает наручники)... Ну вот, Тимурджан, ты почти на свободе. Плюнь ты на своих дружков-упрямцев. Четверть стоимости клада!.. Бешеные деньги!.. Делай что хочешь!..

Тимур. Ну, Максим Максимыч, принимай экзамен!..

Хамдамов. Какой еще Максим Максимович?

Тимур. Бог. Отец. Глава. Закон!

Хамдамов. Тронулся ты, что ли? Плетешь бессмыслицу!

Тимур. (Хватает Хамдамова и делает ему «мельницу», тот перелетает через письменный стол, сильно ударяется затылком об угол массивной подставки для телефонов и, распластавшись на полу, остается недвижим. Охранники кидаются на Тимура, но достойный ученик славного подполковника Энского проводит два молниеносных приема, и охранники повержены — один, получив разящий удар ребром ладони по горлу, катается по полу, другой тихо лежит в глубоком нокауте)... Довольны, товарищ гвардии подполковник?.. Как вы любите говаривать?.. «Не посрашим земли русской!» Теперь обезоружим врагов. Так. Два пистолета. Это уже

кое-что... А-а-а!.. Вы зашевелились, фальшивый генерал?.. Позвольте и ваш пистолетик... Эй, ты, нокаутированный! Тоже очухиваться начинаешь? Прекрасно. Теперь без шума хватай за шиворот своего блюющего напарника и волокни отсюда подальше. Без шума. Иначе первая пуля тебе, вторая — твоему гнусному хозяину. Ну, живо... Живо!.. А я за тобой запроу дверь... Хайр булмаса! Будь здоров.

...Заперев дверь на ключ, Тим приблизился к все еще не пришедшему в себя Ахмаджану, взял со стола наручники и защелкнул их на запястьях генерала.

— Так будет лучше. Что поделаешь, власть, как говорится в одной веселой оперетке, переменилась. Потерпите, ваше гнусное превосходительство. Чуть позже я вас обслужу. А пока посидите на полу. И не рыпайтесь. Стреляю без предупреждения. Я только позвоню по телефону, пока его не отключили ваши холун. Ого!.. Уже стучат в дверь. Скажите им, чтобы не мешали. Скажите, что мы с вами обсуждаем важную секретную проблему. Ну же!.. Я не шучу, стреляю без промаха. С двух шагов мудрено промазать. Мне терять нечего. Только дураки могут поверить вам и вашим обещаниям насчет вознаграждения за открытие места нахождения драгоценных вековских фляг. Как только вы ими завладеете, вы нас тут же... «при попытке к бегству»... Или оформите «побег», объявите всесоюзный розыск, который, разумеется, окончится ничем, поскольку нас надежно упрячут в Кора-тепа, подземелье, принадлежащее на правах личной собственности Одилбаю Парпиеву. Не так ли?..

В дверь продолжали грохотать кулаками и сапогами. Слышится пропитой, хриплый бас Бойко:

— Что случилось, шеф?! Сейчас мы выломаем дверь!..

— Скажи ему, чтобы поумерил пыл, — приказал Тим. — А то я нервничаю и могу с перепугу нажать на спуск.

— Прекратите!!! — изо всех сил гаркнул Хамдамов. — Всем отойти от дверей. Приказываю! Я веду секретные переговоры.

Тимур отыскал городской телефон, набрал московский код и, услышав гудок, накрутил номер телефона. Парень держался внешне спокойно, но в душе у него все трепетало. Если московский абонент не ответит, —

все пропало! Опричники Хамдамова спохватятся, наконец, и отключат телефоны... И что тогда? Весь план рушится! Не стрелять же, в самом деле, в затылок этому негодяю, хотя законные девять граммов по нему давно плачут.

В трубке, увы, раздавались долгие гудки. Никто не подходил к телефону. У Тима засосало под ложечкой. Еще раз набрал номер — то же самое. Пересиливая волнение, парень стал насвистывать веселую песенку «Как хорошо быть генералом!..» Затем приказал все еще сидящему на полу Хамдамову:

— Ну, генерал без армии, вызывайте по селектору своего Малюту Скуратова, — я имею в виду алкаша Бойко, — и произнесите следующие слова: «Немедленно привести ко мне задержанных Тахира Ульмасова и Алексея Руднева. Вводить в кабинет по одному... Категорически запрещаю предпринимать какие-либо самовольные действия. Любая ваша самодеятельность будет стоить мне и вам жизни».

Хамдамов, полумертвый от страха, повиновался.

Через несколько минут в кабинет шагнул Тахир, следом за ним Алеша. Друзья сразу смекнули, что произошло. Тахир воскликнул, улыбаясь:

— Ай да Тим, ай да сукин сын! Как же это ты умудрился?

— А, пустяки! — отмахнулся Тимур. — Берите лучше пистолетики и занимайте оборону.

— Ну прямо как в Торкелae! — восхитился Леша. — Только вот Джехансуз пойман. А жаль, надо бы этого... тоже под гусеницы. Что дальше, Тим?

— Будем ждать девяти часов вечера. Я уже звонил Максиму Максимовичу. Телефон не отвечал. Должно быть, он и жена на работе.

— А сыновья?

— Сыновья заядлые спортсмены, — вмешался Тахир. — Они и вовсе поздно домой заявляются. Сейчас местное время — шесть вечера. Значит, в Москве три часа дня. Долго еще ждать.

— Что предлагаешь?

— Надо позвонить Максиму в школу. Телефон я знаю.

— Так что же ты!.. Звони.

В Москве к телефону подошел директор школы.

— Военрук на занятиях...

— Немедленно позовите! — заорал на директора Тахир. — Слышите?! Сию же минуту. Вопрос жизни и смерти. Поняли?! Немедленно!..

Услышав эти иступленные слова, Ахмаджан Хамдамов оцепенел, нервный озноб продрал все его существо от темени до пят. Перед мысленным взором он уже видел свой собственный труп — окостеневший, с раскроенным черепом! Неужели тот... Кто в Москве... не позвонит к телефону, кого нужно этим?..

Ахмаджан так и не нашел подходящего слова. Смертный ужас помутил разум. «Хоть бы того позвали!.. О аллах!.. Помогите!..»

Однако иступленный тон Тахира подействовал и на директора. Через несколько минут в трубке послышалось:

— Энский у телефона. Кто это стоит на краю жизни и смерти?

— Товарищ гвардии подполковник, — перебил Тахир. — Это я, лейтенант Ульмасов. Не перебивайте. Времени в обрез. Могут отключить телефон. У вас хранится мое письмо. Да, в запечатанном виде. Прочтите и тут же принимайте меры. Мы захватили начальника управления УВД Хамдамова. Кто мы?.. В письме все сказано. Мы держим оборону и будем держать ее либо до прибытия помощи, либо до последнего патрона!.. Нет, не шучу. В письме все подробности. Кто такой Хамдамов?.. Один из главарей преступной банды... Да-да. Если нас не станет... Не перебивайте!.. В письме все детали, все фамилии... Алло!.. Алло!..

Тахир швырнул трубку. Зло выругался.

— Отключили, сволочи! Теперь будем сидеть и ждать у моря погоды. Ну, Максимыч, не подведи!

— Утихомирь эмоции, друг, — миролюбиво произнес Тим. — Главное, ты дозвонился. Максимыч прочтет письмо, взыграет в нем боевой дух, не оставит нас в беде. Не в его правилах.

— Лишь бы в Москве он не напоролся на негодяев из шайки Узлары и байрамкентских сукиных сынов, — вздохнул Леша.

— Максим Максимыч — голова, он своего добьется. Да и время сейчас для негодяев не очень подходящее. Весна! Апрель на дворе. Не только природа пробуждается от зимней спячки...

Вдруг резко зазвонил правительственный телефон, «вертушка». Леша взял трубку.

— Кто у телефона? — раздался требовательный голос.

— Почему так грубо? Вы звоните, вы и назовите себя.

— Кто это?! — прогремело в трубке еще требовательнее.

Леша бросил трубку на рычаги.

— Зря ты так, Леша, — сказал Тахир. — По всему видать, назревают переговоры. Надо быть дипломатом, дорогой мой. Нам очень кстати потянуть время.

Вновь ожил правительственный аппарат.

— Тахир Ульмасов слушает.

— Назимов говорит, — услышался властный голос. — Ты кто такой, а?.. Знаешь, чем террористическая акция пахнет?! Немедленно освободить Хамдамова. И чтобы ни единого волоска не упало с его головы! Иначе...

— А вы на меня не кричите. Что еще за мода орать? Ни единого волоса не упало!.. Мы его уже лысого взяли!.. Какой Назимов говорит?.. Уж не чистильщик ли ботинок, который сидит в будке возле универмага? — не удержался от озорства Тахир. Друзья его заулыбались, а физиономию Хамдамова, все еще сидящего на полу, исказила гримаса ужаса. Он силился подняться, но не мог. Ноги отказывались служить. Тим с Лешей подхватили его под руки, усадили на диван. Тем временем телефонный разговор продолжался.

— Щенок! — заорал Назимов. — Первый секретарь говорит! Если ты и остальные члены террористической группы откажетесь прекратить сопротивление, я прикажу взять кабинет приступом!

— Хорошо придумано. Успех штурма обеспечен. У нас всего три пистолета и не так уж много патронов. Но возьмете вы не нас, а наши трупы и дохлого своего сообщника. Как только дверь кабинета будет выломана, первую пулю в затылок получит Хамдамов.

Назимов долго молчал. Затем в трубке услышался другой голос. Хриплый, каркающий голос Одилбая Парпиева, — Рапо-хана.

— Слушай, бола! Да, бола, потому что ты ведешь себя как мальчик. Рапо-хан слова на ветер не бросает. Предлагаю условие: мы даем вам трюм официальный документ в получении от вас случайно вами обнаруженногоклада и выплачиваем законное вознаграждение. Только кончайте базар. Весь город возбужден. Подрыв авторитета власти.

— А где гарантия, что нас не арестуют, как только мы прекратим держать оборону?

— Понятых позовем.

— Надо посоветоваться. Дело серьезное. А пока... Распорядитесь, чтобы нас накормили. В кабинете все хорошо оборудовано. Даже комната для отдыха есть и персональный туалет. И холодильник имеется. В нем коньяк, импортное консервированное пиво, лимоны. А поесть — хоть шаром покати. Прикажите из ресторана «Интурист» прислать что-нибудь вкусненькое... Нет, я серьезно.

Рапо-хан бросил трубку. Однако сидевший рядом облпрокурор укоризненно покачал головой и снова набрал трехзначный номер.

— Ширинходжаев говорит. Да, облпрокурор. Еду вам доставят. Но имейте в виду: если к утру вы не освободите начальника милиции, родителей ваших мы арестуем по подозрению в соучастии... Соучастии в чем?.. Спрашиваете? Наивные молодые люди. Был бы хомут, а шея всегда найдется.

Леша сделал Тахиру знак, чтобы он передал ему трубку.

— Алексей Руднев у телефона. Слушайте наши условия. Мы здесь набросаем статью о подлеще и лихоимце Веке Льве Львовиче, о тех, кто ему помогал разваливать хлопководство и тоже обогащался. Работы на пару часов, не более. Произведение свое мы подсунем под дверь, и чтобы оно было напечатано в «Якшичуйской правде» в следующем номере. Утром подсунете газету нам, тоже под дверь. Если статья действительно окажется напечатанной и без купюр и искажений, мы сразу же прекратим сопротивление.

После долгого молчания (видимо, в кабинете Назимова совещались) прокурор буркнул:

— Ладно, пишите. Еду принесут.

† — Зачем согласился? — рычал на Ширинходжаева Рапо-хан. — Статья-матья... В своем уме?!

Ширинходжаев огрызнулся, чего раньше никогда себе не позволял. Он боялся Одилбая.

— Я-то в своем уме, не то что некоторые, — только грозить и орать горазды! Пусть пишут. Им обед с ужином принесут. Очень вкусный.

— Чего плетешь?! — взорвался Рапо-хан.

— Покушают и заснут крепчайшим сном. Но чтобы заснули, надо нам об этом позаботиться. Понятно?

Назимов просиял, воскликнул:

— Тхе!.. Ай да прокурор!.. Голова!.. Немедленно Бойко сюда. Раздобыть сильнейшего снотворного!..

Обед и ужин «террористам» доставили обильный, на четырех подносах. Борщ, отбивные, закуски, салат, компот из консервированных вьетнамских ананасов. Минеральная вода...

Проголодавшиеся парни мигом расставили тарелки и судки на письменном столе. Сунули судок с борщом и Хамдамову, сидевшему с потеряннм видом на диване. Как вдруг Тахира осенило, и он воскликнул:

— Стоп! Отставить еду. Пускай сперва насытится наш пленник.

— Чего это ты? — удивился Леша.

— По чинам, что ли, будем есть? — обиделся Тим.

— У вас, ребятки, надо полагать, голова для того и приделана к организму, чтобы жевать. А ею и думать надо. С кем дело имеем? С негодяями. Они наверняка снотворного в еду подсунули. Испытаем на проголодавшемся пленнике.

Голодным здоровенным парням было мучительно наблюдать, как их тоже проголодавший враг жадно поглощает ароматнейший борщ по-флотски, баранью отбивную, компот... Наконец он съел все. Выпил боржома. Попросил закурить. Сообразив, что ему пока смерть не грозит, а если в еде снотворное, то это не так страшно — ну, поспит хорошенько, отключится от волнений на время! — Ахмаджан воспрянул духом.

— Зря вы это затеяли, ребятки, — заговорил он отеческим тоном. — Плетью обуха не перешибешь.

— Это вы, жулье разное, пробравшееся на важные посты, зря все затеяли. Газеты, небось, читаете?

— А как же! — ухмыльнулся Ахмаджан. — Мы и раньше читали. Много интересного читали. И жили себе в удовольствие. Вас еще и в проекте не было, а мы уже читали про развитие группы «Б» в промышленности, и про то, что нам Гоголи и Щедрины нужны. И «Оттепель» нормально пережили. И «демократизацию-леонидизацию»... Молодые вы... — пленник зевнул. — Головы горячие... Петух вас в «десятку» еще не клевал...

Хамдамов не договорил, Склонил голову и медлен-

но повалился на диван. Захрапел — протяжно, с свистом и подвыванием.

Двое суток держались «террористы» в кабинете Хамдамова. Телефоны были отключены. Что приходило во внешнем мире — темна вода. Осаждавшие больше не звонили, не предлагали никаких условий. Чего-то выжидали. Молодых здоровых парней мучил голод. Невыносимо было смотреть на пленника, который на удивление быстро приспособился к своему новому положению и, не без злорадства, пожирал вкусные еды, — после чего крепко засыпал.

— Что-то замешкался наш Максимыч, — вздохнул Леша.

— Эдак без еды мы долго ли протянем? — Тим проглотил голодный комок.

— Протянем! — угрюмо произнес Тахир. — В горах, под Хостом, нашему отряду неделю пришлось продержаться. Энзе кончился, безводье. А здесь «Боржоми» еще пятнадцать бутылок. Пиво есть. Немцы пиво «жидким хлебом» называют.

— Все равно жрать охота, — вздохнул Леша, и тут же поспешно добавил: — Но держаться будем. Это я так...

...Шел десятый час вечера, смеркалось уже, когда за дверью вдруг раздался голос:

— С вами говорит Лев Львович Век. Впустите меня. Поговорить надо. В ваших же интересах.

— А вы не бойтесь, что мы и вас арестуем? Голодать придется. Жратва из «Интуриста» уже кончилась. Дружок ваш, Хамдамов, уже тощать стал, — откликнулся Тим.

— Поесть я принес. Мясные консервы и вареные яйца. Так что не опасайтесь.

— Ну, коли так, входите.

Тимур и Леша взяли дверь под прицел пистолетов, а Тахир, чуть заметно припадая на протезированную ступню, тоже с пистолетом в руке, подошел к двери, повернул ключ.

Парни не узнали своего врага. Это был какой-то другой человек. Лицо посерело и изморщилось, как печеное яблоко. Неприятные рыбы глаза в багровой окантовке блуждали, как у сумасшедшего. И без того негустые рыжеватые волосы стали совсем реденькими, с неприятной желтоватой проседью, растрепались, обна-

жив на макушке пупырчатую плешь. В руках Век держал довольно объемный сверток.

Позади Века, на некотором отдалении, маячили фигуры Бойко, Рябошапки и других хамдамовских прихлебателей. Физиономии их были измученные, взволнованные.

— Не беспокойтесь, никаких ловушек, — проговорил Век каким-то деревянным голосом. — Джентльменское соглашение. Так я войду?

— Входите.

Тахир запер за странным визитером дверь.

— Прошу прощения, но ваш дружок, Хамдамов, спит. Только что поужинал. Отведал вашего угощения. Так что не обессудьте.

— Это не моя идея, — произнес Век голосом робота. Сел в кресло возле маленького приставного столика. — В пакете еда. Консервы. Яйца. Так что можете не беспокоиться.

— Да нет уж, мы потерпим, — улыбнулся Тахир и сглотнул голодную слюну. — Зачем пожаловали?

— Пришел спасти ваши жизни.

— Вот как? Любопытно.

— Я серьезно. Те, кто с вами говорили по телефону, предлагали почетную капитуляцию... Они не знают, что я сейчас у вас. Так вот, знайте... Вас решено ликвидировать.

Вмешался Леша.

— Это кто же решил?

— Назимов, Рапо-хан, Ширинходжаев. Кабинет возьмут штурмом. Не станет вас — не станет и проблемы. Они опасаются, что история утраты моих флагов... Выплывет на свет божий. В городе уже кто-то пустил слух, будто меня ограбили.

Тим раскрыл было рот, чтобы огорошить незваного «гостя» сообщением о том, что о его бесценных флягах уже известно и в Москве, но Тахир незаметно от Века дернул друга за рукав, и тот сдержался.

— Короче, что вы предлагаете? — спросил Тахир Ульмасов.

— Берите любую половину.

— Нам уже предлагали...

— Вас обманывали.

— Мы знаем.

— А я не обманываю. Вы все равно ничего не докажете. Были уже любители острых ощущений. Слы-

шали о втором секретаре обкома партии Алимджане Алимове? Тоже попытался...

— Вы не учитываете, что нынче апрель на дворе. Прекрасный месяц.

— Последний день. Кончается ваш апрель.

— Ошибаетесь, Лев Львович, — торжествующе произнес Леша. — Этот апрель только начинается!

— Скажите, что именно заставило вас прийти к нам? — спросил Тимур.

— Не стану кривить душой, — отвечал Век голосом робота. — Жалко трудов своих. Хоть что-то сохранить!.. У каждого человека своя цель в жизни. У меня была своя.

— Звериная цель, — поправил его Леша.

— Называйте как хотите. Много грехов на моей душе. Не хочется брать еще... Вас ведь уничтожат в перестрелке. А у вас вся жизнь впереди. Что вы выгадаете, получив пулю в лоб?.. Ничего. Вы были ранены, контужены. А контузия может вызвать психические сдвиги. Объявят вас сумасшедшими. Посмертно. А флаги мои в конце концов отыщутся. Ежели не спеша, методично начать поиски...

— Вот что, Лев Львович, — произнес решительно Тахир. — Раз такое дело, мы вас, извините, тоже оставим в этом кабинете.

— Я подумал об этом, прежде чем войти. Нынешняя молодежь держит своеобразно честное слово. Рассуждает логично: честное слово мое?.. Мое. Значит, хочу — даю честное слово, хочу — беру обратно!..

— Заткнись!!! — вдруг взорвался Алеша. Он вскочил со стула бледный, как бумага, с горящими ненавистью темными глазами. Губы его дергались. — Ты... Тебе ли толковать о благородстве?! Убийца!.. Ты, ты убил моего деда, Григория Фомича Гроднича!.. Убил человека, который тебя приветил, выдвигал... Надеялся на тебя...

Век попятился. Закричал истерично:

— Нет!.. Нет, я никого не убивал!.. Нет!..

— Конечно, — с тихим бешенством прошептал Леша, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться в горло отвратительного упыря в образе человеческом. — Да, ты не пырнул моего деда ножом, не подсыпал ему яду в стакан... Ты довел его до инфаркта. Ты — убийца! Ты...

Тахир и Тим подхватили покачнувшегося друга, уса-

дили в кресло. Нервное напряжение вызвало постконтузионную вспышку.

Кое-как успокоили парня. Дали воды. Сволокли храпящего Хамдамова с дивана на пол. Уложили Лешу.

— Он вам всю правду сказал, — тихо произнес Тахир, оборотившись к поникшему Веку. — Убийца вы. И не только Гроднича...

— Вы-то зачем еще влезли в эту историю? — спросил Лев Львович. — Вы и старше их, и вообще...

— Тимур и Леша мои братья.

— Братья?

— Мы — братья-«афганцы». Кровные братья. Вам, конечно, все это, как говорится, до лампочки. А нам — нет. Сколько песен об этом братстве! «Мы роднее братьев стали под кабульской звездой!», «Я тебя целую, как брата, на кабульском чужом дворе», «И этот день я не забуду никогда, и не забудет названный мой брат...». Там, в афганских горах, родилось молодое племя братьев. Они узнают друг друга по боевым отметинам, по выражению глаз, не раз и не два видевших смерть. Наши кровные братья живут ныне для того, чтобы вы, и такие, как вы, господин Век, навсегда, наконец, исчезли из нашей жизни! В бою у Лешы и Тимура погибла девушка, Нина Климкович. Не для того она сражалась и погибла на горной дороге, чтобы вы, господин Век, и другие негодяи, пробравшиеся на важные посты... Пробравшиеся волею несчастных обстоятельств... Погибла не для того, чтобы вы угнетали наш народ!.. Наши народы!

Век стоял, прижавшись спиной к стене и разведя руки, словно приготовился к расстрелу. Он, кажется, мало что соображал. Потому что и на ядовитое «господин» не отреагировал, и на гневно-оскорбительный тон молодого ветерана. Он все плотнее, плотнее прижимался к стене и тарачил глаза, в которых появились маниакальные блики, и вдруг сполз по стене на пол, тихо захихикал, бормоча себе под нос:

— Климкович... Хи-хи... Витька Климкович!.. Витька, я ведь не хотел!.. Хи-хи-хи... Я не хочу!..

Он с неожиданной легкостью вскочил на ноги и бросился к двери.

— Пустите меня!.. Я не хочу!.. Откройте!..

— Откройте! — раздался вдруг голос из-за двери, — такой знакомый, властный баритон, чуточку севший от громких команд.

— Максим Максимыч! — вскричал Тахир и, отшвырнув Века от двери, повернул в замочной скважине ключ.

— Товарищ гвардии подполковник! — рванулся к двери Тим.

— Товарищ комбат!..

Дверь распахнулась. Но в кабинет шагнул не подполковник Энский, а незнакомый человек лет сорока, в скромном сером костюме, худощавый и узколицый. За ним вошли двое в штатском, жгучий брюнет и блондин, но почему-то очень похожие друг на друга. Они безошибочно двинулись туда, где замер Век, и молча встали слева и справа, словно в почетном карауле.

Лишь после этого человек в сереньком костюмчике негромко, но отчетливо произнес:

— Гражданин Век Лев Львович, вы арестованы, Щелкнули наручники.

— Уведите арестованного.

С трудом растолкали, разбудили сладко храпящего Хамдамова.

Только после этого в сером костюме негромко позвал:

— Заходите, подполковник.

В коридоре отец и сын едва не столкнулись. Лев Львович ахнул, остановился, как вкопанный.

— Ты?.. Твоя работа?..

— И моя, — ответил подполковник. Лицо его, изувеченное грубыми шрамами, дрогнуло. Он добавил твердо: — Об одном жалею... Слишком поздно. Маме обещал... Масштабов не ведал... За это буду держать ответ.

Отвернулся. Тяжело припадая на искалеченную ногу, направился в кабинет.

Век посмотрел ему вслед. Беззвучно пошевелил блеклыми губами.

— Здорово, орлы-«афганцы»!

— Здравжелаю, товарищ гвардии подполковник! — восторженно, по-гвардейски рывкнули Леша, Тимур и Тахир.

— Благодарю за службу.

— Служим Советскому Союзу!

Максим Максимыч обнял своих питомцев, расцеловал троекратно каждого. Повернулся к узколицему в сером костюме.

— Изловили они, все-таки, своего Джахансуза. И

даже не одного. Целую свору! А еще говорят — «ограниченный контингент»! Он же взрастил неограниченное число вот таких вот парней, с которыми ничего в жизни не страшно.

Помолчал, любуясь своими «орлами». Затем произнес буднично:

— Ну что ж, пошли отсюда, родные мои. Революция продолжается. Впереди новые рейды и сражения.

НЕОКОНЧЕННЫЙ ЭПИЛОГ

Прежде всего считаю долгом принести искренние извинения порядочным людям, по несчастному стечению обстоятельств ставшим тезками или однофамильцами резко отрицательных персонажей, обитающих в «Ограблении Века». Надеюсь, что «пострадавшие» от авторского произвола отнесутся с пониманием к этому моему заявлению, памятуя о том, что еще Гоголь сокрушался: как отрицательного героя ни назови, а у него непременно обнаружится реальный однофамилец!

Да и разве в фамилии (или имени) дело? Кроме того, роман — произведение вымышленное, персонажи его порождены авторским воображением и, следовательно, их, строго говоря, и однофамильцами-то назвать нельзя. То же самое следует сказать и относительно возможного внешнего сходства, — прошу таковое, буде оно обнаружится, полагать случайным совпадением. Лысина, например, не такое редкостное явление природы, чтобы, выявив в романе лысого негодяя, подозревать в тяжких грехах всех граждан, лишенных пышной шевелюры.

Далее. Есть основания полагать, что кое у кого финал романа вызовет неудовлетворенность. Один мой коллега, прочитав «Ограбление Века» в рукописи, сказал: «А концовку-то ты, брат, скомкал. Самое интересное похерил. Такие открывались возможности! Погони за преступниками, перестрелки, героические подвиги следственных работников!.. А ты раз, два — и готово!.. Даже досадно».

Замечание, возможно, и справедливое, однако я уже в самом начале честно предупредил: роман «Ограбление Века» лишь отчасти детективный. Читатели — я очень надеюсь — давно поняли, что сочинение это посвящено вовсе не ограблению некоего Века Льва Львовича, но более серьезной проблеме.

«Если так, — не унимался друг-критик, — то зачем вообще надо было копыя ломать? Ты что, считаешь, что описанные в романе чудовищные преступления должны повториться, и поэтому решил преподнести читателям роман-предупреждение, предостережение?»

Ничего не ответил я коллеге, затеявшему разговор.

А вот с читателями хочется поделиться некоторыми мыслями.

Не в обиду будет вам сказано, уважаемые товарищи, но и среди читателей встречаются большие оригиналы. Тому свидетельство — иные письма, публикуемые в газетах и журналах. Например, некий старший лейтенант, «очень далекий, — как он сам признается, — от школьной педагогики», и тем не менее, имеющий «дело с педагогическим браком — лицами, совершившими преступления», отчаянно тоскует по тем временам, когда людей, осмелившихся говорить правду, немедленно объявляли «врагами народа».

Не очень внятно сообщил о себе энергичный старлей, однако можно все же догадаться: он работает воспитателем в местах заключения. Но если внимательно вчитаться в его письмо, станет ясно: это не столько воспитатель, сколько уже готовый исполнитель! Он весь трепещет от ожидания команды: «Пли!»

Другой читатель элегически сообщает: в 1937 году его отца «арестовал районный начальник НКВД, и он после этого домой не возвратился. В этой моей личной трагедии я не виню И. Сталина, потому что в то время шла речь о жизни и смерти социализма...»

Вот ведь есть, оказывается, и такие читатели. И беда не в том, что они могут потребовать отдать автора «Ограбления» на перевоспитание старшему лейтенанту. Опасность в другом. Все эти защитники недавней «старинны», — притаившиеся и открыто выражающие свою неприязнь к перестройке и демократии, — представляют собой в массе изрядную группу, сила которой в дремучем невежестве. А ведь еще Маркс прозорливо предостерегал: «Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий».

Чтобы предупредить обвинения такого рода читателей в мой адрес («Клевета!», «Очернительство!», «Глумление над прекрасной действительностью!»), считаю нужным сообщить: писал я роман на материалах тех печально известных событий, которые разыгрались в

моей родной республике, да и во многих других регионах нашей страны.

„Пишу эпилог и мысленно вижу вместо своих литературных персонажей их реальных прототипов. Это и понятно. Почти каждый эпизод в романе подтверждается документально. Жизненный материал, к великому сожалению, значительно превосходит самую безудержную писательскую фантазию. Но ведь я писал, так сказать, «вымышленное» произведение и, следовательно, должен хотя бы в общих чертах подвести итоги романного повествования.

Тот, кто в романе обозначен Анваром Назимовым (как и его прототип) застрелился. А вот Ахмаджан Хамдамов и за решеткой не утхомирился — угрожает расправой другим арестованным, давшим против него показания, и пытался даже подкупить следователей миллионной взяткой!

После ареста негодяя, выведенного в романе под именем Одилбай Парпнев (Рапо-хан), людская молва разнесла слух, будто он пытался со своей «армией» бежать в горы, и что для захвата его бандгруппы в горы был выброшен вертолетный десант. Это фантазия, порожденная остаточным трепетом перед всемогуществом преступника. В действительности «хан» с партбилетом в кармане, деспот с депутатским значком, наводивший ужас на тысячи подчиненных ему людей, оказался жалким трусом. Взяли его без хлопот.

Почти все отрицательные персонажи романа (и их прототипы) ныне за решеткой.

Я не случайно написал — почти все виновные наказаны. Антисемишиников (писатель и критик Октавиан Гордиев), воплотивший в себе несколько реальных деятелей от литературы, жив, здоров и на свободе, поскольку у нас подхалимаж, угодничество и лизоблюдство даже в корыстных целях уголовному наказанию не подлежат.

Взрослые сыновья и дочери преступников, конечно же, остро пережили катастрофу, постигшую их папаш. Но ведь молодость есть молодость. К тому же кое-что из награбленного уцелело. Жить можно. Старший сын Назимова, например, по-прежнему возглавляет какое-то хитрое НИИ. Бабур Хамдамов по окончании юридического института нацелился стать прокурором. Остальные отпрыски резко отрицательных персонажей тоже в общем на жизнь не жалуются.

А вот облпрокурор Ширинходжаев и вовсе сумел избежать наказания. Его, разумеется, выбросили из прокурорского кресла и из партии. Однако на этом все и закончилось. Взятки — дело тонкое, прямых улик не нашлось, а показания двух-трех «подельцев» он объявил оговором.

Несколько слов о Л. Л. Веке. Он приговорен к длительному сроку пребывания в таежных дебрях и вряд ли выйдет на свободу в живом виде. По ночам его частенько посещает покойный Гроднич, и тогда Лев Львович с дикими воплями пробуждается.

Что еще? Да! Новый председатель «Рассвета», можно сказать — наисвежайший раис... попался на скрытых посевах! Масштабы, разумеется, не рапохановские, но все же около десяти процентов пытался зарезервировать для повышения урожайности хлопчатника. И не он один оказался твердолобым консерватором. В Якшичулье пойманы с поличным еще несколько председателей из «новой волны» очковтирателей.

Как видите, уважаемые читатели, рано ставить точку на событиях, описанных в романе.

Еще немало осталось притаившихся потенциальных взяточников, лихоимцев, показушников и очковтирателей. Сколько подхалимов, льстецов, лихорадочно ищущих новые формы своей «деятельности»! И появились уже изощренные мастера, ухитряющиеся под благородным знаменем Демократии и Перестройки расправляться с неугодными им честными людьми!

Читаешь газеты, смотришь телепередачи — и иной раз не по себе делается. Но я всякий раз отгоняю мрачные мысли и вспоминаю моих славных героев — Тимура, Лешу, Тахира и так рано ушедшую из жизни Нину Климович. Перед моим мысленным взором бесконечной вереницей проходят их прототипы — воины-интернационалисты, наши героические «афганцы».

Волею драматических обстоятельств в стране народилось новое поколение закаленных в боях большевиков. Да, я не оговорился, — новое поколение большевиков. Прекрасное слово это, вытравленное зачем-то (не от избытка ума!) из словарного обихода, точно характеризует воинов-интернационалистов, хотя многие из них не состоят в партии. Там, с заоблачных афганских горных вершин, совсем еще юным паренькам были гораздо лучше видны и все то хорошее, чем мы гордимся, и те гнусности, омрачающие нашу жизнь, к кото-

рым, увы, многие люди в горячке повседневности как-то пригляделись, смирились, что ли?! Но горячо любимые мною «афганцы» — я уверен! — не смирятся. Над телами павших в боях товарищей они не произносили выпренных речей, — они внутренне укреплялись духом и проникались ненавистью к людской нечисти, своим существованием оскорбляющей наши идеалы.

Честь и хвала рыцарям революции, гражданской войны и первых пятилеток, героям Великой Отечественной и послевоенных свершений. Однако неумолимо время. Великую эстафету принимает новое, совсем уже молодое поколение.

И я подумал: «Дело, за которое сражались отцы и деды этих богатырей, в надежных руках. Вольются славные «афганцы» в мирную жизнь. Сплотятся вокруг них другие молодые силы. Да и мы, старшее поколение, так сказать, ветераны войны, труда, — и вообще — ветераны жизни, тоже еще поборемся за окончательное торжество перестройки и демократии. Нам, ветеранам, увы, времени осталось маловато. Но оно все-таки есть, и грех будет его даром тратить. Мы еще поборемся. Есть еще порох в пороховницах!»

А сейчас, заканчивая эпилог, так и недописанный по независящим от меня обстоятельствам, я обращаюсь к юношам, давшим литературную жизнь Алексею, Тимуру и Тахиру, ко всем молодым патриотам:

— Дорогие мои! Мы, люди старших поколений, отдадим все силы перестройке. Но мы и на вас очень, очень надеемся. Помните, всегда помните слова подполковника Максима Максимовича Энского:

— Революция продолжается!

1983—1987
Ташкент — Дурмень

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРИГОРИЯ ФОМИЧА

Преступление на улице Канта	4
Вместо некролога	17
Образец благоразумия	32
«Светлая голова»	48
«Инкубатор гениев»	64
Несколько лет спустя	77
Одилбай и Шербек	92
Реквием	112

ПОВЕСТЬ ВТОРАЯ

«В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ...»

«Поздний ребенок»	140
«Анабасис» антигероя	159
«Золотая лихорадка»	179
«Золотая лихорадка» (окончание)	197
Раздумья над написанным	215
Эпидемия пожаров	231
Беспокойная триада	249
Трое строптивых	267
«И пусть у гробового входа...»	283
Заговор несовершеннолетних	302

ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

КОЕ-ЧТО О «НЕИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЕ»

От повествователя	332
«Максимовский гвардейский»	334
Охота на «Джелансуза»	348
Солдатские посиделки	365
Месяц у «Святого Лазаря»	381
Снова втроем	395
«Войну видали только мы в кино...»	409
«Я в вас верю, мальчики!..»	433

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

DEUS EX MACHINA

От повествователя	456
Наедине с собой	458
Наедине с собой (окончание)	480
Операция «Нина»	501
Двойное ограбление	526
Преступники... преследуют!	548
Крах или «Happy end»	572

НЕОКОНЧЕННЫЙ ЭПИЛОГ	586
-------------------------------	-----

Литературно-художественное издание

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ СИДЕЛЬНИКОВ

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

Роман-памфлет

Редактор Н. Стрижков

Художник К. Ишин

Художественный редактор А. Кива

Технический редактор Э. Саидов

Корректор Л. Кумехова

ИБ 3984

Сдано в набор 29.12.88. Подписано в печать 08.08.89. Р-08882. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 31,08. Усл. кр.-отт. 31,5. Уч.-изд. л. 32,38. Тираж 120 000. Заказ № 2297. Цена 2 р. Договор № 47-86.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129. Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии изд-ва «Таврида» Крымского обкома КП Украины. 333700, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

Отпечатано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК Компартии Узбекистана, ГСП, Ташкент, ул. Газеты «Правда», 41.

Тираж изготовлен в ГП ТППО «Матбуот» Государственного комитета по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 700129. Ташкент, ул. Навои, 30.

2p.

